

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК

МИРОВАЯ КЛАССИКА ПОСТАПОКАЛИПТИКИ

Иллюстрации Ивана Иванова

ФЕНИКС

Последний человек: мировая классика постапокалиптики

Грааль Арельский, Джек Лондон, Герберт Джордж Уэллс, Симон Федорович Бельский, Валерий Яковлевич Брюсов

Аннотация
Последний человек: мировая классика постапокалиптики
Джек Лондон
Алая чума
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Герберт Джордж Уэллс
Машина времени
1. Изобретатель
2. Машина времени
3. Путешественник по Времени возвращается
4. Путешествие по Времени

5. В золотом веке
6. Закат человечества
7. Внезапный удар
8. Все становится ясным
9. Морлоки
10. Когда настала ночь
11. Зеленый дворец
12. Во мраке
13. Ловушка Белого Сфинкса
14. Новые видения
15. Возвращение путешественника по Времени
16. Когда история была рассказана
Эпилог
Война в воздухе
Глава I. О прогрессе и семье Смоллуэйсов
Глава II. Как Берт попал в затруднительное положение
Глава III. Шар
Глава IV. Германский воздушный флот
Глава V. Сражение в Атлантическом океане
Глава VI. Война в Нью-Йорке
Глава VII. «Фазерлэнд» выведен из строя
Глава VIII. Мировая война
Глава IX. На Козьем острове
Глава X. Мир во время войны

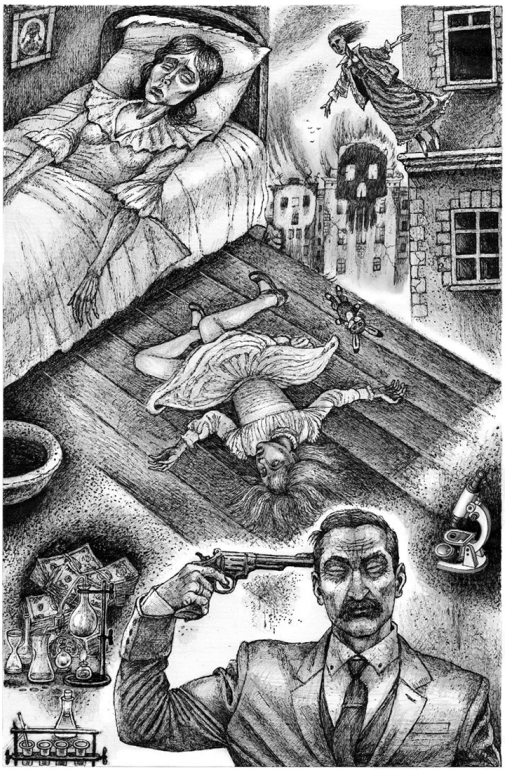
Глава XI. Великое разрушение
Эпилог
Грааль Арельский. (Стефан Стефанович Петров)
Повести о Марсе
Обсерватория профессора Дагина
Два мира
I. Экстренное совещание у доктора Ни-Асту-Сол
2. Кри-Острый Зуб встречает «божество гор»
3. Ни-Сол создает новую религию
4. Смерть Обинпуру
5. Экспедиция отправляется на розыски
6. В доисторическом лесу
7. Разговор пришедших «богов»
К новому солнцу
1. Заседание совета Межпласо. Доклад Ро-па-ге. Решение должно быть немедленно приведено в исполнение!
2. Организатор Общества «Солнечный двигатель» и его дочь
3. Рабы машин. Песня о солнце
4. В театре. Магир и Арри у круглого озера
5. Магир и Ме-та. Тайна Маиты
6. Арри. Снова в лаборатории
7. Multum novi sub sole (много нового под солнцем)

8. Новый мир рождается
Симон Бельский
Под кометой
Глава I. Под кометой
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Валерий Брюсов
Восстание машин
I
II
Республика Южного Креста
Статья в специальном выпуске «Северо-Европейского Вечернего Вестника»
Последние мученики
Предисловие
I
II
III
IV

Аннотация

Самый необычный жанр фантастики – постапокалиптика. Каким будет человечество, пережившее конец света? Во что превратится планета? Чего ждать от природы? Эти вопросы издавна тревожат писателей-фантастов всего мира. В нашем сборнике вы найдете самые интересные произведения, которые перенесут вас в другое время и живописуют ужасы постапокалиптического мира. Каким стал бы наш мир при ядерной катастрофе, восстании машин, падении кометы? Как может измениться мир после глобальной катастрофы и какими будут люди постапокалипсиса? Некоторые произведения сборника являются настоящей редкостью, читатель скорее всего впервые откроет их для себя.

Последний человек: мировая классика постапокалиптики



Джек Лондон

Алая чума

Глава первая

Дорога вела вдоль насыпи проложенной тут когда-то железной дороги. Но уже много лет ни один поезд здесь не проходил. Лес возвышался по обеим сторонам насыпи, перекидываясь через нее зелеными волнами деревьев и кустарника.

Тропинка была так узка, что пробраться по ней мог лишь человек или дикое животное. Кое-где кусок заржавленного железа торчал из земли, свидетельствуя о том, что рельсы и шпалы еще сохранились. В одном месте десятидюймовое дерево, прорвавшись на месте скрепа, приподняло кусок рельса. Шпала, скрепленная с рельсом костылем, тоже приподнялась; ее ложе было наполнено песком и гнилыми листьями, и теперь гниющий кусок дерева странно торчал. Какой бы древней ни была эта дорога, было очевидно, что она — одноколейка. Старик и мальчик шли по этой дороге. Они двигались медленно, так как старик был очень стар и шел, тяжело опираясь на палку. Грубая, плотно надвинутая шапка из козьей кожи защищала его голову от солнца, а короткие грязно-белые волосы космами падали на шею. Он смотрел себе под ноги, на тропинку, из-под козырька, замысловато сделанного из большого листа. Его седая борода, такая же грязная, как и волосы, спускалась до самого пояса — всклокоченная и запутанная. На плечах висела простая грязная козья шкура. Его руки, морщинистые и высохшие, и множество рубцов и шрамов говорили о преклонном возрасте и пережитой борьбе со стихией.

Мальчик, шедший впереди, сдерживал порывистость своих движений, чтобы приноровиться к медленной походке старика. На нем также был обтрепанный кусок медвежьей шкуры с отверстием посередине для одевания. Было ему не более двенадцати лет. За ухом у него кокетливо торчал свиной хвост, по-видимому, недавно добытый. В одной руке он нес небольшой лук со стрелой, а за спиной висел колчан со стрелами. Из ножен, болтавшихся у него на шее, высовывалась изогнутая рукоятка охотничьего ножа. Мальчик был очень смугл и шел мягким, почти кошачьим шагом. Контрастом с его загорелым лицом были его глаза — голубые, вернее, темно-голубые, но острые и сверлящие, как два бурава. Казалось, они проникают всюду на этой дороге — такой обычной. При ходьбе он нюхал воздух подвижными, трепещущими ноздрями, непрерывно передающими мозгу вести из внешнего мира. Так же как и обоняние, был развит его слух, действовавший совершенно автоматически. Без сознательного усилия он слышал самые слабые звуки в этой ясной тишине — слышал и распознавал их, будь это легкий шум ветра в листве, жужжание пчелы и комара или отдаленное ворчание моря, убаюкивавшее его.

Внезапно он напряженно прислушался. Обоняние, зрение и слух одновременно предостерегли его. Его рука осторожно коснулась старика, и оба тотчас же остановились. Впереди с другой стороны насыпи послышался хруст, и взгляд мальчика приковался к колеблющимся кустам. Вслед за этим большой серый медведь, гризли, появился на дороге и круто остановился при виде людей. Он не любил их и брезгливо зарычал. Медленно вставил мальчик стрелу в лук и, не спуская глаз с медведя, медленно натянул тетиву. Старик, стоя так же спокойно, смотрел на опасность из-под своего козырька. Несколько секунд продолжалось обоюдное исследование; потом медведь выказал возрастающее раздражение, и мальчик движением головы дал знак старику отойти от тропинки. Он следовал за стариком, держа наготове лук и стрелу. Они подождали, пока хруст в кустах не убедил их, что медведь ушел. Мальчик засмеялся и повернул обратно на тропинку.

— Большой медведь, Грэнсэр[1], — хихикнул он.

Старик покачал головой.

— Их становится все больше и больше с каждым днем, — пожаловался он тонким голосом. — Кто

---

1 notes: 1

Granser — испорченное *Gransir* — предок, старик. (Здесь и далее по тексту — прим. переводчика.)

бы подумал, что я увижу времена, когда человеческая жизнь будет в опасности по дороге к Высокому Дому. Когда я был мальчиком, Эдвин, мужчины, женщины и маленькие дети приходили сюда в хорошую погоду из Сан-Франциско десятками тысяч. И здесь не было ни одного медведя. Ни одного! Люди платили деньги, чтобы посмотреть на них в клетках, — так они были редки.

— Что такое деньги, Грэнсэр?

Прежде чем старик ответил, мальчик вспомнил и с торжеством вытащил из кармана в медвежьей шкуре потертый, тусклый серебряный доллар. Глаза старика заблестели, когда он поднес монету к своим глазам.

— Я не вижу, — пробормотал он, — посмотри и, если можешь, скажи-ка число, Эдвин.

Мальчик засмеялся.

— Ты такой старый, Грэнсэр, — воскликнул он с восторгом, — а всегда веришь, что эти значки что-то означают!

Старик был раздосадован и поднес монету ближе к глазам.

— Две тысячи двенадцатый, — воскликнул он и быстро забормотал: — Это тот самый год, когда Совет магнатов назначил Моргана Пятого

президентом Соединенных Штатов. Монета эта, вероятно, последней чеканки. Ведь Алая смерть пришла в две тысячи тринадцатом году! Боже! Боже! Подумать только. Шестьдесят лет назад было все это, и я единственный человек, живший в те времена. Где ты нашел ее, Эдвин?

Мальчик, с любопытством слушавший болтовню слабоумного старика, живо ответил:

— Я взял ее у Хоу-Хоу. Он нашел ее, когда пас коз прошлой весной возле Сан-Джозе. Хоу-Хоу сказал — это деньги. Ты не голоден, Грэнсэр?

Старик поднял палку, упавшую в канаву, и торопливо заковылял по тропинке. Его старые глаза жадно блестели.

— Я думаю, Заячья Губа нашел парочку крабов, — бормотал он. — Это хорошая еда — крабы, особенно если у вас нет зубов, а ваши внуки, любящие своего деда, стараются поймать их для вас. Когда я был мальчиком…

Но Эдвин внезапно остановился, натянув тетиву с приготовленной стрелой. Он стоял у самого края расщелины, образованной подземным потоком, промывшим здесь себе выход. По другую сторону виднелся обвитый вьющимся виноградом кусок ржавого рельса. Вдали, притаившись за кустом, выглядывал дрожащий от страха кролик.

Расстояние было не меньше пятидесяти футов, но стрела летела наверняка, и пронзенный кролик, крича от испуга и боли, быстро скользнул в кусты. Мальчик просиял и, перепрыгнув расщелину, помчался к добыче. Напряжение его мышц нашло себе выход в быстрых и ловких движениях. Далеко в чаще кустов он схватил раненое животное и, отрубив ему голову на подходящем пне, вернулся к Грэнсэру.

— Кролик хорош, очень хорош, — бормотал старик, — но что касается тонких блюд, я предпочитаю краба. Когда я был мальчиком…

— И чего ты всегда несешь такую чушь! — нетерпеливо перебил Эдвин дальнейшую болтовню.

Он произносил эти слова неправильно, эта неправильность сказывалась в гортанном порывистом говоре и упрощении фраз. Его говор напоминал немного говор старика, и последующий разговор шел на искаженном английском языке.

— Я хочу знать, — продолжал Эдвин, — почему вы называете краба «тонкое блюдо». Краб есть краб, не так ли? Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь называл его так забавно.

Старик вздохнул, но ничего не ответил, и они

шли в полном молчании. Прибой стал внезапно громче при выходе из леса на песчаные дюны, окаймлявшие море. Несколько коз щипали траву на песчаных холмиках под присмотром мальчика в козьей шкуре и собаки, напоминавшей шотландскую овчарку. Смешиваясь с гулом прибоя, слышался непрерывный лай или рев, несшийся из-за кучи разбитых камней за сотню ярдов от берега. Это огромные нерпы дрались и воевали друг с другом за место на солнце. Невдалеке поднимался дым от костра, разведенного третьим мальчиком. Возле него сидело несколько волкодавов, точно таких же, как собака, охраняющая стадо.

Старик ускорил шаги и, сильно пыхтя, подошел к огню.

— Ракушки! — бормотал он в восторге. — Ракушки! А разве это не краб? Мой, мой! Вы, мальчики, так добры к своему старому деду.

Хоу-Хоу был приблизительно одного возраста с Эдвином; он осклабился.

— Бери сколько хочешь, Грэнсэр. Я поймал четырех.

Нетерпение параличного старика было достойно жалости. Быстро опустившись на песок, насколько позволяло ему его онемевшее тело, он

схватил большую раковину прямо с углей. В огне скорлупа отпала, и ее мясо цвета лосося было совершенно готово. С дрожащей поспешностью он схватил кусок и сунул его в рот. Но кусок был горяч, и он с той же поспешностью выплюнул его. Старик кашлял от боли, и слезы текли по его щекам.

Но мальчики, как истые дикари, обладали жестоким юмором варваров. Они принялись громко смеяться, находя это зрелище весьма забавным. Хоу-Хоу стал танцевать вокруг костра, а Эдвин катался по земле от удовольствия. И мальчик, пасший коз, прибежал присоединиться к их веселью.

— Остуди их, Эдвин, остуди их, — умолял огорченный старик, не пытаясь вытереть слез, бежавших по его щекам. — И краба тоже, Эдвин. Ведь вы знаете, что ваш дед любит крабов.

Из огня послышалось шипение от лопнувших раковин, выпустивших свой сок. Это были большие ракообразные рыбы, от трех до шести дюймов в длину. Мальчики вытащили их палками из углей и положили остудить на большие куски дерева.

— Когда я был мальчиком, мы никогда не смеялись над старшими; мы уважали их, — сказал

Грэнсэр.

Мальчики не обратили внимания на это замечание, и Грэнсэр продолжал изливать потоки жалоб, выражая свое недовольство. Но на этот раз он был осторожней и не обжег себе рта. Все принялись за еду, хватая куски руками, громко чавкая и сопя. Третий мальчик — Заячья Губа — насыпал горсть песка в раковину, которую ел старик; и когда песок захрустел между его десен, снова поднялся громкий смех. Не подозревая, что с ним сыграли шутку, он кашлял и плевался до тех пор, пока Эдвин, сжалившись, не принес ему в тыкве воды прополоскать рот.

— Где же крабы, Хоу-Хоу? — спросил Эдвин. — Теперь Грэнсэр хочет закуски.

Глаза старика снова жадно блеснули, когда он получил большого краба. Это была целая скорлупа, но все мясо было вынуто. Трясущимися руками, дрожа от предвкушения наслаждения, старик отломил ногу краба и нашел ее совершенно пустой.

— А где же крабы, Хоу-Хоу? — захныкал он. — Где же они?

— Я пошутил, Грэнсэр. Это не крабы. Я не нашел ни одного.

Мальчики были в восторге, видя разочарова-

ние старика и слезы, капающие из его глаз. Потом незаметно Хоу-Хоу положил в пустую скорлупу только что испеченного краба. Над мясом поднималось маленькое ароматное облачко пара. Это заставило старика принюхаться, и он заглянул внутрь скорлупы. Переход от горя к радости был мгновенен. Он сопел, пыхтел и ворчал от восторга, принимаясь за еду. Для мальчиков это было привычное зрелище, так же как невнятные восклицания, которых они не понимали.

— Майонез! Подумайте только — майонез! Шестьдесят лет прошло с тех пор, как был сделан последний! Два поколения — и нет даже помину о нем. А в те дни в каждом ресторане можно было получить краба.

Пресытившись, он вздохнул и, вытерев руки о свои голые колени, стал смотреть на море. Утолив голод, он предался воспоминаниям:

— Подумать только! Я видел этот берег, весь усеянный мужчинами, женщинами и детьми в ясное воскресное утро. Тогда ни один медведь не угрожал. А здесь, на холме, был большой ресторан, где вы могли получить все, что душе угодно. Четыре миллиона людей жили тогда в Сан-Франциско. А теперь-то во всей области нет и сорока человек. А сколько пароходов приходило

и уходило через Золотые Ворота! А воздушные корабли — дирижабли и аэропланы! Делали они по двести миль в час. Это был тот минимум, который требовался по договорам с компаниями Нью-Йорка и Сан-Франциско. Был здесь один парень, француз, — я забываю его имя, — который едва не достиг трехсот. Дело было рискованное, очень рискованное для предусмотрительных людей, но он был на верном пути и добился бы своего, если бы не Великая чума. Когда я был мальчиком, жили люди, помнившие появление первых аэропланов. Но шестьдесят лет назад мне пришлось увидеть последний.

Старик продолжал разглагольствовать, не замечаемый мальчиками; они давно привыкли к его болтовне, и в их лексиконе недоставало многих слов, употребляемых им. Было заметно, что в его странных речах как будто возрождается старый английский язык. Когда же он обращался к мальчикам, его речь становилась снова неуклюжей и простой.

— Но в те времена не было столько крабов, — продолжал старик. — Они считались деликатесами, и их сезон продолжался не больше месяца. А теперь крабы доступны круглый год. Подумать только — ловить сколько угодно крабов в

какое угодно время на берегу Высокого Дома!

Внезапное смятение среди коз подняло мальчиков на ноги. Собаки, лежавшие у огня, бросились на помощь своему товарищу, охраняющему стадо, а козы сбились в кучу под защиту человека. С полдюжины волков, худых и серых, бродили вокруг песчаных холмиков, скаля зубы на ощетинившихся собак. Пущенная Эдвином стрела упала слишком близко. Заячья Губа пращой, подобной праще Давида в его единоборстве с Голиафом, бросил камень, просвистевший в воздухе. Он упал в стаю волков, и они скрылись в темной чаще эвкалиптового леса. Мальчики рассмеялись и снова улеглись на песок, в то время как Грэнсэр тяжело вздыхал. Он поел слишком сытно и продолжал бормотать.

— Преходящие мысли исчезают, словно пена, — процитировал он. — Да, все это пена и все бренно. Вся человеческая работа на земле тоже не что иное, как пена. Человек приручил животных, истребил хищников и очистил землю от диких растений. Но он исчез, и первобытная жизнь вернулась снова, сметая всю работу человека: леса заглушили его поля, хищники напали на его стада, и теперь волки рыщут на берегу Высокого Дома. — Он был в ужасе от этой мысли. — Там, где

четыре миллиона людей жили счастливые, ныне бродят дикие волки, и наше одичавшее потомство защищается доисторическим оружием от своих свирепых врагов. Подумать только! И все это — Алая смерть.

Эти последние слова привлекли внимание Заячьей Губы.

— Он всегда так говорит, — обратился он к Эдвину. — Что такое алый?

— Алость клена потрясает меня, словно звук охотничьего рога, — снова процитировал старик.

— Это все равно что красный, — ответил Эдвин. — Ты не знаешь этого потому, что происходишь из рода Шоферов. Они никогда ничего не знали. Никто из них. Алый и есть красный — я знаю это.

— Но красный есть красный, не правда ли? — проворчал Заячья Губа. — Что тут хорошего называть петуха алым?.. Грэнсэр, почему ты всегда говоришь слова, которых никто не понимает? — спросил он. — Алый ничего не значит, а красный есть красный. Почему же ты не говоришь «красный»?

— Красный — это не совсем верно, — был ответ. — Чума была алой. Все лицо и тело стано-

вились алыми в течение одного часа. Разве я не знаю? Разве я недостаточно видел все это? И я говорю вам, что она была алой, потому что — да, потому что она была алой. Другого слова нет для нее.

— Красное для меня достаточно хорошо, — настойчиво проворчал Заячья Губа. — Мой отец называет красное красным, а он-то кое-что знает. Он говорит, что все умерли от Красной смерти.

— Твой отец простой человек и произошел от простого человека, — горячо возразил Грэнсэр. — Разве я не знаю, от кого Шоферы произошли? Твой дед был шофером, без образования. Он работал на других. Но твоя бабушка была хорошего происхождения, только дети пошли не в нее. Разве я не помню, когда я встретил их ловящими рыбу у Темескальского озера?

— Что такое образование? — спросил Эдвин.

— Называть красное алым, — усмехнулся Заячья Губа и снова стал нападать на Грэнсэра. — Мой отец говорил мне — а он слышал от своего отца, — что твоя жена была Санта-Розана. Он говорил — перед Красной смертью она была кухаркой, хотя я не знаю, что такое кухарка. Скажи-ка мне, Эдвин.

Но Эдвин в недоумении покачал головой.

— Да, верно, она была прислугой, — признал Грэнсэр, — но она была хорошая женщина; твоя мать была ее дочерью, Заячья Губа. После чумы осталось очень мало женщин, и я мог взять в жены только ее, хотя она и была кухаркой, как называет ее твой отец. Но нехорошо так говорить о своих предках.

— Отец говорит, что жена первого Шофера была леди.

— Что такое леди? — спросил Хоу-Хоу.

— Леди — жена Шофера, — был быстрый ответ Заячьей Губы.

— Первого Шофера звали Биллом; он был простой парень, как я говорил вам раньше, — объяснял старик, — но его жена была леди — настоящая леди. До Алой смерти она была женой Ван-Вардена, председателя Совета промышленных магнатов; он был один из дюжины управлявших Америкой. Он был миллионер, восемьсот миллионов долларов таких вот монет, как в твоем кармане, Эдвин. Но пришла Алая смерть, и его жена стала женою Билла, первого Шофера. Он ее бил. Я сам видел это.

Хоу-Хоу, лежа на животе, лениво роясь в песке, вдруг вскрикнул и, осмотрев ноготь, а затем ямку, которую он вырыл, стал быстро разрывать

землю. Оба мальчика присоединились к нему и начали копать вместе с ним, пока не обнажились три скелета. Два казались взрослыми, а третий — подростком. Старик тоже подполз посмотреть на находку.

— Жертвы чумы, — проговорил он. — Последние дни они умирали повсюду. Это, вероятно, целая семья, бежавшая от заразы и погибшая здесь, на берегу Высокого Дома. Они… Что ты делаешь?

Этот вопрос был в ужасе задан Эдвину, который, вытащив охотничий нож, принялся выламывать зубы в одном черепе.

— Нанижу их, — был ответ.

Трое мальчиков принялись с шумом за дело, в то время как Грэнсэр разговаривал сам с собой:

— Вы настоящие дикари. Вот уж появился обычай носить человеческие зубы. В следующем поколении вы просверлите себе носы и уши и будете носить украшения из кожи и костей. Я знаю. Человечество обречено опускаться все глубже и глубже в первобытную тьму и снова начать свою кровавую погоню за цивилизацией. Когда мы размножимся так, что нам станет тесно, мы начнем убивать друг друга. А потом, я думаю, вы будете носить вокруг талии человеческие скальпы так

же просто, как ты, Эдвин, самый благоразумный из моих внуков, вот эту цепочку. Брось ее.

— Какой шум поднимает этот старый гусак, — заметил Заячья Губа, вытащив все зубы и принимаясь за дележ.

Мальчики были очень быстры и резки в своих движениях и в моменты горячего спора при дележе обменивались фразами, походившими на рычание. Они перебрасывались короткими односложными восклицаниями, и их разговор был сплошной тарабарщиной. Были намеки на грамматические конструкции, свойственные более высокой культуре. Даже речь Грэнсэра была настолько искажена, что, если бы ее привести в точности, она была бы непонятна читателю. Но таким языком он говорил с мальчиками. Когда же он болтал сам с собой, его говор постепенно превращался в чистую английскую речь. Фразы становились длинней, ритмичней и даже — литературными.

— Расскажи нам о Красной смерти, Грэнсэр, — попросил Заячья Губа, когда дележ зубов окончился.

— Алой смерти, — поправил Эдвин.

— Только не рассказывай нам так смешно, — продолжал Заячья Губа. — Рассказывай понятно,

Грэнсэр, как умеют рассказывать Санта-Розана. Другие Санта-Розана не говорят так, как ты.

Глава вторая

Старик был доволен этим предложением. Он прочистил горло и начал:

— Двадцать или тридцать лет назад мой рассказ был в большом почете. Но теперь никто не интересуется…

— Опять начинается! — горячо воскликнул Заячья Губа. — Пропускай ерунду и говори понятно. Что такое интересуется? Ты говоришь как ребенок, который не знает, что говорит.

— Оставь его в покое, — сказал Эдвин, — или он опять взбеленится и не захочет рассказывать. Можно пропускать ерунду и слушать только то, что нам понятно.

— Продолжай, Грэнсэр, — поощрил Хоу-Хоу.

Старик снова начал ворчать о неуважении к старшим и возврате от высшей культуры к былой жестокости дикарей. Рассказ начался.

— В те дни было много народу на свете; в одном Сан-Франциско — четыре миллиона.

— Что такое миллион? — перебил Эдвин.

Грэнсэр посмотрел на него с сожалением:

— Я знаю, вы можете считать только до десяти, но я объясню вам. Протяните ваши руки. На обеих руках у тебя десять пальцев. Хорошо. Я беру эту горсточку песку — держи ее, Хоу-Хоу, — он насыпал песок мальчику на ладонь и продолжал: — Теперь эти крупинки песка лежат против пальцев Эдвина. Я прибавлю другую горсть. Это еще десять пальцев. Я прибавлю еще, еще и еще, пока не станет столько горстей, сколько у Эдвина пальцев. Это составляет одну сотню. Запомните это слово — одна сотня. Теперь я кладу этот голыш на руку Заячьей Губы. Он лежит перед десятью горстями песка, или десятью десятками пальцев, или перед сотней пальцев. Я кладу десять голышей; это составляет тысячу пальцев. Я беру раковину, она лежит перед десятью голышами, или сотней горстей песку, или тысячью пальцев... — И так, с большим трудом и не уставая повторять одно и то же, он старался дать им примитивное представление о числах. По мере того как числа росли, он собирал разные предметы и клал их на руки. Для символизирования очень больших чисел он взял кусочек дерева; и наконец для миллиона были взяты зубы скелетов, а для миллиарда — скорлупа крабов. Но здесь он остановился, так как мальчики стали

выказывать утомление.

— Итак, в Сан-Франциско четыре миллиона людей — четыре зуба.

Глаза мальчиков перебегали с предмета на предмет и с ладони на ладонь, с камешков на песок и на пальцы Эдвина, силясь представить себе непостижимые числа.

— Это было целое сборище людей, Грэнсэр? — спросил наконец Эдвин.

— Как песок здесь, на берегу, как вот этот песок, каждая крупинка песка — мужчина, женщина или ребенок. Да, мальчики, все эти люди жили как раз здесь, в Сан-Франциско. Иногда весь этот народ приходил сюда, на берег, — больше людей, чем здесь крупинок песка. Больше, больше, больше! А Сан-Франциско был прекрасный город. И возле залива — где мы жили в прошлом году — было еще больше людей. С самого Ричмонда — равнины и холмы, вся дорога вокруг Сан-Леандро — один большой город с семью миллионами населения. Вы понимаете, семь зубов — вот это семь миллионов.

Снова глаза мальчиков скользнули от пальцев Эдвина к зубам на бревне.

— Весь мир был населен людьми. Перепись две тысячи десятого года показала восемь мил-

лиардов человек — восемь скорлуп, да, восемь миллиардов. Человек знал тогда больше о добывании пищи. Это было не так, как сейчас. И пищи было больше, и народу. В тысяча восьмисотом году в одной Европе жило сто семьдесят миллионов. Сто лет спустя — горсть песку, Хоу-Хоу, — сто лет спустя, в тысяча девятисотом, было уже пятьсот миллионов — пять горстей песка и этот один зуб, Хоу-Хоу. Это доказывает, как легко было добывать себе пищу и как люди быстро размножались. А в двухтысячном году в Европе было пятнадцать миллионов людей. И так же было во всем остальном мире. Восемь скорлуп — восемь миллиардов человек — жили на земле, когда пришла Алая смерть.

Я был молодым человеком, когда началась чума, — мне было двадцать семь лет; и я жил на другой стороне залива Сан-Франциско, в Беркли. Ты помнишь, Эдвин, большие каменные дома при спуске с холмов из Контра-Коста? Вот я жил в таких каменных домах, в больших каменных домах. Я был профессором английской литературы.

Многое из всего этого было мальчикам недоступно, но они старались хоть смутно понять этот рассказ о прошлом.

— Для чего были эти дома? — спросил Заячья

Губа.

— Ты помнишь, как твой отец учил тебя плавать? — Мальчик кивнул головой. — Хорошо, в Калифорнийском университете — так назывались наши дома — мы учили юношей и девушек думать (точь-в-точь как я показывал вам песком, голышами и раковинами, сколько человек жило в те дни). Молодые люди, которых мы учили, назывались студентами. У нас были большие комнаты, где мы занимались. Я говорил им — сорока или пятидесяти студентам сразу — то, что я объясняю вам сейчас. Рассказывал им о книгах, написанных другими людьми еще до того, как они появились на свет, или при их жизни.

— Это все, что вы делали, — только говорили, говорили и говорили? — спросил Хоу-Хоу. — А кто охотился для вас, доил коз и ловил рыбу?

— Разумный вопрос, Хоу-Хоу, разумный вопрос. Как я уже вам сказал, в те дни добывать пищу было очень легко. Мы были очень умны. Несколько человек добывало пищу для многих людей. А остальные занимались другими делами. Я говорил все время, и за это я получал пищу — много чудесной пищи, какую я не пробовал шестьдесят лет и уже никогда мне не придется попробовать. Иногда я думаю, что самым прекрасным произ-

ведением нашей цивилизации была пища — ее невероятное изобилие, бесконечное разнообразие и удивительная тонкость. О, мои внуки, вот это была жизнь в те дни, когда мы имели такие замечательные вещи для еды.

Это было уже недоступно мальчикам, и все, что он ни говорил, принималось ими за старческий бред.

— Те, кто нам доставлял пищу, назывались «свободными людьми». Но эта была шутка. Нам, правящему классу, принадлежала вся земля, все машины, фабрики — все. А они были наши рабы. Мы забирали все добытое ими, оставляя им только немного — для того, чтобы они могли работать и доставлять нам еще больше продуктов.

— Я пошел бы в лес и там добывал для себя пищу, — заявил Заячья Губа, — и если бы кто-нибудь захотел отнять ее у меня, я бы убил его.

Старик засмеялся:

— Разве я не говорил, что нам, господствующему классу, принадлежали все земли, леса и все-все? Того, кто не захотел бы доставлять нам пищу, мы наказали бы или обрекли на смерть. И очень немного находилось таких смельчаков. Остальные предпочитали работать на нас и доставлять нам тысячи — одна раковина, Хоу-

Хоу, — тысячи удовольствий и наслаждений. В те дни я был профессором Смитом — профессор Джемс Говард Смит. Я был очень популярен тогда, то есть молодые люди любили слушать меня, когда я рассказывал им о книгах, написанных другими людьми.

Я был очень счастлив и мог есть разные замечательные вещи. А мои руки были мягки и нежны, потому что я никогда ими не работал. Я одевался в тончайшую одежду и всегда был чист, — он с отвращением посмотрел на свою грязную козью шкуру. — Мы никогда не носили такой одежды. Даже наши слуги были одеты лучше. И мы были гораздо чище. Мы мыли лицо и руки очень часто, каждый день. Вы, мальчики, моетесь, только когда упадете в воду или плаваете.

— И ты так же, Грэнсэр, — возразил Хоу-Хоу.

— Я знаю, я знаю. Я — несчастный, грязный старик. Но времена изменились. Никто не моется теперь, и это уже не считается постыдным. Уж много лет, как я не видал куска мыла. Вы не знаете, что такое мыло, но я не буду вам объяснять; ведь я рассказываю вам об Алой смерти. Вы знаете, что такое болезнь. Многие болезни приносятся микробами. Запомните это слово — микроб. Они похожи на древесных клещей, каких вы находите

на собаках весной, когда они прибегают из лесу; но микробы гораздо меньше; они такие маленькие, что их нельзя видеть.

Хоу-Хоу рассмеялся:

— Ты странный человек, Грэнсэр, — говорить о таких вещах, каких не можешь видеть. Если ты не можешь их видеть, то откуда ты знаешь, что они существуют? Вот это я хотел бы знать. Как ты можешь знать о том, чего ты не можешь видеть?

— Хороший вопрос, Хоу-Хоу, очень хороший вопрос. Но мы их видели — некоторых из них. У нас было то, что мы называли микроскопом и ультрамикроскопом[2]; приложив к ним глаз, мы видели все, но гораздо больше по размерам, чем оно было на самом деле; многих вещей мы не могли рассмотреть без микроскопа. Наши лучшие ультрамикроскопы могли увеличивать микробов в сорок тысяч раз. Раковина — тысяча пальцев Эдвина; возьмите сорок таких раковин, и во столько раз увеличивался микроб, когда мы смотрели на него через микроскоп. Кроме того, пользовались мы еще так называемыми кинофильмами, и благодаря им эти микробы увеличивались еще в тысячи раз. И таким обра-

---

2 notes: 2

Ультрамикроскоп — сильнейший микроскоп, сверхмикроскоп.

зом мы видели вещи, каких не могли увидеть простым глазом. Возьмите крупинку песка; разломайте ее на десять частей; одну из них на десять, и одну из этих снова на десять, и снова, и снова, и делайте так целый день, и, может быть, при заходе солнца вы получите кусочек величиной с микроба.

Мальчики выразили явное недоверие. Хоу-Хоу и Заячья Губа фыркали и насмехались, пока Эдвин не остановил их.

— Древесный клещ высасывает кровь из собаки, а микробы, будучи такими маленькими, проникают прямо в кровь и там размножаются. И наконец появляется целый миллиард — одна раковина — целый миллиард в одном человеческом теле. Мы называем микробы микроорганизмами. Когда несколько миллионов или миллиардов находятся в человеческом теле, наполняют всю его кровь, человек заболевает. Эти микробы и есть болезнь. Было очень много разных микробов — больше, чем крупного песка на этом берегу. Но мы знали только немногих из них. Микроорганический мир был незримым миром — мир, которого мы не могли видеть, и поэтому мы очень мало знали о нем. Но все же кое-что мы знали. Мы знали о *Bacillus anthracis*, о *Micrococcus*, о *Bacterium termo*,

знали о *Bacterium lactis* — о микробе, что и теперь делает кислым козье молоко, Заячья Губа; о бесчисленных *Schizomycetes* и еще многих других…

Тут старик пустился в подробнейшее перечисление микробов, употребляя необыкновенно длинные бессмысленные фразы и слова. Мальчики, смеясь, переглядывались друг с другом и, смотря на пустынный океан, совершенно забыли о старике.

— Ну а Алая смерть, Грэнсэр? — вспомнил наконец Эдвин.

Грэнсэр с трудом спустился с кафедры в аудитории, где шестьдесят лет назад объяснял своим слушателям другого мира новейшую теорию о бациллах и заболеваниях.

— Да, да, я совсем забыл, Эдвин. Временами воспоминания прошлого одолевают меня, и я забываю, что я только грязный старик в козьей шкуре, блуждающий со своими дикими внуками по первобытной пустыне. Преходящие мысли исчезают, словно пена, и так же исчезла наша колоссальная прекрасная цивилизация. Я — Грэнсэр, усталый, старый человек. И принадлежу к роду Санта-Розана. И жену я себе взял из этого же рода. Мои дочери и сыновья брали себе супругов из других родов — Шофера, Сакраменто и Пало-

Альтос. Ты, Заячья Губа, происходишь от Шофера; ты, Эдвин, — от Сакраменто; а ты, Хоу-Хоу, — от Пало-Альтос. Твой род получил свое имя от города, находившегося вблизи большого университета. Он назывался Стэнфордский университет. Да, я теперь вспоминаю — я рассказывал вам об Алой смерти. Но на чем я остановился?

— Ты говорил о микробах — существах, каких ты не можешь видеть и которые делают людей больными, — напомнил ему Эдвин.

— Да-да, на этом месте. Сначала человек не замечает, когда в его тело попадает несколько таких бацилл. Но каждый микроб распадается на два, и они делают это так быстро, что за короткое время их появляется несколько миллионов сразу. Тогда человек заболевает, и его болезнь называется именем микробов, находящихся в нем. Это может быть корь, инфлюэнца, желтая лихорадка; это может быть одна из тысячи тысяч болезней.

Странное дело происходит с этими микробами. В человеческом теле появлялись все новые и новые. Давным-давно, когда на свете жило только несколько человек, было всего несколько болезней. Но по мере их размножения и образования больших городов появлялись новые болезни, и новые микробы попадали в кровь человека.

Несчетное число миллионов и миллиардов человек были убиты ими. И чем теснее жили люди, тем ужасней становилась болезнь. Задолго до моего времени, в Средние века, черная чума прошла по Европе. И появлялась она снова и снова. И свирепствовал тогда туберкулез — всюду, где люди жили скученно. За сотню лет до меня появилась бубонная чума. В Африке была сонная болезнь. Бактериологи находили эти болезни и боролись с ними, как вы, мальчики, отгоняете волков от вашего стада или убиваете москитов, нападающих на вас. Бактериологи…

— Но кто это такие, Грэнсэр, кого ты так называешь? — перебил Эдвин.

— Ты, Эдвин, пасешь коз. Твое дело следить за козами, и ты знаешь о них очень многое. Бактериолог следит за микробами. Это — его дело, и он знает многое о них. Вот, как я говорил, бактериологи боролись с микробами и истребляли их — иногда. Ужасной болезнью была проказа. За сто лет до моего рождения бактериологи открыли бациллу проказы. Они изучили ее и делали с нее снимки; я видел эти снимки. Но они не сумели найти средства к ее уничтожению. В тысяча восемьсот восемьдесят четвертом году появилась моровая язва; она началась в стране,

называемой Бразилией, и убила миллионы людей. Бактериологи не только нашли этот микроб, но и истребили его, и моровая язва прекратилась. Они сделали так называемую сыворотку; и, впуская ее в тело человека, убивали этим бациллу, не вредя ему самому. В тысяча девятьсот десятом году появилась миланская проказа. И так же легко была истреблена. Но в тысяча девятьсот сорок седьмом году появилась новая болезнь, еще не виданная доныне. Она поражала грудных детей — они не могли ни есть, ни двигаться. Бактериологи потратили одиннадцать лет на отыскание этой бациллы.

Но, несмотря на все эти болезни, несмотря на их увеличение, все больше людей появлялось на свет. Причина этого — легкое добывание пищи. Увеличивающаяся теснота приносила с собой все новые и новые болезни. Были предостережения. Так, Сольдервецкий еще в тысяча девятьсот двадцать девятом году предостерегал против новых болезней, страшней прежних в тысячу раз и убивающих сотни миллионов, даже биллионы. Но микроорганический мир приберег свою тайну к концу. Тогда знали о существовании этого мира и о возникновении новых полчищ микробов, убивающих людей. Но это было и все. В незримом

микроорганическом мире, возможно, существовало бесчисленное количество микробов. Быть может, даже жизнь происходила от них. «Неисчерпаемая возможность», — как говорил Сольдервецкий.

Но на этом месте Заячья Губа с негодованием вскочил со своего места.

— Грэнсэр, — заявил он, — я очень устал от твоей болтовни. Почему ты не рассказываешь об Алой смерти? Если ты не думаешь начинать, так и скажи — мы вернемся обратно к поселку.

Старик взглянул на него и молча заплакал. Бессильные слезы текли по его щекам, и вся беспомощность его восьмидесяти семи лет выразилась в его печальном взгляде.

— Садись, — посоветовал примирительно Эдвин. — Он сейчас расскажет про Алую смерть, не правда ли, Грэнсэр? Садись, Заячья Губа. Ну, дальше, Грэнсэр.

Глава третья

Старик вытер слезы своими морщинистыми пальцами и начал рассказ дрожащим, прерывистым голосом, окрепшим по мере приближения к самой катастрофе.

— Это было летом две тысячи тринадцатого года, когда пришла чума. Мне было тогда двадцать семь лет, и я прекрасно помню все это. Радио…

Заячья Губа громко выразил свое неудовольствие, и Грэнсэр поторопился поправиться:

— В те дни мы говорили через воздух за тысячи и тысячи миль. И пришло известие о появлении в Нью-Йорке какой-то странной болезни. В этом замечательнейшем городе Америки было тогда семнадцать миллионов человек. Но случаев этой болезни насчитывалось всего несколько, и никто особенно не задумывался над этим; это казалось пустяком. Правда, оказалось, что люди умирали от нее поразительно быстро, и первым признаком новой болезни являлось распространение алой сыпи по всему телу и на лице. Не прошло и двадцати четырех часов, как распространился слух о первом случае в Чикаго. В тот же день стало известно, что и в Лондоне, величайшем городе в мире после Чикаго, уже две недели боролись с чумой, запрещая извещать остальной мир.

Дело становилось серьезным, однако мы в Калифорнии, как и остальные, не беспокоились. Мы были уверены, что бактериологи сумеют уничтожить новую бациллу, как уничтожали раньше других. Тревожила лишь быстрота, с

какой микроб убивал человека, и то, что смерть была неминуема. Никто не выздоравливал. Была у нас старая азиатская холера; вы могли вечером обедать с совершенно здоровым человеком, а на следующее утро, взглянув в окно, увидеть его на дрогах для перевозки покойников. Но эта новая чума убивала быстрее, гораздо быстрее. С момента появления первых признаков человек погибал почти в один час. Некоторые жили несколько часов. Многие умирали через десять–пятнадцать минут.

Сердце начинало усиленно биться, по всему телу распространялся жар, и потом появлялась алая сыпь, покрывавшая — словно лесной пожар — все лицо и тело. Многие не чувствовали жара и сердцебиения, и первое, что они замечали, была алая сыпь. При появлении сыпи обыкновенно начинались судороги. Но они не были особенно продолжительны и сильны. Тот, кто переживал их, становился совершенно спокойным и только чувствовал оцепенение, быстро ползущее с ног по всему телу. Сначала немели пятки, потом ноги и бедра, и когда онемение достигало сердца, человек умирал. Он не бредил и не спал. Его мысли оставались спокойными и ясными до того самого момента, когда сердце цепенело и останавлива-

лось. Другая странность заключалась в быстроте разложения. Как только человек умирал, тело распадалось на куски, рассыпалось, словно исчезало на ваших же глазах. Это была одна из причин такого быстрого распространения чумы. Миллиарды бацилл моментально рассеивались в воздухе.

И потому бактериологи имели так мало шансов на победу. Они погибали в своих лабораториях, изучая микроб Алой смерти. Это были герои. Как только они умирали, другие заменяли их. В Лондоне микроб нашли первыми. Имя человека, открывшего его, — Траск; не прошло и тридцати часов, как он был мертв. Тогда во всех лабораториях стали искать средство против этого микроба. Но все было напрасно. Вы понимаете, задача заключалась в том, чтобы найти средство, убивающее микроб, не вредя человеку. Они пытались вводить в человеческий организм другие микробы — врагов чумных…

— Вы ведь не могли видеть этих микробов, Гр-энсэр, — возразил Заячья Губа, — а ты говоришь о них, как будто вы их видели, когда на самом деле они — ничто. То, чего вы не видите, не может быть чем-нибудь. Бороться с несуществующими вещами! Они были большие дураки в те времена.

Потому они и перемерли. Не верю я во весь этот вздор.

Грэнсэр снова заплакал, и Эдвин горячо взял его под свою защиту:

— Подумай, Заячья Губа, ведь и ты веришь в невидимые предметы.

Заячья Губа покачал головой.

— Ты веришь в привидения; ты ведь никогда не видел их.

— А я говорю, что я их видел, когда прошлой зимой ходил с отцом охотиться на волков.

— Ну, хорошо; ты всегда плюешь, когда переходишь текущую воду, — продолжал Эдвин.

— Это чтоб беды не случилось, — был ответ.

— Ты веришь в несчастье?

— Конечно.

— А ты никогда не видел беды, — закончил Эдвин с торжеством. — Ты, значит, так же глуп, как и Грэнсэр со своими микробами; ты веришь в то, чего не можешь видеть. Продолжай, Грэнсэр.

Заячья Губа, покорившись метафизическим доводам, замолчал, и старик продолжал свой рассказ. Все чаще и чаще его перебивали споры мальчиков. Иногда они громко высказывали разные предположения и объяснения, стараясь следовать за рассказчиком в неизведанный, ис-

чезнувший мир.

— Алая смерть появилась в Сан-Франциско. Первая смерть обнаружилась в понедельник утром. В четверг в Окленде и Сан-Франциско люди умирали как мухи. Умирали всюду — в постелях, за работой, гуляя по улице. Во вторник я увидел первую смерть — мисс Коллброн, одной из моих слушательниц, сидевшей как раз против меня в моей аудитории. Во время своей лекции я видел ее лицо. Внезапно оно стало алым. Я замолчал и мог только смотреть на нее; чума была среди нас. Все с криком бросились из комнаты, остались только двое. Судороги продолжались всего одну минуту и были очень слабы. Один из студентов достал ей воды. Она выпила немного и внезапно закричала: «Мои ноги! Я не чувствую их больше». Через минуту она сказала: «У меня нет ног. Я не чувствую своих коленей».

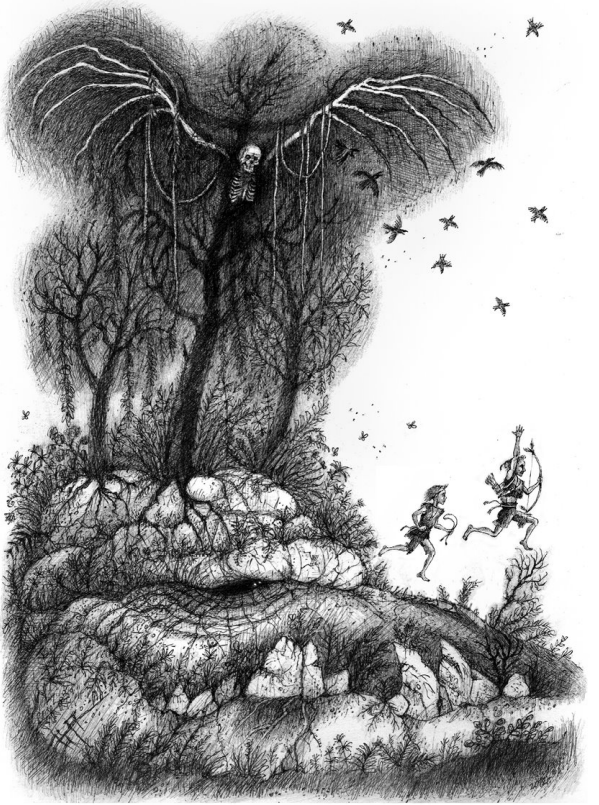
Женщина лежала на полу с толстой книгой под головой вместо подушки. И мы ничем не могли ей помочь. Холод и оцепенение ползли с ног к сердцу, и когда достигли его, она умерла. Через пятнадцать минут — я заметил — она была мертва — здесь, в моей собственной аудитории. А она была очень красивая, сильная, молодая девушка. От появления первых признаков чумы до конца

прошло всего пятнадцать минут. Из этого ясно, как молниеносна была Алая смерть.

Я оставался еще несколько минут в своей аудитории с умершей девушкой. Ужас распространился по всему университету, и тысячи студентов покидали свои аудитории и лаборатории. Когда я вышел, чтобы известить ректора, весь университет был совершенно пуст. Несколько запоздавших спешили по домам. Двое из них бежали.

Ректора Хоуга я застал в его кабинете совершенно одного; он выглядел старым, седым, и все лицо его было в морщинах, чего я прежде никогда не видел. При виде меня он вскочил и скрылся в своем внутреннем кабинете, захлопнув за собой дверь: я слышал — он ее запер. Он знал, что я заражен, и крикнул через дверь, чтобы я ушел. Я никогда не забуду того чувства, с каким я шел по длинным коридорам пустынного здания. Я не боялся. Я был заражен и смотрел на себя как на мертвеца. Но это был не страх; чувство спокойного смирения было во мне. Все остановилось. Это был словно конец мира для меня — моего мира. Я родился в шуме и гаме университета. Эта карьера была мне предназначена. Мой отец был профессором до меня, и его отец — до него.

Полтора века, словно гигантская машина, этот университет неуклонно развивался. И теперь в один миг все остановилось. Словно видишь, как умирает священное пламя твоего трижды священного алтаря. Я был потрясен, мне было невыразимо тяжело.



Когда я пришел домой, швейцар при виде меня с криком скрылся. Позвонив, я увидел, что и моя прислуга последовала за ним. В кухне я нашел кухарку, собиравшуюся уходить. Она закричала и, бросив свои вещи, выбежала на улицу, все время крича. Я и сейчас слышу этот крик. Мы не терялись в тот момент, когда нас поражала обыкновенная болезнь. Мы были спокойны и посылали тотчас же за доктором; он знал, что нужно делать. Но тут было иначе. Эта болезнь появлялась внезапно и убивала быстро, без промаха. Когда алая сыпь появлялась на чьем-нибудь лице, этот человек был отмечен смертью. Не выживал никто.

Я был один в своем большом доме. Как я вам уже рассказывал, в то время мы могли говорить друг с другом по проводу или просто через воздух. Прозвонил телефон, и я услышал голос моего брата. Он сказал, что не приходит ко мне из боязни заразиться чумой, а наших двух сестер он оставил в доме профессора Бэкона. Он советовал мне оставаться дома и ждать, пока не выяснится, заразился я или нет.

Я с этим согласился и остался один в своем доме, в первый раз в жизни попробовав стряпать. Но чума не тронула меня. Благодаря телефону я

мог говорить с кем хотел и узнавать все новости. Кроме того, тогда существовали газеты, мне их просовывали через дверь, и таким образом я был в курсе того, что происходило.

В Нью-Йорке и Чикаго царила паника. То же самое творилось и во всех больших городах. Погибла треть нью-йоркской полиции; начальник и помощник его также были мертвы. Законы и постановления нарушались. Трупы непогребенными валялись на улицах. Железные дороги и пароходства прекратили доставку провизии в города, и толпы голодных грабили склады и магазины. Всюду — пьянство, грабежи и убийства. Люди бежали миллионами из городов. Сперва богатые в своих автомобилях и аэропланах, а за ними вся колоссальная масса жителей, разнося чуму, бежала пешком, голодая и грабя города и села на пути.

Человек, присылавший эти новости, — радиотелеграфист — был один со своими инструментами наверху высокого здания. Оставшееся население — он исчислял его всего в несколько сот тысяч — обезумело от страха и алкоголя. Со всех сторон он был окружен бушевавшим огнем. Он был герой — этот человек, оставшийся на своем посту.

Через двадцать четыре часа он сообщил, что больше не появляются трансатлантические аэропланы — прекратилась связь с Англией. Из Берлина — в Германии — пришло известие об открытии бактериологом Мечниковского института, профессором Гоффмейером, сыворотки против чумы. Это было последним сообщением по сей день, полученным нами в Америке из Европы. Слишком поздно! Пока это открытие стало известно, прошло немало времени. Мы могли только заключить: в Европе произошло то же, что и у нас, и в лучшем случае несколько десятков человек на всем континенте переживет Алую смерть.

Еще несколько дней приходили депеши из Нью-Йорка. Потом и это прекратилось. Человек, посылавший их со своего высокого здания, быть может, погиб от чумы либо в пожаре, бушевавшем вокруг него. И то, что происходило в Нью-Йорке, происходило и в других городах. То же самое было и в Сан-Франциско, и в Окленде, и в Беркли. В четверг люди умирали с необычайной быстротой, и трупы их валялись всюду. В четверг ночью началось паническое бегство в деревни из городов. Вообразите себе, дети мои: поток людей — больший, чем лососей в реке

Сакраменто, — обезумев, стремится из городов, тщетно пытаясь спастись от вездесущей смерти. Они несли смерть с собой. Даже в аэропланах богачей, летающих в безопасности над горами и пустынями, — даже в них была смерть. Сотни этих аэропланов спасались на Гавайях, но чума была уже всюду. Это мы узнавали из телеграмм, пока не прекратилось сообщение с Сан-Франциско. Это прекращение связи с остальным миром просто ошеломляло! Словно мир был вычеркнут, перестал существовать. Шестьдесят лет этот мир не существует для меня. Я знаю, где-то должны быть Нью-Йорк, Европа, Азия, Африка, но оттуда не слышно ни одного слова — ни одного за шестьдесят лет. С приходом Алой смерти мир погрузился в небытие. Совершенно невозвратно. Десять тысяч лет культуры и цивилизации были сметены в мгновение ока, исчезли, словно пена.

Я говорил вам об аэропланах богачей. Они несли с собой чуму и гибли повсюду. Я встретил только одного спасшегося — Мюнджерсона. Впоследствии он стал Санта-Розана и женился на моей старшей дочери. Он пришел к нам через восемь лет после чумы. Ему было девятнадцать лет, и целых двенадцать ему пришлось ждать, прежде чем он женился. Тогда не было незамужних

женщин, а некоторые из старших дочерей Санта-Розаны были уже помолвлены. Вот он и должен был ждать, пока моей Мери исполнилось шестнадцать лет. Его сын — Шелковая Лапка — был убит львом в прошлом году. Мюнджерсону было одиннадцать лет во время чумы. Отец его был один из промышленных магнатов, очень богатый, влиятельный человек. На своем аэроплане «Кондор» они прилетели в степи Британской Колумбии, лежащей далеко к северу. Но они потерпели аварию недалеко от горы Шаста. Вы слыхали об этой горе; она на Дальнем Севере. Среди них началась чума, и этот мальчик одиннадцати лет единственный остался в живых. Восемь лет он блуждал один по пустыне, тщетно ища людей. И наконец, подойдя к югу, он нашел нас, Санта-Розана.

Но я очень забежал вперед. Когда началось бегство из городов вокруг Сан-Франциско и телефон еще работал, я разговаривал с братом. Я сказал ему, что это бегство — сущее безумство, симптомов чумы у меня нет, и нам с нашими близкими необходимо скрыться в каком-нибудь безопасном месте. Мы остановились на химическом корпусе университета и решили, сделав запас провизии, силой не пускать посторонних в наше убежище.

Когда же мы условились обо всем, брат попро-

сил меня остаться дома еще на сутки — убедиться, что я не заражен чумой. Я согласился, и он обещал прийти ко мне на следующий день. Мы говорили о запасах провизии и подробностях защиты в химическом корпусе, пока телефон вдруг не перестал работать. Связь оборвалась в середине нашего разговора.

В этот вечер не было электричества, и я оставался в полной темноте, один в своем доме. Газеты больше не выходили, и я не имел никаких сведений извне. Я слышал шум толпы и пистолетные выстрелы. В окно я мог видеть зарево пожара в стороне Окленда. Это была страшная ночь. Я не сомкнул глаз. Какой-то человек — почему и как, я не знал — был убит против моего дома. Я слышал частые выстрелы автоматического пистолета, и через несколько минут несчастное раненое существо подползло к моей двери, крича и умоляя о помощи. Вооружившись двумя пистолетами, я пошел к нему. При свете спички я увидел, что он болен Алой чумой. Я захлопнул дверь и слушал его крики и стоны еще полчаса возле самой двери.

Утром ко мне пришел брат. Я собирал в мешок самые ценные вещи, какие предполагал взять с собой; но, увидев его лицо, я понял, что ему уже

не нужно скрываться со мной. У него была чума. Он протянул руку, но я поспешно отскочил.

«Посмотри в зеркало», — сказал я.

Он посмотрел и при виде своего алого лица бессильно упал на стул.

«Боже мой, — проговорил он. — Я заразился ею. Не подходи ко мне — я мертвый человек».

У него начались судороги. Он умирал два часа; до последней минуты был в сознании, говорил о возрастающем холоде и онемении в ступнях, икрах, бедрах, пока оно не достигло сердца. Это был конец.

Таков был путь Алой смерти. Я взял свой мешок и бежал. Вид у меня был страшен. Всюду я спотыкался о тела; некоторые еще были живы. Беркли был объят пламенем, а Окленд и Сан-Франциско пылали в страшном пожаре. Небо застлалось дымом, и полдень казался туманным рассветом. В порывистом ветре солнце светило тусклым безжизненно-красным шаром. Да, дети мои, это был словно конец — последние дни конца мира.

Всюду застыли брошенные автомобили, говорящие о том, что запасы бензина в гаражах иссякли. Я помню один такой автомобиль. Мужчина и женщина лежали мертвыми на сиденьях, а на тротуаре валялись две женщины с ребенком.

Странное и ужасное зрелище представлялось на каждом шагу. Люди скользили тихо и таинственно, словно привидения. Бледные женщины с детьми на руках; отцы, ведущие детей за руки; поодиночке, парами, семьями — все бежали из города смерти. Некоторые тащили запасы провизии, другие — вещи и одеяла, многие совсем ничего не несли.

Недалеко была бакалейная лавка — там продавали провизию. Ее хозяин — я хорошо его знал, — спокойный, трезвый, но глупый и упрямый человек, охранял ее. Окна и двери были разбиты, а он, спрятавшись за прилавок, разряжал свой пистолет в каждого подходившего к его двери. У входа лежало несколько трупов — убитых им в течение дня. Издали я увидел, как один из грабителей, проломив окно в соседнем магазине, поджигал его. Я никого не призвал на помощь. Время для этого прошло. Цивилизация рушилась, и каждый заботился о себе.

Глава четвертая

Я поспешно пошел дальше и на первом же углу увидел новую драму. Двое парней напали на мужчину и женщину с двумя детьми и грабили

их. Я знал этого человека, хотя никогда не был с ним знаком. Он был поэт, перед которым я давно преклонялся. В тот момент, когда я хотел прийти ему на помощь, раздался выстрел, и он упал. Женщина закричала и свалилась под ударом кулака. Я громко крикнул, но они направили на меня пистолеты, и мне пришлось скрыться за угол. Здесь путь преграждался надвигающимся пожаром. С обеих сторон горели здания, и улица была полна дыма и огня. Откуда-то из мрака слышался голос женщины, дико зовущей на помощь. Однако я не пошел к ней. Человеческое сердце становилось железным среди всего этого ужаса, и каждый слышал слишком много призывов о помощи.

Когда я вернулся обратно, грабителей уже не было… Поэт и его жена лежали мертвые на тротуаре. Дети исчезли, куда — я не знал. Но я понял, почему люди, попадавшиеся мне навстречу, скользили так тихо, с бледными лицами. Среди нашей цивилизации, в наших трущобах мы вскормили варваров, дикарей. И теперь, в момент нашего смятения, они набросились на нас, словно разъяренные звери, и истребляли нас. Но они погибали вместе с нами. Возбуждаемые алкоголем, они совершали тысячи преступлений,

в страшном безумии убивая друг друга. Я увидел отдельную группу рабочих, покидавших город со своими женами и детьми. Они несли на носилках старых и больных и тащили повозки с провизией. Это было великолепное зрелище, когда они шли вниз по улице, окутанные дымом. Они сначала хотели убить меня, когда я попался им на пути, но, проходя, один из них в оправдание крикнул, что они убивают всех грабителей, встречающихся им на дороге, и соединились вместе для защиты против них.

Тут я увидел впервые то, что вскоре видел так часто. На лице одного из уходивших появились верные признаки чумы. Все тотчас же от него отскочили, и он остался один, не пытаясь никого удержать. Одна женщина, по-видимому, его жена, хотела сопровождать его; с ней был маленький мальчик. Но муж сурово приказал ей отойти, а остальные, протягивая руки, убеждали ее вернуться. Я видел все это, и я видел также человека с алым пламенем на лице, стоявшего в дверях на другой стороне улицы. Я слышал выстрел его пистолета и видел, как он рухнул на тротуар.

Дважды возвращаясь из-за бушевавшего пожара, я все же сумел пройти к нему. Проходя через пустырь, примыкающий к университету, я по-

дошел к группе профессоров, шедших также под защиту химического корпуса со своими семьями и прислугой. Профессор Бэдминтон поклонился мне, но я едва его узнал. По-видимому, ему пришлось пробиваться через огонь, и пламя спалило его бороду; он был грязный и весь в крови, с обвязанной головой. Он рассказал мне, что его избили грабители, а брата убили предыдущей ночью, когда он защищал свою квартиру от грабежа.

Идя со мной, он вдруг указал на лицо миссис Суинтон. Ошибиться было нельзя: среди нас появилась Алая чума. Женщины с криком разбежались, и ее двое детей, шедшие с няней, тоже убежали вслед за остальными. Только муж ее, доктор Суинтон, остался с ней.

«Идите, Смит, — сказал он мне, — присмотрите только за детьми. Я останусь с женой. Я знаю — она погибла, но я не могу оставить ее. Позже, если спасусь, я приду в химический корпус, а вы ждите, чтобы впустить меня».

Я оставил его наблюдать последние минуты своей жены и побежал догонять остальных. Мы были последними, пропущенными в химический корпус. И своими автоматическими пистолетами мы защищали свое убежище. По нашему плану здесь должно было поместиться человек

шестьдесят, но каждый привел с собою родственников и друзей, и в результате оказалось более четырехсот человек. Химический корпус стоял особняком, вне опасности загореться от страшных пожаров, пылавших во всем городе.

Провизии было много, и продовольственный комитет решил ежедневно выдавать паек каждой семье. Были выбраны члены комитета, и мы выказали большую организованность. Я был в комитете обороны, хотя в первый день не видно было вблизи ни одного грабителя. Мы могли их видеть издали и по дыму их костров знали, что они расположились на другом конце пустыря. Часто слышались их пьяные песни и непристойная брань. В то время как мир рушился вокруг них и весь воздух был наполнен дымом его пожара, эти низкие твари дали волю своему зверству и дрались, пили и умирали. А в конце концов, какое это имело значение? Все умирали — хороший и плохой, сильный и слабый, тот, кто хотел жить, и тот, кто проклинал жизнь. Они исчезли. И все исчезло.

Когда спустя двадцать четыре часа ни один из нас не заболел, мы стали поздравлять друг друга. Вы видели большие железные трубы, по которым в те времена доставлялась вода всем горожанам.

И вот, боясь, что огонь взорвет эти трубы и резервуары опустеют, мы решили рыть колодец. Сорвав цемент, которым был залит центральный двор химического корпуса, мы принялись за работу. Среди нас было много молодых людей, и мы работали целую ночь и целый день. Наши опасения оправдались. За три часа до окончания работы в трубах не оказалось воды.

Прошли вторые сутки; смерть не появлялась среди нас, и мы надеялись, что все спасены. Но мы тогда не знали, что инкубационный период чумы продолжается несколько дней. Мы думали, что, убивая так молниеносно, она столь же быстро и проявляется. Таким образом, когда и второй день прошел благополучно, мы были уверены, что спаслись. Но третий день разочаровал нас. Я никогда не забуду предшествующей ночи. Мне была поручена ночная смена — от восьми до полуночи, — и с крыши здания я следил за «славными» деяниями толпы. Все небо было освещено страшным заревом; было так светло, что можно было прочесть мельчайшую печать. Казалось, что весь мир объят пламенем. Сан-Франциско пылал, словно масса действующих вулканов выбрасывала огонь и дым. Горело всюду — Окленд, Сан-Леандро, Хейворд; и к северу до самого мыса

Ричмонда пылали пожары. Это было жуткое зрелище. Цивилизация, внуки мои, рушилась в огне и дыхании смерти. Этой ночью в десять часов взорвались пороховые погреба на мысе Пиноль. Сотрясение было столь сильным, что огромное здание пошатнулось, словно от землетрясения, и все стекла разлетелись вдребезги. И мне пришлось спуститься с крыши; я ходил по длинным коридорам из комнаты в комнату, успокаивая испуганных женщин и сообщая о случившемся.

Час спустя я услышал дьявольский шум в лагере грабителей. Слышались крики, плач и пистолетные выстрелы. Как мы догадались, эта борьба произошла из-за попытки здоровых избавиться от больных. Так или иначе несколько зараженных грабителей, спасаясь, пересекли пустырь и подбежали к нашим дверям. Мы пытались прогнать их, но они с проклятиями открыли огонь из своих пистолетов. Профессор Мерриунтер, стоявший возле окна, был убит наповал пулей, попавшей ему между глаз. Тогда мы открыли ответный огонь, и все грабители удрали. Остались только трое — из них одна женщина. На них уже лежала печать чумы, и они были бесстрашны. Словно исчадие ада, под пылающим небом и с багровыми лицами они продолжали,

проклиная, в нас стрелять. Одного из них я убил своей собственной рукой. А вслед за этим женщина и мужчина с проклятиями упали под нашим окном, и мы видели, как они умирали от чумы.

Положение было критическим. Взрыв пороховых складов выбил все окна химического корпуса, и больше мы не были защищены от чумных бацилл. Призвали санитарный комитет, и он поступил геройски. Требовалось двое мужчин, чтобы выйти и убрать трупы. Но это было подвигом с их стороны, ибо, исполнив свою работу, они уж не могли возвращаться. Один из профессоров, холостяк, и один из ассистентов вызвались на это. Это были герои. Они отдавали свою жизнь для спасения четырехсот. Убрав трупы, они стояли и издали смотрели на нас. Потом, помахав рукой на прощание, повернулись и медленно пошли по пустырю к горящему городу. И однако, жертва оказалась бесполезной. На следующее утро у одной из нас оказались признаки чумы — это была девушка, присматривающая за детьми профессора Стоута. Прошло время слабостей и сентиментальностей. И в надежде, что она будет единственной, мы были вынуждены вывести девушку из корпуса и велели уйти прочь. Она медленно пошла по пустырю, ломая руки и горь-

ко плача. Мы знали: это было жестоко, но что мы могли поделать? Нас было четыреста человек, и единицы должны были быть принесены в жертву.

В одной из лабораторий жила целая семья, и в тот же день в их комнате обнаружили четыре трупа и семь заболевших.

Вот тогда-то ужас объял нас. Оставляя мертвых там, где они погибали, мы переводили больных в другие комнаты. Но чума уже появилась среди оставшихся; и, как только показывались первые признаки, мы отсылали больных в эти комнаты — одних, боясь к ним прикоснуться. Сцены были душераздирающие. Чума овладевала нами. Все больше и больше комнат наполнялось мертвыми и умирающими. И мы — те, кто был еще здоров, — отступали все дальше и дальше, пока это море смерти не залило все здание — комнату за комнатой. Корпус обратился в склеп. В полночь здоровые бежали, взяв с собой одежду и запас еды. Мы расположились на другом конце пустыря, противоположном тому, где были грабители. Часть стояла на страже, остальные же пошли на поиски каких-нибудь перевозочных средств.

Я был один из этих разведчиков. Доктор Хойль, вспомнив про свой автомобиль, оставленный в

его гараже, направил меня к его дому. Мы отправились парами, и со мной пошел Домби, молодой ассистент. Чтобы попасть к дому доктора Хойля, нам пришлось пройти с полмили за городом. Здесь были особняки, стоявшие среди полян и окруженные деревьями. Бушевавший огонь пожирал все преграды на своем пути. И здесь работали грабители. Вытащив наши пистолеты, мы бесстрашно шли вперед, держа их наготове. Дом доктора Хойля был не тронут огнем, и только при нашем приближении к нему оттуда вырвались клубы дыма. Негодяй, поджегший его, шатаясь, бродил возле дома. Он был совершенно пьян, и из его кармана торчала бутылка виски. Моим первым порывом было убить его, и я никогда не прощу себе, что не сделал этого. Шатаясь и что-то бормоча с налитыми кровью глазами и большим кровавым порезом на щеке, он был воплощением низости. Я не застрелил его, и он спрятался за дерево, чтобы пропустить нас. Когда мы проходили мимо, он внезапно вытащил пистолет и выстрелил в Домби. Это была такая подлость! В следующий момент я убил его. Но было слишком поздно. Домби упал без звука, без стона. Я сомневаюсь, успел ли он осознать, что произошло.

Оставив два трупа, я поспешил в пылающий дом и в гараже увидел автомобиль доктора Хойля. Бак был наполнен, и он был на ходу. В этом автомобиле, проезжая разрушенный город, я возвращался к оставшимся на площади.

Вернулись другие разведчики, но ни одному так не повезло. Профессор Фермид нашел шотландского пони, но бедное животное, оставаясь привязанным в конюшне без пищи и воды, было до того слабо, что не могло нести на себе груза. Некоторые из нас были за оставление его здесь, но я настоял на том, чтобы взять его с собой, ибо в случае голода мы смогли бы употребить его в пищу.

Нас было сорок семь человек, когда мы двинулись в путь, из них много женщин и детей. Ректор университета, пожилой человек, совсем разбитый этой катастрофой, поехал в автомобиле с детьми и престарелой матерью профессора Фермида. Уатоп, молодой английский профессор с тяжелой раной на ноге, поехал в коляске. Все остальные пошли пешком, профессор Фермид вел пони.

Дым мирового пожара затмил сияющее небо, и солнце тускло светило темным безжизненным шаром, кроваво-красным и зловещим. Но мы

привыкли к этому красному солнцу. Дым отравлял дыхание, и глаза наливались кровью. Мы направились на юго-восток через бесконечные окрестности города, где возвышались первые за городской равниной холмы. Только таким путем мы могли достичь какой-нибудь деревни.

Мы продвигались мучительно медленно. Женщины и дети не могли идти быстро. Им и не снились те переходы, какие мы совершаем теперь, дети мои. Да, никто из нас не знал, что такое ходьба. Только после чумы я научился ходить по-настоящему. Медленная походка одного задерживала всех остальных, ибо мы не хотели разделяться из боязни разбойников. Теперь эти человеческие хищники попадались реже. Чума значительно уменьшила их число, но все же их оставалось достаточно, чтобы быть для нас постоянной угрозой. Множество прекрасных построек было еще не тронуто огнем, но всюду виднелись дымящиеся развалины. Грабители поджигали все.

Некоторые из нас пошли искать в частных гаражах оставленные автомобили и бензин. Но в этом нам не везло. Во время первого великого бегства из городов было захвачено с собой все. Колган, красивый молодой человек, больше не возвра-

тился из этих поисков. Он был убит грабителями, проходя по дороге. Это был единственный случай, хотя однажды какой-то пьяный негодяй стал в нас стрелять. К счастью, он стрелял, почти не целясь, и мы уложили его прежде, чем он нанес нам какой-либо вред.

В Фрютвэле, в самой богатой части города, чума снова появилась среди нас. Жертвой был профессор Фермид. Сделав нам знаки, чтобы мы не пугали его мать, он свернул с дороги к крыльцу одного роскошного дворца. Он сел, покинутый, на ступени веранды, и я, замедлив шаги, махнул ему на прощание. В эту ночь, в нескольких милях за Фрютвэлем, мы расположились на ночлег. И в течение этой ночи нам пришлось дважды сниматься со стоянки, покидая мертвых. Наутро нас было тридцать. Я никогда не забуду нашего ректора. Утром у его жены обнаружились симптомы, и когда она отошла в сторону, чтобы нас пропустить, он вышел из автомобиля и остался с ней. Мы пытались удержать его, но в результате нам пришлось уступить. В конце концов, ведь мы не знали, кто из нас спасется.

В эту ночь — вторую — мы расположились за Хейвордом, в первой встреченой деревне. Наутро нас было одиннадцать. Ночью Уатоп, профессор с

раненой ногой, покинул нас в автомобиле. С ним остались его мать и сестра с большим запасом провизии. В этот день к вечеру, отдыхая в стороне от дороги, я видел последний дирижабль. Здесь, за городом, дым рассеялся, и я первый заметил его беспомощно барахтающимся в воздухе на высоте в две тысячи футов. Что случилось, я не знал, но мы видели, как он опускался все ниже и ниже. Потом, как видно, взорвался газ, и он, словно гиря, упал на землю. С тех пор до сегодняшнего дня я не видел больше воздушных кораблей. В течение нескольких лет часто, очень часто я осматривал небо в слабой надежде, что, быть может, где-нибудь в мире уцелела цивилизация. Но этого не было. То, что случилось с нами в Калифорнии, произошло повсюду, со всеми.

Еще один день — и в Пайльзе осталось трое. За Пайльзом, по верхней дороге, мы нашли Уатопа. Автомобиль был брошен, а на одеяле, разостланном на земле, лежали три трупа — его матери, сестры и его самого.

Усталый от бесполезной ходьбы, я спал тяжело в эту ночь. Утром я был один во всем мире. Конфильд и Парксон, мои последние спутники, умерли от Алой чумы.

Из четырехсот человек, скрывшихся в химиче-

ском корпусе, и из сорока семи, отправившихся в это последнее путешествие, я остался один — я и шотландский пони. Как это случилось, не знаю. Объяснений этому нет. Я не заболел чумой — вот и все. Я спасся. Я был просто один из нескольких счастливцев, уцелевших из многих и многих миллионов.

Глава пятая

Два дня я скрывался в прелестных рощицах, где не было смерти. В эти два дня, не переставая все же ждать, что придет и мой черед, я отдохнул и оправился. И на третий день, нагрузив пони остатками провизии, я двинулся через опустошенную страну. Ни одного живого человека не встретил я. Смерть была всюду. Но страна не была такой, как сейчас. В то время земля была возделана, принося пищу миллионам людей, и все это пропадало даром. В полях и фруктовых садах я собирал овощи, фрукты и ягоды. Возле пустых ферм ловил цыплят и разыскивал яйца. Часто в кладовых я находил оставшуюся провизию.

Нечто странное произошло с домашними животными. Они одичали и набрасывались друг на друга. Утки и куры были первыми истреблены,

а свиньи и кошки одичали раньше других. Собакам тоже понадобилось немного времени, чтобы приспособиться к новым условиям. По ночам они лаяли и выли, раздирая трупы, а днем разбегались, подозрительные и воинственные. По мере того как время шло, я замечал в них перемену. Сначала они бегали поодиночке, недоверчивые и всегда готовые вступить в бой. Вскоре они стали собираться в стаи. Собаки, вы знаете, были всегда животными социальными, еще прежде их приручения человеком. Перед чумой существовала масса различных пород собак: без шерсти, с длинной шерстью, больших, как горный лев, и маленьких, помещавшихся в их пасти. Мелкие породы и собаки более слабые были истреблены сильнейшими, а самые крупные также не были приспособлены к новым условиям и вырождались. В результате остались только стаи собак, похожих на волков, — собак, каких вы знаете и в настоящее время.

— Но ведь кошки не бегают стаями, Грэнсэр, — заметил Хоу-Хоу.

— Кошки никогда не были социальными животными. Кошка живет сама по себе, как сказал один писатель в девятнадцатом веке. Она всегда жила одна, еще до приручения; так живет и сей-

час, когда опять одичала.

Лучшие породы лошадей выродились в маленьких мустангов, которых вы знаете. Коровы, овцы и голуби тоже одичали. А то, что куры выжили, вы знаете и сами. Но они мало похожи на тех, какие были в те дни.

Но я продолжаю свой рассказ. Я шел по пустынной земле — чем дальше, тем больше тоскуя по какому-нибудь человеческому существу. Но я не находил никого и чувствовал себя все более и более одиноким. Я прошел Ливерморскую долину, горы, ее пересекающие, и великую равнину Сан-Хоакин. Вы ее никогда не видели; она очень велика, и на ней пасутся дикие лошади. Там громадные табуны в десятки тысяч. Я снова побывал там тридцать лет спустя и поэтому знаю. Дикие лошади здесь, на прибрежной равнине, мало похожи на тех лошадей. Странно, но коровы, одичав, вернулись обратно к холмам; очевидно, там им удобней защищаться.

В деревне, по-видимому, разбойников было меньше, и встречалось множество поселков, не тронутых огнем. Но все они были переполнены трупами, и я, проходя мимо, не заходил туда. Возле Латропа я нашел двух овчарок, еще не совсем одичавших, и они стали мне верными

товарищами; их потомков вы знаете хорошо. Но за шестьдесят лет овчарки тоже выродились и теперь больше напоминают прирученных волков.

Заячья Губа встал и посмотрел на солнце, стоящее уже низко, выказывая явное нетерпение по поводу длинного рассказа старика. Подгоняемый Эдвином, Грэнсэр продолжал:

— Теперь уже мало осталось рассказывать. С моими двумя собаками, пони и пойманной верховой лошадью я прошел Сан-Хоакин и подошел к прекрасной Сиеррской долине, называемой Йосемити. Тут были обильные пастбища, множество дичи, и река, протекавшая через долину, была полна форелью. В большом отеле я нашел громадный запас провизии. Я оставался там три года в полном одиночестве, и только культурный человек может понять меня. Но дольше я не смог оставаться, чувствуя, что не выдержу. Как и собака, я был социальным животным и нуждался в себе подобных. Я думал: быть может, так же, как и я, спаслись другие. Кроме того, после трех лет бациллы исчезли, и страна обезврежена.

Со своими собаками, лошадью и пони я двинулся в путь. Снова я прошел долину Сан-Хоакина, горы и спустился в долину Ливермор. За эти три года произошла удивительная перемена. Зем-

лю, так прекрасно обработанную, теперь я едва узнал; возделанные поля заросли дикими растениями. Вы понимаете, за пшеницей, овощами и фруктовыми деревьями ухаживал человек; сорные травы и дикие заросли всегда уничтожались. В результате, когда человеческая рука исчезла, дикие растения истребили и заглушили всю возделанную растительность; хищники размножились.

Было это возле Темескальского озера, недалеко от Окленда, где я нашел первое человеческое существо. О, мои внуки, как описать вам мое чувство, когда, спускаясь верхом на лошади с холма, я увидел дым костра, пробивающийся сквозь деревья? Сердце перестало биться. Я почувствовал слабость. Потом я услышал детский крик — крик ребенка! Собаки залаяли, а мои им отвечали. Я не надеялся, что еще хоть одно человеческое существо осталось на свете. Но сомнений быть не могло — дым и крик ребенка.

Перед моими глазами, не более чем за сотню ярдов от меня, у озера, появился крупный человек. Стоя на выступе скалы, он ловил рыбу. Я пришел в исступление. Остановив лошадь, я пытался крикнуть — и не мог. Мне казалось, человек видит меня, но он не ответил на мои знаки

рукой. Потом я опустил голову на руки, тут же, в седле. Я боялся снова взглянуть, ибо думал, что это галлюцинация; я знал — если я посмотрю, человек исчезнет. И галлюцинация эта была так прекрасна, что я хотел продлить ее еще немного.

Так я оставался, пока не услышал рычание моих собак и человеческий голос. Как вы думаете, что он говорил? Я скажу вам. Он проговорил: «Из какой преисподней явились вы сюда?»

Это были его слова, точные слова. Это были слова твоего второго деда, Заячья Губа, приветствовавшего меня на берегу Темескальского озера пятьдесят семь лет тому назад. И это были самые прекрасные слова, какие я когда-либо слыхал. Я открыл глаза, и он стоял передо мной — большой, темный, волосатый человек, с сильными скулами, крутыми бровями и жестокими глазами. Как я сошел с лошади, не знаю. Но, кажется, вслед за этим я, рыдая, схватил его руку. Я хотел обнять его, но он всегда был ограниченный, подозрительный человек и отстранился от меня. И я повис, плача, на его руке.

Голос Грэнсэра задрожал и прервался, и бессильные слезы потекли по его щекам; мальчики смотрели на него, ухмыляясь.

— Я плакал, — продолжал он, — и хотел об-

нять его, хотя Шофер был дикарем, настоящим дикарем — самый гнусный человек, какого я когда-либо знал. Его звали… странно, я забыл его имя. Все называли его Шофером — это было название его профессии, и оно к нему привилось. И потому его род называется Шоферовым.

Он был жестокий, несправедливый человек. Я никогда не пойму, почему чума пощадила его. Казалось, несмотря на наше старое метафизическое понятие об абсолютной справедливости, справедливости не было во всей Вселенной. Почему он жил — этот нравственный урод, жестокий негодяй? Он мог говорить только о своих автомобилях и гаражах и с особым восторгом — о своих подлых мошеннических проделках с людьми, бывшими его хозяевами до чумы. И он продолжал жить, в то время как погибли сотни миллионов, даже миллиардов лучших людей.

Я пошел за ним в его палатку, и там я увидел ее, Весту — единственную женщину. Это было прекрасно и… ужасно. Здесь была она, Веста Ван-Варден, молодая жена Джона Ван-Вардена. В лохмотьях, с разодранными мозолистыми руками, она поддерживала костер и исполняла всю черную работу — она, Веста, рожденная в роскоши самого огромного богатства, какое только

знал весь мир. Джон Ван-Варден, ее муж и председатель Совета промышленных магнатов, был правителем Америки. Сидя в Промышленном контрольном совете, он правил всем миром. И сама она происходила из такого же знатного рода. Ее отец, Филипп Сэксон, был председателем Совета промышленных магнатов до самой своей смерти. Этот пост должен был стать наследственным, и если бы Филипп Сэксон имел сына, тот унаследовал бы его. Но его единственным ребенком была Веста. Еще до помолвки Весты с Ван-Варденом Сэксон назначил его своим наследником. Я уверен, это был политический брак. У меня есть основания думать, что Веста никогда не любила мужа той страстной любовью, какую воспевают поэты. Это был один из тех браков, какие были приняты среди таких, как они.

И здесь была она, с прекрасными глазами, воспаленными от едкого дыма, варя уху в закопченном горшке. Ее история была ужасна. Она одна уцелела из миллиона, как я или Шофер. На вершине Аламеды, возвышавшейся над Сан-Франциско, Ван-Варден построил громадный летний дворец. Он был окружен парком в тысячу акров. Когда появилась чума, Ван-Варден отослал ее туда. Вооруженная стража охраняла границы

парка, и никто не смел туда проникнуть. Но чума проникла и во дворец, убивая стражу на своем посту, слуг за их работой, сметая всех оставшихся здесь. И Веста осталась одна в своем дворце, обратившемся в человеческий склеп.

Шофер был одним из убежавших слуг. Вернувшись через два месяца, он нашел ее в маленьком летнем павильоне, где не было смерти. Это был зверь. Она испугалась его и убежала, прячась в чаще деревьев. В эту ночь она бежала в горы. Он преследовал ее и той же ночью поймал. Он бил ее. Вы понимаете? Он бил ее своими страшными кулаками и сделал ее своей рабой. И она собирала хворост для костра, разводила огонь, стряпала и делала всю черную работу. Он заставил ее делать это, в то время как сам, настоящий дикарь, лежал возле палатки. Он ничего не делал — абсолютно ничего, только иногда охотился или ловил рыбу.

— Молодец Шофер, — одобрил Заячья Губа, обращаясь вполголоса к мальчикам. — Я помню его незадолго до смерти. Он был врагом. Но он такие делал дела. Вы знаете, отец женился на его дочери, и вы бы поглядели, как он выбивал дурь из отца. Нас он всегда лупил розгой. Даже умирая, он бил меня по голове длинной палкой, которую всегда носил с собой.

Заячья Губа при этом воспоминании потер свою круглую голову. Мальчики снова обратились к старику.

— …Билл — вот оно; Билл Шофер. Это было его имя. Заметьте, попав в руки Шофера, она опускалась все ниже и ниже. Только после гибели всего человечества стало возможным, что я знал ее, смотрел ей в глаза, прикасался к ее руке — и, эх… любил ее, зная, что и она чувствует ко мне симпатию. У меня были основания думать, что она даже полюбила бы меня, ведь на свете не осталось никого, кроме Шофера. Почему, истребив восемь миллиардов человек, чума пощадила его?

Однажды, когда Шофер ушел на рыбную ловлю, она умоляла меня убить его. Со слезами на глазах она умоляла убить его. Но он был силен и жесток, и я не дерзнул. После этого я говорил с ним. Я предложил ему мою лошадь, пони, моих собак, все мое достояние, если он отдаст мне Весту. Но он рассмеялся мне в лицо и покачал головой. Он был очень оскорблен и прибавил: заметь он только, что я переглядываюсь с его женой, — и он свернет мне шею, а ей хорошо достанется. Что я мог сделать? Я не решался. Он был зверем. В первую ночь нашей встречи Веста и я вспоминали исчезнувший мир. Мы говорили об искусстве, книгах,

поэзии. А Шофер слушал и ухмылялся и наконец сказал: «Эй, ты, женщина, сними-ка мои мокасины, да живо, я хочу, чтобы профессор Смит поглядел, как ты у меня вышколена!»

Я видел ее стиснутые зубы и краску возмущения, бросившуюся в лицо. Он приготовил кулак для удара, и у меня сжалось сердце. Я ничем не мог помочь ей. И я встал, чтобы не быть свидетелем нового унижения. Но Шофер засмеялся и пригрозил мне. И я сидел там, у костра, на берегу Темескальского озера, и видел Весту — Весту Ван-Варден, — на коленях снимавшую мокасины с этого гримасничающего волосатого человека-зверя.

…О, вы не понимаете, внуки мои. Вы ведь ничего не знаете и не можете этого понять.

— «*Halter broke and bridle — wise*»[3], — таращил глаза Шофер, в то время как она заканчивала свою ужасную унизительную работу. — Шутка неудачна иногда, профессор, шутка неудачна; но хорошая пощечина делает ее кроткой, как овечка!

В другой раз он сказал: «Ну, нам надо начинать сначала: плодиться и наполнять землю. Вы оста-

---

3 notes: 3

Непереводимо (игра слов). По смыслу: «Поработала — теперь можешь и погулять, умница».

лись за бортом. У вас нет жены, профессор, и мы в таком же положении, как в саду Эдема. Но я не горжусь. Я вам кое-что скажу, профессор». Он взял своего маленького годовалого ребенка. «Вот ваша жена, хотя вам придется подождать, пока она подрастет. Это здорово, не правда ли? Мы все здесь равны, а я сильнейшая жаба в болоте. Но я вовсе не заносчив. Я делаю вам честь, профессор Смит, очень большую честь помолвкой с моей дочерью — моей и Весты Ван-Варден. Не правда ли, жаль, что Ван-Варден не может видеть этого?»

Глава шестая

Я жил три недели в бесконечных мучениях там, в палатке Шофера. И наконец однажды — или я ему надоел, или он боялся моего влияния на Весту — он сказал мне, что в прошлом году, бродя по холмам Контра-Коста к проливам Каркинез, он видел дым. Значит, остались еще другие человеческие существа на земле, а он скрывал от меня целых три недели это бесценное сведение. И я двинулся в путь со своими собаками и лошадьми через Контра-Коста к проливам. Я не увидел дыма на другой стороне, но в порту Коста нашел маленькую стальную баржу, на которую

погрузил животных. Найдя кусок старого холста, я соорудил из него парус, и южный ветер погнал меня по проливу к развалинам Валледжо. Здесь, на окраине города, я нашел следы недавнего поселения. По двустворчатым пустым раковинам я понял, почему люди пришли на берег залива. Это было племя Санта-Розана, и я догнал их по следу вдоль старой железной дороги через солончаки к долине Сонома. Здесь, возле кирпичного завода в Тлэн-Эллен, я подошел к стоянке. Их было восемнадцать человек. Два старика: один из них Джонс, банкир, другой — Гаррисон, бывший ростовщик, взявший в жены служащую дома умалишенных в Напе. Из всех городов и деревень этой населенной долины она одна осталась в живых. Кроме них, здесь было трое молодых людей — Кардиф и Гэль, фермеры, и Уайт, чернорабочий. Все трое нашли себе жен. Блю, суровому невежественному фермеру, досталась Айседора — наиболее уважаемая женщина из оставшихся после чумы. Она была знаменитой мировой певицей, и чума застала ее в Сан-Франциско. Она долго рассказывала мне о своих приключениях, пока наконец ее не спас Гэль в Мендоцинском лесу. Ей ничего не оставалось делать, как стать его женой. Но Гэль был хороший парень, несмотря на свое невежество.

В нем было развито чувство справедливости, и она с ним была куда счастливей, чем Веста с Шофером.

Жены Кардифа и Уайта были обыкновенные женщины, привыкшие к работе, с сильным телосложением, приспособившиеся к новой дикой жизни, какую им приходилось вести. Кроме них, здесь было еще двое идиотов из Эльдеренского сумасшедшего дома и пять или шесть маленьких ребят, рожденных после того, как уже было положено начало роду Санта-Розана. Здесь была также Берта. Она была хорошая женщина, Заячья Губа, несмотря на зубоскальство твоего отца. Ее я взял себе в жены. Она была матерью твоего отца, Эдвин, и твоего, Хоу-Хоу. И наша дочь, Вера, вышла замуж за твоего отца, Заячья Губа, — Сандо, старшего сына Весты Ван-Варден и Шофера.

И так случилось, что я стал девятнадцатым членом рода Санта-Розана. После меня прибавилось еще только двое. Один из них — Мюнджерсон, потомок промышленных магнатов; он блуждал в лесах северной Калифорнии целых восемь лет, прежде чем присоединиться к нам. Это был муж моей дочери Мери. И он ждал ее двенадцать лет. Другой — Джонсон — человек, положивший начало роду Ута. Это было название деревни, откуда

он пришел, лежащей очень далеко к югу. Спустя двадцать семь лет после чумы Джонсон достиг Калифорнии. Из всей области Ута спаслись только трое, и он в этом числе. Много лет эти трое жили и охотились вместе, но потом, опасаясь, что вместе с ними исчезнет человеческий род с лица земли, они направились к востоку, надеясь в Калифорнии найти спасшуюся женщину. Джонсон один прошел через огромную пустыню, где погибли его товарищи. Ему было сорок шесть лет, когда он присоединился к нам и женился на четвертой дочери Айседоры и Гэля; а их старший сын женился на твоей тетке, Заячья Губа, третьей дочери Весты и Шофера. Джонсон был суровый человек с сильной волей. Он отделился от Санта-Розана и в Сан-Хозе стал родоначальником Ута. Это маленький род — всего только девять человек. Но хотя Джонсон и умер, личные качества его были таковы, что этот род играет важнейшую роль в развитии новой культуры на нашей планете.

Мы знаем только еще два рода — Лос-Анджелито и Кармелито. Основателя последнего звали Лопез; он произошел от древних мексиканцев и был совершенно смуглый. Был он пастухом, а его жена служила горничной в большом оте-

ле в Дель-Монтском. Только через семь лет мы наткнулись на Лос-Анджелито. У них хорошая деревня поблизости, но здесь слишком жарко. Я исчисляю теперешнее население всего мира в триста пятьдесят — четыреста человек. Быть может, существуют еще где-нибудь люди, но мы о них ничего не знаем. С тех пор как Джонсон пришел из Уты, мы не имели больше ниоткуда вестей. Великий мир, какой я знал в дни своего детства и юношества, прекратил свое существование. Я единственный человек, знающий чудеса прошлого. Мы, создавшие нашу планету — сушу, моря и небо, — бывшие господами жизни, живем теперь первобытными варварами вдоль Калифорнийского залива.

Но мы быстро размножаемся — у твоей сестры, Заячья Губа, уже четверо детей. Мы быстро размножаемся и уже начинаем медленно ползти к цивилизации. Когда нам станет тесно жить, и это заставит нас распространяться все дальше и дальше, и поколение за поколением медленно растечется по всему континенту к востоку, новые арийцы заполнят мир.

Но это будет медленно, очень медленно; нам ведь еще так далеко карабкаться. Мы упали так безнадежно низко. Если бы только хоть один

физик или химик остался в живых! Но этого нет, и мы все позабыли. Шофер продолжал работать с железом. Он сделал кузницу, которая служит нам и теперь. Но он был большой лентяй и все, что он знал о металлах и инструментах, унес с собой в могилу. А что я могу знать о таких вещах? Я был кабинетный ученый, не химик. Остальные спасшиеся — совсем темные люди. Только два дела делал Шофер — варил крепкие напитки и взращивал табак. Пьяным он и убил Весту. Я знаю наверно, что он убил Весту в припадке пьяного безумия, хотя он всегда утверждал, что она утонула в озере.

Я хочу вас предостеречь, внуки мои, от лекарей. Они называют себя докторами, подражая когда-то благородной профессии.

На самом деле эти люди — плуты, знахари, шарлатаны, вселяющие суеверие. Скоро они станут властвовать над нами. Мы так унижены, что верим *лжи* этих шарлатанов. Посмотрите на молодого Косоглазого; он продает талисманы против болезней — талисманы, приносящие удачную охоту и ясную погоду, изготовляет смертельный пластырь и совершает тысячи мерзостей. Но я говорю вам: он *лжет*. Я, профессор Смит, профессор Джемс Говард Смит, говорю, что

он лжет. Я сказал ему это в глаза. Почему он не посылает мне смертельного пластыря? Потому что это не принесет ему никакой выгоды. А ты, Заячья Губа, ты так глубоко погряз в темном суеверии, что, проснувшись ночью и увидя на своем боку пластырь, ты бы действительно умер. И ты умер бы не из-за пластыря, а потому, что ты дикарь с затемненным разумом варвара.

Доктора должны быть уничтожены, и все, что мы потеряли, снова должно быть открыто. И для этого я настойчиво повторяю вещи, какие вы должны запомнить и передать своему потомству. Вы должны им рассказать, что вода, подогретая на огне, превращается в нечто, называемое паром; этот пар сильней десяти тысяч человек и может совершать разную работу для человека. Кроме того, есть еще другие полезные вещи. Молния — также сильный помощник человека, давно уже она была его рабом и в будущем должна стать рабом снова.

Совсем другое дело алфавит. Благодаря ему я могу узнавать мельчайшие знаки, тогда как вы, мальчики, знаете только грубые картинки. В сухой пещере на Телеграфном холме, где вы часто заставали меня, когда остальные уходили к морю, я сохранил множество книг. В них большая

мудрость. С ними я спрятал ключ к алфавиту, и тот, кто знает картинки, сможет прочесть и напечатанное. Когда-нибудь люди начнут читать; и тогда, если ничего не случится с моей пещерой, они узнают, что профессор Джемс Говард Смит, живший когда-то, сохранил для них мудрость былых времен.

Есть еще одно изобретение, которое люди непременно найдут. Оно называется порохом. Это то, что убивает наверняка и на далеком расстоянии. Этот порох делается из некоторых веществ, находящихся в земле. Что это за вещества, я забыл или, может быть, никогда и не знал. Но я хотел бы знать. Тогда бы я сделал порох и убил бы Косоглазого, очистив землю от суеверия…

— Когда я вырасту, я отдам Косоглазому всех коз, мясо и кожи, какие только добуду, чтобы научиться быть доктором, — заявил Хоу-Хоу. — И когда я научусь, я буду учить других. И попомните — они будут добиваться этого!

Старик торжественно покачал головой и проговорил:

— Странно слышать что-то напоминающее сложную английскую речь из уст маленького грязного дикаря. Весь мир перевернулся вверх дном. Все пошло вверх дном с приходом чумы.

— Ты не хочешь меня учить, — обратился Заячья Губа к тому, кто обещал сделаться лекарем. — Если я заплачу тебе за смертельный пластырь, а он не подействует, я проломлю тебе голову — понимаешь, Хоу-Хоу, а?

— Я постараюсь помочь Грэнсэру вспомнить, из чего делается порох, — сказал тихо Эдвин. — И тогда я всех заставлю помогать. Ты, Заячья Губа, будешь охотиться для меня, а ты, Хоу-Хоу, будешь устрашать всех смертельным пластырем. И если я увижу, что Заячья Губа хочет пробить тебе голову, я убью его этим порохом. Грэнсэр вовсе не такой дурак, как вы думаете; я буду слушаться его и скоро стану хозяином всего побережья.

Старик грустно покачал головой и сказал:

— Порох появится. Ничто не останавливается — старая история повторится снова и снова. Люди будут размножаться и будут убивать друг друга. Порох поможет убивать миллионы людей, и только таким путем — через огонь и кровь — когда-нибудь разовьется новая цивилизация. А какой смысл всего этого? Так же как и старая, пройдет и новая цивилизация. Быть может, она будет развиваться пятьдесят тысяч лет, но она пройдет. Все проходит. Остаются лишь непрерывно движущаяся космическая сила и материя,

неизменно повторяющая вечные образы — жреца, воина и короля. Устами младенца глаголет истина. Кто будет воевать, кто — править, кто — молиться. А остальные будут работать и терпеливо страдать, и на их кровавых останках будет воздвигаться цивилизация со всеми ее чудесами. Мои книги можно уничтожить, — но, останутся они или нет, все равно снова вскроется вся их старая истина и старая ложь. Какой смысл…

Заячья Губа быстро вскочил и посмотрел на пасущихся коз и заходящее солнце.

— Ну, замолол… — проворчал он Эдвину. — Старый гусак становится разговорчивей с каждым днем. Надо двигать к поселку.

Двое мальчиков, созвав коз, погнали их по тропинкам в лес, а Эдвин остался со стариком и повел его по дороге. Выйдя на старую большую дорогу, Эдвин внезапно остановился и обернулся назад. Заячья Губа и Хоу-Хоу с козами и собаками уже прошли. Эдвин смотрел на диких лошадей, спускавшихся с песчаного берега. Их было приблизительно штук двадцать — маленьких жеребят и кобыл, предводительствуемых великолепным жеребцом. Он стоял в пене поднявшегося прибоя, с гибкой шеей и светлыми пугливыми глазами, вдыхая соленый воздух моря.

— Что там? — спросил Грэнсэр.

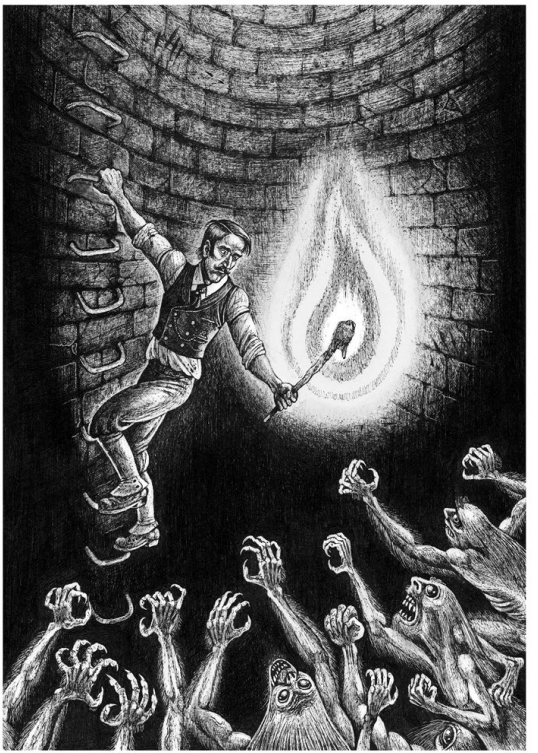
— Лошади, — был ответ. — Я впервые вижу их на берегу. Горных львов становится все больше и больше, и они скрылись сюда.

На краю горизонта заходящее солнце бросало последние красные лучи сквозь темные облака. И в белых водах прибрежья нерпы подняли снова возню, воюя и играя на черных утесах моря.

— Идем, Грэнсэр, — проговорил Эдвин.

И старик с мальчиком — одичалые, одетые в шкуры — повернулись и пошли вдоль дороги в лес по следам коз.

Перевод В. Азова, 1912 год



Герберт Джордж Уэллс

Машина времени

1. Изобретатель

Путешественник по Времени (будем называть его так) рассказывал нам невероятные вещи. Его серые глаза искрились и сияли, лицо, обычно бледное, покраснело и оживилось. В камине ярко пылал огонь, и мягкий свет электрических

лампочек, ввинченных в серебряные лилии, переливался в наших бокалах. Стулья собственного его изобретения были так удобны, словно ласкались к нам; в комнате царила та блаженная послеобеденная атмосфера, когда мысль, свободная от строгой определенности, легко скользит с предмета на предмет. Вот что он нам сказал, отмечая самое важное движениями тонкого указательного пальца, в то время как мы лениво сидели на стульях, удивляясь его изобретательности и тому, что он серьезно относится к своему новому парадоксу (как мы это называли).

— Прошу вас слушать меня внимательно. Мне придется опровергнуть несколько общепринятых представлений. Например, геометрия, которой вас обучали в школах, построена на недоразумении…

— Не думаете ли вы, что это слишком широкий вопрос, чтобы с него начинать? — сказал рыжеволосый Филби, большой спорщик.

— Я и не предполагаю, что вы согласитесь со мной, не имея на это достаточно разумных оснований. Но вам придется согласиться со мной, я вас заставлю. Вы, без сомнения, знаете, что математическая линия, линия без толщины, воображаема и реально не существует. Учили

вас этому? Вы знаете, что не существует также и математической плоскости. Все это чистые абстракции.

— Совершенно верно, — подтвердил Психолог.

— Но ведь точно так же не имеет реального существования и куб, обладающий только длиной, шириной и высотой…

— С этим я не могу согласиться, — заявил Филби. — Без сомнения, твердые тела существуют. А все существующие предметы…

— Так думает большинство людей. Но подождите минуту. Может ли существовать вневременный куб?

— Не понимаю вас, — сказал Филби.

— Можно ли признать действительно существующим кубом то, что не существует ни единого мгновения?

Филби задумался.

— А из этого следует, — продолжал Путешественник по Времени, — что каждое реальное тело должно обладать четырьмя измерениями: оно должно иметь длину, ширину, высоту и продолжительность существования. Но вследствие прирожденной ограниченности нашего ума мы не замечаем этого факта. И все же существуют четыре измерения, из которых три мы называем

пространственными, а четвертое — временным. Правда, существует тенденция противопоставить три первых измерения последнему, но только потому, что наше сознание от начала нашей жизни и до ее конца движется рывками лишь в одном-единственном направлении этого последнего измерения.

— Это, — произнес Очень Молодой Человек, делая отчаянные усилия раскурить от лампы свою сигару, — это… право, яснее ясного.

— Замечательно. Однако это совершенно упускают из виду, — продолжал Путешественник по Времени, и голос его слегка повеселел. — Время и есть то, что подразумевается под Четвертым Измерением, хотя некоторые трактующие о Четвертом Измерении не знают, о чем говорят. Это просто иная точка зрения на Время. Единственное различие между Временем и любым из трех пространственных измерений заключается в том, что наше сознание движется по нему. Некоторые глупцы неправильно понимают эту мысль. Все вы, конечно, знаете, в чем заключаются их возражения против Четвертого Измерения?

— Я не знаю, — заявил Провинциальный Мэр.

— Все очень просто. Пространство, как понимают его наши математики, имеет три измерения,

которые называются длиной, шириной и высотой, и оно определяется относительно трех плоскостей, расположенных под прямым углом друг к другу. Однако некоторые философские умы задавали себе вопрос: почему же могут существовать только три измерения? Почему не может существовать еще одно направление под прямым углом к трем остальным? Они пытались даже создать Геометрию Четырех Измерений. Всего около месяца тому назад профессор Саймон Ньюком излагал эту проблему перед Нью-йоркским математическим обществом. Вы знаете, что на плоской поверхности, обладающей только двумя измерениями, можно представить чертеж трехмерного тела. Предполагается, что точно так же при помощи трехмерных моделей можно представить предмет в четырех измерениях, если овладеть перспективой этого предмета. Понимаете?

— Кажется, да, — пробормотал Провинциальный Мэр.

Нахмурив брови, он углубился в себя и шевелил губами, как человек, повторяющий какие-то магические слова.

— Да, мне кажется, я теперь понял, — произнес он спустя несколько минут, и его лицо просияло.

— Ну, я мог бы рассказать вам, как мне пришлось заниматься одно время Геометрией Четырех Измерений. Некоторые из моих выводов довольно любопытны. Например, вот портрет человека, когда ему было восемь лет, другой — когда ему было пятнадцать, третий — семнадцать, четвертый — двадцать три года и так далее. Все это, очевидно, трехмерные представления его четырехмерного существования, которое является вполне определенной и неизменной величиной.

— Ученые, — продолжал Путешественник по Времени, помолчав для того, чтобы мы лучше усвоили сказанное, — отлично знают, что Время — только особый вид Пространства. Вот перед вами самая обычная диаграмма, кривая погоды. Линия, по которой я веду пальцем, показывает колебания барометра. Вчера он стоял вот на такой высоте, к вечеру упал, сегодня утром снова поднялся и полз понемногу вверх, пока не дошел вот до этого места. Без сомнения, ртуть не нанесла этой линии ни в одном из общепринятых пространственных измерений. Но так же несомненно, что ее колебания абсолютно точно определяются нашей линией, и отсюда мы должны заключить, что такая линия была проведена в Четвертом Измерении — во Времени.

— Но, — сказал Доктор, пристально глядя на уголь в камине, — если Время действительно только Четвертое Измерение Пространства, то почему же всегда вплоть до наших дней на него смотрели как на нечто отличное? И почему мы не можем двигаться во Времени точно так же, как движемся во всех остальных измерениях Пространства?

Путешественник по Времени улыбнулся.

— А вы так уверены в том, что мы можем свободно двигаться в Пространстве? Правда, мы можем довольно свободно пойти вправо и влево, назад и вперед, и люди всегда делали это. Я допускаю, что мы свободно движемся в двух измерениях. Ну а как насчет движения вверх? Сила тяготения ограничивает нас в этом.

— Не совсем, — заметил Доктор. — Существуют же аэростаты.

— Но до аэростатов, кроме неуклюжих прыжков и лазанья по неровностям земной поверхности, у человека не было иной возможности вертикального движения.

— Все же мы можем двигаться немного вверх и вниз, — сказал Доктор.

— Легче, значительно легче вниз, чем вверх!

— Но двигаться во Времени совершенно

немыслимо, вы никуда не уйдете от настоящего момента.

— Мой дорогой друг, тут-то вы и ошибаетесь. В этом-то и ошибался весь мир. Мы постоянно уходим от настоящего момента. Наша духовная жизнь, нематериальная и не имеющая измерений, движется с равномерной быстротой от колыбели к могиле по Четвертому Измерению Пространства — Времени. Совершенно так же, как если бы мы, начав свое существование в пятидесяти милях над земной поверхностью, равномерно падали бы вниз.

— Однако главное затруднение, — вмешался Психолог, — заключается в том, что можно свободно двигаться во всех направлениях Пространства, но нельзя так же свободно двигаться во Времени!

— В этом-то и заключается зерно моего великого открытия. Вы совершаете ошибку, говоря, что нельзя двигаться во Времени. Если я, например, очень ярко вспоминаю какое-либо событие, то возвращаюсь ко времени его совершения и как бы мысленно отсутствую. Я на миг делаю прыжок в прошлое. Конечно, мы не имеем возможности остаться в прошлом на какую бы то ни было частицу Времени, подобно тому как дикарь или

животное не могут повиснуть в воздухе на расстоянии хотя бы шести футов от земли. В этом отношении цивилизованный человек имеет преимущество перед дикарем. Он вопреки силе тяготения может подняться вверх на воздушном шаре. Почему же нельзя надеяться, что в конце концов он сумеет также остановить или ускорить свое движение по Времени или даже повернуть в противоположную сторону?

— Это совершенно невозможно… — начал было Филби.

— Почему нет? — спросил Путешественник по Времени.

— Это противоречит разуму, — ответил Филби.

— Какому разуму? — сказал Путешественник по Времени.

— Конечно, вы можете доказывать, что черное — белое, — сказал Филби, — но вы никогда не убедите меня в этом.

— Возможно, — сказал Путешественник по Времени. — Но все же попытайтесь взглянуть на этот вопрос с точки зрения Геометрии Четырех Измерений. С давних пор у меня была смутная мечта создать машину…

— Чтобы путешествовать по Времени? — прервал его Очень Молодой Человек.

— Чтобы двигаться свободно в любом направлении Пространства и Времени по желанию того, кто управляет ею.

Филби только рассмеялся и ничего не сказал.

— И я подтвердил возможность этого на опыте, — сказал Путешественник по Времени.

— Это было бы удивительно удобно для историка, — заметил Психолог. — Можно было бы, например, отправиться в прошлое и проверить известное описание битвы при Гастингсе!

— А вы не побоялись бы, что на вас нападут обе стороны? — сказал Доктор. — Наши предки не очень-то любили анахронизмы.

— Можно было бы изучить греческий язык из уст самого Гомера или Платона, — сказал Очень Молодой Человек.

— И вы, конечно, провалились бы на экзамене. Немецкие ученые так удивительно усовершенствовали древнегреческий язык!

— В таком случае уж лучше отправиться в будущее! — воскликнул Очень Молодой Человек. — Подумайте только! Можно было бы поместить все свои деньги в банк под проценты — и вперед!

— А там окажется, — перебил я, — что общество будущего основано на строго коммунистических

началах.

— Это самая экстравагантная теория!.. — воскликнул Психолог.

— Да, так казалось и мне, но я не говорил об этом до тех пор…

— Пока не могли подтвердить это опытом! — подхватил я. — И вы можете доказать…

— Требую опыта! — закричал Филби, которому надоели рассуждения.

— Покажите же нам свой опыт, — сказал Психолог, — хотя, конечно, все это чепуха.

Путешественник по Времени, улыбаясь, обвел нас взглядом. Затем все с той же усмешкой засунул руки в карманы и медленно вышел из комнаты. Мы услышали шарканье его туфель по длинному коридору, который вел в лабораторию.

Психолог посмотрел на нас.

— Интересно, зачем он туда пошел?

— Наверно, это какой-нибудь фокус, — сказал Доктор.

Филби принялся рассказывать о фокуснике, которого он видел в Барслеме, но тут Путешественник по Времени вернулся, и рассказ Филби остался неоконченным.

2. Машина времени

Путешественник по Времени держал в руке искусно сделанный блестящий металлический предмет немного больше маленьких настольных часов. Он был сделан из слоновой кости и какого-то прозрачного, как хрусталь, вещества. Теперь я постараюсь быть очень точным в своем рассказе, так как за этим последовали совершенно невероятные события. Хозяин придвинул один из маленьких восьмиугольных столиков, расставленных по комнате, к самому камину так, что две его ножки очутились на каминном коврике. На этот столик он поставил свой аппарат. Затем придвинул стул и сел на него. Кроме аппарата, на столе стояла еще небольшая лампа под абажуром, от которой падал яркий свет. В комнате теперь горело еще около дюжины свечей: две в бронзовых подсвечниках на камине, остальные в канделябрах, — так что вся она была освещена. Я сел в низкое кресло поближе к огню и выдвинул его вперед так, что оказался почти между камином и Путешественником по Времени. Филби уселся позади и смотрел через его плечо. Доктор и Провинциальный Мэр наблюдали с правой

стороны, а Психолог — слева. Очень Молодой Человек стоял позади Психолога. Все мы насторожились. Мне кажется невероятным, чтобы при таких условиях нас можно было обмануть каким-нибудь фокусом, даже самым хитрым и искусно выполненным.

Путешественник по Времени посмотрел на нас, затем на свой аппарат.

— Ну? — сказал Психолог.

— Этот маленький механизм — только модель, — сказал Путешественник по Времени, облокотившись на стол и сплетя пальцы над аппаратом. — По ней я делаю машину для путешествия по Времени. Вы замечаете, какой у нее необычный вид? Например, вот у этой пластинки очень смутная поверхность, как будто бы она в некотором роде не совсем реальна.

Он указал пальцем на одну из частей модели.

— Вот здесь находится маленький белый рычажок, а здесь другой.

Доктор встал со стула и принялся рассматривать модель.

— Чудесно сделано, — сказал он.

— На это ушло два года, — ответил Путешественник по Времени. Затем, после того как мы все по примеру Доктора осмотрели модель, он

добавил: — А теперь обратите внимание на следующее: если нажать на этот рычажок, машина начинает скользить в будущее, а второй рычажок вызывает обратное движение. Вот седло, в которое должен сесть Путешественник по Времени. Сейчас я нажму рычаг — и машина двинется. Она исчезнет, умчится в будущее и скроется из наших глаз. Осмотрите ее хорошенько. Осмотрите также стол и убедитесь, что тут нет никакого фокуса. Я вовсе не желаю потерять свою модель и получить за это только репутацию шарлатана.

Наступило минутное молчание. Психолог как будто хотел что-то сказать мне, но передумал. Путешественник по Времени протянул палец по направлению к рычагу.

— Нет, — сказал он вдруг. — Дайте-ка мне вашу руку. — Обернувшись к Психологу, он взял его за локоть и попросил вытянуть указательный палец.

Таким образом, Психолог сам отправил модель Машины Времени в ее бесконечное путешествие. Мы все видели, как рычаг повернулся. Я глубоко убежден, что здесь не было обмана. Произошло колебание воздуха, и пламя лампы задрожало. Одна из свечей, стоявших на камине, погасла. Маленькая машина закачалась, сделалась неяс-

ной, на мгновение она представилась нам как тень, как призрак, как вихрь поблескивавшего хрусталя и слоновой кости — и затем исчезла, пропала. На столе осталась только лампа.

С минуту мы все молчали. Затем Филби пробормотал проклятие.

Психолог, оправившись от изумления, заглянул под стол. Путешественник по Времени весело рассмеялся.

— Ну! — сказал он, намекая на сомнения Психолога.

Затем, встав, он взял с камина жестянку с табаком и преспокойно принялся набивать трубку.

Мы посмотрели друг на друга.

— Слушайте, — сказал Доктор, — неужели вы это серьезно? Неужели вы действительно верите, что ваша машина отправилась путешествовать по Времени?

— Без сомнения, — ответил он, наклонился к камину и сунул в огонь клочок бумаги. Затем, закурив трубку, посмотрел на Психолога. (Психолог, стараясь скрыть свое смущение, достал сигару и, позабыв обрезать кончик, тщетно пытался закурить.) — Скажу более, — продолжал наш хозяин, — у меня почти окончена большая машина… Там. — Он указал в сторону своей лабо-

ратории. — Когда она будет готова, я предполагаю сам совершить путешествие.

— Вы говорите, что эта машина отправилась в будущее? — спросил Филби.

— В будущее или в прошлое — наверняка не знаю.

— Постойте, — сказал Психолог с воодушевлением. — Она должна была отправиться в прошлое, если вообще можно допустить, что она куда-нибудь отправилась.

— Почему? — спросил Путешественник по Времени.

— Потому что если бы она не двигалась в Пространстве и отправилась в будущее, то все время оставалась бы с нами: ведь и мы путешествуем туда же!

— А если бы она отправилась в прошлое, — добавил я, — то мы видели бы ее еще в прошлый четверг, когда были здесь, и в позапрошлый четверг и так далее!

— Серьезные возражения! — заметил Провинциальный Мэр и с видом полного беспристрастия повернулся к Путешественнику по Времени.

— Вовсе нет, — сказал тот и, обращаясь к Психологу, сказал: — Вы сами легко можете им это объяснить. Это вне восприятия, неуловимо чув-

ством.

— Конечно, — ответил Психолог, обращаясь к нам. — С психологической точки зрения это очень просто. Я должен был бы догадаться раньше. Психология разъясняет ваш парадокс. Мы действительно не можем видеть, не можем воспринять движение этой машины, как не можем видеть спицу быстро вертящегося колеса или пулю, летящую в воздухе. И если машина движется в будущее со скоростью в пятьдесят или сто раз большей, чем мы сами, если она проходит хотя бы минуту времени, пока мы проходим секунду, то восприятие ее равняется, безусловно, только одной пятидесятой или одной сотой обычного восприятия. Это совершенно ясно. — Он провел рукой по тому месту, где стоял аппарат. — Понимаете? — сказал он, смеясь.

Целую минуту мы не сводили взгляда с пустого стола. Затем Путешественник по Времени спросил, что мы обо всем этом думаем.

— Все это кажется сегодня вполне правдоподобным, — ответил Доктор, — но подождем до завтра. Утро вечера мудренее.

— Не хотите ли взглянуть на саму Машину Времени? — спросил Путешественник по Времени.

И, взяв лампу, он повел нас по длинному холод-

ному коридору в свою лабораторию. Ясно помню мерцающий свет лампы, его темную крупную голову впереди, наши пляшущие тени на стенах. Мы шли за ним, удивленные и недоверчивые, и увидели в лаборатории, так сказать, увеличенную копию маленького механизма, исчезнувшего на наших глазах. Некоторые части машины были сделаны из никеля, другие из слоновой кости; были и детали, несомненно, вырезанные или выпиленные из горного хрусталя. В общем, машина была готова. Только на скамье, рядом с чертежами, лежало несколько прозрачных, причудливо изогнутых стержней. Они, по-видимому, не были окончены. Я взял в руку один из них, чтобы получше рассмотреть. Мне показалось, что он был сделан из кварца.

— Послушайте, — сказал Доктор, — неужели это действительно серьезно? Или это фокус вроде того привидения, которое вы показывали нам на прошлое Рождество?

— На этой машине, — сказал Путешественник по Времени, держа лампу высоко над головой, — я собираюсь исследовать Время. Понимаете? Никогда еще я не говорил более серьезно, чем сейчас.

Никто из нас хорошенько не знал, как отнестись к этим его словам. Выглянув из-за плеча

Доктора, я встретился взглядом с Филби, и он многозначительно подмигнул мне.

3. Путешественник по Времени возвращается

Мне кажется, в то время никто из нас серьезно не верил в Машину Времени. Дело в том, что Путешественник по Времени принадлежал к числу людей, которые слишком умны, чтобы им можно было слепо верить. Всегда казалось, что он себе на уме, никогда не было уверенности в том, что его обычная откровенность не таит какой-нибудь задней мысли или хитроумной уловки. Если бы ту же самую модель показал нам Филби, объяснив сущность дела теми же словами, мы проявили бы значительно больше доверия. Мы понимали бы, что им движет: всякий колбасник мог бы понять Филби; но характер Путешественника по Времени был слишком причудлив, и мы инстинктивно не доверяли ему. Открытия и выводы, которые доставили бы славу человеку менее умному, у него казались лишь хитрыми трюками. Вообще достигать своих целей слишком легко — недальновидно. Серьезные, умные люди, с уважением относившиеся к нему, никогда не были уверены в

том, что он не одурачит их просто ради шутки, и всегда чувствовали, что их репутация в его руках подобна тончайшему фарфору в руках ребенка. Вот почему, как мне кажется, ни один из нас всю следующую неделю, от четверга до четверга, ни словом не обмолвился о путешествии по Времени, хотя, без сомнения, оно заинтересовало всех: кажущаяся правдоподобность и вместе с тем практическая невероятность такого путешествия, забавные анахронизмы и полный хаос, который оно вызвало бы, — все это очень занимало нас. Что касается меня лично, то я особенно заинтересовался опытом с моделью. Помню, я поспорил об этом с Доктором, встретившись с ним в пятницу в Линнеевском обществе. Он говорил, что видел нечто подобное в Тюбингене, и придавал большое значение тому, что одна из свечей во время опыта погасла. Но как все это было проделано, он не мог объяснить.

В следующий четверг я снова поехал в Ричмонд, так как постоянно бывал у Путешественника по Времени, и, немного запоздав, застал уже в гостиной четверых или пятерых знакомых.

Доктор стоял перед камином с листком бумаги в одной руке и часами в другой. Я огляделся: Путешественника по Времени не было.

— Половина восьмого, — сказал Доктор. — Мне кажется, пора садиться за стол.

— Но где же хозяин? — спросил я.

— Ага, вы только что пришли? Знаете, это становится странным. Его, по-видимому, что-то задержало. В этой записке он просит нас сесть за стол в семь часов, если он не вернется, и обещает потом объяснить, в чем дело.

— Досадно, если обед будет испорчен, — сказал Редактор одной известной газеты.

Доктор позвонил.

Из прежних гостей, кроме меня и Доктора, был только один Психолог. Зато появились новые: Бленк — уже упомянутый нами Редактор, один журналист и еще какой-то тихий, застенчивый бородатый человек, которого я не знал и который, насколько я мог заметить, за весь вечер не проронил ни слова. За обедом высказывались всевозможные догадки о том, где сейчас хозяин. Я шутливо намекнул, что он путешествует по Времени. Редактор захотел узнать, что это значит, и Психолог принялся длинно и неинтересно рассказывать об «остроумном фокусе», очевидцами которого мы были неделю назад. В самой середине его рассказа дверь в коридор медленно и бесшумно отворилась. Я сидел напротив нее и

первый заметил это.

— А! — воскликнул я. — Наконец-то! — Дверь распахнулась настежь, и мы увидели Путешественника по Времени.

У меня вырвался крик изумления.

— Господи, что с вами? — воскликнул и Доктор.

Все сидевшие за столом повернулись к двери.

Вид у него был действительно странный. Его сюртук был весь в грязи, на рукавах проступали какие-то зеленые пятна; волосы были всклокочены и показались мне посеревшими от пыли или оттого, что они за это время выцвели. Лицо его было мертвенно-бледно, на подбородке виднелся темный, едва затянувшийся рубец, глаза дико блуждали, как у человека, перенесшего тяжкие страдания. С минуту он постоял в дверях, как будто ослепленный светом. Затем, прихрамывая, вошел в комнату. Так хромают бродяги, когда натрут ноги. Мы все выжидающе смотрели на него.

Не произнося ни слова, он заковылял к столу и протянул руку к бутылке. Редактор налил шампанского и пододвинул ему бокал. Он осушил бокал залпом, и ему, казалось, стало лучше, — он обвел взглядом стол, и на лице его мелькнуло подобие обычной улыбки.

— Что с вами случилось? — спросил Доктор.

Путешественник по Времени, казалось, не слышал вопроса.

— Не беспокойтесь, — сказал он, запинаясь. — Все в порядке.

Он замолчал и снова протянул бокал, затем выпил его, как и прежде, залпом.

— Вот хорошо, — сказал он.

Глаза его заблестели, на щеках показался слабый румянец. Он взглянул на нас с одобрением и два раза прошелся из угла в угол комнаты, теплой и уютной… Потом заговорил, запинаясь и как будто с трудом подыскивая слова.

— Я пойду приму ванну и переоденусь, а затем вернусь и все вам расскажу… Оставьте мне только кусочек баранины. Я смертельно хочу мяса.

Он взглянул на Редактора, который редко бывал в его доме, и поздоровался с ним. Редактор что-то спросил у него.

— Дайте мне только одну минутку, и я вам отвечу, — сказал Путешественник по Времени. — Видите, в каком я виде. Но через минуту все будет в порядке.

Он поставил бокал на стол и направился к двери. Я снова обратил внимание на его хромоту и шаркающую походку. Привстав со стула как раз

в то мгновение, когда он выходил из комнаты, я поглядел на его ноги. На них не было ничего, кроме изорванных и окровавленных носков. Дверь закрылась. Я хотел его догнать, но вспомнил, как он ненавидит лишнюю суету. Несколько минут я не мог собраться с мыслями.

— Странное Поведение Знаменитого Ученого, — услышал я голос Редактора, который по привычке мыслил всегда в форме газетных заголовков. Эти слова вернули меня к ярко освещенному обеденному столу.

— В чем дело? — спросил Журналист. — Что он, разыгрывает из себя бродягу, что ли? Ничего не понимаю.

Я встретился взглядом с Психологом и на его лице прочел отражение собственных мыслей. Я подумал о путешествии по Времени и о самом Путешественнике, ковылявшем теперь наверх по лестнице. Кажется, никто, кроме меня, не заметил его хромоты.

Первым опомнился Доктор. Он позвонил — Путешественник по Времени не любил, чтобы прислуга находилась в комнате во время обеда, — и велел подать следующее блюдо.

Проворчав что-то себе под нос, Редактор принялся орудовать ножом и вилкой, и Молчаливый

Гость последовал его примеру. Все снова принялись за еду. Некоторое время разговор состоял из одних удивленных восклицаний, перемежавшихся молчанием. Любопытство Редактора достигло предела.

— Не пополняет ли наш общий друг свои скромные доходы нищенством? — начал он снова. — Или с ним случилось то же самое, что с Навуходоносором?

— Я убежден, что это имеет какое-то отношение к Машине Времени, — сказал я и стал продолжать рассказ о нашей предыдущей встрече с того места, где остановился Психолог. Новые гости слушали с явным недоверием. Редактор принялся возражать.

— Хорошенькое путешествие по Времени! — воскликнул он. — Подумайте только! Не может же человек покрыться пылью только потому, что запутался в своем парадоксе!

Найдя эту мысль забавной, он принялся острить:

— Неужели в Будущем нет платяных щеток?

Журналист тоже ни за что не хотел нам верить и присоединился к Редактору, легко нанизывая одну на другую насмешки и несообразности. Оба они были журналистами нового типа — веселые

разбитные молодые люди.

— Наш специальный корреспондент из послезавтрашнего дня сообщает! — сказал или, скорее, выкрикнул Журналист в то мгновение, когда Путешественник по Времени появился снова. Он был теперь в своем обычном костюме, и, кроме блуждающего взгляда, во внешности его не осталось никаких следов недавней перемены, которая меня так поразила.

— Вообразите, — весело сказал Редактор, — эти шутники утверждают, что вы побывали в середине будущей недели!.. Не расскажете ли вы нам что-нибудь о Розбери? Какой желаете гонорар?

Не произнося ни слова, Путешественник по Времени подошел к оставленному для него месту. Он улыбался своей обычной спокойной улыбкой.

— Где моя баранина? — спросил он. — Какое наслаждение снова воткнуть вилку в кусок мяса!

— Выкладывайте! — закричал Редактор.

— К черту! — сказал Путешественник по Времени. — Я умираю с голоду. Не скажу ни слова, пока не подкреплюсь. Благодарю вас. И, будьте любезны, передайте соль.

— Одно только слово, — проговорил я. — Вы путешествовали по Времени?

— Да, — ответил Путешественник по Времени с

набитым ртом и кивнул головой.

— Готов заплатить по шиллингу за строчку! — сказал Редактор.

Путешественник по Времени пододвинул к Молчаливому Человеку свой бокал и постучал по нему пальцем; Молчаливый Человек, пристально смотревший на него, нервно вздрогнул и налил вина.

Обед показался мне бесконечно долгим. Я с трудом удерживался от вопросов, и думаю, то же самое было со всеми остальными. Журналист пытался поднять настроение, рассказывая анекдоты. Но Путешественник по Времени был поглощен обедом и ел с аппетитом настоящего бродяги. Доктор курил сигару и, прищурившись, незаметно наблюдал за ним. Молчаливый Человек, казалось, был застенчивей обыкновенного и нервно пил шампанское. Наконец Путешественник по Времени отодвинул тарелку и оглядел нас.

— Я должен извиниться перед вами, — сказал он. — Простите! Я умирал с голоду. Со мной случилось удивительнейшее происшествие.

Он протянул руку за сигарой и обрезал ее конец.

— Перейдемте в курительную. Это слишком

длинная история, чтобы рассказывать ее за столом, уставленным грязными тарелками.

И, позвонив прислуге, он отвел нас в соседнюю комнату.

— Рассказывали вы Бленку, Дэшу и Чоузу о Машине? — спросил он меня, откидываясь на спинку удобного кресла и указывая на троих новых гостей.

— Но ведь это просто парадокс, — сказал Редактор.

— Сегодня я не в силах спорить. Рассказать могу, но спорить не в состоянии. Если хотите, я расскажу вам о том, что со мной случилось, но прошу не прерывать меня. Я чувствую непреодолимую потребность рассказать вам все. Знаю, что едва ли не весь мой рассказ покажется вам вымыслом. Пусть так! Но все-таки это правда — от первого до последнего слова… Сегодня в четыре часа дня я был в своей лаборатории, и с тех пор… за три часа прожил восемь дней… Восемь дней, каких не переживал еще ни один человек! Я измучен, но не лягу спать до тех пор, пока не расскажу вам все. Тогда только я смогу заснуть. Но не прерывайте меня. Согласны?

— Согласен, — сказал Редактор.

И все мы повторили хором:

— Согласны!

И Путешественник по Времени начал свой рассказ, который я привожу здесь. Сначала он сидел, откинувшись на спинку кресла, и казался крайне утомленным, но потом понемногу оживился. Пересказывая его историю, я слишком глубоко чувствую полнейшее бессилие пера и чернил и, главное, собственную свою неспособность передать все эти характерные особенности. Вероятно, вы прочтете ее со вниманием, но не увидите бледного искреннего лица рассказчика, освещенного ярким светом лампы, и не услышите звука его голоса. Вы не сможете представить себе, как по ходу рассказа изменялось выражение этого лица. Большинство из нас сидело в тени: в курительной комнате не были зажжены свечи, а лампа освещала только лицо Журналиста и ноги Молчаливого Человека, да и то лишь до колен.

Сначала мы молча переглядывались, но вскоре забыли обо всем и смотрели только на Путешественника по Времени.

4. Путешествие по Времени

— В прошлый четверг я объяснял уже некоторым из вас принцип действия моей Машины

Времени и показывал ее, еще не законченную, в своей мастерской. Там она находится и сейчас, правда, немного потрепанная путешествием. Один из костяных стержней надломлен, и бронзовая полоса погнута, но все остальные части в исправности. Я рассчитывал закончить ее еще в пятницу, но, собрав все, заметил, что одна из никелевых деталей на целый дюйм короче, чем нужно. Пришлось снова ее переделывать. Вот почему моя Машина была закончена только сегодня. В десять часов утра первая в мире Машина Времени была готова к путешествию. В последний раз я осмотрел все, испробовал винты и, снова смазав кварцевую ось, сел в седло. Думаю, что самоубийца, который подносит револьвер к виску, испытывает такое же странное чувство, какое охватило меня, когда одной рукой я взялся за пусковой рычаг, а другой — за тормоз. Я быстро повернул первый и почти тотчас же второй. Мне показалось, что я покачнулся, испытав, будто в кошмаре, ощущение падения. Но, оглядевшись, я увидел свою лабораторию такой же, как и за минуту до этого. Произошло ли что-нибудь? На мгновение у меня мелькнула мысль, что все мои теории ошибочны. Я посмотрел на часы. Минуту назад, как мне казалось, часы показывали начало

одиннадцатого, теперь же — около половины четвертого!

Я вздохнул и, сжав зубы, обеими руками повернул пусковой рычаг. Лаборатория стала туманной и неясной. Вошла миссис Уотчет и, по-видимому, не замечая меня, двинулась к двери в сад. Для того чтобы перейти комнату, ей понадобилось, вероятно, около минуты, но мне показалось, что она пронеслась с быстротой ракеты. Я повернул рычаг до отказа. Сразу наступила темнота, как будто потушили лампу, но в следующее же мгновение вновь стало светло. Я неясно различал лабораторию, которая становилась все более и более туманной. Вдруг наступила ночь, затем снова день, снова ночь и так далее, все быстрее. У меня шумело в ушах, и странное ощущение падения стало сильнее.

Боюсь, что не сумею передать вам своеобразных ощущений путешествия по Времени. Чтобы понять меня, их надо испытать самому. Они очень неприятны. Как будто мчишься куда-то, беспомощный, с головокружительной быстротой. Предчувствие ужасного, неизбежного падения не покидает тебя. Пока я мчался таким образом, ночи сменялись днями, подобно взмахам крыльев. Скоро смутные очертания моей

лаборатории исчезли, и я увидел солнце, каждую минуту делавшее скачок по небу от востока до запада, и каждую минуту наступал новый день. Я решил, что лаборатория разрушена и я очутился под открытым небом. У меня было такое чувство, словно я нахожусь на эшафоте, но я мчался слишком быстро, чтобы отдаваться такого рода впечатлениям. Самая медленная из улиток двигалась для меня слишком быстро. Мгновенная смена темноты и света была нестерпима для глаз. В секунды потемнения я видел луну, которая быстро пробегала по небу, меняя свои фазы от новолуния до полнолуния, видел слабое мерцание кружившихся звезд. Я продолжал мчаться так со все возрастающей скоростью, день и ночь слились наконец в сплошную серую пелену; небо окрасилось в ту удивительную синеву, приобрело тот чудесный оттенок, который появляется в ранние сумерки; метавшееся солнце превратилось в огненную полосу, дугой сверкавшую от востока до запада, а луна — в такую же полосу слабо струившегося света; я уже не мог видеть звезд и только изредка замечал то тут, то там светлые круги, опоясавшие небесную синеву.

Вокруг меня все было смутно и туманно. Я все еще находился на склоне холма, на котором и сей-

час стоит этот дом, и вершина его поднималась надо мной, серая и расплывчатая. Я видел, как деревья вырастали и изменяли форму подобно клубам дыма: то желтея, то зеленея, они росли, увеличивались и исчезали. Я видел, как огромные великолепные здания появлялись и таяли, словно сновидения. Вся поверхность земли изменялась на моих глазах. Маленькие стрелки на циферблатах, показывавшие скорость Машины, вертелись все быстрей и быстрей. Скоро я заметил, что полоса, в которую превратилось солнце, колеблется то к северу, то к югу — от летнего солнцестояния к зимнему, — показывая, что я пролетал более года в минуту, и каждую минуту снег покрывал землю и сменялся яркой весенней зеленью.

Первые неприятные ощущения полета стали уже не такими острыми. Меня вдруг охватило какое-то исступление. Я заметил странное качание машины, но не мог понять причины этого. В голове моей был какой-то хаос, и я в припадке безумия летел в будущее. Я не думал об остановке, забыл обо всем, кроме своих новых ощущений. Но вскоре эти ощущения сменились любопытством, смешанным со страхом. «Какие удивительные изменения, произошедшие с человечеством, какие

чудесные достижения прогресса по сравнению с нашей зачаточной цивилизацией, — думал я, — могут открыться передо мной, если я взгляну поближе на мир, смутно мелькающий сейчас перед моими глазами!» Я видел, как вокруг меня проносились огромные сооружения чудесной архитектуры, гораздо более величественные, чем здания нашего времени, но они казались как бы сотканными из мерцающего тумана. Я видел, как склон этого холма покрылся пышной зеленью и она оставалась на нем круглый год — летом и зимой. Даже сквозь дымку, окутавшую меня, зрелище показалось мне удивительно прекрасным. И я почувствовал желание остановиться.

Риск заключался в том, что пространство, необходимое для моего тела или моей Машины, могло оказаться уже занятым. Пока я с огромной скоростью мчался по Времени, это не имело значения, я находился, так сказать, в разжиженном состоянии, подобно пару, скользил между встречавшимися предметами. Но остановка означала, что я должен молекула за молекулой втиснуться в то, что оказалось бы на моем пути; атомы моего тела должны были войти в такое близкое соприкосновение с атомами этого препятствия, что между теми и другими могла произойти бур-

ная химическая реакция — возможно, мощный взрыв, после которого я вместе с моим аппаратом оказался бы по ту сторону всех измерений, в Неизвестности. Эта возможность не раз приходила мне на ум, пока я делал Машину, но тогда я считал, что это риск, на который необходимо идти. Теперь же, когда опасность казалась неминуемой, я уже не смотрел на нее так беззаботно. Дело в том, что новизна окружающего, утомительные колебания и дрожание Машины, а главное, непрерывное ощущение падения — все это незаметно действовало на мои нервы. Я говорил себе, что уже больше не смогу никогда остановиться, и вдруг, досадуя на самого себя, решил это сделать. Как глупец, я нетерпеливо рванул тормоз. Машина в то же мгновение перевернулась, и я стремглав полетел в пространство.

В ушах у меня словно загремел гром. На мгновение я был оглушен. Потом с трудом сел и осмотрелся. Вокруг меня со свистом падал белый град, а я сидел на мягком дерне перед опрокинутой Машиной. Все вокруг по-прежнему казалось серым, но вскоре я почувствовал, что шум в ушах прошел, и еще раз осмотрелся: я находился, по-видимому, в саду, на лужайке, обсаженной рододендронами, лиловые и алые цветы падали

на землю под ударами града. Отскакивая от земли, градины летели над моей Машиной, таяли и сырым покровом стлались по земле. В одно мгновение я промок до костей.

«Нечего сказать, хорошенькое гостеприимство, — сказал я, — так встречать человека, который промчался сквозь бесчисленное множество лет».

Решив, что мокнуть дольше было бы глупо, я встал и осмотрелся. Сквозь туман за рододендронами я смутно различил колоссальную фигуру, высеченную, по-видимому, из какого-то белого камня. Больше ничего видно не было.

Трудно передать мои ощущения. Когда град стал падать реже, я подробно разглядел белую фигуру. Она была очень велика — высокий серебристый тополь достигал только до ее половины. Высечена она была из белого мрамора и походила на сфинкса, но крылья его не прилегали к телу, а были распростерты, словно он собирался взлететь. Пьедестал показался мне сделанным из бронзы и позеленевшим от времени. Лицо Сфинкса было обращено прямо ко мне, его незрячие глаза, казалось, смотрели на меня, и по губам скользила улыбка. Он был сильно потрепан непогодами, словно изъеден болезнью. Я стоял

и глядел на него, быть может, полминуты, а может, и полчаса. Казалось, он то приближался, то отступал, смотря по тому, гуще или реже падал град. Наконец я отвел от него глаза и увидел, что завеса града прорвалась, небо прояснилось и скоро должно появиться солнце.

Я снова взглянул на белую фигуру Сфинкса и вдруг понял все безрассудство своего путешествия. Что увижу я, когда совершенно рассеется этот туман? Разве люди не могли за это время измениться до неузнаваемости? Что, если они стали еще более жестокими? Что, если они совершенно утратили свой облик и превратились во что-то нечеловеческое, мерзкое и неодолимо сильное? А может быть, я увижу какое-нибудь дикое животное, еще более ужасное и отвратительное в силу своего человекоподобия, чем первобытный ящер, — мерзкую тварь, которую следовало бы тотчас же уничтожить?

Я взглянул кругом и увидел вдали какие-то очертания — огромные дома с затейливыми перилами и высокими колоннами, они отчетливо выступали на фоне лесистого холма, который сквозь утихающую грозу смутно вырисовывался передо мною. Панический страх вдруг овладел мною. Как безумный, я бросился к Машине Време-

ни и попробовал снова запустить ее. Солнечные лучи пробились тем временем сквозь облака. Серая завеса расплылась и исчезла. Надо мной в густой синеве летнего неба растаяло несколько последних облаков. Ясно и отчетливо показались огромные здания, блестевшие после обмывшей их грозы и украшенные белыми грудами нерастаявших градин. Я чувствовал себя совершенно беззащитным в этом неведомом мире. Вероятно, то же самое ощущает птичка, видя, как парит ястреб, собирающийся на нее броситься. Мой страх граничил с безумием. Я собрался с силами, сжал зубы, руками и ногами уперся в Машину, чтобы перевернуть ее. Она поддалась моим отчаянным усилиям и наконец перевернулась, сильно ударив меня по подбородку. Одной рукой держась за сиденье, другой — за рычаг, я стоял, тяжело дыша, готовый снова взобраться на нее.

Но вместе с возможностью отступления ко мне снова вернулось мужество. С любопытством, к которому примешивалось все меньше страха, я взглянул на этот мир далекого будущего. Под аркой в стене ближайшего дома я увидел несколько фигур в красивых свободных одеждах. Они меня тоже увидели: их лица были обращены ко мне.

Затем я услышал приближающиеся голоса.

Из-за кустов позади Белого Сфинкса показались головы и плечи бегущих людей. Один из них выскочил на тропинку, ведущую к лужайке, где я стоял рядом со своей Машиной. Это было маленькое существо — не более четырех футов ростом, одетое в пурпуровую тунику, перехваченную у талии кожаным ремнем. На ногах у него были не то сандалии, не то котурны. Ноги до колен были обнажены, и голова не покрыта. Обратив внимание на его легкую одежду, я впервые почувствовал, какой теплый был там воздух.

Подбежавший человек показался мне удивительно прекрасным, грациозным, но чрезвычайно хрупким существом. Его залитое румянцем лицо напомнило мне лица больных чахоткой, — ту чахоточную красоту, о которой так часто приходится слышать. При виде его я внезапно почувствовал уверенность и отдернул руку от Машины.

5. В золотом веке

Через мгновение мы уже стояли лицом к лицу — я и это хрупкое существо далекого будущего. Он смело подошел ко мне и приветливо улыбнулся. Это полное отсутствие страха чрезвычайно

поразило меня. Он повернулся к двум другим, которые подошли вслед за ним, и заговорил с ними на странном, очень нежном и певучем языке.

Тем временем подоспели другие, и скоро вокруг меня образовалась группа из восьми или десяти очень изящных созданий. Один из них обратился ко мне с каким-то вопросом. Не знаю почему, но мне пришло вдруг в голову, что мой голос должен показаться им слишком грубым и резким. Поэтому я только покачал головой и указал на свои уши. Тот, кто обратился ко мне, сделал шаг вперед, остановился в нерешительности и дотронулся до моей руки. Я почувствовал еще несколько таких же нежных прикосновений на плечах и на спине. Они хотели убедиться, что я действительно существую. В их движениях не было решительно ничего внушающего опасение. Наоборот, в этих милых маленьких существах было что-то вызывающее доверие, какая-то грациозная мягкость, какая-то детская непринужденность. К тому же они были такие хрупкие, что, казалось, можно совсем легко в случае нужды разбросать их, как кегли, — целую дюжину одним толчком. Однако, заметив, что маленькие руки принялись ощупывать Машину Времени, я сделал предостерегающее движение.

Я вдруг вспомнил то, о чем совершенно забыл, — что она может внезапно исчезнуть, — вывинтил, нагнувшись над стержнями, рычажки, приводящие Машину в движение, и положил их в карман. Затем снова повернулся к этим людям, раздумывая, как бы мне с ними объясниться.

Я пристально разглядывал их изящные фигурки, напоминавшие дрезденские фарфоровые статуэтки. Их короткие волосы одинаково курчавились, на лице не было видно ни малейшего признака растительности, уши были удивительно маленькие. Рот крошечный, с ярко-пунцовыми, довольно тонкими губами, подбородок остроконечный. Глаза большие и кроткие, но — не сочтите это за тщеславие! — в них недоставало выражения того интереса ко мне, какого я был вправе ожидать.

Они больше не делали попыток объясняться со мной и стояли, улыбаясь и переговариваясь друг с другом нежными воркующими голосами. Я первым начал разговор. Указал рукой на Машину Времени, потом на самого себя. После этого, поколебавшись, как лучше выразить понятие о Времени, указал на солнце. Тотчас же одно изящное существо, одетое в клетчатую пурпурно-белую одежду, повторило мой жест и, несказанно

поразив меня, издало звук, подражая грому.

На мгновение я удивился, хотя смысл жеста был вполне ясен. Мне вдруг пришла мысль: а не имею ли я дело просто-напросто с дураками? Вы едва ли поймете, как это поразило меня. Я всегда держался того мнения, что люди эпохи восемьсот второй тысячи лет, куда я залетел, судя по счетчику моей Машины, уйдут невообразимо дальше нас в науке, искусстве и во всем остальном. И вдруг один из них задает мне вопрос, показывающий, что его умственный уровень не выше уровня нашего пятилетнего ребенка: он всерьез спрашивает меня, не упал ли я с солнца во время грозы? И потом, эта их яркая одежда, хрупкое, изящное сложение и нежные черты лица. Я почувствовал разочарование и на мгновение подумал, что напрасно трудился над своей Машиной Времени.

Кивнув головой, я указал на солнце и так искусно изобразил гром, что все они отскочили от меня на шаг или два и присели от страха. Но тотчас снова ободрились, и один, смеясь, подошел ко мне с гирляндой чудесных и совершенно неизвестных мне цветов. Он обвил гирляндой мою шею под мелодичные одобрительные возгласы остальных. Все принялись рвать цветы и, смеясь, обвивать ими меня, пока наконец я

не стал задыхаться от благоухания. Вы, никогда не видевшие ничего подобного, вряд ли можете представить себе, какие чудесные, нежные цветы создала культура этого невообразимо далекого от нас времени. Кто-то, видимо, подал мысль выставить меня в таком виде в ближайшем здании, и они повели меня к высокому, серому, покрытому трещинами каменному дворцу, мимо Сфинкса из белого мрамора, который, казалось, все время с легкой усмешкой смотрел на мое изумление. Идя с ними, я едва удержался от смеха при воспоминании о том, как самоуверенно предсказывал вам несколько дней назад серьезность и глубину ума людей будущего.

Здание, куда меня вели, имело огромный портал, да и все оно было колоссальных размеров. Я с интересом рассматривал огромную, все растущую толпу этих маленьких существ и зияющий вход, темный и таинственный. Общее впечатление от окружающего было таково, как будто весь мир покрыт густой порослью красивых кустов и цветов, словно давно запущенный, но все еще прекрасный сад. Я видел высокие стебли и нежные головки странных белых цветов. Они были около фута в диаметре, имели прозрачный восковой оттенок и росли дико среди разнообразных

кустарников; в то время я не мог хорошенько рассмотреть их. Моя Машина Времени осталась без присмотра среди рододендронов.

Свод был украшен чудесной резьбой, но я, конечно, не успел ее как следует рассмотреть, хотя, когда я проходил под ним, мне показалось, что он сделан в древнефиникийском стиле, и меня поразило, что резьба сильно попорчена и стерта.

Под взрывы мелодичного смеха и веселые разговоры меня встретило на пороге несколько существ, одетых в еще более светлые одежды, и я вошел внутрь в своем неподходящем темном одеянии девятнадцатого века. Я не мог не чувствовать, что вид у меня довольно забавный, — я был весь увешан гирляндами цветов и окружен волнующейся толпой людей, облаченных в светлые, нежных расцветок одежды, сверкавших белизной обнаженных рук, смеявшихся и мелодично ворковавших.

Большая дверь вела в огромный, завешанный коричневой тканью зал. Потолок его был в тени, а через окна с яркими цветными стеклами, а местами совсем незастекленные, лился мягкий, приятный свет. Пол состоял из какого-то очень твердого белого металла — это были не плитки и не пластинки, а целые глыбы, но шаги бесчис-

ленных поколений даже в этом металле выбили местами глубокие колеи. Поперек зала стояло множество низких столов, сделанных из полированного камня, высотою не больше фута, — на них лежали груды плодов. В некоторых я узнал что-то вроде огромной малины, другие были похожи на апельсины, но большая часть была мне совершенно неизвестна.

Между столами было разбросано множество мягких подушек. Мои спутники расселись на них и знаками указали мне мое место. С милой непринужденностью они принялись есть плоды, беря их руками и бросая шелуху и огрызки в круглые отверстия по бокам столов. Я не заставил себя долго просить, так как чувствовал сильный голод и жажду. Поев, я принялся осматривать зал.

Меня особенно поразил его запущенный вид. Цветные оконные стекла, составлявшие узоры лишь строго геометрические, во многих местах были разбиты, а тяжелые занавеси покрылись густым слоем пыли. Мне также бросилось в глаза, что угол мраморного стола, за которым я сидел, отбит. Несмотря на это, зал был удивительно живописен. В нем находилось, может быть, около двухсот человек, и большинство из них с любопытством теснилось вокруг меня. Их глаза весело

блестели, а белые зубы деликатно грызли плоды. Все они были одеты в очень мягкие, но прочные шелковистые ткани.

Фрукты были их единственной пищей. Эти люди далекого будущего были строгими вегетарианцами, и на время я принужден был сделаться таким же травоядным, несмотря на потребность в мясе. Впоследствии я узнал, что лошади, рогатый скот, овцы, собаки в это время уже вымерли, как вымерли когда-то ихтиозавры. Однако плоды были восхитительны, в особенности один плод (который, по-видимому, созрел во время моего пребывания там), с мучнистой мякотью, заключенной в трехгранную скорлупу. Он стал моей главной пищей. Я был поражен удивительными плодами и чудесными цветами, но не знал, откуда они берутся: только позднее я начал это понимать.

Таков был мой первый обед в далеком будущем. Немного насытившись, я решил сделать попытку научиться языку этих новых для меня людей. Само собой разумеется, это было необходимо. Плоды показались мне подходящим предметом для начала, и, взяв один из них, я попробовал объясниться при помощи вопросительных звуков и жестов. Мне стоило немалого труда заставить их

понимать меня. Сначала все мои слова и жесты вызывали изумленные взгляды и бесконечные взрывы смеха, но вдруг одно белокурое существо, казалось, поняло мое намерение и несколько раз повторило какое-то слово. Все принялись болтать и перешептываться друг с другом, а потом наперебой начали весело обучать меня своему языку. Но мои первые попытки повторить их изящные короткие слова вызывали у них новые взрывы неподдельного веселья. Несмотря на то что я брал у них уроки, я все-таки чувствовал себя как школьный учитель в кругу детей. Скоро я заучил десятка два существительных, а затем дошел до указательных местоимений и даже до глагола «есть». Но это была трудная работа, быстро наскучившая маленьким существам, и я почувствовал, что они уже избегают моих вопросов. По необходимости пришлось брать уроки понемногу и только тогда, когда мои новые знакомые сами этого хотели. А это бывало не часто — я никогда не встречал таких беспечных и быстро утомляющихся людей.

6. Закат человечества

Всего более поразило меня в этом новом мире почти полное отсутствие любознательности у людей. Они, как дети, подбегали ко мне с криками изумления и, быстро оглядев меня, уходили в поисках какой-нибудь новой игрушки. Когда все поели и я перестал их расспрашивать, то впервые заметил, что в зале уже нет почти никого из тех людей, которые окружали меня вначале. И, как это ни странно, я сам быстро почувствовал равнодушие к этому маленькому народу. Утолив голод, я вышел через портал на яркий солнечный свет. Мне всюду попадалось на пути множество этих маленьких людей будущего. Они недолго следовали за мной, смеясь и переговариваясь, а потом, перестав смеяться, предоставляли меня самому себе.

Когда я вышел из зала, в воздухе уже разлилась вечерняя тишина и все вокруг было окрашено теплыми лучами заходящего солнца. Сначала окружающее казалось мне удивительно странным. Все здесь так не походило на тот мир, который я знал, — все, вплоть до цветов. Огромное здание, из которого я вышел, стояло на склоне

речной долины, но Темза по меньшей мере на милю изменила свое теперешнее русло. Я решил добраться до вершины холма, лежавшего от меня на расстоянии примерно полутора миль, чтобы с его высоты поглядеть на нашу планету в восемьсот две тысячи семьсот первом году нашей эры — именно эту дату показывала стрелка на циферблате моей Машины.

По дороге я искал хоть какое-нибудь объяснение тому гибнущему великолепию, в состоянии которого я нашел мир, так как это великолепие, несомненно, гибло. Немного выше на холме я увидел огромные груды гранита, скрепленные полосами алюминия, гигантский лабиринт отвесных стен и кучи расколовшихся на мелкие куски камней, между которыми густо росли удивительно красивые растения. Возможно, что это была крапива, но ее листья были окрашены в чудесный коричневый цвет и не были жгучими, как у нашей крапивы. Вблизи были руины какого-то огромного здания, непонятно для чего предназначенного. Здесь мне пришлось впоследствии сделать одно странное открытие, но об этом я вам расскажу потом.

Я присел на уступе холма, чтобы немного отдохнуть, и, оглядевшись вокруг, заметил, что

нигде не видно маленьких домов. По-видимому, частный дом и частное хозяйство окончательно исчезли. То тут, то там среди зелени виднелись огромные здания, похожие на дворцы, но нигде не было тех домиков и коттеджей, которые так характерны для современного английского пейзажа.

«Коммунизм», — сказал я сам себе.

А следом за этой мыслью возникла другая.

Я взглянул на маленьких людей, которые следовали за мной, и вдруг заметил, что на всех одежда всевозможных светлых цветов, но одинакового покроя, у всех те же самые безбородые лица, та же девичья округленность конечностей. Может показаться странным, что я не заметил этого раньше, но все вокруг меня было так необычно. Теперь это бросилось мне в глаза. Мужчины и женщины будущего не отличались друг от друга ни костюмом, ни телосложением, ни манерами, одним словом, ничем, что теперь отличает один пол от другого. И дети, казалось, были просто миниатюрными копиями своих родителей. Поэтому я решил, что дети этой эпохи отличаются удивительно ранним развитием, по крайней мере, в физическом отношении, и это мое мнение подтвердилось впоследствии множеством

доказательств.

При виде довольства и обеспеченности, в которых жили эти люди, сходство полов стало мне вполне понятно. Сила мужчины и нежность женщины, семья и разделение труда являются только жестокой необходимостью века, управляемого физической силой. Но там, где народонаселение многочисленно и достигло равновесия, где насилие — редкое явление, рождение многих детей нежелательно для государства, и нет никакой необходимости в существовании семьи. А вместе с тем и разделение полов, вызванное жизнью и потребностью воспитания детей, неизбежно исчезает. Первые признаки этого явления наблюдаются и в наше время, а в том далеком будущем оно уже вполне укоренилось. Таковы были мои тогдашние выводы. Позднее я имел возможность убедиться, насколько они были далеки от действительности.

Размышляя так, я невольно обратил внимание на небольшую постройку приятной архитектуры, похожую на колодец, прикрытый куполом. У меня мелькнула мысль: как странно, что до сих пор существуют колодцы, но затем я снова погрузился в раздумья. До самой вершины холма больше не было никаких зданий, и, продолжая

идти, я скоро очутился один, так как остальные за мной не поспевали. С чувством свободы, ожидая необыкновенных приключений, я направился к вершине холма.

Дойдя до вершины, я увидел скамью из какого-то желтого металла; в некоторых местах она была разъедена чем-то вроде красноватой ржавчины и утопала в мягком мху; ручки ее были отлиты в виде голов грифонов. Я сел и принялся смотреть на широкий простор, освещенный лучами догоравшего заката. Картина была небывалой красоты. Солнце только что скрылось за горизонтом; запад горел золотом, по которому горизонтально тянулись легкие пурпурные и алые полосы. Внизу расстилалась долина, по которой, подобно полосе сверкающей стали, дугой изогнулась Темза. Огромные старые дворцы, о которых я уже говорил, были разбросаны среди разнообразной зелени; некоторые уже превратились в руины, другие были еще обитаемы. Тут и там, в этом огромном, похожем на сад мире, виднелись белые или серебристые изваяния; кое-где поднимались кверху купола и остроконечные обелиски. Нигде не было изгородей, не было даже следов собственности и никаких признаков земледелия, — вся земля превратилась в один

цветущий сад.

Наблюдая все это, я старался объяснить себе то, что видел, и сделал вот какие выводы из своих наблюдений. (Позже я убедился, что они были односторонними и содержали лишь половину правды.)

Мне казалось, что я вижу человечество в эпоху увядания. Красноватая полоса на западе заставила меня подумать о закате человечества. Я впервые увидел те неожиданные последствия, к которым привели общественные отношения нашего времени. Теперь я прихожу к убеждению, что это были вполне логические последствия. Сила есть только результат необходимости; обеспеченное существование ведет к слабости. Стремление к улучшению условий жизни — истинный прогресс цивилизации, делающий наше существование все более обеспеченным, — привело к своему конечному результату. Объединенное человечество поколение за поколением торжествовало победы над природой. То, что в наши дни кажется несбыточными мечтами, превратилось в искусно задуманные и осуществленные проекты. И вот какова оказалась жатва!

В конце концов, охрана здоровья человечества и земледелие находятся в наше время еще

в зачаточном состоянии. Наука объявила войну лишь малой части человеческих болезней, но она неизменно и упорно продолжает свою работу. Земледельцы и садоводы то тут, то там уничтожают сорняки и выращивают лишь немногие полезные растения, предоставляя остальным бороться как угодно за свое существование. Мы улучшаем немногие избранные нами виды растений и животных путем постепенного отбора лучших из них; мы выводим новый, лучший сорт персика, виноград без косточек, более душистый и крупный цветок, более пригодную породу рогатого скота. Мы улучшаем их постепенно, потому что наши представления об идеале смутны и вырабатываются путем опыта, а знания крайне ограниченны, да и сама природа робка и неповоротлива в наших неуклюжих руках. Когда-нибудь все это будет организовано лучше. Несмотря на водовороты, поток времени неуклонно стремится вперед. Весь мир когда-нибудь станет разумным, образованным, все будут трудиться коллективно; это поведет к быстрейшему и полнейшему покорению природы. В конце концов мы мудро и заботливо установим равновесие животной и растительной жизни для удовлетворения наших потребностей.

Это должно было свершиться и действительно свершилось за то время, через которое промчалась моя Машина. В воздухе не стало комаров и мошек, на земле — сорных трав и плесени. Везде появились сочные плоды и красивые душистые цветы; яркие бабочки порхали повсюду. Идеал профилактической медицины был достигнут. Болезнетворные микробы были уничтожены. За время своего пребывания там я не видел даже и признаков заразных болезней. Благодаря всему этому даже процессы гниения и разрушения приняли совершенно новый вид.

В общественных отношениях тоже была одержана большая победа. Я видел, что люди стали жить в великолепных дворцах, одеваться в роскошные одежды и освободились от всякого труда. Не было и следов борьбы, политической или экономической. Торговля, промышленность, реклама — все, что составляет основу нашей государственной жизни, исчезло из этого мира Будущего. Естественно, что в тот золотистый вечер я невольно счел окружающий меня мир земным раем. Опасность перенаселения исчезла, так как население, по-видимому, перестало расти.

Но изменение условий неизбежно влечет за собой приспособление к этим изменениям. Что

является движущей силой человеческого ума и энергии, если только вся биология не представляет собой бесконечного ряда заблуждений? Только труд и свобода; таковы условия, при которых деятельный, сильный и ловкий переживает слабого, который должен уступить свое место; условия, дающие преимущество честному союзу талантливых людей, умению владеть собой, терпению и решительности. Семья и возникающие отсюда чувства: ревность, любовь к потомству, родительское самоотвержение — все это находит себе оправдание в неизбежных опасностях, которым подвергается молодое поколение. Но где теперь эти опасности? Уже сейчас начинает проявляться протест против супружеской ревности, против слепого материнского чувства, против всяческих страстей, и этот протест будет нарастать. Все эти чувства даже теперь уже не являются необходимыми, они делают нас несчастными и, как остатки первобытной дикости, кажутся несовместимыми с приятной и возвышенной жизнью.

Я стал думать о физической слабости этих маленьких людей, о бессилии их ума и об огромных развалинах, которые видел вокруг. Все это подтверждало мое предположение об окончательной победе, одержанной над природой. После войны

наступил мир.

Человечество было сильным, энергичным, оно обладало знаниями; люди употребляли все свои силы на изменение условий своей жизни. А теперь измененные ими условия оказали свое влияние на их потомков.

При новых условиях полного довольства и обеспеченности неутомимая энергия, являющаяся в наше время силой, должна была превратиться в слабость. Даже в наши дни некоторые склонности и желания, когда-то необходимые для выживания человека, стали источником его гибели. Храбрость и воинственность, например, не помогают, а скорее даже мешают жизни цивилизованного человека. В государстве же, основанном на физическом равновесии и обеспеченности, превосходство — физическое или умственное — было бы совершенно неуместно. Я пришел к выводу, что на протяжении бесчисленных лет на земле не существовало ни опасности войн, ни насилия, ни диких зверей, ни болезнетворных микробов, не существовало и необходимости в труде. При таких условиях те, кого мы называем слабыми, были точно так же приспособлены, как и сильные, они уже не были слабыми. Вернее, они были даже лучше

приспособлены, потому что сильного подрывала не находящая выхода энергия. Не оставалось сомнения, что удивительная красота виденных мною зданий была результатом последних усилий человечества перед тем, как оно достигло полной гармонии жизни, — последняя победа, после которой был заключен окончательный мир. Такова неизбежная судьба всякой энергии. Достигнув своей конечной цели, она еще ищет выхода в искусстве, в любви, а затем наступает бессилие и упадок.

Даже эти художественные порывы в конце концов должны были заглохнуть, и они почти заглохли в то Время, куда я попал. Украшать себя цветами, танцевать и петь под солнцем — вот что осталось от этих стремлений. Но и это в конце концов должно было смениться бездействием. Все наши чувства и способности обретают остроту только на точиле труда и необходимости, а это неприятное точило было наконец разбито.

Пока я сидел в сгущавшейся темноте, мне казалось, что этим простым объяснением я разрешил загадку мира и постиг тайну прелестного маленького народа. Возможно, они нашли удачные средства для ограничения рождаемости, и численность населения даже уменьшалась. Этим

можно было объяснить пустоту заброшенных дворцов. Моя теория была очень ясна и правдоподобна — как и большинство ошибочных теорий!

7. Внезапный удар

Пока я размышлял над этим слишком уж полным торжеством человека, из-за серебристой полосы на северо-востоке выплыла желтая полная луна. Маленькие светлые фигурки людей перестали праздно двигаться внизу, бесшумно пролетела сова, и я вздрогнул от вечерней прохлады. Я решил спуститься с холма и поискать ночлега.

Я стал отыскивать глазами знакомое здание. Мой взгляд упал на фигуру Белого Сфинкса на бронзовом пьедестале, и, по мере того как восходящая луна светила все ярче, фигура яснее выступала из темноты. Я мог отчетливо рассмотреть стоявший около него серебристый тополь. Вон и густые рододендроны, черные при свете луны, вон и лужайка. Я еще раз взглянул на нее. Ужасное подозрение закралось в мою душу.

«Нет, — решительно сказал я себе, — это не та лужайка».

Но это была та самая лужайка. Бледное, словно

изъеденное проказой лицо Сфинкса было обращено к ней. Можете ли вы представить себе, что я почувствовал, когда убедился в этом! Машина Времени исчезла!

Как удар хлыстом по лицу, меня обожгла мысль, что я никогда не вернусь назад, навеки останусь беспомощным в этом новом, неведомом мире! Сама мысль об этом была мучительна. Я почувствовал, как сжалось мое горло, пресеклось дыхание. Ужас овладел мною, и дикими прыжками я кинулся вниз по склону. Я упал и расшиб лицо, но даже не попытался остановить кровь, вскочил на ноги и снова побежал, чувствуя, как теплая струйка стекает по щеке. Я бежал и не переставал твердить себе: «Они просто немного отодвинули ее, поставили под кустами, чтобы она не мешала на дороге». Но, несмотря на это, бежал изо всех сил. С уверенностью, которая иногда рождается из самого мучительного страха, я с самого начала знал, что утешительная мысль моя — вздор; чутье говорило мне, что Машина унесена куда-то, откуда мне ее не достать. Я едва переводил дыхание. От вершины холма до лужайки было около двух миль, и я преодолел это расстояние за десять минут. А ведь я уже не молод. Я бежал и громко проклинал свою

безрассудную доверчивость, побудившую меня оставить Машину, и задыхался от проклятий еще больше. Я попробовал громко кричать, но никто мне не ответил. Ни одного живого существа не было видно на залитой лунным светом земле!

Когда я добежал до лужайки, худшие мои опасения подтвердились: Машины нигде не было видно. Похолодев, я смотрел на пустую лужайку среди черной чащи кустарников, потом быстро обежал ее, как будто Машина могла быть спрятана где-нибудь поблизости, и резко остановился, схватившись за голову. Надо мной на бронзовом пьедестале возвышался Сфинкс, все такой же бледный, словно изъеденный проказой, ярко озаренный светом луны. Казалось, он насмешливо улыбался, глядя на меня.

Я мог бы утешиться мыслью, что маленький народец спрятал Машину под каким-нибудь навесом, если бы не знал наверняка, что у них не хватило бы на это ни сил, ни ума. Нет, меня ужасало теперь другое: мысль о какой-то новой, до сих пор неведомой мне силе, захватившей мое изобретение. Я был уверен только в одном: если в какой-либо другой век не изобрели точно такого же механизма, моя Машина не могла без меня отправиться путешествовать по Времени.

Не зная способа закрепления рычагов — я потом покажу вам, в чем он заключается, — невозможно воспользоваться ею для путешествия. К тому же рычаги были у меня. Мою Машину перенесли, спрятали где-то в Пространстве, а не во Времени. Но где же?

Я совершенно обезумел. Помню, как я неистово метался взад и вперед среди освещенных луной кустов вокруг Сфинкса; помню, как вспугнул какое-то белое животное, которое при лунном свете показалось мне небольшой ланью. Помню также, как поздно ночью я колотил кулаками по кустам до тех пор, пока не исцарапал все руки о сломанные сучья. Потом, рыдая, в полном изнеможении, я побрел к большому каменному зданию, темному и пустынному, поскользнулся на неровном полу и упал на один из малахитовых столов, чуть не сломав ногу, зажег спичку и прошел мимо пыльных занавесей, о которых я уже рассказывал вам.

Дальше был второй большой зал, устланный подушками, на которых спали два десятка маленьких людей. Мое вторичное появление, несомненно, показалось им очень странным. Я так внезапно вынырнул из ночной тишины с отчаянными нечленораздельными криками и с

зажженной спичкой в руке. Спички давно уже были позабыты в их время.

«Где моя Машина Времени?» — кричал я во все горло, как рассерженный ребенок. Я хватал их и тряс полусонных. Вероятно, это их поразило. Некоторые смеялись, другие казались растерянными. Когда я увидел их, стоящих вокруг меня, я понял, что стараться пробудить в них чувство страха — чистое безумие. Вспоминая их поведение днем, я сообразил, что это чувство совершенно ими позабыто.

Бросив спичку и сбив с ног кого-то, попавшегося на пути, я снова ощупью прошел по большому обеденному залу и вышел на лунный свет. Позади меня вдруг раздались громкие крики и топот маленьких спотыкающихся ног, но тогда я не понял причины этого. Не помню всего, что я делал при лунном свете. Неожиданная потеря довела меня почти до безумия. Я чувствовал себя теперь безнадежно отрезанным от своих современников, каким-то странным животным в неведомом мире. В исступлении я бросался в разные стороны, плача и проклиная бога и судьбу. Помню, как я измучился в эту длинную отчаянную ночь, как рыскал в самых неподходящих местах, как ощупью пробирался среди озаренных лунным

светом развалин, натыкаясь в темных углах на странные белые существа; помню, как в конце концов я упал на землю около Сфинкса и рыдал в отчаянии. Вместе с силами исчезла и злость на себя за то, что я так безрассудно оставил Машину… Я ничего не чувствовал, кроме ужаса. Потом незаметно я уснул, а когда проснулся, уже совсем рассвело и вокруг меня по траве, на расстоянии протянутой руки, весело и без страха прыгали воробьи.

Я сел, овеваемый свежестью утра, стараясь вспомнить, как я сюда попал и почему все мое существо полно чувства одиночества и отчаяния. Вдруг я вспомнил обо всем, что случилось. Но при дневном свете у меня хватило сил спокойно взглянуть в лицо обстоятельствам. Я понял всю нелепость своего вчерашнего поведения и принялся рассуждать сам с собою.

«Предположим самое худшее, — говорил я. — Предположим, что Машина навсегда утеряна, может быть, даже уничтожена. Из этого следует только то, что я должен быть терпеливым и спокойным, изучить образ жизни этих людей, разузнать, что случилось с Машиной, попытаться добыть необходимые материалы и инструменты; в конце концов я, может быть, сумею сделать

новую Машину. На это теперь моя единственная надежда, правда, очень слабая, — но все же надежда лучше отчаяния. Но, во всяком случае, я очутился в прекрасном и любопытном мире. И вполне вероятно, что моя Машина где-нибудь спрятана. Значит, я должен спокойно и терпеливо искать то место, где она спрятана, и постараться взять ее силой или хитростью».

С такими мыслями я встал на ноги и осмотрелся вокруг в поисках места, где можно было бы выкупаться. Я чувствовал себя усталым, мое тело одеревенело и покрылось грязью. Утренняя свежесть вызывала желание стать самому чистым и свежим. Волнение истощало меня. Когда я принялся размышлять о своем положении, то удивился вчерашним опрометчивым поступкам. Я тщательно исследовал лужайку. Некоторое время ушло на напрасные расспросы проходивших мимо маленьких людей. Никто не понимал моих жестов: одни тупо смотрели на меня, другие принимали мои слова за шутку и смеялись. Мне стоило невероятных усилий удержаться и не броситься с кулаками на этих весельчаков. Безумный порыв! Но сидевший во мне дьявол страха и слепого раздражения еще не был обуздан и пытался овладеть мною.

Очень помогла мне густая трава. На полпути между пьедесталом Сфинкса и моими следами, там, где я возился с опрокинутой Машиной, на земле оказалась свежая борозда. Были видны и другие следы: странные узкие отпечатки ног, похожие, как мне казалось, на следы ленивца. Это побудило меня тщательней осмотреть пьедестал. Я уже, кажется, сказал, что он был из бронзы. Однако он представлял собою не просто плиту, а был с обеих сторон украшен искусно выполненными панелями. Я подошел и постучал. Пьедестал оказался полым. Внимательно осмотрев панели, я понял, что они не составляют одного целого с пьедесталом. На них не было ни ручек, ни замочных скважин, но, возможно, они открывались изнутри, если, как я предполагал, служили входом в пьедестал. Во всяком случае, одно было мне ясно: Машина Времени находилась внутри пьедестала. Но как она попала туда — это оставалось загадкой.

Я увидел головы двух людей в оранжевой одежде, шедших ко мне между кустами и цветущими яблонями. Улыбаясь, я повернулся к ним и поманил их рукой. Когда они подошли, я указал им на бронзовый пьедестал и постарался объяснить, что хотел бы открыть его. Но при первом же моем

жесте они стали вести себя очень странно. Не знаю, сумею ли я объяснить вам, какое выражение появилось на их лицах. Представьте себе, что вы сделали бы неприличный жест перед благовоспитанной дамой — именно с таким выражением она посмотрела бы на вас. Они ушли, как будто были грубо оскорблены. Я попытался подозвать к себе миловидное существо в белой одежде, но результат оказался тот же самый. Мне стало стыдно. Но Машина Времени была необходима, и я сделал новую попытку. Малыш с отвращением отвернулся от меня. Я потерял терпение. В три прыжка я очутился около него и, захлестнув его шею полой его же одежды, потащил к Сфинксу. Тогда на лице у него вдруг выразились такой ужас и отвращение, что я тотчас же выпустил его.

Однако я не сдавался. Я принялся бить кулаками по бронзовым панелям. Мня показалось, что внутри что-то зашевелилось, послышался звук, похожий на хихиканье, но я решил, что это мне только почудилось. Подобрав у реки большой камень, я вернулся и принялся колотить им до тех пор, пока не расплющил одно из украшений и зеленая крошка не стала сыпаться на землю. Маленький народец, должно быть, слышал гро-

хот моих ударов на расстоянии мили вокруг, но ничего у меня не вышло. Я видел целую толпу на склоне холма, украдкой смотревшую на меня. Злой и усталый, я опустился на землю, но нетерпение не давало мне долго сидеть на месте, я был слишком деятельным человеком для неопределенного ожидания. Я мог годами трудиться над разрешением какой-нибудь проблемы, но сидеть в бездействии двадцать четыре часа было свыше моих сил.

Скоро я встал и принялся бесцельно бродить среди кустарника. Потом направился к холму.

«Терпение, — сказал я себе. — Если хочешь вновь получить свою Машину, оставь Сфинкса в покое. Если кто-то решил отнять ее у тебя, ты не принесешь себе никакой пользы тем, что станешь портить бронзовые панели Сфинкса; если же у похитителя не было злого умысла, ты получишь ее обратно, как только найдешь способ попросить об этом. Бессмысленно торчать здесь, среди незнакомых вещей, становясь в тупик перед каждым новым затруднением. Это прямой путь к безумию. Осмотрись лучше вокруг. Изучи нравы этого мира, наблюдай его, остерегайся слишком поспешных заключений! В конце концов ты найдешь ключ ко всему!»

Мне ясно представлялась и комическая сторона моего приключения: я вспомнил о годах напряженной учебы и труда, потраченных только для того, чтобы попасть в будущее и изучить его, и сопоставил с этим свое нетерпение поскорее выбраться отсюда. Я своими руками изготовил себе самую сложную и самую безвыходную ловушку, какая когда-либо была создана человеком. И хотя смеяться приходилось только над самим собой, я не мог удержаться и громко расхохотался.

Войдя в зал огромного дворца, я заметил, что маленькие люди стали избегать меня. Быть может, причина этому была и другая, но их отчуждение могло быть связано и с моей попыткой разбить бронзовые двери. Я ясно чувствовал, что они избегали меня, но постарался не придавать этому значения и не пытался более заговаривать с ними. Через день-другой все пошло своим чередом. Насколько было возможно, я продолжал изучать их язык и урывками производил исследования. Не знаю, был ли их язык слишком прост, или же я упускал в нем какие-нибудь тонкие оттенки, но, по-моему, он почти исключительно состоял из существительных и глаголов. Отвлеченных понятий было мало или, скорее, совсем не было, так же как и слов, имеющих переносный смысл.

Фразы обыкновенно были несложны и состояли всего из двух слов, и мне не удавалось высказать или уловить ничего, кроме простейших вопросов или ответов. Мысли о моей Машине Времени и о тайне бронзовых дверей под Сфинксом я решил запрятать в самый дальний уголок памяти, пока накопившиеся знания не приведут меня к ним естественным путем. Но чувство, без сомнения, понятное вам, все время удерживало меня поблизости от места моего прибытия.

8. Все становится ясным

Насколько я мог судить, весь окружавший меня мир был отмечен той же печатью изобилия и роскоши, которая поразила меня в долине Темзы. С вершины каждого нового холма я видел множество великолепных зданий, бесконечно разнообразных по материалу и стилю; видел повсюду те же чащи вечнозеленых растений, те же цветущие деревья и высокие папоротники. Кое-где отливала серебром зеркальная гладь воды, а вдали тянулись голубоватые волнистые гряды холмов, растворяясь в прозрачной синеве воздуха. С первого взгляда мое внимание привлекли к себе круглые колодцы, казалось, достигавшие во

многих местах очень большой глубины. Один из них был на склоне холма, у тропинки, по которой я поднимался во время своей первой прогулки. Как и другие колодцы, он был причудливо отделан по краям бронзой и защищен от дождя небольшим куполом. Сидя около этих колодцев и глядя вниз, в непроглядную темноту, я не мог увидеть в них отблеска воды или отражения зажигаемых мною спичек. Но всюду слышался какой-то стук: «Тук, тук, тук», — похожий на шум работы огромных машин. По колебанию пламени спички я убедился, что в глубь колодца постоянно поступал свежий воздух. Я бросил в один из них кусочек бумаги, и, вместо того чтобы медленно опуститься, он быстро полетел вниз и исчез.

Вскоре я заметил, что между этими колодцами и высокими башнями на склонах холмов существует какая-то связь. Над ними можно было часто увидеть марево колеблющегося воздуха вроде того, какое бывает в жаркий день над берегом моря. Сопоставив все это, я пришел к заключению, что башни вместе с колодцами входили в систему какой-то загадочной подземной вентиляции. Сначала я подумал, что она служит каким-нибудь санитарным целям. Это заключение само напрашивалось, но оказалось потом

неверным.

Вообще должен сознаться, что за время своего пребывания в Будущем я очень мало узнал относительно водоснабжения, связи, путей сообщения и тому подобных жизненных удобств. В некоторых прочитанных мною утопиях и рассказах о грядущих временах я всегда находил множество подробностей насчет домов, общественного порядка и тому подобного. Нет ничего легче, как придумать сколько угодно всяких подробностей, когда весь будущий мир заключен только в голове автора, но для путешественника, находящегося, подобно мне, среди незнакомой действительности, почти невозможно узнать обо всем этом в короткое время. Вообразите себе негра, который прямо из Центральной Африки попал в Лондон. Что расскажет он по возвращении своему племени? Что будет он знать о железнодорожных компаниях, общественных движениях, телефоне и телеграфе, транспортных конторах и почтовых учреждениях? А ведь мы охотно согласимся все ему объяснить! Но даже то, что он узнает из наших рассказов, как передаст он своим друзьям, как заставит их поверить себе? Учтите при этом, что негр сравнительно недалеко отстоит от белого человека нашего

времени, между тем как пропасть между мною и этими людьми Золотого Века была неизмеримо громадна! Я чувствовал существование многого, что было скрыто от моих глаз, и это давало мне надежду, но, помимо общего впечатления какой-то автоматически действующей организации, я, к сожалению, могу передать вам лишь немногое.

Я нигде не видел следов крематория, могил или чего-либо связанного со смертью. Однако было весьма возможно, что кладбища (или крематории) были где-нибудь за пределами моих странствий. Это был один из тех вопросов, которые я сразу поставил перед собой и разрешить которые сначала был не в состоянии. Отсутствие кладбищ поразило меня и повело к дальнейшим наблюдениям, которые поразили меня еще сильнее: среди людей будущего совершенно не было старых и дряхлых.

Должен сознаться, что мои первоначальные теории об автоматически действующей цивилизации и о приходящем в упадок человечестве недолго удовлетворяли меня. Но я не мог придумать ничего другого. Вот что меня смущало: все большие дворцы, которые я исследовал, служили исключительно жилыми помещениями — огромными столовыми и спальнями. Я не видел нигде

машин или других приспособлений. А между тем на этих людях была прекрасная одежда, требовавшая обновления, и их сандалии, хоть и без всяких украшений, представляли собой образец изящных и сложных изделий. Как бы то ни было, но вещи эти нужно было сделать. А маленький народец не проявлял никаких созидательных наклонностей. У них не было ни цехов, ни мастерских, ни малейших следов ввоза товаров. Все свое время они проводили в играх, купании, полушутливом флирте, еде и сне. Я не мог понять, на чем держалось такое общество.

К этому добавилось происшествие с Машиной Времени: кто-то мне неведомый спрятал ее в пьедестале Белого Сфинкса. Для чего? Я никак не мог ответить на этот вопрос! Вдобавок — безводные колодцы и башни с колеблющимся над ними воздухом. Я чувствовал, что не нахожу ключа к этим загадочным явлениям. Я чувствовал… как бы это вам объяснить? Представьте себе, что вы нашли бы надпись на хорошем английском языке, перемешанном с совершенно вам незнакомыми словами. Вот как на третий день моего пребывания представлялся мне мир восемьсот две тысячи семьсот первого года!

В этот день я приобрел в некотором роде друга.

Когда я смотрел на группу маленьких людей, купавшихся в реке на неглубоком месте, кого-то из них схватила судорога, и маленькую фигурку понесло по течению. Течение было здесь довольно быстрое, но даже средний пловец мог бы легко с ним справиться. Чтобы дать вам некоторое понятие о странной психике этих существ, я скажу лишь, что никто из них не сделал ни малейшей попытки спасти бедняжку, которая с криками тонула на их глазах. Увидя это, я быстро сбросил одежду, побежал вниз по реке, вошел в воду и, схватив ее, легко вытащил на берег. Маленькое растирание привело ее в чувство, и я с удовольствием увидел, что она совершенно оправилась. Я сразу же оставил ее, поскольку был такого невысокого мнения о ней и ей подобных, что не ожидал никакой благодарности. Но на этот раз я ошибся.

Все это случилось утром. После полудня, возвращаясь к своим исследованиям, я снова встретил ту же маленькую женщину. Она подбежала с громкими криками радости и поднесла мне огромную гирлянду цветов, очевидно, приготовленную специально для меня. Это создание очень меня заинтересовало. Вероятно, я чувствовал себя слишком одиноким. Но как бы то ни было, я,

насколько сумел, высказал ей, что мне приятен подарок. Мы оба сели в небольшой каменной беседке и завели разговор, состоявший преимущественно из улыбок. Дружеские чувства этого маленького существа радовали меня, как радовали бы чувства ребенка. Мы обменялись цветами, и она целовала мои руки. Я отвечал ей тем же. Когда я попробовал заговорить, то узнал, что ее зовут Уина, и хотя не понимал, что это значило, но все же чувствовал, что между ней и ее именем было какое-то соответствие. Таково было начало нашей странной дружбы, которая продолжалась неделю, а как окончилась — об этом я расскажу потом!

Уина была совсем как ребенок. Ей хотелось всегда быть со мной. Она бегала за мной повсюду, так что на следующий день мне пришло в голову нелепое желание утомить ее и наконец бросить, не обращая внимания на ее жалобный зов. Мировая проблема, думал я, должна быть решена. Я не для того попал в Будущее, повторял я себе, чтобы заниматься легкомысленным флиртом. Но ее отчаяние было слишком велико, а в ее сетованиях, когда она начала отставать, звучало исступление. Ее привязанность тронула меня, я вернулся, и с этих пор она стала доставлять мне столько же

забот, сколько и удовольствия. Все же она была для меня большим утешением. Мне казалось сначала, что она испытывала ко мне лишь простую детскую привязанность, и только потом, когда было уже слишком поздно, я ясно понял, чем я сделался для нее и чем стала она для меня. Уже по тому одному, что эта малышка выказывала мне нежность и заботу, я, возвращаясь к Белому Сфинксу, чувствовал, будто возвращаюсь домой, и каждый раз, добравшись до вершины холма, отыскивал глазами знакомую фигурку в белой, отороченной золотом одежде.

От нее я узнал, что чувство страха все еще не исчезло в этом мире. Днем она ничего не боялась и испытывала ко мне самое трогательное доверие. Однажды у меня возникло глупое желание напугать ее страшными гримасами, но она весело засмеялась. Она боялась только темноты, густых теней и черных предметов. Страшней всего была ей темнота. Она действовала на нее настолько сильно, что это натолкнуло меня на новые наблюдения и размышления. Я открыл, между прочим, что с наступлением темноты маленькие люди собирались в больших зданиях и спали все вместе. Войти к ним ночью значило произвести среди них смятение и панику. Я ни

разу не видел, чтобы после наступления темноты кто-нибудь вышел на воздух или спал один под открытым небом. Но все же я был таким глупцом, что не обращал на это внимания и, несмотря на ужас Уины, продолжал спать один, не в общих спальнях.

Сначала это очень беспокоило ее, но наконец привязанность ко мне взяла верх, и пять ночей за время нашего знакомства, считая и самую последнюю ночь, она спала со мной, положив голову на мое плечо. Но, говоря о ней, я отклоняюсь от главной темы своего рассказа. Кажется, в ночь накануне ее спасения я проснулся на рассвете. Ночь прошла беспокойно, мне снился очень неприятный сон: будто бы я утонул в море, и морские анемоны касались моего лица мягкими щупальцами. Вздрогнув, я проснулся, и мне почудилось, что какое-то сероватое животное выскользнуло из комнаты. Я попытался снова заснуть, но мучительная тревога уже овладела мною. Был тот ранний час, когда предметы только начинают выступать из темноты, когда все вокруг кажется бесцветным и каким-то нереальным, несмотря на отчетливость очертаний. Я встал и, пройдя по каменным плитам большого зала, вышел на воздух. Желая извлечь хоть какую-нибудь пользу из

этого случая, я решил посмотреть восход солнца.

Луна закатывалась, ее прощальные лучи и первые бледные проблески наступающего дня смешивались в таинственный полусвет. Кусты казались совсем черными, земля — темно-серой, а небо — бесцветным и туманным. На верху холма мне почудились привидения. Поднимаясь по его склону, я три раза видел смутные белые фигуры. Дважды мне показалось, что я вижу какое-то одинокое белое обезьяноподобное существо, быстро бегущее к вершине холма, а один раз около руин я увидел их целую толпу: они тащили какой-то темный предмет. Двигались они быстро, и я не заметил, куда они исчезли. Казалось, они скрылись в кустах. Все вокруг было еще смутным, поймите это. Меня охватило то неопределенное предрассветное ощущение озноба, которое вам всем, вероятно, знакомо. Я не верил своим глазам.

Когда на востоке заблестела заря и лучи света возвратили всему миру обычные краски и цвета, я тщательно обследовал местность. Но нигде не оказалось и следов белых фигур. По-видимому, это была просто игра теней.

«Может быть, это привидения, — сказал я себе. — Желал бы я знать, к какому времени они

принадлежат...»

Я сказал это потому, что вспомнил любопытный вывод Гранта Аллена, говорившего, что если б каждое умирающее поколение оставляло после себя привидения, то в конце концов весь мир переполнился бы ими. По этой теории их должно было накопиться бесчисленное множество за восемьсот тысяч прошедших лет, и потому не было ничего удивительного, что я увидел сразу четырех. Эта шутливая мысль, однако, не успокоила меня, и я все утро думал о белых фигурках, пока наконец появление Уины не вытеснило их из моей головы. Не знаю почему, я связал их с белым животным, которое вспугнул при первых поисках своей Машины. Общество Уины на время отвлекло меня, но, несмотря на это, белые фигуры скоро снова овладели моими мыслями.

Я уже говорил, что климат Золотого Века значительно теплее нашего. Причину я не берусь объяснить. Может быть, солнце стало горячее, а может быть, Земля приблизилась к нему. Принято считать, что солнце постепенно охлаждается. Однако люди, незнакомые с такими теориями, как теория Дарвина-младшего, забывают, что планеты должны одна за другой приближаться к центральному светилу и в конце концов упасть

на него. После каждой из таких катастроф солнце будет светить с обновленной энергией; и весьма возможно, что эта участь постигла тогда одну из планет. Но какова бы ни была причина, факт остается фактом: солнце грело значительно сильнее, чем в наше время.

И вот в одно очень жаркое утро — насколько помню, четвертое по моем прибытии, — когда я собирался укрыться от жары и ослепительного света в гигантских руинах (невдалеке от большого здания, где я ночевал и питался), со мной случилось странное происшествие. Карабкаясь между каменными грудами, я обнаружил узкую галерею, конец и окна которой были завалены обрушившимися глыбами. После ослепительного дневного света галерея показалась мне непроглядно темной. Я вошел в нее ощупью, потому что от яркого солнечного света перед глазами у меня плыли цветные пятна и ничего нельзя было разобрать. И вдруг я остановился как вкопанный. На меня из темноты, отражая проникавший в галерею дневной свет, смотрела пара блестящих глаз.

Древний инстинктивный страх перед дикими зверями охватил меня. Я сжал кулаки и уставился в светившиеся глаза. Мне было страшно

повернуть назад. На мгновение в голову мне пришла мысль о той абсолютной безопасности, в которой, как казалось, жило человечество. И вдруг я вспомнил странный ужас этих людей перед темнотой. Пересилив свой страх, я шагнул вперед и заговорил. Мой голос, вероятно, звучал хрипло и дрожал. Я протянул руку и коснулся чего-то мягкого. В то же мгновение блестящие глаза метнулись в сторону и что-то белое промелькнуло мимо меня. Испугавшись, я повернулся и увидел маленькое обезьяноподобное существо со странно опущенной вниз головой, бежавшее по освещенному пространству галереи. Оно налетело на гранитную глыбу, отшатнулось в сторону и в одно мгновение скрылось в черной тени под другой грудой каменных обломков.

Мое впечатление о нем было, конечно, неполное. Я заметил только, что оно было грязно-белое и что у него были странные, большие, сероватокрасные глаза; его голова и спина были покрыты светлой шерстью. Но, как я уже сказал, оно бежало слишком быстро, и мне не удалось его отчетливо рассмотреть. Не могу даже сказать, бежало ли оно на четвереньках или же руки его были так длинны, что почти касались земли. После минутного замешательства я бросился за

ним ко второй груде обломков. Сначала я не мог ничего найти, но скоро в кромешной темноте наткнулся на один из тех круглых безводных колодцев, о которых я уже говорил. Он был частично прикрыт упавшей колонной. В голове у меня блеснула внезапная мысль. Не могло ли это существо спуститься в колодец? Я зажег спичку и, взглянув вниз, увидел маленькое белое создание с большими блестящими глазами, которое удалялось, упорно глядя на меня. Я содрогнулся. Это было что-то вроде человекообразного паука. Оно спускалось вниз по стене колодца, и я впервые заметил множество металлических скобок для рук и ног, образовавших нечто вроде лестницы. Но тут догоревшая спичка обожгла мне пальцы и, выпав, потухла; когда я зажег другую, маленькое страшилище уже исчезло.

Не знаю, долго ли я просидел, вглядываясь в глубину колодца. Во всяком случае, прошло немало времени, прежде чем я пришел к заключению, что виденное мною существо тоже было человеком. Понемногу истина открылась передо мной. Я понял, что человек разделился на два различных вида. Изящные дети Верхнего Мира не были единственными нашими потомками: это беловатое отвратительное ночное существо,

которое промелькнуло передо мной, также было наследником минувших веков.

Вспомнив о дрожании воздуха над колодцами и о своей теории подземной вентиляции, я начал подозревать их истинное значение. Но какую роль, хотелось мне знать, мог играть этот лемур в моей схеме окончательной организации человечества? Каково было его отношение к безмятежности и беззаботности прекрасных жителей Верхнего Мира? Что скрывалось там, в глубине этого колодца? Я присел на его край, убеждая себя, что мне, во всяком случае, нечего опасаться и что необходимо спуститься туда для разрешения моих недоумений. Но вместе с тем я чувствовал какой-то страх! Пока я колебался, двое прекрасных наземных жителей, увлеченные любовной игрой, пробежали мимо меня через освещенное пространство в тень. Мужчина бежал за женщиной, бросая в нее цветами.

Они, казалось, очень огорчились, увидя, что я заглядываю в колодец, опираясь на упавшую колонну. Очевидно, было принято не замечать эти отверстия. Как только я указал на колодец и попытался задать вопросы на их языке, смущение их стало еще очевиднее, и они отвернулись от меня. Но спички их заинтересовали, и мне

пришлось сжечь несколько штук, чтобы позабавить их. Я снова попытался узнать что-нибудь про колодцы, но снова тщетно. Тогда, оставив их в покое, я решил вернуться к Уине и попробовать узнать что-нибудь у нее. Все мои представления о новом мире теперь перевернулись. У меня был ключ, чтобы понять значение этих колодцев, а также вентиляционных башен и таинственных привидений, не говоря уже о бронзовых дверях и о судьбе, постигшей Машину Времени! Вместе с этим ко мне в душу закралось смутное предчувствие возможности разрешить ту экономическую проблему, которая до сих пор приводила меня в недоумение.

Вот каков был мой новый вывод. Ясно, что этот второй вид людей обитал под землей. Три различных обстоятельства приводили меня к такому заключению. Они редко появлялись на поверхности земли, по-видимому, вследствие давней привычки к подземному существованию. На это указывала их блеклая окраска, присущая большинству животных, обитающих в темноте, — например, белые рыбы в пещерах Кентукки. Глаза, отражающие свет, — это также характерная черта ночных животных, например, кошки и совы. И наконец, это явное замешательство при

дневном свете, это поспешное неуклюжее бегство в темноту, эта особая манера опускать на свету лицо вниз — все это подкрепляло мою догадку о крайней чувствительности сетчатки их глаз.

Итак, земля у меня под ногами, видимо, была изрыта тоннелями, в которых и обитала новая раса. Существование вентиляционных башен и колодцев по склонам холмов — всюду, кроме долины реки, — доказывало, что эти тоннели образуют разветвленную сеть. Разве не естественно было предположить, что в искусственном подземном мире шла работа, необходимая для благосостояния дневной расы? Мысль эта была так правдоподобна, что я тотчас же принял ее и пошел дальше, отыскивая причину раздвоения человеческого рода. Боюсь, что вы с недоверием отнесетесь к моей теории, но что касается меня самого, то я убедился в скором времени, насколько она была близка к истине.

Мне казалось ясным как день, что постепенное углубление теперешнего временного социального различия между Капиталистом и Рабочим было ключом к новому положению вещей. Без сомнения, это покажется вам смешным и невероятным, но ведь уже теперь есть обстоятельства, которые указывают на такую возможность. Су-

ществует тенденция использовать подземные пространства для нужд цивилизации, не требующих особой красоты: существует, например, подземная железная дорога в Лондоне, строятся новые электрические подземные дороги и тоннели, существуют подземные мастерские и рестораны, все они растут и множатся. Очевидно, думал я, это стремление перенести работу под землю существует с незапамятных времен. Все глубже и глубже под землю уходили мастерские, где рабочим приходилось проводить все больше времени, пока наконец… Да разве и теперь искусственные условия жизни какого-нибудь уэст-эндского рабочего не отрезают его, по сути дела, от поверхности земли?

А вслед за тем кастовая тенденция богатых людей, вызванная все большей утонченностью жизни, — тенденция расширить пропасть между ними и оскорбляющей их грубостью бедняков — тоже ведет к захвату привилегированными сословиями все большей и большей части поверхности земли исключительно для себя. В окрестностях Лондона и других больших городов уже около половины самых красивых мест недоступно для посторонних! А эта неуклонно расширяющаяся пропасть между богатыми и

бедными, результат продолжительности и дороговизны высшего образования и стремления богатых к утонченным привычкам, — разве не поведет это к тому, что соприкосновения между классами станут все менее возможными? Благодаря такому отсутствию общения и тесных отношений браки между обоими классами, тормозящие теперь разделение человеческого рода на два различных вида, станут в будущем все более и более редкими. В конце концов на земной поверхности должны будут остаться только Имущие, наслаждающиеся в жизни исключительно удовольствиями и красотой, а под землей окажутся все Неимущие — рабочие, приспособившиеся к подземным условиям труда. А раз очутившись там, они, без сомнения, должны будут платить Имущим дань за вентиляцию своих жилищ. Если они откажутся от этого, то умрут с голода или задохнутся. Неприспособленные или непокорные вымрут. Мало-помалу при установившемся равновесии такого порядка вещей выжившие Неимущие сделаются такими же счастливыми на свой собственный лад, как и жители Верхнего Мира. Таким образом, естественно возникнут утонченная красота одних и бесцветная бедность других.

Окончательный триумф Человечества, о котором я мечтал, принял теперь совершенно иной вид в моих глазах. Это не был тот триумф духовного прогресса и коллективного труда, который я представлял себе. Вместо него я увидел настоящую аристократию, вооруженную новейшими знаниями и деятельно потрудившуюся для логического завершения современной нам индустриальной системы. Ее победа была не только победой над природой, но также и победой над своими собратьями-людьми. Такова была моя теория. У меня не было проводника, как в утопических книгах. Может быть, мое объяснение совершенно неправильно. Но все же я думаю и до сих пор, что оно самое правдоподобное. Однако даже и эта по-своему законченная цивилизация давно прошла свой зенит и клонилась к упадку. Чрезмерная обеспеченность жителей Верхнего Мира привела их к постепенной дегенерации, к общему вырождению, уменьшению роста, сил и умственных способностей. Это я видел достаточно ясно. Что произошло с Подземными Жителями, я еще не знал, но все виденное мной до сих пор показывало, что «морлоки», как их называли обитатели Верхнего Мира, ушли еще дальше от нынешнего человеческого типа, чем

«элои» — прекрасная наземная раса, с которой я уже познакомился.

Во мне возникли тревожные опасения. Для чего понадобилась морлокам моя Машина Времени? Теперь я был уверен, что это они похитили ее. И почему элои, если они господствующая раса, не могут возвратить ее мне? Почему они так боятся темноты? Я попытался было расспросить о Подземном Мире Уину, но меня снова ожидало разочарование. Сначала она не понимала моих вопросов, а затем отказалась на них отвечать. Она так дрожала, как будто не могла вынести этого разговора. Когда я начал настаивать, быть может, слишком резко, она горько расплакалась. Это были единственные слезы, которые я видел в Золотом Веке, кроме тех, что пролил я сам. Я тотчас же перестал мучить ее расспросами о морлоках и постарался, чтобы с ее лица исчезли эти следы человеческих чувств. Через минуту она уже улыбалась и хлопала в ладоши, когда я торжественно зажег перед ней спичку.

9. Морлоки

Вам может показаться странным, что прошло целых два дня, прежде чем я решился продолжать

свои изыскания в новом и, очевидно, верном направлении. Я ощущал какой-то страх перед этими белыми фигурами. Они походили на почти обесцвеченных червей и другие препараты, хранящиеся в спирту в зоологических музеях. А прикоснувшись к ним, я почувствовал, какие они были отвратительно холодные! Этот страх отчасти объяснялся моей симпатией к элоям, чье отвращение к морлокам стало мало-помалу передаваться и мне.

В следующую ночь я спал очень плохо. Вероятно, мое здоровье расстроилось. Страхи и сомнения угнетали меня. Порой на меня нападало чувство ужаса, причину которого я не мог понять. Помню, как я тихонько пробрался в большую залу, где, освещенные луной, спали маленькие люди. В эту ночь с ними спала и Уина. Их присутствие успокоило меня. Мне еще тогда пришло в голову, что через несколько дней луна будет в последней четверти и наступят темные ночи, когда должны участиться появления этих белых лемуров, этих новых червей, пришедших на смену старым. В последние два дня меня не оставляло тревожное чувство, какое обыкновенно испытывает человек, уклоняясь от исполнения неизбежного долга. Я был уверен, что смогу вернуть Машину

Времени, только проникнув без страха в тайну Подземного Мира. Но я все еще не решался встретиться с этой тайной. Будь у меня товарищ, возможно, все сложилось бы иначе. Но я был так ужасно одинок, что даже самая мысль спуститься в мрачную глубину колодца была невыносима для меня. Не знаю, поймете ли вы мое чувство, но мне непрестанно казалось, что за спиной мне угрожает страшная опасность.

Вероятно, это беспокойство и ощущение неведомой опасности заставляли меня уходить все дальше и дальше на разведку. Идя на юго-запад к возвышенности, которая в наше время называется Ком-Вуд, я заметил далеко впереди, там, где в девятнадцатом веке находится городок Бэнсгид, огромное зеленое здание, совершенно не похожее по стилю на все дома, виденные мной до сих пор. Размерами оно превосходило самые большие дворцы. Его фасад был отделан в восточном духе; выкрашенный блестящей бледно-зеленой краской с голубоватым оттенком, он походил на дворец из китайского фарфора. Такое отличие во внешнем виде невольно наводило на мысль о его особом назначении, и я намеревался получше осмотреть дворец. Но впервые я увидел его после долгих и утомительных скитаний, когда

день уже клонился к вечеру; поэтому, решив отложить осмотр до следующего дня, я вернулся домой к ласкам приветливой маленькой Уины. На следующее утро я ясно понял, что мое любопытство к Зеленому Фарфоровому Дворцу было вроде самообмана, изобретенного мною для того, чтобы еще на день отложить страшившее меня исследование Подземного Мира. Без дальнейших проволочек я решил пересилить себя и в то же утро спуститься в один из колодцев; я направился прямо к ближайшему из них, расположенному возле кучи гранитных и алюминиевых обломков.

Маленькая Уина бежала рядом со мной. Она, танцуя, проводила меня до колодца, но когда увидела, что я перегнулся через край и принялся смотреть вниз, пришла в ужасное волнение.

«Прощай, маленькая Уина», — сказал я, целуя ее.

Отпустив ее и перегнувшись через стенку, я принялся ощупывать металлические скобы. Не скрою, что делал я это торопливо из страха, что решимость меня покинет. Уина сначала смотрела на меня с изумлением. Потом, испустив жалобный крик, бросилась ко мне и принялась оттаскивать меня прочь своими маленькими

ручками. Мне кажется, ее сопротивление и побудило меня действовать решительно. Я оттолкнул ее руки, может быть, немного резко и мгновенно спустился в шахту колодца. Взглянув вверх, я увидел полное отчаяния лицо Уины и улыбнулся, чтобы ее успокоить. Но тотчас же вслед за тем я должен был обратить все свое внимание на скобы, едва выдерживавшие мою тяжесть.

Мне нужно было спуститься примерно на глубину двухсот ярдов. Так как металлические скобы были приспособлены для спуска небольших существ, то очень скоро я почувствовал усталость. Нет, не только усталость, но и подлинный ужас! Одна скоба неожиданно прогнулась под моей тяжестью, и я едва не полетел вниз, в непроглядную темноту. С минуту я висел на одной руке и после этого случая не решался более останавливаться. Хотя я скоро ощутил жгучую боль в руках и спине, но все же продолжал спускаться быстро, как только мог. Посмотрев наверх, я увидел в отверстии колодца маленький голубой кружок неба, на котором виднелась одна звезда, а головка Уины казалась на фоне неба черным круглым пятнышком. Внизу все громче раздавался грохот машин. Все, кроме небольшого кружка вверху, было темным. Когда я снова поднял голову, Уина

уже исчезла.

Мучительная тревога овладела мной. У меня мелькнула мысль вернуться наверх и оставить Подземный Мир в покое. Но все-таки я продолжал спускаться вниз. Наконец, не знаю через сколько времени, я с невероятным облегчением увидел или скорее почувствовал справа от себя небольшое отверстие в стене колодца. Проникнув в него, я убедился, что это был вход в узкий горизонтальный тоннель, где я мог прилечь и отдохнуть. Это было необходимо. Руки мои ныли, спину ломило, и я весь дрожал от страха перед падением. К тому же непроницаемая темнота сильно угнетала меня. Все вокруг было наполнено гулом машины, накачивавшей в глубину воздух.

Не знаю, сколько времени я пролежал так. Очнулся я от мягкого прикосновения чьей-то руки, ощупывавшей мое лицо. Вскочив в темноте, я торопливо зажег спичку и разглядел при ее свете три сутуловатые белые фигуры, подобные той, какую я видел в развалинах наверху. Они быстро отступили при виде огня. Морлоки, как я уже говорил, проводили всю жизнь в темноте, и потому глаза их были необычайно велики. Они не могли вытерпеть света моей спички и отражали его, совсем как зрачки глубоководных океанских рыб.

Я нимало не сомневался, что они видели меня в этой густой темноте и их пугал только свет. Едва я зажег новую спичку, чтобы разглядеть их, как они обратились в бегство и исчезли в темных тоннелях, откуда сверкали только их блестящие глаза.

Я попытался заговорить с ними, но их язык, видимо, отличался от языка наземных жителей, так что волей-неволей пришлось мне положиться на свои собственные силы. Снова мелькнула у меня мысль бежать, бросив все исследования. Но я сказал самому себе: «Надо довести дело до конца». Двигаясь ощупью по тоннелю, я заметил, что с каждым шагом гул машины становится все громче. Внезапно стены раздвинулись, я вышел на открытое место и, чиркнув спичкой, увидел, что нахожусь в просторной сводчатой пещере. Я не успел рассмотреть ее всю, потому что спичка скоро погасла.

Разумеется, мои воспоминания очень смутны. В темноте проступали контуры огромных машин, отбрасывавших при свете спички причудливые черные тени, в которых укрывались похожие на привидения морлоки. Было очень душно, и в воздухе чувствовался слабый запах свежепролитой крови. Чуть подальше, примерно

в середине пещеры, стоял небольшой стол из белого металла, на котором лежали куски свежего мяса. Оказалось, что морлоки не были вегетарианцами! Помню, как уже тогда я с изумлением подумал, — что это за домашнее животное сохранилось от наших времен, мясо которого лежало теперь передо мной? Все вокруг было видно смутно; тяжелый запах, громадные контуры машин, отвратительные фигуры, притаившиеся в тени и ожидающие только темноты, чтобы снова приблизиться ко мне! Догоревшая спичка обожгла мне пальцы и упала на землю, тлея красной точкой в непроглядной тьме.

С тех пор много раз я думал, как плохо был я подготовлен к такому исследованию. Отправляясь в путешествие на Машине Времени, я был исполнен нелепой уверенности, что люди Будущего опередили нас во всех отношениях. Я пришел к ним без оружия, без лекарств, без табака, а временами мне так ужасно хотелось курить! Даже спичек у меня было мало. Ах, если б я только сообразил захватить фотографический аппарат! Можно было бы запечатлеть этот Подземный Мир и потом спокойно рассмотреть его. Теперь же я стоял там, вооруженный лишь тем, чем снабдила меня Природа, — руками, ногами

и зубами; только это да четыре спасительные спички еще оставались у меня.

Я побоялся пройти дальше в темный проход между машинами и только при последней вспышке зажженной спички увидел, что моя коробка кончается. До этой минуты мне и в голову не приходило, что нужно беречь спички, и я истратил почти половину коробки, удивляя наземных жителей, для которых огонь сделался диковинкой. Теперь, когда у меня оставалось только четыре спички, а сам я очутился в темноте, я снова почувствовал, как чьи-то тонкие пальцы принялись ощупывать мое лицо, и меня поразил какой-то особенно неприятный запах. Мне казалось, что я слышу дыхание целой толпы этих ужасных существ. Я почувствовал, как чьи-то руки осторожно пытаются отнять у меня спичечную коробку, а другие тянут меня сзади за одежду. Мне было нестерпимо ощущать присутствие невидимых созданий. Там, в темноте, я впервые ясно осознал, что не могу понять их побуждений и поступков. Я крикнул на них изо всех сил. Они отскочили, но тотчас же я снова почувствовал их приближение. На этот раз они уже смелее хватали меня и обменивались какими-то странными звуками. Я задрожал, крикнул опять,

еще громче прежнего. Но в этот раз они уже не так испугались и тотчас приблизились снова, издавая странные звуки, похожие на тихий смех. Признаюсь, меня охватил страх. Я решил зажечь еще спичку и бежать под защитой света. Сделав это, я вынул из кармана кусок бумаги, зажег его и отступил назад в узкий тоннель. Но едва я вошел туда, мой факел задул ветер и стало слышно, как морлоки зашуршали в тоннеле, словно осенние листья. Их шаги звучали негромко и часто, как капли дождя…

В одно мгновение меня схватило несколько рук. Морлоки пытались втащить меня назад в пещеру. Я зажег еще спичку и помахал ею прямо перед их лицами. Вы едва ли можете себе представить, какими омерзительно нечеловеческими они были, эти бледные лица без подбородков, с большими, лишенными век красновато-серыми глазами! Как они дико смотрели на меня в своем слепом отупении! Впрочем, могу вас уверить, что я недолго разглядывал их. Я снова отступил и, едва догорела вторая спичка, зажег третью. Она тоже почти догорела, когда мне наконец удалось добраться до шахты колодца. Я прилег, потому что у меня кружилась голова от стука огромного насоса внизу. Затем сбоку я нащупал

скобы, но тут меня схватили за ноги и потащили обратно. Я зажег последнюю спичку… она тотчас же погасла. Но теперь, ухватившись за скобы и рассыпая ногами щедрые пинки, я высвободился из цепких объятий морлоков и принялся быстро взбираться по стене колодца. Все они стояли внизу и, моргая, смотрели на меня, кроме одной маленькой твари, которая некоторое время следовала за мной и чуть не сорвала с меня башмак в качестве трофея.

Подъем показался мне бесконечным. Преодолевая последние двадцать или тридцать футов, я почувствовал ужасную тошноту. Невероятным усилием я овладел собой. Последние несколько ярдов были ужасны. Сил больше не было. Несколько раз у меня начинала кружиться голова, и тогда падение казалось неминуемым. Сам не знаю, как я добрался до отверстия колодца и, шатаясь, выбрался из руин на ослепительный солнечный свет. Я упал ничком. Даже земля показалась мне здесь чистой и благоуханной. Помню, как Уина осыпала поцелуями мои руки и лицо и как вокруг меня раздавались голоса других элоев. А потом я потерял сознание.

10. Когда настала ночь

После этого я оказался еще в худшем положении, чем раньше. Если не считать минут отчаяния в ту ночь, когда я лишился Машины Времени, меня все время ободряла надежда на возможность бегства. Однако новые открытия пошатнули ее. До сих пор я видел для себя препятствие лишь в детской непосредственности миленького народа и в каких-то неведомых мне силах, узнать которые, казалось мне, было равносильно тому, чтобы их преодолеть. Теперь же появилось совершенно новое обстоятельство — отвратительные морлоки, что-то нечеловеческое и враждебное. Я инстинктивно ненавидел их. Прежде я чувствовал себя в положении человека, попавшего в яму: думал только о яме и о том, как бы из нее выбраться. Теперь же я чувствовал себя в положении зверя, попавшего в западню и чующего, что враг близко.

Враг, о котором я говорю, может вас удивить: это темнота перед новолунием. Уина внушила мне этот страх несколькими сначала непонятными словами о Темных Ночах. Теперь нетрудно было догадаться, что означало это приближе-

ние Темных Ночей. Луна убывала, каждую ночь темнота становилась все непроницаемей. Теперь я хоть отчасти понял наконец причину ужаса жителей Верхнего Мира перед темнотой. Я спрашивал себя, что за мерзости проделывали морлоки в безлунные ночи. Я был уже окончательно убежден, что моя гипотеза о господстве элоев над морлоками совершенно неверна. Конечно, раньше жители Верхнего Мира были привилегированным классом, а морлоки — их рабочими-слугами, но это давным-давно ушло в прошлое. Обе разновидности людей, возникшие вследствие эволюции общества, переходили или уже перешли к совершенно новым отношениям. Подобно династии Каролингов, элои переродились в прекрасные ничтожества. Они все еще из милости владели поверхностью земли, тогда как морлоки, жившие в продолжение бесчисленных поколений под землей, в конце концов стали совершенно неспособными выносить дневной свет. Морлоки по-прежнему делали для них одежду и заботились об их повседневных нуждах, может быть, вследствие старой привычки работать на них. Они делали это так же бессознательно, как конь бьет о землю копытом или охотник радуется убитой им дичи: старые, давно исчезнувшие

отношения все еще накладывали свою печать на человеческий организм. Но ясно, что изначальные отношения этих двух рас стали теперь прямо противоположны. Неумолимая Немезида неслышно приближалась к изнеженным счастливцам. Много веков назад, за тысячи и тысячи поколений, человек лишил своего ближнего счастья и солнечного света. А теперь этот ближний стал совершенно неузнаваем! Элои снова получили начальный урок жизни. Они заново познакомились с чувством страха. Я неожиданно вспомнил о мясе, которое видел в Подземном Мире. Не знаю, почему мне это пришло в голову: то было не следствие моих мыслей, а как бы вопрос извне. Я попытался припомнить, как выглядело мясо. Оно уже тогда показалось мне каким-то знакомым, но что это было, я не мог понять.

Маленький народ был беспомощен в присутствии существ, наводивших на него этот таинственный страх, но я был не таков. Я был сыном своего века, века расцвета человеческой расы, когда страх перестал сковывать человека и таинственность потеряла свои чары. Во всяком случае, я мог защищаться. Без промедления я решил приготовить себе оружие и найти безопасное место для сна. Имея такое убежище, я мог бы

сохранить по отношению к этому неведомому миру некоторую долю той уверенности, которой я лишился, узнав, какие существа угрожали мне по ночам. Я знал, что не засну до тех пор, пока сон мой не будет надежно защищен. Я содрогнулся при мысли, что эти твари уже не раз рассматривали меня.

Весь день я бродил по долине Темзы, но не нашел никакого убежища, которое было бы для них недосягаемым. Все здания и деревья казались легко доступными для таких ловких и цепких существ, какими были морлоки, судя по их колодцам. И тут я снова вспомнил о высоких башенках и гладких блестящих стенах Зеленого Фарфорового Дворца. В тот же вечер, посадив Уину, как ребенка, на плечо, я отправился по холмам на юго-запад. Я полагал, что до Зеленого Дворца семь или восемь миль, но, вероятно, до него были все восемнадцать. В первый раз я увидел это место в довольно пасмурный день, когда расстояния кажутся меньше. А теперь, когда я двинулся в путь, у меня, кроме всего остального, еще оторвался каблук и в ногу впивался гвоздь — это были старые башмаки, которые я носил только дома. Я захромал. Солнце давно уже село, когда показался дворец, вырисовывавшийся черным

силуэтом на бледно-желтом фоне неба.

Уина была в восторге, когда я понес ее на плече, но потом она захотела сойти на землю и семенила рядом со мной, перебегая то на одну, то на другую сторону за цветами и засовывая их мне в карманы. Карманы всегда удивляли Уину, и в конце концов она решила, что это своеобразные вазы для цветов. Во всяком случае, она их использовала для этой цели… Да! Кстати… Переодеваясь, я нашел…

(Путешественник по Времени умолк, опустил руку в карман и положил перед нами на столик два увядших цветка, напоминавших очень крупные белые мальвы. Потом возобновил свой рассказ.)

— Землю уже окутала вечерняя тишина, а мы все еще шли через холм по направлению к Уимблдону. Уина устала и хотела вернуться в здание из серого камня. Но я указал на видневшиеся вдалеке башенки Зеленого Дворца и постарался объяснить ей, что там мы найдем убежище. Знакома ли вам та мертвая тишина, которая наступает перед сумерками? Даже листья на деревьях не шелохнутся. На меня эта вечерняя тишина всегда навевает какое-то неясное чувство ожидания. Небо было чистое, высокое и ясное;

лишь на западе виднелось несколько легких облачков. Но к этому гнету вечернего ожидания примешивался теперь страх. В тишине мои чувства, казалось, сверхъестественно обострились. Мне чудилось, что я мог даже ощущать пещеры в земле у себя под ногами, мог чуть ли не видеть морлоков, кишащих в своем подземном муравейнике в ожидании темноты. Мне казалось, что они примут мое вторжение как объявление войны. И зачем взяли они мою Машину Времени?

Мы продолжали идти в вечерней тишине, а сумерки тем временем постепенно сгущались. Голубая ясность дали померкла, одна за другой стали загораться звезды. Земля под ногами становилась смутной, деревья — черными. Страх и усталость овладели Уиной. Я взял ее на руки, успокаивая и лаская. По мере наступления темноты она все крепче и крепче прижималась лицом к моему плечу. По длинному склону холма мы спустились в долину, и тут я чуть было не свалился в маленькую речку. Перейдя ее вброд, я взобрался на противоположный склон долины, прошел мимо множества домов, мимо статуи, изображавшей, как мне показалось, некое подобие фавна, но только без головы. Здесь росли акации. Морлоков не было видно, но ведь ночь

только начиналась и самые темные часы, перед восходом ущербленной луны, были еще впереди.

С вершины следующего холма я увидел густую чащу леса, которая тянулась передо мной широкой и черной полосой. Я остановился в нерешительности. Этому лесу не было видно конца ни справа, ни слева. Чувствуя себя усталым — у меня нестерпимо болели ноги, — я осторожно снял с плеча Уину и опустился на землю. Я уже не видел Зеленого Дворца и не знал, куда идти. Взглянув на лесную чащу, я невольно подумал о том, что могла скрывать она в своей глубине. Под этими густо переплетенными ветвями деревьев, должно быть, не видно даже звезд. Если б в лесу меня даже и не подстерегала опасность — та опасность, самую мысль о которой я гнал от себя, — там все же было достаточно корней, чтобы споткнуться, и стволов, чтобы расшибить себе лоб. К тому же я был измучен волнениями этого дня и решил не идти в лес, а провести ночь на открытом месте.

Я был рад, что Уина уже крепко спала. Заботливо завернув ее в свою куртку, я сел рядом с ней и стал ожидать восхода луны. На склоне холма было тихо и пустынно, но из темноты леса доносился по временам какой-то шорох. Надо

мной сияли звезды, ночь была очень ясная. Их мерцание успокаивало меня. На небе уже не было знакомых созвездий: они приняли новые очертания благодаря тем медленным перемещениям звезд, которые становятся ощутимы лишь по истечении сотен человеческих жизней. Один только Млечный Путь, казалось, остался тем же потоком звездной пыли, что и в наше время. На юге сияла какая-то очень яркая, неизвестная мне красная звезда, она была ярче даже нашего Сириуса. И среди всех этих мерцающих точек мягко и ровно сияла большая планета, как будто спокойно улыбающееся лицо старого друга.

При свете звезд все заботы и горести земной жизни показались мне ничтожными. Я подумал о том, как они бесконечно далеки, как медленно движутся из неведомого прошлого в неведомое будущее. Подумал о кругах, которые описывает в пространстве земная ось. Всего сорок раз описала она этот круг за восемьсот тысяч лет, которые я преодолел. И за это время вся деятельность, все традиции, вся сложная организация, все национальности, языки, вся литература, все человеческие стремления и даже самое воспоминание о Человеке, каким я его знал, исчезли. Взамен этого в мире появились хрупкие суще-

ства, забывшие о своем высоком происхождении, и белесые твари, от которых я в ужасе бежал. Я думал и о том Великом Страхе, который разделил две разновидности человеческого рода, и впервые с содроганием понял, что за мясо видел я в Подземном Мире. Нет, это было бы слишком ужасно! Я взглянул на маленькую Уину, спавшую рядом со мной, на ее личико, беленькое и ясное, как звездочка, и тотчас же отогнал страшную мысль.

Всю эту долгую ночь я старался не думать о морлоках и убивал время, стараясь найти в путанице звезд следы старых созвездий. Небо было совершенно чистое, кроме нескольких легких облачков. По временам я дремал. Когда такое бдение совсем истомило меня, в восточной части неба показался слабый свет, подобный зареву какого-то бесцветного пожара, и вслед за тем появился белый тонкий серп убывающей луны. А следом, как бы настигая и затопляя его своим сиянием, блеснули первые лучи утренней зари, сначала бледные, но потом с каждой минутой все ярче разгоравшиеся теплыми алыми красками. Ни один морлок не приблизился к нам; в эту ночь я даже не видел никого из них. С первым светом наступающего дня все мои ночные страхи стали

казаться почти смешными. Я встал и почувствовал, что моя нога в башмаке без каблука распухла у лодыжки, пятка болела. Я сел на землю, снял башмаки и отшвырнул их прочь.

Разбудив Уину, я спустился с ней вниз. Мы вошли в лес, теперь зеленый и приветливый, а не черный и зловещий, как ночью. Мы позавтракали плодами, а потом встретили несколько прекрасных маленьких существ, которые смеялись и танцевали на солнышке, как будто в мире никогда и не существовало ночей. Но тут я снова вспомнил о том мясе, которое видел у морлоков. Теперь мне стало окончательно ясно, что это было за мясо, и я от всей души пожалел о том слабом ручейке, который остался на земле от некогда могучего потока Человечества. Ясно, что когда-то давно, века назад, пища у морлоков иссякла. Возможно, что некоторое время они питались крысами и всякой другой мерзостью. Даже и в наше время человек гораздо менее разборчив в пище, чем когда-то, — значительно менее разборчив, чем любая обезьяна. Его предубеждение против человеческого мяса не есть глубоко укоренившийся инстинкт. И теперь вот что делали эти бесчеловечные потомки людей!.. Я постарался взглянуть на дело с научной

точки зрения. Во всяком случае, морлоки были менее человекоподобны и более далеки от нас, чем наши предки-каннибалы, жившие три или четыре тысячи лет назад. А тот высокоразвитый ум, который сделал бы для нас людоедство истинной пыткой, окончательно исчез. «О чем мне беспокоиться? — подумал я. — Эти элои просто-напросто откормленный скот, который разводят и отбирают себе в пищу муравьеподобные морлоки, — вероятно, они даже следят за тем, чтобы элои были хорошо откормлены…» А маленькая Уина тем временем танцевала около меня.

Я попытался подавить отвращение, заставляя себя думать, что такое положение вещей — суровая кара за человеческий эгоизм. Люди хотели жить в роскоши за счет тяжкого труда своих собратьев и оправдывались необходимостью, а теперь, когда настало время, та же необходимость повернулась к ним своей обратной стороной. Я даже, подобно Карлейлю, пытался возбудить в себе презрение к этой жалкой, упадочной аристократии. Но мне это не удалось. Как ни велико было их духовное падение, все же элои сохранили в своей внешности слишком много человеческого, и я невольно сочувствовал им, разделяя с ними унижение и страх.

Что мне делать, я еще не знал. Прежде всего я хотел найти безопасное убежище и раздобыть какое-нибудь металлическое или каменное оружие. Это было необходимо. Затем я надеялся найти средства для добывания огня, чтобы иметь факел, так как знал, что это оружие было самым действенным против морлоков. А еще я хотел сделать какое-нибудь приспособление для того, чтобы выломать бронзовые двери в пьедестале Белого Сфинкса. Я намеревался сделать таран. Я был уверен, что если войду в эти двери, неся с собой факел, то найду там Машину Времени и смогу вырваться из этого ужасного мира. Я не думал, чтобы у морлоков хватило сил утащить мою Машину куда-нибудь очень далеко. Уину я решил взять с собой в наше время. Обдумывая все эти планы, я продолжал идти к тому зданию, которое избрал для своего жилища.

11. Зеленый дворец

Когда около полудня мы дошли до Зеленого Дворца, то нашли его полуразрушенным и пустынным. В окнах торчали только осколки стекол, а большие куски зеленой облицовки отвалились от проржавевшего металлического каркаса. Дворец стоял на высоком травянистом склоне, и, взглянув на северо-восток, я изумился, увидя большой эстуарий, или, скорее, бухту, там, где, по моим соображениям, были наши Уондсворт и Бэттерси. И я сразу подумал, что же произошло или происходит теперь с существами, населяющими морскую глубину, но долго раздумывать об этом не стал.

Оказалось, что дворец был действительно сделан из фарфора, и вдоль его фасада тянулась надпись на каком-то незнакомом языке. Мне пришла в голову нелепая мысль, что Уина может помочь разобрать ее, но оказалось, что она и понятия не имеет о письме. Она всегда казалась мне более человеком, чем была на самом деле, может быть, потому, что ее привязанность ко мне

была такой человеческой.

За огромными поломанными створчатыми дверями, которые были открыты настежь, мы увидели вместо обычного зала длинную галерею с целым рядом окон. С первого же взгляда я понял, что это музей. Паркетный пол был покрыт густым слоем пыли, и такой же серый покров лежал на удивительных и разнообразных предметах, в беспорядке сваленных повсюду. Среди прочего я увидел что-то странное и высохшее посреди зала — несомненно, это была нижняя часть огромного скелета. По форме его ног я определил, что это вымершее животное типа мегатерия. Рядом в густой пыли лежали его череп и кости верхних конечностей, а в одном месте, где крыша протекала, часть костей почти совершенно рассыпалась. Далее в галерее стоял огромный скелет бронтозавра. Мое предположение, что это музей, подтвердилось. По бокам галереи я нашел то, что принял сначала за покосившиеся полки, но, стерев с них густой слой пыли, убедился, что это стеклянные витрины. Вероятно, они были герметически закупорены, судя по некоторым прекрасно сохранившимся экспонатам.

Ясно, что мы находились среди развалин огромного музея, подобного Южно-Кенсингтонскому,

но относившегося к более поздним временам. Здесь, по-видимому, был палеонтологический отдел, обладавший чудеснейшей коллекцией ископаемых, однако неизбежное разрушение, искусственно остановленное на некоторое время и утратившее благодаря уничтожению бактерий и грибков девяносто девять сотых своей силы, все же верно и медленно продолжало свою работу. То тут, то там находил я следы посещения музея маленьким народом: кое-где попадались редкие ископаемые, разломанные ими на куски или нанизанные гирляндами на тростник. В некоторых местах витрины были сорваны. И я решил, что это сделали морлоки. Дворец был совершенно пуст. Густой слой пыли заглушал звук наших шагов. Пока я с изумлением осматривался, ко мне подошла Уина, которая до тех пор забавлялась тем, что катала морского ежа по наклонному стеклу витрины. Она тихонько взяла меня за руку и встала рядом со мной.

Я был так изумлен при виде этого разрушающегося памятника интеллектуального периода существования человечества, что не подумал о той пользе, какую отсюда мог бы для себя извлечь. Даже мысль о Машине вылетела у меня на время из головы.

Судя по размерам, Зеленый Дворец должен был заключать в себе не только палеонтологическую галерею: вероятно, тут были и исторические отделы, а может быть, даже библиотека. Для меня это было бы неизмеримо интереснее, чем геологическая выставка времен упадка. Принявшись за дальнейшие исследования, я открыл вторую, короткую, галерею, пересекавшую первую. По-видимому, это был Минералогический отдел, и вид куска серы навел меня на мысль о порохе. Но я нигде не мог отыскать селитры или каких-нибудь азотнокислых солей. Без сомнения, они разложились много столетий назад. Но сера не выходила у меня из головы и натолкнула меня на целый ряд мыслей. Все остальное здесь мало меня интересовало, хотя в общем, пожалуй, этот отдел сохранился лучше всего. Я не специалист по минералогии, и потому я отправился дальше в полуразрушенное крыло здания, параллельное первой галерее, через которую я вошел. По-видимому, этот новый отдел был посвящен естественной истории, но все в нем давным-давно изменилось до неузнаваемости. Несколько съежившихся и почерневших остатков того, что прежде было чучелом зверей, высохшие коконы в банках, когда-то наполненных спиртом, темная

пыль, оставшаяся от засушенных растений, — вот и все, что я здесь нашел. Я пожалел об этом; мне было бы интересно проследить те медленные терпеливые усилия, благодаря которым была достигнута полная победа над животным и растительным миром. Оттуда мы попали в огромную плохо освещенную галерею. Пол постепенно понижался, хотя и под небольшим углом, от того конца, где мы стояли. С потолка через одинаковые промежутки свешивались белые шары; некоторые из них были треснуты или разбиты вдребезги, и у меня невольно явилась мысль, что это помещение когда-то освещалось искусственным светом. Тут я больше чувствовал себя в своей среде, так как по обе стороны от меня поднимались остовы огромных машин, все сильно попорченные и многие даже поломанные; некоторые, однако, были еще в сравнительной целости. Вы знаете, у меня слабость к машинам; мне захотелось подольше остаться здесь, тем более что большая часть их поразила меня новизной и непонятностью, и я мог строить лишь самые неопределенные догадки относительно целей, которым они служили. Мне казалось, что если я разрешу эти загадки, то найду могущественное оружие для борьбы с морлоками.

Вдруг Уина прижалась ко мне. Это было так неожиданно, что я вздрогнул. Если бы не она, я, по всей вероятности, не обратил бы внимания на покатость пола. Тот конец галереи, откуда я вошел, поднимался довольно высоко над землей и был освещен через немногие узкие окна. Но по мере того как мы шли дальше, склон холма подступал к самым окнам, постепенно заслоняя их, так что наконец осталось только углубление, как в Лондоне перед полуподвалом, а в неширокую щель просачивалась лишь едва заметная полоска света. Я медленно шел вперед, с любопытством рассматривая машины. Это занятие совершенно поглотило меня, и поэтому я не заметил постепенного ослабления света, пока наконец возрастающий страх Уины не привлек моего внимания. Я заметил тогда, что галерея уходит в непроглядную темноту.

Остановившись в нерешительности и осмотревшись вокруг, я увидел, что слой пыли здесь был тоньше и местами лежал неровно. Еще дальше, в темноте, на пыльном полу как будто виднелись небольшие узкие следы. При виде их я вспомнил о близости морлоков. Я почувствовал, что даром теряю время на осмотр машин, и спохватился, что уже перевалило далеко за полдень,

а я все еще не имею оружия, убежища и средств для добывания огня. Вдруг далеко в глубине темной галереи я услышал тот же своеобразный шорох, те же странные звуки, что и тогда в глубине колодца.

Я взял Уину за руку. Но вдруг мне в голову пришла новая мысль, я оставил Уину и направился к машине, из которой торчал рычаг вроде тех, какие употребляются на железнодорожных стрелках. Взобравшись на подставку и ухватившись обеими руками за рычаг, я всей своей тяжестью навалился на него. Уина, оставшись одна, начала плакать. Я рассчитал правильно: рычаг сломался после минутного усилия, и я вернулся к Уине с палицей в руке, достаточно надежной для того, чтобы проломить череп любому морлоку, который повстречался бы на пути. А мне ужасно хотелось убить хотя бы одного! Быть может, вам это желание убить одного из наших потомков покажется бесчеловечным. Но к этим отвратительным существам невозможно было относиться по-человечески. Только мое нежелание оставить Уину и уверенность, что может пострадать Машина Времени, если я примусь за избиение морлоков, удержали меня от попытки тотчас же спуститься по галерее вниз и

начать истребление копошившихся там тварей.

И вот, держа палицу в правой руке, а левой обнимая Уину, я вышел из этой галереи и направился в другую — с виду еще большую, — которую я с первого взгляда принял за военную часовню, обвешанную изорванными знаменами. Но скоро в этих коричневых и черных лоскутьях, которые висели по стенам, я узнал остатки истлевших книг. Они давным-давно рассыпались на куски, на них не осталось даже следов букв. Лишь кое-где валялись покоробленные корешки и треснувшие металлические застежки, достаточно красноречиво свидетельствовавшие о своем прошлом назначении. Будь я писателем, возможно, при виде всего этого я пустился бы философствовать о тщете всякого честолюбия. Но так как я не писатель, меня всего сильнее поразила потеря колоссального труда, о которой говорили эти мрачные груды истлевшей бумаги. Должен сознаться, впрочем, что в ту минуту я вспомнил о «Трудах философского общества» и о своих собственных семнадцати статьях по оптике.

Поднявшись по широкой лестнице, мы вошли в новое помещение, которое было когда-то отделом прикладной химии. У меня была надежда найти здесь что-нибудь полезное. За исключением

одного угла, где обвалилась крыша, эта галерея прекрасно сохранилась. Я торопливо подходил к каждой уцелевшей витрине и наконец в одной из них, закупоренной поистине герметически, нашел коробку спичек. Горя от нетерпения, я испробовал одну из них. Спички оказались вполне пригодными: они нисколько не отсырели. Я повернулся к Уине.

«Танцуй!» — воскликнул я на ее языке.

Теперь у нас действительно было оружие против ужасных существ, которых мы боялись. И вот в этом заброшенном музее, на густом ковре пыли, к величайшему восторгу Уины, я принялся торжественно исполнять замысловатый танец, весело насвистывая песенку «Моя Шотландия». Это был частью скромный канкан, частью полонез, частью вальс (заставлявший развеваться фалды моего сюртука) и частью мое собственное оригинальное изобретение. Вы же знаете, что я в самом деле изобретателен.

Эта коробка спичек, которая сохранилась в течение стольких лет вопреки разрушительному действию времени, была самой необычайной и счастливой случайностью. К своему удивлению, я сделал еще одну неожиданную находку — камфору. Я нашел ее в запечатанной банке, которая, я

думаю, случайно была закупорена герметически. Сначала я принял ее за парафин и разбил банку. Но запах камфоры не оставлял сомнений. Среди общего разрушения это летучее вещество пережило, быть может, многие тысячи столетий. Она напомнила мне об одном рисунке, сделанном сепией, приготовленной из ископаемого белемнита, погибшего и ставшего окаменелостью, вероятно, миллионы лет тому назад. Я хотел уже выбросить камфору, как вдруг вспомнил, что она горит прекрасным ярким пламенем, так что из нее можно сделать отличную свечку. Я положил ее в карман. Зато я нигде не нашел взрывчатых веществ или каких-либо других средств, чтобы взломать бронзовые двери. Железный рычаг был самым полезным орудием, на которое я до сих пор наткнулся. Тем не менее я с гордым видом вышел из галереи.

Не могу пересказать вам всего, что я видел за этот долгий день. Пришлось бы сильно напрячь память, чтобы по порядку рассказать о всех моих изысканиях. Помню длинную галерею с заржавевшим оружием и свои размышления: не выбрать ли мне топор или саблю вместо моего железного рычага? Но я не мог унести то и другое, а железный лом был более пригоден для атаки

на бронзовые двери. Я видел множество ружей, пистолетов и винтовок. Почти все они были совершенно изъедены ржавчиной, хотя некоторые, сделанные из какого-то неизвестного металла, прекрасно сохранились. Но патроны и порох давно уже рассыпались в пыль. Один угол галереи обгорел и был совершенно разрушен; вероятно, это произошло вследствие взрыва патронов. В другом месте оказалась большая коллекция идолов: полинезийских, мексиканских, греческих, финикийских, — собранных со всех концов земли. И тут, уступая непреодолимому желанию, я написал свое имя на носу каменного урода из Южной Америки, особенно меня поразившего.

К вечеру мое любопытство ослабело. Одну за другой проходил я галереи, пыльные, безмолвные, часто разрушенные, все содержимое которых представляло собой по временам груды ржавчины и обуглившихся обломков. В одном месте я неожиданно наткнулся на модель рудника, а затем, также совершенно случайно, нашел в плотно закупоренной витрине два динамитных патрона.

«Эврика!» — воскликнул я с радостью и разбил витрину.

Но вдруг на меня напало сомнение. Я остано-

вился в раздумье. Выбрав маленькую боковую галерею, я сделал опыт. Никогда в жизни не чувствовал я такого разочарования, как в те пять–десять минут, когда ждал взрыва и ничего не дождался. Без сомнения, это были модели, я мог бы догадаться об этом уже по их виду. Уверен, что иначе я тотчас же кинулся бы к Белому Сфинксу и отправил бы его одним взрывом в небытие вместе с его бронзовыми дверями и (как оказалось впоследствии) уже никогда не получил бы обратно Машину Времени.

Насколько я могу припомнить, мы вышли в маленький открытый дворик внутри главного здания. Среди зеленой травы росли три фруктовых дерева. Здесь мы отдохнули и подкрепились. Приближался закат, и я стал обдумывать наше положение. Ночь уже надвигалась, а безопасное убежище все еще не было найдено. Однако теперь это меня мало тревожило. В моих руках была лучшая защита от морлоков: спички! А на случай, если бы понадобился яркий свет, у меня в кармане была камфора. Самое лучшее, казалось мне, — провести ночь на открытом месте под защитой костра. А наутро я хотел приняться за розыски Машины Времени. Единственным средством для этого был железный лом. Но теперь,

лучше зная, что к чему, я совершенно иначе относился к бронзовым дверям. Ведь до сих пор я не хотел их ломать, не зная, что находилось по другую их сторону. Однако они никогда не казались мне очень прочными, и теперь я надеялся, что легко взломаю их своим рычагом.

12. Во мраке

Мы вышли из Зеленого Дворца, когда солнце еще не скрылось за горизонтом. Я решил на следующий же день, рано утром, вернуться к Белому Сфинксу, а пока, до наступления темноты, предполагал пробраться через лес, задержавший нас по пути сюда. В этот вечер я рассчитывал пройти возможно больше, а затем, разведя костер, лечь спать под защитой огня. Дорогой я собирал сучья и сухую траву и скоро набрал целую охапку. С этим грузом мы подвигались вперед медленнее, чем я предполагал, и к тому же Уина очень устала. Мне тоже ужасно хотелось спать. Когда мы дошли до леса, наступила полная темнота. Из страха перед ней Уина хотела остаться на склоне холма перед опушкой, но чувство опасности толкало меня вперед, вместо того чтобы образумить и остановить. Я не спал всю ночь и два дня нахо-

дился в лихорадочном, раздраженном состоянии. Я чувствовал, как ко мне подкрадывается сон, а вместе с ним и морлоки.

Пока мы стояли в нерешительности, я увидел сзади на темном фоне кустов три притаившиеся твари. Нас окружали высокая трава и мелкий кустарник, так что они могли коварно подкрасться вплотную. Чтобы пересечь лес, надо было, по моим расчетам, пройти около мили. Мне казалось, что если бы нам удалось выйти на открытый склон, то мы нашли бы там безопасное место для отдыха. Спичками и камфорой я рассчитывал освещать дорогу. Но, чтобы зажигать спички, я, очевидно, должен был бросить сучья, набранные для костра. Волей-неволей мне пришлось это сделать. И тут у меня возникла мысль, что я могу позабавить наших друзей, если подожгу кучу хвороста. Впоследствии я понял, какое это было безумие, но тогда такой маневр показался мне отличным прикрытием нашего отступления.

Не знаю, задумывались ли вы когда-нибудь над тем, какой редкостью бывает пламя в умеренном климате, где нет человека. Солнечный жар редко способен зажечь какое-нибудь дерево даже в том случае, если его лучи собирают, словно зажигательные стекла, капли росы, как это иногда

случается в тропических странах. Молния разит и убивает, но редко служит причиной большого пожара. Гниющая растительность иногда тлеет от теплоты внутренних химических реакций, но редко загорается. А в этот период упадка на земле было позабыто самое искусство добывания огня. Красные языки, которые принялись лизать груду хвороста, были для Уины чем-то совершенно новым и поразительным.

Она хотела подбежать и поиграть с пламенем. Вероятно, она даже бросилась бы в огонь, не удержи я ее. Я схватил ее и, несмотря на сопротивление, смело увлек за собой в лес. Некоторое время костер освещал нам дорогу. Потом, оглянувшись назад, я увидел сквозь частые стволы деревьев, как занялись ближние кустарники и пламя, змеясь, поползло вверх на холм. Я засмеялся и снова повернулся к темным деревьям. Там царил полнейший мрак; Уина судорожно прижималась ко мне, но мои глаза быстро освоились с темнотой, и я достаточно хорошо видел, чтобы не натыкаться на стволы. Над головой было черным-черно, и только кое-где сиял клочок неба. Я не зажигал спичек, потому что руки мои были заняты. На левой руке сидела малышка Уина, а в правой я держал свой лом.

Некоторое время я не слышал ничего, кроме треска веток под ногами, легкого шелеста ветра, своего дыхания и стука крови в ушах. Затем я услышал позади топот, но упорно продолжал идти вперед. Топот становился все громче, и вместе с ним долетали странные звуки и голоса, которые я уже слышал в Подземном Мире. Очевидно, за нами гнались морлоки; они настигали нас. Действительно, в следующее же мгновение я почувствовал, как кто-то дернул меня за одежду, а потом за руку. Уина задрожала и притихла.

Необходимо было зажечь спичку. Но, чтобы достать ее, я должен был спустить Уину на землю. Я так и сделал, но пока я рылся в кармане, около моих ног в темноте началась возня. Уина молчала, и только морлоки что-то бормотали. Чьи-то маленькие мягкие руки скользнули по моей спине и даже прикоснулись к шее. Спичка чиркнула и зашипела. Я подождал, пока она не разгорелась, и тогда увидел белые спины убегавших в чащу морлоков. Поспешно вынув из кармана кусок камфоры, я приготовился его зажечь, как только начнет гаснуть спичка. Я взглянул на Уину. Она лежала ничком, обхватив мои колени, совершенно неподвижная. Со страхом я наклонился над ней. Казалось, она едва

дышала. Я зажег кусок камфоры и бросил его на землю; расколовшись, он ярко запылал, отгоняя от нас морлоков и ночные тени. Я встал на колени и поднял Уину. В лесу, позади нас, слышался шум и бормотание огромной толпы.

По-видимому, Уина лишилась чувств. Я осторожно положил ее к себе на плечо, встал и собрался идти дальше, но вдруг ясно понял безвыходность нашего положения. Возясь со спичками и с Уиной, я несколько раз повернулся и теперь не имел ни малейшего понятия, куда мне идти. Может быть, я снова шел назад к Зеленому Дворцу. Меня прошиб холодный пот. Нельзя было терять времени; приходилось действовать. Я решил развести костер и остаться на месте. Положив все еще неподвижную Уину на мшистый пень, я принялся торопливо собирать сучья и листья, пока догорал кусок камфоры. Вокруг меня то тут, то там, подобно рубинам, светились в темноте глаза морлоков.

Камфора в последний раз вспыхнула и погасла. Я зажег спичку и увидел, как два белые существа, приближавшиеся к Уине, поспешно метнулись прочь. Одно из них было так ослеплено светом, что прямо натолкнулось на меня, и я почувствовал, как под ударом моего кулака хрустнули его

кости. Морлок закричал от ужаса, сделал, шатаясь, несколько шагов и упал. Я зажег другой кусок камфоры и продолжал собирать хворост для костра. Скоро я заметил, что листья здесь совершенно сухие, так как со времени моего прибытия, то есть целую неделю, ни разу не было дождя. Я перестал разыскивать меж деревьями хворост и начал вместо этого прыгать и обламывать нижние ветви деревьев. Скоро разгорелся удушливо-дымный костер из свежего дерева и сухих сучьев, и я сберег остаток камфоры. Я вернулся туда, где рядом с моим ломом лежала Уина. Я всеми силами старался привести ее в чувство, но она лежала как мертвая. Я не мог даже понять, дышала она или нет.

Тут мне пахнуло дымом прямо в лицо, и голова моя, и без того тяжелая от запаха камфоры, отяжелела еще больше. Костра должно было хватить примерно на час. Смертельно усталый, я присел на землю. Мне почудилось, что по лесу носится какой-то непонятный сонливый шепот. Я, наверное, вздремнул, но, как мне показалось, лишь на миг. Вокруг меня была темнота, и руки морлоков касались моего тела. Стряхнув с себя их цепкие пальцы, я торопливо принялся искать в кармане спички, но их там не оказалось. Морло-

ки снова схватили меня, окружив со всех сторон. В одну секунду я сообразил, что случилось. Я заснул, костер погас. Меня охватил смертельный ужас. Весь лес, казалось, был наполнен запахом гари. Меня схватили за шею, за волосы, за руки и старались повалить. Ужасны были в темноте прикосновения этих мягкотелых созданий, облепивших меня. Мне казалось, что я попал в какую-то чудовищную паутину. Они пересилили меня, и я упал. Чьи-то острые зубы впились мне в шею. Я перевернулся, и в то же мгновение рука моя нащупала железный рычаг. Это придало мне силы. Стряхнув с себя всю кучу человекообразных крыс, я вскочил и, размахнувшись рычагом, принялся бить им наугад, стараясь попасть по их головам. Я слышал, как под моими ударами обмякали их тела, как хрустели кости. На минуту я освободился.

Мною овладело то странное возбуждение, которое, говорят, так часто приходит во время боя. Я знал, что мы оба с Уиной погибли, но решил дорого продать свою жизнь. Я стоял, опираясь спиной о дерево и размахивая перед собой железной палицей. Лес оглашали громкие крики морлоков. Прошла минута. Голоса их, казалось, уже не могли быть пронзительней, движения

становились все быстрее и быстрее. Но ни один не подходил ко мне близко. Я все время стоял на месте, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в темноте. В душу мою закралась надежда: может быть, морлоки испугались? И тут произошло нечто необычайное. Казалось, окружающий меня мрак стал проясняться. Я смутно начал различать фигуры морлоков, трое корчились у моих ног, а остальные непрерывным потоком бежали мимо меня в глубь леса. Спины их казались уж не белыми, а красноватыми. Застыв в недоумении, я увидел красную полосу, скользившую между деревьев, освещенных светом звезд. Я сразу понял, откуда взялся запах гари, и однообразный шорох, перешедший теперь в страшный рев, и красное зарево, обратившее в бегство морлоков.

Отойдя от дерева и оглянувшись назад, я увидел между черными стволами пламя лесного пожара. Это меня догонял мой первый костер. Я искал Уину, но ее не было… Свист и шипенье позади, треск загоревшихся ветвей — все это не оставляло времени для размышлений. Схватив свой лом, я побежал за морлоками. Пламя следовало за мной по пятам. Пока я бежал, оно обогнало меня справа, так что я оказался отрезанным и бросился влево. Наконец я выбежал на небольшую поляну.

Один из морлоков, ослепленный, наткнулся на меня и промчался мимо прямо в огонь.

После этого мне пришлось наблюдать самое потрясающее зрелище из всех, какие я видел в Будущем. От зарева стало светло, как днем. Посреди огненного моря был холмик или курган, на вершине которого рос полузасохший боярышник. А дальше, в лесу, бушевали желтые языки пламени, и холм был со всех сторон окружен огненным забором. На склоне холма толпилось около тридцати или сорока морлоков; ослепленные, они метались и натыкались в замешательстве друг на друга. Я забыл об их слепоте и, как только они приближались, в безумном страхе принимался яростно наносить им удары. Я убил одного и искалечил многих. Но, увидев, как один из них ощупью пробирался в багровом свете среди боярышника, и услыхав стоны, я убедился в полной беспомощности и отчаянии морлоков и не трогал уже больше никого.

Иногда некоторые из них натыкались на меня и так дрожали, что я сразу давал им дорогу. Однажды, когда пламя немного угасло, я испугался, что эти гнусные существа скоро меня увидят. Я даже подумывал о том, не убить ли мне нескольких из них, прежде чем это случится, но пламя снова

ярко вспыхнуло. Я бродил между морлоками по холму, избегая столкновений, и старался найти хоть какие-нибудь следы Уины. Но Уина исчезла.

Я присел наконец на вершине холма и стал смотреть на это необычайное сборище слепых существ, бродивших ощупью и перекликавшихся нечеловеческими голосами при вспышках пламени. Огромные клубы дыма плыли по небу, и сквозь красное зарево изредка проглядывали звезды, такие далекие, как будто они принадлежали какой-то иной вселенной. Два или три морлока сослепу наткнулись на меня, и я, задрожав, отогнал их ударами кулаков.

Почти всю ночь продолжался этот кошмар. Я кусал себе руки и кричал в страстном желании проснуться, колотил кулаками по земле, вставал, потом садился, бродил взад-вперед и снова садился на землю. Я тер глаза, умолял бога дать мне проснуться. Три раза я видел, как морлоки, опустив головы, обезумевшие, кидались прямо в огонь. Наконец над утихшим пламенем пожара, над клубами дыма, над почерневшими стволами деревьев и над жалким остатком этих мерзких существ блеснули первые лучи рассвета.

Я снова принялся искать Уину, но не нашел ее. По-видимому, ее маленькое тельце осталось в

лесу. Все же она избегла той ужасной участи, которая, казалось, была ей уготована. При этой мысли я чуть снова не принялся за избиение беспомощных отвратительных созданий, но сдержался. Холмик, как я сказал, был чем-то вроде острова в лесу. С его вершины сквозь пелену дыма я теперь мог разглядеть Зеленый Дворец и определить путь к Белому Сфинксу. Когда окончательно рассвело, я покинул кучку проклятых морлоков, все еще стонавших и бродивших ощупью по холму, обмотал ноги травой и по дымящемуся пеплу, меж черных стволов, среди которых еще трепетал огонь, поплелся туда, где была спрятана Машина Времени. Шел я медленно, так как почти выбился из сил и, кроме того, хромал: я чувствовал себя глубоко несчастным, вспоминая об ужасной смерти бедной Уины. Это было тяжко. Теперь, когда я сижу здесь у себя, в привычной обстановке, потеря Уины кажется мне скорее тяжелым сном, чем настоящей утратой. Но в то утро я снова стал совершенно одинок, ужасно одинок. Я вспомнил о своем доме, о вас, друзья мои, и меня охватила мучительная тоска.

Идя по дымящемуся пеплу под ясным утренним небом, я сделал одно открытие. В кармане брюк уцелело несколько спичек. По-видимому, короб-

ка разломалась, прежде чем ее у меня похитили.

13. Ловушка Белого Сфинкса

В восемь или девять часов утра я добрался до той самой скамьи из желтого металла, откуда в первый вечер осматривал окружавший меня мир. Я не мог удержаться и горько посмеялся над своей самоуверенностью, вспомнив, к каким необдуманным выводам пришел я в тот вечер. Теперь передо мной была та же дивная картина, та же роскошная растительность, те же чудесные дворцы и великолепные руины, та же серебристая гладь реки, катившей свои воды меж плодородными берегами. Кое-где среди деревьев мелькали яркие одежды очаровательно-прекрасных маленьких людей. Некоторые из них купались на том самом месте, где я спас Уину, и у меня больно сжалось сердце. И над всем этим чудесным зрелищем, подобно черным пятнам, подымались купола, прикрывавшие колодцы, которые вели в подземный мир. Я понял теперь, что таилось под красотой жителей Верхнего Мира. Как радостно они проводили день! Так же радостно, как скот, пасущийся в поле. Подобно скоту, они не знали врагов и ни о чем не заботи-

лись. И таков же был их конец.

Мне стало горько при мысли, как кратковременно было торжество человеческого разума, который сам совершил самоубийство. Люди упорно стремились к благосостоянию и довольству, к тому общественному строю, лозунгом которого была обеспеченность и неизменность; и они достигли цели, к которой стремились, только чтобы прийти к такому концу… Когда-то Человечество дошло до того, что жизнь и собственность каждого оказались в полной безопасности. Богатый знал, что его благосостояние и комфорт неприкосновенны, а бедный довольствовался тем, что ему обеспечены жизнь и труд. Без сомнения, в таком мире не было ни безработицы, ни нерешенных социальных проблем. А за всем этим последовал великий покой.

Мы забываем о законе природы, гласящем, что гибкость ума является наградой за опасности, тревоги и превратности жизни. Существо, которое живет в совершенной гармонии с окружающими условиями, превращается в простую машину. Природа никогда не прибегает к разуму до тех пор, пока ей служат привычка и инстинкт. Там, где нет перемен и необходимости в переменах, разум погибает. Только те существа обладают

им, которые сталкиваются со всевозможными нуждами и опасностями.

Таким путем, мне кажется, человек Верхнего Мира пришел к своей беспомощной красоте, а человек Подземного Мира — к чисто механическому труду. Но даже и для этого уравновешенного положения вещей, при всем его механическом совершенстве, недоставало одного — полной неизменности. С течением времени запасы Подземного Мира истощились. И вот Мать-Нужда, сдерживаемая в продолжение нескольких тысячелетий, появилась снова и начала внизу свою работу. Жители Подземного Мира, имея дело со сложными машинами, что, кроме навыков, требовало все же некоторой работы мысли, невольно удерживали в своей озверелой душе больше человеческой энергии, чем жители земной поверхности. И когда обычная пища пришла к концу, они обратились к тому, чего до сих пор не допускали старые привычки. Вот как все это представилось мне, когда я в последний раз смотрел на мир восемьсот две тысячи семьсот первого года. Мое объяснение, быть может, ошибочно, поскольку человеку свойственно ошибаться. Но таково мое мнение, и я высказал его вам.

После трудов, волнений и страхов последних

дней, несмотря на тоску по бедной Уине, эта скамья, мирный пейзаж и теплый солнечный свет все же казались мне прекрасными. Я смертельно устал, меня клонило ко сну, и, размышляя, я вскоре начал дремать. Поймав себя на этом, я не стал противиться и, растянувшись на дерне, погрузился в долгий освежающий сон.

Проснулся я незадолго до заката солнца. Теперь я уже не боялся, что морлоки захватят меня во сне. Расправив члены, я спустился с холма и направился к Белому Сфинксу. В одной руке я держал лом, другой перебирал спички у себя в кармане.

Но там меня ждала Самая большая неожиданность. Приблизившись к Белому Сфинксу, я увидел, что бронзовые двери открыты и обе половинки задвинуты в специальные пазы.

Я остановился как вкопанный, не решаясь войти.

Внутри было небольшое помещение, и в углу на возвышении стояла Машина Времени. Рычаги от нее лежали у меня в кармане. Итак, здесь после всех приготовлений к осаде Белого Сфинкса меня ожидала покорная сдача. Я отбросил свой лом, почти недовольный тем, что не пришлось им воспользоваться.

Но в ту самую минуту, когда я уже наклонился, чтобы войти, у меня мелькнула внезапная мысль. Я сразу понял нехитрый замысел морлоков. С трудом удерживаясь от смеха, я перешагнул через бронзовый порог и направился к Машине Времени. К своему удивлению, я видел, что она была тщательно смазана и вычищена. Впоследствии мне пришло в голову, что морлоки даже разбирали машину на части, стараясь своим слабым разумом понять ее назначение.

И пока я стоял и смотрел на свою машину, испытывая удовольствие при одном прикосновении к ней, случилось то, чего я ожидал. Бронзовые панели скользнули вверх и с треском закрылись. Я попался. Так, по крайней мере, думали морлоки. Эта мысль вызвала у меня только веселый смех.

Они уже бежали ко мне со своим противным хихиканьем. Сохраняя хладнокровие, я чиркнул спичкой. Мне оставалось только укрепить рычаги и умчаться от них, подобно призраку. Но я упустил из виду одно маленькое обстоятельство. Это были отвратительные спички, которые зажигаются только о коробки.

Куда подевалось мое спокойствие! Маленькие гадкие твари уже окружили меня. Кто-то прикоснулся ко мне. Отбиваясь рычагами, я полез в

седло. Меня схватила чья-то рука, потом еще и еще. Мне пришлось с трудом вырывать рычаги из цепких пальцев и в то же время ощупывать гнезда, в которых они крепились. Один раз морлоки вырвали у меня рычаг. Когда он выскользнул из моих рук, мне пришлось, чтобы найти его на полу в темноте, отбиваться от них головой. Черепа морлоков трещали под моими ударами. Мне кажется, эта последняя схватка была еще упорнее, чем битва в лесу.

В конце концов я укрепил рычаги и повернул их. Цепкие руки соскользнули с моего тела. Темнота исчезла из моих глаз. Вокруг не было ничего, кроме туманного света и шума, о которых я уже вам говорил.

14. Новые видения

Я уже рассказывал о болезненных и муторных ощущениях, которые вызывает путешествие по Времени. Но на этот раз я к тому же плохо сидел в седле, неловко свесившись набок. Не знаю, долго ли я провисел таким образом, не замечая, как моя Машина дрожит и раскачивается. Когда я пришел в себя и снова посмотрел на циферблаты, то был поражен. На одном из циферблатов отмечались

дни, на другом тысячи, на третьем миллионы и на четвертом миллиарды дней. Оказалось, что вместо того, чтобы повернуть рычаги назад, я привел их в действие таким образом, что Машина помчалась вперед, и, взглянув на указатели, я увидел, что стрелка, отмечающая тысячи дней, вертелась с быстротой секундной стрелки, — я уносился в Будущее.

По мере движения все вокруг начало принимать какой-то необыкновенный вид. Дрожащая серая пелена стала темнее; потом снова — хотя я все еще продолжал двигаться с невероятной скоростью — началась мерцающая смена ночи и дня, обычно указывавшая на не очень быстрое движение Машины. Это чередование становилось все медленнее и отчетливее. Сначала я очень удивился. День и ночь уже не так быстро сменяли друг друга. Солнце тоже постепенно замедляло свое движение по небу, пока наконец мне не стало казаться, что сутки тянутся целое столетие. В конце концов над землей повисли сумерки, которые лишь по временам прорывались ярким светом мчавшейся по темному небу кометы. Красная полоса над горизонтом исчезла; солнце больше не закатывалось — оно просто поднималось и опускалось на западе, становясь

все более огромным и кровавым. Луна бесследно исчезла. Звезды, медленно описывавшие свои круговые орбиты, превратились из сплошных полосок света в отдельные, ползущие по небу точки. Наконец, незадолго до того, как я остановился, солнце, кровавое и огромное, неподвижно застыло над горизонтом; оно походило на огромный купол, горевший тусклым светом и на мгновения совершенно потухавший. Один раз оно запылало прежним своим ярким огнем, но быстро вновь приобрело угрюмо-красный цвет. Из того, что солнце перестало всходить и закатываться, я заключил, что периодическое торможение наконец завершилось. Земля перестала вращаться, она была обращена к Солнцу одной стороной, точно так же, как в наше время обращена к Земле Луна. Помня свое предыдущее стремительное падение, я с большой осторожностью принялся замедлять движение Машины. Стрелки стали крутиться все медленней и медленней, пока наконец та, что указывала тысячи дней, не замерла неподвижно, а та, что указывала дни, перестала казаться сплошным кругом. Я еще замедлил движение, и передо мной стали смутно вырисовываться очертания пустынного берега.

Наконец я осторожно остановился и, не слезая

с Машины Времени, огляделся. Небо утратило прежнюю голубизну. На северо-востоке оно было как чернила, и из глубины мрака ярким и неизменным светом сияли бледные звезды. Прямо над головой небо было темно-красное, беззвездное, а к юго-востоку оно светлело и становилось пурпурным; там, усеченное линией горизонта, кровавое и неподвижное, огромной горой застыло солнце. Скалы вокруг меня были темно-коричневые, и единственным признаком жизни, который я увидел сначала, была темно-зеленая растительность, покрывавшая все юго-западные выступы на скалах. Эта густая, пышная зелень походила на лесные мхи или лишайники, растущие в пещерах, — растения, которые живут в постоянной полутьме.

Моя Машина стояла на отлогом берегу. К юго-западу вплоть до резкой линии горизонта расстилалось море. Не было ни прибоя, ни волн, так как не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. Только слабая ровная зыбь слегка вздымалась и опускалась, море как будто тихо дышало, сохраняя еще признаки своей вечной жизни. Вдоль берега, там, где вода отступила, виднелась кора соли, красноватая под лучами солнца. Голова у меня была словно налита свинцом, и я заметил,

что дыхание мое участилось. Это напомнило мне мою единственную попытку восхождения в горы, и я понял, что воздух стал более разреженным, чем прежде.

Вдали, на туманном берегу, я услышал пронзительный писк и увидел нечто похожее на огромную белую бабочку. Она взлетела и, описав несколько неровных кругов, исчезла за невысокими холмами. Писк ее был таким зловещим, что я невольно вздрогнул и поплотнее уселся в седле. Оглядевшись снова, я вдруг увидел, как то, что я принимал за красноватую скалу, стало медленно приближаться ко мне. Это было чудовищное существо, похожее на краба. Представьте себе краба величиной с этот стол, со множеством медленно и нерешительно шевелящихся ног, с огромными клешнями, с длинными, как хлысты, щупальцами и выпуклыми глазами, сверкающими по обе стороны отливающего металлом лба! Спина его была вся в отвратительных буграх и выступах, местами покрытая зеленоватым налетом. Я видел, как шевелились и дрожали многочисленные щупальца у его рта.

С ужасом глядя на это подползающее чудище, я вдруг почувствовал щекочущее прикосновение на щеке. Казалось, будто на нее села муха. Я по-

пробовал согнать ее взмахом руки, но ощущение сразу же возобновилось, и почти одновременно я почувствовал такое же прикосновение возле уха. Я отмахнулся и схватил рукой нечто похожее на нитку. Она быстро выдернулась. Дрожа от ужаса, я обернулся и увидел, что это было щупальце другого чудовищного краба, очутившегося как раз у меня за спиной. Его свирепые глаза вращались, рот был разинут в предвкушении добычи, огромные, неуклюжие клешни, покрытые слизью водорослей, нацелились прямо на меня! В одно мгновение я схватился за рычаг, и между мной и чудовищами сразу же легло расстояние целого месяца. Но я по-прежнему находился на том же берегу и, как только остановился, снова увидел тех же самых чудовищ. Они десятками ползали взад и вперед под мрачным небом, среди скользкой зелени мхов и лишайников.

Не могу передать вам, какое страшное запустение царило в мире. На востоке — багровое небо, на севере — темнота, мертвое соленое море, каменистый берег, по которому медленно ползали эти мерзкие чудовища. Однообразные, ядовито-зеленые лишайники, разреженный воздух, вызывающий боль в легких, — все это производило подавляющее впечатление! Я перенесся на

столетие вперед и увидел все то же багровое солнце — только немного больше и тусклее, — тот же умирающий океан, тот же серый холодный воздух и то же множество ракообразных, ползающих среди красных скал и зеленых лишайников. А на западе, низко над горизонтом, я увидел бледный серп, похожий на огромную нарождающуюся луну.

Так продолжал я передвигаться по времени огромными скачками, каждый в тысячу лет и больше, увлеченный тайной судеб Земли и в состоянии какого-то гипноза наблюдая, как солнце на западе становится все огромней и тусклей, как угасает жизнь. Наконец больше чем через тридцать миллионов лет огромный красный купол солнца заслонил собой десятую часть потемневшего неба. Я остановился, так как многочисленные крабы уже исчезли, а красноватый берег казался безжизненным и был покрыт лишь мертвенно-бледными мхами и лишайниками. Местами виднелись пятна снега. Ужасный холод окружал меня. Редкие белые хлопья медленно падали на землю. На северо-востоке под звездами, усеивавшими траурное небо, блестел снег и высились волнистые вершины красновато-белых гор. Прибрежная полоса моря была скована льдом, и

огромные ледяные глыбы уносились на простор; однако большая часть соленого океана, кровавая от лучей негаснущего заката, еще не замерзла.

Я огляделся в поисках каких-нибудь животных. Смутное опасение все еще удерживало меня в седле Машины. Но ни в небе, ни на море, ни на земле не было признаков жизни. Лишь зеленые водоросли на скалах свидетельствовали, что жизнь еще не совсем угасла. Море далеко отступило от прежних берегов, обнажив песчаное дно. Мне показалось, что на отмели что-то движется, но когда я вгляделся пристальнее, то не увидел никакого движения; я решил, что зрение обмануло меня и это был просто черный камень. На небе горели необычайно яркие звезды, и мне казалось, что они почти перестали мерцать.

Вдруг я увидел, что диск солнца на западе стал менять свои очертания. На его краю появилась какая-то трещина или впадина. Она все более увеличивалась. С минуту я в ужасе смотрел, как на солнце наползала темнота, а потом понял, что это начинается затмение. Должно быть, Луна или Меркурий проходили перед его диском. Разумеется, прежде всего я подумал о Луне, но дальнейшие соображения привели меня к выводу, что в действительности очень близко к Земле

прошла перед солнцем одна из крупных планет нашей системы.

Темнота быстро надвигалась. Холодными порывами задул восточный ветер, и в воздухе гуще закружились снежные хлопья. С моря до меня донеслись всплески волн. Но, кроме этих мертвенных звуков, в мире царила тишина. Тишина? Нет, невозможно описать это жуткое безмолвие. Все звуки жизни, блеяние овец, голоса птиц, жужжание насекомых, все то движение и суета, которые нас окружают, — все это отошло в прошлое. По мере того как мрак сгущался, снег падал все чаще, белые хлопья плясали у меня перед глазами, мороз усиливался. Одна за другой погружались в темноту белые вершины далеких гор. Ветер перешел в настоящий ураган. Черная тень ползла на меня. Через мгновение на небе остались одни только бледные звезды. Кругом была непроглядная тьма. Небо стало совершенно черным.

Ужас перед этой безбрежной тьмой охватил все мое существо. Холод, пронизывавший до мозга костей, и боль при дыхании стали невыносимы. Я дрожал и чувствовал сильную тошноту. Потом, подобно раскаленной дуге, на небе снова появилось солнце. Я слез с Машины, чтобы немного

прийти в себя. Голова у меня кружилась, и не было сил даже подумать об обратном путешествии. Измученный и растерянный, я вдруг снова увидел на отмели, на фоне красноватой морской воды, какое-то движение. Теперь сомневаться уже не приходилось. Это было нечто круглое, величиною с футбольный мяч, а может быть, и больше, и с него свисали длинные щупальца; мяч этот казался черным на колыхавшейся кроваво-красной воде, и передвигался он резкими скачками. Я почувствовал, что начинаю терять сознание. Но ужас при мысли, что я могу беспомощно упасть на землю в этой далекой и страшной полутьме, заставил меня снова взобраться на седло.

15. Возвращение путешественника по Времени

И я отправился назад. Долгое время я лежал без чувств на своей Машине. Снова началась мерцающая смена дней и ночей, снова солнце заблистало золотом, а небо — прежней голубизной. Дышать стало легче. Внизу подо мной быстро изменялись контуры земли. Стрелки на циферблатах вертелись в обратную сторону. Наконец я снова увидел неясные очертания зданий

периода упадка человечества. Они изменялись, исчезали, и появлялись другие. Когда стрелка, показывавшая миллионы дней, остановилась на нуле, я уменьшил скорость. Я стал узнавать знакомую архитектуру наших домов. Стрелка, отмечавшая тысячи дней, возвращалась ко времени отправления, ночь и день сменяли друг друга все медленней. Стены лаборатории снова появились вокруг меня. Осторожно замедлил я движение Машины.

Мне пришлось наблюдать странное явление. Я уже говорил вам, что, когда я отправился в путь и еще не развил большой скорости, через комнату промчалась миссис Уотчет, двигаясь, как мне показалось, с быстротой ракеты. Когда же я возвратился, то снова миновал ту минуту, в которую она проходила по лаборатории. Но теперь каждое ее движение казалось мне обратным. Сначала открылась вторая дверь в дальнем конце комнаты, потом, пятясь, появилась миссис Уотчет и исчезла за той дверью, в которую прежде вошла. Незадолго перед этим мне показалось, что я вижу Хилльера, но он мелькнул мгновенно, как вспышка.

Я остановил Машину и снова увидел свою любимую лабораторию, свои инструменты и

приборы в том же виде, в каком я их оставил. Совершенно разбитый, я сошел с Машины и сел на скамью. Сильная дрожь пробежала по моему телу. Но понемногу я начал приходить в себя. Лаборатория была такой же, как всегда. Мне казалось, что я заснул и все это мне приснилось.

Но нет! Не все было по-прежнему. Машина Времени отправилась в путешествие из юго-восточного угла лаборатории, а вернулась она в северо-западный и остановилась напротив той стены, у которой вы ее видели. Точно такое же расстояние было от лужайки до пьедестала Белого Сфинкса, в котором морлоки спрятали мою Машину.

Не знаю, долго ли, но я был не в состоянии думать. Наконец я встал и прошел сюда через коридор, хромая, потому что пятка моя еще болела. Я был весь перепачкан грязью. На столе у двери я увидел номер «Пэл-мэл газэтт». Она была сегодняшняя. Взглянув на часы, я увидел, что было около восьми. До меня донеслись ваши голоса и звон тарелок. Я не сразу решился войти: так я был слаб и утомлен! Но я почувствовал приятный запах еды и открыл дверь. Остальное вы знаете. Я умылся, пообедал и вот теперь рассказываю вам свою историю.

16. Когда история была рассказана

— Я знаю, — сказал он, помолчав, — все это кажется вам совершенно невероятным; для меня же самое невероятное состоит в том, что я сижу здесь, в этой милой, знакомой комнате, вижу ваши дружеские лица и рассказываю вам свои приключения.

Он взглянул на Доктора.

— Нет, я даже не надеюсь, что вы поверите мне. Примите мой рассказ за ложь или… за пророчество. Считайте, что я видел это во сне, у себя в лаборатории. Представьте себе, что я раздумывал о грядущих судьбах человечества и придумал эту сказку. Отнеситесь к моим уверениям в ее достоверности как к простой уловке, к желанию придать ей побольше интереса. Но, относясь ко всему этому как к выдумке, что вы скажете?

Он вынул изо рта трубку и начал по старой привычке нервно постукивать ею о прутья каминной решетки. Наступило минутное молчание. Потом послышался скрип стульев и шарканье ног по полу. Я отвел глаза от лица Путешественника по Времени и взглянул на его слушателей. Все они сидели в тени, и блики от огня в камине сколь-

зили по их лицам. Доктор пристально вгляделся в лицо рассказчика. Редактор, закурив шестую сигару, уставился на ее кончик. Журналист вертел в руках часы. Остальные, насколько помню, сидели неподвижно.

Глубоко вздохнув, Редактор встал.

— Какая жалость, что вы не пишете статей, — сказал он, кладя руку на плечо Путешественника по Времени.

— Вы не верите?

— Ну, знаете…

— Я так и думал.

Путешественник по Времени повернулся к нам.

— Где спички? — спросил он.

Он зажег спичку и, дымя трубкой, сказал:

— Признаться… я и сам верю с трудом, но все же…

Его глаза с немым вопросом устремились на белые увядшие цветы, лежавшие на столе. Потом он повернул руку, в которой была трубка, и посмотрел на едва затянувшиеся шрамы на своих пальцах.

Доктор встал, подошел к лампе и принялся рассматривать цветы.

— Какие странные у них пестики, — сказал он.

Психолог наклонился вперед и протянул руку за одним из цветков.

— Ручаюсь головой, что уже четверть первого, — сказал Журналист. — Как же мы доберемся до дому?

— У станции много извозчиков, — сказал Психолог.

— Странная вещь, — произнес Доктор. — Я не могу определить вид этих цветов. Не позволите ли мне взять их с собою?

На лице Путешественника по Времени мелькнула нерешительность.

— Конечно, нет, — сказал он.

— Серьезно, откуда вы их взяли? — спросил Доктор.

Путешественник по Времени приложил руку ко лбу. Он имел вид человека, который старается собрать разбегающиеся мысли.

— Их положила мне в карман Уина, когда я путешествовал по Времени.

Он оглядел комнату.

— Все плывет у меня в глазах. Эта комната, вы и вся знакомая обстановка не вмещаются в моей голове. Строил ли я когда-нибудь Машину Времени или ее модель? Может быть, все это был сон? Говорят, вся жизнь — это сон, и к тому же

скверный, жалкий, короткий сон, хотя ведь другой все равно не приснится. С ума можно сойти. И откуда взялся этот сон?.. Я должен взглянуть на мою Машину. Существует ли она?..

Он схватил лампу и пошел по коридору. Пламя колебалось и по временам вспыхивало красным огнем. Мы последовали за ним. Освещенная трепетавшим пламенем лампы, низкая, изуродованная, погнутая, перед нами, несомненно, была та же самая Машина, сделанная из бронзы, черного дерева, слоновой кости и прозрачного блестящего кварца. Я потрогал ее. Она была тут, ощутимая и реальная. Темные полосы и пятна покрывали слоновую кость, а на нижних частях висели клочья травы и мха, одна из металлических полос была изогнута.

Поставив лампу на скамью, Путешественник по Времени ощупал поврежденную полосу.

— Теперь ясно, — сказал он. — То, что я вам рассказал, правда. Простите, что я привел вас в этот холод…

Он взял лампу. Никто из нас не произнес ни слова, и мы вернулись обратно в курительную.

Провожая нас в переднюю, он помог Редактору надеть пальто. Доктор посмотрел ему в лицо и сказал несколько неуверенно, что он пере-

утомлен. Путешественник по Времени громко рассмеялся. Помню, как он, стоя в дверях, крикнул нам вслед несколько раз: «Спокойной ночи!»

Я поехал в одном кэбе с Редактором. По его словам, весь рассказ был «эффектным вымыслом». Что касается меня, я не мог ничего решить. Этот рассказ был таким невероятным и фантастическим, а тон рассказчика так искренен и правдив. Почти всю ночь я не спал и думал об этом. На другое утро я решил снова повидать Путешественника по Времени. Мне сказали, что он в лаборатории. Я запросто бывал у него в доме и поэтому пошел прямо туда. Но лаборатория была пуста. На минуту я остановился перед Машиной Времени, протянул руку и дотронулся до рычага. В то же мгновение она, такая тяжелая и устойчивая, заколыхалась, как листок от порыва ветра. Это поразило меня, и в голове моей мелькнуло забавное воспоминание о том, как в детстве мне запрещали трогать разные вещи. Я вернулся обратно. Пройдя по коридору, я столкнулся в курительной с Путешественником по Времени, который собирался уходить. В одной руке у него был небольшой фотографический аппарат, в другой — сумка. При виде меня он рассмеялся и протянул мне для пожатия локоть.

— Я очень занят, хочу побывать там, — сказал он.

— Значит, это правда? — спросил я. — Вы действительно путешествуете по Времени?

— Да, действительно и несомненно.

Он посмотрел мне в глаза. На его лице отразилась нерешительность.

— Мне нужно только полчаса, — сказал он. — Я знаю, зачем вы пришли, это очень мило с вашей стороны. Вот здесь журналы. Если вы подождете до завтрака, я, безусловно, докажу вам возможность путешествия по Времени, доставлю вам образцы и все прочее… Вы позволите оставить вас?

Я согласился, едва ли понимая все значение его слов. Он кивнул мне и вышел в коридор. Я услышал, как хлопнула дверь его лаборатории, потом сел и стал читать газету. Что он собирается делать до завтрака? Взглянув на одно из объявлений, я вдруг вспомнил, что в два часа обещал встретиться с Ричардсоном по издательским делам. Я посмотрел на часы и увидел, что опаздываю. Я встал и пошел по коридору, чтобы сказать об этом Путешественнику по Времени.

Взявшись за ручку двери, я услышал отрывистое восклицание, треск и удар. Открыв дверь, я

очутился в сильном водовороте воздуха и услышал звук разбитого стекла. Путешественника по Времени в лаборатории не было. Мне показалось, что на миг передо мной промелькнула неясная, похожая на призрак фигура человека, сидевшего верхом на кружившейся массе из черного дерева и бронзы, настолько призрачная, что скамья позади нее, на которой лежали чертежи, была видна совершенно отчетливо. Но едва я успел протереть глаза, как это видение исчезло. Исчезла и Машина Времени. Дальний угол лаборатории был пуст, и там виднелось легкое облако оседавшей пыли. Одно из верхних стекол окна было, очевидно, только что разбито.

Я стоял в изумлении. Я видел, что случилось нечто необычное, но не мог сразу понять, что именно. Пока я так стоял, дверь, ведущая в сад, открылась, и на пороге показался слуга.

Мы посмотрели друг на друга. В голове у меня блеснула внезапная мысль.

— Скажите, мистер… вышел из этой двери? — спросил я.

— Нет, сэр, никто не выходил. Я думал, он здесь.

Теперь я все понял. Рискуя рассердить Ричардсона, я остался ждать возвращения Путешествен-

ника по Времени, ждать его нового, быть может, еще более странного рассказа и тех образцов и фотографий, которые он мне обещал. Теперь я начинаю опасаться, что никогда его не дождусь. Прошло уже три года со времени его исчезновения, и все знают, что он не вернулся.

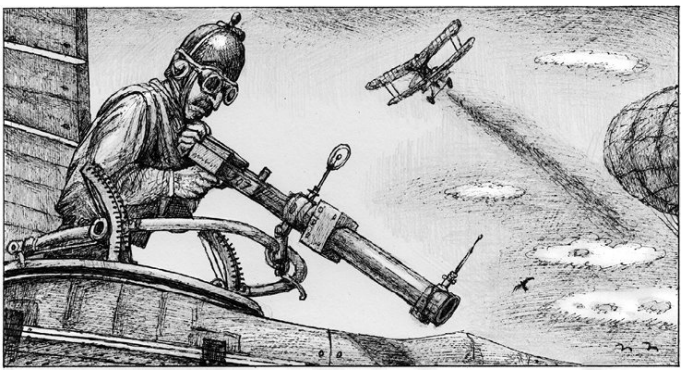
Эпилог

Нам остается теперь лишь строить догадки. Вернется ли он когда-нибудь? Может быть, он унесся в прошлое и попал к кровожадным дикарям палеолита, или в пучину мелового моря, или же к чудовищным ящерам и огромным земноводным юрской эпохи? Может быть, и сейчас он бродит в одиночестве по какому-нибудь кишащему плезиозаврами оолитовому рифу или по пустынным берегам соленых морей триасового периода? Или, может быть, он отправился в Будущее, в эпоху расцвета человеческой расы, в один из тех менее отдаленных веков, когда люди оставались еще людьми, но уже разрешили все сложнейшие вопросы и все общественные проблемы, доставшиеся им в наследство от нашего времени? Я лично не могу поверить, чтобы наш век только что начавшихся исследований,

бессвязных теорий и всеобщего разногласия по основным вопросам науки и жизни был кульминационным пунктом развития человечества! Так, по крайней мере, думаю я. Что же до него, то он держался другого мнения. Мы не раз спорили с ним об этом задолго до того, как была сделана Машина Времени, и он всегда мрачно относился к Прогрессу Человечества. Развивающаяся цивилизация представлялась ему в виде беспорядочного нагромождения материала, который в конце концов должен обрушиться и задавить строителей. Но если это и так, все же нам ничего не остается, как продолжать жить. Для меня будущее неведомо, полно загадок и только кое-где освещено его удивительным рассказом. И я храню в утешение два странных белых цветка, засохших и блеклых, с хрупкими лепестками, как свидетельство того, что даже в то время, когда исчезают сила и ум человека, благодарность и нежность продолжают жить в сердцах.

Перевод К. Морозовой, 1930 год

Война в воздухе



Глава I. О прогрессе и семье Смоллуэйсов

1

— Вот это прогресс! И чем дальше, тем больше! — воскликнул мистер Том Смоллуэйс. — Кто

бы мог поверить, что дело дойдет до таких штук!

Так говорил мистер Том Смоллуэйс еще задолго до начала войны в воздухе. Он сидел у плетня в конце своего сада и равнодушно смотрел на огромный газовый завод Бен-Хилла. Над группой газометров показались три каких-то тонких пузыря, болтавшихся во все стороны, хлопавших и свертывающихся в трубки. Мало-помалу они становились все толще и круглее и, надуваясь, превращались в воздушные шары. Это были те самые воздушные шары, на которых еженедельно, по субботам, южно-английский аэроклуб устраивал полеты.

— Они поднимаются каждую субботу, — сказал сосед Смоллуэйса, мистер Стринджер, продавец молока. — Еще так недавно весь Лондон сбегался глазеть на полет воздушного шара, а теперь в каждой маленькой деревушке каждую неделю совершаются полеты. Для газовых компаний это прямо-таки спасение.

— В прошлую субботу на мои грядки обрушились три огромных мешка с песком. Целых три мешка! Этот груз они выбрасывают как балласт. Некоторые из моих растений были сломаны, а другие совершенно засыпаны песком, — заметил Смоллуэйс.

— Говорят, и дамы поднимаются на воздушных шарах, — проворчал Стринджер.

— Полагаю, что это не настоящие леди. Я не могу представить себе, чтобы леди летала на воздушном шаре и выбрасывала оттуда песок на публику внизу. У меня свой взгляд на это…

Стринджер кивнул головой в знак согласия и несколько мгновений задумчиво смотрел на раздувавшиеся шары. Но во взгляде его выражалось осуждение.

Том Смоллуэйс, по профессии зеленщик, питал большую склонность к садоводству. Его маленькая жена Джессика наблюдала за торговлей, а он благоденствовал. Том Смоллуэйс был создан для спокойной жизни, но, к несчастью для него, судьба распорядилась иначе. Окружающий мир постоянно подвергался изменениям, и притом таким, которые угрожали личному спокойствию мистера Смоллуэйса. Даже почва, которую он обрабатывал, не была застрахована от перемен. Он арендовал клочок земли, где находился его сад, но могущественный совет округа вдруг объявил его участок годным для построек. Он занимался огородничеством, но знал, что у него всегда могут отобрать этот последний зеленый клочок земли в округе: весь округ был захвачен новыми веяни-

ями, город грозил все поглотить!..

Смоллуэйс утешал себя как мог. Ведь должен же наступить конец этому!

Его старик-отец еще помнил те времена, когда Бен-Хилл представлял собой тихую, мирную кентскую деревушку. Старик Смоллуэйс до пятидесяти лет служил кучером у сэра Питера Бона. Потом он начал немного выпивать и, лишившись места, поступил на станцию почтовых дилижансов, где оставался до семидесяти восьми лет. Затем он бросил службу. Теперь он постоянно сидел, скорчившись, у очага, готовый, однако, всегда везти, если понадобится, какого-нибудь беспечного иностранца. Этот древний старик-кучер жил воспоминаниями. Он мог бы рассказать вам об исчезнувших поместьях сэра Питера Бона, которые находились здесь еще задолго до начала эры строительства в этой местности; о том, как этот магнат управлял своими поместьями, какие тут устраивались охоты, какие почтовые кареты разъезжали по большой дороге, какое огромное поле для игры в крокет простиралось там, где теперь находится газовый завод. Старик Смоллуэйс помнил, когда был построен Хрустальный дворец. Дворец возвышался в шести милях от Бен-Хилла, и его огромный фасад сверкал в лучах

утреннего солнца, а по вечерам он сиял огнями, представляя даровой фейерверк для всего населения Бен-Хилла. Потом вокруг виллы появились железная дорога, газовые заводы, водопроводы и множество жалких лачуг для рабочих. Была проведена канализация, и вода исчезла из Отерберна, который превратился в отвратительную грязную канаву. Затем построили новую железнодорожную станцию — Южный Бен-Хилл; выросли новые дома — много домов, лавок, витрин. Конкуренция возрастала, появились омнибусы, трамваи, идущие прямо в Лондон, автомобили, библиотека Карнеджи.

— Нет, кто бы мог поверить, что так пойдет и дальше! — говорил мистер Том Смоллуэйс, живя посреди этих чудес. Его лавочка, помещавшаяся в одном из старых уцелевших деревенских домов в нижней части Хай-стрит, как будто хотела притаиться и спрятаться от нескромных взоров, сторживших ее. Когда была поднята мостовая Хай-стрит, то лавочка очутилась внизу, и приходилось спускаться на три ступеньки, чтобы попасть в нее. Том изо всех сил старался продавать только свои собственные превосходные продукты, не отличавшиеся большим разнообразием, но и он должен был в конце

концов уступить требованиям времени. В витринах у него замелькали французские артишоки, иностранные фрукты, яблоки из Нью-Йорка, из Калифорнии, из Канады, из Новой Зеландии.

— Красивые фрукты, не похожие на наши английские яблоки, — говорил Том, — бананы, странные орехи, виноград, манго.

Автомобили мчались во всех направлениях. Скорость их движения возросла, а скверный запах, исходивший от них, все больше распространялся в воздухе. Огромные гремящие платформы с керосиновыми двигателями, развозившие уголь и тюки товаров, заменили прежние конные повозки. Моторные омнибусы бегали теперь вместо исчезнувших вдруг дилижансов, и даже кентская земляника, отправляемая в Лондон ночью, терпела ущерб от этой замены, потому что во время перевозки на грузовиках она подвергалась слишком большой тряске, и к ее аромату примешивался запах бензина.

В конце концов и молодой Берт Смоллуэйс тоже приобрел мотоцикл…

2

Надо сказать, что Берт был представителем прогрессивных идей в семье Смоллуэйсов.

Распространение влияния новых веяний на семью Смоллуэйсов было красноречивейшим доказательством беспощадной силы прогресса. Впрочем, Берт всегда отличался предприимчивостью и уже в очень юном возрасте обнаруживал стремление не отставать от прогресса. Когда ему было только пять лет, он пропал однажды на целый день, а когда ему исполнилось семь лет, он чуть не утонул в резервуаре нового водопровода. Ему было только девять лет, когда настоящий полисмен отнял у него настоящий револьвер. Он научился курить, но не так, как некогда его брат Том, куривший трубку, набитую бумагой: он курил настоящие американские папиросы, изготовленные специально для английских мальчиков. Его манера выражаться шокировала отца уже тогда, когда ему минуло всего двенадцать лет. В этом же возрасте, выжидая покупателей и зарабатывая три шиллинга в неделю продажей на железнодорожной станции бен-хиллской газеты «Еженедельный Экспресс», Берт тратил свой заработок на папиросы и на разные вещи, необходимые для того, чтобы жить в свое удовольствие и чтобы просветить свой ум. Все это, однако, нисколько не мешало его школьным занятиям, и он окончил школу раньше многих

своих сверстников.

Берт был на шесть лет моложе Тома. Одно время его пытались приучить к делу в зеленной лавочке; это случилось тогда, когда Том, которому исполнился двадцать один год, женился на тридцатилетней Джессике и скопил немного денег. Но Берт был не из тех людей, судьбой которых можно было распоряжаться. Он ненавидел земляные работы, а когда ему поручали отнести корзину с каким-нибудь товаром, то в нем просыпался бродяжнический инстинкт, и он отправлялся шататься, не замечая тяжести своей ноши и забывая о том, куда должен ее доставить. Мир был полон для него особого очарования, и он устремлялся вперед вместе с корзиной и со всем, что в ней находилось. Волей-неволей Тому пришлось самому разносить свои товары, а Берту было предложено поискать другое занятие. Берт перепробовал множество профессий. Он служил у суконщика, у химика, был рассыльным у доктора, младшим помощником у газовщика, строчил адреса на конвертах, помогал разносчику молока, был носильщиком и в конце концов поступил приказчиком в велосипедную лавку.

Тут, видимо, он нашел то, чего так жаждал его предприимчивый ум. Его хозяин, молодой че-

ловек по имени Грабб, мечтавший о различных изобретениях, днем расхаживал весь вымазанный в саже, а по вечерам заседал в концертном зале. Берту он казался образцом очень одаренного джентльмена. Грабб ухитрялся сбывать самые скверные велосипеды во всей южной Англии и с удивительной энергией улаживал возникавшие после этого недоразумения. Берт хорошо уживался с ним. Сделавшись чрезвычайно искусным велосипедистом, Берт мог проделывать с велосипедами настоящие фокусы. Он проезжал целые мили на таких велосипедах, которые неминуемо развалились бы, если бы мы с вами вздумали на них прокатиться.

После работы Берт всегда тщательно отмывал свое лицо, а иногда и шею. Все свои деньги он тратил на разные необыкновенные галстуки и воротнички, на папиросы и на изучение стенографии в бен-хиллском институте.

Иногда он заглядывал в лавочку Тома и своим блестящим разговором производил такое впечатление на него и Джессику, что они оба, почтительные со всеми, к Берту относились сверхпочтительно.

— Он передовой парень, этот Берт, не правда ли? — говорил Том жене. — Он много знает.

— Будем надеяться, что это не повредит ему, — возражала обычно благоразумная Джессика.

— Теперь время другое, — продолжал Том. — Все стремятся вперед. Вот мы уже в марте будем иметь молодой картофель, и притом английского происхождения, если, конечно, все пойдет так, как теперь! Я еще не видывал таких времен, Джессика. Ты заметила, каким узлом был завязан его галстук?

— Это ему не идет, Том. Такой бант годится лишь для джентльмена, а не для него. Он не подходит ни к его лицу, ни к костюму. Ему не следует носить такие галстуки…

Но Берт скоро облачился в костюм велосипедиста, и когда они вместе с Граббом, оба изогнувшись дугой, мчались на своих велосипедах в Брайтон и обратно, пожалуй, можно было бы поверить, что Смоллуэйсы в состоянии достигнуть многого.

Ну и времена!

Старый Смоллуэйс, сидя у очага и вспоминая величие прежних дней, мог сколько угодно рассказывать о старом сэре Питере, которого он за двадцать восемь часов возил в Брайтон и обратно; о его белой высокой шапке; о леди Бон, никогда не ходившей пешком (за исключением

только прогулок по саду); о состязаниях на приз в Кроуэлле; об охотах на лисиц в Ринк-Баттоме (где теперь устроен приют для душевнобольных); о платьях и кринолинах леди Бон, — но никто уже не обращал внимания на его рассказы. Родился новый тип джентльмена, обладавшего самой неджентльменской энергией, — джентльмена, одетого в запыленную и замасленную кожаную куртку, в огромных наглазниках, в удивительной шапке, распространявшего по дороге аромат бензина и быстро мчавшегося в облаках пыли. А леди, сопровождающая такого джентльмена, — если иногда удавалось увидеть ее в Бен-Хилле, — была лишена всякого изящества: с обветренным лицом, не столько одетая, сколько запакованная, будто для отправки большой скоростью.

Берт жил мечтами о все увеличивающейся скорости передвижения. Он изучил, насколько мог, конструкции велосипедов и все их разновидности. Но ни один из них не удовлетворял его. Одно время он разъезжал на велосипеде, делая по двадцать миль в час, по дорогам, где все чаще и чаще встречались механические экипажи. Но такая скорость все же была далека от его идеала. Наконец, когда он накопил достаточно

сбережений, он приобрел мотоцикл. Компания, сдававшая напрокат мотоциклы, обанкротилась, и благодаря этому Берт в одно прекрасное и памятное для него воскресное утро, напутствуемый советами и указаниями Грабба, умчался на своем собственном мотоцикле по большой дороге. На этой дороге и так уже было самое оживленное движение, а Берт, со своей стороны, добавил еще одну опасность ко всем уже существующим удовольствиям путешествия по южной Англии.

— Помчался в Брайтон! — сказал старик Смоллуэйс, поглядывая из окна лавочки вслед своему младшему сыну. Во взоре его отражалось нечто среднее между гордостью и осуждением. — В его годы я ни разу не был в Лондоне, ни разу не был южнее Кроулен и вообще никуда не ездил. Да и никто тогда никуда не ездил. Даже образованные люди сидели дома. А теперь все куда-то стремятся, все разбегаются в разные стороны, и вся наша страна как будто разлетается на куски. И удивительно, что все они возвращаются назад!.. Да, все мчатся в Брайтон. А разве кто-нибудь покупает теперь лошадей?..

— Но про меня ты не можешь сказать, чтобы я ездил в Брайтон, — заметил Том.

— И нечего тебе ездить! — резко возразила

Джессика. — Только зря деньги швырять!

3

На некоторое время Берт так увлекся своим мотоциклом, что совершенно не замечал происходивших вокруг него перемен. Он не замечал, что время таких штук, как его мотоцикл, проходит и что уже возникают новые способы передвижения. В самом деле, замечательно, что именно Том первый обратил на это внимание. Его занятие садоводством заставляло его внимательно следить за небом. Близость же бен-хиллского газового завода и Хрустального дворца, откуда постоянно поднимались воздушные шары, а также то обстоятельство, что на его картофельные грядки часто падал балласт, внушали Тому подозрение, что на этот раз в небесах, а не на земле, должны произойти новые перемены. Это была эпоха, когда только что начиналось увлечение воздухоплаванием.

Грабб и Берт услышали об этом в первый раз в концертном зале; затем они увидали это в кинематографе, но на воображение Берта больше всего подействовало чтение шестипенсовой книжки Джорджа Гриффита «Изгнанники воздуха». Так воздухоплавание покорило воображение Берта.

Прежде всего бросалось в глаза заметное увеличение количества воздушных шаров. Небо в Бен-Хилле, казалось, было наполнено этими шарами. Особенно по четвергам и субботам нельзя было взглянуть на небо и не увидеть где-нибудь воздушного шара. И вот в один прекрасный день Берт, ехавший на своем мотоцикле в Кройдон, был задержан на дороге появлением огромного шаровидного чудовища, поднимавшегося над Хрустальным дворцом. Берт остановился и стал наблюдать. Внизу шара была прикреплена деревянная рама, где сидел человек и находилась машина, приводившая в движение винт, очень быстро вращавшийся в носовой части дирижабля. Позади помещался руль, сделанный из парусины. Издали могло показаться, что деревянная рама, где сидит человек, тащит за собой упирающийся шар, заставляя его двигаться. Это удивительное сооружение не только двигалось вперед, но, несомненно, его движениями можно было управлять. Поднявшись на высоту трехсот метров (Берт ясно слышал шум машины), оно направилось к югу и скрылось за холмами. Затем оно появилось вдали, на востоке, в виде маленькой голубоватой полоски и, быстро двигаясь, вернулось к Хрустальному дворцу, обогнуло его

башни и, выбрав место для спуска, медленно опустилось на землю…

Берт глубоко вздохнул и вернулся к своему мотоциклу.

Все чаще и чаще стали появляться в небе странные фигуры, имевшие цилиндрическую, конусообразную или грушевидную форму, а однажды появилось какое-то сооружение из алюминия, необыкновенно блестевшее и почему-то вызывавшее в уме Грабба представление о броненосце.

Затем уже начались настоящие полеты. Однако из Бен-Хилла их нельзя было наблюдать, так как они совершались в специально приспособленных для этого местах, при благоприятных условиях. Берт и Грабб узнавали об этих полетах только из газетных статей или по кинокартинам. Но все же об этом говорили очень много; поэтому Берт решил повесить на окне магазина дощечку с надписью: «Здесь строят и чинят аэропланы». Том, увидев эту вывеску, разволновался. Ему казалось легкомысленным такое отношение к собственному делу.

Но соседи Грабба, и в особенности те, кто занимался спортом, очень одобряли его.

Все говорили о полетах и повторяли одни и те

же слова: «Они своего добьются!» Но тут было что-то неладное. Правда, люди летали на аппаратах тяжелее воздуха. Но эти аппараты часто ломались. Иногда разбивалась только машина, иногда аэроплан, а чаще — и то и другое. Те аппараты, которые, поднявшись на пять или шесть километров, благополучно совершали полет и возвращались обратно, подвергались катастрофе в следующий раз. Казалось, доверять им было невозможно, достаточно было малейшего ветерка, чтобы нарушить правильность их движения, или незначительной рассеянности пилота, чтобы все погубить. Казалось, что идея авиации бесповоротно скомпрометирована.

— Им не хватает устойчивости, — говорил Грабб, повторяя слова своей газеты. — Они бросаются во все стороны и разбиваются вдребезги.

Мало-помалу, после двухлетних ожиданий, интерес к воздухоплаванию ослабел. Газетам надоело воспроизводить дорогостоящие фотографические снимки с различных воздухоплавательных аппаратов, а публике надоело читать оптимистические отчеты, сменяемые сообщениями о катастрофах, за которыми следовало зловещее молчание. Полеты на летательных аппаратах почти прекратились, и даже воздушные

шары показывались теперь значительно реже, хотя песочный балласт продолжал сыпаться на сады и луга жителей Бен-Хилла. Но все-таки Том мог рассчитывать по крайней мере на десять лет спокойствия, так как воздухоплавание, видимо, не развивалось дальше. Теперь наступало другое увлечение, и Том, следивший с тревожным вниманием за появлением в небесах летательных машин, должен был обратить свои взоры вниз, где тоже появились грозные симптомы надвигавшихся изменений.

Об однорельсовой системе железных дорог говорили уже давно. Но настоящая беда началась лишь тогда, когда Бреннан выступил в Королевском обществе с демонстрацией гироскопического однорельсового вагона. Это произвело сенсацию, и в 1907 году общественное внимание было уже всецело поглощено этим открытием. Помещение, где был выставлен вагон, не могло вместить всех желающих. Военные, политические деятели, заслуженные беллетристы, светские дамы заполняли узкий проход, проталкиваясь локтями вперед, и радовались, если им удавалось увидеть хоть кончик рельса. Великий изобретатель невнятно, но убедительно излагал публике историю своего изобретения и демон-

стрировал модель будущего поезда, которая послушно двигалась по одному рельсу, проходила закругления и подъемы, останавливалась, возвращалась назад — и все время сохраняла равновесие. Гром аплодисментов сопровождал эту демонстрацию. Публика разошлась, рассуждая: «Что за наслаждение проехаться по такой стальной проволоке над пропастью! Представьте, если гироскоп остановится!» Но лишь очень немногие предвидели те перемены, которые должно было произвести изобретение Бреннана.

Через несколько лет никто уже не боялся ездить в вагоне, висящем над пропастью на стальной проволоке. Однорельсовая система вытеснила все другие способы передвижения, трамваи и железные дороги. Там, где земля была дешева, рельс был проложен по земле, где она была дорога, рельс висел в воздухе, прикрепленный к железным столбам. Легкие и удобные вагоны бежали во все стороны и выполняли все, что было нужно. Прежняя система передвижения по двойным рельсам отжила свой век.

Когда старик Смоллуэйс умирал, его сын Том сказал:

— А ведь когда он был молод, ничего не было выше наших труб — ни одной проволоки, ни

одного каната не висело в небесах!

Теперь же густая сеть проводов протянулась над Бен-Хиллом, где электрическая компания поставила трансформаторы и соорудила электрическую станцию около старого газового завода. Ветвь однорельсовой дороги прошла и в Бен-Хилл. Кроме того, каждый местный житель обзавелся телефоном — его можно было найти почти в каждом доме.

Колонны, к которым был прикреплен рельс новой дороги, представляли собой мощные железные сооружения, выкрашенные в темно-голубой цвет. Сооружения эти резко выделялись на общем фоне городского пейзажа. Одна такая гигантская колонна возвышалась как раз возле домика Тома, подавляя его своей величиной, а другая — в углу его огорода. Тут же находились две огромные доски с рекламами. Одна из этих реклам рекомендовала дешевые часы, другая — средство для укрепления нервов, причем обе доски были поставлены почти горизонтально для того, чтобы пассажиры, проезжающие в однорельсовых вагонах, могли читать эти объявления. Таким образом, рекламы служили крышей для навеса, где лежали садовые инструменты Тома и хранились грибы. И днем и ночью над головой

Тома быстро проносились вагоны — длинные, комфортабельные, ярко освещенные в темноте. Они мчались ночью из Брайтона и Гастингса, сопровождаемые грохотом, и улицы внизу на мгновение освещались, как во время грозы.

Такая же однорельсовая дорога была проложена и через Ла-Манш. Огромные железные сооружения, величиной с Эйфелеву башню, возвышались на пятьдесят метров над водой. Посередине пролива они были сделаны еще выше для того, чтобы дать проход пароходам Антверпенской и Гамбургско-Американской линий.

Наконец и тяжелые товарные вагоны стали передвигаться только на двух колесах, вместо четырех. Это обстоятельство почему-то особенно сильно взволновало Тома, и он целый день ходил мрачный после того, как первый такой вагон промчался над его лавочкой.

Само собой разумеется, что общественное внимание было поглощено развитием однорельсовой гироскопической системы. Большую сенсацию произвело также открытие, сделанное мисс Патрицией Гидда, доктором геологии и минералогии Лондонского университета. После кратковременной агитации в пользу женского избирательного права она вернулась к своим

научным трудам и занялась исследованием золотоносных скал Северного Уэльса. Во время этой работы у нее возникла мысль, что и под водой можно найти такие скалы. Чтобы проверить это, она воспользовалась подводным аппаратом доктора Альберта Кассини. Благодаря счастливому сочетанию интуиции, свойственной ее полу, и логики ученого ей действительно удалось найти золото во время первой же подводной экскурсии; пробыв под водой три часа, она поднялась наверх с грузом руды, содержавшей золото в небывалом количестве: до пятисот тридцати граммов золота на одну тонну породы! Но история ее подводной работы, — хоть это и очень занимательная история, — должна быть рассказана в другое время. Сейчас достаточно упомянуть только то, что возобновление интереса к воздухоплаванию совпало с последующим возрастанием цен и развитием духа предприимчивости.

4

Любопытно, как началось это новое, последнее увлечение воздухоплаванием. Оно налетело словно вихрь в тихую погоду: ничто не вызывало его, оно появилось само собой. Люди снова заговорили о полетах с таким видом, как будто

они никогда и не переставали думать об этом. Рисунки и изображения полетов и летательных машин снова запестрели в газетах, и число статей о воздухоплавании заметно увеличилось даже в серьезных журналах. В однорельсовых поездах пассажиры спрашивали друг друга: «Когда же мы, наконец, полетим?» Изобретатели воздухоплавательных аппаратов вырастали точно грибы после дождя. Аэроклуб возвестил о своем проекте устроить грандиозную выставку летательных машин, которая будет помещаться на огромной площади, оставшейся после снесения всех трущобных домов в Уайт-Чепеле.

Эта волна скоро докатилась и до Бен-Хилла. Грабб разыскал среди старого хлама модель своей летательной машины и начал пробовать ее во дворе, позади своей лавочки. Ему удалось добиться чего-то вроде полета, но при этом были разбиты семнадцать оконных стекол и девять цветочных горшков в оранжерее на соседнем дворе.

И вот наконец неизвестно откуда возник упорный, волнующий слух, что проблема воздухоплавания разрешена, что тайна уже известна. Берт услышал это в одной гостинице близ Нетфилда, куда он заехал отдохнуть во время поездки

на своем мотоцикле. Там он встретился с неизвестным субъектом в хаки, видимо, сапером, который очень заинтересовался его машиной и начал внимательно рассматривать ее. Это был довольно прочный аппарат, но, принимая во внимание быстро меняющиеся времена, он мог уже считаться старым, так как существовал почти восемь лет. Осмотрев с серьезным видом машину Берта, солдат сказал:

— В следующий раз я отправлюсь на аэроплане. Мне надоело таскаться по всяким дорогам.

— Да об этих аэропланах — одни только разговоры, — заметил недоверчиво Берт.

— О них говорят и их делают. Это будет скоро.

— Все «скоро» да «скоро». Я поверю, когда увижу своими глазами.

— Ждать придется недолго.

Разговор принял характер дружеского спора.

— Говорю вам, что я видел, как они летают, — настаивал на своем солдат. — Я сам видел это.

— Мы все это видели, — возражал Берт.

— Да я вовсе не имел в виду эти полеты и падения. Я говорю о безопасном и управляемом полете, даже при встречном ветре.

— Ну, положим, таких полетов вы не видели!

— Видел в Альдершоте. Но это держат в секрете.

И правильно делают. Не станет же наше военное министерство разглашать эту тайну…

Недоверие Берта пошатнулось. Он закидал солдата вопросами, и тот отвечал:

— Я вам вот что скажу. У них есть огороженное место, гектаров двести шестьдесят, что-то вроде долины, окруженной проволочной изгородью; изгородь — вышиной в три метра и вся усажена шипами. Там, внутри, они и занимаются этими делами. Но в лагерь проникают слухи, и нам удалось кое-что подсмотреть. Однако не только у нас есть такие аппараты. Они, конечно, есть и у японцев, и у немцев! Я не могу допустить, чтобы и французы отстали от нас в этом отношении. Ведь они изобрели броненосцы, подводные лодки; они и тут не останутся позади.

Солдат стоял перед Бертом, расставив ноги, и с серьезным видом набивал свою трубку. Берт облокотился на низкий забор и прислонил к нему свой мотоцикл.

— Вот если теперь начнется война, занятная будет штука! — заметил Берт.

— Да, вопрос скоро решится, — сказал солдат. — Когда это случится, то начнется ужасное представление. Но уверяю вас, что каждый будет на своем месте, когда поднимется занавес… Вот

тогда будет сражение! Вам в газетах об этом не случалось читать?

— Я читал кое-что…

— Ну, так вы обратили внимание на замечательный случай исчезновения изобретателя; он произвел публично несколько весьма удачных опытов, а потом о нем больше ничего не было слышно.

— Что-то не помню…

— А я знаю такие факты. Какой-нибудь изобретатель добился успеха. И вдруг он исчезает, как будто проваливается сквозь землю! Скоро о нем уже никто ничего не слышит. Понимаете? Такие изобретатели исчезают. Уходят, не оставляя своего адреса. Спустя некоторое время — впрочем, это уже старая история! — появляются братья Райт из Америки. Они как-то проскользнули мимо и потерялись из виду. Да, да, они исчезли… Потом — эти ирландцы… Я забыл их имена. Все говорили, что они умеют летать. И они тоже куда-то исчезли. Я слышал, что они живы; но правда ли это — никто точно сказать не может. Где они — никто не знает. А вот еще этот парень, который облетел вокруг всего Парижа и упал в Сену. Де-Булей, кажется. Забыл его имя. Его полет был замечателен, несмотря на неудачный конец.

Куда же он исчез? Ведь он не пострадал во время падения. Но о нем также не слышно…

Солдат стал раскуривать свою трубку.

— Похоже на то, как будто их всех проглатывает какое-то тайное общество, — заметил Берт.

— Тайное общество? Не-ет, не то…

Солдат зажег спичку и поднес ее к трубке, которую держал во рту.

— Тайное общество? — проговорил он сквозь зубы и бросил спичку. — Скорее, это военное министерство, вот что. Говорю вам, что теперь нет ни одной крупной державы в Европе, Азии, Америке или Африке, которая не запаслась бы уже одной или двумя летательными машинами. Но только державы хранят это в тайне. Уверяю вас, что нет ни одной. У каждой есть настоящие летательные аппараты, вполне пригодные к употреблению. А как они шпионят друг за другом, к каким прибегают уловкам, чтобы выведать тайну у других! Ни один иностранец, сэр, даже никто из местных жителей не может теперь проникнуть в заповедные места около Лидса, не говоря уже о нашем небольшом округе в Альдершоте и опытном лагере в Голуэйе. О нет!

— Хорошо, — решительным тоном заявил Берт. — Я постараюсь как-нибудь проникнуть

туда, чтобы увидеть собственными глазами. Увижу — и тогда поверю, обещаю вам это.

— Вы скоро увидите, — ответил солдат, садясь на свой велосипед.

Сдвинув на затылок шапку, Берт остался стоять у стены, держа в руках папироску и задумчиво поглядывая вслед умчавшемуся велосипедисту.

— Если только он говорит правду, — сказал наконец Берт, — то мы с Граббом совершенно напрасно теряем драгоценное время. Не говоря уже об убытках из-за этой разбитой оранжереи…

5

Как раз в то время, когда Берт был поглощен мыслью о своем таинственном разговоре с солдатом, случилось удивительное событие, представляющее одну из самых драматических глав человеческой истории. Первый удачный полет! Люди обычно очень просто говорят о событиях, составляющих эпоху в истории. А это было именно такое событие мировой важности. Неожиданно и незаметно была решена важная задача…

Мистер Альфред Беттеридж совершил полет из лондонского Хрустального дворца в Глазго и обратно на небольшом аппарате тяжелее воздуха;

аппарат уже производил впечатление настоящего, вполне пригодного для практических целей. Беттеридж в совершенстве управлял этой машиной, которая летала точно голубь.

Все почувствовали, что это был уже действительно гигантский скачок вперед, разрешивший проблему воздухоплавания.

Мистер Беттеридж держался в воздухе в продолжение девяти часов и летал с такой уверенностью, как будто он и в самом деле превратился в птицу. Но его летательный аппарат не был похож ни на птицу, ни на бабочку, не имел также таких широких боковых поверхностей, какие бывают у аэропланов. Своим видом он скорее напоминал большую пчелу или осу. Некоторые части аппарата вертелись с огромной частотой, производя впечатление прозрачных крыльев. Другие части, включая изогнутые «надкрылья», — если уж продолжать сравнение аппарата с насекомыми — оставались во время полета совершенно неподвижными. Посередине находилось длинное, кругловатое тело, своим видом напоминающее тельце моли; на нем сидел верхом мистер Беттеридж, совершенно так же, как сидят на лошади. Сходство с насекомым увеличивалось еще тем, что во время полета аппарат

издавал жужжащий звук, совершенно такой же, какой издает оса, когда она бьется об оконное стекло.

Мистер Беттеридж поразил весь мир, внезапно вынырнув откуда-то на своем аппарате. Он был одним из тех неизвестно откуда являющихся людей, которые предназначены судьбой служить примером для всего остального человечества. Одни говорили, что он приехал из Америки или Австралии, другие утверждали, что он из южной Франции. Про него рассказывали также, что он был сыном человека, нажившего хорошее состояние на производстве стальных перьев с золотыми кончиками и изображением «самопишущего пера Беттериджа». Но на самом деле это был совсем другой Беттеридж. Наш мистер Беттеридж был в течение нескольких лет членом большинства существующих воздухоплавательных ассоциаций — правда, совершенно незаметным, хотя у него и был громкий голос, внушительная наружность и вызывающие манеры.

В один прекрасный день Беттеридж написал во все лондонские газеты, что он уже закончил приготовления к полету из Хрустального дворца на своем аппарате и что с изобретением этого аппарата ликвидированы все трудности в деле

воздухоплавания. Однако лишь немногие из газет напечатали это письмо, и еще меньше нашлось людей, которые поверили ему. Никого не взволновало то обстоятельство, что обещанный полет был отложен. На лестнице одного первоклассного отеля на Пикадилли Беттеридж захотел по причинам личного характера отхлестать одного знаменитого немецкого музыканта; вышел скандал, помешавший полету. В газетах было по-разному рассказано об этом, причем сама фамилия Беттериджа была искажена. Само собой разумеется, что, пока он не совершил полета, он не мог привлечь к себе внимание. Едва нашлось тридцать человек, пожелавших взглянуть на его аппарат, когда он открыл для публики двери огромного сарая, где находилось его детище. Это было нечто вроде огромной модели мегатерия, выставленной в Хрустальном дворце. И вот наконец это гигантское насекомое с жужжанием вылетело навстречу пренебрежительному и неверующему миру.

Но прежде чем Беттеридж во второй раз облетел башни Хрустального дворца, молва о нем уже распространилась повсюду. Спавшие на улицах около Трафальгарской площади бродяги с испугом повскакали со своих мест, услышав

жужжание его аппарата, и увидели, как он огибал колонну Нельсона. А когда он перелетел через Бирмингем в половине десятого вечера, слава о нем уже прогремела по всей стране. То, в чем уже начали отчаиваться, было достигнуто. Человек мог летать свободно, легко и безопасно!

Вся Шотландия смотрела на него восторженными глазами, когда он прилетел туда. Он был в Глазго в час дня, и говорят, что в этом промышленном улье не было ни одной фабрики, ни одной верфи, где работа могла бы начаться в этот день раньше половины второго: все смотрели на летающего человека. Мир привык считать проблему полетов почти неразрешимой, но все были уже настолько осведомлены в вопросах воздухоплавания, что могли оценить по достоинству изобретение Беттериджа. Он обогнул университетские строения и опустился на склоне Джильмура под восторженные крики толпы, доносившиеся до него из Вест-Энда. Он летал на своем аппарате уверенно и спокойно, со скоростью приблизительно 50 километров в час, описывая широкие круги в воздухе. Громкое жужжание, сопровождавшее его полет, могло бы совершенно заглушить его звучный голос, если бы он предварительно не запасся мегафоном. Он

очень ловко маневрировал при снижении, избегая однорельсовых кабелей, церквей и других высоких строений.

— Мое имя Беттеридж, — кричал он глазевшей внизу толпе. — Беттеридж! Запомните хорошенько! Моя мать была шотландка!..

Убедившись, что его поняли, он снова поднялся вверх под громкие крики толпы и легко и свободно полетел дальше, то поднимаясь, то опускаясь; волнообразные движения аппарата чрезвычайно напоминали полет осы…

Возвращение Беттериджа в Лондон, после того как он посетил Манчестер, Ливерпуль и Оксфорд, выкрикивая везде свое имя, произвело неслыханную сенсацию. Все жители высыпали на улицу и глазели в небо. На городских улицах, пожалуй, за три месяца не перебывало столько народу, сколько было в этот день; у Вестминстерского моста чуть не произошло несчастье с пароходом, который налетел на сваю вследствие того, что шкипер загляделся на небо.

Беттеридж вернулся к вечеру в Хрустальный дворец, — это классическое место для всех воздухоплавательных опытов, — и, благополучно заведя свой аппарат в ангар, захлопнул дверь перед самым носом фотографов и журналистов,

ожидавших его возвращения.

— Вот что, ребята, — сказал он, обращаясь к напиравшей толпе, когда его ассистент запер ворота ангара, — я смертельно устал и едва могу стоять. Я не в состоянии говорить с вами теперь. Мое имя: Беттеридж… Беттеридж! Запомните хорошенько! Мы поговорим завтра…

Ассистент Беттериджа с трудом проложил себе дорогу через толпу назойливой молодежи, наступавшей на него с записными книжками и фотографическими камерами в руках. А Беттеридж стоял, выпрямившись во весь свой высокий рост, возвышаясь над собравшимися. В этот момент он был самым знаменитым человеком в стране. И мегафон, которым он сейчас размахивал, был как бы символом его славы…

6

Том и Берт Смоллуэйсы наблюдали за возвращением Беттериджа с вершины холма, откуда часто следили за пиротехническими опытами в Хрустальном дворце. Берт был очень возбужден, а Том спокойно и тупо смотрел на происходившее. Но ни тот ни другой не могли знать тогда, какое огромное влияние окажет это событие на их собственную жизнь.

Берт только заметил:

— Быть может, это заставит старину Грабба кое-что переменить в своей лавочке и бросить в огонь доморощенную модель аэроплана. Не думаю, однако, чтобы это могло спасти нас, если мы только не поплывем по течению и не ухватимся за новую идею.

Берт был уже настолько знаком с проблемами воздухоплавания, что мог вполне оценить значение нового открытия. Гигантская пчела должна была, по его выражению, «вскружить голову газетным репортерам».

Действительно, на другой день страницы всех газет и журналов чернели фотографическими снимками. Статьи напоминали скорее горячечный бред, нежели произведения печати. Через день стало еще хуже. К концу недели все улицы были полны криками газетчиков, сообщавших различные подробности, касающиеся личности изобретателя и тех необыкновенных требований, которыми он ограничивал свое согласие открыть тайну изобретения.

Действительно, он окружил свое изобретение непроницаемой тайной. Он сам построил свой аппарат в укромном и безопасном убежище, предоставленном ему администрацией

Хрустального дворца. Ему помогали рабочие, изготовлявшие для него отдельные части, но не интересовавшиеся целым. На другой день после полета он собственноручно разобрал свой аппарат, запаковал некоторые главные части, а затем, призвав малосведущих помощников, уложил все остальные в запечатанные ящики и отправил на различные склады технических изделий, где его машины были тщательно спрятаны. Такие предосторожности оказались далеко не лишними ввиду огромного спроса на фотографические снимки или эскизы с его аппарата. Но мистер Беттеридж, продемонстрировав свой аппарат, не желал давать более никаких разъяснений. Он хотел сохранить свою тайну от преждевременного раскрытия.

Мистер Беттеридж обратился к британцам с вопросом, желают ли они получить его изобретение или нет. Он заявлял, что он — империалист и хочет, чтобы исключительно Англия воспользовалась его открытием, только…

Вот тут-то и начались затруднения!

Беттеридж был, очевидно, человеком совершенно свободным от всякой ложной скромности, пожалуй, даже лишенным всякой скромности. Он очень охотно принимал газетных корре-

спондентов, отвечал на какие угодно вопросы, за исключением тех, что касались авиации, высказывал мнения, критиковал, сообщал автобиографические подробности, раздавал свои портреты, позировал для фотографов и вообще наполнял собой вселенную. На его портретах прежде всего бросались в глаза его огромные черные усы и свирепое, надменное выражение лица. Общее впечатление было таково, что Беттеридж — ничтожный человек. Действительно, талантливый человек не мог бы смотреть на всех так вызывающе. Но в физическом отношении Беттериджа можно было назвать выдающейся особой. Ростом он был в сто восемьдесят восемь сантиметров, и вес его был пропорционален росту. Кроме того, у него была какая-то подозрительная любовная история, о которой он не стеснялся говорить. Британское общество, столь строгое в вопросах морали, к ужасу своему, узнало, что официальное вмешательство в эту историю было непременным условием раскрытия Беттериджем его тайны, от которой зависела судьба Британской империи!

Точные подробности этой любовной истории не были никому известны, но, по-видимому, героиня, выражаясь словами одной из неопубли-

кованных речей Беттериджа, повинуясь голосу своего благородного сердца, неосторожно вступила в брак с «трусливым хорьком». Беттеридж, очевидно, любил зоологические сравнения. Такой поступок окончательно погубил ее социальное положение и счастье. Беттеридж очень хотел подробно распространиться об этом для того, чтобы показать во всем блеске благородный характер своей возлюбленной. Но это привело в большое смущение газеты, всегда обнаруживавшие большую сдержанность в этом отношении и поэтому не решившиеся печатать такие слишком интимные подробности личной жизни изобретателя. Вообще, было очень неловко слушать его рассказы об этом, хотя Беттеридж с чрезвычайной готовностью раскрывал свою душу перед журналистами, и они никак не могли избежать его признаний. Он прославлял свою любовь и требовал, чтобы газеты писали о ней.

— Но ведь это, в конце концов, частное дело, — возражали ему.

— Несправедливость, сэр, — это дело, касающееся всего общества, — говорил он. — Мне все равно, имею ли я тут дело с учреждениями или отдельными личностями, и против кого я восстаю! Я защищаю дело женщины, женщины, которую

люблю, непонятой, благородной женщины, сэр! Я хочу отомстить всему миру за нее!

— Я люблю Англию, — прибавлял он обыкновенно, — да, я люблю ее. Но пуританизм я ненавижу. Я питаю к нему невыразимое отвращение. Он стоит у меня поперек горла. Возьмите, например, обстоятельства моего дела…

Он постоянно возвращался к этому вопросу и требовал от газетных корреспондентов, чтобы ему показывали оттиски его разглагольствований. Если они недостаточно распространялись в своих отчетах о его любовных чувствах, то он вычеркивал все остальное.

Да, для британской журналистики настали трудные времена! Никогда еще не бывало более простой и неинтересной любовной истории, не возбуждавшей сочувствие публики. А между тем общество было чрезвычайно заинтересовано открытием Беттериджа. Но когда интервьюерам удавалось отвлечь Беттериджа от его любовной темы, то он начинал говорить растроганным голосом и со слезами на глазах о своем детстве — о матери, представлявшей настоящий кладезь всех материнских добродетелей, и к тому же «шотландке». Она была почти красавицей, по словам Беттериджа.

— Я всем обязан моей матери, — заявлял он, — всем! Впрочем, спросите любого человека, достигшего чего-нибудь в жизни, и он вам скажет то же самое. Всем, что мы имеем, мы обязаны женщинам. Они — хранительницы рода. Мужчина — не более как призрак. Он приходит и уходит, как сон. Но душа женщины ведет нас к прогрессу.

Так разглагольствовал Беттеридж со всеми репортерами.

Что, собственно, он желал получить от правительства за свой секрет, он не говорил. И затем непонятно было, чего можно было ожидать в данном случае от государства, кроме денег? Общее впечатление было таково, что он не столько стремится что-то получить, сколько желает воспользоваться беспримерным случаем, чтобы покрасоваться и прокричать о себе на весь мир. Между тем стали распространяться различные слухи о его происхождении. Говорили, что он был владельцем большого отеля в Капштадте, где однажды остановился один молодой, очень скромный изобретатель, по имени Паллизер, прибывший в южную Африку из Англии и находившийся в последней стадии чахотки. Беттеридж видел его планы и чертежи, и когда

изобретатель умер, то похитил его бумаги и уехал с ними. Так, по крайней мере, утверждали наиболее распространенные американские газеты. Но ни опровержения, ни подтверждения этих слухов так и не было сделано.

Беттеридж страстно вступал в спор, доказывая свое право на получение различных денежных премий. Некоторые из этих премий за успешный механический полет были объявлены еще в 1906 году. Примерно в то время, когда Беттеридж появился со своим изобретением, многие газеты, уверенные в безуспешности таких попыток, объявили, что уплатят громадные суммы первому человеку, который пролетит из Манчестера в Глазго, из Лондона в Манчестер, — словом, пролетит полтораста или триста километров. Большинство этих газет, впрочем, обусловило платеж различными оговорками и теперь отказывались платить. Но одна или две газеты все-таки заплатили и громогласно заявили об этом; мистер Беттеридж предъявлял иски к тем, которые отказывались платить, продолжая в то же время добиваться, чтобы правительство купило у него изобретение.

Для всех, однако, являлось очевидным, что Беттеридж, несмотря на все его хвастовство и

прочие личные качества, несмотря на его постоянные разговоры о любовных делах, был единственным человеком, владевшим секретом постройки удивительного аэроплана, и от этого секрета зависела не только будущность авиации, но, пожалуй, даже будущность мирового положения империи. К великому огорчению огромного большинства, включая Берта, переговоры о покупке этого драгоценного секрета английским правительством, если таковые действительно происходили, по-видимому, не увенчались успехом. Лондонская газета «Дейли Реквием» первая высказалась по этому поводу в статье «Мистер Беттеридж высказывает свое мнение».

В этом интервью изобретатель, если только он был им в действительности, изливал свое негодование.

— Я приехал сюда с другого конца света, — говорил он, отчасти подтверждая этим слухи насчет Капштадта, — я привез на свою родину секрет, который должен обеспечить ей мировое господство… И что же я встречаю здесь? — Он сделал паузу. — Старые бюрократы пренебрегают мной… а с женщиной, которую я люблю, обращаются как с прокаженной!

— Я — империалист! — напыщенно заявил он в

интервью, написанном его собственной рукой. — Но существуют границы и для человеческого сердца! Есть более молодые, более предприимчивые страны, которые не дремлют и не задыхаются беспомощно в тисках различных формальностей и рутины. Такие страны не станут колебаться и не будут подвергать опасности государство из-за желания выказать свое пренебрежение к человеку, имя которого им неизвестно, и оскорблять женщину, у которой они недостойны даже развязать ботинок! Есть страны, не подчиняющиеся слепо разным ученым и не отдающие себя в руки разным выскочкам и выродкам. Короче говоря, заметьте мои слова: есть другие государства!

На Берта Смоллуэйса эти слова произвели потрясающее впечатление.

— Если этим секретом воспользуются немцы или американцы, — сказал он с запальчивостью своему брату, — Британская империя погибла! Английский флаг «Юнион Джек» превратится в простую тряпку, помяни мое слово, Том!

— Не можешь ли ты, Берт, помочь нам отнести сегодня утром картофель в город? — обратилась к нему Джессика с вопросом, когда он замолчал. — Все требуют молодого картофеля. А Том не в состоянии всех удовлетворить.

— Мы живем на вулкане, — продолжал Берт, не обращая внимания на Джессику. — Каждый момент может разразиться война… и какая война!

Он со зловещим видом покачал головой.

— Возьми этот мешок, Том, — сказала Джессика и, внезапно повернувшись к Берту, настойчиво спросила: — Ты ведь можешь пожертвовать нам одно утро, Берт?

— Да, могу, — ответил Берт. — В лавке дел мало. Но эта опасность, которая грозит нашей империи, не дает мне покоя!

— Не думай об этом, — посоветовала Джессика.

Берт, согнувшись под тяжестью мешка с картофелем и под тяжестью своих патриотических огорчений, вышел из лавочки наружу — в мир перемен и чудес. Он возмущался и Джессикой, и этим безобразным мешком с картошкой.

Глава II. Как Берт попал в затруднительное положение

1

Ни Том, ни Берт Смоллуэйс, конечно, не предполагали, что замечательный полет мистера Беттериджа может как-нибудь отразиться на их

судьбе. Они не думали, что благодаря ему они выдвинутся из массы других людей, таких же, как они сами. Полюбовавшись с вершины Бен-Хилла на летательную машину, на ее вращающиеся плоскости, отсвечивающие золотом в лучах заката, они пошли домой, а машина с жужжанием спустилась к своему ангару. Оба брата думали о том разговоре, который начался между ними еще до того, как мистер Беттеридж со славой вынырнул из лондонского тумана.

Это был очень неприятный и бесплодный спор. Когда они направлялись к вершине холма, чтобы посмотреть на полет, грохот гироскопических моторных вагонов, пересекших Хай-стрит, заглушал их слова, так что приходилось прямо-таки кричать. А между тем разговор их был частного характера. Но они оба были раздражены и горячились.

Дела Грабба шли плохо, и поэтому он предложил Берту стать его компаньоном. Последнее время Берт не получал от него жалованья, и отношения между хозяином и Бертом были самые неопределенные.

Берт старался убедить Тома, что преобразованная компания «Грабб и Смоллуэйс» для рассудительного человека с небольшим капи-

талом представляет небывалые преимущества и выгоды. Но тут Берту пришлось лишний раз убедиться в том, что Том был совершенно неспособен воспринять какую-нибудь идею. В конце концов, однако, оставив в стороне всякие финансовые соображения и опираясь исключительно на чувство братской привязанности, Берт получил от Тома в долг кое-какую сумму, дав при этом честное слово вернуть ему эти деньги при первой возможности.

Фирме «Грабб и Смоллуэйс» (прежде «Грабб») как-то особенно не везло в этом году. Уже в течение нескольких лет Грабб боролся с неудачами в своей маленькой лавочке на Хай-стрит, украшенной разноцветными объявлениями о велосипедах и уставленной всевозможными принадлежностями велосипедного спорта; тут были целые коллекции звонков и брюкодержателей, жестянки для масла, насосы, чехлы, сумки, объявления: «Велосипеды напрокат», «Ремонт», «Надувание шин бесплатно», «Бензин» и т. д. Грабб был агентом многих неизвестных велосипедных фабрикантов, но весь его наличный запас заключался всего-навсего в двух новых машинах… Иногда ему удавалось продать что-нибудь. Он брал также вещи в починку и делал все что

мог, хотя не всегда удачно исправлял то, что ему приносили. Он продавал дешевые граммофоны и имел дело с музыкальными ящиками. Но основу его коммерческого предприятия все-таки составлял прокат велосипедов. Это было, во всяком случае, странное предприятие, которое не считалось вообще ни с какими экономическими принципами.

В лавочке находился запас дамских и мужских велосипедов, очень плохих, но несколько подновленных, которые и отдавались напрокат нетребовательным и беспечным или ничего не смыслившим в велосипедах людям. Грабб брал по шиллингу за первый час и по шесть пенсов за остальные. В действительности же у него не было установленной таксы, и настойчивые мальчуганы могли получить велосипед и подвергнуть себя опасности за ничтожную сумму в три пенса, если только им удавалось убедить Грабба, что больше у них нет денег. Грабб прилаживал седло и руль к велосипеду, отдаваемому напрокат, и, взяв залог (исключение он допускал только в отношении известных ему клиентов), смазывал машину, а затем предоставлял клиентов их собственной судьбе. Как правило, «он» или «она», взявшие велосипед, возвращались в лавочку, но в некоторых

случаях Берту или Граббу приходилось самим отправляться за своими велосипедами, чтобы доставить их домой. Плата всегда удерживалась ими из залога и рассчитывалась, исходя из того времени, когда велосипед был доставлен назад в лавочку. Очень редко велосипеды, отдаваемые ими, находились действительно в безукоризненном состоянии. Обычно же в каждой отдельной части велосипеда уже заключалась возможность катастрофы: в винте, прикреплявшем седло, и в непрочных педалях, и в плохо соединенных звеньях цепи, и в руле, и больше всего в тормозах и шинах. Стук, звон и странный ритмический треск сопровождали отважного велосипедиста, когда он мчался по дороге. Случалось, что колокольчик переставал звонить или тормоз отказывался служить, когда велосипедист спускался с холма. Иногда соскальзывала подушка, или седло вдруг опускалось на семь или десять сантиметров, производя неприятный толчок, или слишком свободная цепь соскакивала с шестерни в то время, когда велосипедист спускался с горы, — машина внезапно останавливалась, и велосипедист летел кувырком. Иногда шина отказывалась служить и, испустив глубокий вздох, спадала с колеса…

Когда велосипедист возвращался пешком, раз-

горяченный ходьбой, Грабб, игнорируя всякие словесные жалобы, с серьезным видом исследовал машину и говорил:

— Так нельзя обращаться с велосипедом.

Затем он начинал мягко увещевать пострадавшего.

— Ведь не можете же вы ожидать, чтобы велосипед брал вас на руки и вез, — говорил он в таких случаях, — вы должны были действовать разумно. Ведь это же не что иное, как машина!

Случалось, впрочем, что процесс ликвидации последующих жалоб кончался рукоприкладством. Правда, приходилось тратить много слов на убеждения и подвергаться большим неприятностям, но ведь в такие прогрессивные времена нельзя жить, если не производить шума около своего дома. Порою приходилось очень трудно, но прокат велосипедов доставлял все же верный доход, пока наконец двое чересчур критически настроенных велосипедистов, нечувствительных к риторике, не произвели полного разгрома в лавочке Грабба, разбив окна и повредив выставленные образцы. Это были здоровенные кочегары из Гревсенда. Один выражал недовольство тем, что у него отвалилась педаль, а другой — тем, что у него шина ослабела. В сущности, это были

мелкие неприятности, на которые не стоило бы обращать внимания. Несомненно, все произошло от грубого обращения с таким нежным механизмом, но велосипедисты и слышать не хотели об этом. Конечно, они прибегли к очень странным доводам и, желая убедить хозяина лавочки в том, что он дал им плохие велосипеды, выбросили на улицу его насос и, захватив гонги, швырнули их ему обратно через окно. Само собой разумеется, такой метод убеждения не мог подействовать на Грабба или Берта, а только еще пуще разозлил их. Одна ссора всегда влечет за собой другую, и поэтому нелюбезный поступок велосипедистов вызвал спор между Граббом и домовладельцем по вопросу о законной и нравственной ответственности за разбитые стекла в окнах. Спор этот разгорелся как раз накануне Троицына дня, и в результате Грабб и Смоллуэйс должны были прибегнуть к ночному стратегическому передвижению на новые позиции.

Впрочем, они уже давно предполагали поступить именно так. Это была маленькая, похожая на сарай лавочка с витриной и комнатой позади, как раз у крутого поворота дороги, в нижней части Бен-Хилла. Здесь они мужественно боролись с преследовавшими их неудачами и, несмотря на

приставания своего прежнего домохозяина, не теряли надежды на счастливый случай, который помог бы им выпутаться из затруднительных обстоятельств. Местоположение лавочки, казалось, благоприятствовало этому, но и тут их постигло разочарование.

Большая дорога, идущая из Лондона в Брайтон через Бен-Хилл, достигла своего теперешнего значения постепенно. В противоположность другим европейским дорогам, английские большие дороги никогда не выравнивались и не выпрямлялись, и от этого, вероятно, зависит их живописность. Старая бен-хиллская большая улица в конце круто спускалась на двадцать пять или тридцать метров, поворачивала под прямым углом налево и, образуя изгиб на расстоянии тридцати метров, подходила к кирпичному мосту, проложенному через высокую канаву, где некогда протекала речка Отерберн. Отсюда дорога снова круто поворачивала направо, огибала густую рощу и наконец, перестав извиваться в разные стороны, становилась обыкновенной прямой и ровной дорогой. Прежде чем Берт и Грабб поселились в лавочке у крутого поворота дороги, там произошло несколько несчастных случаев с лошадьми, повозками и велосипедистами, и,

говоря откровенно, именно это обстоятельство, то есть вероятность других подобных же несчастных случаев, побудило их выбрать это место.

Однако вначале их планы поправить свои дела носили несколько юмористический характер.

— Тут как раз такой угол, где можно снискать пропитание разведением кур, — заметил Грабб.

— Ну, ты ничего этим не наживешь, — возразил Берт.

— Если твоя курица попадет под автомобиль, то ведь тебе за нее заплатят, — сказал Грабб.

Когда они поселились на новом месте, то вспомнили этот разговор. Но кур держать было негде: для них не было пристанища. Новая лавочка имела более современное устройство, нежели прежняя; она обладала большой витриной из цельного стекла.

— Рано или поздно, — сказал Берт, — к нам сюда въедет автомобиль.

— Это было бы хорошо, — ответил Грабб. — Тогда мы потребовали бы вознаграждение. Я бы ничего не имел против, если бы он заехал прямехонько в лавку, и даже если бы я получил повреждения…

— А пока, — лукаво проговорил Берт, — я пойду и куплю собаку.

Он так и сделал. Он купил трех собак, одну за другой, и очень удивил продавцов собак в Баттерси, когда объявил, что разыскивает непременно глухую собаку. Он отвергал всякую собаку, которую предлагали ему, если только замечал, что она настораживает уши.

— Мне нужен хороший, глухой, малоподвижный пес, такой, который ни за что не сойдет с места, — говорил он.

Продавцы собак выказывали при этом совершенно ненужное любопытство и заявляли Берту, что глухие собаки попадаются редко.

— Видите ли, — говорили они, — собаки не бывают глухими.

— Но мне нужна глухая собака, — настаивал он. — У меня уже бывали другие собаки. Такие мне не нужны… Я продаю граммофоны. Конечно, я должен заводить их, чтобы показать покупателям. Ну вот, неглухая собака не любит этого. Она приходит в возбужденное состояние, обнюхивает, лает, ворчит. А это волнует покупателя. Понимаете? Притом неглухая собака склонна фантазировать, принимает проходящих людей за ночных грабителей и готова сражаться с каждым прошумевшим автомобилем. Все это недурно, если вы нуждаетесь в оживлении своего жилища.

Но мне этого не нужно. Наше место достаточно оживленно и так. Мне не нужна такая собака. Мне нужна спокойная собака…

В конце концов ему удалось раздобыть трех глухих псов. Но ничего хорошего из этого не вышло. Первая собака убежала, не обращая внимания на зов. Вторая была убита ночью моторным вагоном, нагруженным фруктами, который исчез, прежде чем Грабб успел сойти вниз. Третья попала в переднее колесо проезжавшего велосипедиста, который пробил в витрине стекло. Он оказался актером без занятий и, кроме того, банкротом. Этот господин стал требовать вознаграждения за какие-то воображаемые увечья и слышать ничего не хотел о ценной собаке, которую убил, и о разбитом стекле. Прибегнув к грубым физическим приемам, он заставил-таки Грабба исправить ему погнувшееся переднее колесо. Но этим дело не закончилось, и его поверенный забросал несчастных владельцев лавочки самыми невозможными требованиями, на которые Грабб старался отвечать язвительно, что было, по мнению Берта, ошибкой.

Дела шли все хуже и хуже. Разбитую витрину пришлось заколотить досками, и по этому поводу у них возникли очень неприятные пререкания

с новым домохозяином, бен-хиллским мясником. Это был грубый, крикливый человек, очень недовольный тем, что окно надолго остается невставленным. Последнее напомнило хозяевам лавочки, что у них еще не улажен спор с прежним домовладельцем…

Таково было положение вещей, когда Берт решил обратиться к Тому и уговорить его вложить деньги в дело, чтобы получать изрядные проценты. Но Том не был склонен к предприимчивости и наотрез отказался.

Злой рок, преследовавший компанию «Грабб и Смоллуэйс», нанес последний удар их предприятию и окончательно погубил его.

2

Только совсем несчастные люди не могут веселиться, но Берт и Грабб еще не были такими; поэтому, когда наступил праздник Троицы, они захотели забыть на время о своих огорчениях. Отчасти этому способствовало и то, что Берт все-таки занял денег у брата, и так как почти половина отдаваемых напрокат велосипедов была у них взята, то они могли позволить себе отдохнуть в Троицын день, чтобы потом со свежими силами приняться за работу. Утомленный

и обескураженный человек не может придумать ничего хорошего! Случилось, что как раз перед тем они познакомились с двумя молодыми девушками, служившими приказчицами в магазине Клепгема: мисс Флосси Брайт и мисс Эдной Бенторн. И вот на Троицу было решено устроить вчетвером маленькую увеселительную поездку в Кент, чтобы провести день на лоне природы, между Ашфордом и Медстоном.

Мисс Брайт умела ездить на велосипеде, и для нее отыскали дамский велосипед, конечно, не из тех, которые отдавались напрокат, а из лучших — которые предназначались для продажи. Но мисс Бенторн — симпатия Берта — не умела ездить на велосипеде. Берт с большим трудом раздобыл для нее напрокат плетеную корзину на колесах, которую и прикрепил к своему мотоциклу. Приятно было смотреть на них, когда, нарядившись в светлые костюмы и покуривая папироски, они отправились к назначенному месту, где их ожидали дамы. Грабб очень ловко управлял своим велосипедом, везя рядом с собой дамский велосипед, а Берт катил на мотоцикле, весело размышляя о том, что смелость города берет и даже может восторжествовать над несостоятельностью. Домохозяин хотел было остановить их,

когда они выезжали, но не успел и только злобно крикнул что-то вслед их удалявшимся спинам.

Погода была прекрасная. Хотя они выехали из дома раньше девяти часов утра, но все дороги были уже полны праздничной толпой. Множество молодых мужчин и женщин ехало на велосипедах и мотоциклах. Гироскопические автомобили, двигавшиеся подобно велосипедам, на двух колесах, смешивались с четырехколесными автомобилями. В такие праздники всегда можно было встретить на дорогах и вышедшие из употребления старинные экипажи, и старых людей. Попадались также трехколесные велосипеды, электрические кареты и пришедшие в ветхость старые беговые автомобили с огромными пневматическими шинами. Наши велосипедисты встретили даже настоящую лошадь, запряженную в коляску, а дальше они увидели молодого всадника, скакавшего на черной лошади мимо веселой праздничной толпы, осыпавшей его шутками. Они видели также множество управляемых газовых воздушных кораблей, не говоря уже о воздушных шарах, паривших в воздухе. После всех тех забот и тревог, которые испытали Берт и Грабб, это праздничное оживление казалось им особенно приятным, бодрящим. Эдна была

очень интересна в своей коричневой соломенной шляпке, украшенной маками, и восседала в корзине точно королева, а мотоцикл, несмотря на свой почтенный возраст, мчался так, как будто бы он только вчера вышел из мастерской.

Настроение мистера Берта Смоллуэйса нисколько не изменилось даже тогда, когда они увидели газетный плакат:

«Германия осуждает доктрину Монроэ

Двусмысленное поведение Японии

Как поступит Великобритания?

Будет ли война?»

Такого рода громкие заявления были самым обычным делом, но в праздники на них не обращали внимания. В будни, в свободное послеобеденное время, можно было терзать себя мыслями о судьбе империи и международной политике, но в яркий солнечный день, в воскресенье, когда везешь с собой хорошенькую девушку и видишь, как проезжающие велосипедисты бросают завистливые взгляды, никакие политические соображения не могут завладеть

человеком. Наши молодые люди не придали также большого значения признакам усиленной военной деятельности, которые невольно бросались в глаза. Близ Медстона они наткнулись на одиннадцать моторных пушек особенной конструкции, выстроившихся в ряд возле дороги. Около них группа озабоченных инженеров наблюдала в подзорную трубу за устройством траншеи. Но Берт отнесся к этому с большим невниманием.

— Что это? — спросила Эдна.

— Маневры, вероятно, — сказал Берт.

— Маневры? А я думала, что они происходят в Истере, — заметила Эдна, успокаиваясь.

Последняя война, которую вели англичане, южноафриканская, давно уже была забыта, и общество перестало интересоваться военными делами.

Наши молодые люди очень весело провели время. Пикник вполне удался, и они были счастливы совершенно так же, как бывали счастливы люди в старину, еще в древней Ниневии. Глаза у них блестели. Грабб был весел и почти остроумен. Берт сыпал эпиграммами. Зеленая изгородь из жимолости и шиповника закрывала пыльную дорогу; оттуда к ним доносились звуки автомобильных

гудков, которые, в конце концов, прекрасно могли сойти за звуки рога в волшебной стране. Они смеялись, болтали, собирали цветы, ухаживали за девушками, которые, шутя, курили папиросы. Пробовали также в шутку бороться. Говорили, между прочим, и о воздухоплавании, и о том, как они в скором времени отправятся на пикник, все вместе, на летательной машине, изобретенной Бертом. Все казалось им возможным и веселым в этот яркий солнечный день!

К семи часам вечера они пустились в обратный путь, не предвидя никакой катастрофы.

Но она случилась с ними на вершине спуска, между Ротемом и Кингстоном.

Они забрались на холм уже в сумерки. Берт старался проехать как можно дальше без фонарей. Они промчались мимо множества велосипедистов, чуть не опрокинув их, потом мимо старомодного четырехколесного автомобиля, потерпевшего крушение из-за лопнувшей шины. Пыль набилась в рожок мотоцикла, и поэтому он издавал странный свистящий и щелкающий звук, очень смешивший Эдну. Ради забавы Берт даже старался по возможности усиливать этот звук во время езды, чтобы заставить Эдну хохотать в ее корзине. Они мчались сломя голову

вдоль дороги, что производило весьма различное впечатление на других путешественников, вызывая негодование или восторги, в зависимости от темперамента. Эдна, правда, заметила голубоватый, дурно пахнущий дымок, струившийся из резервуара мотора, но подумала, что так всегда бывает при движении мотоцикла, и не беспокоилась.

Вдруг показалось желтоватое пламя.

— Берт! — вскрикнула она.

Берт затормозил с такой силой, что она запуталась в его ногах, когда хотела вылезти. Наконец, выкарабкавшись из корзины, она отошла в сторону, чтобы поправить свою шляпку, пострадавшую от толчка.

— Ой, ой! — воскликнул Берт.

Несколько секунд он стоял неподвижно, глядя, как пламя медленно увеличивается. В голове у него прежде всего мелькнуло сожаление, что он не продал год назад этот старый мотоцикл. Конечно, ему следовало сделать это тогда, но теперь уже было поздно думать об этом.

Он повернулся к Эдне и крикнул ей:

— Достаньте мокрого песка!

Он отвел машину к краю дороги, оглядываясь, нет ли поблизости мокрого песка. От движения

пламя стало разгораться сильнее, а мрак кругом сгустился еще больше. Дорога была каменистая, известковая, и найти песок было трудно.

Эдна вскоре заметила толстого велосипедиста и тотчас же остановила его.

— Нам нужен сырой песок, — сказала она, — наш мотор загорелся.

Низенький толстый велосипедист посмотрел на нее с изумлением, но тотчас же сообразил, в чем дело, и бросился собирать кремнистый песок на дороге. Его примеру последовали Берт и Эдна. Другие велосипедисты, поравнявшись с ними, останавливались и с любопытством смотрели, что они делают.

— Сырой песок… Нужен сырой песок! — говорил толстый велосипедист и с ожесточением скреб дорогу.

Некоторые из велосипедистов присоединились к нему. Они бросали пригоршнями мокрый песок в пламя, но от этого оно только разгоралось сильнее.

Наконец примчался Грабб. Он что-то кричал. Быстро соскочив с велосипеда, он бросил его к плетню и принялся командовать:

— Только не лейте воды! Ни в коем случае нельзя лить воды!

Грабб выказал большое присутствие духа. Все подчинились его распоряжениям и повторяли его слова: «Только не лейте воды!» Но воды и не было.

— Гасите же пламя, болваны! — крикнул он.

Он выхватил шерстяной коврик из корзины (это было зимнее одеяло Берта) и принялся тушить огонь. На мгновение он как будто одержал победу над пламенем, но зато разбрызгал во все стороны горящий керосин. Другие, подражая ему, делали то же самое. Берт достал подушку из плетеной корзины и стал бить по пламени этой подушкой. Та же участь постигла другую подушку и скатерть, а какой-то юный герой даже сорвал с себя куртку и заработал ею. Несколько минут ничего не было слышно, кроме тяжелого дыхания и ожесточенного шлепания.

Флосси, прибежавшая на шум, вскрикнула: «О господи!» и разразилась слезами. Она кричала: «Помогите, пожар!..»

Пострадавший автомобиль, мимо которого так лихо прокатил Берт, исправив свои шины, подъехал к месту происшествия и остановился, точно сконфуженный. Высокий седой господин, сидевший в автомобиле, с акцентом оксфордского уроженца осведомился, в чем дело, и, взглянув,

заметил:

— Можно ли вообще тут чем-нибудь помочь?

Коврик, скатерть, подушка и куртка — все это пропиталось керосином и тоже начало гореть. Подушка, которой размахивал Берт, порвалась, и воздух наполнился пухом, парившим, точно снежинки.

Берт был покрыт пылью и потом и сильно разгорячен. Ему казалось, что в самый момент победы оружие ускользнуло у него из рук. Пламя распласталось по земле, точно умирая, и при каждом новом ударе судорожно вздрагивало. Но Грабб отошел в сторону, чтобы затоптать горевшее одеяло, рвение же других ослабело. Кто-то побежал к мотоциклу, но Берт остановил его криком. Бросив горевшие остатки подушки, он быстро сбросил куртку и с громким восклицанием прыгнул в пламя. Он топтал его, пока огонь не начал подниматься по его сапогам.

Эдна смотрела на Берта, освещенного красным сиянием пламени, как на героя, и подумала: «Как хорошо быть мужчиной!»

В одного из стоявших поблизости полетела раскаленная монета. Берт вспомнил о бумагах в своих карманах и бросился назад, пробуя потушить загоревшуюся куртку, и прыгал, как

бешеный. Эдна, заметив неизвестного джентльмена в шелковой шляпе и праздничной одежде, который, казалось, с участием смотрел на происходящее, бросилась к нему и с отчаянием воскликнула:

— О, помогите же этому молодому человеку! Как вы можете стоять и смотреть просто так?

Тотчас же раздался крик:

— Брезент!

Другой джентльмен с серьезным лицом, в светло-сером велосипедном костюме, вдруг очутился у автомобиля и спросил его владельца:

— У вас есть брезент?

— Да, — отвечал тот любезно. — Да, мы взяли с собой брезент.

— Ну так давайте скорее! — крикнул джентльмен с серьезным лицом.

Джентльмен, сидевший в автомобиле, двигаясь, точно загипнотизированный, со странными молитвенными жестами вытащил наконец превосходный брезент.

— Здесь! — крикнул серьезный джентльмен, обращаясь к Граббу. — Держите крепче!

Все поняли, что будет испробован новый метод тушения огня. Тотчас же к брезенту протянулось множество рук. Остальные приветствовали на-

ходчивого незнакомца громкими возгласами одобрения. Брезент был протянут над горящим мотоциклом как балдахин и затем опущен, чтобы закрыть мотоцикл со всех сторон.

— Мы должны были сделать это раньше, — проговорил со вздохом Грабб.

Это был момент торжества. Пламя исчезло. Каждый непременно старался прикоснуться к краю брезента, а Берт держал его обеими руками и, кроме того, придерживал ногой. Но брезент, вздувшийся в центре, имел такой вид, как будто хотел сдержать восторги толпы. Наконец он лопнул в центре и точно расплылся в широкой улыбке. В самом деле, он словно открыл широкий рот и, улыбаясь, извергал пламя, отражавшееся в огромных наглазниках джентльмена, сидевшего в автомобиле.

— Спасайте коляску! — крикнул кто-то.

Это был последний акт борьбы. Но спасти коляску было уже невозможно. Прутья, из которых она была сплетена, разгорелись… Все молча смотрели. Керосин продолжал медленно догорать, но ивовая коляска горела с треском, и искры разлетались во все стороны. Толпа разделилась на группы критиков, советчиков и нейтральных людей, не принимавших никакого участия в

происшествии. В центральной группе находились главные действующие лица, возбужденные и огорченные случившимся. Юноша, видимо, хорошо знакомый с мотоциклами, приставал к Граббу, желая ему во что бы то ни стало доказать, что несчастья могло бы и не случиться. Грабб рассеянно слушал его, и молодой человек наконец исчез в толпе. Но, заметив благосклонно смотревшего старого джентльмена в шелковой шляпе, юноша обратился к нему и стал говорить, что люди, ничего не понимающие в подобных машинах, всегда сами виноваты, если случаются такие вещи.

Старый джентльмен предоставил ему возможность говорить какое-то время, а затем вдруг радостно воскликнул:

— Я ведь совсем глухой… Пренеприятная вещь, знаете ли…

Какой-то румяный человек в соломенной шляпе обратил на себя внимание толпы.

— Я спас переднее колесо, — сказал он. — Эта шина была бы тоже охвачена огнем, если бы я вовремя не снял ее.

Действительно, переднее колесо, сохранившее свою шину, уцелело и медленно вертелось среди почерневших и скрюченных остатков машины.

— Это колесо стоит теперь, по крайней мере, фунт стерлингов! — воскликнул румяный джентльмен, поворачивая его.

Вновь прибывшие присоединились к толпе, спрашивая, что случилось, и эти вопросы только раздражали Грабба. Лондонские полисмены разгоняли толпу. Постепенно она рассеялась. Большинство покатило дальше на своих велосипедах, автомобилях и других средствах передвижения с видом людей, довольных тем, что им удалось увидеть интересное зрелище. Голоса их удалялись в полумраке, доносились взрывы смеха при воспоминании о каком-нибудь особенно забавном моменте этого достопамятного вечера.

— Боюсь, что мой брезент испорчен, — сказал джентльмен, сидевший в автомобиле.

Грабб согласился с этим, так как владелец брезента был в данном случае, конечно, наилучшим судьей.

— Больше я ничем не могу помочь вам? — спросил джентльмен, как показалось Граббу, несколько иронически.

Берт вмешался и, обратившись к джентльмену, сказал:

— Вы видите эту молодую даму? Если она к

десяти часам не будет на месте, то ее не впустят в дом. Понимаете? Все деньги, которые лежали у меня в кармане куртки, пропитаны сажей и так горячи, что я не могу к ним притронуться. Мастерская Кленгема будет вам по дороге?

— Не совсем, — заметил оксфордский джентльмен, владелец автомобиля, однако, повернувшись к Эдне, добавил: — Я буду очень рад, если вы поедете с нами. Мы все равно уже опоздали к обеду и, следовательно, можем отправиться домой по другой дороге, мимо Кленгема. Как бы то ни было, но мы должны попасть в Сербитон. Боюсь только, вам покажется, что мы немного медленно двигаемся.

— Но что же будет делать Берт? — спросила Эдна.

— Я не знаю, чем мы можем помочь Берту, хотя были бы рады услужить и ему, — заметил джентльмен.

— Но вы ведь не сможете захватить с собой все это! — воскликнул Берт, указывая рукой на жалкие остатки обгоревшего мотоцикла.

— Боюсь, что не смогу… очень огорчен… вы понимаете? — проговорил, извиняясь, оксфордский джентльмен.

— Мне придется здесь остаться. Надо хорошень-

ко осмотреть все. Поезжайте, Эдна.

— Мне не хочется оставлять вас, Берт.

— Что же делать, Эдна?..

В последний раз Эдна увидела фигуру Берта: он стоял на дороге в обгорелой и почерневшей от дыма рубашке и старался извлечь из пепла уцелевшие железные части мотоцикла. Любопытные уже разошлись, оставалось не более двенадцати человек. Флосси и Грабб тоже собирались удрать…

— Не унывайте, Берт! — крикнула Эдна, стараясь придать бодрость своему голосу. — Скоро увидимся!

— Когда, Эдна? — спросил Берт.

— Завтра…

— Итак, до завтра! — отвечал Берт, не подозревая, что ему суждено объездить большую часть земного шара, прежде чем он снова увидится с ней.

Берт начал зажигать спички, взятые им у одного из присутствующих, и старательно разыскивал среди пепла и обломков оброненную монету — полкроны. Его лицо было серьезным и выражало огорчение.

— Как я огорчена, что это случилось! — воскликнула Флосси, проезжая мимо вместе с Граббом…

Берт остался один. Он стоял, печальный и растерянный, раздумывая о том, не нанять ли ему повозку и нельзя ли будет каким-нибудь чудесным путем хотя бы частично восстановить стоимость его единственного имущества. Но темнота все сгущалась, и он понял, что все его намерения тщетны. В первый раз истина явилась ему во всей своей наготе, и его обдало холодом. Он все-таки взялся за ручку и попробовал поставить мотоцикл; заднее колесо, лишенное шины, сильно погнулось, как он и думал. Несколько минут он в отчаянии простоял неподвижно. Потом с большим усилием столкнул обгорелый мотоцикл в канаву, несколько минут смотрел на него, затем повернулся и решительно зашагал по дороге к Лондону.

Он даже ни разу не обернулся.

«Конец мотоциклу! — грустно сказал себе Берт. — Не ездить больше Берту Смоллуэйсу по крайней мере еще год или два. Прощайте, светлые дни! О, я должен был продать эту проклятую машину три года назад, когда представлялся случай!»

3

Глубокое уныние овладело обоими компаньонами фирмы «Грабб и Смоллуэйс», так что на следующее утро они даже не обратили никакого внимания на огромные плакаты, появившиеся в табачной лавочке напротив них. Там было напечатано следующее:

«Американский ультиматум

Великобритания должна воевать

Наше упрямое военное министерство все еще отказывается выслушать мистера Беттериджа

Страшная катастрофа на однорельсовой дороге в Тимбукту»

Другие плакаты гласили:

«Война – вопрос нескольких часов

Нью-Йорк спокоен

В Берлине – волнение»

Или:

«Вашингтон все еще молчит

Что будет делать Париж?

Паника на бирже

Королевская увеселительная поездка к замаскированным туарегам

Мистер Беттеридж снова делает предложение

Последнее пари в Тегеране»

Или:

«Хочет ли Америка войны?

Антигерманские беспорядки в Багдаде

Муниципальные скандалы в Дамаске

Изобретение Беттериджа приобретается Америкой»

Берт смотрел на эти объявления, красовавшиеся на дверях лавочки, и не видел их. На нем была почерневшая фланелевая рубашка и жалкие остатки его вчерашнего праздничного костюма. В лавочке было темно и уныло. Несколько плохих велосипедов, предназначенных для проката, выглядели особенно жалкими в это печальное утро. Берт смотрел на них и думал о предстоящих пререканиях, о прежнем и теперешнем домохозяевах, о счетах и о суде. Жизнь в первый раз представилась ему безнадежной борьбой против неотвратимого рока…

— Грабб, дружище! — воскликнул он. — Мне надоело возиться с этой лавчонкой!..

— И мне тоже, — отвечал Грабб.

— Она мне стала прямо противна. Я больше не в состоянии разговаривать ни с одним из покупателей.

— Вдобавок еще эта колясочка… — заметил задумчиво Грабб.

— К черту все! Во всяком случае, я не оставлял за нее залога. Следовательно… Да не все ли равно! Мы нисколько не преуспеваем здесь. Мы теряем

деньги пригоршнями. Дела наши запутаны до последней степени!

— Но что же нам делать? — спросил Грабб.

— Бросить все. Продать, что только можно, и за такую цену, какую дадут. Ликвидировать все дело. Понимаешь? Что за польза биться как рыба об лед, когда все равно дело это пропащее! Ничего хорошего мы не добьемся. Глупо было бы продолжать.

— Это так, — возразил Грабб, — но ведь не твой капитал погибает здесь…

— Зачем же и нам погибать вместе с нашим капиталом? — отвечал Берт, игнорируя замечание Грабба.

— Однако я не считаю себя ответственным за эту коляску. Ни в коем случае! Это не мое дело.

— Никто не взваливает на тебя ответственность. Если тебе больше нравится оставаться здесь, то как тебе угодно. Я ухожу. Слышишь?

— Покидаешь меня?

— Да, покидаю… если ты останешься.

Грабб оглянулся. В самом деле, какой унылый вид имела лавка! Было время, когда все казалось здесь так хорошо, когда у них были надежды на успех нового начинания, был запас товара, и они рассчитывали на кредит. Теперь все разлетелось

прахом… Очень возможно, что хозяин дома явится и затеет ссору из-за разбитого окна.

— Куда же ты хочешь, Берт? — спросил Грабб.

Берт обернулся и в упор посмотрел на него.

— Я уже думал об этом, когда шел домой, — сказал он, — и думал всю ночь… Я не мог заснуть ни на минуту!

— О чем же ты думал?

— Я составлял планы.

— Какие?

— О! Ведь ты же остаешься здесь?

— Нет, если найдется что-нибудь получше…

— У меня есть одна идея…

— Выкладывай ее скорее!..

— Ты помнишь, как смеялись вчера девушки, когда ты пел им эти куплеты?

— Кажется, будто это было так давно!

— А бедняга Эдна даже заплакала, когда я запел свою песню.

— Да, ей попала в глаз мошка. Я заметил это. Но какое это имеет отношение к твоим планам?

— Очень большое.

— Не думаешь же ты петь на улицах?

— На улицах? Нет! Но что ты скажешь о поездке по разным курортам Англии, Грабб? Если попробовать петь там? Разве молодые люди, даже из

хорошего общества, не поют ради веселья? У тебя неплохой голос, у меня — тоже. Да мы заткнем за пояс любого из певцов, которых мне приходилось слышать на пляжах!.. Вот моя идея, Грабб. Мы будем делать то, что делали вчера ради забавы. Программу придумать нетрудно. Шести хорошеньких песенок вполне достаточно для начала. Одну или две надо иметь про запас, и затем мы должны рассчитывать на свое красноречие. Я, во всяком случае, на него рассчитываю.

Грабб задумался. Он смотрел на свою потемневшую и унылую лавочку, вспомнил о домохозяевах, о тяжелой борьбе за существование в эту эпоху — типичную эпоху мещанства; показалось, что откуда-то издалека доносится звон бубна и голос, поющий на берегу. Он ощущал горячий песок, освещаемый солнцем, и ему представилось, что вокруг него дети, люди в праздничных одеждах, и он слышит шепот: «Да ведь они и вправду джентльмены!» Потом — звук медяков, падающих в шляпу… Иногда — и серебряные монеты… Это был чистый доход; никаких издержек, никаких счетов!

— Я согласен, Берт, — сказал он.

— Согласен? Прекрасно. Медлить нечего! — воскликнул Берт.

— Но нам нельзя пускаться в путь совершенно без средств, — возразил Грабб. — Если мы выберем лучшие из этих велосипедов и отвезем их на велосипедную биржу, в Финсберн, то мы выручим за них шесть или семь фунтов. Мы можем это сделать завтра, прежде чем кто-нибудь узнает о нашем намерении.

— Как приятно думать, что старый хозяин явится со своими обычными претензиями и увидит на дверях объявление: «Закрыто на ремонт»...

— Так и сделаем! Непременно так и сделаем! — воскликнул Грабб с воодушевлением. — И знаешь ли, мы вывесим еще одно объявление, направляющее к нему всех, кто будет нас разыскивать, а? Понимаешь? Пусть знают нас!..

К вечеру план нового предприятия был уже окончательно разработан. Сначала они хотели соорудить себе новые костюмы, напоминающие форму морских офицеров. Берту очень нравилась мысль покрасоваться в ярко-голубом мундире со множеством позументов, нашивок и украшений. Но этот план оказался неосуществимым: чтобы сшить такие костюмы, потребовалось бы слишком много времени и денег. Надо было придумать что-нибудь более дешевое и легкое. Грабб предложил нарядиться в белые маскарад-

ные костюмы. Они подумывали о том, чтобы выбрать два самых скверных велосипеда — из тех, которые отдавались напрокат, — выкрасить их пунцовой эмалевой краской, заменить звонки громким гудком и кататься на этих велосипедах в начале и в конце каждого представления.

Но и эту мысль пришлось оставить.

— Найдутся люди, которые, пожалуй, сразу распознают наши старые велосипеды, — заметил Берт. — Нет, уж лучше нам не делать этого. Надо окончательно порвать со старым и начать новое…

— Я так хочу этого, так хочу, — сказал Грабб.

— Нам надо забыть о том, что было, и выбросить вон всю эту рухлядь. Они не принесли нам ничего хорошего, эти дрянные велосипеды!

Тем не менее решено было все-таки рискнуть и взять с собой два велосипеда. Они придумали также и подходящий для себя костюм: коричневые чулки и сандалии, балахоны из дешевого небеленого полотна и парики и бороды из пакли. Они назовут себя «дервишами пустыни» и будут петь наиболее популярные песенки и куплеты, вроде «Мой кавалер» и «Почем шпильки?».

Порешили отправиться сначала в наиболее скромные местечки на морском берегу и лишь

постепенно, завоевав внимание публики, перейти на более крупные курорты.

Для начала они выбрали Литтлстон в Кенте, главным образом потому, что это было глухое место.

Пока они обсуждали свой план, половина всех правительств мира усиленно готовилась к войне. Берт и Грабб узнали об этом уже около полудня, когда увидели плакаты вечерней газеты на противоположной стороне улицы.

Там огромными буквами было напечатано:

«Тучи сгущаются

Возможна война!»

— Все говорят о войне, — покачал головой Берт. — Право, они накличут ее когда-нибудь, если будут так неосторожны…

4

Нет ничего удивительного в том, что внезапное появление «дервишей пустыни», нарушившее спокойное однообразие жизни в песках Даймчерча, было встречено зрителями не особенно дружелюбно. Однорельсовая дорога в Даймчерч

еще не была проложена, и поэтому тишина этого местечка еще ничем не была нарушена. Немногочисленные посетители Даймчерча особенно ценили это спокойствие и отсутствие той шумихи и всякого рода неожиданностей, которые составляют неизбежную особенность любого курорта. Здесь они могли купаться, лежать на берегу, мирно беседовать и играть с детьми на песке. Понятно, что «дервиши пустыни» им не особенно понравились.

Весь Даймчерч встрепенулся, когда вдали показались две белые фигуры, мчавшиеся на красных велосипедах по дороге из Литтлстона. Они быстро приближались, трубя в рог и издавая дикие крики, и вообще демонстрируя прямо-таки угрожающую веселость.

— Послушайте! Что это такое? — спрашивали себя обитатели Даймчерча.

Подкатив, наши молодые люди, согласно выработанному плану, объехали вокруг пляжа, сошли с велосипедов при общем внимании и сказали:

— Леди и джентльмены! Позвольте представиться вам… Мы — «дервиши пустыни»…

Немногочисленная публика, прогуливавшаяся по пляжу, с испугом смотрела на них.

— Тут мы ничего не получим, — заметил Грабб

шепотом.

Но дети, заинтересовавшись, подошли ближе. Какой-то мальчуган рассмеялся от души, когда они с комически деловым видом сложили в кучу свои велосипеды. Затем они начали петь. Грабб запевал, а Берт изображал хор. А в конце каждого куплета они исполняли тщательно отрепетированный ими танец, держась за полы своих балахонов.

Тинга-линга, тинга-линга, тинга-линга-танг,

Почем нынче шпильки?

Так они пели и танцевали на берегу в Даймчерче. Солнце ярко светило.

Дети были довольны этим неожиданным развлечением и обступили молодых людей веселой гурьбой, дивясь их странному поведению; но взрослые взирали на незваных певцов холодно и недружелюбно.

Везде, по всем берегам Европы, раздавалось в это время веселое пение разных странствующих певцов. Дети весело играли в песке, согретом солнечными лучами. Сновали яхты и лодки, заполненные веселыми, беззаботными людьми, и, казалось, никто не замечал грозных туч, покры-

вающих горизонт, и надвигавшейся опасности. В городах люди спокойно занимались своими делами и развлекались. С газетами случилось то же, что с пастухом в басне: они раньше слишком часто кричали: «Волк, волк!», и теперь, когда пришел настоящий волк, им никто уже не верил…

5

Когда Берт и Грабб в третий раз повторяли свои куплеты, они вдруг заметили в северо-западном углу горизонта низко летевший огромный золотисто-коричневый шар, который быстро приближался к ним.

— Какая досада! — сказал Берт. — Как раз когда нам удалось наконец привлечь их внимание, явилось это новое развлечение. Но, как бы то ни было, продолжай, Грабб!

Тинга-линга, тинга-линга, тинга-линга-танг,

Почем нынче шпильки?..

Шар поднимался и опускался и наконец скрылся из виду.

— Спустился, слава Богу! — воскликнул Грабб, подпрыгивая. — Скорее, Берт! Будем танцевать, а то они заметят его…

Они окончили свой танец и только тогда посмотрели в сторону шара.

— С ним что-то случилось, — сказал Берт.

Все стали смотреть теперь на шар, подгоняемый свежим северо-западным ветром. Конечно, никто уже не интересовался ни танцами, ни пением. Даже Берт и Грабб сами забыли о своей дальнейшей программе. Шар подпрыгивал, как будто собирался спуститься. Он приближался, медленно опускаясь, почти касался земли, затем подскакивал вверх метров на пятнадцать и снова опускался. Корзина шара коснулась группы деревьев, и темная фигурка, барахтавшаяся в веревках, упала или спрыгнула назад в корзину. Наконец шар опустился еще ниже и медленно полетел над песчаным берегом. Шар был огромный, величиной с дом, а за ним волочился по земле длинный канат. Из корзины раздавались отчаянные вопли.

Какой-то человек как будто старался сбросить с себя одежду и затем, нагнувшись над краем корзины, крикнул:

— Хватайте скорее канат!

— Спасай, Берт! — закричал Грабб, стараясь поймать конец веревки.

Берт тоже кинулся и столкнулся при этом с

рыбаком, который нагнулся к канату. Женщина с ребенком на руках, двое мальчиков с игрушечными шпагами и какой-то толстый господин во фланелевом костюме — все сразу бросились ловить канат. Они делали уморительные прыжки, стараясь поймать его. Но Берту удалось наступить ногой на извивавшуюся змеей и скользившую по земле веревку, и, чтобы не упустить ее, он встал на четвереньки и обеими руками ухватился за нее. Через несколько мгновений уже все отдыхающие на пляже сбежались к этому месту, и множество рук уцепилось за канат.

— Тяните сильнее! — кричал им человек из корзины.

Но шар продолжал еще несколько минут нестись вперед и тащил за собой людей, державшихся за канат, прямо к морю. Опустившись, он коснулся воды. Легкий серебристый плеск — и шар отпрянул, точно палец при внезапном ожоге. Из корзины снова раздался крик:

— Вытащите ее! Она в обмороке!

Человек, находившийся в корзине шара, возился около невидимого предмета, в то время как люди внизу изо всех сил тянули за веревку. Берт, бывший впереди других, прикладывал все усилия, чтобы не упустить канат; впопыхах он

все время путался в длинном балахоне своего костюма дервиша. Он и представить себе не мог, что шар может быть таким огромным и ярким; корзина, сплетенная из коричневых прутьев, казалась ему сравнительно маленькой. Канат, за который цеплялся Берт, был прикреплен к крепкому кольцу над корзиной. Чем сильнее Берт тянул канат, тем ближе приближалась к нему корзина. Оттуда чей-то взволнованный голос продолжал кричать:

— Она без чувств! Ее сердце не выдержало всего, что ей пришлось вынести!

Наконец шар уступил и опустился вниз. Берт бросил канат и забежал вперед, чтобы схватить его поближе к шару. Через мгновение он уже держался рукой за край корзины.

— Держите крепче! — сказал человек в корзине, лицо которого показалось Берту подозрительно знакомым.

У этого человека были блестящие глаза, большие черные усы и плоский нос. Он снял куртку и жилет, предполагая, вероятно, что ему придется ради спасения жизни плыть; черные волосы были растрепаны.

— Пусть все возьмутся за корзину и держат ее. Там находится дама без чувств. Может быть, у

нее даже разрыв сердца! Кто знает?! Мое имя — Беттеридж… Беттеридж… на воздушном шаре! Теперь, пожалуйста, вы все держитесь за край корзины. Последний раз в своей жизни я делаю такую глупость! Как можно было довериться этой палеолитической выдумке? Веревка от клапана оборвалась, и я не мог его открыть. Если я когда-нибудь встречу негодяя, который…

Он вдруг просунул голову между веревками и умоляющим голосом проговорил:

— Достаньте коньяка! Хоть немного хорошего коньяка!..

Кто-то из собравшихся тотчас же побежал за виски.

В корзине, на скамье, лежала, будто в хорошо заученной позе, полная белокурая дама в меховом пальто и огромной шляпе с цветами. Голова ее была откинута назад, в угол корзины, глаза зажмурены, рот открыт…

— Моя дорогая! — сказал Беттеридж своим обычным голосом. — Мы спасены!

Но она не пошевелилась.

— Моя дорогая! — громко крикнул еще раз Беттеридж. — Мы спасены!

Она не шевелилась…

Тут Беттеридж не смог сдержать себя и дал

волю своему необузданному темпераменту.

— Если она умерла, — воскликнул он, поднимая кулаки и грозя огромному трепетавшему над корзиной шару, — если она умерла, то я разорву небесный свод, как полотно! Я должен снять ее отсюда! — кричал он, и ноздри его раздувались от волнения. — Не могу же я допустить, чтобы она умирала здесь, в этой плетеной корзине величиной в квадратный метр, — она, которая создана только для королевских дворцов! Держите крепче корзину! Найдется среди вас достаточно сильный человек, который мог бы удержать ее на руках?

Он нагнулся к даме, лежавшей без чувств, и сильным движением рук поднял ее над корзиной.

— Держите крепче корзину! — крикнул он тем, кто уцепился за край корзины. — Держите крепче! Навалитесь вовсю. Эта дама не из легких, и как только мы ее вытащим, облегченный шар может дернуться вверх…

Берт легко вскочил на край корзины и уселся верхом. Остальные крепче ухватились за канат и за кольцо.

— Готово? — спросил Беттеридж, стоя на скамейке и держа на вытянутых руках женщину.

Потом он присел на противоположный от Берта край корзины и перебросил ногу, старательно соблюдая равновесие. Одна из снастей шара, видимо, мешала ему.

— Не поможет ли мне кто-нибудь? — спросил он. — Не возьмет ли кто-нибудь даму?

Но как раз в тот момент, когда Беттеридж балансировал на краю корзины, держа на руках даму, которая была в бессознательном состоянии, она вдруг пришла в себя и с громким душераздирающим криком: «Альфред, спаси меня!» — обняла Беттериджа.

Берту показалось, что корзина на мгновение

наклонилась и подпрыгнула в воздухе. Берта сильно толкнуло, он увидел ботинки дамы и правую ногу джентльмена, описавшие странную дугу в воздухе и исчезнувшие за краем корзины. Затем он смутно почувствовал, что и сам теряет равновесие и падает вниз головой в корзину. Инстинктивно он протянул руки вперед и стал вверх ногами. Привязанная борода свалилась с него, пакля попала в рот, а потом он зарылся в мешок с песком. Корзина сильно качнулась и затем как будто остановилась.

— Черт возьми! — произнес Берт.

Он испытывал странное ощущение — как будто он внезапно оглох. В ушах шумело, а голоса людей становились все глуше и глуше…

Берт с трудом приподнялся. Его ноги запутались в одежде Беттериджа, которую тот снял, когда думал, что шар опустится в воду.

Берт сердито крикнул:

— Вы должны были предупредить, что отпустите корзину!

Конвульсивно обхватив руками веревки, он встал и начал осматриваться. Под ним, далеко внизу, сверкали воды Ла-Манша. Он видел изогнутый, точно выдолбленный, пляж морского берега и неправильную кучку домиков — это

был Даймчерч. На берегу он увидел небольшую толпу, с которой так внезапно расстался; видел, как Грабб в белом балахоне «дервиша пустыни» бежит вдоль берега; видел Беттериджа, стоящего по колено в воде и что-то кричащего. Его дама, в огромной шляпе с цветами, сидела на песке, всеми забытая. Весь пляж был покрыт крошечными людьми, казалось, они состояли только из одних голов и ног, — все смотрели вверх. Шар, потерявший в лице Беттериджа и его дамы довольно тяжелый груз, мчался в небесах со скоростью автомобиля.

— Черт побери! — воскликнул Берт. — Вот так шпарит!

Он смущенно глядел вниз на быстро удалявшийся берег и с удовольствием убедился, что не чувствует ни малейшего головокружения. Затем он осмотрел веревки и канаты: нельзя же сидеть так, сложа руки, надо что-нибудь делать!

— Ну, я не стану возиться с этим, — сказал он наконец и уселся на матрац, лежавший на скамейке. — Ну его совсем, а то, пожалуй, будет еще хуже… Не могу себе представить, что вообще можно делать в таком положении!..

Скоро, впрочем, он опять вскочил и долго смотрел вниз на удалявшуюся землю. Он видел

белые скалы на востоке и плоские болота с левой стороны. На мгновение показались леса и долины; потом он увидел, точно в тумане, города, набережные, реки и извивающиеся ленты дорог; затем — суда, доки, высокие дымящиеся трубы, море вдали и наконец огромный мост однорельсовой дороги, пересекающий канал и соединяющий Фолькстон с Булонью. Но вот появились первые небольшие клочья облаков, и вскоре плотная заоблачная завеса совсем скрыла землю от глаз Берта.

Впрочем, Берт не чувствовал ни страха, ни головокружения; он был просто смущен происшедшим.

Глава III. Шар

1

Берт Смоллуэйс был самым обыкновенным человеком в мире — наглым, несколько ограниченным; таких, как он, продуктов старой культуры начала двадцатого века, были миллионы. Он прожил всю свою жизнь на узких улицах, среди плохих домов, и мысли его вращались постоянно в узком кругу идей, из которых

для него не было выхода. Он думал, что главная задача человека заключается в том, чтобы быть наряднее других и уметь пользоваться случаем. В сущности, такого сорта люди сделали Америку и Англию тем, чем они обе были в то время. До сих пор Берта преследовали неудачи, но не это главное. Берт был человек с резко выраженными наклонностями к захвату, нападению, без всякого понятия о государстве, о лояльности, чести и даже без особого мужества. Но по странной случайности он вдруг отделился от собственного мира и понесся, словно неодушевленная вещь, между небом и водой, куда уже не достигали никакие звуки и призывы земли; небесам как будто захотелось произвести над ним опыт, захотелось поближе рассмотреть этот образчик Британии и узнать, во что же теперь обратилось сердце человека. Все же я не берусь решить вопрос, зачем именно он понадобился небесам в данном случае, так как я давно уже оставил всякую надежду понять идеалы и вкусы небес…

Однако что же может сравниться с тем положением, в котором находился Берт, поднявшийся на высоту четырех-пяти километров? Это высшее, что только может быть доступно человеку! Никакая летательная машина не может подняться

на такую высоту. Ведь это значит — быть оторванным от всего земного. Это значит — быть в полном одиночестве и безмолвии. Это значит — не слышать ни малейшего шелеста, который мог бы нарушить эту страшную тишину. Это значит — видеть небо!..

Никакие звуки, никакой шум человеческой жизни не достигают такой высоты. Воздух там необыкновенно чист и прозрачен; ни одна птица, ни одно насекомое не может залететь туда. Нет даже и легчайшего дуновения ветра: шар двигается вместе с ветром, составляя как бы часть атмосферы. Поднявшись так высоко, шар остается совершенно спокойным, и нельзя чувствовать, поднимается ли он или опускается. Берту было очень холодно, но у него не было признаков горной болезни. Он надел поверх своего дервишского одеяния куртку, сброшенную Беттериджем, его пальто и перчатки, и долго сидел неподвижно, подавленный безмолвием. Над головой Берта был светлый, прозрачный, раздувшийся шар из блестящей, коричневой, пропитанной маслом шелковой материи. Над головой Берта ослепительно сиял яркий солнечный свет и громадный, глубокий небосвод. Далеко внизу виднелась освещенная солнцем, разорванная в разных местах

завеса облаков, сквозь щели которой мелькало море.

Если бы вы могли наблюдать за Бертом снизу, то увидели бы прежде всего его голову в виде маленького черного клубочка, свесившегося с одной стороны корзины, затем заметили бы, как этот клубок исчезает с одной стороны и появляется снова с другой.

Берт не ощущал ни беспокойства, ни страха. Он даже не думал о том, что так внезапно поднявшийся шар может столь же внезапно опуститься вместе с ним. Он испытывал лишь сильнейшее изумление — и больше ничего. Вообще, ощущение страха и беспокойства появляется у воздухоплавателей только тогда, когда шар начинает приближаться к земле. Когда же он парит высоко в небесах, этого ощущения не бывает.

Однако, просидев неподвижно некоторое время, Берт почувствовал потребность говорить.

— Ого! — сказал он. — Это лучше всякого автомобиля… Превосходно! Я думаю, обо мне уже телеграфировали повсюду…

Он принялся внимательно осматривать свое временное жилище; прямо над собой он видел туго перетянутое, связанное горло шара.

Берт заглянул через горло внутрь: там было

огромное, пустое пространство. Оттуда спускались две тонкие веревки — одна белая, другая красная; веревки эти шли к особым клапанам внизу кольца. Сетка вокруг шара оканчивалась веревками, привязанными к кольцу, а корзинка прикреплялась к толстому стальному крюку. С бортов корзины свешивались канат, якорь, холщовые мешки. Берт решил, что это балласт, который надо сбрасывать вниз, когда шар начинает слишком быстро опускаться.

«Ну, пока, кажется, не предвидится такой опасности», — подумал Берт.

К кольцу был привешен барометр и какой-то инструмент в виде ящика. На дощечке из слоновой кости было написано: «Statoscope» и еще какие-то другие французские слова. Маленькая стрелка индикатора колебалась из стороны в сторону между словами «Подъем» и «Спуск».

— Хорошо, — произнес Берт, — по крайней мере, я буду знать, поднимается ли шар или опускается…

На красивых подушках сиденья в корзине лежали мешки и фотографический аппарат, а в углу валялась пустая бутылка из-под шампанского и стакан. Берт с меланхолическим видом посматривал на пустую бутылку, но вдруг ему пришла

в голову блестящая мысль исследовать обе скамейки, обитые материей и покрытые матрацами и одеялами. Там оказались ящики, и в них Берт нашел всевозможные запасы. Очевидно, мистер Беттеридж был очень предусмотрительным человеком. В корзине с провизией Берт обнаружил паштет из дичи, пирог, холодную курицу, томаты, салат, сандвичи с ветчиной и креветками и большой кекс. Тут же были уложены ножи и вилки, бумажные тарелки, жестянки с кофе и какао, хлеб, масло, варенье, несколько хорошо упакованных бутылок шампанского, несколько бутылок с минеральной водой, большой кувшин с водой для умывания, портфель, карты, компас и сумка с туалетными принадлежностями; в сумке были даже щипцы для завивки волос, а также шпильки и шапка с наушниками.

— Недурно, — заметил Берт, рассматривая все эти вещи, и, надев на голову шапку, он завязал тесемки от наушников под подбородком. Берт перегнулся через край корзины. Далеко внизу расстилались освещенные солнцем облака. Они так сгустились, что совершенно закрыли землю. К югу они образовали огромные снежные массы, видом напоминавшие горы. На севере и на востоке облака имели волнообразные очертания и

ослепительно сверкали на солнце.

— Хотел бы я знать, как долго может продержаться шар наверху?

Берт думал, что шар висит неподвижно, так как совсем не замечал его движения.

— Нет, лучше не спускаться, пока мы не переменим места, — заметил он.

Затем, взглянув на статоскоп, он сказал:

— Все еще поднимается… А что, если дернуть за веревку? Нет, лучше не трогать, а то может еще выйти что-нибудь неладное.

Однако он все-таки дернул за обе веревки; одна открывала клапан, другая разрывала оболочку шара. Но, как это уже заметил Беттеридж раньше, обе веревки не действовали, а потому ничего и не случилось. Иначе шар был бы разодран, как от хорошего удара шашкой, и мистер Смоллуэйс помчался бы в вечность со скоростью несколько километров в секунду.

— Не работает! — произнес он, дергая изо всех сил за веревку. Наконец ему надоело. Он бросил веревку и решил позавтракать.

Берт откупорил бутылку шампанского. Как только он перерезал проволоку, пробка вылетела с такой силой, что большая часть содержимого бутылки вылилась в пространство.

— Атмосферное давление, — сказал Берт, вспомнив уроки элементарной физики в школе. — Буду поосторожнее в следующий раз. С какой стати расточать попусту драгоценный напиток!

Желая воспользоваться сигарами, оставленными Беттериджем, Берт начал шарить по карманам в надежде сыскать хоть одну спичку. И на этот раз судьба благоприятствовала ему: он не нашел спичек. Зажги он спичку, газ в воздушном шаре вспыхнул бы, и Берт превратился бы в яркий, но мгновенный фейерверк.

«Эдакий дубина Грабб! — подумал Берт, тщетно обшаривая карманы. — Наверное, он утащил мою коробку. Он всегда таскает спички...»

Отдохнув немного после завтрака, Берт принялся приводить в порядок корзину, поправил балластные мешки на дне и снова заглянул вниз, на облака, потом достал ящик с географическими картами и начал их рассматривать. Он любил карты. Он тщательно разглядывал их, надеясь найти карту Франции или пролива Ла-Манш. Но не нашел ни той ни другой. Все это были карты английских графств, выпущенные британским военным ведомством. Затем Берт начал вспоминать знакомые ему французские фразы: «Je suis anglais. C'est une meprise. Je suis arrive par accident

ici». («Я — англичанин. Это ошибка. Я попал сюда случайно».) Эти фразы он считал наиболее пригодными. Наконец он решил заняться чтением писем и исследованием записной книжки Беттериджа.

Так он провел целый день.

2

Берт сидел на ящике, плотно закутавшись; воздух, необыкновенно чистый и прозрачный, был все-таки чересчур свеж. Берт был одет в довольно скромную пару из синей саржи — обыкновенный костюм молодых франтов из лондонского предместья. На ногах у него были велосипедные туфли вроде сандалий и коричневые чулки, натянутые на штаны. Поверх этого на Берте был еще белый балахон дервиша. Кроме того, он надел куртку и жилет Беттериджа и его подбитое мехом пальто, а сверху накинул еще дамскую меховую шубу. Колени он завернул одеялом. На голове у него остался парик из пакли, но он надел еще большую шапку Беттериджа с наушниками. Ноги его согревались большими меховыми сапогами Беттериджа. Корзина воздушного шара была мала, но уютна, и Берт нашел в ней легкий складной столик, который он поставил себе под локоть,

чтобы удобнее было сидеть. Возле себя на столике он поставил бокал шампанского и погрузился в чтение бумаг Беттериджа.

Над Бертом, и вокруг него, и под ним расстилалось необозримое пространство — такая прозрачная пустота и такая тишина, какие знакомы только пилотам.

Берт не знал, куда уносит его воздушный шар и чем это может кончиться. Он относился к своему положению с удивительным спокойствием, которое, конечно, должно было делать честь его мужеству. Он был убежден, что где-нибудь он все же спустится на землю, и если не разобьется вдребезги, то кто-нибудь или, может быть, какая-нибудь «компания» заберет его вместе с шаром и доставит в Англию. Если же никого не найдется, он обратится к британскому консулу. Он даже придумал французскую фразу для этой цели: «Apportezmoi a la consule britanique, s'il vous plait» (то есть что-то вроде: «Принесите меня, пожалуйста, к британскому консулу»). Ведь он же учился говорить по-французски!

Исследование корреспонденции мистера Беттериджа явилось для него развлечением. Тут были страстные любовные письма самого интимного характера, адресованные Беттериджу

и написанные женской рукой; конечно, такие письма Берту не следовало бы читать, — это была большая нескромность с его стороны. Но он прочел их и даже с восторгом воскликнул:

— Ах, черт возьми! — Он задумался. — Неужели это от нее? — проговорил он наконец.

И он снова принялся изучать тайны Беттериджа. Теперь это были уже деловые письма, множество вырезок из газет, помещавших интервью с Беттериджем, и несколько немецких писем. Но затем Берту попались английские письма, написанные тем же почерком.

— Ага! — произнес Берт.

Одно из этих писем начиналось извинением автора, что он раньше не писал Беттериджу по-английски и что это внесло неудобства и замедление в переписку. Далее в письме говорилось о том предмете, который сильнейшим образом заинтересовал Берта.

«Мы вполне понимаем трудности вашего положения, — писал неизвестный автор, — и то, что за вами зорко следят. Но, сэр, мы все-таки не думаем, что какие-нибудь серьезные препятствия могли бы помешать вам, — если вы захотите покинуть страну, — приехать к нам со всеми вашими планами, обычной дорогой, через Дувр, Остенде,

Булонь или Дьепп. Нам трудно поверить, чтобы вам действительно могла угрожать опасность быть убитым из-за вашего чрезвычайно важного изобретения».

— Смешно! — заметил Берт и несколько призадумался. Потом опять принялся за письма.

— По-видимому, они хотят, чтобы он приехал к ним, — сказал Берт. — Но сами они как будто не желают сделать ни одного шага, чтобы привлечь его. Или, может быть, они только притворяются, чтобы он сбавил цену… Однако вряд ли эти переговоры с ним ведет какое-нибудь правительство… Скорее, просто какая-нибудь торговая фирма, — прибавил Берт после некоторого размышления.

На грифе каждого письма было напечатано по-немецки: «Летающие драконы. Воздушные драконы. Воздушные шары…»

— Это для меня все равно что греческий язык.

— Однако! — воскликнул Берт спустя еще несколько минут. — Он хочет продать свое великое изобретение за границу! Это так. Это уже не по-гречески! Черт возьми! А, вот где его тайна!

Берт вскрыл портфель и увидел множество чертежей, раскрашенных в условные цвета, — в том стиле, какой принят среди инженеров. К это-

му были приложены фотографические снимки летательной машины Беттериджа, сделанные, видимо, фотографом-любителем, близким Беттериджу, которого он допустил в свой сарай, где хранилась машина.

Берт задрожал от волнения:

— Боже мой! — воскликнул он. — Я и вместе со мной эта великая тайна, мы летим, затерянные в беспредельном пространстве…

Успокоившись немного, он снова принялся за чертежи, сравнивая их с фотографическими снимками. Тут он убедился, что половины чертежей не хватает.

Он постарался восстановить в своем воображении недостающие части, но это ему не удавалось.

— Это трудно, — вымолвил он наконец. — Как жаль, что я не обучался инженерному искусству. Если б я мог дополнить эти чертежи!

Он перегнулся через край корзины и долго задумчиво смотрел на огромную кучу облаков, напоминавших вершину Монте-Роза, медленно таявшую под солнечными лучами. Внимание его привлекла маленькая черная точка, которая двигалась над этими облаками. Это его встревожило. Маленькая точка, медленно двигаясь далеко

внизу, над самыми облаками, неизменно ползла за его шаром. Что бы это могло быть? Зачем эта черная точка следует за ним?

Но вдруг его осенила мысль. Да ведь это тень от его шара! И все же он не без сомнения поглядывал на эту точку…

Почти весь день он провел в рассматривании планов и в размышлениях над ними. Он даже составил новую замечательную фразу по-французски, которая звучала приблизительно так: «М-сье. Я — английский изобретатель. Мое имя — Беттеридж. Бе-е-те-те-е-эр-и-де-же. Я прибыл здесь продавать секрет летательной машины. Компренэ? Продавать тотчас за деньги, деньги чистоганом на руки. Компренэ? Эта машина летает по воздуху. Компренэ? Машина делает птицу. Компренэ? Балянсэ? Вот-вот! Настоящая птица, машина сама летает. Я желаю продать ее вашему правительству. Хотите ли вы направить меня туда?»

— Немножко нескладно с точки зрения грамматики, — сказал Берт, — но, я думаю, сойдет. Они, наверное, ухватятся за это обеими руками… Однако что же я буду делать, если они потребуют от меня подробных объяснений?

С огорченным видом он снова принялся рас-

сматривать чертежи.

— Наверное, тут не все, — с грустью решил он.

Он продолжал раздумывать о том, как ему поступить со своей удивительной находкой.

Ведь ежеминутно он может спуститься на землю и очутиться среди неизвестных ему людей!..

— Я должен воспользоваться этой удачей, — убеждал он себя. Однако он скоро убедился, что это не так-то легко. — Они будут телеграфировать тотчас же, как только я спущусь. Газеты напечатают об этом... Беттеридж узнает и выследит меня...

...О, Беттеридж должен быть страшен в гневе!.. Берт вспомнил его огромные черные усы, его треугольный нос, его пронзительный голос, свирепый взгляд. Не очень-то приятно попасться ему на дороге.

Мечты Берта о присвоении и продаже открытия мало-помалу рассеялись как дым: здравый смысл подсказал Берту, что это невозможно.

— Если так, то что пользы об этом думать? — решил он медленно, нехотя снова вложил бумаги и чертежи в портфель и спрятал их на прежнее место.

Яркие золотые лучи заливали все пространство, и Берт даже ощутил особенную теплоту в

голубом своде небес. Он встал и начал смотреть на солнце: ослепительно блестящий золотой шар поднимался над волнующимся морем пурпурных облаков, окаймленных золотистыми полосами. Это было странное и удивительное зрелище, не поддающееся описанию. К востоку Берт видел беспредельное море облаков, темнеющую лазурь небес, и ему казалось, что перед его глазами находится полушарие какого-то мира. Вдали, в синеве, Берт приметил три длинные тени, напоминавшие рыб, скользивших в воде. Действительно, эти тени походили на рыб: у них было даже что-то вроде хвоста. Это странное явление удивило Берта. Он смотрел изо всех сил, до боли в глазах, но странные тени уже исчезли. Долго еще Берт внимательно оглядывал беспредельное пространство, но больше ничего не было видно.

— Никогда я не видел ничего подобного, — сказал он. — Что бы это могло быть?

Солнце медленно спускалось и исчезло. Вместе с ним исчез дневной свет и теплота. Стрелка статоскопа, дрожа, остановилась на «спуске».

3

Холодная, облачная, серая пустыня надвигалась медленно, неотвратимо. Облака перестали

походить на снежные вершины гор: они стали теперь как бы нематериальными, но все же чувствовалось их быстрое, безмолвное движение, чувствовались пробегавшие по ним вихри…

«Ну, что-то теперь будет», — подумал Берт.

Шар спускался, но когда он уже совершенно приблизился к бесформенной серой массе облаков, его движение как будто на мгновение приостановилось, затем вдруг небо скрылось за облаками, последние признаки дневного света исчезли, и шар быстро полетел вниз, в темноте, в снежной пурге… Ветер гнал снежные хлопья, они неслись мимо, падали на шар и на все вещи, находившиеся в корзине, призрачными холодными пальцами прикасались к лицу Берта. Берт дрожал от холода. Изо рта у него при дыхании шел пар, и все кругом моментально отсырело. Ему казалось, что снежная метель усиливается, и он скоро убедился, что падение шара ускоряется.

Чуть слышный звук достиг его ушей. Великое безмолвие окончилось.

Что же это за звук?

Берт перегнулся через край корзины, тревожно прислушиваясь. Сначала ему показалось, что он видит… но потом подумал, что это ему только почудилось. Однако вскоре он ясно увидел внизу

гребни пенистых волн, перегонявших друг друга, и обширное водное пространство. Вдали показалось лоцманское судно с огромным парусом, на котором виднелись какие-то черные буквы; на верхушке мачты виднелась маленькая желтоватая светящаяся точка. Судно качалось и ныряло в волнах, между тем Берт не ощущал никакого ветра. Гул моря становился все слышнее, все ближе. Берт с испугом подумал: «Я падаю в море!»

Он поспешно схватил мешок с балластом и выбросил его за борт корзины. Не дожидаясь результатов, он сбросил другой мешок. Взглянув вниз, Берт еще раз на секунду увидел белые брызги на темной поверхности воды и затем снова очутился среди снега и облаков. Без всякой нужды, один за другим, он выбросил еще два мешка, и шар поднялся еще выше, туда, где воздух был чист, прозрачен и холоден и где еще продолжался день. Берт вздохнул с облегчением.

На небе кое-где засверкали звезды, а на востоке показалась яркая большая луна…

4

После этого приключения Берт ни на минуту не мог забыть, что под ним находится огромное, неизмеримое водное пространство. Была лет-

няя ночь, но она казалась Берту необыкновенно длинной. Он испытывал странное чувство беспокойства, и почему-то ему казалось, что, как только взойдет солнце, все опасности минуют. Берту захотелось есть. Он нащупал в темноте ящик, достал кусок паштета и несколько сандвичей и даже с некоторым успехом откупорил полбутылки шампанского. Это согрело и подкрепило его. Посетовав на Грабба за то, что он взял его спички, Берт закутался потеплее, прислонился к ящику и задремал. Однако он часто просыпался и несколько раз вставал, чтобы удостовериться, что шар находится достаточно высоко над морем. Сначала облака, освещенные луной, казались белыми и плотными. Тень, падавшая от шара, быстро двигалась по этим облакам и бежала, как собака за хозяином. Потом облака поредели. Лежа в корзине и смотря вверх на огромный темный шар, Берт вдруг сделал открытие. Он случайно услышал шелест бумаги под подкладкой своего, или, вернее, чужого жилета: ведь на Берте был жилет Беттериджа. Но ни вытащить, ни исследовать этих бумаг Берту не удалось, как он ни бился.

Проснулся Берт от крика петухов, лая собак и пения птиц… Шар медленно и довольно низко

летел над обширной равниной, залитой лучами восходящего солнца. Берт видел хорошо возделанные поля, пересеченные дорогами, по краям которых тянулись телеграфные линии. Затем шар пролетел над большой деревней: проплыла высокая колокольня, домики, выкрашенные белой краской, красные черепичные крыши. Несколько крестьян, мужчин и женщин, в светлых блузках и неуклюжих башмаках, побросали свою работу и с любопытством смотрели на летящий шар, который опустился так низко, что его якорный канат касался земли.

Берт смотрел на этих людей и раздумывал: «Что же это за страна? Ведь, пожалуй, надо спуститься здесь». Но вдруг он заметил, что шар летит прямо на сооружение однорельсовой дороги. Он поскорее выбросил еще два или три мешка балласта, чтобы миновать препятствие.

«Гм... Когда только и можешь сказать “Prenez”... Жалко, я не знаю, как сказать по-французски: “Хватайте веревку!..” Ведь, должно быть, это французы».

Он еще раз внимательно посмотрел вниз.

— А может быть, это Голландия? Или Люксембург? Или Лотарингия, насколько я могу судить?.. Что это за огромная постройка? Пожалуй, печь

для обжигания кирпичей… Во всяком случае, страна эта имеет цветущий вид.

Цветущий вид страны навел Берта на соответствующие размышления: «Надо все-таки, чтоб шар двигался, а то какой это воздушный корабль!» — сказал себе Берт и решил подняться несколько выше.

Так как ему стало жарко, то он скинул свой парик и выбросил еще мешок с балластом. К его удивлению, шар понесся с удивительной быстротой.

— Ого! — сказал Берт. — Кажется, я чересчур много выбросил балласта. Интересно было бы знать, когда я начну снова опускаться? Ну да ладно: завтрак-то, во всяком случае, есть… — прибавил он.

Стало совсем тепло. Берт взял шапку и парик и необдуманно швырнул их за борт корзины. Стрелка статоскопа тотчас качнулась в сторону «Подъем».

«Кажется, эта милая штука начнет скоро подниматься, даже если бросить только взгляд вниз!» — сострил мысленно Берт, открывая ящик с провизией.

Он нашел несколько жестянок жидкого какао с очень подробным описанием, как их откупори-

вать. Берт исполнил все в точности. Он проткнул в указанном отверстии дно жестянки ключом, который был приложен к ней, и вскоре заметил, что жестянка начинает нагреваться все больше и больше. Наконец стало уже невозможно держать ее в руках. Тогда он открыл крышку с другого конца. Какао стало горячим без всякого нагревания на огне. Это было уже старое изобретение, но Берт ничего не слышал о нем. В том же ящике Берт нашел кусок ветчины и варенье, так что завтрак вышел очень сытным.

Солнце пекло; Берт сбросил с себя пальто. Тут он вспомнил, как ночью в подкладке жилета шелестела бумага. Сняв жилет, Берт внимательно осмотрел его. «Плут Беттеридж не очень-то будет доволен, если я раскрою его жилет», — подумал Берт. Несколько минут он колебался, но затем все же распорол подкладку. Как раз там он отыскал недостающие чертежи вращающихся плоскостей, от которых и зависела устойчивость летательного аппарата.

Если теперь какой-нибудь ангел поглядел бы на Берта на воздушном шаре, то увидел бы, что Берт сидит, о чем-то усиленно размышляя. Немного спустя он встал с таким видом, будто его осенила благая мысль, свернул изорванный жилет

Беттериджа и бросил его вниз. Жилет медленно опускался, пока наконец не шлепнулся на физиономию немца-туриста, мирно спавшего вблизи Гегенвега, около Вильдбаха. Шар, разумеется, ответил на эту выходку Берта новым прыжком вверх…

Однако Берт уже не обращал на это внимания. Он стащил с себя куртку и жилет, расстегнул воротник и рубашку и, засунув руку за пазуху, вытащил оттуда широкий ярко-красный предмет. Это был фланелевый нагрудник, очень распространенный среди протестантов, вместе с разными гигиеническими препаратами, пилюлями и лекарствами, заменившими прежние священные реликвии и образки. Берт всегда носил этот нагрудник. Гадалка в Мергете сказала ему, что у него слабые легкие, и, основываясь на этом, он воображал, что должен беречь свою грудь.

Вытащив свой талисман наружу, Берт взял перочинный нож и, распоров сшитые вместе два куска красной фланели, засунул между ними чертежи, которые нашел в подкладке жилета Беттериджа. Сделав это, он принялся за туалет, вымылся, побрился, плотно застегнул куртку, скрыв под ней свое белое дервишское одеяние, на-

дел большую шляпу и меховое пальто и, чувствуя прилив бодрости, начал рассматривать страну, над которой проносился теперь воздушный шар.

Зрелище было действительно великолепное. Быть может, этой картине недоставало той особенной красоты и величия, которыми Берт мог восхищаться накануне, когда шар летел в облаках, освещенный солнцем. Но в некотором отношении она была гораздо интереснее. Воздух — чист и необыкновенно прозрачен; небо — совершенно безоблачное, за исключением южной и юго-западной части. Страна была холмистая, и лишь местами виднелись заросли хвойных деревьев да чернели горные площадки. Множество ферм было разбросано в живописном беспорядке. Зияли глубокие ущелья с извилистыми речками, течение которых прерывалось запрудами и турбинами электрических станций. Местность была усеяна красивыми деревнями. Домики с плоскими черепичными крышами имели очень опрятный вид. В каждой деревне торчала красивая церковь с колокольней и мачта для беспроволочного телеграфа. Кое-где виднелись замки и обширные парки, белели дороги и тропинки; вдоль дороги рядами тянулись телеграфные столбы, выкрашенные белой и красной

краской, резко выделявшиеся среди окружающего ландшафта. Зеленели сады, окруженные стенами; мелькали скирды, житницы, какие-то электрические циферблаты. Горные местности изобиловали скотом. Поезда пробегали через туннель и пересекали насыпи. Жужжащий шум, достигавший ушей Берта, указывал на прохождение поезда. Все было видно Берту необыкновенно ясно, до мельчайших подробностей. Раза два он заметил пушки и солдат, и это напомнило ему те странные военные приготовления, которые бросились ему в глаза в Англии в Троицын день. Но ничто не указывало на необычность этих приготовлений, ничто не объясняло, почему пушки были обращены жерлами вверх и почему доносились слабые звуки выстрелов.

— Хотел бы я знать, как можно спуститься, — задумчиво проговорил Берт, глядя вниз с высоты трех километров, и опять без всякого успеха стал дергать то за красную, то за белую веревку.

Наконец он решил произвести тщательный осмотр своих припасов. Пребывание на такой высоте вызывало у него сильнейший аппетит, и так как он не знал, как долго будет носиться над землей, то и счел более благоразумным разделить все свои припасы на порции.

По его предположениям, он должен был провести в воздушном пространстве неделю или даже более.

Вначале обширная панорама, которая расстилалась внизу, казалась совершенно безмолвной, точно нарисованная картина. Но к вечеру, вследствие медленной утечки газа, шар начал опять опускаться ближе к земле. Тогда Берт смог различать подробности, ускользавшие от него раньше. Люди были видны уже яснее; стали доноситься свист и грохот проходящих поездов, рев скота, звон колокольчиков на шеях у быков и бой барабанов, а временами Берт мог уловить даже человеческие голоса.

Наконец шар опустился так низко, что гайдроп снова стал задевать за встречные предметы. Раза два, когда гайдроп задел за электрические провода, Берт почувствовал легкий удар; волосы у него поднялись, и на корзину посыпались искры. Но он отнесся к этому совершенно спокойно. Это были случайности путешествия, и только. Он теперь думал об одном: как бы опустить железный якорь, который висел на кольце шара.

Первая попытка оказалась неудачной, быть может, потому, что Берт выбрал плохое место для спуска. Шар должен спускаться на открытом,

пустом пространстве, а Берт увидел прекрасный маленький городок и, не подумав хорошенько, решил бросить якорь здесь. Домики с плоскими крышами, над которыми возвышалась высокая колокольня, были разбросаны среди деревьев. Городок был окружен стеной, и широкие ворота открывались на большую дорогу, обсаженную деревьями. Все проволоки и кабели сходились тут, точно в центре. Этот городок имел очень веселый и привлекательный вид, и это впечатление еще более усиливалось обилием флагов. Дорога была очень оживлена: крестьяне, в огромных двухколесных телегах и пешком, двигались по ней. Иногда пробегал вагон однорельсовой дороги, а у перекрестка, за городом, расположилась среди деревьев группа хорошеньких маленьких домиков. Берту понравилось это оживление и, по-видимому, благоденствующее население. Шар его летел совсем низко, над самыми верхушками деревьев, и Берт уже готовился сбросить свой якорь и явиться интересным гостем среди жителей этого городка.

Берт уже представлял себе, как он будет объясняться знаками и словами с восхищенной гурьбой крестьян, которые окружат его…

Но судьба распорядилась иначе. Прежде чем

собравшиеся внизу, между деревьями, поняли, в чем дело, гайдроп уже причинил немало бед. Какой-то уже пожилой и, видимо, подвыпивший крестьянин, в блестящей черной шляпе и с красным зонтиком в руках, первый заметил волочившийся гайдроп и побежал за ним с громким криком. Но гайдроп пересек дорогу наискось, окунулся в ушат с молоком, стоявший возле фермы, и потащил далее свой мокрый конец, оставляя за собой молочный след. По дороге гайдроп задел автомобиль с фабричными работницами, остановившийся у городских ворот. Работницы подняли крик; сбежался народ. Берт стал было раскланиваться, но собравшиеся приняли поклоны Берта, которые он считал очень изящными, за оскорбительные жесты. Затем корзина шара слегка задела крышу сторожки у дороги, сбила флагшток и, подпрыгивая на телеграфных проводах, с силой сбросила вниз порванные проволоки, которые ударили людей точно плетью; это, разумеется, лишь усилило всеобщее раздражение. Берт сам едва удержался от падения вниз головой.

Двое молодых солдат и несколько крестьян что-то кричали ему, грозили кулаками и уже бросились было вдогонку, но тут Берт исчез за стеной, окружавшей город.

Вот так восторженный прием, нечего сказать!

Шар коснулся земли, вследствие чего вес его на секунду убавился; затем дерзко подскочил и перенес Берта через городскую стену. В одно мгновение Берт очутился над площадью, наполненной народом, крестьянами и солдатами, по-видимому, очень недружелюбно настроенными.

— Якорь! — крикнул Берт и потом, подумав немного, прибавил по-французски: — Головы! Головы! Эй, вы! Слышите? Берегитесь!

Якорь метнулся и, скользнув по покатой крыше, обрушил вниз град поломанных черепиц. Потом он пронесся по улице среди криков и вопля толпы, стукнулся о какое-то зеркальное стекло с очень неприятным треском. Шар качнулся, корзину подкидывало во все стороны. Но якорь нигде не задержался и вдруг опять взвился в воздух с хрупким детским стулом, который подцепил одной из своих лап. Какой-то лавочник с отчаянным криком побежал за ним. Якорь на мгновение повис неподвижно в воздухе, а затем довольно осторожно опустил свою ношу, среди неистового рева толпы, на голову женщины, сидевшей на базаре и продававшей овощи…

Теперь уже все заметили воздушный шар и

бросились ловить якорь и гайдроп. Но якорь, раскачиваясь, словно маятник, налетал на людей, заставляя их разбегаться во все стороны. Вот он снова коснулся земли, опрокинул неизвестного джентльмена в синем костюме и соломенной шляпе, щелкнул по раме молочной лавочки, повалил на четвереньки солдата-велосипедиста и запутался в задних ногах барана, делавшего отчаянные усилия, чтобы освободиться. Протащив барана по воздуху, якорь опустил его посредине площади. Шар снова подпрыгнул вверх. Но тут множество рук ухватилось за гайдроп и стало тащить его к земле. В тот же момент Берт ощутил свежий ветер, подувший ему в лицо.

Несколько мгновений Берт стоял в корзине, с трудом удерживаясь от падения, так как корзину сильно подбрасывало. Он смотрел на раздраженную толпу и старался собраться с мыслями. Он был очень удивлен. Неужели все эти люди в самом деле так озлоблены против него? Все только недовольны, и никто не заинтересован его появлением. Крики там, внизу, право же, скорее походили на ругательства, чем на приветствия. Берт увидел каких-то людей в мундирах и в треуголках, тщательно старавшихся сдержать толпу. Кулаки и палки мелькали в воздухе. Ка-

кой-то человек подбежал к возу с сеном и достал оттуда вилы, а солдат в синем мундире отстегнул портупею шашки.

В эту минуту Берту пришло в голову, что этот маленький городок вовсе не подходящее место для высадки на землю.

А он-то воображал, что его примут как героя! Теперь он понял, что ошибся…

Он находился уже на расстоянии каких-нибудь трех метров от толпы, как вдруг у него созрело решение. Бездействие кончилось. Он вскочил со своего места и, рискуя упасть вниз головой, отвязал веревку якоря от кольца, к которому она была прикреплена, и так же поступил с гайдропом. Якорь упал, шар подпрыгнул вверх — и следом за тем раздался свирепый крик собравшихся. Что-то просвистело над головой Берта — впоследствии он решил, что это была репа. За якорем последовал и гайдроп. Толпа отпрянула, а шар с ужасающим треском налетел на телеграфный столб. Берт ожидал электрического удара или разрыва оболочки шара. Но ничего не случилось. Судьба покровительствовала ему.

Через минуту шар, освобожденный от тяжести гайдропа и якоря, снова был высоко над землей. Берт продолжал сидеть, скорчившись на дне

корзины. Когда он наконец решился подняться и выглянуть, то увидел, что маленький городок становится все меньше и, точно убегая от него вместе с холмистой равниной, совершает круговое движение. Впрочем, когда Берт привык к вращательному движению своего шара, то нашел это даже очень удобным, так как оно избавляло его от необходимости двигаться в корзине.

5

Если бы кто-нибудь наблюдал небо в летний день 191… года, он увидел бы одинокого воздухоплавателя, странствующего в небесах на высоте трех километров. Воздушный шар, медленно вращаясь, двигался в северо-восточном направлении. Воздухоплаватель, облокотясь на край корзины, рассматривал страну, расстилавшуюся внизу. Лицо его выражало сильнейшее замешательство, и губы шептали: «Стрелять в человека! Да, разумеется, я готов спуститься, но как?..»

Белый балахон «дервиша пустыни» свешивался с края корзины, очевидно, с той же целью, с какой вывешивается белый флаг, но теперь было уже поздно.

Берт ясно видел, что он заблуждался и что страна внизу совсем не такая, какую он рисовал

в своем воображении. Она не была населена наивными поселянами, готовыми с восторгом встретить его, когда он спустится на землю. Наоборот, он возбуждал сильнейшее раздражение, и все с напряженным вниманием и нетерпением следили за движениями его воздушного шара. Однако вовсе не Берт выбрал курс, по которому двигался шар: он был во власти ветра. Странные, таинственные слова доносились до него снизу. На разных языках Берту выкрикивали эти слова через рупоры, и он вслушивался в них, совершенно растерянный и ошеломленный. Какие-то, очевидно, должностные лица делали ему сигналы, размахивали руками и флагами. Во всех фразах, которые доходили до ушей Берта, преобладали гортанные звуки неизвестного, измененного английского языка; в конце концов Берт понял: от него требовали, чтобы он спустился, иначе в него будут стрелять!

— Хорошо вам кричать, — заметил Берт. — Да как спуститься?

Скоро начали стрелять по шару. Выстрелили шесть или семь раз, и одна пуля пролетела так близко, что Берту даже послышался треск разрывающегося шелка, и он уже приготовился стремглав лететь вниз. Но снизу или нарочно

метили в сторону, чтобы не задеть шара, или же промахнулись; как бы то ни было, пули просвистели рядом и лишь напугали Берта…

Воспользовавшись временной передышкой, когда люди внизу как будто перестали преследовать шар своим вниманием, Берт позавтракал горячим кофе и паштетом. Но он чувствовал, что это не более как антракт, и поэтому, завтракая, продолжал тревожно высматривать, что делается внизу. Сначала он объяснил себе всеобщий переполох своей неудачной попыткой опуститься в маленьком городке. Но скоро он понял, что не гражданское население страны, а военное больше всего заинтересовано и встревожено его появлением.

Сам того не подозревая, Берт играл таинственную роль международного шпиона. Он видел то, что окружалось величайшей тайной. Он не догадался, что перед ним раскрываются замыслы такой державы, как Германская империя, что он, помимо своей воли, попал в самый центр мировой политики и летел над воздухоплавательным парком. Этот колоссальный парк с головокружительной быстротой был создан Германией с целью втихомолку воспользоваться великими открытиями Стосселя и Гунштеда, соорудить

воздушный флот раньше других государств и сделать Германию владычицей воздуха и всего мира.

Как раз перед тем, как Берта подстрелили, он увидел огромное пространство, освещенное лучами заходящего солнца и полное воздушных кораблей. Они лежали, точно чудовища на пастбище. Площадь, занятая ими, тянулась далеко на север, и Берт не видел ей конца; пронумерованные навесы, газометры, ангары и небольшие военные лагеря располагались в правильном порядке на площади, пересеченной в разных направлениях однорельсовыми линиями. Однако над площадью не было видно ни проволок, ни кабелей. Повсюду развевались германские флаги и простирали свои крылья черные орлы. Но даже и без этих признаков можно было догадаться, что это Германия, так как всюду и во всем была заметна большая аккуратность. Бесчисленные толпы людей сновали взад и вперед. Многие были в темной походной форме и возились около воздушных кораблей; другие маршировали. Кое-где блестели парадные мундиры.

Но Берт больше всего интересовался воздушными кораблями. Он догадывался теперь, что прошлой ночью видел три таких корабля, ко-

торые производили маневры под прикрытием тумана.

Эти воздушные корабли формой напоминали рыб. Именно при помощи воздушного флота Германия и произвела нападение на Нью-Йорк, сделав последнее гигантское усилие захватить мировое господство, — тогда человечество еще не убедилось в эфемерности такой мечты. Этот немецкий флот состоял из прямых потомков цеппелиновского воздушного корабля, пролетевшего над Констанцким озером в 1906 году, и летательных аппаратов Лебоди, совершивших свои полеты над Парижем в 1907 и 1908 годах.

Каркас немецких воздушных кораблей был сделан из стали и алюминия, а внешняя крышка — из крепкой неэластичной парусины. Внутри находился непроницаемый резиновый газовый резервуар, разделенный поперечными перегородками на множество отделений: от пятидесяти до ста. Все эти отделения, абсолютно не пропускавшие газа, были наполнены водородом. Весь аппарат поддерживался в воздухе на определенной высоте при помощи внутренних воздушных камер, в которые можно было по желанию либо накачивать газ, либо выкачивать его. Воздушный корабль мог, таким образом, становиться

тяжелее или легче воздуха, и потеря в весе вследствие сжигания топлива, метания бомб и т.п. могла возмещаться посредством накачивания в камеры газового резервуара. В конце концов там образовывалась чрезвычайно взрывчатая смесь, но в таких случаях нельзя останавливаться перед риском. Через весь аппарат проходила стальная ось: это был как бы хребет, заканчивавшийся в машине и пропеллере. Над передней частью, выступавшей в виде головы, помещался ряд кают — для складов и людей. Необыкновенно сильная машина типа Пфорцгейм, представлявшая величайшее торжество германской изобретательности, приводилась в движение электричеством; машина управлялась людьми, находившимися в передней силовой части корабля. Если замечалась какая-нибудь неисправность, инженеры переправлялись в заднюю часть корабля при помощи веревочной лестницы внизу его каркаса или же пользовались проходом, устроенным в газовых отделениях. Чтобы избежать боковой качки корабля, с каждой стороны были приделаны горизонтальные боковые плавники, а направление придавалось двумя вертикальными: эти плавники обычно устраивались с каждой стороны головной части

и походили на жабры у рыб. Вообще, вся форма воздушного корабля чрезвычайно напоминала рыбу, у которой плавательный пузырь и голова помещались внизу, а не вверху. Но особенно странное впечатление производил аппарат беспроволочного телеграфа, выступавший из передней каюты и находившийся, следовательно, как раз под нижней челюстью рыбы.

Эти воздушные чудовища могли двигаться со скоростью сто пятьдесят километров в час в тихую погоду и могли состязаться в быстроте с кем и чем угодно, уступая разве лишь урагану. Длина их была различна: от двухсот пятидесяти до шестисот метров; поднять они могли от семидесяти до двухсот тонн. История не сообщает нам, сколько таких кораблей имела Германия, но Берт, пролетая мимо, насчитал до восьмидесяти штук.

Таковы были те средства, при помощи которых Германия хотела утвердить свое господство в мире, когда решилась отвергнуть доктрину Монроэ и потребовать своей доли в Новом Свете. Но она опиралась не только на этот воздушный флот. В ее распоряжении находились также летательные аппараты для одного человека. Это были так называемые «Летающие драконы», и предназначались они специально для бомбо-

метания. Эти аппараты помещались в другом колоссальном воздухоплавательном парке, к востоку от Гамбурга, поэтому Берт и не видел их среди воздушных кораблей франконского воздухоплавательного парка, над которым он летел до тех пор, пока удачный выстрел не заставил его спуститься вниз.

Шар подстрелили очень ловко, воспользовавшись для этого новыми пулями, которые некий Вольфе из Энгельберга изобрел специально для воздушной войны. Такая пуля, снабженная сильным хвостиком, с легким треском пронзила шар и вышла из него. Газ начал с шумом выходить из оболочки, и шар стал опускаться. Растерявшись в первую минуту, Берт выбросил затем мешок с балластом. Немцы вежливо, но неуклонно ответили еще двумя выстрелами прямо в оболочку шара…

Глава IV. Германский воздушный флот

1

Берт Смоллуэйс жил в том веке, когда под влиянием империалистической международной политики шовинизм сделался необыкновенно

шумным, несносным и опасным. Из всех продуктов человеческого воображения той эпохи наиболее странным был этот патриотизм. В душе каждого человека живет привязанность к своей семье, к своей стране, к своему языку. Прежде, до наступления научной эры, эти чувства, составлявшие принадлежность едва ли не каждого человеческого существа, служили важным фактором в развитии человечества. Конечно, эти чувства и тогда уже вызывали враждебность к чужому народу и пренебрежительное отношение к чужой стране, но и то и другое большей частью было совершенно безвредно. Когда же произошли огромные перемены в путях, целях, материале, масштабе и возможностях человеческой жизни, все прежние границы народов и стран были нарушены. Прежние, давно установившиеся привычки и традиции, столкнувшись с новыми условиями, должны были измениться. Но приспособиться к новым условиям человеческой жизни они не могли уже потому, что эти условия сами, в свою очередь, подвергались постоянным изменениям. Таким образом, все прежнее было либо уничтожено, либо изменилось до неузнаваемости.

Дед Берта Смоллуэйса, живший еще в те вре-

мена, когда Бен-Хилл был деревушкой, находившейся под властью родителей Питера Бона, великолепно знал это место. Он прекрасно понимал, перед кем ему нужно снимать шапку, и всегда выказывал снисходительное пренебрежение к тем, кого считал ниже себя. С такими взглядами он и прожил свою жизнь — от колыбели до могилы. Он был англичанин и вдобавок кентский уроженец, поэтому он считал, что нигде нет такого пива, такого красивого шиповника, такого чудесного хмеля и такого яркого солнца, как на его родине. Газеты и политика мало интересовали его. Потом наступила перемена. Первые главы рассказа дают некоторое понятие о том, что происходило в Бен-Хилле и как целый поток различных нововведений обрушился на эту мирную сельскую страну и совершенно видоизменил жизнь. Берт Смоллуэйс был только одним из числа тех бесчисленных миллионов людей в Европе, Америке и Азии, которые не могли пустить корни в родной почве, потому что бурный поток мировой борьбы сразу увлек их, и они вынуждены были с ним бороться, не вдумываясь хорошенько в его значение. Все, во что верили их отцы, изменилось, и многое приняло в высшей степени странные формы. Особенно

большим изменениям и искажениям под влиянием новых форм подверглась идея патриотизма. Для дедушки Берта слово «офранцуженный» было выражением крайнего презрения. А в мозгу Берта уже гнездились всевозможные идеи относительно соперничества Германии, «желтой опасности», «черной опасности» и обязанностей белого человека, то есть нелепого права еще более запутывать и без того запутанную политику таких же маленьких человечков (только более темного цвета), которые курят папироски и разъезжают на велосипедах в Булавайо, Кингстоне (Ямайка) или Бомбее (Индия). Но это были, по мнению Берта, «низшие расы», и Берт готов был умереть (впрочем, не сам лично, а уполномочив на это тех, кто запишется в ряды войск) только для того, чтобы поддержать это «право» английского господства. Мысль о том, что он может потерять это право, лишала его сна по ночам.

Между тем сущность политики в эпоху, когда жил Берт Смоллуэйс (и когда разразилась великая война в воздухе), была довольно проста, только никто не хотел взглянуть на вещи надлежащим образом. Колоссальное развитие науки и техники изменило человеческие отношения. Благодаря увеличивающимся скоростям меха-

нического передвижения нации приблизились друг к другу, люди стали ближе в экономическом, социальном и физическом отношениях, так что прежние разделения на нации и государства утратили свое значение. Новый, более широкий синтез человеческих отношений стал не просто необходимостью, а необходимостью неизбежной. Как некогда независимые герцогства Франции должны были слиться в единое государство, так теперь последние должны были стремиться к более широкому слиянию, должны были заботиться о том, чтобы сберечь то, что практично и ценно, и отбросить то, что вредно и уже устарело. Более разумный мир понял бы это стремление к слиянию государств, своевременно обсудил и осуществил бы это, в результате такого слияния возникла бы великая культура, и это было вполне возможно для выросшего человечества.

Но мир Берта Смоллуэйса не сделал ничего подобного. Правительства этого мира не только не шли навстречу такому слиянию, но, вследствие взаимного недоверия, опасались его. Великодушные порывы были им незнакомы. Они начали вести себя как плохо воспитанные люди в переполненном вагоне: толкать друг друга локтями, наступать друг другу на ноги. Тщетно

было пытаться убедить их, что все они могут с удобствами устроиться в этом вагоне, если не будут так тесниться и толкаться. Историк начала XX века везде, во всем мире, отметит одни и те же явления. Старые понятия и старые предрассудки мешают установиться новым порядкам, новым общественным отношениям. Получается какое-то неискоренимое бестолковое смешение старого и нового, полная путаница понятий. Историческая арена стала слишком тесной, и вот государства забрасывают друг друга своими фабрикатами, раздражают друг друга тарифами и всякого рода коммерческими притеснениями и постоянно угрожают друг другу армиями и флотами, которые с каждым годом принимают все более и более чудовищные размеры…

Невозможно точно определить теперь, как много средств и сил было потрачено миром на военные приготовления и снаряжения, но ясно одно: затраты были колоссальные. Англия тратила на свою армию и флот так много денег, что, если бы все это было направлено ею в область подлинной культуры и воспитания, британцы стали бы аристократией мира. Если бы правители Англии заставляли подрастающее поколение учиться и воспитывали бы его вплоть до восем-

надцатилетнего возраста, то каждый такой Берт Смоллуэйс на Британских островах был бы не только физически крепким, но и нравственно развитым, интеллигентным человеком. Для этого требовалось только, чтобы то, что тратилось на военные цели, расходовалось на образование. Вместо этого каждый мальчуган, еще не достигнув четырнадцатилетнего возраста, привыкал к виду развевающихся флагов, к воинственным кличам толпы, а затем, покинув школу, принимался за разные, более или менее сомнительного свойства, предприятия, с целью наживы или просто ради куска хлеба. Франция тоже допускала у себя подобные нелепости. В Германии, пожалуй, дела обстояли еще хуже. Россия, под давлением все усиливавшегося милитаризма, стремилась прямо навстречу банкротству и гибели. Европа только и занималась производством громадных пушек и бесчисленного множества маленьких Смоллуэйсов. Азиатские народы ради самозащиты вынуждены были использовать все возможности, предоставляемые новейшими научно-техническими изобретениями.

Накануне возникновения войны шесть великих держав мира и множество маленьких стояли вооруженные с головы до ног, напрягая все свои

силы, стремясь опередить друг друга в смертоносной силе оружия и в военной готовности. К числу великих держав принадлежали и Соединенные Штаты. Это государство вынуждено было усиленно вооружаться благодаря не только попыткам Германии распространить свое господство на Южную Америку, но и естественным последствиям собственных действий, заключавшихся в присоединении земель у самой границы Японии. Поэтому Соединенным Штатам приходилось содержать два гигантских флота: на востоке и на западе, а внутри государства создался резкий конфликт между федеральным правительством и отдельными правительствами штатов в связи с вопросом о всеобщей воинской повинности. За Соединенными Штатами следовал великий Восточно-Азиатский Союз, — тесное объединение Китая и Японии; влияние этого союза в решении мировых вопросов все росло и становилось, пожалуй, даже преобладающим. Германия боролась изо всех сил за осуществление мечты о насаждении своего языка и о распространении своей власти на всю Европу, объединенную насильственным путем. Это были три наиболее рьяные и наиболее воинственные державы.

Британская империя была менее воинствен-

ной: ее владения были рассеяны по всему земному шару, защищать их было трудно; кроме того, внимание английского правительства было отвлечено революционным движением в Ирландии и в других местах. Великобритания научила закабаленные ею народы курить папиросы, носить большие шляпы, играть в крокет, устраивать бега, снабдила их дешевыми револьверами, керосином, системой промышленности, дешевыми газетами на английском и туземном языках, дала возможность получать ничего не стоящие университетские степени, ввела мотоциклы и электрические трамваи, развила целую литературу, выражающую презрение к подчиненным народам, и сделала эту литературу вполне доступной для них. Но английское правительство было убеждено, что все это не вызовет для него никаких дурных последствий, а все потому, что кто-то когда-то сказал: «Забывчивый Восток…», и еще потому, что Киплинг вдохновенно произнес:

Восток – Восток, а Запад – Запад,
И встрече близнецов не быть…

Между тем в Египте, Индии и других подвластных Великобритании странах выросли новые поколения; и в этих-то поколениях копились

страстное негодование, громадная энергия и активность, не отставшие от века. Правящие классы Великобритании очень медленно усваивали себе новый взгляд на подчиненные народы как на пробуждающиеся нации; усилия этих классов удержать империю от распада среди происходивших перемен подвергались постоянному риску. Опасность была в том легкомыслии, с которым миллионы таких, как Берт Смоллуэйс, подавали свои голоса на выборах; опасность была в том, что у британских подданных из цветных рас чувствовалось все меньше уважения к должностным лицам. «Дерзость» цветных джентльменов переходила всякие границы, она выражалась уже не только в выстрелах и бросании камней, но и в цитатах из Бернса и Дарвина и в забрасывании аргументами.

Более миролюбивыми, нежели британская империя, были Франция и ее союзники. Латинские державы, правда, были вооружены с головы до пят, но эти государства сражались неохотно, и во многих отношениях, как социально, так и политически, стояли во главе западной цивилизации. Россия была тоже мирной державой, правда, поневоле. Ее раздирали внутренние распри между революционерами и реакционерами;

страна была почти парализована хроническими беспорядками и бесконечной политической борьбой. Маленькие государства, втиснутые между огромными мощными державами, постоянно угрожавшими им, также вынуждены были, дрожа за свою независимость, вооружаться с головы до ног, насколько допускали их ресурсы.

Все это привело к тому, что в каждой стране сотни энергичных людей все больше тратили свои силы и ум на совершенствование и изобретение разного рода оружия, и так должно было продолжаться до тех пор, пока напряжение не достигнет высшей точки и не разразится война. Каждая держава старалась окружать тайной свои приготовления, держала в запасе новое оружие и стремилась не только опередить своих соперников, но и проникнуть в тайны их приготовлений. Воображение правительства любой страны находилось под вечным страхом, что другое государство уже запаслось каким-либо новым открытием. То распространялся слух, что Великобритания обладает необыкновенной пушкой, превосходящей все остальные в мире, то — что Франция изобрела замечательное ружье, Япония — новый взрывчатый состав, а Америка — подводную лодку, которая в состоя-

нии изгнать из морей все броненосцы.

В любой момент могла наступить паника и разразиться война.

Все силы государств, все помышления их были направлены в сторону войны. Между тем основная масса граждан в этих воинственных государствах была совершенно неспособна к борьбе и в моральном, и в физическом отношениях. Пожалуй, можно было бы даже прибавить, что еще никогда до тех пор народные массы не были так непригодны к борьбе. Это был парадокс того времени — этого почти единственного периода в мировой истории! Аппараты войны, ее методы и искусство менялись чуть ли не каждые десять-двенадцать лет, все более и более совершенствуясь, но в то время, как все подготавливалось к войне, люди становились все менее воинственными, и войны не было…

И вот, наконец, она разразилась. Она явилась неожиданной для всего мира, потому что истинные причины ее были скрыты. Отношения между Германией и Соединенными Штатами были давно уже натянутыми вследствие крайне ожесточенной борьбы из-за таможенных тарифов и двусмысленного поведения Германии в вопросе и доктрине Монроэ; возникали также конфлик-

ты между Соединенными Штатами и Японией вследствие непрекращавшегося спора о правах японских граждан в Америке. Все это постоянно приводило к обострению отношений. Однако настоящим толчком, как это теперь известно, послужили усовершенствования, достигнутые Германией в машине Пфорцгейма, что дало возможность построить быстроходный и легко управляемый воздушный корабль. В это время Германия была наиболее деятельной державой в мире, лучше всех организованной для быстрых и секретных действий, лучше всех вооруженной достижениями современной науки и техники, обладавшей самыми вымуштрованными и воспитанными администраторами и чиновниками. Она это знала и настолько преувеличивала свое могущество, что относилась с презрением к тайнам своих соседей. Может быть, именно вследствие такого самомнения она менее тщательно шпионила за своими врагами. Кроме того, она по традиции не стеснялась в своих действиях никаких этических соображений и не соблюдала необходимой осторожности. Располагая мощными орудиями войны, Германия решила, что ее час наступил и что она может теперь утвердить свое господство над всем миром. Казалось, дей-

ствительно перевес был на ее стороне; она могла начать борьбу и победить, прежде чем другие добьются каких-нибудь существенных результатов в своих опытах в области воздухоплавания.

Прежде всего Германия должна была нанести решительный удар Америке; только Америка могла соперничать с ней в воздухоплавании. Было известно, что Америка уже имеет в своем распоряжении летающую машину весьма практичного устройства, представляющую дальнейшее усовершенствование модели Райта. Однако никто не думал, что вашингтонское правительство воспользуется этим изобретением и сделает попытку создать воздушный флот. Конечно, надо было нанести удар, прежде чем Америка решится на это. Франция имела флот из тихоходных дирижаблей, из которых многие были построены еще в 1908 году. Разумеется, такой флот не мог соперничать с новым типом воздушных кораблей. Французские воздушные шары служили исключительно для рекогносцировки на восточной границе. Большей частью они были слишком малы, могли поднять не больше двенадцати-двадцати человек, и ни один из этих шаров не мог двигаться даже со скоростью шестидесяти километров в час. Англия же, в припадке

скупости, спорила и торговалась с Беттериджем, предлагавшим свое удивительное изобретение. Следовательно, и она не могла идти в счет по крайней мере в течение некоторого времени. Азия же не подавала никаких признаков жизни. Остальных конкурентов не стоило принимать в расчет.

«Теперь или никогда! — сказало германское правительство. — Теперь или никогда мы должны завладеть воздухом, подобно тому, как прежде англичане завладели морем! Надо сделать это именно теперь, пока другие занимаются лишь опытами!»

Быстро, систематически и тайно готовилась Германия к войне, и план ее был превосходен. Она могла опасаться только Америки, которая являлась ее главной соперницей в мировой торговле и строила различные препятствия ее империалистическим замыслам. Следовательно, прежде всего надо было сразить Америку. Германия пошлет в небеса над Атлантическим океаном свой гигантский воздушный флот, который и повергнет в прах ничего не подозревавшие и не подготовленные к такой войне Северо-Американские Штаты…

Во всяком случае, судя по тем сведениям,

которые находились в руках германского правительства, такое предприятие имело все шансы на успех. Германия могла рассчитывать на то, что застигнет всех врасплох. Дело в том, что можно гораздо скорее создать воздушные корабли и летательные машины, нежели броненосцы, на постройку которых требуется по крайней мере два года. Если только есть достаточное количество рабочих рук и все необходимые принадлежности, то можно изготовить множество таких аппаратов за несколько недель. Можно наводнить небо «Летающими драконами» и воздушными кораблями — были бы только оборудованные парки да мастерские. И точно, в известный момент корабли взлетели, «словно мухи, зародившиеся в навозе», — как едко выразился один французский писатель.

Нападение на Америку являлось, таким образом, первым ходом в чудовищной игре. Но тотчас же по выступлении этого флота воздухоплавательные парки должны были приняться за сооружение нового воздушного флота, способного произвести налеты на Лондон, Париж, Рим, Петербург, а также все другие места, где его появление будет признано необходимым, чтобы вызвать нужный эффект.

Такая внезапность должна была поразить мир и завоевать его. Можно лишь удивляться, как действительно близки были к осуществлению эти колоссальные планы, задуманные и выработанные предприимчивыми честолюбцами!

Роль Мольтке в этой изумительной войне в воздухе должен был играть фон Штернберг. Но император колебался, и только упрямый романтизм принца Карла-Альберта мог склонить его в пользу этого плана.

Принц был центральной фигурой в этой мировой драке. Он был душой империалистического движения в Германии и идеалом новой аристократии, — нового рыцарства, как их называли. Эта аристократия возникла благодаря внутренним раздорам и отсутствию дисциплины и явилась результатом сосредоточения богатств в руках немногих.

Услужливые льстецы сравнивали Карла-Альберта с Черным Принцем, с Алкивиадом, с молодым Цезарем. Многим он казался даже «сверхчеловеком» Ницше. Принц был белокурый, толстый, мужественного вида человек и отличался полным отсутствием нравственных устоев. Его первым великим актом, изумившим Европу и чуть не вызвавшим новую Троянскую

войну, был отказ от принцессы Елены Норвежской и категорически заявленное нежелание жениться на ней. Затем последовал его брак с простой швейцарской девушкой, Гретхен Красс, несравненной красавицей, и его отважный поступок, чуть не стоивший ему жизни, — спасение трех утопающих портных, лодка которых опрокинулась в море вблизи Гельголанда. За это и за победу над американской яхтой «Защитник» в одном состязании император простил принца и поручил ему контроль над новым воздушным флотом Германии.

Принц занялся этим с величайшей энергией и умением, объявив, что решил повергнуть к ногам Германии небо, землю и море. Обаяние принца распространялось не только на Германию. Во всем мире восхищались его непоколебимой и жестокой энергией, и он так же увлекал умы, как некогда увлекала их наполеоновская легенда. Англичане, недовольные медленными и сложными приемами своей политики, обращали взоры на мощную фигуру этого человека, не признававшего никаких компромиссов. Французы верили в него. В Америке слагали в его честь поэмы. А между тем именно он вызвал эту войну!

Население Германии не меньше остального

мира удивлялось быстроте и энергии имперского правительства. Но, в сущности, многочисленная литература, помещавшая на своих страницах предсказания относительно военного будущего Германии, еще в 1906 году должна была подготовить умы немцев к победному акту: как раз тогда Рудольф Мартин выступил со своим блестящим сочинением, в котором произнес пророческие слова:

«Будущее Германии — в воздухе!»

2

Берт Смоллуэйс не имел никакого понятия об этих гигантских замыслах и мировых силах, в самом центре которых он вдруг очутился. Но его очень занимал вид воздушных кораблей, возлежавших, точно огромное стадо чудовищ. Каждое из них казалось ему длиной с набережную, а шириной с Трафальгарскую площадь; некоторые были длиной не меньше, чем в треть мили. Никогда в жизни не случалось Берту видеть ничего похожего на этот огромный, правильной формы парк воздушных кораблей. В первый раз у него мелькнула мысль, что на свете существует множество чрезвычайно важных вещей, о которых ни он, ни его современники и не подозревали

до сих пор. Он всегда воображал себе немцев толстыми, смешными людьми, которые курят фарфоровые трубки, питаются наукой, колбасой, кислой капустой и прочими несъедобными вещами.

Со своей высоты Берт успел взглянуть вниз только мельком: тотчас же после первого выстрела он согнулся в корзине, а вслед за тем шар начал быстро спускаться.

Мысли у Берта путались, и он не знал, на что ему решиться, как объяснить свое появление и назваться ли ему Беттериджем или нет.

«Что делать?» — шептал он в тоске. Тут он взглянул на свои сандалии и внезапно почувствовал отвращение к самому себе.

— Ведь они подумают, что я совершеннейший идиот! — воскликнул он и в отчаянии сбросил мешок с балластом, вызвав этим ответные выстрелы в шар.

В голове у Берта мелькнула даже мысль, не представиться ли ему сумасшедшим, чтобы избежать неприятных и затруднительных объяснений. Но затем ему показалось, что воздушные корабли поднялись, как будто желая взглянуть на него, и корзина его стукнулась о землю. Он полетел вниз головой…

Когда Берт очнулся, он был уже знаменит. Он услышал голос, кричавший:

— Да, да! Это Беттеридж, герр Беттеридж! Он самый!

Берт лежал на маленькой зеленой лужайке, возле одной из главных дорог воздухоплавательного парка. Перед ним расстилалась громадная, уходившая вдаль перспектива воздушных кораблей. На тупом носу каждого из них красовался черный орел. По другой стороне дороги тянулся ряд газовых генераторов, а везде в промежутках по земле были раскинуты резиновые рукава. Тут же, поблизости, находился и съежившийся шар Берта. Корзина этого шара казалась необыкновенно миниатюрной сломанной игрушкой в сравнении с гигантским корпусом возвышавшегося поблизости воздушного корабля. Этот корабль, поднимаясь как скала, заслонял проход, находившийся между ним и другими кораблями.

Когда Берт пришел в себя, то увидел, что его окружает группа взволнованных людей, затянутых в мундиры; большей частью это были здоровые, рослые ребята. Все говорили, а некоторые что-то кричали по-немецки. Берт догадался, что это по-немецки, потому что публика издавала мяукающие и придушенные звуки, как котята.

Только одну фразу повторяли они постоянно, и Берт мог разобрать в ней имя Беттериджа.

«Черт возьми! — подумал Берт. — Они узнали».

— Хорошо! — сказал кто-то, и затем последовала быстрая речь по-немецки.

Возле себя Берт заметил полевой телефон; высокий офицер в голубом мундире что-то говорил про него в телефонную трубку. Другой офицер стоял рядом и держал в руках портфель с чертежами и фотографиями. И все вокруг смотрели на Берта.

— Вы говорите по-немецки, герр Буттерайдж? — спросил его один из офицеров на ломаном английском языке.

Берт решил, что лучше прикинуться оглушенным от падения. Это ему удалось.

— Где я? — спросил он.

Кругом слышался несмолкаемый говор. Несколько раз упоминали о «принце». Где-то далеко прозвучал рог, подхваченный другим горнистом, находившимся неподалеку.

Все пришло в волнение. С грохотом промчался вагон однорельсовой дороги. Телефон трещал не переставая, и высокий офицер, видимо, о чем-то горячо спорил. Наконец он подошел к группе, окружавшей Берта, и Берт расслышал немецкое

слово «принести с собой».

Истощенный человек, с очень серьезным лицом и белыми усами, обратился к Берту на ломаном английском языке.

— Герр Буттерайдж, — сказал он, — мы должны отправиться.

Но Берт повторил:

— Где я?

Кто-то схватил его за плечо и спросил:

— Вы — герр Буттерайдж?

— Герр Буттерайдж, мы должны отправляться, — повторил господин с белыми усами.

Офицер, говоривший по телефону, все еще бубнил свою фразу относительно «принца» и слова: «принести с собой».

Человек с белыми усами на мгновение призадумался, потом его как будто осенила какая-то мысль. Он стал громко отдавать какие-то приказания. Послышались вопросы, и доктор, стоявший около Берта, ответил несколько раз: «Да, да!», а потом что-то сказал про «голову».

Затем он торопливо поднял сопротивляющегося Берта с земли. Тотчас же два огромных солдата в серых куртках подошли к Берту и поддержали его.

— Алло! — произнес Берт с изумлением. — Что

же это такое?

— Ничего, — успокоил его доктор. — Они вас понесут.

— Куда? — спросил Берт, но не получил ответа.

— Возьмите их руками за шею… понимаете? За шею, — говорил доктор.

— Да… Но куда? — повторил Берт.

— Держитесь крепче!

Прежде чем Берт успел произнести еще хоть одно слово, два дюжих солдата подхватили его и понесли. Они взялись за руки, устроив таким образом сиденье для Берта, посадили его, а его руки положили себе на плечи. Раздалась команда: «Вперед!» Кто-то бежал впереди с портфелем в руке. Солдаты быстро понесли Берта по широкой дороге между газовыми генераторами и воздушными кораблями. Они несли, в общем, довольно осторожно и только два раза споткнулись о резиновые рукава генераторов, чуть не уронив свою ношу.

У Берта на голове была английская шапка Беттериджа, а на плечах его плащ. Он отвечал, когда его называли Беттериджем. Сандалии беспомощно шлепали у него на ногах. Все куда-то страшно торопились. Он смотрел, бесконечно удивляясь и не понимая, что происходит вокруг…

Систематический порядок, множество солдат, аккуратно сложенные груды материалов и бесчисленные линии однорельсовой дороги, а также гигантские кузова воздушных кораблей, — все это напоминало ему доки в Вульвиче, где он был очень давно — еще мальчиком. Но тут отражалась вся мощь современной науки, создавшей этот гигантский парк. Странное впечатление производил также электрический свет, исходивший откуда-то снизу, от самой земли. В сгустившихся сумерках все тени отбрасывались вверх, и Берт видел свою громадную смешную тень и тени солдат, несших его на руках. Тени сливались вместе, принимая вид фантастического гигантского чудовища, на коротких ногах, с огромным горбом, двигавшегося вдоль цепи воздушных кораблей. Освещение было устроено внизу, чтобы избежать установки столбов и стоек, которые могли бы помешать подъему воздушных кораблей.

Темнота сгущалась. Вечер был тихий, небо безоблачное. Все предметы, вследствие освещения снизу, бросали громадные тени, уходившие вверх и расплывавшиеся в неопределенные, полупрозрачные массы. Внутри кузовов кораблей горели лампочки, сверкая, точно звезды сквозь облака. Все носило странный, удивительно призрачный

характер. Названия кораблей были нанесены черными буквами на белом поле, по бокам корпуса, а на носу простирал свои крылья в темноте имперский орел. Раздавались звуки горна, мимо пробегали с шумом вагоны однорельсовой дороги, набитые солдатами. Каюты, устроенные внизу передней части воздушных кораблей, были освещены, и через открытые двери можно было видеть обложенные подушками проходы. Иногда раздавался чей-то голос, отдававший приказания невидимым рабочим.

Берта пронесли мимо часовых по ступеням, затем по длинному узкому проходу, мимо сваленного в беспорядке багажа, и наконец опустили на пол в дверях обширной каюты. Берт на глаз определил, что пол комнаты — около одного квадратного метра, а высота — более двух с половиной метров. Каюта была обита красными подушками и отделана алюминием.

Высокий молодой человек, с птичьей физиономией, маленькой головой, длинными ногами и бесцветными волосами, стоял в каюте, держа в руках разные принадлежности туалета, и что-то ворчал про «бога», про «громы небесные» и про «дурака Буттерайджа». Должно быть, это был прежний обитатель каюты, которого теперь вы-

селяли оттуда.

Когда он исчез, Берта опустили на койку в углу каюты и подложили ему под голову подушку. Дверь закрылась, и он остался один. Все почему-то торопились выйти.

«Черт возьми! — подумал он. — Что же будет дальше?»

Он внимательно осмотрел каюту.

— Как быть? — проговорил Берт. — Должен ли я поддерживать их заблуждение или нет? Гм... комната не похожа на тюрьму, не похожа и на больницу...

Тут он вспомнил о своих сандалиях и капризно сбросил их:

— На черта мне эти сандалии! Они мне все портят!..

3

Вдруг дверь открылась, и в каюту вошел плотный молодой человек в военной форме. Он принес портфель Беттериджа, мешок и маленькое зеркальце для бритья. У него было открытое лицо и рыжевато-белокурые волосы.

— Так, значит, вы — Беттеридж? — сказал он, безукоризненно выговаривая английские слова. Опустив на пол скудный багаж Берта, он приба-

вил: — Мы должны были тронуться в путь через полчаса. Вы попали вовремя.

Он с любопытством разглядывал Берта, и на мгновение его взгляд остановился на сандалиях.

— Вам бы следовало явиться сюда на своей летательной машине, мистер Беттеридж! — сказал он и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Принц поручил мне позаботиться о вас. Конечно, он не может принять вас теперь, но ваше прибытие он считает счастливым предзнаменованием. Милость неба! Алло!

Он вдруг остановился и начал прислушиваться.

Снаружи доносился топот ног, звуки отдаленного горна, которому вторили горнисты уже вблизи. Слышны были громкие человеческие голоса, отрывисто и резко говорившие о каких-то важных вещах. Им отвечали откуда-то издали. Раздался звук колокола, и по коридору послышались шаги.

Затем наступила жуткая тишина, и как бы зажурчала и заплескалась вода.

Молодой человек слушал, подняв брови. Он размышлял несколько мгновений, потом бросился вон из комнаты. Тотчас же последовал сильный толчок, сопровождавшийся целой гаммой разно-

образных звуков и криками «ура».

Молодой человек появился снова.

— Они выпускают воду из маленького шара, — сказал он.

— Какую воду?

— Которая удерживала нас на земле. Ловкая штука, а?

Берт с удивлением взглянул на него.

— В самом деле, вы, кажется, ничего не понимаете? — воскликнул молодой человек.

Берт почувствовал, что его койка слегка дрогнула.

— Это машина, — сказал молодой человек ободряющим тоном. — Теперь уже недолго.

Он опять начал прислушиваться. Каюта закачалась.

— Ага! — воскликнул он радостно. — Мы поднимаемся!..

— Поднимаемся? Куда? — спросил Берт, привстав с койки.

Но молодой человек уже выбежал из комнаты. В проходе раздавалась громкая немецкая речь и другие звуки, странно действовавшие на нервы Берта.

Молодой человек вошел снова.

— Мы поднялись уже достаточно высоко…

— Куда мы поднимаемся? — вскричал Берт. — Я хочу, чтобы вы выражались яснее. Слышите? Где я нахожусь? Я ничего не понимаю!..

— Как! — воскликнул молодой человек. — Вы не понимаете?

— Нет. Меня оглушило падение, и я ничего не могу сообразить. Где мы находимся? И куда мы поднимаемся?

— Вы не знаете, где вы находитесь и что это такое?

— Конечно, не знаю. Отчего эта качка и весь этот шум?

— Нет! Каков шутник! А! Вы ничего не знаете? Не знаете, что мы отправляемся в Америку? Не поняли этого? Вы как раз застали нас в самый момент выступления. И теперь вы находитесь на старом «Фазерлэнде», на флагманском судне принца… Вы, таким образом, ничего не пропустите. Что бы ни случилось, вы можете быть уверены, что «Фазерлэнд» не останется позади…

— Мы… в Америку?..

— Конечно.

— На воздушном корабле?

— А то как же!

— Чтобы я отправился в Америку на воздушном корабле! И сейчас же после воздушного шара?

Нет, слуга покорный! Говорю вам, я не хочу! Я хочу гулять на собственных ногах. Пустите меня! Я не знал.

Он бросился к двери. Но молодой человек жестом удержал Берта и, дернув за ремень, раздвинул панель: под мягкой обивкой открылось окно.

— Смотрите! — произнес он.

Они встали рядом и выглянули в окно.

— Вот так штука! — сказал Берт. — И в самом деле, мы поднимаемся!

— Да, поднимаемся… и очень быстро! — радостно заметил молодой человек.

Воздушный корабль поднимался очень ровно, медленно двигаясь над воздухоплавательным парком. Геометрически правильные очертания парка были намечены в темноте пунктиром ярких электрических огней. Черная дыра в длинном ряду серых округлых кузовов воздушных кораблей указывала то место, откуда поднялся «Фазерлэнд». Рядом с этой дырой виднелось другое чудовище, которое тоже медленно поднималось, освобожденное от связей и кабелей. Когда корабль поднялся на определенное расстояние, за ним последовал третий, потом четвертый.

— Видите, мистер Беттеридж, теперь уже позд-

но, — заметил молодой человек Берту. — Мы поднялись. Я понимаю, для вас это было неожиданностью. Но что же делать? Принц велел вас взять с собой…

— Слушайте! — воскликнул Берт. — У меня в самом деле голова кружится. Что это за штука? Куда мы отправляемся?

Молодой человек постарался объяснить Берту:

— Это флагманский корабль, — сказал он, — корабль принца Карла-Альберта. Германский воздушный флот отправляется в Америку, чтобы проучить это зазнавшееся государство. Нас тревожило только ваше изобретение. И вот теперь вы сами явились сюда!

— Скажите, вы — немец? — спросил Берт.

— Лейтенант воздухоплавательного экипажа, Курт, к вашим услугам. Моя мать была англичанка. Ходил в школу в Англии. Потом был стипендиатом Родса. И все-таки я — немец. Теперь прикомандирован принцем, чтобы заботиться о вас. Вы были ошеломлены падением. Но теперь опять все хорошо. У вас купят вашу машину и все остальное. Пока устраивайтесь здесь и не тревожьтесь. Полагаю, вы скоро свыкнетесь со своим новым положением…

4

Сидя на койке, Берт старался собраться с мыслями, а лейтенант Курт говорил ему о воздушном корабле. Курт был очень тактичный и любезный молодой человек.

— Смею думать, — сказал он, — что все это для вас новость. Это не такая машина, как ваша. Правда, каюты здесь недурны?

Он прошелся по маленькой комнате, объясняя Берту ее устройство.

— Вот постель, — откинул он складную кровать и вновь, с шумом, прихлопнул ее к стене. — А вот туалетные принадлежности. — Он открыл шкафчик и показал Берту. — Но долго умываться нельзя. Воды у нас мало, только для питья. Ни ванн, ничего, пока мы не прилетим в Америку и не спустимся на землю. Обтирайтесь губкой. А для бритья получите кружку горячей воды. Больше ничего. В ящике под вами вы найдете шерстяные одеяла и простыни. Вам они понадобятся. Говорят, будет холодно. Я не знаю; никогда еще не поднимался так высоко. Три четверти людей из нашего экипажа тоже никогда не бывали так высоко… А вот складной стул и столик, — тут, за дверью. Не правда ли, удобно? А?

Он взял стул и на одном пальце приподнял его.

— Очень легок! А? Сделан из алюминия с примесью магнезия, внутри пустота. Вот эти подушки — все наполнены водородным газом. Хитрая штука, а? Весь корабль так устроен. И никого, за исключением принца да еще одного или двух офицеров, кто бы превышал определенный вес — около 55 килограммов. В работе никто, знаете ли, не сравнится с принцем. Завтра все решится. Я просто горю от нетерпения.

Взглянув внимательно на Берта, Курт прибавил:

— А ведь вы выглядите молодым. Я всегда представлял вас стариком, с большой бородой, с наружностью философа… Не понимаю, отчего это умных людей всегда воображаешь себе стариками! Я, например, всегда так думал…

Берт несколько смущенно возразил что-то на этот комплимент, но лейтенант уже осаждал его новыми вопросами, — отчего он не явился на своей собственной летательной машине.

— Это длинная история, — сказал Берт и отрывисто прибавил: — Послушайте, не можете ли вы одолжить мне туфли, или ботинки, или что-нибудь в этом роде? Я видеть не могу эти сандалии. Они никуда не годятся, я взял их у друга…

— О, конечно! — воскликнул Курт и на минуту вышел из комнаты.

Он вернулся с ворохом обуви. Тут были легкие бальные туфли, и туфли для купания, и пара ярких пунцовых туфель с вышитыми на них золотыми цветами. Однако на эти последние Курт посмотрел не без сожаления.

— Я даже не надевал их ни разу… Просто захватил с собой… впопыхах. Это мне вышили в Оксфорде… Приятельница… — прибавил он с конфиденциальной улыбкой. — Но вы все же возьмите их.

Берт выбрал бальные туфли.

— Каково! — заметил лейтенант. — Вот мы тут с вами выбираем ботинки, а внизу, под нами, развертывается гигантская панорама мира. Разве это не забавно? А взгляните-ка сюда!..

Берт вместе с ним выглянул в окошко маленькой, красной, отделанной серебристым алюминием каюты. Внизу, на земле, все было черно, и нельзя было различить отдельных очертаний, только неизвестное озеро слегка выделялось на общем темном фоне. Других воздушных кораблей в темноте тоже не было видно.

— Посмотрим снаружи, — сказал лейтенант. — Пойдемте. Тут есть маленькая галерея…

Он провел Берта по длинному коридору, освещенному лишь одной электрической лампочкой, мимо нескольких надписей на немецком языке, и вышел на открытый балкон. Легкая лестница вела вниз на галерею, сделанную из металлической решетки и повисшую над пустотой. Берт, медленно и осторожно ступая по лестнице, спустился вслед за Куртом на галерею. Отсюда можно было наблюдать чудное зрелище: ночной полет первого воздушного флота. Воздушные корабли летели сомкнутым строем в виде клина; «Фазерлэнд» был выше и впереди всех. Хвост этой удивительной процессии уходил далеко в небеса. Огромные темные воздушные корабли, своим видом напоминавшие рыб и почти не освещенные, быстро перемещались правильными, длинными, волнообразными движениями. Стук машин был отчетливо слышен. Они летели на высоте полутора или двух километров, постепенно поднимаясь выше. Внизу, на земле, все было тихо, и только иногда темнота освещалась пламенем доменных печей или же появлялись огоньки освещенных улиц больших городов…

Мир, казалось, лежал в невероятной глубине, над которой сверху навис огромный воздушный флот.

Некоторое время они молча наблюдали ландшафт внизу.

— Должно быть, интересно изобретать разные вещи, — произнес вдруг лейтенант Курт. — Скажите, как это вам впервые пришло в голову изобрести такую машину?

— Это плод долгих раздумий, — отвечал Берт после небольшой паузы.

— У нас горят нетерпением узнать все относительно вас. Думали, что англичане уже приобрели ваше изобретение. Ведь они добивались его?

— До известной степени… но это длинная история…

— Мне кажется, необыкновенно трудно изобретать! Я бы, кажется, никогда не изобрел ничего…

Оба замолчали, углубившись в свои мысли и в созерцание темневшего внизу мира. Звук гонга, созывавшего к позднему обеду, прервал их размышления. Берт вдруг встревожился.

— Разве не надо переодеваться к обеду? — спросил он. — Видите ли, я всегда был слишком поглощен наукой и плохо знаком со светскими обычаями…

— Будьте спокойны, — сказал Курт. — Тут никто не имеет другого платья, кроме того, которое на нем. Мы ведь путешествуем без багажа. Быть

может, вы снимете пальто? В конце каждой комнаты имеется электрический радиатор для обогревания…

И вот Берт очутился за столом, в присутствии германского «Александра Великого», знаменитого принца Карла-Альберта, героя всего земного шара. Это был красивый белокурый человек, с плоским носом и глубоко сидящими глазами. Усы его были закручены вверх, длинные руки очень белы. Он сидел на высоком кресле, под германским императорским флагом и черным орлом, широко распростершим крылья. Он как будто восседал на троне, и Берта поразило то, что когда принц ел, то смотрел через головы присутствовавших, как человек, который видит что-то, невидимое остальным. Двадцать офицеров различного ранга теснились вокруг стола. Все, видимо, сгорали нетерпением увидеть прославленного Беттериджа, и когда появился Берт, они не смогли скрыть своего изумления. Принц с важностью кивнул ему головой, на что Берт, по счастливому вдохновению, ответил низким поклоном.

Возле принца находился смуглый, сморщенный человек в серебряных очках, с пушистыми грязновато-серого цвета бакенбардами. Этот

человек разглядывал Берта с особенным вниманием, которое очень смущало Берта. Исполнив какие-то непонятные для Берта церемонии, собравшиеся уселись за стол. На другом конце стола сидел офицер с птичьей физиономией, который вынужден был уступить Берту свою каюту. Он также смотрел на Берта с недоброжелательным вниманием и что-то шептал своему соседу.

Два солдата прислуживали за столом. Обед был скромный: суп, свежая баранина и сыр.

Говорили очень мало.

Вообще, за обедом преобладало торжественное настроение. Отчасти сказывались все волнения и напряженная работа перед началом похода, отчасти это зависело от осознания необычайной важности положения и риска всего предприятия. Принц тоже погрузился в размышления. Он встал, чтобы предложить тост за императора, и все крикнули: «Hoch» [Hoch (нем.) — да здравствует, ура!], как прихожане в церкви, повторяющие припев. Курить не позволялось, но некоторые из офицеров вышли на галерею, чтобы пожевать табак. Вообще, всякий огонь был опасен среди массы взрывчатых веществ на воздушном корабле.

Берт почувствовал дрожь и начал зевать. Он

был подавлен сознанием собственного ничтожества среди этих громадных, быстроходных чудовищ. Жизнь казалась необъятной — Берт никак не мог ее вместить. Он пожаловался Курту на головную боль; по крутой лестнице прошел с маленькой висячей галереи внутрь воздушного корабля в свою каюту и, точно ища убежища, кинулся в постель…

5

Берт спал неспокойно: его преследовали страшные сны. Большей частью он видел себя в бесконечном коридоре воздушного корабля с бесчисленным множеством подъемных дверей или среди сквозного переплета, образующего каркас корабля, и безумный, непонятный ужас охватывал его…

— Ох! — воскликнул он, проснувшись. В эту ночь он уже седьмой раз летел вниз головой через бесконечное пространство.

Берт сел на койке в темноте и начал растирать колени. Движения воздушного корабля были далеко не такими плавными, как движения воздушного шара. Берт чувствовал — вот корабль идет вверх-вверх-вверх, потом вниз-вниз-вниз, потом стук и дрожь корпуса машины.

Воспоминания нахлынули на Берта, когда он сидел в темноте, и все чаще всплывал тревожный вопрос: что-то будет завтра? Завтра, как сообщил Курт, секретарь принца, граф фон Винтерфельд, придет к Берту, чтобы поговорить с ним насчет летательной машины, а затем Берту будет дана аудиенция у принца. Берту надо будет укрепить мнение, что он — Беттеридж, и продать его изобретение. А если они выведут его на чистую воду?.. Он увидел перед собой призрак взбешенного Беттериджа… Предположим, что потом он сознается, скажет, что это было недоразумение! Он начал обдумывать план действий. Как продать этот секрет и обойти Беттериджа? Какую сумму назначить? Берт решил, что двадцать тысяч фунтов стерлингов будет подходящей ценой.

Постепенно Бертом овладело уныние. Он затеял опасную игру, — слишком опасную!..

«Где я был в это время прошлой ночью?» — старался вспомнить он, восстанавливая в памяти все подробности. Да, он был в облаках, на воздушном шаре Беттериджа. Он вспомнил, как опустился сквозь облака и в холодном сумеречном свете увидел внизу море, совсем близко.

Все это представлялось ему теперь точно в кошмарном сне. А всего лишь за ночь перед этим они

с Граббом искали дешевый ночлег в Литтлстоне, в Кенте… Как все это далеко теперь! Казалось, минули годы… В первый раз он живо представил себе своего товарища, «дервиша пустыни», которого он покинул в песках Даймчерча с двумя велосипедами, выкрашенными в ярко-красный цвет.

«Ну, без меня-то он не сумеет давать представления, — подумал Берт. — А ведь касса наша осталась у него в кармане!» — вспомнил он.

Накануне перед тем был праздник, и они сидели вдвоем и обсуждали свое трубадурское предприятие, составляя программу, репетируя куплеты. А за день до этого была Троица.

— Надо же! — воскликнул Берт. — К чему привело меня это приключение с мотоциклом!..

Ему почудился глухой звук от хлопанья подушкой по горящему мотоциклу. Вспомнил он также и чувство бессилия, которое овладело им, когда пламя вспыхнуло вновь, несмотря на все старания потушить его. Но среди всех этих грустных воспоминаний ярко выделялся один светлый образ — образ молодой девушки, крикнувшей ему на прощание: «Я ведь завтра увижу вас, Берт?»

Все связанное с Эдной приурочивалось теперь именно к этому моменту, именно к этим ее сло-

вам. Понемногу, однако, Берт впал в блаженное состояние, которое выразилось наконец в решении: «Я женюсь на ней, если только она этого захочет...» И тут же у него в мозгу молнией пронеслась мысль, что, если он продаст секрет Беттериджа, его брак с Эдной может осуществиться. В самом деле, ведь он может получить двадцать тысяч фунтов! Такие суммы выплачивались за изобретения... Он мог бы купить дом с садом, мог бы одеться по самой последней моде, приобрести мотор, путешествовать и вообще пользоваться вместе с Эдной всеми удовольствиями культурной жизни. Конечно, все это сопряжено с риском для него. «Беттеридж, наверное, не оставит меня в покое», — подумал Берт, и им опять овладело уныние.

В данный момент он был еще в самом начале своих похождений. Ему надо выдать документы и получить деньги из кассы. Но прежде чем это будет... Ведь до возвращения домой еще далеко. Он летит в Америку и будет там сражаться. Положим, вряд ли придется много сражаться. Но если вдруг какой-нибудь снаряд угодит в бок «Фазерлэнда»?

«Не составить ли мне завещание?» — мелькнуло в мозгу Берта, и он снова улегся на койку,

чтобы хорошенько поразмыслить об этом. Конечно, он составит завещание в пользу Эдны — он уже решил, что получит свои двадцать тысяч. Но когда он занялся распределением небольших сумм в пользу других лиц, то мысли его стали путаться, и завещание приняло необыкновенно причудливую форму. Он снова проснулся от неприятного ощущения падения в пространстве. Уже восьмой раз в течение одной ночи!

«Это полет так действует на мои нервы!» — подумал Берт. Он ясно ощущал волнообразное движение судна: сперва спуск вниз-вниз-вниз, потом подъем вверх-вверх-вверх, и все время непрерывное «тук-тук-тук» машины!..

Берт встал, закутался в одеяло и пальто Беттериджа — было холодно — и стал смотреть в окно на облака, сквозь которые уже пробивался сероватый рассвет. Потом он зажег электричество, закрыл дверь на засов и, присев к столу, вытащил свой нагрудник. Достав оттуда планы, он разгладил их рукой и принялся внимательно рассматривать; затем вынул из портфеля другие чертежи. Двадцать тысяч фунтов! Надо только умело действовать. Во всяком случае, стоило попробовать.

Берт открыл указанный Куртом ящик, где хра-

нились письменные принадлежности.

Берт Смоллуэйс был вовсе не дурак, и в некотором отношении он получил даже неплохое образование. В школе он научился немного чертить, вычислять и разбираться в чертежах. Если его учение на этом кончилось и он вынужден был бороться за свое существование в атмосфере всевозможных рискованных предприятий и реклам, то это, в конце концов, была не его вина. Он стал таким, каким сделала его среда. Но из этого еще нельзя сделать заключение, что Берт был абсолютно неспособен понять идею летательной машины Беттериджа. Она показалась ему сначала очень запутанной, но потом знания, которые он приобрел в школе, и опыт, приобретенный в мастерской Грабба, помогли Берту разобраться, хотя изобретатель, кто бы он ни был, по-видимому, боялся целиком раскрыть свои намерения. Берт долго сидел над чертежами, очень недурно скопировал их, сделал рисунки и заметки — и задумался. Наконец он встал и, тяжело вздохнув, засунул чертежи в нагрудник, а нагрудник — во внутренний карман куртки; копии чертежей Берт очень аккуратно поместил на место оригиналов. В сущности, у него не было никакого определенного плана, когда он проделал все это,

просто ему была неприятна мысль о том, что придется расстаться с этим изобретением. Он еще долго сидел, задумавшись и вздыхая. Наконец он погасил электричество и решил снова лечь и попробовать заснуть…

6

Граф фон Винтерфельд тоже плохо спал в эту ночь.

Впрочем, он вообще спал очень мало и ночью занимался разрешением в голове разных сложных дипломатических проблем. А теперь как раз ему предстояло разрешить особенно трудную задачу.

Винтерфельд явился к Беттериджу, когда тот находился еще в постели. Каюта была освещена солнечными лучами, отраженными снизу, от поверхности Северного моря. Берт попивал кофе, принесенный ему солдатом. Винтерфельд пришел с портфелем под мышкой, в больших серебряных очках, солнце ярко освещало его седую голову, и вид у него был почти добродушный. Он говорил по-английски бегло, но с очень сильным немецким акцентом, особенно когда дело доходило до букв «би» и «ти-эйч»; он все сбивался на букву «з», а Берта называл «Путтерайдж».

Любезно поклонившись, он взял складной стул и столик, спрятанные за дверью, поставил стол между собой и Бертом и, слегка откашлявшись, раскрыл портфель. Затем, облокотившись локтями на стол, приложил пальцы к губам и сказал, бросив на Берта взгляд, приведший того в замешательство.

— Вы явились к нам, герр Путтерайдж, помимо вашей воли.

— Откуда вы это знаете? — спросил изумленный Берт после некоторой паузы.

— Я вижу по картам, найденным в вашей корзине. Это карта Англии. И по провизии, найденной там. Это все взято для пикника. Также и веревки у вас были запутаны. Вы тянули, но без толку. Вы не могли более управлять шаром. И другая сила, более могучая, нежели ваша, принесла вас к нам. Не так ли?

Берт молчал, размышляя.

— Хорошо, — продолжал Винтерфельд, — а где же дама?

— Это еще что? Какая дама?

— Вы поднялись вместе с дамой. Это ясно. Вы устроили на воздушном шаре пикник. Человек с вашим темпераментом, конечно, должен был взять с сопой даму. Но ее не было с вами, когда вы

опустились в Дорнгофе. Нет! Осталась только ее жакетка… Конечно, это ваше дело. Но мне было бы очень интересно знать…

— Откуда вы все это узнали? — спросил Берт.

— Я сужу по тем припасам, которые вы взяли с сопой. Но я не могу сказать, что вы сделали с дамой, мистер Путтерайдж. Не могу также сказать, отчего вы надели простые зандалии и такое дешевое зимнее платье. Это, впрочем, и не входит в мои инструкции. Быть может, вы это сделали ради забавы. Официально мы игнорируем эти подробности. Дамы приходят и уходят… Я понимаю это. Я ведь тоже светский человек. Видел я также очень умных людей, которые носили зандалии и даже держались вегетарианских привычек. Я знал людей — во всяком случае, я знал химиков, — которые не курили… По всей вероятности, вы где-нибудь спустили свою даму. Хорошо! А теперь перейдем к делу. Высшая сила, — сказал он торжественным тоном, и глаза его, смотревшие сквозь увеличительные стекла очков, еще более расширились, — высшая сила доставила вас и ваш секрет прямо к нам. Так! Да будет воля всевышнего! — он на мгновение склонил голову. — Тут судьба Германии и моего принца, — продолжал он. — Я понимаю, что вы

всегда носите с собой этот секрет. Вы поитесь грабителей и шпионов. И таким образом этот секрет попал вместе с вами в наши руки. Мистер Путтерайдж, Германия заплатит вам за него!

— Да?

— Да, — сказал секретарь принца и сурово взглянул на сандалии Берта, брошенные в угол около ящика.

Он встал и начал рассматривать какие-то записи. Берт с напряженным вниманием и страхом следил за ним.

— Германия, — я уполномочен объявить вам это, — всегда хотела купить ваш секрет. Мы даже очень хотели приобрести его, страстно желали скорее купить его. И только опасение, что вы в данном случае из патриотических побуждений действуете наперекор пританскому военному министерству, заставило нас поступать осторожно и сдержанно в переговорах с вами через посредников. Но мы нисколько не колебались в принятии ваших условий, и мне поручено заявить вам, что мы зогласны уплатить вам сто тысяч фунтов, которые вы спрашиваете.

— Черт возьми! — невольно воскликнул Берт.

— Что вы сказали?

— В голову кольнуло, — ответил Берт, подняв

руки к своей забинтованной голове.

— А!.. Итак, мне поручено заявить вам, что во всей истории этой плагородной и несправедливо обвиненной леди, которую вы так мужественно защищали против пританского лицемерия и черствости, все рыцарство Германии пезусловно находится на ее стороне.

— Леди? — робко спросил Берт. Но тут он вспомнил любовную историю Беттериджа. «Неужели этот старик прочел любовные письма? Если так, то ведь он должен считать его страстно влюбленным в эту леди!»

— Прекрасно, — пробормотал наконец Берт. — Что касается ее, то я не сомневался относительно этого, я…

Он запнулся. Секретарь смотрел на него во все глаза, и Берту эта неловкая минута показалась бесконечной.

— Очень хорошо, — сказал после паузы Винтерфельд. — Леди — это ваше дело, я только выполнил свою инструкцию. И титул барона вы тоже можете получить, герр Путтерайдж. Это все можно…

Он снова уставился глазами в стол и, помолчав немного, прибавил:

— Я должен сказать вам, сэр, что вы явились к

нам как раз в замый момент кризиса в мировой политике. Я не вижу теперь никакой опасности в изложении вам наших планов. Прежде чем вы покинете это зудно, наши планы уже станут известны всему миру. Война, пыть может, уже объявлена в данную минуту. Мы отправимся в Америку. Наш воздушный флот опустится на Зоединенные Штаты. Эта страна зовершенно не подготовлена к войне, зовершенно! Американцы всегда полагались на Атлантический океан. А их флот? Мы изпрали известный пункт, — это тайна наших командиров, — и, захватив его, устроим там пазу, своего рода внутренний Гибралтар. Это пудет — с чем бы сравнить это? — да, это пудет орлиное гнездо. Там пудет стоянка нашего воздушного флота. Там пудет производиться ремонт кораблей, и оттуда они пудут спускаться в Зоединенные Штаты, наводить ужас на города и население, подчинят Вашингтон своей власти, заставят принять наши условия. Вы слушаете то, что я вам говорю?

— Продолжайте, — произнес Берт.

— Мы, конечно, могли бы всего этого достигнуть, пользуясь лишь нашими воздушными кораблями и «Летающими драконами», но приобретение вашей машины дополняет наш проект.

Мы не только получаем более усовершенствованную летательную машину, но испавляемся от всякой тревоги относительно Великопритании. Без вас, сэр, Великопритания, — страна, которую вы так люпили и которая так дурно вам отплатила, страна фарисеев и рептилий, — не в зостоянии пудет сделать ничего, ни-че-го!.. Вы видите, я с вами беседую вполне откровенно. Прекрасно! Мне поручено заявить вам, что Германия все это признает и что она желает иметь вас в своем распоряжении. Мы приглашаем вас на пост главного инженера нашего воздушного флота. Мы хотим, чтобы вы построили целый рой таких летающих шмелей, которые и пудут находиться под вашим руководством. Вы пудете управлять этой зилой. Вы нам нужны именно в Америке, где мы хотим устроить станцию. Поэтому мы, без всякого колебания и оговорок, зоглашаемся на все ваши условия, поставленные вами неделю назад: сто тысяч фунтов наличными деньгами, жалование три тысячи фунтов в год, пензию в тысячу фунтов и титул барона, как вы этого желали. Вот и все мои инструкции…

Закончив свою речь, граф уставился в лицо Берта. Берт старался подавить свое волнение и сохранить спокойствие и хладнокровие. Теперь

наступил момент осуществления той схемы, которую он обдумывал ночью.

Винтерфельд с удвоенным вниманием рассматривал воротник Берта и лишь один раз мимоходом взглянул на сандалии — и опять на Берта.

— Надо подумать, — сказал Берт, чувствуя себя неловко под упорным взглядом графа. Наконец, собравшись с духом, он проговорил решительно: — Видите ли, у меня в руках секрет. Не так ли?

— Да.

— Но, отдавая его вам, я не хочу, чтобы упоминалось имя Беттериджа.

— Из деликатности?

— Вы угадали. Вы покупаете секрет, я продаю его вам, и все…

Берт чувствовал, что робеет под упорным взглядом графа, не спускавшего с него глаз.

— Вы хотите это сделать анонимно? Не так ли?

— Да, — подтвердил Берт, все более и более смущаясь. — Я назовусь другим именем, ну, скажем, Смоллуэйсом… Баронского титула мне не нужно. Я раздумал… Деньги, сто тысяч фунтов, я прошу распределить следующим образом: тридцать тысяч должны быть внесены в отде-

ление Лондонского банка в Бен-Хилле, в Кенте, и выплачены мне непосредственно за передачу чертежей; двадцать тысяч должны быть положены в Английский банк, а остальные разделены пополам между каким-нибудь хорошим французским банком и Германским национальным банком. Но я не хочу, чтобы они были внесены на имя Беттериджа. Я предлагаю положить их на имя Альберта Питера Смоллуэйса. Это мой псевдоним. Это одно условие…

— Далее! — сказал секретарь.

— Затем другое условие: вы не делаете никаких расследований относительно документов. Я имею в виду то, что делают английские джентльмены, когда продают или предоставляют вам выгружать товар. Вам нет надобности знать, откуда я взял этот товар! Я нахожусь здесь, отдаю вам свой товар — и дело кончено. Видите ли, могут оказаться люди, которые будут иметь дерзость говорить, что это не мое изобретение. Ну, вы знаете, что это не так. Хорошо! Но я не хочу никаких расспросов. Я хочу, чтобы была заключена окончательная сделка, просто и верно, и больше ничего. Понимаете?

В ответ на его слова последовало глубокое молчание. Винтерфельд вздохнул, откинулся

на спинку стула и, достав зубочистку, принялся задумчиво ковырять в зубах.

— Какое имя вы назвали? — спросил он наконец, закончив свое занятие. — Я должен записать его…

— Альберт Питер Смоллуэйс, — робко проговорил Берт.

Секретарь довольно долго записывал его, испытывая некоторое затруднение вследствие различного произношения букв английского и немецкого алфавита. Наконец он справился с этими трудностями, и тогда, снова откинувшись на спинку стула, взглянул в упор на Берта и сказал:

— А теперь, мистер Шмольльвэйс, расскажите мне, как вы завладели воздушным шаром мистера Путтерайджа…

7

Когда наконец граф фон Винтерфельд ушел, он оставил Берта в самом подавленном настроении. Берт поведал ему всю свою историю.

Он, как говорится, начисто исповедовался во всем. Он должен был рассказать все подробности, объяснить свой костюм, сандалии, свою затею — все! Секретарь, по-видимому, очень заинтересовался его рассказом, и вопрос о чертежах

был на время оставлен в стороне.

Винтерфельд пустился даже в различные предположения относительно прежних путешественников на этом воздушном шаре.

— Полагаю, что эта леди не была «действительно» леди. Впрочем, это не наше дело. Это очень интересная и запавная история, — улыбнулся он. — Но я боюсь, что принц пудет недоволен. Он действовал со своей обычной решительностью. Он всегда действует с изумительной решительностью… Точно Наполеон! Как только ему донесли, что вы опустились в лагере Дорнгофа, он немедленно сказал: «Принесите его сюда, принесите его сюда! Это моя звезда!» Вы понимаете? Он пудет разочарован. Он ожидал, что вы — герр Путтерайдж, а вы — не герр Путтерайдж. Вы попробовали выдать себя за него, но неудачно. Его зуждения о людях всегда пывают очень верны и справедливы, и для людей пудет лучше, если они пудут зообразовываться с этими зуждениями. Озопенно теперь… В озопенности теперь…

Он снова приложил пальцы к губам и заговорил почти конфиденциальным тоном:

— Пудет неловко. Я пробовал внушить зомнения принцу, но меня опровергли. Принц и слушать не хотел. На этой вызоте он всегда пы-

вает в вознужденном зостоянии. Пыть может, он подумает, что его «звезда» подшутила над ним… или подумает, что я ломаю дурака…

Он наморщил лоб, и углы его рта опустились.

— Но чертежи-то у меня, — заметил Берт.

— Это верно. Да. Но, видите ли, принц пыл заинтересован Путтерайджем преимущественно с романтической стороны. Герр Путтерайдж представлялся ему зовсем иным… Ах, он воопражал сепе его гораздо значительнее… Поюсь, что вы также не в зостоянии пыли бы удовлетворить его и в другом отношении — не могли бы управлять машинным отделом нашего воздушного парка, как он этого желал бы… Он рассчитывал… Затем, тут играет роль и престиж Путтерайджа… Хорошо! Мы посмотрим, что можно пудет сделать. Давайте чертежи!

Секретарь протянул руку. Сильная дрожь охватила Берта. Никогда, до конца своей жизни, он не мог с точностью сказать, заплакал ли он в самом деле в этот момент. Но в голосе его, несомненно, слышались слезы, когда он проговорил:

— Что ж, я ничего даже не получу за них?

Секретарь посмотрел на него добродушно и сказал:

— Вы ничего не заслуживаете.

— Но я мог бы разорвать их.

— Они вам не принадлежат.

— Но ведь они и не ваши…

— Нет надобности платить что-нибудь.

Берт, видимо, был готов на отчаянный поступок. Он крепко вцепился руками в пальто и воскликнул:

— Ну, так вы не получите их! К черту!

— Успокойтесь, — сказал ему секретарь, — выслушайте меня. Вы получите пятьсот фунтов. Я опещаю вам это. Я сделаю это для вас, но это все, что я могу сделать. Возьмите их от меня. Напишите название банка… Так! Я говорю вам, что с принцем шутки плохи! Не думаю, что ваша наружность удовлетворила его вчера вечером. Он хотел иметь Путтерайджа, а вы обманули его. Принц — я зовершенно не понимаю причины — находится теперь в странном зостоянии. Пыть может, так повлияло на него волнение при подъеме и этот великий полет в воздухе. Я зовсем не могу ручаться за него. Но если все пойдет хорошо, — я уж позабочусь об этом! — то вы получите пятьсот фунтов. Зогласны? Тогда давайте мне чертежи…

— Старый мошенник! — воскликнул Берт, когда дверь захлопнулась. — Черт побери! Этакий

негодяй!

Берт уселся на стул и некоторое время сидел молча, не двигаясь.

— Хорошую бы штуку я преподнес ему, если б изорвал чертежи! — сказал он наконец, потирая пальцем переносицу. — Да! Я проиграл игру! Дернуло меня заговорить об анонимности… Ай! Ай! Поторопился, брат Берт! Чересчур стремительно! Ах, я просто готов убить себя! Такого свалял дурака!.. Впрочем, я бы все равно не смог провести это дело… и, в конце концов, пожалуй, не так уж плохо… — прибавил он. — Все-таки — пятьсот фунтов… Как-никак, ведь это не мой секрет… Пятьсот фунтов! Хотел бы я знать, сколько стоит обратный билет из Америки домой.

8

Вечером того же дня жалкий и дрожащий Берт Смоллуэйс предстал перед принцем Карлом-Альбертом.

Разбирательство дела происходило на немецком языке. Принц находился в своей каюте, в самом конце воздушного корабля. Каюта выглядела чудесно: стены были увешаны красивыми циновками; во всю стену простиралось окно, из которого можно было смотреть вперед. Принц

сидел за складным столом, покрытым зеленым сукном. Рядом сидели Винтерфельд и еще два офицера. Перед ними лежали карты Америки, портфель, письма Беттериджа и еще какие-то бумаги. Берту не было предложено сесть, и он стоял во время допроса. Винтерфельд рассказал его историю, но Берт понял только слова: Путтерайдж и воздушный шар. Лицо принца все время сохраняло суровое, зловещее выражение. Другие офицеры осторожно наблюдали за ним, временами поглядывая на Берта. В их взорах, когда они смотрели на принца, выражалось и любопытство, и вместе с тем затаенная боязнь. Вдруг принцу, очевидно, пришла в голову какая-то мысль, и он принялся подробно рассматривать чертежи. Потом поднял голову и отрывисто спросил Берта по-английски:

— Вы видели когда-нибудь, как эта штука летает?

Берт встрепенулся.

— Да, Ваше Королевское Высочество, я видел это в Бен-Хилле, — сказал он.

Фон Винтерфельд что-то объяснил принцу.

— Как быстро «это» двигается? — спросил принц.

— Не могу сказать, Ваше Королевское Высоче-

ство. Но газеты, «Ежедневный курьер», например, писали, что со скоростью сто тридцать километров в час.

Они заговорили между собой по-немецки, потом принц снова обратился к Берту:

— Может «это» висеть в воздухе?

— Может повернуться в воздухе, словно оса, Ваше Королевское Высочество…

— Много лучше, не правда ли? — заметил принц Винтерфельду, и оба заговорили опять по-немецки.

Разбор чертежей кончился, офицеры взглянули на Берта. Один из них позвонил в колокольчик, пришел дежурный и унес портфель. После этого началось разбирательство дела Берта. Принц, повидимому, был склонен поступить с ним очень строго. Но Винтерфельд возражал ему. Очевидно, он приводил какие-то теологические соображения в пользу Берта, так как Берт несколько раз расслышал слово «gott» [Gott (нем.) — бог]. Наконец было принято окончательное решение, и Винтерфельду, видимо, было поручено объявить об этом Берту.

— Мистер Шмолльвэйс, — сказал он, — вы попали на этот воздушный корабль посредством бесчестного и зистематического опмана…

— Систематического? Нет! — прервал его Берт. — Я…

Принц жестом велел ему замолчать.

— …И во власти Его Высочества поступить с вами как со шпионом, — продолжал Винтерфельд.

— Как! Ведь я же явился, чтобы продать…

— Шш! — прикрикнул на него один из офицеров.

— Но, принимая во внимание, что вы послужили орудием провидения и через вас чертежи Путтерайджа попали в руки принца, вас пощадили! Да, вы пыли посланником непес… Поэтому вам позволяется оставаться на этом зудне, пока вами не распорядятся как-нибудь иначе… Вы понимаете?

— Мы возьмем его с собой как балласт, — прибавил принц грозно, бросив при этом суровый взгляд на Берта.

— Вы отправитесь с нами как «балласт», понимаете? — повторил ему Винтерфельд.

Берт раскрыл было рот, чтобы спросить насчет пятисот фунтов, но вовремя спохватился и благоразумно промолчал. Ему показалось, что он заметил одобрение во взгляде Винтерфельда, который слегка кивнул ему головой.

— Ступайте! — сказал принц, делая жест рукой

по направлению к двери.

Берт вылетел, точно лист, уносимый бурей.

9

После своего разговора с Винтерфельдом и прежде, чем попасть к принцу на допрос, Берт все-таки ухитрился осмотреть «Фазерлэнд».

Этот осмотр чрезвычайно заинтересовал Берта, несмотря на то что он был очень встревожен своей беседой с графом.

Курт, как и большинство членов экипажа германского воздушного флота, до назначения на воздушный корабль не имел никакого понятия о воздухоплавании. Но он был в восхищении от этого назначения и с чисто мальчишеской горячностью предложил Берту осмотреть корабль во всех подробностях. Его приводила в восторг мысль о том, какое мощное орудие находится теперь в руках Германии! Он заставлял Берта обращать особое внимание на необычайную легкость всех предметов на корабле, на применение всевозможных алюминиевых трубок, на эластичные подушки, наполненные сжатым водородом. Переборки между каютами также представляли резервуары с водородом, покрытые сверху тонкой искусственной кожей. Посуда из

легкого фарфора без глазури была почти невесома. Там, где требовалась прочность, пускался в ход шарлоттенбургский сплав, или так называемая германская сталь, которая считалась самым прочным и упругим металлом в мире.

Внутри корабль был весьма обширен. Величина свободного пространства не имела значения, если только при этом вес не увеличивался. Обитаемая часть корабля простиралась в длину на семьдесят пять метров. Каюты был расположены в два яруса, а над ними помещались замечательные маленькие башенки из белого металла, с огромными окнами и двойными, непроницаемыми для воздуха дверями; эти двери вели в огромную полость корабля, где находились газовые камеры.

Берта поразило внутреннее устройство корабля. До сих пор он не мог представить себе воздушного корабля иначе как в виде большого мешка, наполненного газом. А теперь он видел над собой как бы спинной хребет аппарата и громадные ребра по бокам.

— Точно нервные волокна и кровеносные сосуды, — сказал Курт, который немного занимался биологией.

— Пожалуй, — согласился Берт, не имевший,

однако, ни малейшего понятия о том, что означают эти слова.

Для сигнализации другим кораблям в том случае, если что-нибудь произойдет, были устроены наверху специальные электрические лампочки. Через газовые камеры шли лестницы.

— Но вы же не в состоянии пройти там, — возражал Берт, — вы задохнетесь!

Лейтенант открыл шкафчик и показал Берту полный костюм, сделанный из шелка, пропитанного маслом. Резервуар для сжатого воздуха и шлем были сделаны из алюминия или какого-то другого легкого металла.

— Мы можем проходить по внутренней сети, — объяснил Курт, — когда надо заделать отверстия, проделанные пулями, или исправить иные повреждения. Внутри и снаружи корабля существует сеть. Наружная покрышка корабля представляет, так сказать, веревочную лестницу.

В задней части обитаемой половины корабля помещался склад взрывчатых материалов. Это были бомбы различного типа, большей частью стеклянные. Ни один из немецких воздушных кораблей не имел пушек, за исключением маленькой пушки «пом-пом» — это старинное английское прозвище было дано этой пушке еще

во время бурской войны. Посередине корабля, под газовыми камерами, проходила крытая галерея, с алюминиевыми ступеньками на полу и веревочными перилами. Галерея эта вела в машинное отделение, находившееся в хвосте корабля. Но Берт там не был и ни разу не видел машин. Зато он поднялся по лестнице, заключенной в газонепроницаемую трубу и представлявшей собой запасный пожарный выход. Лестница вела на небольшую наблюдательную галерею; здесь стояли телефон и пушка «пом-пом» с ящиком гранат, отлитая из германской стали. Галерея была целиком сделана из сплава алюминия с магнием. Плотная, непроницаемая передняя часть воздушного корабля вздымалась как скала, и на этой скале черный орел грозно распростер свои крылья. Носа и кормы корабля не было видно за выпуклостью газового резервуара…

Далеко внизу, под этими парящим орлами, на расстоянии чуть больше километра, лежала Англия, казавшаяся такой маленькой и беззащитной в лучах утреннего солнца…

Когда Берт понял, что там, внизу, находилась Англия, он вдруг почувствовал какое-то раскаяние. Новые мысли зародились в его голове. В самом деле, следовало разорвать чертежи и

выбросить их… Эти люди ничего не смогли бы ему сделать. А если бы даже?.. Разве он не должен жертвовать жизнью ради своей родины! До сих пор ему это не приходило в голову. Современная цивилизация, развивавшая конкуренцию до высшей степени, не давала времени думать об этом. Теперь у него было очень подавленное настроение. Он сознавал, что поступил не так, как было нужно. Отчего он раньше не понимал этого? В самом деле, разве он не изменник?..

«Интересно бы знать, — размышлял он, — какой вид имеет этот воздушный флот снизу? Должно быть, очень грозный, и все здания в сравнении с ним — прямо карлики…»

Курт сказал ему, что они пролетают теперь между Манчестером и Ливерпулем. Берт видел сверкающую ленту канала и волнующуюся линию судов далеко впереди, в устье Мерсея. Берт был родом из южной Англии. Он был поражен количеством фабрик и труб, большинство из которых уже не дымило: огромные генераторные электрические станции, работавшие бездымно, сделали лишним сооружение труб. Берт видел старые железнодорожные мосты, однорельсовую сеть, склады и обширное пространство сероватых домиков и узких улиц, как-то бесцельно разбегав-

шихся в разные стороны. Кое-где, точно накрытые сетью, были заметны поля и земледельческие поселки. На таком расстоянии все смешивалось. Вероятно, там находились музеи, ратуши, соборы… Но Берт не мог их разглядеть: они совсем не выделялись в широко раскинувшейся внизу беспорядочной группе фабрик, заводов, мастерских, переполненных рабочими, домов… И над этим ландшафтом промышленной цивилизации скользила тень германских воздушных кораблей, точно стая хищных рыб…

Разговор перешел на тактику воздушного боя, и Курт повел Берта на нижнюю галерею, чтобы показать ему «Летающих драконов», которых правое крыло воздушного флота поймало ночью и теперь тащило за собой на буксире. Каждый корабль тащил трех или четырех «Летающих» драконов. Они напоминали своим видом коршунов увеличенных размеров и парили в воздухе на концах невидимых веревок. Голова такого коршуна была длинная, четырехугольная, хвост — плоский, с боковыми пропеллерами.

— Надо много ловкости, чтобы управлять ими, — заметил Берт.

— Еще бы!

Пауза.

— Ваша машина не похожа на эти, мистер Беттеридж?

— Совсем не похожа, — отвечал Берт. — Она скорее напоминает насекомое, нежели птицу. Она жужжит и не вертится, как эти. Ну что они могут сделать?

Курт и сам хорошенько не понимал этих вещей, но все же он принялся что-то объяснять Берту, как вдруг Берта позвали к принцу.

После аудиенции у принца Берт окончательно перестал быть мистером Беттериджем, и для всех на корабле стал просто Смоллуэйсом. Солдаты уже больше не отдавали ему чести, а офицеры как будто совершенно не замечали его, за исключением лейтенанта Курта. Берта выселили из прежней прекрасной каюты, и он должен был перейти со всем своим скарбом в каюту лейтенанта Курта, самого младшего на корабле. Офицер с птичьей физиономией, бормоча проклятья, снова расположился в своей каюте, притащив туда всевозможные невесомые туалетные принадлежности: необыкновенно легкие щеточки, зеркальца, разные помады и прочее. Берта поместили вместе с Куртом потому, что на всем корабле нельзя было сыскать ни одного местечка, где бы он мог преклонить свою забинтованную

голову. Ему объявили, что он должен обедать вместе с матросами…

Курт пришел и, расставив ноги, несколько минут молча смотрел на Берта, который с унылым видом сидел в каюте.

— Как же вас зовут, наконец? — спросил Курт, еще не вполне осведомленный относительно нового положения дел.

— Смоллуэйс.

— Я всегда думал, что вы жуликоватый парень, даже тогда, когда принимал вас за Беттериджа. Счастье для вас, что принц воспринял это спокойно. Он ведь очень горяч и не замедлил бы вышвырнуть за борт такого проходимца, как вы, если бы нашел это нужным… Да! Они вас спихнули ко мне, но вы знаете, что это моя каюта?

— Я не забуду этого, — сказал Берт.

Курт вышел из каюты. Когда Берт наконец решился окинуть взором свое новое жилище, то первое, что он увидел, была приклеенная к обивке стены копия знаменитой картины Зигфрида Шмальца; на ней был изображен бог войны, шествующий в багряном плаще и шлеме викинга среди всеобщего разрушения. Страшная фигура с мечом в руках очень походила на Карла-Альберта, и это сходство было ей придано, чтобы

доставить удовольствие воинственному принцу.

Глава V. Сражение в Атлантическом океане

1

Принц Карл-Альберт произвел на Берта очень сильное впечатление. Берту казалось, что он никогда в жизни не видел более страшного человека. Смоллуэйс чувствовал ужас и страстную антипатию к этому человеку. Берт долго сидел один в каюте Курта, не решаясь даже приоткрыть дверь, чтобы не увидеть вблизи человека, внушающего ему такие чувства. Поэтому он последний на судне узнал новости, сообщенные беспроволочным телеграфом. Телеграф передавал отрывочные сведения о ходе великого морского сражения посреди Атлантического океана. В конце концов Берт узнал об этом от Курта.

Курт вошел в каюту с таким видом, как будто Берта тут вовсе и не было, тем не менее он пробормотал английские слова:

— Изумительно! Тут, должно быть, в ящике…

Он достал какие-то книги и ящик с картами. Разложив эти карты на складном столике, Курт

принялся их внимательно рассматривать. Некоторое время немецкая дисциплинированность боролась в его душе с природной болтливостью и добродушием. Наконец немецкая чопорность была побеждена.

— Они добились, Смоллуэйс! — выпалил он.

— Добились? Чего? — спросил Берт почтительным тоном.

— Сражения! Американская североатлантическая эскадра и почти весь наш флот. Наш «Железный Крест» получил пробоину и тонет, а их «Майльс Стендиш», самый большой корабль, пошел ко дну со всем экипажем. Вероятно, — торпеды. Этот корабль был побольше «Карла Великого», но на пять или на шесть лет старше… Черт побери!.. Хотел бы я увидеть это, Смоллуэйс! Битва среди океана! Гром пушек, суда идут на всех парах…

Он снова развернул карты и, так как ему хотелось говорить, прочел Берту целую лекцию о положении эскадры.

— Это здесь, — сказал он. — Тридцать градусов и пятьдесят минут северной широты и столько же градусов западной долготы. От нас это день пути, во всяком случае. Они все идут на юго-запад, полным ходом, так что нам ничего не придется

увидеть. Как жаль! Мы даже не понюхаем этой битвы!..

2

Положение дел в северной части Атлантического океана было исключительное. Соединенные Штаты были гораздо сильнее Германии на море, но главная часть американского флота находилась в Тихом океане. Войны опасались больше всего со стороны Азии, так как отношения между американцами и японцами приняли в последнее время очень резкий и даже определенно враждебный характер. Японское правительство обнаружило при этом беспримерную несговорчивость. В момент нападения Германии половина американских морских сил находилась в Маниле, а то, что называлось второлинейным флотом, выстроилось поперек Тихого океана, поддерживая по радиотелеграфу постоянную связь между Сан-Франциско и азиатской станцией. Североатлантическая эскадра являлась в то время единственной представительницей американских морских сил у восточных берегов. Эскадра возвращалась после дружественного визита к берегам Франции и Испании и находилась как раз среди океана, где накачивала из

тендеров в свои резервуары нефть: большинство судов были паровыми. Между тем международное положение обострилось. Эскадра состояла из четырех броненосцев и пяти броненосных крейсеров почти такой же силы, как броненосцы, причем все они были построены не позднее 1913 года. Американцы, однако, до такой степени свыклись с тем, что Англия будет всегда охранять мир в Атлантике, что не допускали даже мысли о возможности какого-либо нападения и оказались совершенно неподготовленными к битве. Но еще до объявления войны, а именно на Троицу, весь германский флот в составе восемнадцати броненосцев, целой флотилии тендеров с запасами топлива и крупных коммерческих пароходов, превращенных в транспортные суда, прошел через Дуврский пролив и смело направился в Нью-Йорк для поддержки германского воздушного флота. Германский военный флот численностью вдвое превышал американский, и, кроме того, германские суда были новейшей конструкции и лучше вооружены. По крайней мере семь из них были снабжены шарлоттенбургскими двигателями внутреннего сгорания и шарлоттенбургскими стальными пушками.

Бой произошел в среду после Троицы, еще до

настоящего объявления войны. Американцы выстроились в линию, согласно требованию современной тактики, растянулись на протяжении почти пятидесяти километров и все время держались этого строя, чтобы не позволить неприятелю подойти близко к восточным штатам или к Панаме. Как ни важно было для американцев охранять приморские города, особенно Нью-Йорк, — еще важнее было не допустить проникновения немцев в канал, так как это помешало бы главному американскому флоту вернуться из Тихого океана.

— Без сомнения, — заметил Курт, — теперь американский флот стремится с наибольшей возможной скоростью вернуться в Атлантический океан, если только японцам не пришла в голову та же мысль, что и нам!

В самом деле, американская атлантическая эскадра не питала ни малейшей надежды победить немцев, но она могла надеяться в случае неудачи задержать движение германского флота и нанести ему такой ущерб, который в значительной степени ослабил бы атаку врага на береговые позиции. Американский флот в данном случае совершил самоотверженный акт — а это самое трудное! Пока он удерживал в отдалении герман-

ский флот, подводные заграждения Нью-Йорка, Панамы и других важнейших пунктов приводились в порядок…

Таково было положение дел в среду после Троицы, когда оба флота встретились.

Только тогда американцы впервые услышали о Дорнгофском воздухоплавательном парке и о возможности нападения не только со стороны моря, но и сверху, с воздуха. Замечательно, что газеты того времени до такой степени не пользовались доверием общества, что в Нью-Йорке почти никто не поверил их подробным описаниям германского воздушного флота, пока этот флот не появился над самым Нью-Йорком.

Курт больше ворчал под нос. Он стоял над морской картой, раскачивался вместе с воздушным кораблем и все толковал о пушках, о вместимости кораблей, об их постройке, о количестве сил и скорости, о стратегических позициях и операционных базах. За офицерским столом Курт был застенчив, мало говорил и больше слушал. Но теперь эту застенчивость как рукой сняло.

Берт стоял, молча слушал и следил за путешествовавшим по карте пальцем Курта.

— Газеты давно уже писали об этом, — заметил Берт. — И вдруг это стало действительностью!

Курт, оказывается, имел самые подробные сведения о погибшем американском корабле «Майльс Стендиш».

— Этот корабль стрелял великолепно, побивал рекорды. Хотел бы я знать, как мы одолели его, — пальбой из орудий или каким-нибудь другим способом? Как жаль, что я не участвовал в сражении! Какой из наших кораблей победил американца? Может быть, снаряд попал в машинное отделение, и от этого корабль пошел ко дну? Ведь корабли не стоят на одном месте во время сражения!.. Хотел бы я знать, что делает «Барбаросса?» Он ведь тоже отправился туда. Это мой старый корабль; он если и не первоклассное, то очень хорошее судно… Только представьте себе эту картину! Вот они наносят друг другу удары; большие орудия стреляют, лопаются гранаты, взрываются склады снарядов, во все стороны летят железные осколки, точно солома, уносимая ветром… Как часто мы за последние годы рисовали себе в мечтах такое сражение! Я полагаю, что мы полетим теперь прямо в Нью-Йорк, как будто ничего не случилось. Я думаю, что в нас там не нуждаются, так как происшедшее сражение лишь прикрывает наше движение. Все эти тендеры и транспорты отправляются на

юго-запад от Нью-Йорка, чтобы устроить для нас плавучие склады. Смотрите!.. — Он коснулся карты указательным пальцем. — Вот где мы! Наши транспорты — здесь, а наши броненосцы — там, и они гонят американцев прочь с дороги…

Когда Берт спустился вниз, в столовую экипажа, чтобы получить свою вечернюю порцию, почти никто не обратил на него внимания, только кто-то молча указал на него, когда он вошел. Все с жаром говорили о бое, спорили, доказывали, и временами, если не вмешивался кто-либо из старших и не приказывал молчать, в каюте поднимался сильный шум. Был получен новый бюллетень с места сражения, но Берт не понял, в чем дело, понял только, что говорится о «Барбароссе». Некоторые из матросов смотрели на Берта в упор, и он слышал несколько раз, как его называли «Буттерайдж», но все же его никто не обижал, и когда до него дошла очередь, он получил полностью свою порцию супа и хлеба. Втайне он побаивался, что ему ничего не дадут и что ему не полагается никакой порции. Если бы это случилось, он просто не знал бы, что делать!

После ужина Берт отправился на маленькую висячую галерею, где находился одинокий часовой. Погода была хорошая, но поднимался ветер,

и поэтому волнообразное движение корабля усиливалось. Берт крепко ухватился за перила: он чувствовал легкое головокружение. Земли уже не было видно, и воздушный флот летел над темно-синей пустыней океана, то поднимаясь, то опускаясь ближе к его поверхности. Старая грязная бригантина под британским флагом качалась на синих волнах. Это было единственное судно, которое виднелось в необъятной шири океана.

3

К вечеру поднялся шторм, и воздушный корабль начал нырять в воздухе словно дельфин. Курт сказал Берту, что уже многие заболели морской болезнью, но на Берта качка не действовала. Очевидно, он был создан, чтобы быть моряком. Он спал хорошо, но ночью его разбудил огонь, и он увидел: Курт что-то ищет в каюте. Наконец в ящике под кроватью он нашел то, что искал. Это был компас. Курт смотрел то на него, то на карту и, помедлив, произнес:

— Да, мы изменили курс. Мы идем по ветру. Не понимаю, что это значит! Мы идем в сторону от Нью-Йорка, на юг… Можно подумать, что мы хотим принять участие…

Курт еще некоторое время продолжал выска-

зывать вслух свои мысли.

Утро было серое и ветреное. Снаружи окно покрыли капли дождя, и ничего нельзя было разглядеть. Было довольно холодно. Берт закутался в одеяло и сидел в углу на ящике, пока не услышал звук гудка, призывавшего к завтраку. После завтрака Берт опять вышел на маленькую галерею, но не мог разглядеть ничего, кроме бешено мчавшихся облаков и неясных очертаний ближайших воздушных кораблей. Лишь изредка, когда облака на мгновение рассеивались, Берт улавливал полосу серого бушующего внизу моря.

Днем «Фазерлэнд» изменил свое положение и поднялся выше. Он плыл теперь в чистом, прозрачном воздухе, на высоте почти четырех километров, как сказал Курт.

Берт находился в каюте и следил, как исчезали капли воды на окнах. Наконец показалось солнце.

Он выглянул наружу и увидел ту же самую картину, которую наблюдал с воздушного шара: освещенное солнцем море облаков внизу и суда германского воздушного флота, одно за другим выплывавшие из белого тумана, точно огромные рыбы из глубины на поверхность.

Берт с минуту смотрел в окно каюты, а затем

побежал на галерею, чтобы лучше все разглядеть. Внизу свирепствовал ураган, который гнал облака к северо-востоку, а вверху небо было ясное, воздух холоден и прозрачен, стояла тишина, лишь изредка ощущалось легкое дуновение холодного ветра, и в воздухе мелькали снежинки.

Ничего не было слышно, кроме стука машин, нарушавших безмолвие этих высот. Огромный отряд воздушных кораблей, поднимавшихся один за другим из облаков, казался стаей удивительных и страшных чудовищ, переселявшихся в неведомый мир.

Никто не знал, были ли какие-нибудь новые известия утром или нет. Если они и были, то принц их никому не сообщал, и лишь к середине дня появились бюллетени, которые привели лейтенанта Курта в сильнейшее волнение.

— «Барбаросса» выведен из строя и идет ко дну! — воскликнул Курт. — Мой бедный старый «Барбаросса»!.. А ведь какой был вояка, — прибавил он по-немецки, — какой хороший вояка!

Он начал ходить быстрыми шагами по раскачивающейся каюте и в отрывистых немецких фразах изливал свое огорчение; затем он снова заговорил по-английски:

— Подумайте только, Смоллуэйс! Наш старый

корабль, который мы всегда содержали в такой чистоте, в таком порядке! Все разлетелось вдребезги, железные осколки летят во все стороны, люди разорваны в клочья! Бог мой! Ведь я знаю там каждого человека! Вода кругом вся кипит, огонь и треск, гром пушек!.. Палят чуть не в упор. Как будто все, все разрывается на куски… А я здесь, наверху, так близко и в то же время так далеко!.. Бедный старый «Барбаросса»!..

— А другие суда погибли? — спросил Берт.

— Еще бы! Мы потеряли «Карла Великого», лучшее и самое большое судно. На него наткнулся британский пароход, который нечаянно попал в эту свалку и хотел как-нибудь выбраться из нее. Ведь они там сражаются во время урагана! Пароход с разбитым носом уносится волнами… Никогда еще мир не видел такой битвы, никогда! С обеих сторон хорошие суда и хорошие солдаты… Буря, ночь, рассвет… и все это происходит в открытом океане, на полном ходу! Никакого холодного оружия! Никаких подводных лодок! Орудия и стрельба! Мы ничего не знаем по крайней мере о половине наших судов, так как мачты у них сбиты, и беспроволочный телеграф не действует. 30°38′ северной широты 41°31′ западной долготы… Где это могло быть?..

Он снова развернул карту и рассеянно посмотрел на нее.

— Бедный старый «Барбаросса»! — пробормотал он. — Мне все представляется, как он гибнет. Снаряды попадают в машину, огонь вырывается из топок наружу, кочегары и механики умирают, обваренные паром! Люди, с которыми я вместе обедал, Смоллуэйс, люди, которых я хорошо знал! И вот настал их последний день! Счастье было не на их стороне… Поврежден и идет ко дну! Конечно, не всем улыбается счастье в сражении… Бедный старый Шнейдер! Я убежден все-таки, что он отплатил им чем-нибудь…

Целый день беспроволочный телеграф приносит известия. Американцы потеряли уже второе судно; название неизвестно; «Герман», прикрывавший «Барбароссу», поврежден…

Курт метался по воздушному кораблю, точно зверь в клетке. Он то взбирался на верхнюю галерею под орлом, то спускался на висячую галерею, то снова бросался к картам. Он заразил Берта своим волнением, и тот тоже проникся сознанием, что там, на океане, происходит страшная, кровавая битва.

Но когда Берт спустился вниз, на галерею, то мир опять стал пустым и бесконечным: все кру-

гом было тихо; вверху — прозрачное темно-синее небо; внизу — тонкая завеса перистых облаков, освещенных солнцем.

Иногда показывается быстро несущееся дождевое облако, но моря нигде не видно. «Тук-тук-тук-тук», — стучат машины, и по небу расстилается огромный волнистый клин воздушных кораблей вслед за флагманским судном, подобно стае лебедей, летящих за своим предводителем. Если бы не этот непрерывный стук машин, то было бы тихо, как во сне…

А где-то внизу, среди урагана и дождя, гремят орудия, лопаются снаряды, и люди, как и во время прежних войн, борются и умирают…

4

К концу дня погода несколько прояснилась, и стало видно море. Воздушный флот медленно спустился в более низкие слои атмосферы, и наконец перед закатом солнца вдали, с восточной стороны, показались остатки «Барбароссы».

Берт услышал, как люди бегут по коридору. Он тоже выскочил на галерею, где несколько офицеров рассматривали в полевые бинокли брошенные обломки военного судна. Тут же виднелось еще два корабля: пустой нефтяной тендер,

высоко поднявшийся над водой, и транспорт. Курт стоял в конце галереи, поодаль от других.

— Вот! — воскликнул он наконец. — Ведь это все равно как если бы я видел, что старому другу отрезали нос, и он ждет, когда с ним покончат! «Барбаросса»!

Повинуясь внезапному порыву, он вдруг протянул свой бинокль Берту. Берт протиснулся к нему, игнорируемый всеми, и тоже устремил свой взор на поверхность моря. Три судна представлялись ему чуть заметными черными точками вдали.

Никогда в жизни Берту не приходилось видеть ничего подобного! Броненосец был разодран на куски, и было непонятно, как он еще может держаться на поверхности воды. Его погубили свои же слишком сильные машины.

Во время продолжительной ночной погони он вышел из линии и прошел между «Сусквеганной» и «Канзас-Сити». Те, однако, заметили его и тотчас же повернули назад. Приблизившись, они сигнализировали другим судам — «Теодору Рузвельту» и «Маленькому Монитору».

Когда рассвело, германское судно увидело, что оно окружено. Через каких-нибудь пять минут с востока показался «Герман» и тотчас же, вслед за ним, с запада — «Князь Бисмарк».

Американцы отступили, но в этот короткий промежуток времени они успели разнести стального «Барбароссу» в пух и прах: на нем они выместили всю злобу из-за своего отступления накануне.

Теперь корабль представлял собой фантастический, искривленный металлический каркас, плавающий в море. Трудно было различить отдельные части судна, можно было только догадываться, где что находилось раньше.

— Вот! — шептал Курт, взяв бинокль, переданный ему Бертом. — Там были Альбрехт, славный Альбрехт, и старый Циммерман, и фон Розен!

И долго после того, как «Барбаросса» исчез в сгущавшихся сумерках, Курт оставался на галерее, продолжая смотреть в бинокль, а когда вернулся в каюту, то был молчалив и задумчив.

— Это страшная игра, Смоллуэйс, — сказал он наконец. — Да, война — страшная игра! Она представляется в ином свете после того, как увидишь ее вблизи! Много людей строило этот корабль, много людей было на его борту, и немало таких, которые не каждый день встречаются! Альбрехт — там был один офицер, которого звали Альбрехт, — играл на цитре и импровизировал. Хотел бы я знать, что с ним произошло! Мы были

большие друзья, как это у нас, немцев, бывает…

5

Смоллуэйс проснулся ночью, в темноте. В каюте был сквозняк. Курт говорил сам с собой по-немецки, стоя у открытого окна и выглядывая наружу. Холодный прозрачный полусвет проникал в каюту, сгущая тени по углам и предвещая скорое появление зари на облачных высотах.

— Что за шум? — спросил Берт.

— Стреляют! — сказал Курт. — Разве вы не слышите?

Действительно, в ночной тишине ясно слышался повторный гул пушечных выстрелов. Раз, два — пауза, и затем три выстрела, быстро следующие один за другим…

— Черт возьми! Пушки! — вскричал Берт и тотчас же очутился возле Курта.

Воздушный корабль плыл высоко; море внизу было скрыто тонкой пеленой облаков. Ветер прекратился, и Берт, устремив взор по направлению, указанному Куртом, заметил, как сквозь бесцветную завесу облаков мелькнуло красное пламя, затем, через некоторое время, — еще вспышка. Это пламя не сопровождалось в первый момент звуком, и лишь спустя несколько секунд раздался

отдельный раскат. Курт что-то быстро заговорил по-немецки.

Призывно загудел гудок. Курт вскочил в сильнейшем волнении и, опять что-то бормоча по-немецки, бросился к двери.

— Что такое? Что случилось? — спросил Берт.

Лейтенант стоял в дверях, заслоняя свет.

— Вы оставайтесь здесь, Смоллуэйс, — сказал он. — Сидите смирно и ничего не делайте. Мы вступаем в бой…

С этими словами он исчез.

Сердце Берта учащенно забилось. Он чувствовал, что воздушный корабль висит в облаках над сражающимися судами. Неужели он ринется на них, как сокол на птицу?

— Ох! — испуганно прошептал Берт.

…Бум! Бум! Берт уловил еще одну ослепительно яркую красную вспышку, мелькнувшую вдали, и в то же время он ощутил странную перемену в движении «Фазерлэнда», но в чем дело — не понял.

Стук машин стал еле слышным. Берт просунул голову в окно и увидел в темноте, что и другие воздушные корабли замедлили свой ход настолько, что движение их стало почти незаметным.

Снова прогудел гудок, и звук его передавался с

одного корабля на другой, постепенно ослабевая. Огни погасли, и воздушный флот повис в воздухе в виде огромной темной массы неопределенных очертаний среди безграничного голубого пространства небес. Где-то блеснула звездочка…

Флот оставался неподвижным в течение довольно долгого времени, которое Берту показалось бесконечным; затем он услышал, как начали накачивать воздух, и «Фазерлэнд» начал медленно снижаться.

Сколько ни высовывал Берт голову, ему все же не удалось рассмотреть, следует ли за «Фазерлэндом» остальной флот. Газовые камеры мешали его наблюдению. Но это медленное, бесшумное снижение корабля сильно подействовало на нервы Берта.

Мгла сгустилась на некоторое время, звезда, блестевшая на горизонте, исчезла, и Берт ощутил холодное прикосновение тумана. Потом вдруг яркий свет внизу принял определенные очертания и превратился в пламя, и тогда «Фазерлэнд» перестал опускаться.

Теперь корабль почти висел в воздухе, вблизи летящих облаков, и, вероятно, никем не замеченный, наблюдал битву, происходившую внизу, на расстоянии трехсот метров…

Ночью морская битва и отступление приняли новый оборот. Американцам удалось выстроить в колонну бегущие суда и в темноте поменять курс, так что к рассвету они уже полным ходом шли на север с намерением прорваться через германскую боевую линию и напасть на флотилию, шедшую в Нью-Йорк для поддержки германского воздушного флота.

Многое уже изменилось после первого столкновения флотов.

Американский адмирал О'Коннор получил наконец сведения о том, что у немцев есть воздушные корабли. Он больше не был связан с Панамой, так как подводная флотилия уже пришла туда из Кей-Уэста, а «Делавар» и «Авраам Линкольн», два могучих и вполне современных судна, находились в Рио-Гранде, у тихоокеанского входа в канал.

Но маневр американского адмирала был замедлен взрывом парового котла на «Сусквеганне», и поэтому рассвет застал американское судно вблизи германских судов «Бремен» и «Веймар», так что адмиралу оставалось либо покинуть корабль, либо вступить в бой. Он выбрал последнее.

Однако битва была не совсем безнадежна для американцев. Правда, немцы превосходили их

численностью и силой, но их суда растянулись по линии по крайней мере в семьдесят километров длиной, и поэтому можно было надеяться, что, пока они стянут свои силы для битвы, американская колонна в семь судов произведет среди них значительные опустошения.

Утро было пасмурное, облачное. «Бремен» и «Веймар» слишком поздно поняли, что им придется иметь дело не с одной только «Сусквеганной»; остальные корабли американской колонны были замечены на расстоянии полутора километров, не более.

Таково было положение дел, когда в облаках появился «Фазерлэнд». Яркое пламя, которое видел Берт сквозь облака, поднималось от «Сусквеганны». Несчастный корабль находился как раз внизу. Его нос и корма были в огне, тем не менее он все еще сражался; два его орудия продолжали стрелять, и он медленно шел к югу. «Бремен» и «Веймар», поврежденные во многих местах, уходили от него на юго-запад.

Американский флот во главе с броненосцем «Теодор Рузвельт» гнался за немцами, стреляя им вдогонку и старясь врезаться между ними; а с запада на помощь немцам спешил броненосец новейшего типа «Князь Бисмарк»…

Названия всех судов были неизвестны Берту. Обманутый странными маневрами судов, он даже некоторое время принимал немцев за американцев, а американцев за немцев. Ему показалось, что он видит колонну из шести броненосцев, преследующих три других судна, на помощь к которым явилось четвертое.

Но когда он увидел, что «Бремен» и «Веймар» стреляют в «Сусквеганну», все его предположения рухнули. Некоторое время он смотрел, совершенно сбитый с толку. Грохот орудий действовал на него удручающе.

Берт замечал, что звук выстрелов как-то изменился и перешел в непрерывный треск. Как только вспыхивал огонек, сердце у Берта сжималось от страха в ожидании удара. Он видел все эти броненосцы не в разрезе, как привык видеть их на картинках, а сверху, в плане, и суда казались ему странно короткими. Большей частью палубы броненосцев были пусты, и лишь в некоторых местах небольшие группы людей укрывались за стальными бортами.

В этой картине битвы с высоты птичьего полета прежде всего бросались в глаза пушечные жерла, из которых то и дело появлялось тонкое, прозрачное пламя, и суетливая деятельность

канониров.

Американские броненосцы с паровыми турбинами [в паровых машинах движущей силой является пар, причем для получения пара пользуются котлами, отапливаемыми углем или нефтью. При использовании двигателей внутреннего сгорания в таких котлах нет необходимости: нефть (или керосин, или бензин) впрыскивается непосредственно в цилиндр двигателя, зажигается там электрической искрой (или иным путем), и получается взрыв, который дает толчок поршню двигателя. Ясно, какая экономия получается за счет отказа от котлов; особенно велико значение двигателей внутреннего сгорания для кораблей] имели по две и по четыре трубы каждый.

Немецкие броненосцы сидели глубже в воде, и их моторы внутреннего сгорания работали теперь почему-то с сильным стуком.

Американские броненосцы были шире и более изящны в своих очертаниях. Берт ясно различал суда в холодном свете утренней зари. Они сильно качались; дымки выстрелов вспыхивали над волновавшейся поверхностью океана. И вся эта картина внизу, которую наблюдал Берт, то поднималась, то опускалась, соответственно движению воздушного корабля.

Вначале только один «Фазерлэнд» показался вверху, в облаках. Остальных воздушных кораблей не было видно.

«Фазерлэнд» парил высоко над «Теодором Рузвельтом»; «Рузвельт» шел полным ходом, «Фазерлэнд» старался не отставать от него. Вероятно, с «Рузвельта» временами можно было видеть воздушный корабль сквозь бегущие облака. Остальная часть германского воздушного флота оставалась на высоте около двух километров, за облаками, поддерживая постоянные сношения с флагманским судном посредством беспроволочного телеграфа.

Неизвестно, когда именно злосчастные американцы заметили появление нового врага. Никого не осталось в живых, некому было рассказать об этом! Мы лишь с помощью воображения можем дополнить эту картину и представить себе, что должны были почувствовать утомленные сражением моряки, когда внезапно, подняв голову, они увидели повисшее в воздухе длинное, безмолвное чудовище, на заднем конце которого развевался огромный германский флаг. Небо прояснилось, и силуэты других воздушных кораблей становились все заметнее в синеве, среди таявших облаков. Ни на одном из них не было ни пушек,

ни брони, и они летели быстро, чтобы не отставать от морских кораблей, сражавшихся на ходу.

Американцы не сделали ни одного пушечного выстрела по «Фазерлэнду» и лишь несколько раз выстрелили в него из ружей. Случайно на «Фазерлэнде» оказался один убитый. «Фазерлэнд», впрочем, до самого конца не принимал прямого участия в битве. Он летел над обреченным на гибель американским флотом, и принц посредством беспроволочного телеграфа руководил движениями других кораблей. Между тем два воздушных корабля, «Фогельштерн» и «Пруссия», в сопровождении нескольких «Летающих драконов», пронзив на полном ходу облака, появились над американским флотом на высоте каких-нибудь восьми километров. «Теодор Рузвельт» тотчас же открыл пальбу из огромных орудий своей передней батареи, но гранаты разрывались гораздо ниже «Фогельштерна», а тем временем от него отделились «Летающие драконы» и бросились вниз, на броненосец…

Берт, высунув голову из дверей каюты, мог наблюдать малейшие подробности этого первого столкновения дирижаблей с броненосцем. Он видел, как смешные немецкие «Летающие драконы», с широкими плоскими крыльями,

четырехугольными головами, формой напоминающими ящик, и вертящимися телами, спустились со своими всадниками вниз, словно стая птиц. «Черт возьми!» — прошептал Берт, совершенно пораженный. Один из этих «драконов» вдруг неестественно быстро полетел вниз, резко скакнул вверх, потом лопнул с громким треском и загорелся у самой поверхности моря. Другой носом зарылся в воду и, казалось, тоже разлетелся вдребезги, как только коснулся воды. Берт различал внизу маленьких человечков на палубе американского корабля: сверху они казались странно укороченными и состояли как будто только из головы и ног. Они бегали, прицеливались. Потом один из «Летающих драконов» на миг заслонил палубу, раздался треск, и дождь бомб обрушился на корабль, откуда в ответ послышались лишь слабые ружейные выстрелы. К ним тотчас же присоединились скорострельные пушки американской батареи; с германского корабля «Князь Бисмарк» полетели в неприятельское судно снаряды. Затем появились второй и третий «Летающие драконы» и тоже сбросили бомбы на американский броненосец. С четвертым, однако, случилось несчастье. Его всадник был ранен пулей. Аппарат, кружась, упал вниз и разорвался,

попав между трубами броненосца. Куски его разлетелись в разные стороны. Берт одно мгновение видел, как над палубой промелькнуло маленькое черное существо, соскакивая вниз со стремительно падавшего аппарата, как оно ударилось о трубу броненосца и полетело вниз головой, чтобы тотчас же исчезнуть среди дыма и грохота.

Вдруг раздался оглушительный взрыв. Огромный металлический кусок отделился от передней части корабля и рухнул в воду вместе с находившимися на нем людьми; в корабле образовалось отверстие, куда один из проворно «Летающих драконов» тотчас бросил бомбу. Затем глазам Берта на короткое мгновение представилась страшная картина, освещенная безжалостными лучами утреннего солнца. Он ясно видел пенящийся след от корабля, и в этой пене — маленькие, судорожно извивающиеся в корчах и борющиеся с волнами существа. Кто это был? Это не могли быть люди! Нет! Они не были похожи на людей! Но своими скрюченными в корчах пальцами они, казалось, хватались за сердце Берта… Но скоро все исчезло, и только черный корпус «Авраама Линкольна», слегка поврежденного последним выстрелом с утопавшего «Бремена», прорезал волны, бесследно поглотившие все…

Ужас охватил Берта, и несколько секунд он ничего не видел внизу…

Снова ужасный треск, вслед за ним — несколько меньших взрывов: «Сусквеганна», находившаяся в пяти километрах к востоку, взлетела на воздух и внезапно исчезла среди пара и кипящих волн. В первое мгновение ничего не было видно. Потом снизу со странным хлюпаньем стали извергаться на поверхность воды остатки корабля, куски дерева, люди, боровшиеся с волнами, воздух, пар и нефть…

Наступила пауза. Она показалась Берту очень длинной. Он начал отыскивать взглядом «Летающих драконов». Сплющенные остатки одного из них плавали внизу; остальные «драконы» полетели с бомбами вслед за американскими судами. Семь «драконов» плавали в воде; видимо, они не были повреждены. Три или четыре «Летающих дракона», описывая широкие круги в воздухе, возвращались к своим воздушным кораблям. Американские броненосцы уже не составляли колонны, как прежде. Сильно поврежденный корабль «Теодор Рузвельт» повернул на юго-восток, а другой — «Эндрью Джексон», подвергшийся значительной бомбардировке, но не потерявший боеспособности, старался встать между

«Теодором Рузвельтом» и германским кораблем «Князь Бисмарк», чтобы не допустить стрельбы с «Бисмарка» по отступавшему кораблю. На западе уже показались корабли «Герман» и «Германикус» и тоже открыли стрельбу.

Во время паузы, последовавшей за гибелью «Сусквеганны», Берт услышал приглушенный звук, похожий на хлопанье плохо пригнанной двери: это люди на корабле «Князь Бисмарк» кричали: «Hoch!»

Среди всеобщего шума и смятения взошло солнце.

Темная вода внизу вдруг стала ярко-голубой, и потоки сверкающих золотых лучей озарили мир. Солнце точно улыбнулось хаосу ужаса и ненависти… Облачная завеса исчезла, растаяла в воздухе, и весь воздушный германский флот, готовый ринуться на свою добычу, ярко вырисовывался теперь в небесной лазури…

“Бух, бах, бабах!” — начали опять пушки, но американские броненосцы не могли стрелять вверх. Единственное, что они могли сделать, — это открыть стрельбу из ружей по воздушным кораблям. Американские суда находились в полном беспорядке, линия была прорвана в нескольких местах. «Сусквеганна» затонула,

«Теодор Рузвельт» выбыл из строя вследствие повреждения передней башни; «Монитору» явно приходилось весьма плохо. Два последних судна прекратили пальбу; прекратили ее также и германские суда «Бремен» и «Веймар». Эти четыре судна, заключившие как бы невольное перемирие, находились на расстоянии выстрела друг от друга. Но флаги на них продолжали развеваться. Только четыре американских корабля, с «Эндрью Джексоном» во главе, держали курс на юго-восток. «Князь Бисмарк» и «Герман» шли параллельно, стараясь обогнать их, и посылали им вдогонку снаряды. А наверху «Фазерлэнд» медленно поднимался к небесам, готовясь к заключительному действию драмы.

Воздушные корабли один за другим плавно спустились и, преследуя отступавший американский флот, держались над ним на высоте примерно шестисот метров. Когда они очутились над задним американским кораблем, чуть-чуть обогнав его, то, среди дождя пуль, спустились еще ниже и, двигаясь быстрее американского броненосца, осыпали его палубу бомбами, пока она не превратилась в сплошной огонь и непрерывный взрыв. Таким образом, двигаясь вдоль американской колонны, каждый воздушный корабль прибавлял

свою долю разрушения к тому, что было сделано его предшественником, и все больше увеличивал смятение и разгром американского флота, приготовившегося было продолжать борьбу с германскими кораблями — «Князем Бисмарком», «Германом» и «Германикусом». Американские орудия умолкли, и лишь изредка раздавалось два-три германских выстрела. И тем не менее американские суда не сдавались и продолжали упорно идти вперед, искалеченные, окровавленные, изредка посылая пули в воздушные корабли и подвергаясь орудийному обстрелу со стороны германских броненосцев.

Но Берт уже не мог следить за американскими судами, так как воздушный флот, летевший над ними, заслонял их. Впрочем, временами, когда промежутки между воздушными кораблями становились несколько шире, Берту удавалось мельком взглянуть на американские суда…

Берт вдруг заметил, что шум выстрелов становится все слабее и битва как будто удаляется. Действительно, «Фазерлэнд» начал снова подниматься, медленно, непрерывно и безмолвно. Грохот пушечных выстрелов был уже едва различим, а четыре американских судна внизу превратились в небольшие черные предметы,

плавающие на поверхности моря. Впрочем, было ли там четыре судна? Берт мог рассмотреть лишь три плавающих предмета. Это были почерневшие, дымящиеся обломки, освещенные солнцем. Германский корабль «Бремен» спустил две шлюпки, и к ним устремилась масса крошечных существ, боровшихся с громадными атлантическими волнами…

«Фазерлэнд» явно уходил от битвы, которая отодвигалась к юго-востоку и становилась все менее заметной и все менее слышной. Один из воздушных кораблей горел, скользя по волнам и представляя чудовищный огненный фонтан, а вдали, в юго-западном направлении, вырос сначала один, потом еще три немецких броненосца: они спешили на помощь германскому флоту.

6

Снова «Фазерлэнд» спокойно парил в воздухе, держа курс к Нью-Йорку, а за ним летели и остальные воздушные корабли. Битва постепенно скрывалась и скоро стала едва заметной на горизонте, в виде темных точек и полос желтого дыма. Еще немного — и все скрылось. Лишь слабая окраска горизонта в этом месте напоминала о бое. Кругом было по-прежнему тихо, и яркие сол-

нечные лучи пронизывали все пространство…

Берт Смоллуэйс был, таким образом, невольным свидетелем первого сражения воздушного флота и флота броненосцев, игравших до этого момента такую важную роль в истории войны.

Броненосцы начали свою военную карьеру в виде плавучих батарей Наполеона III в Крымской войне, и с тех пор они держались в течение семидесяти с лишним лет, требуя громадных затрат средств и человеческой энергии. За это время успели построить свыше двенадцати с половиной тысяч этих чудовищных судов, изобретая все новые и новые типы их, и каждое из таких чудовищ, как правило, было больше, тяжелее и смертоноснее своих предшественников. Появление всякого нового броненосца приветствовалось как последнее слово науки, но потом многие были проданы на слом. В общем, не более пяти процентов всех броненосцев участвовало в битвах. Некоторые сгорели, другие были выброшены на берег и разбились; очень многие погибли случайно, столкнувшись друг с другом. Жизнь множества людей уходила на обслуживание этих судов и растрачивалась на их изготовление. Тысячи инженеров и изобретателей трудились над ними, растрачивая свои

способности и терпение. Неисчислимые миллионы были брошены на их постройку. Броненосцам мы обязаны чудовищным количеством погибших или искалеченных жизней, преждевременной изнурительной работой детей, полуголодным прозябанием бесчисленных семейств рабочих. Во что бы то ни стало сыскать средства на постройку броненосцев — таков был закон существования правительств и государств в это странное время. Без сомнения, это были самые разрушительные мегатерии в истории механических изобретений…

И вот изделия из прутьев и газа покончили с этими чудовищами, истребили их, бросившись на них с облаков!

Никогда еще Берту Смоллуэйсу не случалось быть свидетелем такого разрушения. Никогда так ясно он не представлял себе ужасов войны. Он не думал и не понимал этого раньше. Поток новых впечатлений обрушился на него, но одно из них, постепенно усиливаясь, заслонило прочие. Это было впечатление, произведенное на него видом тонущих, борющихся с волнами людей, которые были сброшены в море после взрыва первой бомбы на корабле «Теодор Рузвельт».

— Ох! — простонал Берт, вспоминая эту кар-

тину. — Это могли быть я и Грабб! Попадаешь в море, вода льется в горло... Я не думаю, чтобы можно было долго бороться...

Берт сгорал от любопытства поскорее узнать, как относится Курт ко всем этим событиям. При этом он чувствовал голод; но Берт не сразу решился выйти из каюты и сперва выглянул в дверь. Он увидел: в проходе, около спуска в столовую, стояла, нагнувшись, группа людей. Они что-то рассматривали, но что — Берту не было видно. Но вот показался человек в легком водолазном костюме. Берт уже видел такие костюмы в башенке при газовой камере, однако он заинтересовался и пошел за этим человеком, рассматривая каску, которую тот держал под мышкой. Но и каска, и костюм — все это моментально выскочило из головы Берта, как только он поравнялся с углублением, где лежало мертвое тело юнги, убитого пулей с американского корабля «Теодор Рузвельт».

Берт не знал, что пули достигали «Фазерлэнда», и ему даже не приходило в голову, что они могли попасть в него. Он сначала никак не мог понять, каким образом юнга оказался убитым, и никто ничего не объяснил ему.

Мальчик лежал бездыханный на том самом

месте, где он упал, сраженный пулей. Куртка на нем была изодрана и опалена; левая лопатка отделена от туловища, и вся левая сторона тела как бы измолота. Было много крови. Матросы молча стояли возле тела убитого, слушая объяснения человека в водолазном костюме; последний указывал им на маленькое круглое пулевое отверстие в полу и на разрушение, произведенное в панели корпуса, куда, очевидно, вылетела пуля, истратив остаток своей силы. Лица слушающих были очень серьезны и сосредоточенны. Для этих рассудительных белокурых, голубоглазых людей, привыкших к порядку в жизни, это окровавленное тело, некогда бывшее их товарищем, было так же непонятно, как и для Берта.

Вдруг в коридор донесся взрыв дикого смеха. Кто-то возбужденно говорил, вернее, кричал по-немецки на маленькой галерее, другие голоса отвечали ему в более сдержанном и почтительном тоне.

— Принц! — шепнул кто-то, и тотчас же все точно окаменели. Прежняя естественность манер сразу исчезла.

В конце коридора показалась группа людей. Впереди шел лейтенант Курт с пакетом бумаг в руках. Поравнявшись с трупом, он вдруг остано-

вился, и его румяное лицо побледнело.

— Вот что! — воскликнул он с изумлением.

Принц следовал за ним, беседуя через плечо с Винтерфельдом.

— А! — сказал он, останавливаясь на половине фразы и смотря по направлению, указанному Куртом. Несколько мгновений он молча, что-то обдумывая, смотрел на труп, лежавший в углублении. Потом, небрежно махнув рукой, бросил капитану:

— Убрать это! — и тотчас же возобновил прерванную беседу с Винтерфельдом.

7

Из всего этого страшного боя в Атлантическом океане Берту запомнилось лишь только одно: как беспомощно тонули люди. И это воспоминание неразрывно было связано с надменной фигурой принца, молчаливо, жестом приказавшего убрать убитого матроса с «Фазерлэнда». Берт никак не мог забыть этого. Прежде ему даже нравилась идея войны. Война представлялась ему интересным, веселым и возбуждающим занятием — чем-то вроде праздничной ярмарки, — только гораздо более грандиозным. Теперь он узнал наконец, что это такое.

Следующий день принес ему еще одно новое разочарование в войне. Сам по себе этот случай представлял весьма обыкновенное явление во время войны, но на воображение «городского» жителя, каким был Берт, он подействовал очень сильно. В сущности, описываемая нами эпоха отличалась мягкостью нравов, и жители городов, в противоположность предшествовавшим эпохам, почти никогда не видали убийств и знакомились с ними только по книгам и картинам. Берт лишь три раза в своей жизни видел мертвое тело и ни разу не присутствовал при убийстве какого-нибудь живого существа, превосходящего величиной новорожденного котенка.

Новое душевное потрясение Берт испытал, когда на корабле «Адлер» произошла казнь матроса: матрос этот был приговорен к смерти за то, что у него была обнаружена коробка спичек. Случай был тем более вопиющим, что матрос, явившись на корабль, просто забыл, что у него есть спички. Каждому из находившихся на корабле было поставлено на вид, что хранение спичек считается важным преступлением на воздушном судне, и везде были развешаны соответствующие предупреждения. Провинившийся оправдывался тем, что он так привык к разным предосторожностям

и так был занят своим делом, что не обращал на спички внимания. Таким образом, выходило, что одно свое преступление он пытался оправдать другим, не менее важным в военном отношении: он сам сознался в своей халатности. Капитан корабля, на котором находился этот матрос, осудил его, и приговор был утвержден принцем по беспроволочному телеграфу. Решено было казнить преступника в назидание всему воздушному флоту.

— Немцы, — заявил принц, — пересекают Атлантический океан не ради забавы.

И чтобы все могли присутствовать при казни и получить урок дисциплины и послушания, постановили казнить матроса не электричеством, не выбрасывать его за борт, а повесить.

Согласно спешному распоряжению, все воздушные корабли сошлись вместе, словно рыбы в пруду, когда им кидают корм.

«Адлер» повис в воздухе около флагманского судна. Весь экипаж «Фазерлэнда» собрался на висячей галерее. Команда других воздушных судов была послана в воздушные камеры, — следовательно, должна была вскарабкаться по наружной сети судна наверх, а офицеры вышли на платформы механических пушек. Зрелище, которое

представилось глазам Берта, было внушительное. Весь флот висел в воздухе, а далеко внизу, на подернутой рябью голубой поверхности океана, виднелись два парохода: один — английский, другой — американский. Казалось, оба парохода где-то бесконечно далеко.

Берт стоял на галерее. Любопытство терзало его — смертная казнь! Но втайне он чувствовал трепет, потому что этот ужасный белокурый принц стоял, выпрямившись по-военному и скрестив руки. Взгляд его был неописуем…

И вот матроса с «Адлера» повесили. Взяли веревку длиной в двадцать метров, чтобы повешенный висел и качался на глазах у всех способных совершить подобное преступление, то есть прятать спички или другим способом нарушать дисциплину. Берт видел, как матрос стоял в ожидании казни. У этого живого еще человека сердце, несомненно, разрывалось от ужаса, от жажды бороться за свою жизнь, но внешне он был спокоен и послушен. Он стоял на нижней галерее «Адлера», выступавшей на сто метров наружу; затем его столкнули вниз…

Он падал, вытянув руки и ноги, пока не очутился на конце веревки. По расчету, он должен был умереть и висеть на веревке в поучение другим.

Но случилось нечто другое: веревка как ножом перерезала шею, голова отлетела, и тело, беспомощно кружась, фантастическое и страшное, полетело в море вслед за головой…

— Ох! — невольно вырвалось у Берта, и он судорожно ухватился за перила.

И так же охнуло еще несколько человек рядом с Бертом.

— Так! — сказал принц.

Несколько мгновений он смотрел вниз, еще более надменный и суровый, затем повернулся к спуску внутрь судна и скрылся.

Долго стоял Берт на галерее, крепко держась за перила. Он испытывал почти физическое ощущение тошноты и ужаса. То, что он видел, представлялось ему кошмарнее сражения. Нет, Берт явно был вырожденец, явно он был субъект слишком культурный.

Под вечер Курт пришел в каюту. Берт сидел, скорчившись, на ящике, в углу, был бледен и казался очень несчастным. Но и у Курта уже не было прежнего бодрого вида.

— Ну что, укачало? — спросил он Берта.

— Нет!

— Вечером мы будем в Нью-Йорке. Нас подгоняет попутный ветер. Да, в Нью-Йорке мы увидим

дела!

Берт ничего не отвечал.

Курт достал складной стул и столик и некоторое время разглядывал карты.

Потом он долго сидел, задумавшись, с мрачным видом. Наконец встал и, посмотрев на Берта, спросил:

— Вы что?

— Ничего.

— Ничего? — повторил Курт угрожающим тоном.

— Я видел, как они убили этого беднягу! Я видел, как человек с летательной машины, падая, стукнулся о трубы огромного броненосца. Я видел убитого юнгу. Сегодня я видел слишком много убийств и разрушений. Вот в чем дело! Мне это не по нутру. Я не знал, что война такова! Я ведь штатский человек. Мне это не нравится!

— И мне тоже! — воскликнул Курт. — Черт возьми, нет!

— Я читал про войну и про все. Но иное дело видеть это собственными глазами. Мне прямо дурно делается… прямо-таки дурно!.. Я ничего подобного не ощущал, когда летел на воздушном шаре, но парить вот так и смотреть вниз, смотреть на истребление людей… это действует мне

на нервы, понимаете?

— А между тем это предстоит нам и дальше, — Курт на мгновение призадумался. — Вы не один, — сказал он Берту, — у всех здесь расстроились нервы. Полет… да, конечно, от этого… Само собой разумеется, что с непривычки голова немножко кружится. Что же касается убийства… Мы должны были подвергнуться кровопусканию. Мы — кроткие, цивилизованные люди. Я думаю, что здесь не найдется и десятка людей, которым раньше случалось видеть кровь. Спокойные, мирные, законопослушные немцы, — вот чем они были до сих пор! Теперь они находятся здесь именно для этого кровопускания. Конечно, они чувствуют себя не совсем хорошо, но вот поглядите, когда у них самих будут руки в крови… — Курт снова задумался, потом закончил: — Да, у всех слегка расстроены нервы…

Он снова вернулся к своим картам. Берт продолжал сидеть, скорчившись, в углу, и Курт как будто перестал замечать его. Некоторое время оба молчали.

— Зачем, собственно, это нужно было принцу… повесить этого молодца? — сказал вдруг Берт.

— Так было нужно, — отвечал Курт. — Да, это было нужно, необходимо! Везде, перед носом у

каждого, висят приказы, а этот безумец имел при себе спички…

— Черт возьми! Как бы и мне второпях не позабыть об этом! — заметил Берт некстати.

Курт не отвечал ему. Он был занят измерением расстояния от того места, где находился воздушный флот, до Нью-Йорка, и при этом размышлял вслух:

— Интересно, какой вид имеют американские аэропланы? Должно быть, они похожи на наших «Летающих драконов». Впрочем, завтра, в это время, мы уже будем знать… Да, но что же мы будем знать… что? Может быть, они все-таки вступят с нами в бой… Странный это будет бой, во всяком случае!

Он засвистел и задумался; затем, вскочив, вышел из каюты. Спустя некоторое время Берт нашел его на висячей платформе. Смеркалось. Курт стоял и смотрел вперед, — вероятно, размышляя о том, что будет завтра…

Облака снова заволокли все небо. Воздушные корабли то поднимались, то опускались. Они летели, выстроившись огромным треугольником, как стая таинственных, невиданных птиц, — летели среди хаоса, и этим хаосом были не земля и не вода: им было туманное небо.

Глава VI. Война в Нью-Йорке

1

Нью-Йорк в год нападения немцев был самым богатым и — во многих отношениях — самым великолепным и самым прочным городом в мире.

Он представлял собой законченный тип города современной научно-промышленной эпохи. Он выставлял напоказ свое могущество, свое великолепие, свою беззастенчивую анархическую предприимчивость и свою социальную дезорганизацию. Нью-Йорк давно уже опередил Лондон и занял место этого нового Вавилона, сделавшись центром торгового и финансового мира и мира всяческих удовольствий. Люди сравнивали Нью-Йорк с городами иудейских пророков. Подобно Древнему Риму, поглощавшему все богатства Средиземного моря, и Вавилону, всасывающему накопления Востока, Нью-Йорк извлекал все возможное из своего континента. На улицах этого города можно было найти самые вопиющие контрасты нищеты, цивилизации и средневековой дикости. В одном квартале поражали своим великолепием мраморные дворцы, залитые светом

и украшенные цветами; в другом — ютилось население, скученное до последней степени в неописуемых трущобах и подвалах. Обитатели этих трущоб совершенно ускользали от власти и контроля правительства. Здесь были свои обычаи, свои законы.

Особенная форма острова Манхеттен, втиснутого между двумя морскими рукавами, лишила город возможности свободно расширяться, что и послужило первоначальной причиной склонности нью-йоркских архитекторов возводить очень высокие здания. Здесь все имелось в изобилии: деньги, материал, работа, лишь пространство было ограничено. Поневоле пришлось тянуться вверх. Но для этого, разумеется, надо было изобрести изящные восходящие линии, открыть новый мир архитектурных красот. Позже скученность населения несколько уменьшилась вследствие постройки подводных тоннелей, четырех колоссальных мостов и около дюжины однорельсовых путей к востоку и западу города. Однако по инерции Нью-Йорк все же продолжал расти в высоту.

Во многих отношениях Нью-Йорк со своей гордой плутократией напоминал Венецию прежних времен — как великолепием своей архитектуры, скульптуры, живописи и сооружений из металла,

так и суровостью своих политических методов, обусловливавших его морское и торговое господство. Но в отношении внутреннего управления Нью-Йорк не походил на Венецию. Администрация Нью-Йорка отличалась распущенностью и беспорядочностью, вследствие чего во многих округах города царило полное беззаконие. Окружная полиция в некоторые места даже носа не показывала.

Флаги всех государств развевались в его гавани, число приезжающих и отъезжающих превышало два миллиона в год. В глазах Европы Нью-Йорк воплощал в себе Америку, в глазах же американцев он был воротами всего земного шара.

История Нью-Йорка была социальной историей всего мира. Святоши и мученики, мечтатели и мошенники — все устремлялись в Нью-Йорк, где труд и обычаи многих рас вносили свой вклад в творческую работу, и широким потоком вливались в жизнь, бившую ключом на площадях и улицах.

И над всем этим бурным смешением людей и предприятий развевался звездный флаг, одновременно служивший символом самой высокой в жизни идеи — идеи свободы и — прикрытием самого низкого личного эгоизма.

В течение многих поколений Нью-Йорк не помышлял о войне. Война представлялась ему в виде события, происходящего где-то очень далеко; обыватели знали, что война влияет на цены, а также дает газетам обильный материал для сенсационных передовых статей и для рисунков. В Нью-Йорке еще более, чем в Англии, верили, что нападение неприятеля невозможно, — невозможно потому, что Атлантический океан служит естественной защитой от нападения. В этом отношении американцы разделяли ошибку англичан.

Они чувствовали себя в такой же безопасности, как и зрители боя быков, и если чем и рисковали, то только деньгами, спекулируя на возможности войны. Американцы почерпнули свои представления о войне из истории прошлых лет, когда войны не принимали больших размеров, были более живописны и изобиловали всякого рода приключениями. Они созерцали войну как бы сквозь радужную завесу, скрывавшую ее основные черты и жестокости. Они даже склонны были считать войну чем-то облагораживающим человеческую жизнь, порою вздыхали о том, что она отошла уже для них в область преданий. Они с интересом, если не с жадностью, читали все

известия, касавшиеся новых военных сооружений в Соединенных Штатах: о новых пушках, о все возрастающих размерах броненосцев, о необычайной силе взрывчатых веществ; но какое значение могли иметь для их частной жизни все эти страшные орудия разрушения, — над этим они не задумывались. Вся литература того времени доказывает, что никто ни разу не остановился на этом вопросе, будучи уверен, что Америка находится в полной безопасности среди всего этого нагромождения взрывчатых материалов. По привычке они чтили свой национальный флаг, презирали другие государства, и, где бы ни возникали международные осложнения, американское правительство всегда обнаруживало самый крайний шовинизм. Соединенные Штаты высокомерно относились к азиатским народам, к немцам, и в особенности к Англии. Британия неизменно служила мишенью для карикатуристов, всегда изображавших ее в виде мужа, находящегося под башмаком у своей капризной молодой жены — Америки. Всем остальным американцы не интересовались, занимаясь исключительно своими делами и удовольствиями, как будто война исчезла из мира вместе с мегатериями…

И вот на этот мир, «безмятежно» занимавшийся усовершенствованием вооружений и взрывчатых веществ, внезапно обрушилась война. Американцы вдруг увидели, что массы накопившегося горючего воспламенились, и пушки начали стрелять сами.

2

Непосредственным результатом той внезапности, с которой началась война, было лишь усиление обычной запальчивости американцев. Газеты и журналы, питавшие сердце и ум американцев (книги были здесь почти упразднены и представляли лишь пищу для коллекционеров, — у нетерпеливых американцев не было времени читать книги), тотчас же заполнили свои страницы военными рисунками и хлесткими заголовками, которые действовали на психику как ракеты или разрывные гранаты. К обычной напряженной жизни на улицах Нью-Йорка присоединилась еще военная лихорадка. Огромные толпы собирались, обычно после обеда, на площади Мэдисон и слушали возбуждающие патриотические речи, с восторгом приветствуя ораторов. Настоящая эпидемия крошечных флагов и военных бутоньерок разразилась над

Нью-Йорком. Молодые люди, массами съезжавшиеся в Нью-Йорк по утрам и возвращавшиеся домой после работы, между шестью и семью часами вечера, в поездах, трамваях, экипажах, вагонах однорельсовых и подземных дорог, — все эти молодые люди нацепили на себя бутоньерки. Не носить военной бутоньерки было опасно. Все песенки в мюзик-холлах затрагивали патриотические темы; балет в полном составе выходил с национальными флагами; устраивался апофеоз с прожекторами, бенгальскими огнями и ангелами. Все это вызывало сцены дикого энтузиазма, взрослые мужчины проливали слезы. Этот шовинистический энтузиазм охватил, конечно, и церкви…

Множество пароходов с группами экскурсантов отправлялись к Ист-Ривер, и там публика своим любопытством и восторженностью мешала морским и воздушным приготовлениям к войне. Торговля всякого рода оружием сильно возросла, а чересчур пылкие граждане давали выход своим чувствам, устраивая на улицах Нью-Йорка фейерверки более или менее героического характера. Продавались игрушечные воздушные шары последнего образца; эти шары запускались на привязи и изрядно надоедали пешеходам в

Центральном парке. И наконец, Законодательное собрание в Олбани после бесконечного заседания, после долгих споров приостановило действие прежних законов и провело через обе палаты билль, устанавливающий всеобщую воинскую повинность в штате Нью-Йорк.

Хроникеры того времени отмечают, что, пока германское нашествие не коснулось непосредственно самих жителей Нью-Йорка, до тех пор они относились к войне как к простой политической демонстрации. Ношение бутоньерок, размахивание флагами, фейерверки и патриотические песни не могли, разумеется, повредить германским или японским военным силам. Но хроникеры забыли, что созданные наукой и техникой новые условия ведения войны вообще лишали мирную часть населения возможности наносить какой-либо серьезный вред врагу, и все ограничивалось лишь невинными демонстрациями.

Главной действующей силой той войны являлись уже не массы, как прежде, а немногие граждане, специализировавшиеся в военном искусстве. Те дни, когда пехота решала участь сражений, давно миновали. Война стала делом машин, делом специального искусства, очень

сложного и требовавшего тщательного изучения.

Все же нельзя отрицать, что правительство Соединенных Штатов, очутившись лицом к лицу с фактом вооруженного нашествия из Европы, действовало с большой энергией, знанием дела и решительностью. Правда, вследствие неосведомленности своих дипломатов американское правительство было застигнуто врасплох; правда, его приготовления к войне, особенно по части аэропланов и дирижаблей, не могли быть поставлены в один ряд с грандиозными германскими воздухоплавательными парками. Тем не менее американское правительство сразу принялось за дело, чтобы доказать миру, что энергия, создавшая в 1864 году южные подводные лодки и «Монитор», еще не иссякла.

Начальником американского воздухоплавательного парка, помещавшегося близ Вест-Пойнта, был Кобот Синклер. Согласно распространенному в те времена обычаю, к Синклеру явился репортер. Синклер уделил ему лишь минуту и произнес следующие слова:

— Мы уже выбрали для себя эпитафию: «Они сделали все, что могли». А теперь… убирайтесь!

Действительно, они все сделали всё, что могли!

Исключений не было. Единственным их недостатком был недостаток организации.

Для историка этой войны одной из самых поразительных вещей является то, что вашингтонское правительство вело свои воздухоплавательные приготовления в строжайшем секрете. Ни один даже ничтожнейший факт, касающийся военных приготовлений, не проникал в массы. Даже конгрессу не докладывали об этом, отклоняя всякие запросы по данному поводу. Войну вел сам президент и его статс-секретари, публика же не была осведомлена ни о чем. Допускали лишь такую гласность, которая могла пресечь ненужную агитацию среди масс. Главную опасность для военного воздухоплавания видели в том шуме, который может поднять интеллигентная и легко возбудимая публика своими требованиями относительно постройки воздушных судов и аэропланов для защиты местных интересов. Ввиду ограниченности ресурсов это неминуемо привело бы к дроблению имевшихся сил и средств. В особенности же правительство боялось, что его могут принудить к преждевременному выступлению ради обороны Нью-Йорка. Правительство предвидело, что такой шаг был бы на руку немцам, и поэтому всячески стара-

лось направить общественное внимание на оборонительную артиллерию и замять вопрос о возможности воздушной битвы. Свои настоящие приготовления к войне правительство тщательно скрывало, выставляя напоказ лишь то, что считало допустимым. В Вашингтоне находился большой запас морских пушек, и они были тотчас же и с нарочитой оглаской распределены между восточными городами. Эти пушки, благодаря применению системы Доана, являлись наиболее дальнобойными в вертикальном направлении, но к моменту налета немцев на Нью-Йорк большинство из этих пушек еще не было установлено на лафеты. А на улицах города, где постоянно толпился народ, газеты угощали публику самыми сенсационными и превосходно иллюстрированными сообщениями вроде следующих:

«*Секрет молнии!*

Старый ученый усовершенствовал электрическую пушку, которая истребит команды воздушных судов посредством молнии, направляемой вверх.

Вашингтон заказал пятьсот таких пушек!

Военный министр с восторгом скрепил это приказание и говорит, что эти пушки пригвоздят немцев к земле»

Президент публично аплодировал этой веселой шутке».

3

Германский военный флот достиг Нью-Йорка раньше, чем были получены известия о морском поражении американцев. Часовые в Лонг-Бренче и у Океанской рощи впервые увидели воздушные корабли, плавно летевшие с юга по направлению к северу. Флагманский корабль пролетел почти над самой обсерваторией Песчаного мыса, быстро забирая вверх, и через несколько минут уже весь Нью-Йорк дрожал от орудийного гула: стреляли в воздушный флот. Многие из орудий управлялись очень хорошо, и один снаряд разорвался так близко от «Фазерлэнда», что осколком разбило окно в каюте принца. Этот внезапный взрыв заставил Берта спрятать голову с быстротой перепуганной черепахи. Весь воздушный флот тотчас же поднялся на высоту около трех с половиной километров, куда не долетали снаряды, и проплыл над бессильными пушками, располагаясь в виде сплющенной римской цифры V с вершиной, обращенной в сторону города. Концы этой цифры двигались над Плумфилдом и Ямайка-Бей. «Фазерлэнд», пройдя к востоку от Норроу,

остановился над Джерси-Сити, господствуя над Нижним городом.

И все эти огромные странные чудовища, освещенные светом угасавшего дня, висели над Нью-Йорком, спокойные и невозмутимые, совершенно игнорируя случайные взрывы ракет и пламя снарядов, разрывавшихся в нижних слоях атмосферы.

Наступила пауза: обе стороны изучали друг друга. На время наивное человечество позабыло о войне и отдалось созерцанию доселе невиданного зрелища. Несколько миллионов человек внизу и несколько тысяч наверху с одинаковым интересом смотрели — одни вверх, другие вниз.

Вечер был дивный, и лишь на высоте двух или двух с половиной километров виднелись легкие облачка, скользившие по ясному небу. Ветер стих, было спокойно и как-то особенно мирно. Отдаленные раскаты орудийных выстрелов и безвредная пиротехника внизу, казалось, имели так же мало общего с убийствами, насилием и террором, как салют во время морского смотра. Внизу каждый возвышенный пункт в городе был занят зрителями. На крышах зданий, на площадях, на паромах, на всех людных перекрестках улиц густо толпился народ. На реке все дамбы были

покрыты людьми, а в Центральном парке и вдоль аллеи по берегу реки каждый мало-мальски удобный для наблюдения пункт был переполнен обитателями соседних улиц. Тротуары больших мостов через Ист-Ривер были также сплошь покрыты людьми. Лавочники везде покинули свои магазины, мужчины побросали работу, а женщины и дети — дома; все выбежали на улицу, чтобы поглазеть на это чудо из чудес.

— Куда почище того, что писали об этом газеты, — таково было общее мнение.

А вверху многие из находившихся на воздушных кораблях с таким же любопытством смотрели вниз.

Не было в мире города более прекрасного, чем Нью-Йорк, прихотливо изрезанный морскими заливами и рукавами реки и разбросанный на холмах. Великолепно видна была вся картина эффектных зданий, мостов, однорельсовых дорог и других достижений инженерного искусства. Лондон, Париж, Берлин казались по сравнению с Нью-Йорком простыми скопищами построек. Порт Нью-Йорка проникал в самый центр города, как в Венеции, и, подобно древней Венеции, Нью-Йорк был гордым, высокомерным, властным городом. Тех, кто взирал на него сверху, он должен

был поражать своим оживлением. Поезда, авто сновали во все стороны, снопы ослепительного света заливали город. В этот последний вечер Нью-Йорк был особенно великолепен.

— Черт возьми, ну и город! — воскликнул Берт.

Действительно, Нью-Йорк был в этот вечер таким величаво спокойным городом, что нападение на него представлялось несуразностью не меньшей, чем осада Национальной галереи или нападение на мирных граждан, обедающих за табльдотом в каком-нибудь отеле. Город был так велик, так изящен, что казалось невозможным подвергнуть его действию орудий войны. Это было все равно что засунуть лом в тонкий часовой механизм.

Но рыбообразные чудовища, плывшие по небу и заслонявшие свет, казалось, не имели ни малейшего отношения к кровавому насилию.

Курт, Берт Смоллуэйс и, по всей вероятности, очень многие среди экипажа воздушного флота ясно ощущали всю несуразность этого. Лишь голова принца Карла-Альберта была полна романтических представлений о войне. Он был завоевателем, а там, внизу, раскинулся враждебный город. Чем значительнее этот город, тем больше торжество завоевателя! Без сомнения,

принц находился в эту ночь в состоянии сильнейшего радостного возбуждения, испытывая более, чем когда-либо, упоение своей властью.

Пауза кончилась. Переговоры по беспроволочному телеграфу не привели к удовлетворительному соглашению, и как город, так и воздушный флот должны были вспомнить о том, что они — враги.

— Смотрите! — закричала толпа. — Смотрите!

— Что они хотят делать?

— Что?

Пять атакующих воздушных кораблей, отделившись от остальных, спустились в сумерках ближе к городу в разных местах. Один спустился к адмиралтейству, на Ист-Ривер, другой — к городской ратуше. Два воздушных великана приблизились к огромным промышленным зданиям в Уоллстрите и Нижнем Бродвее, а один направился к Бруклинскому мосту. Эти корабли быстро и плавно прошли опасную для них зону, куда долетали снаряды отдаленных орудий, и очутились в безопасной близости к городскому населению.

Но как только они спустились, в городе внезапно остановилось всякое движение и погасли огни. Из городской ратуши по телефону совещались с главным управлением федеральных

военных сил; принимались экстренные меры для обороны города. Из ратуши обращались с требованием выслать немедленно воздушные корабли и отказались последовать совету Вашингтона, предлагавшего сдаться. Сильное волнение охватило город, начались лихорадочные приготовления к бою. Полиция очищала улицы от любопытных.

— Расходитесь по домам! Дело становится серьезным! — передавали друг другу.

Смутный страх и трепет охватил жителей. Толпы бросились бежать в темноте через город, через парки и площади, наталкиваясь на солдат и пушки и поворачивая назад. За какие-нибудь полчаса в городе произошла разительная перемена, и от величественного спокойствия и света он перешел к паническому ужасу и темноте.

Когда к Бруклинскому мосту приблизился воздушный корабль, произошла настоящая паника, кое-кого задавили насмерть. Это было только начало.

С прекращением движения на улицах Нью-Йорка наступила непривычная тишина, среди которой все явственнее раздавались бесполезные выстрелы пушек с фортов на холмах, защищавших город. Но в конце концов и эти выстрелы

стихли. Опять наступил перерыв — проходили дальнейшие переговоры. Все сидели в темноте, ожидая указаний по телефону, но телефон молчал. И вдруг среди этой жуткой тишины раздался страшный грохот и шум: рушился мост в Бруклине. Затем последовала перестрелка в адмиралтействе и взрыв бомб в городской ратуше и Уолл-стрит. Нью-Йорк был бессилен; он не мог ничего сделать, он ничего не понимал. Население громадного города притаилось в темноте, прислушиваясь ко всем этим отдаленным звукам, пока и они не прекратились так же внезапно, как и возникли.

— Что будет? — спрашивали себя все со страхом.

Опять наступила новая, длинная передышка. Люди начали выглядывать из окон верхних этажей и увидели огромные очертания германских воздушных кораблей, медленно скользивших над городом. Казалось, они плывут так близко, что к ним можно притронуться рукой. Потом снова зажегся электрический свет. Улицы осветились, и стаи газетчиков, выкрикивавших последние новости, начали сновать по тротуарам. Опять появились любопытные; газеты раскупались нарасхват, и огромное разношерстное население

Нью-Йорка узнало наконец, что произошло. Было сражение, и Нью-Йорк выкинул белый флаг.

4

Печальные события, разыгравшиеся после капитуляции Нью-Йорка, кажутся нам теперь естественным и неизбежным результатом противоречия между техническим прогрессом и социальными условиями, созданными научным веком, — с одной стороны, и традициями грубого романтического патриотизма — с другой.

В первый момент американцы приняли факт сдачи Нью-Йорка с таким же безучастным спокойствием, с каким они относятся к крушению поезда железной дороги, по которой они путешествуют, или к известию о сооружении нового общественного памятника в их городе.

— Мы сдались?.. Неужели это правда?..

Такими восклицаниями многие встретили первое известие о сдаче города. Но и тут они были скорее зрителями, нежели участниками печального события, и первоначально приняли все происшедшее с таким же простым любопытством, как и появление воздушных кораблей. Только постепенно у многих проснулись другие чувства.

— Мы сдались! — восклицали они затем. — В нашем лице Америка побеждена!..

И тогда они начали волноваться и шуметь.

В утренних газетах, вышедших в этот день, не заключалось никаких подробностей ни относительно условий капитуляции, ни относительно характера столкновения, которое привело к ней. Более поздние выпуски газет, однако, восполнили этот пробел. Они сообщили, что соглашение состоялось на следующих условиях: Нью-Йорк должен служить продовольственной базой для германской воздушной эскадры, пополнять ее запасы взрывчатых веществ и возместить те, которые были израсходованы на истребление североатлантической американской эскадры и в битве с самим городом. Кроме того, Нью-Йорк обязался выплатить громадную контрибуцию в сорок миллионов долларов и отдать флотилию Ист-Ривер.

Затем появились очень длинные и подробные описания разрушения ратуши и адмиралтейства, и жители мало-помалу уяснили себе наконец, что произошло в течение короткой, возникшей в городе паники. Они читали рассказы о людях, разорванных на куски, о солдатах, безнадежно продолжавших борьбу среди неописуемого раз-

рушения, о знаменах, которые волочили по земле плакавшие люди… Вместе с этим в ночных изданиях газет промелькнули первые коротенькие каблограммы из Европы о гибели североатлантической эскадры, той самой, которой Нью-Йорк всегда гордился и о которой он особенно заботился.

По мере того как пробуждалось коллективное сознание, возрастали недоумение и чувство унижения. Америка была застигнута врасплох. Нью-Йорк с удивлением, перешедшим в ярость, внезапно увидел себя завоеванным городом, находящимся во власти победителя.

Как только жители Нью-Йорка вполне поняли это, ими овладела бешеная злоба.

— Не может быть! — восклицали они на заре следующего утра. — Нет! Нью-Йорк не может быть побежден! Это — выдумка!..

И прежде чем наступил день, весь Нью-Йорк был охвачен типично американским гневом. Миллионное население города быстро поддалось этому чувству, которое передавалось, как зараза, от одного к другому. Однако не успело еще гигантское волнение города выразиться в действиях, вылиться в определенную форму, а команды воздушного флота уже что-то почувство-

вали, — совершенно так же, как, по рассказам, еще задолго до землетрясения животных охватывает беспокойство.

Волнение Нью-Йорка передавалось экипажу воздушных кораблей.

Газеты группы Кнайпа первые сформулировали словами чувства, взволновавшие жителей Нью-Йорка.

— Мы не соглашаемся! — заявляли все они просто. — Нас предали.

Слова эти переходили из уст в уста, и на каждом углу ораторы, освещаемые бледными лучами рассвета, взывали к американскому народу, заклинали его не покоряться, и каждый слушатель испытывал чувство стыда и унижения.

Берт с высоты полутораста метров прислушивался к шуму города, и ему казалось, что этот шум, раньше носивший неопределенный характер, теперь становится похожим на жужжание большого роя потревоженных пчел.

После разрушения ратуши и почты белый флаг был поднят на высокой башне Старого парка. Мэр города, побуждаемый перепуганными до смерти домовладельцами нижнего Нью-Йорка, отправился на эту башню для переговоров с Винтерфельдом о капитуляции.

Спустив секретаря принца по веревочной лестнице, «Фазерлэнд» продолжал парить над большими старыми и новыми зданиями, сгруппированными вокруг парка. Другой корабль — «Гельмгольц», который вел бой в этом районе, — поднялся на высоту почти шестисот метров. Берт, таким образом, мог наблюдать все, что происходило в центральном пункте Нью-Йорка. Ратуша, суд, почтамт и масса других строений на западной стороне Бродвея были особенно сильно повреждены бомбардировкой. Первые три представляли собой груду почерневших развалин. При разрушении ратуши и суда смертных случаев было немного, но очень много рабочих, включая женщин и детей, погибло при бомбардировке почтамта. Небольшой отряд санитаров-добровольцев, с белыми повязками на руках, вошел вслед за пожарными в дымящиеся здания, откуда выносили тела погибших, а иногда еще живых, но до неузнаваемости обожженных людей. Пожарные энергично работали, направляя широкие струи воды на тлеющие развалины зданий. Рукава пожарных машин тянулись через всю площадь, на которой были выставлены полицейские кордоны, чтобы сдерживать массы народа, устремлявшиеся с восточной стороны

города к центру…

Необычный контраст с этой картиной разрушения представлял стоявший рядом гигантский Дворец Прессы, весь залитый электрическим светом. В нем кипела работа, не прекратившаяся даже во время воздушной атаки. Служащий персонал и типографские станки ни на минуту не прерывали своей деятельности.

Надо было поведать всем страшную историю ночи, развить и прокомментировать ее; надо было призывать к борьбе с немцами — под самым носом немецких воздушных кораблей.

Берт довольно долго не мог сообразить, что это за учреждение, продолжающее работать, невзирая ни на что, но наконец он различил стук печатных машин и понял, что это такое.

— Черт возьми! — воскликнул он по своему обыкновению.

По другую сторону Дворца Прессы тянулся еще один полицейский кордон, частично скрытый арками старой железной дороги; дорога эта проходила над улицами Нью-Йорка и уже давно была превращена в однорельсовый путь. Там же устроили нечто вроде перевязочного пункта, где доктора и сестры милосердия суетились около раненых и убитых ночью во время паники на

Бруклинском мосту. Берт наблюдал все это с высоты птичьего полета, и ему казалось, что он смотрит в глубину огромного колодца, на дне которого между утесами зданий копошатся люди.

Внизу, вдоль Бродвея, проходили митинги. Масса народа собиралась возле ораторов, произносивших зажигательные речи. Надо всем этим высился лес труб и проходила сеть электрических проводов. Берт видел крыши домов и на них группы людей, горячо рассуждавших о чем-то. Только там, где еще бушевал огонь и лились потоки воды, людей не было заметно. Повсюду торчали флагштоки без флагов; в одном месте над огромным зданием беспомощно трепыхался белый флаг.

А на востоке поднималась заря, освещая бесстрастным холодным светом мрачные картины разрушения города и все возраставшего ожесточения жителей.

Берт Смоллуэйс в окно наблюдал все происходившее на улицах. Там, внизу, он видел бледную туманную картину мира, точно вставленную в темную рамку окна. Он провел всю ночь, держась за эту рамку, подскакивал и вздрагивал при каждом взрыве и следил за фантастическими событиями. Воздушный корабль то поднимался

так высоко, что ничего уже не было слышно, то опускался настолько низко, что ясно раздавался грохот выстрелов и взрывов. Берт видел, как воздушные корабли низко и быстро пролетали над темневшими улицами, откуда доносились крики и стоны. Он видел, как внезапно загорались огромные здания, как они корчились и оседали под влиянием губительного прикосновения бомб. В первый раз в своей жизни он был свидетелем столь разрушительной и мгновенной атаки. Но сам он находился вне этого, был как бы отдален от гибнущего мира. «Фазерлэнд» не сбросил ни одной бомбы: он лишь руководил атакой. Затем корабль остановился и повис над городским парком, и Берт с ужасом увидел огромные здания в огне, мелькавшие внизу огоньки фонарей и легкие призрачные тени. Он догадался, что это разыскивают убитых и раненых… По мере того как рассветало, картина становилась яснее, и Берт начал понимать, что означали эти темные скорчившиеся предметы внизу.

Он долго наблюдал, как постепенно вырисовывались очертания города. Когда совсем рассвело, Берт почувствовал невероятную усталость. Вскинув утомленные глаза на восходившее солнце, он зевнул во весь рот, добравшись до койки, по-

валился на нее и моментально заснул. В таком виде и нашел его Курт, который спустя несколько часов заглянул в каюту. Берт спал, растянувшись на койке. Лицо его было бледно и равнодушно, рот широко раскрыт, и он громко и неприятно храпел. Это был истинный образ человека, разум которого внезапно столкнулся с современными проблемами, слишком сложными для его понимания.

Курт несколько секунд смотрел на него с выражением снисходительного презрения, затем тронул Берта за локоть.

— Встаньте! — крикнул он ему. — И лягте поприличнее.

Берт тотчас же сел на койку и, протирая глаза, спросил:

— Еще сражаются?..

— Нет, — ответил Курт и тоже присел, чувствуя слабость. — Ах, — вскричал он наконец, закрывая лицо руками, — если бы принять холодный душ! Всю ночь я следил, как бы шальные пули не просверлили воздушные камеры... — Он потянулся и зевнул. — Надо заснуть. Лучше уходите отсюда, Смоллуэйс. Я не могу вас выносить сегодня в своей каюте. Вы так чертовски бесполезны и неуклюжи. Получили вы свою порцию?.. Нет? Ну,

так идите за ней и не приходите сюда… Оставайтесь на галерее…

5

Несколько освежившись после сна и чашки кофе, Берт вернулся к своей роли подневольного участника войны в воздухе. Он отправился, как указал ему Курт, на маленькую галерею и, уцепившись за перила, забился в самый угол, позади часового, стараясь производить впечатление существа совершенно безвредного.

Довольно сильный ветер дул с юго-востока, вынуждая «Фазерлэнд» двигаться над островом Манхэттен. На северо-западе собирались тучи. Винт, борясь с ветром, медленно вращался, и стук его был теперь гораздо слышнее, чем тогда, когда корабль шел полным ходом. Трение ветра о дно газовой камеры производило журчание вроде того, какое бывает при движении лодки по воде, но только слабее. «Фазерлэнд» парил над временной ратушей в Парке Роу, иногда опускаясь для возобновления переговоров с мэром города и Вашингтоном. Однако беспокойный характер принца не позволял ему оставаться долго на одном месте, и поэтому корабль летел дальше, огибая реку Гудзон и Ист-Ривер и снова возвраща-

ясь назад. Изредка корабль начинал подниматься выше, словно хотел унестись в лазурную даль. Один раз он так быстро и высоко поднялся, что у принца и у всего экипажа начался приступ горной болезни. Берт тоже испытал головокружение и тошноту…

Местность внизу постоянно менялась в зависимости от высоты подъема. Когда корабль опускался ниже, Берту сверху были видны двери, окна, улицы, вывески, люди, все мельчайшие подробности; и все это — в такой странной, необычайной перспективе. Он мог наблюдать загадочное поведение людей, толпившихся на улицах, взбиравшихся на крыши домов. Но когда корабль начинал подниматься, эти подробности постепенно исчезали из вида, улицы сливались, горизонт расширялся, и массы народа уже не казались такими многочисленными. На большой высоте все представлялось как вогнутый рельеф карты. Берт видел темную поверхность густо населенной страны, пересекаемую в разных направлениях блестящими полосами воды; видел реку Гудзон, отливавшую серебром, и залив, сверкавший в лучах солнца.

Даже мало склонный к философским размышлениям Берт был поражен контрастом между

городом, расстилавшимся внизу, и флотом, парившим наверху. В этом контрасте выражалась вся противоположность между предприимчивым духом американцев и германским порядком и дисциплиной. Внизу колоссальные здания, мощные и красивые, казались гигантскими деревьями джунглей, борющимися за свое существование. Великолепие и роскошь этих построек представлялись такими же непланомерными и случайными, как скалы и ущелья. Это впечатление еще более усиливалось при виде дыма и суматохи вокруг горящих зданий. А наверху, в небесах, парили германские корабли, будто принадлежавшие к миру, где царил порядок. Все они были повернуты под одним и тем же углом к горизонту, все были одинаковы по внешнему виду и строению, и все двигались к одной цели, словно стая волков, построившихся так, чтобы действовать возможно вернее и смертоноснее.

Берту, однако, показалось, что тут находится едва ли больше трети воздушного флота. Вероятно, другие воздушные корабли отправились исполнять поручения за пределы видимого горизонта. Берт был очень заинтересован этим, но спросить было не у кого. В течение дня, впрочем, он увидел с дюжину этих кораблей, показавших-

ся с восточной стороны. Они пополняли свои запасы и теперь тащили на буксире несколько «Летающих драконов».

К концу дня погода испортилась, на юго-западе появились облака, они клубились, собирались вместе, все увеличиваясь, и ветер становился сильнее.

К вечеру ветер превратился почти в ураган, и воздушные корабли, раскачиваясь, держались против ветра.

Весь этот день принц вел переговоры с Вашингтоном, а воздушные корабли, отправленные на разведку, осматривали вдоль и поперек восточные штаты — нет ли где-нибудь чего-нибудь похожего на воздухоплавательный парк. Отряд из двадцати кораблей, опустившись над Ниагарой, в течение ночи захватил город и мастерские.

Между тем восстание в гигантском городе разрасталось. Несмотря на то что огромные пожары в пяти местах продолжали распространяться, охватывая огнем все новые пространства, Нью-Йорк все-таки не хотел примириться с тем, что он побежден.

Вначале дух возмущения, взбудораживший город, выражался лишь в отдельных криках, речах ораторов да газетных статьях, призывавших

граждан к оружию. Но когда утреннее солнце осветило американские флаги, вновь поднятые в различных пунктах над архитектурными колоссами города, демонстрация приобрела уже определенный характер. Возможно, что в некоторых случаях это поднятие флагов в сдавшемся городе было лишь невинным отступлением от формы, свойственным американцам, но оно явилось, несомненно, также и обдуманным актом.

Немецкое чувство корректности было глубоко возмущено таким вызывающим поведением. Граф фон Винтерфельд тотчас же вступил в сношения с мэром города и поставил ему на вид неправильность таких поступков. Немедленно связались с пожарными станциями, которым были даны соответствующие инструкции. Нью-йоркская полиция дружно работала, стараясь удержать массы от самоуправства, и между разгоряченными гражданами, желавшими во что бы то ни стало вывесить свои флаги, и раздраженными полицейскими, вынужденными срывать их, завязалась ожесточенная схватка.

Беспорядки приняли особенно острый характер на улицах, окружавших университет Колумбии. Капитан воздушного корабля, наблюдавшего за этим кварталом, спустил вниз аркан и стащил

флаг, поднятый над зданием Моргана, но тотчас же из верхних окон огромного помещения, находившегося между университетом и набережной, посыпался град пуль, явно направленных в воздушный корабль. Большинство выстрелов не достигло цели, но две или три пули все же попали в газовую камеру, одна пуля ранила человека, стоявшего на верхней платформе. Часовой на нижней галерее тут же ответил на эти выстрелы, и автоматическая пушка, стоявшая на щите орла, скоро заставила стрелявших смолкнуть. Воздушный корабль поднялся и сигнализировал об этом происшествии флагманскому кораблю и городской ратуше. К месту происшествия были отправлены милиционеры и полицейские — и этим дело кончилось. Но почти тотчас же произошло другое столкновение. Группа молодых клубменов из Нью-Йорка, вдохновляемая любовью к приключениям, отправилась на автомобилях в Бекон-Хилл; там молодые энергичные люди немедленно приступили к работе и устроили импровизированный форт, воспользовавшись попавшимся под руку орудием. Это орудие находилось в распоряжении недовольных канониров, которым приказано было прекратить огонь, как только состоялась капитуляция. Нетрудно

было заразить их духом возмущения. Канониры объявили, что их орудию не дали проявить свою силу, а уж теперь они покажут, что оно может сделать! Под руководством вновь прибывших артиллеристы соорудили траншею, сделали насыпь и устроили ряд колодцев для прикрытия. Они уже заряжали пушку, когда их заметил воздушный корабль «Пруссия». Но прежде чем бомбы, брошенные с «Пруссии», разнесли вдребезги и артиллеристов, и их примитивный форт, один снаряд из орудия все же успел разорваться над серединой газовой камеры воздушного корабля «Бинген», и поврежденный корабль свалился на землю в Статен-Эйланде. Он сплюснулся и повис между деревьями; его опустевшие центральные газовые мешки расстилались над деревьями в виде навеса и спускались фестонами. Однако пожар не вспыхнул, и команда быстро принялась исправлять повреждения. Все действовали при этом с уверенностью, которая граничила почти с неосторожностью.

В то время как одна часть экипажа занялась починкой газовой переборки, другая отправилась на ближайшую дорогу, чтобы найти газопровод, и скоро очутилась в плену у враждебно настроенного населения. Вблизи дороги находился ряд

вилл, обитатели которых обнаружили неприязненное любопытство и агрессивные стремления. Полицейский контроль над обширным и многолюдным населением Статен-Эйланда к тому времени ослабел, и почти в каждом доме имелось оружие и боевые припасы. Этим не замедлили воспользоваться, и после нескольких промахов был ранен в ногу один из работавших у газопровода людей. Немцы сейчас же бросили починку, укрылись за деревьями и отвечали выстрелами.

Треск выстрелов заставил другие корабли — «Пруссию» и «Киль» — немедленно явиться на помощь. С помощью нескольких гранат они быстро покончили со всеми виллами в радиусе целого километра. Погибло немало мужчин, женщин и детей, не принимавших никакого участия в нападении; виновники же нападения бежали. Починка поврежденного воздушного корабля могла теперь продолжаться без помехи, под охраной двух других кораблей. Но когда эти корабли вернулись к своим местам, нападения на опустившийся на землю корабль снова возобновились.

Такие стычки с перерывами шли до вечера, пока не началось настоящее сражение.

Около восьми часов вечера вооруженная груп-

па напала на «Бинген», и все защитники корабля были перебиты после ожесточенной и беспорядочной свалки.

Затруднения немцев в обоих случаях проистекали оттого, что они не могли высадить на землю достаточно сильные отряды или вообще какую бы то ни было военную силу. Воздушный флот совсем не был приспособлен для перевозки войск. На воздушных кораблях находилось лишь столько людей, сколько было нужно для маневрирования и сражения в воздухе. Сверху гиганты могли причинить неслыханные опустошения. Они могли принудить любое правительство к капитуляции в самый короткий промежуток времени. Но они не в состоянии были ни обезоружить население, ни оккупировать завоеванные ими города. Они могли оказывать лишь давление на власти, угрожая возобновлением бомбардировки. Последнее являлось их единственным оружием. Нет никакого сомнения, что этого было достаточно для сохранения мира, если б правительство было лучше организовано и авторитет его не упал, и если бы массы были более дисциплинированы, более послушны и более однородны. Но именно этого-то и не было.

Нью-йоркские власти имели в своем распоря-

жении слишком незначительные полицейские силы. Разрушение же городской ратуши и других центральных учреждений внесло глубокое расстройство в работу отдельных частей управления. Прекратилось движение уличных омнибусов и железных дорог. Телефонная служба была приостановлена и работала с перерывами. Немцы нанесли удар в голову, и голова была оглушена и побеждена, не будучи больше в состоянии управлять своим телом; естественно, тело вышло из повиновения. Нью-Йорк превратился в безголовое чудовище и был не способен более к коллективному повиновению. Повсюду возникали восстания, и отдельные представители власти, предоставленные собственной инициативе, вынуждены были присоединиться к массам, которые вооружались и поднимали свои флаги.

6

Поколебленное перемирие было окончательно нарушено убийством (иначе это нельзя назвать) «Веттергорна», которое было совершенно на Площади Союза, на расстоянии примерно полутора километров от развалин ратуши. Это произошло между пятью и шестью часами дня. Погода в это время значительно ухудшилась, и операции воз-

душного флота затруднились необходимостью бороться с порывистым ветром. Налетал шторм за штормом, блистала молния, хлестал град, и воздушный флот, спасаясь от шторма, опустился к самым домам; таким образом, район наблюдения уменьшился, и, кроме того, флот подвергал себя опасности ружейной атаки.

Накануне на площади поставили пушку. Она была без лафета, и из нее еще не пробовали стрелять. В темноте, наступившей после капитуляции, пушку эту унесли с дороги, вместе со всеми ее принадлежностями, и поставили под арками большого Декстеровского здания. Позднее ее заметили восставшие и тотчас же принялись за работу. Они собрали ее и водрузили на лафет в верхней части площади. В сущности, они устроили в этом месте замаскированную батарею, скрытую за декоративной решеткой здания. Лежа за этим прикрытием, они ждали, точно возбужденные игрой дети, пока не показался киль злополучного «Веттергорна». Корабль шел с уменьшенной на три четверти скоростью, борясь с ветром. Он показался над недавно сооруженными башенками здания Тиффани, и тотчас же однопушечная батарея была открыта. Нужно было взорвать и сбросить вниз на мостовую весь

десятый этаж Декстеровского здания, чтобы часовой «Веттергорна» мог заметить черное жерло пушки, притаившейся в тени. Снарядом из пушки часовой был, вероятно, убит.

Пушка выпустила два снаряда, прежде чем обрушился сам остов здания, и каждый снаряд, попадая в «Веттергорн», пронизывал его от носа до кормы. Корабль съежился, точно оловянная кружка под ударом тяжелого сапога. Передняя часть опустилась на площадь, а остальной корпус, с громким свистом и треском рушившихся подпорок и стоек, свалился поперек здания Таммани-холл и прилегавших улиц по направлению ко Второй авеню. Газ, выделяясь, смешивался с воздухом, кроме того, из воздушных камер самого корабля воздух проник в поврежденные, распавшиеся газовые камеры, и корабль взорвался со страшным грохотом…

«Фазерлэнд» в это время находился над развалинами Бруклинского моста. Звук пушечного выстрела и грохот развалившегося здания заставили Курта и Берта прильнуть к окошечку в двери каюты.

Они увидели огонь; невероятное сотрясение воздуха, произведенное взрывом, сначала прижало их к окошку, а затем кинуло кувырком в

угол каюты. «Фазерлэнд» подскочил, точно мяч, подброшенный ногой, и когда они снова взглянули в окошко, то увидели Площадь Союза такой маленькой, далекой, раздавленной, точно на нее упал какой-нибудь космический великан и прокатился по ней колесом. В восточной части площади в нескольких местах пылали здания, загоревшиеся от горячих лохмотьев и частей воздушного корабля. Крыши и стены зданий странно оседали и рассыпались на глазах.

— Черт возьми! — воскликнул Берт. — Что случилось? Взгляните на толпу!..

Но прежде чем Курт произнес слово, раздался резкий звон колокола, призывающий экипаж на места, и он должен был уйти. Берт нерешительно последовал за ним и остановился, раздумывая, в коридоре, смотря назад, на окно. Вдруг он был сбит с ног принцем: принц опрометью несся из своей каюты к центральному складу снарядов. На мгновение Берт увидел перед собой высокую фигуру принца, побелевшего от ярости и бешенства, грозящего кому-то огромным кулаком.

— Кровь и железо! — кричал он, точно призывая проклятия. — Кровь и железо!

Кто-то свалился на Берта и после небольшой паузы начал злобно его колотить. Берту пришло

в голову, что это Винтерфельд.

Через несколько минут Берт сидел в углу коридора, потирая ушибленную щеку и поправляя повязку, которую он все еще носил на голове.

— Черт побери этого принца! — бормотал он возмущенно. — Он ведет себя как последний негодяй!

Собравшись с мыслями, Берт встал на ноги и медленно поплелся к проходу на маленькую галерею. Но вдруг он услышал шум, внушивший ему мысль, что принц возвращается. Берт тотчас же бросился к своей каюте, точно кролик к норе. Ему удалось укрыться вовремя, не попав на глаза принцу.

Берт закрыл дверь каюты и подождал, пока в проходе снова стало тихо. Тогда он подошел к окну и заглянул вниз. Там неслись облака и затуманивали картину города, а раскачивание воздушного корабля заставляло всю панораму то подниматься, то опускаться. Временами показывались бегущие люди, но вообще местность была пустынна. Только когда «Фазерлэнд» опускался ниже, улицы как будто расширялись, становились просторнее, крупнее делались казавшиеся пятнышками люди. Теперь «Фазерлэнд» пролетал над нижним концом Бродвея. Берт увидел, что

группы людей внизу не бежали больше, а стояли неподвижно и смотрели вверх. Затем вдруг все опять бросились бежать.

Что-то упало с дирижабля — какой-то небольшой и легкий сверток. Он коснулся мостовой вблизи огромной арки, как раз под «Фазерлэндом». Маленький человек шел по тротуару, а двое или трое других и одна женщина переходили через дорогу. Это были такие смешные маленькие фигурки-коротконожки! Прямо забавно было глядеть, как они усиленно действовали своими локтями и ногами. Такое «булавочное» человечество было лишено всякого достоинства. Маленький человечек так комично подпрыгнул на мостовой, — вероятно, от ужаса, — когда бомба упала возле него.

Затем показалось ослепительное пламя и распространилось во все стороны от взрыва. Подпрыгнувший маленький человечек моментально превратился в факел и скоро исчез совершенно. Люди бежали по дороге, нелепо прыгали, потом падали и лежали спокойно, в то время как их изодранные одежды медленно тлели. Потом начали рушиться своды зданий, и кирпич падал с грохотом — вроде грохота угля при ссыпке. Слабые крики долетали до ушей Берта. Толпа бежала по

улице, и какой-то человек, прихрамывая, отчаянно жестикулировал. Он остановился и пошел назад к неизвестному зданию. Падавшая масса кирпича настигла его. Он упал и, смятый, остался лежать на месте.

Черный дым и облака пыли заволокли улицу, но вскоре исчезли, уступив место пламени.

Так началось разрушение Нью-Йорка. Это был первый из больших городов культурного века, испытавший на себе как страшную силу войны в воздухе, так и ограниченность ее средств. Город был разрушен так же, как в прежние времена бомбардировкой разрушались бесчисленные города варваров; эти города были слишком сильны, чтобы подчиниться, и слишком недисциплинированны, чтобы сдаться и избежать истребления. Принимая во внимание данные обстоятельства, и от Нью-Йорка нельзя было ожидать ничего другого. Принц не мог отступить и признать себя побежденным, а с другой стороны, невозможно было покорить город, не подвергнув его уничтожению. Эта катастрофа была логическим следствием приложения науки и техники к войне.

Разрушение больших городов было неизбежно. Несмотря на сильнейшее возбуждение, принц

все же старался по возможности щадить город. Он хотел только дать памятный урок с наименьшей потерей жизней и с наименьшей тратой взрывчатых веществ. На эту ночь он планировал разрушение лишь Бродвея, поэтому он отдал приказание воздушному флоту двинуться колонной вдоль этого пути и метать бомбы. «Фазерлэнд» шел впереди. Таким образом, Берт Смоллуэйс оказался вынужденным участником самого хладнокровного уничтожения, еще не слыханного в истории; люди, сеявшие смерть и разрушение, нисколько не были возбуждены борьбой, так как сами не подвергались ни малейшей опасности, — разве только от случайной пули на излете.

Берт прилип к окошечку в дверях и сквозь мелкий дождь, гонимый ветром, наблюдал то, что творилось внизу. Корабль раскачивало и кидало во все стороны. В сумрачном свете Берт видел улицы, людей, выбегавших из домов, рушившиеся здания, пожары. Воздушные корабли, продвигаясь вперед, громили город с такой же легкостью, с какой ребенок разрушает выстроенные им города из деревянных кирпичиков или карт. Внизу оставались лишь развалины, пылавшие в огне здания да груды разбросанных мертвых тел. Мужчины, женщины, дряхлые

старики, дети, — никого не щадили эти цивилизованные варвары, как будто это были зулусы или готтентоты, уничтожать которых было их привычное занятие.

Нижний город скоро превратился в настоящую геенну огненную, из которой уже никому не было спасения. Все способы сообщения сразу прекратились, и лишь пламя пожаров освещало среди невероятного хаоса путь немногим уцелевшим беглецам. Берт видел только мельком то, что творилось внизу, и вдруг в его сознании мелькнула мысль, что такие катастрофы возможны не только в этом странном гигантском и чуждом ему городе, но то же самое может случиться и с Лондоном, и даже с Бен-Хиллом. Он понял, что наступил конец мирной жизни на маленьком острове, среди серебристых волн океана, и что уже больше нигде в этом мире не осталось такого места, где Смоллуэйсы с гордо поднятой головой могли бы спокойно голосовать за войну и смелую иностранную политику, оставаясь при этом сами в стороне от всяких ужасов.

Глава VII. «Фазерлэнд» выведен из строя

1

И вот над пылающим островом Манхэттен произошла битва — первая битва в воздухе.

Американцы поняли, во что им обойдется выжидательная политика, и собрали все свои силы, чтобы нанести удар и спасти, если это еще возможно, Нью-Йорк от затей безумного принца, провозгласившего своим лозунгом «кровь и железо» и сеявшего огонь и смерть.

На крыльях бури, в сумерках, среди дождя и грома, американский воздушный флот, разделенный на две эскадрильи, прилетел из воздухоплавательных парков Вашингтона и Филадельфии.

И если бы не было немецкого сторожевого воздушного корабля в Трентоне, то немцы были бы застигнуты врасплох.

Германский воздушный флот, утомленный и пресыщенный разрушительной деятельностью, наполовину израсходовал свои запасы и боролся с непогодой; в этот момент и было получено известие о приближении американских аэропла-

нов. Нью-Йорк уже был позади, на юго-западе, и представлял груду развалин, освещенную красноватым отблеском пожаров. Воздушные корабли, трясясь и раскачиваясь, с трудом продвигались вперед: дождь и град, обрушиваясь на них целыми потоками, вынуждали их снижаться. Воздух стал колюче холоден. Принц хотел уже отдать приказ кораблям спускаться еще ниже к земле и установить громоотводы, когда получил известие об атаке аэропланов. Принц срочно отменил первоначальное распоряжение, велел снарядить «Летающих драконов» и приготовился к их спуску. Приказав кораблям выстроиться в боевом порядке, он в то же время поднял их в более высокие чистые слои атмосферы.

Берт, однако, не сразу сообразил, что должно произойти. Он отправился вместе с другими в столовую для получения вечерней порции. Надев пальто и перчатки Беттериджа, Берт накинул на себя и его одеяло; закутанный, он стоял с широко раздвинутыми ногами, чтобы не потерять равновесия во время сильных раскачиваний и толчков корабля, преспокойно макал сухари в суп и отправлял их в рот большими кусками. Вся команда корабля имела утомленный вид и угрюмо молчала. Некоторые чувствовали приступы

горной болезни, и все, видимо, испытывали еще одно неприятное ощущение: все сознавали себя как бы отверженными после совершенных ими убийств. Они видели внизу землю и оскорбленное человечество, гнев которого все разрастался.

Наконец и они узнали, что случилось. Неизвестный краснолицый, коренастый человек, с бесцветными глазами и шрамом на лице, показался в дверях и крикнул что-то по-немецки. Его слова, видимо, поразили всю команду. Берт тоже испугался тона, которым были произнесены эти слова, хотя и не понял их. На мгновение наступило молчание, затем все с жаром принялись обсуждать страшную новость. Даже страдавшие горной болезнью люди встрепенулись. В течение нескольких минут столовая представляла настоящий бедлам, затем вдруг раздался резкий звон колокола, призывавший команду на места.

Берт внезапно остался один.

— Что такое? — прошептал он, хотя инстинктивно уже начинал догадываться.

Быстро проглотив остатки супа, он пробежал по раскачивавшемуся коридору и, крепко держась за перила, спустился на галерею. Его охватило пронизывающей сыростью, словно струей холодной воды из шланга. Воздушный корабль,

по-видимому, был вовлечен в новую атмосферную борьбу. Берт одной рукой сильнее натянул на себя одеяло, а другой держался за перила. Его окружил сырой, туманный полусвет, в котором ничего нельзя было разглядеть. Только над головой виднелись огни воздушного корабля и быстро снующие люди, направлявшиеся к своим постам.

Потом вдруг все огни были погашены, и «Фазерлэнд», вздрагивая и раскачиваясь, точно в судорогах, прокладывал себе дорогу в воздухе.

Когда «Фазерлэнд» начал подниматься, Берт заметил мельком огромные горящие здания внизу и дрожащий сноп пламени. Потом сквозь туман Берт увидел другой воздушный корабль, нырявший в воздухе, точно дельфин. Облако поглотило корабль, и на время он исчез, но потом снова появился среди потоков дождя, точно темное китообразное чудовище. Воздух был наполнен странными звуками. Свист, хлопанье, завывание ветра оглушали Берта, но он изо всех сил напрягал внимание, стараясь не потерять равновесия, и стоял, крепко ухватившись за перила.

— Ой!

Что-то пронеслось мимо него в темноте, падая сверху, и быстро исчезло внизу, во мраке. Это

был немецкий «Летающий дракон». Он летел так стремительно, что темная фигура аэронавта, ухватившегося за колесо руля, промелькнула лишь на мгновение… Может быть, это был маневр, но скорее это было похоже на катастрофу…

— Черт возьми! — прошептал Берт.

«Пап-пап-пап», — заговорила пушка где-то впереди, в темноте.

«Фазерлэнд» накренился так сильно, что Берт и часовые крепко уцепились за поручни, чтобы не слететь вниз.

Бум! — раздался оглушительный выстрел, сопровождаемый страшным толчком. Клубившиеся наверху облака окрасились красным заревом, отражая невидимое пламя и освещая бездонную пропасть внизу. Перила, за которые держался Берт, приняли отвесное положение, и Берт повис в воздухе.

На мгновение все силы его были направлены лишь на то, чтобы не выпустить из рук перил. «Пойду-ка я лучше в каюту», — сказал он сам себе. Корабль снова пришел в равновесие, и Берт почувствовал у себя под ногами пол галереи. Он медленно и осторожно пробирался к лестнице и невольно вскрикнул, когда галерея, точно поднявшаяся на дыбы лошадь, подпрыгнула вверх и

затем так же быстро опустилась.

Выстрелы раздавались один за другим, и вдруг блеснула ярким, ослепительно белым светом молния, и раздался страшный грохот, как будто рушился мир. Но перед этим ужасным взрывом на мгновение наступила такая тишина, точно вся Вселенная прислушивалась к чему-то.

Тут-то Берт и увидел американский аэроплан. Освещенный блеском молнии аэроплан казался неподвижным. Даже команда на нем представлялась в виде каких-то неподвижных кукол. Аэроплан был так близко, что Берт мог совершенно ясно различить каждого человека. Корма аэроплана была обращена вниз, а машина вверх. Он был сделан по типу, с двойными крыльями. Команда помещалась впереди, в чем-то вроде лодочки. С каждой стороны очень легкого и длинного корпуса аэроплана выглядывали магазинные пушки. Одна вещь особенно поразила Берта в этот момент: верхнее крыло аэроплана, устремленное вниз, было объято красным дымящимся пламенем. Но еще удивительнее было, что этот аэроплан и германский воздушный корабль, находившийся внизу, на расстоянии четырехсот пятидесяти метров от него, были точно связаны молнией, как будто молния свернула с

пути, чтобы захватить их, и из каждого угла, из каждой выдававшейся точки огромных крыльев аэроплана росли колючие ветви молний.

Берту все это привиделось как картина, слегка завуалированная легкой завесой тумана. Тотчас же вслед за молнией раздался резкий удар грома; Берт был ослеплен и оглушен в одно и то же время.

Затем наступила глубокая, непроницаемая тьма. Слышны были только тяжкое эхо и слабые крики людей, исчезавших в бездонной пропасти — там, внизу.

2

Воздушный корабль начал раскачиваться еще сильнее, и Берт снова попытался пробраться в свою каюту. Он замерз, промок до костей и чувствовал, кроме того, приступы горной болезни. Ему казалось, что у него уже совсем не было сил ни в руках, ни в ногах. Ноги не могли идти, а только скользили по металлическому полу галереи: металл покрылся тонким слоем льда.

Берт решительно не мог отдать себе отчета, сколько времени он взбирался на лестницу, чтобы снова попасть внутрь корабля. Но когда позднее он вспоминал об этом, то ему всегда

казалось, что он шел тогда несколько часов. Вверху, внизу, кругом зияли бездны, — страшные бездны ревущего ветра, темных смерчей, снежных вихрей, а Берт был защищен от всего этого лишь небольшой металлической решеткой и перилами, которые бешено раскачивались и точно стремились сбросить его в бушевавший внизу хаос.

Берту показалось, что пуля пролетела мимо его уха; снежные хлопья и облака осветила молния. Но он даже не повернул головы, чтобы посмотреть, что это такое. Ему хотелось как можно скорее попасть в коридор. Удастся ли ему удержаться за перила лестницы, или рука ослабеет и соскользнет? Град с такой силой хлестнул ему в лицо, что на мгновение у него захватило дыхание, и он почти лишился чувств. «Держись крепче, Берт!» — сказал он себе и с новыми силами уцепился за перила.

Наконец он добрался до прохода. Тут было тепло, он вздохнул с облегчением. Но и коридор не оставался на одном месте, его кидало из стороны в сторону точно игральные кости, как будто и он задался целью вышвырнуть Берта обратно. Однако Берт, судорожно цепляясь, держался, пока коридор не пришел в нормальное положение.

Тогда он одним прыжком очутился возле каюты и успел заскочить в нее, прежде чем передний конец коридора снова поднялся.

Слава Богу! Он в каюте!

Он схватился за дверь и в течение нескольких минут был не человеком, а лишь вместилищем горной болезни. Он хотел забраться в такое место, где бы ему не нужно было держаться. Открыв ящик, где лежали разные вещи, Берт залез туда и некоторое время лежал, беспомощно раскинувшись, а голова его колотилась о стенки ящика. Вдруг крышка захлопнулась с треском. Но Берту было уже все равно, что бы ни случилось: ему было все равно, кто кого побьет, какие там пули или взрывы, будет ли он просто убит или разорван на куски! Бессильная, невыразимая словами ярость и отчаяние овладели им, и он мог выговорить только одну фразу:

— Что за сумасшествие!

И это было единственно правильное, все исчерпывающее определение, какое только можно было дать войне и тем авантюрам, в которые он нечаянно впутался.

— Какое сумасшествие! — повторял он, и в этот приговор включал весь порядок вселенной.

Хотелось умереть…

Берт не видел звездного неба, расстилавшегося кругом: «Фазерлэнд» опять поднялся в верхние чистые слои атмосферы. Берт не видел битвы, происходившей между «Фазерлэндом» и двумя аэропланами, обстреливавшими воздушный корабль; не знал, что «Фазерлэнд» отбился от них с помощью разрывных снарядов и бежал; не знал подробностей героической битвы, полной самопожертвования с обеих сторон. «Фазерлэнд» был поврежден и находился на краю гибели, — он быстро падал и увлекал за собой запутавшийся американский аэроплан с разбитым пропеллером, причем американцы с аэроплана старались перескочить на «Фазерлэнд».

Все это промелькнуло мимо Берта, и он ощущал страшное сотрясение и толчки. «Сумасшествие!..» Когда американский аэроплан наконец полетел вниз, а большинство его людей были перебиты или сорвались в бездну, Берт в своем ящике знал только одно: «Фазерлэнд» сделал ужасный прыжок вверх.

Затем наступило облегчение, невероятное и благодатное спокойствие. Толчки, раскачивание, удары мгновенно прекратились. «Фазерлэнд» уже не боролся с ветром. Его испорченные машины не производили больше никакого шума. Корабль

был поврежден и, гонимый ветром, двигался теперь спокойно, как воздушный шар, представляя собой огромный обломок после воздушного крушения. Для Берта же это означало лишь конец неприятных ощущений. Его уже не интересовало то, что произошло с воздушным кораблем и чем кончилась битва. Он долго лежал так, ожидая, что снова начнутся толчки и качка и вернутся все его мучения. Но спокойствие не нарушалось, и он, свернувшись в ящике, наконец заснул.

3

Проснулся Берт спокойный, но весь избитый. Было очень холодно. Берт никак не мог вспомнить, где он. У него болела голова, и было трудно дышать. Он видел во сне Эдну, «дервишей пустыни», опасную поездку на велосипеде среди ракет и бенгальских огней, вызывавших сильнейшее неудовольствие какого-то джентльмена, соединявшего в своем лице принца и Беттериджа. Затем, по неизвестной причине, он и Эдна жалобно звали друг друга. Проснулся Берт с мокрыми от слез глазами. Он никогда больше не увидит Эдну, никогда!

В первый момент ему показалось, что он находится в своей спальне, за велосипедной лавкой в

Бен-Хилле, и что вся эта картина разрушения бомбами великолепного, необыкновенно красивого и огромного города — не более как сновидение, необыкновенно яркое и живое.

— Грабб! — крикнул Берт, желая поскорее все рассказать своему товарищу.

Ответом было молчание. Голос Берта глухо прозвучал в ящике, и духота, затруднявшая его дыхание, дала тотчас же другое направление его мыслям. Он поднял руки и ноги и нащупал доски. Значит, он в гробу! Его похоронили заживо!

Ужас и отчаяние охватили его.

— Помогите! — завопил он. — Помогите!..

Он начал стучать ногами и бился руками, крича:

— Выпустите меня! Выпустите меня!..

Несколько минут он барахтался, охваченный безумным страхом; затем одна из стен его воображаемого гроба поддалась. Он выкатился наружу, прямо под ноги Курта, который надавал ему здоровых тумаков.

Берт сел. Повязка свалилась с его головы и закрыла один глаз. Берт совсем сорвал повязку и бросил ее.

Курт сидел немного поодаль, более красный, чем когда-либо, и закутанный в одеяло. На ко-

ленях у него был водолазный шлем. Он строго смотрел на Берта и тер свой небритый подбородок. Оба сидели на накренившемся полу, обитом малиновыми матрацами. Над ними виднелось отверстие, похожее на удлиненный вход в погреб, но, присмотревшись, Берт убедился, что это была повернутая боком дверь в каюту. В самом деле, вся каюта лежала на боку!

— Что это вам вздумалось, черт вас побери, выкатываться из этого ящика, Смоллуэйс? — сказал Курт. — Я был уверен, что вы полетели за борт вместе с остальными. Где же вы были?

— Что произошло? — спросил Берт.

— Это наше судно задрало нос кверху.

— Было сражение?

— Да.

— Кто же победил?

— Я еще не читал газет, Смоллуэйс, — сказал Курт. — Мы покинули поле битвы раньше конца сражения. Мы были выведены из строя и повреждены, а наши сослуживцы, — я хочу сказать, сотоварищи, — были слишком заняты сами, чтобы обращать внимание на других. И теперь ветер несет нас — небу известно куда! Он вынес нас из сражения со скоростью сто тридцать километров в час. Ах, что это была за буря, что это было за

сражение!.. И вот мы здесь!

— Где?

— В воздухе, Смоллуэйс, в воздухе! Когда мы снова опустимся на землю, то уже не будем знать, что нам делать с нашими ногами.

— А что там, внизу?

— Канада, как мне кажется. Она выглядит очень угрюмой, пустынной и негостеприимной страной.

— Но отчего мы как будто перевернуты?

Курт не ответил.

— Последнее, что я помню, — сказал Берт, — это летающая машина, освещенная молнией. Черт возьми, это было так ужасно! Пушки стреляли, бомбы разрывались… Дождь и град… Качка и удары… Я был отчаянно измучен и вдобавок болен… Вы не знаете, чем кончилось сражение?

— Нет. Я был наверху со своим отрядом. В этом водолазном костюме я был внутри газовой камеры. Я должен был чинить ее, накладывать заплаты. Нам не было видно, что делается снаружи: мы видели лишь молнию. Я не видел ни одного из этих американских аэропланов. Я видел только: пули пронизывали воздушные камеры, и немедленно посылал людей класть заплаты на проделанные пулями дыры в оболочке. В некото-

рых местах начался пожар, но небольшой, как вы знаете. Сырость была слишком велика — огонь не мог разгореться быстро. Но вот одна из их адских машин обрушилась сверху на нас и точно вцепилась в наш корабль. Вы почувствовали этот удар?

— Я все чувствовал, — сказал Берт, — но особенного удара не заметил.

— Должно быть, туго им пришлось, если прибегли к такому средству. Они налетели на нас и как ножом распороли заднюю газовую камеру, точно брюхо селедки, и все наши машины и команда — вдребезги! Большая часть наших машин выпала из корабля, а то бы всем нам быть внизу!.. Остальное все испорчено. Корабль повернулся носом вверх, и в таком положении мы остаемся. Одиннадцать человек из команды свалилось. Бедный старик Винтерфельд пролетел через двери каюты принца в отделение для карт и сломал себе ногу. Наша электрическая батарея тоже исчезла неизвестно каким образом… Вот каково наше положение, Смоллуэйс! Мы несемся в воздухе, как обыкновенный воздушный шар, в полной зависимости от стихии, и мчимся теперь на север — вероятно, к Северному полюсу. Мы не знаем, какие аэропланы были у американцев,

и вообще ничего об этом не знаем. Очень вероятно, что мы с ними покончили. Один из них столкнулся с нами, другой был сражен молнией, а некоторые из наших людей видели третий аэроплан, перевернувшийся. Во всяком случае, они не дешево отделались. Но мы потеряли наших «Летающих драконов». Они исчезли ночью. В них не было устойчивости. Вот и все! Мы не знаем, победили мы или потерпели поражение. Мы не знаем, началась ли у нас война с Британской империей или нет, и поэтому мы не можем опуститься на землю. Мы не знаем, куда мы несемся и что мы должны делать. Один только наш Наполеон остается неизменным, и я полагаю, что он сидит теперь в каюте и переделывает свои планы. Был ли Нью-Йорк для нас Москвой — это покажет будущее. Но мы вернулись к прежним временам и перебили бесконечное множество людей. Война!.. Благородная война! Нет уж, после нынешнего утра — довольно с меня! Я бы хотел сидеть теперь в комнате, как подобает человеку, а не цепляться за скользкие обломки воздушного корабля!.. Я — культурный человек. Я помню и старого Альбрехта, и «Барбароссу». Но я чувствую, что мне необходимо помыться, необходимы спокойные речи, уютный дом… Особенно когда

я смотрю на вас, то вижу, до какой степени я нуждаюсь в умывании. Боже мой! — Он отчаянно зевнул. — Если бы вы только знали, какой у вас ужасный вид!

— А мы можем что-нибудь поесть? — спросил Берт.

— Никому не известно! — отвечал Курт, а затем, подумав немного, прибавил: — Насколько я могу судить, Смоллуэйс, принц, наверное, захочет выбросить вас за борт, как только вспомнит о вас. И, наверное, он это сделает, если увидит вас. Ведь вы знаете, он взял вас только как балласт… Я думаю, что нам скоро придется облегчить корабль. Если я не ошибаюсь, принц начнет теперь действовать с ужасающей энергией… Не знаю почему, но я чувствую к вам симпатию. Это говорит во мне английская наследственность. Вы — такой смешной, маленький человечек. Мне не хочется видеть, как вы полетите кувырком вниз… Надо бы вам постараться быть полезным, Смоллуэйс. Пожалуй, я возьму вас в свой отряд. Вам придется поработать и быть дьявольски ловким, вы знаете? Придется также повисеть вверх ногами. Но это у вас единственный шанс на спасение. Таскать с собой пассажиров, я думаю, мы не будем, а балласт будет выбрасываться за борт, если мы

только не хотим спуститься и попасть в плен. Во всяком случае, принц этого не захочет. Он будет держаться до конца…

4

При помощи складного стула, который оказался на своем месте за дверью, Берт и Курт взобрались к окну и по очереди заглянули в него. Они увидели внизу лесистую страну, где не заметно было ни железных, ни шоссейных дорог, и лишь изредка виднелись признаки человеческого жилья. Вдруг зазвонил колокол, и Курт объяснил, что зовут к обеду. Они пролезли в дверь и с трудом вскарабкались по стоявшему теперь почти отвесно коридору, цепляясь руками и ногами за вентиляционные отверстия в полу.

На кухне приспособления, разогревавшие пищу без огня, были в рабочем состоянии, и поэтому прислуга могла приготовить горячий какао для офицеров и суп для команды.

Странность обстановки так занимала Берта, что он почти не чувствовал страха. Он был скорее заинтересован, чем испуган. Накануне он испытал чувство заброшенности и дошел до предела человеческого отчаяния. Теперь он уже свыкся с мыслью, что ему суждено погибнуть и что это

странное путешествие по воздуху, по всей вероятности, — последнее в его жизни. Человек не может долго находиться под влиянием страха: в конце концов он должен либо победить страх, либо примириться с ним, приспособиться к нему. Берт успокоился.

Присев на корточки над своим супом и макая в него хлеб, он наблюдал за своими товарищами. Лица у всех были бледные, грязные и небритые. С утомленным видом они разместились где попало, как люди, потерпевшие крушение. Говорили мало. По-видимому, их сильно тревожило общее положение дел. Трое получили ушибы от ударов, которым подвергался корабль во время сражения, а один был ранен пулей и сидел забинтованный. Трудно было представить себе, чтобы эта маленькая кучка людей могла совершить столько убийств и такие беспримерные опустошения! Из сидевших на корточках над миской супа никто не походил на злодея; никто из них, пожалуй, не способен был даже ударить собаку. Все они казались созданными для жизни в уютных домиках, на твердой земле, среди тщательно возделанных полей, для беспечного и веселого времяпрепровождения в своем семейном кругу, возле своих белокурых жен… Краснолицый,

полный человек, первым принесший известие о нападении американских аэропланов, теперь с чисто материнской заботливостью поправлял повязку одному из самых молодых матросов, у которого была вывихнута рука.

Берт доедал свой суп, собирая крошки и стараясь продлить удовольствие, как вдруг заметил, что глаза команды устремлены на дверное отверстие, повернутое кверху: в отверстии болтались чьи-то ноги. Вслед за ногами показалось туловище Курта, который соскочил вниз, держась за дверцу. Каким-то образом он ухитрился побриться и даже пригладить свои золотистые волосы. Он имел вид совершенного херувима.

— Принц! — прошептал он.

В отверстии показалась пара сапог. Отыскивая точку опоры, сапоги делали размашистые, величественные движения. Курт помог им упереться в дверцу, и тогда показалась массивная фигура принца. Он был выбрит, вычищен и даже нафабрен. Соскользнув вниз, он сел на дверь. Вся команда и Берт встали и поклонились ему.

Принц оглядел их, точно на смотре. Голова капитана показалась сзади. И вот для Берта наступила ужасная минута. Голубые глаза принца обратились в его сторону. Принц указал на него

пальцем и задал какой-то вопрос. Тотчас же вмешался Курт и что-то начал объяснять.

— Та-ак! — сказал принц, и Берт был отпущен.

Тогда принц обратился к команде корабля с краткой героической речью. Одной рукой он держался за дверную раму, а другой делал величественные жесты. Берт не понял, что говорил принц, но видел, как изменилось выражение лиц под влиянием его речи. Некоторые слова принца сопровождались криками одобрения. Под конец принц затянул гимн: «Бог — моя крепость!» — и вся команда подхватила его с воодушевлением. Как ни казалось это неуместным в такой обстановке, на полуопрокинувшемся и падавшем воздушном корабле, выведенном из строя после боя, после произведенного им беспримерного в истории разгрома мирного города, тем не менее пение этого гимна произвело на всех большое впечатление.

Берт был глубоко растроган. Он, конечно, не знал слов лютеровского хорала, но все же старался подпевать, широко раскрывая рот, и порою ему удавалось издавать даже довольно гармоничные звуки…

В это время далеко внизу небольшая группа метисов, раскинувших свой лагерь в лесистой

местности, услыхала звуки, которые неслись откуда-то сверху. Метисы собирались завтракать, но тотчас же повскакали со своих мест, пораженные, готовые видеть в этом признаки «второго пришествия». Они смотрели вверх на крутящийся в воздухе, уносимый ветром обломок «Фазерлэнда», изумленные до крайней степени. Это как будто и походило на второе пришествие, а как будто и нет. Недоумевающие и испуганные, они не спускали глаз с корабля. Вдруг пение прекратилось, и после довольно долгого промежутка времени они услыхали голос, как будто с неба, — голос спрашивал их на ломаном английском языке:

— Как называется это место?

Но они не отвечали, потому что не поняли вопроса, хотя он и был повторен несколько раз.

Наконец воздушное чудовище скрылось из виду, пронесшись далее, к северу, над густым сосновым бором…

Внизу горячо и долго спорили об этом странном явлении.

Когда кончилось пение, ноги принца опять исчезли в дверном отверстии наверху.

Команда, вся до единого человека, была уже готова к новым героическим усилиям и великим

подвигам.

— Смоллуэйс, сюда! — крикнул Курт.

5

Теперь Берт под руководством Курта впервые познакомился с работой воздушного корабля.

Задача капитана этого корабля была очень простая: капитан должен был заботиться лишь о том, чтобы корабль держался в воздухе.

Буря утихла, но ветер был все еще очень силен. Это делало крайне опасным спуск на землю такой неуклюжей массы, как этот полуразрушенный воздушный корабль, если бы даже принц и решился высадиться в населенной стране с риском попасть в плен. Необходимо было, следовательно, продержаться в воздухе, пока ветер не утихнет совсем, и тогда попробовать спуститься в каком-нибудь пустынном уголке этой территории, чтобы там произвести необходимую починку и подождать, не явится ли на помощь какой-нибудь другой корабль: ведь, наверное, они теперь уже разыскивают «Фазерлэнд».

Но для спуска прежде всего нужно было освободить корабль от лишней тяжести. Курту было поручено отправиться вместе со своим отрядом к разорванным и смятым воздушным камерам и

постепенно, частями, отделять лоскутья материи, но по мере того, как воздушный корабль будет опускаться.

И вот Берт, вооружившись острым ножом, вскарабкался по сети на высоте тысячи двухсот метров над землей и кромсал бесполезные тряпки, стараясь понять, что приказывал Курт на английском языке, и догадаться, когда он отдавал приказания по-немецки.

Это была головокружительная работа, но не настолько, как это может вообразить себе читатель, сидящий в теплой комнате. Берт ухитрился даже смотреть вниз, на дикую северную страну, расстилавшуюся перед его глазами: никаких признаков жилья, угрюмые скалы, водопады, широкие, извилистые и пустынные реки. Растительность, насколько можно было разглядеть при дневном свете, казалась жалкой и скудной. Кое-где на холмах виднелся снег… А Берт, цепляясь одной рукой за сеть, висел в воздухе над этой страной, отрезая другой рукой лоскуты скользкого, промасленного шелка. Ему с товарищами надо было отделить и спустить вниз перепутавшиеся и согнутые стальные прутья, а также большой кусок каркаса корабля; это была трудная работа. Освобожденный от этой тяжести, воздушный ко-

рабль сделал головокружительный скачок вверх. Часть каркаса закружилась в воздухе и, падая, стукнулась о край ущелья, странно подпрыгивая и извиваясь. Берт, точно замерзшая обезьяна, вцепился руками в канаты и не мог пошевелить ни одним мускулом в течение пяти минут.

Теперь Берт находил даже некоторое удовольствие в этой опасной работе, и, кроме того, ему приятно было сознание товарищества. Он уже не был больше отщепенцем среди других, чужестранцем, возбудившим к себе недоверие. У него теперь была общая работа с другими, и в дружеском соревновании он старался управиться со своей работой быстрее других. И кроме того, теперь он определенно понял, что Курт ему нравится, что Курта он уважает. Курт восхищал его как руководитель работ своей находчивостью, рассудительностью и мягкостью в обращении с подчиненными. Он всегда готов был прийти на помощь и поспевал всюду. На работе он преображался. Легкомыслие исчезло, и стоило кому-нибудь оказаться в затруднении, как он сейчас же являлся с разумным советом и смелой поддержкой. Он был для своей команды как бы старшим братом.

Когда окончательно отделили и сбросили вниз

три больших обломка, Берт с радостью снова залез в каюту, уступив место второй смене. Он и его товарищи получили горячий кофе, так как, несмотря на свою одежду, все они порядочно продрогли; сидя в каюте и распивая горячий кофе, они весело смотрели друг на друга. Один из товарищей Берта ласково заговорил с ним по-немецки, и Берт, улыбаясь, отвечал ему. У Берта совсем окоченели ноги, и Курт распорядился, чтобы ему были переданы теплые сапоги одного из раненых матросов.

После полудня ветер утих, и в воздухе появились редкие снежные хлопья. Внизу видны были большие пространства, занесенные снегом, а в глубоких долинах торчали группы сосен и елей. Курт с тремя людьми из своей команды вошел в неповрежденные газовые камеры, чтобы выпустить оттуда часть газа и приготовиться к спуску. Остаток бомб и взрывчатых веществ был также сброшен вниз и, падая, произвел взрыв, грохот которого далеко пронесся в пустынной местности.

Наконец в четыре часа пополудни «Фазерлэнд» спустился на широкое скалистое плоскогорье, недалеко от покрытых снегом вершин.

Спуск происходил при особенно трудных условиях: «Фазерлэнд» не был приспособлен для того,

чтобы претерпевать эволюцию воздушного шара. Капитан не мог точно рассчитать силу падения, и воздушный корабль тяжело и неуклюже ударился о землю; при этом передняя часть висячей галереи была разрушена, и был смертельно ранен фон Винтерфельд. Корабль протащился еще несколько секунд и наконец свалился бесформенной массой. Передний щит с механической пушкой оторвался и покатился вниз. Два матроса были тяжело ранены: у одного была сломана нога, а другой получил внутренние повреждения. Проволоки и стальные прутья разлетелись во все стороны. Берт тоже получил удар в бок. Когда наконец он очнулся от удара и смог оглядеться, то увидел, что огромный орел, который при отправлении из Франконии, шесть дней назад, имел такой величественный вид, теперь лежал сплющенный над каютами воздушного корабля и над замерзшими скалами этой пустынной страны, точно злополучная птица, которую кто-то поймал, свернул ей шею и бросил в сторону. Кучка людей молча стояла вокруг обломков воздушного корабля, среди бесплодной пустыни. Другая часть команды работала около импровизированной палатки, устроенной из опустевших газовых камер, а принц, отойдя немного в сторону, разглядывал

в бинокль отдаленные вершины, похожие на древние морские скалы. Кое-где виднелись группы деревьев, низкорослые ели и тонкие сосны. Кругом были разбросаны валуны, и среди них малорослая альпийская растительность, густой кустарник и цветы без стеблей. Воды вблизи нигде не было, но доносился глухой шум падающих с высоты водопадов. Дул леденящий ветер, приносивший порой снежные хлопья.

После легкого, колыхающегося воздушного корабля земля в этой угрюмой стране показалась Берту тяжелой и мертвой.

6

Волей судеб великий и могущественный принц Карл-Альберт был на время лишен возможности принимать участие в чудовищном конфликте, вызванном главным образом им же самим. Погода и случайности битвы как будто соединились вместе, чтобы загнать его в пустынную часть Лабрадора, где он бродил в бездействии целых шесть дней, а в это время разыгрывались удивительные мировые события. Государство шло на государство, один воздушный флот устремлялся навстречу другому, города разрушались, и люди гибли массами.

Но в Лабрадоре была тишина, нарушаемая только стуком молотков. Тут господствовал мир.

В маленьком лагере шла работа. Издали каюты, прикрытые остатками шелковой материи шара, казались огромными палатками цыганского табора. Все, кто только мог работать, были заняты сооружением мачты, на которой электротехники «Фазерлэнда» должны были укрепить аппарат беспроволочного телеграфа, чтобы принц мог установить сношения с внешним миром. Мачту строили из остатков стального каркаса корабля. Однако установка этой мачты была сопряжена с величайшими трудностями. С самого начала люди терпели разные лишения. Припасов было недостаточно, и экипаж должен был довольствоваться уменьшенной порцией. Кроме того, несмотря на толстую одежду, все очень страдали от резкого холодного ветра и условий жизни в этой негостеприимной стране. Первую ночь провели без огня, в глубоком мраке. Машины воздушного корабля были изломаны и упали где-то далеко, к югу. У команды не было ни одной спички. Ведь брать с собой спички запрещалось под страхом смерти. Все взрывчатые вещества и снаряды были выброшены раньше, и лишь к утру один офицер, тот самый, в каюту которого

был вначале помещен Берт, сознался, что у него есть пара дуэльных пистолетов и патроны, при помощи которых можно добыть огонь. Позже отыскались еще ящики механической пушки с неиспользованными боевыми припасами.

Первая ночь была ужасна и казалась бесконечной. Почти никто не спал. В лагере было семь раненых, и среди них фон Винтерфельд, у которого была разбита голова. Старик метался в бреду, бился в руках своего денщика и выкрикивал что-то странное по поводу разрушения Нью-Йорка. Команда собралась в палатке, служившей столовой; все закутались во что попало и пили согретое без помощи огня какао, прислушиваясь к крикам Винтерфельда.

Утром принц произнес перед экипажем речь, в которой говорил о неисповедимом роке, о том, какое счастье и какая слава — отдать свою жизнь за династию, и вообще о разных таких вещах, о которых легко можно было бы забыть в этой суровой пустыне. Команда отвечала ему обычными в таких случаях восклицаниями, а издали доносился вой волков.

После этого команда принялась за работу, и в течение недели установили наконец стальную мачту для беспроволочного телеграфа и укрепили

антенну из медной проволоки; антенна занимала площадь размером шестьдесят на четыре метра. Все это время люди провели за неустанной тяжелой и напряженной работой, терпя всевозможные лишения и неудобства. Дикая, суровая природа окружала их, и единственным развлечением был вид на великолепный закат и восход солнца и водопады. Люди, отправившиеся в лес за дровами, встретили там волков, и поэтому вокруг лагеря было сооружено кольцо непрерывных огней. Раненых перенесли с койками из кают воздушного корабля поближе к огню и устроили над ними навесы. Трое раненых умерли вследствие недостатка питания, зато другие начали поправляться. Все это, однако, уже не являлось главным событием в глазах Берта, внимание которого было поглощено непрерывной работой по установке беспроволочного телеграфа. Принц находился тут же и постоянно подгонял работающих, угрожая, когда кто-нибудь начинал отставать. Он указывал им на небо к югу, говоря по-немецки:

— Мир ожидает нас! Должно завершиться то, что подготавливалось пятьюдесятью веками!

Берт не понимал его слов, но догадывался об их смысле по его жестам. Несколько раз принц

выходил из себя: раз — по поводу того, что один из матросов слишком медленно работал, а другой раз — потому что матрос украл паек у своего товарища. Лентяя принц выругал и поставил на еще более трудную работу, а укравшего ударил по лицу и вообще обошелся с ним довольно жестоко.

Сам принц не работал. Около костров было расчищено пространство, и там принц часами разгуливал взад и вперед, скрестив руки и бормоча себе под нос что-то о терпении и своей судьбе. Временами, однако, его бормотание переходило в потоки красноречия, сопровождавшиеся возгласами и жестами, которые привлекали внимание экипажа. Матросы посматривали на него, полагая, что эти жесты относятся к ним, но замечали, что голубые глаза принца устремлены в одну точку и жест всегда обращен к горам, видневшимся на юге.

В воскресенье работа была на полчаса прекращена, и принц произнес проповедь о вере и милости господней к Давиду, а после проповеди все хором спели гимн: «Бог — моя крепость!»

Умирающий Винтерфельд лежал под импровизированным навесом и бредил величием Германии.

— Кровь и железо! — вскрикивал он и, точно

насмехаясь, прибавлял: — Мировая политика! Ха-ха!..

Затем, говоря тихо и лукаво, он начал объяснять разные сложные вопросы политики воображаемым слушателям. Другие раненые лежали молча и слушали его.

Берт на миг отвлекся было от работы, прислушиваясь к его бреду, но Курт тотчас же крикнул:

— Смоллуэйс, берите этот конец скорее! Так!..

Медленно и с большим трудом была наконец изготовлена высокая мачта и постепенно водружена на место. Электротехники устроили запруду, и в находившемся неподалеку ручье устроили турбину: маленькую мюльгаузенскую динамо-машину, употребляемую телеграфистами, приспособили к водяной силе. На шестой день вечером аппарат уже был готов для работы, и принц мог через пустынные пространства мира обратиться к своему воздушному флоту. Но его призыв — правда, весьма слабый — вначале не был замечен.

Этот первый вечер, когда начал действовать беспроволочный телеграф, надолго запечатлелся в памяти Берта. Красное пламя раздувалось и шумело около работавших электротехников, и блеск его, отражаясь на вертикальной стальной мачте

и медных проволоках, распространялся к зениту. Принц сидел тут же, на скале, облокотившись на руку, и ждал. По ту сторону, к северу, виднелась небольшая группа камней с крестом посередине. Это была могила Винтерфельда. А на некотором расстоянии от нагроможденных скал блеснули глаза волка. По другую сторону валялись обломки воздушного корабля, и люди сидели вокруг костра. Все молчали, все ждали известий, которые, возможно, будут получены. Быть может, где-нибудь, за многие сотни километров от этой пустыни, другие такие же мачты беспроволочного телеграфа завибрируют в ответ? Но, может быть, этого и не случится, и электрические волны потеряются среди равнодушного мира!.. Разговаривая между собой, люди невольно понижали голос. Раза два издалека донесся пронзительный крик птицы и вой волка.

А кругом простиралась громадная холодная пустыня...

7

Берт узнал новости позже всех: товарищи передали ему кое-что на ломаном английском языке. Только поздно ночью утомленный телеграфист получил наконец ответ на свой призыв,

и затем уже получаемые ответы стали ясными и определенными. И какие потрясающие известия заключались в них!

— Послушайте! — сказал Берт за завтраком, среди общего шума. — Расскажите, в чем дело.

— Весь мир воевать! — сообщил один из команды, специалист по языкам, и при этом сделал объяснительный жест, держа в руке чашку какао.

Берт устремил свой взор за южный горизонт, но там ничего не было видно.

— Весь мир воевать! — продолжал объяснять ему товарищ. — Они наполовину сгорели — Берлин, Лондон, Гамбург и Париж. Японец сжег Сан-Франциско. Мы устроили лагерь у Ниагары. Вот что они сказал нам. У Китай есть «Летающие драконы» и воздушные корабли без счета. Весь мир воевать!

— Ах! — воскликнул Берт.

— Да, — ответил матрос и принялся пить какао.

— Вы говорите: сожгли Лондон? Так же, как мы это сделали с Нью-Йорком, да?

— Была бомбардировка…

— А они ничего не говорили про местечко, которое называется Кленгем или Бен-Хилл?

— Я ничего не слыхал…

Это все, чего Берт мог от него добиться. Но волнение, охватившее всех, передалось и Берту. Увидев, что Курт стоит один, заложив руки за спину, и пристально смотрит вдаль, Берт подошел к нему и, отдав по-солдатски честь, сказал:

— Прошу прощения, господин лейтенант!

Курт обернулся. Выражение его лица было особенно серьезное.

— Я как раз думал о том, чтобы поближе взглянуть на этот водопад, — сказал он. — Он напоминает мне… Что вам нужно, Смоллуэйс?

— Я не могу ни прочесть, ни понять, что они говорят, сэр. Если бы вы сообщили мне новости!

— Да будут они прокляты, эти новости! — воскликнул Курт. — Вы узнаете о них достаточно, прежде чем кончится день. Это — конец мира… Они выслали за нами «Цеппелин», который прибудет завтра утром, и мы будем на Ниагаре через сорок восемь часов, если до тех пор не погибнем… Мне хочется взглянуть на водопад. Пойдемте со мной. Вы получили свою порцию?

— Да, сэр.

— Хорошо. Значит, идем…

Глубоко задумавшись, Курт пробирался между скалами к далекому водопаду. Некоторое время

Берт шел позади него как провожатый. Наконец, когда лагерь скрылся из вида, Курт побрел рядом.

— Через два дня мы будем там, — сказал он. — Мы возвращаемся в самое пекло войны. Вот каковы полученные известия. Мир сошел с ума. Наш флот победил американский воздушный флот в ту ночь, когда мы были выведены из строя, — это ясно. Мы потеряли одиннадцать воздушных кораблей, а у них погибли все аэропланы. Никому не известно, сколько мы разрушили и сколько перебили людей. Но это только начало. Наше выступление было искрой, воспламеняющей порох. Каждая страна скрывала у себя летающие машины. Теперь они сражаются в воздухе над Европой, над всем миром. Японцы и китайцы соединились вместе, и это — факт огромнейшего значения. Они вмешались в наши распри… У них тысячи воздушных судов. Они — над всем миром. Мы бомбардировали Лондон и Париж, а французы и англичане разрушили Берлин. А теперь Азия обрушилась на нас — на всех нас. Безумие! Границ не существует. Это — полнейший хаос. Они бомбят столицы, разрушают доки и фабрики, рудники и флоты…

— Они сильно повредили Лондон? — спросил

Берт.

— Никому не известно!

Наступило молчание.

— Тут так спокойно, в этом Лабрадоре, — сказал Курт немного погодя. — Я бы хотел даже остаться здесь. Но не могу. Нет! Я должен пройти через это испытание, должен все это увидеть! И вы тоже! И каждый из нас!.. Говорю вам: наш мир разлетается вдребезги. И нет выхода, нет пути назад. Вот куда мы зашли! Мы точно мыши, запертые в горящем доме, точно животные, застигнутые наводнением. Теперь нас возьмут отсюда, и мы снова попадем в самый водоворот войны. Мы будем опять убивать и разрушать… быть может. Но перевес уже не на нашей стороне, а на стороне китайско-японского флота. Теперь наступает наш черед. Что ожидает вас, я не знаю, но относительно себя могу сказать наверняка: я буду убит!

— Ну-у, уцелеете! — возразил ему Берт, смущенный его словами.

— Нет! — проговорил Курт. — Я буду убит. Я не знал этого раньше, но сегодня утром, на рассвете, я это почувствовал, точно кто-то предупредил меня об этом.

— О!

— Говорю вам, я это знаю!

— Но как это можно знать?

— А я знаю!

— Будто вам кто-нибудь сказал?

— Я уверен… Я знаю! — повторил Курт еще раз, и они молча пошли к водопаду.

Курт шагал, не глядя по сторонам, погруженный в раздумье. Наконец он прервал молчание.

— Я всегда чувствовал себя молодым, Смоллуэйс, — сказал он, — но сегодня утром я вдруг почувствовал себя старым, таким старым! Я почувствовал себя ближе к смерти, чем старики. Прежде я всегда смотрел на жизнь как на шутку. Но это не так… Я думаю, что такого рода вещи, войны и землетрясения, всегда были и всегда оказывали влияние на все стороны жизни. Но только теперь я впервые понял это. С тех пор, как мы были в Нью-Йорке, я постоянно размышлял об этом… И всегда так было — таков уж путь жизни! Людей отрывают от тех, кому они дороги; разрушаются семьи; человеческие существа, полные жизни и мыслей и, может быть, одаренные, разрываются на куски, калечатся, гибнут… Лондон! Берлин! Сан-Франциско! Подумайте, сколько человеческих жизней мы оборвали в Нью-Йорке! А остальные продолжают жить как ни в чем не бывало. И я продолжаю жить… Точно звери!

Некоторое время он молчал, потом вдруг проговорил:

— Принц — сумасшедший!

Им пришлось карабкаться вверх. Затем они вышли на болотистую площадку возле ручейка.

Там было много красивых красных цветов. Это бросилось Берту в глаза.

— Как! — воскликнул он. — Цветы в таком месте!

Курт остановился и слегка повернул к нему голову. Он казался взволнованным.

— Я никогда не видел подобных цветов. Они так нежны! — сказал Берт.

— Что ж, нарвите их, если вам так хочется! — заметил Курт.

Берт принялся рвать цветы, а Курт молча смотрел на него.

— Как это смешно: всегда хочется рвать цветы, когда их видишь! — сказал Берт.

Курт ничего не ответил. Они пошли дальше, не разговаривая, и шли довольно долго. Наконец добрались до скалистого выступа, откуда открывался вид на водопад. Курт остановился и сел на камень.

— Вот это я и хотел видеть, — пояснил он Берту. — Хотя не очень, но все-таки похоже!

— Похоже на что? — спросил Берт.

— На другой, знакомый мне водопад, — и вдруг, обратившись к Берту, он задал ему вопрос: — У вас есть возлюбленная, Смоллуэйс?

— Смешно! — ответил Берт. — Эти цветы… Я как раз думал о ней.

— И я также!

— Как?! Об Эдне?

— Нет. Я думал о своей Эдне. У каждого из нас, я полагаю, есть Эдна, к которой устремляются наши мысли. И какая это была девушка! Но теперь все это навсегда миновало. Тяжело думать, что я не могу ее увидеть ни на одну минуту. Хотя бы только для того, чтобы она знала, что я думаю о ней…

— По всей вероятности, вы ее увидите, — возразил Берт.

— Нет, — сказал Курт. — Этого никогда не будет. Я знаю… Я встретил ее в таком же месте, как это, — на Альпах, в Энгстлене. Там есть водопад вроде этого, широкий, низвергающийся в Иннерткирхен. Вот почему я и пришел сюда сегодня утром… Мы с ней отправились однажды к этому водопаду и провели около него полдня. И мы собирали цветы… Как раз такие же цветы. Это — те же самые цветы, насколько мне известно.

— Да, я знаю… мы с Эдной точно так же, — заметил Берт. — Цветы и тому подобное… Как будто годы прошли с тех пор.

— Она была прекрасна, смела и скромна, — продолжал Курт. — Я испытываю такое страстное желание увидеть ее и услышать ее голос!.. Только один раз, прежде чем умереть… Но где она? Слушайте, Смоллуэйс, я хочу написать письмо… А вот тут я ношу ее портрет! — он указал на грудь.

— Вы еще увидите ее, — утешал его Берт.

— Нет! Никогда! — возразил Курт. — Я не понимаю, зачем люди встречаются, если им приходится тотчас же после этого разлучаться друг с другом! Я знаю: я больше не встречу ее, знаю это так же верно, как то, что и после моей смерти лучи солнца по-прежнему будут сверкать… Какая это глупость, какая нелепость, жестокость и безумие, слепая ненависть и себялюбие, — все то, что творят люди и что они будут творить! Ах, Смоллуэйс, какой грязной и хаотической представляется мне жизнь! Войны, избиения и бедствия, ненависть и жестокость, убийства, изнуряющая работа, закон Линча и обманы! Сегодня я чувствую себя усталым от всего этого. И я как будто только теперь понял все… Но когда человек устал от жизни, ему пора умирать. Я лишился

бодрости духа и чувствую около себя смерть. Но подумайте только о всех надеждах, которые у меня были еще так недавно, о том, что я считал прекрасными начинаниями! Какой позор! Никаких начинаний не было. Мы — точно муравьи в муравьиной куче, среди мира, который ровно ничего не значит, потому что он движется вперед к небытию! Нью-Йорк! Ну что удивительного в истории с Нью-Йорком?! Ведь это всего лишь муравьиная куча, которую сумасшедший пнул ногой, — и ничего: одна пыль. Подумайте об этом, Смоллуэйс. Война теперь везде. Они разрушают свою культуру прежде, чем завершили ее. То, что англичане делали в Александрии, японцы в Порт-Артуре, французы в Касабланке, — теперь творится повсюду. Повсюду! Там, в Южной Америке, они сражаются даже между собой! Нигде нет безопасности, нигде нет мира! Нет такого места, куда бы могла укрыться мать с дочерью, где они были бы спокойны! Война несется по воздуху, бомбы падают ночью сверху. Мирные люди, выходя утром из домов, видят воздушный флот, который проносится над ними и сеет смерть, — сеет смерть!..

Глава VIII. Мировая война

1

Только постепенно, понемногу Берт наконец понял, что весь мир охвачен войной. Он представил себе положение населения стран к югу от арктической пустыни, где он теперь находился, — представил себе их ужас и изумление, когда в небесах над ними показался этот новоиспеченный воздушный флот. Вообще, мир как целое не входил в круг идей Берта. Он представлял себе мир безграничным пространством, лежащим за пределами его непосредственного восприятия. Война, по понятиям Берта, являлась лишь источником эмоций и новостей, получаемых из ограниченной области, именуемой «театром войны». А теперь вся земная атмосфера представляла собой театр войны, и каждая страна была местом сражений. Все государства, как оказывается, под великим секретом, но почти не отставая друг от друга, шли по пути изысканий и изобретений. Но, несмотря на все старания сохранить тайну, военные планы и изобретения оказывались настолько параллельными в разных странах,

что через несколько часов после выступления первого воздушного флота из Франконии такая же воздушная азиатская армада двинулась на запад, проносясь высоко над головами изумленных обитателей густонаселенной равнины Ганга. Однако военная подготовка восточно-азиатского союза производилась в более колоссальном масштабе, нежели это делалось в Германии. «Таким путем, — сказал Тан Тин-сян, — мы завладеем Западом и пройдем по нему. Мы восстановим мир на Земле, уничтоженный этими варварами».

В отношении тайны, быстроты и изобретательности государства Азии намного превзошли немцев, и там, где у немцев работали сотни людей, у азиатов работали десятки тысяч. В огромные воздухоплавательные парки Шаньси-фу и Цзиньян по однорельсовым дорогам, покрывавшим весь Китай, без конца подвозились способные и искусные рабочие, которые технически были куда подготовленнее среднего европейского рабочего. Известие о сюрпризе, который преподнесла миру Германия, заставило их лишь ускорить свою работу. Ко времени бомбардировки Нью-Йорка немцы имели, пожалуй, не более трехсот воздушных кораблей, азиаты же на востоке, западе и юге владели многими тысячами кораблей.

Притом у них были настоящие боевые летательные машины, так называемые «Ниайо», которые на практике оказались совершеннее немецких «Летающих драконов». Это были чрезвычайно легкие аппараты, построенные из стали, тростника и искусственного шелка, рассчитанные, как и германские, на одного человека. Аэронавт был вооружен кислородным ружьем, стрелявшим разрывными пулями, и, согласно японским традициям, — мечом. Крылья этих аппаратов имели спереди крючки, напоминавшие когти летучих мышей; посредством крючков аэропланы могли цепляться за газовые камеры неприятельских воздушных кораблей. Эти легкие летательные аппараты сопровождали воздушный флот, а иногда посылались и на рекогносцировку. Они могли перелетать пространства от трехсот до восьмисот километров, в зависимости от ветра.

Итак, почти сейчас же по выступлении немецкого воздушного флота целые стаи азиатских воздушных кораблей устремились в воздух. Все правительства в это время начали лихорадочно готовиться и строить новые воздушные суда и разные летательные аппараты. Для дипломатии уже не оставалось времени. Предостережения и ультиматумы передавались по телеграфу, и

в течение нескольких часов весь мир уже был объят войной — и войной самой запутанной.

Великобритания, Франция и Италия объявили войну Германии и нарушили нейтралитет Швейцарии. В Индии, как только показался азиатский воздушный флот, вспыхнуло восстание мусульман в северо-западных провинциях. Восстание это распространилось, точно степной пожар, от Гоби до Золотого берега, и восточно-азиатская коалиция захватила нефтяные источники Бирмы и выступила одновременно как против Америки, так и против Германии. Через неделю воздушные флоты строились уже в Дамаске, Каире и Иоганнесбурге. Австралия и Новая Зеландия лихорадочно вооружались.

Главную и ужасную особенность всех этих вооружений составляла быстрота, с которой можно было создавать воздушные чудовища. В то время как для постройки обыкновенного военного судна требовалось от двух до четырех лет, воздушный корабль можно было построить за несколько недель. Кроме того, конструкция воздушного корабля отличалась замечательной простотой, даже по сравнению с миноносцем. Если были налицо машины, материалы для воздушной камеры, принадлежности для добычи

газа и чертежи, — соорудить воздушный корабль было теперь даже легче, чем деревянную лодку сто лет назад. Фабрики и мастерские, снабженные необходимыми ресурсами и приспособлениями, покрывали все пространство земного шара от мыса Горн до Новой Земли и вокруг Земли — от Кантона и до Кантона.

Но едва германские воздушные корабли показались над Атлантическим океаном, едва были получены первые скудные известия об азиатском флоте из Верхней Бирмы, как уже пошатнулась фантастическая фабрика кредита и финансов, державшая в течение многих лет Вселенную в своих тисках. Все биржи на свете были охвачены ураганом реализации ценных бумаг. Банки прекратили платежи, дела заглохли и скоро остановились совсем. Фабрики еще некоторое время по инерции продолжали работать, выполняя заказы обанкротившихся и исчезнувших заказчиков; затем остановились и фабрики. Нью-Йорк, который показался Берту таким блестящим и оживленным, переживал в этот момент экономический и финансовый кризис, беспримерный в истории. Подвоз съестных припасов сократился. И раньше, чем истекли две недели мировой войны (как раз в это время в Лабрадоре была

воздвигнута мачта беспроволочного телеграфа), во всем мире, за исключением Китая, не было ни одного местечка, ни одного города, — как бы далеко этот город ни отстоял от центральных мест разрушения, — где бы правительству не приходилось прибегать к экстренным мерам для борьбы с возраставшей нуждой, недостатком пищевых припасов и безработицей…

Особенности воздушной войны заключались в том, что они неизбежно приводили к социальной дезорганизации. Это впервые уяснили себе немцы после своего нападения на Нью-Йорк. Воздушный корабль обладал страшной разрушительной силой, но в то же время он не мог оккупировать и подчинить себе сдавшийся город. Само собой разумеется, что ввиду экономической дезорганизации и сильнейшего возмущения голодающих жителей это неминуемо должно было привести к опасным столкновениям. Даже в том случае, если бы воздушный флот бездействовал вверху, внизу все-таки должна была бы вспыхнуть гражданская война и произойти сильные беспорядки. Ничего подобного еще не бывало в истории войны, и последнее можно сравнить разве что с бомбардировкой большого лагеря дикарей военным судном девятнадцатого века или

с одной из тех морских бомбардировок, которые ложатся темным пятном на правящие классы Великобритании в конце восемнадцатого века. И тогда наблюдались жестокости и разрушения, почти не уступавшие ужасам воздушной войны.

В конце восемнадцатого столетия мир имел возможность наблюдать, до чего могут дойти люди под влиянием страшного гнета войны…

Второй особенностью воздушной войны, также неминуемо влекущей за собой социальный упадок, являлась неспособность воздушных флотов нанести чувствительный урон друг другу. Все, что находилось внизу, — укрепления, корабли и города, — было в их власти, и они могли сбросить туда целый дождь разрушительных снарядов. Но друг другу нанести существенный вред флотилии могли, лишь вступив в губительную для них рукопашную схватку. Вооружение германского воздушного гиганта, по величине превосходившего самый большой броненосец, состояло лишь из одной механической пушки, которую легко увезла бы пара мулов. Когда стало ясно, что надо будет завоевывать и воздух, то матросы воздушного флота были снабжены ружьями с разрывными пулями, которые действовали при помощи кислорода или какого-либо быстро

воспламеняющегося вещества. Однако ни один воздушный корабль не был вооружен так, как хотя бы самая маленькая канонерская лодка, числящаяся в списке судов. По этой причине, когда воздушные чудовища вступали в бой друг с другом, они либо стремились подняться выше противника, либо сцеплялись друг с другом, как китайские джонки, бросая гранаты, либо, наконец, схватывались врукопашную, как люди в средневековых боях. Риск падения был одинаков с той и с другой стороны, как для победителя, так и для побежденного; поэтому после первого же опыта такой рукопашной схватки адмиралы воздушного флота старались по возможности уклоняться от битв и предпочитали прибегать к стремительной контратаке; это больше поднимало дух команды.

Но если воздушные корабли были не вполне удовлетворительны, то «Летающие драконы» тем более не соответствовали требованиям воздушной войны. Они были или чересчур неустойчивы, как германские аппараты, или же чересчур легки, как японские летательные машины, и поэтому не давали значительных результатов. Правда, бразильцы выпустили впоследствии летательную машину такого типа и размеров, которая была

в состоянии состязаться с воздушным кораблем. Но они сделали только три или четыре таких аппарата и оперировали с ними лишь в Южной Америке, так что, когда мировое банкротство остановило дальнейшую инженерную деятельность и производство аппаратов в более или менее широких размерах, об этих бразильских аппаратах совсем забыли.

Третьей особенностью воздушной войны являлось то, что, несмотря на свою исключительно разрушительную силу, она все же не приводила к окончательному результату. Обе стороны были одинаково беззащитны против карательных воздушных экспедиций. В прежних формах войны как на суше, так и на море проигравшая сторона очень скоро лишалась возможности вторгаться на неприятельскую территорию, прерывать пути сообщения и другими способами наносить урон неприятелю. Бой происходил на «фронте» и позади этого «фронта»; продовольствие армии победителя и все его ресурсы — города, фабрики и капитал — не подвергались никакой опасности, мирная жизнь внутри страны не нарушалась. В случае морской войны уничтожали неприятельский военный флот, порты неприятеля подвергались блокаде, захватывались его

угольные станции, разыскивались вражеские крейсеры, угрожавшие коммерческим портам. Но устраивать блокаду и наблюдать за береговой линией — это одно, а блокировать и следить за всем пространством какой-нибудь страны — это совсем другое. Причем крейсеры и разведочные суда не могут быть изготовлены быстро и тайно, их нельзя укладывать и переносить с места на место незаметным образом. В воздушной войне сильнейшая сторона, если она даже уничтожила главные силы неприятеля, все-таки должна быть настороже и наблюдать за каждым пунктом, откуда неприятель мог бы выпустить новые, быть может, еще более смертоносные летательные машины. Воздушное пространство заполнилось бы воздушными кораблями, и эти корабли заслонили бы солнце. Пришлось бы строить такие суда тысячами и готовить сотни тысяч аэронавтов.

Портативный военный корабль мог быть легко спрятан в железнодорожном сарае, где-нибудь в глухом месте, в лесу, а летательный аппарат бросался в глаза еще меньше.

И еще одно: в воздухе не существует ни дорог, ни улиц, ни каналов, ни одного такого пункта, про который можно было бы сказать: «Если неприятель желает добраться до столицы, то он

должен пройти здесь». В воздухе все дороги ведут всюду. Следовательно, закончить войну одним из обычных способов было невозможно.

Государство А, пользуясь своим перевесом над государством Б, отправляет свою эскадру из тысячи судов на столицу Б, угрожая бомбардировать ее, если Б не сдастся. Б отвечает по беспроволочному телеграфу, что в данный момент три его воздушных корабля бомбардируют главные мануфактурные города А. А объявляет воздушные корабли Б пиратами, бомбардирует столицу Б и начинает погоню за воздушными судами Б. Б принимается работать среди развалин и изготавливает новые воздушные суда и взрывчатые вещества, предназначающиеся для войны с А. Таким образом, война поневоле превратилась бы в партизанскую, в которую было бы вовлечено неизбежным образом и все гражданское население.

Эти стороны воздушной войны захватили вдруг весь мир. Вполне естественно, что мир, со всеми своими глупыми старыми флагами, со своими нелепыми и бессмысленными национальными традициями, со своими дешевыми газетами и еще более дешево стоящими страстями и империализмом, со своими неблагородными коммерческими

мотивами и привычной неискренностью, пошлостью, расовой ложью и расовыми конфликтами, был захвачен врасплох. И когда война разразилась, она уже не могла остановиться. Непрочное здание кредита, рост которого превышал все человеческие предвидения и который удерживал сотни миллионов в состоянии экономической зависимости, непонятной ни для кого, — рухнуло под влиянием паники. Воздушные корабли носились всюду, сбрасывая бомбы, уничтожая всякую надежду на войско, и везде внизу происходили экономические катастрофы, везде голодающее безработное население возмущалось и нарушало установившийся порядок. Разгоревшиеся страсти не позволяли проявиться созидательным способностям нации, и все доводы рассудка уничтожались этим потоком, сносившим все на своем пути.

Все сохранившиеся газеты того времени и исторические документы удостоверяют, что целые округа и города, вследствие затруднений в доставке продовольствия, были переполнены безработным голодающим населением. Это вызывало административные кризисы и осадное положение, возникали временные правительства, советы или, — как наблюдалось в Индии и

Египте, — революционные комитеты; и все такие организации старались вооружать население, строить батареи, воздушные корабли, летательные аппараты.

Все это представляется нам теперь лишь в виде отдельных эпизодов, мелькающих перед нашими глазами сквозь случайные разрывы туч, обложивших весь мир. Это было разложение машинного века, гибель цивилизации, основанной на машинном производстве и погубленной машинами. Гибель предшествующих великих цивилизаций (например, римской) происходила постепенно, в течение ряда столетий. Античная культура умирала, как умирает старик. Современная же погибала как бы под колесами налетевшего автомобиля, раздавившего ее в один миг…

2

Первоначальные сражения в воздушной войне явно указывали на стремление сторон действовать согласно правилам старинной морской тактики, требовавшей, чтобы прежде всего было определено положение неприятельского флота, и затем уже — чтобы он был уничтожен.

Первая битва произошла над Бернским Оберландом; там итальянские и французские дири-

жабли, совершая налет на Франконский парк, были атакованы швейцарским опытным отрядом, к которому скоро пришли на помощь германские воздушные корабли.

Следующее столкновение зарегистрировано между британскими аэропланами и тремя злополучными немецкими воздушными кораблями.

Третья битва происходила в северной Индии: здесь весь англо-индийский воздухоплавательный парк вынужден был в течение трех дней бороться с подавляющими силами противника и был наконец рассеян и истреблен по частям.

Почти одновременно с этим началась знаменательная битва между немцами и азиатами, известная под названием Ниагарской битвы, так как азиаты поставили себе в этом сражении целью овладеть Ниагарой. Но постепенно эта борьба перешла в ряд столкновений, захвативших почти половину американского континента. Те из немецких воздушных кораблей, которые избежали гибели во время битвы, спустились на землю и сдались в плен американцам, и американцы их снова снарядили и употребили в дело. В конце концов война превратилась в ряд безжалостных героических схваток между американцами, решившими во что бы то ни стало

истребить своих врагов, и азиатами, постоянно получавшими подкрепления из Азии. Эти полчища расположились на побережье Тихого океана, опираясь на поддержку гигантского флота.

Американская война отличалась неумолимой жестокостью. Никому не давали пощады и в плен никого не брали. С изумительным свирепым упорством американцы строили и выпускали один воздушный корабль за другим, чтобы сражаться и погибать среди несметных эскадрилий азиатов. Все отступило на задний план перед этой войной, и население жило и умирало ради нее. Теперь, однако, мы можем сказать, что в летательном аппарате Беттериджа европейцы нашли то орудие, которое могло потягаться с летательными машинами азиатских меченосцев.

Нашествие азиатов на Америку как бы вычеркнуло из истории германо-американский конфликт. Вначале казалось, никакое примирение не возможно, так как страшная трагедия Нью-Йорка не могла быть забыта. После разрушения центральной части города вся Америка восстала, как один человек, готовая скорее умереть, чем покориться Германии. Немцы же приняли жестокое решение принудить американцев к покорности и, согласно плану, который давно был разработан

принцем, завладели Ниагарой, чтобы иметь в своем распоряжении громадную силу водопада; немцы изгнали из окрестностей водопада всех жителей, превратив в пустыню все пространство вплоть до Буффало. Они объявили также войну Франции и Англии и опустошили области Канады почти на пятнадцать километров от моря внутрь страны. Материал с судов был перенесен подальше от восточного берега, и команда их сновала по стране, точно пчелы, собирающие мед. Тогда-то и появились азиатские силы и произвели атаку на германскую базу у Ниагары; тут-то и произошла первая встреча воздушных флотов Востока и Запада и был предрешен исход войны.

Особенные условия первоначальных воздушных столкновений зависели преимущественно от глубокой тайны, окружавшей изготовление воздушных судов. Ни одна держава не имела ни малейшего представления о работах своих соперников и, вследствие необходимости держать в секрете планы, ограничивала даже и свои изыскания. Ни один из изобретателей аэропланов и воздушных кораблей не представлял себе ясно, с какими аппаратами противников предстоит борьба. Некоторые даже не принимали во внимание возможность борьбы в воздухе и

свои аппараты предназначали исключительно для бомбометания. Такова, например, была идея немецких изобретателей. Единственным орудием немецкого флота для борьбы с неприятельскими воздушными кораблями являлась механическая пушка, помещавшаяся в передней части корабля. Только после сражения над Нью-Йорком команда была вооружена коротко-ствольными ружьями с разрывными пулями. Теоретически боевым оружием флота служили «Летающие драконы». Их называли воздушными миноносцами, и предполагалось, что они будут пролетать вблизи неприятеля и забрасывать его бомбами. Однако эти сооружения оказались в высшей степени неустойчивыми, и из участвовавших в сражении даже одна треть не вернулась назад к воздушному флоту: почти все были уничтожены или упали на землю…

Китайско-японский соединенный воздушный флот, так же как и немецкий, делился на воздушные корабли и боевые аппараты тяжелее воздуха. Но и те и другие отличались от западных образцов и очень красноречиво доказывали, с какой энергией на Востоке воспользовались европейскими научными методами и усовершенствовали их. Китайско-японский воздушный

флот во всех мельчайших подробностях являлся уже плодом изобретательности инженеров других стран. Главным из них был политический эмигрант Мохини К. Чаттерджи, служивший раньше в англо-индийском воздухоплавательном парке в Лахоре.

Немецкие воздушные корабли имели форму рыбы с тупой головой. Азиатские суда, тоже рыбообразной формы, своим видом скорее напоминали ската или камбалу, нежели треску и другую некрупную морскую рыбу. Нижняя широкая поверхность этих судов не имела ни окон, ни других отверстий, за исключением одного посередине. Каюты помещались по продольной оси, под мостиком, образовывавшим род палубы, а газовые камеры придавали всему вид цыганской палатки.

Немецкий воздушный корабль представлял собой дирижабль и был гораздо легче воздуха. Азиатский же воздушный корабль был лишь немного легче воздуха и поэтому двигался с гораздо большей скоростью, но зато обладал меньшей устойчивостью. Спереди и сзади на азиатском воздушном корабле помещались пушки. Задняя пушка была большей величины и выбрасывала зажигательные снаряды. Кроме того, сверху и

снизу находились клетки для стрелков.

Как ни слабо было это вооружение в сравнении с самыми маленькими торпедными лодками, когда-либо плававшими по морю, тем не менее оно оказалось достаточным для того, чтобы разделаться с немецким воздушным флотом; к тому же азиатские воздушные корабли летали значительно быстрее немецких. Во время военных действий азиаты всегда старались находиться сзади или над немецкими кораблями; иногда они ныряли вниз, но старались не проходить вблизи склада взрывчатых веществ. Миновав его, они тотчас же пускали в ход свою заднюю пушку и выбрасывали кислородные гранаты в газовые камеры противника.

Но главная сила азиатов заключалась не в воздушных кораблях, а в летательных аппаратах. Они приближались к типу летательной машины Беттериджа и являлись лучшими из существовавших когда-либо летательных аппаратов тяжелее воздуха. Изобретенные японским художником, они резко отличались от немецких «Летающих драконов», построенных по типу бумажного змея. У японских аппаратов были курьезно изогнутые, гибкие боковые крылья, более всего напоминающие согнутые крылья бабочки;

крылья были сделаны из какого-то вещества, похожего на целлулоид, и ярко раскрашенного шелка, а сзади прикреплялся длинный, шуршащий птичий хвост. В переднем углу каждого крыла находились крючья, напоминавшие когти летучей мыши, посредством которых летательный аппарат мог зацепляться и разрывать стенку газовой камеры воздушного корабля. Аэронавт помещался между крыльями аппарата, над машиной, мало отличавшейся своим устройством от тех, которыми приводились в движение тогдашние мотоциклы. Внизу было одно большое колесо. Аэронавт сидел верхом на седле, как в летательном аппарате Беттериджа, и в добавление к кислородному ружью, стрелявшему пулями, имел при себе обоюдоострый меч.

3

Теперь нам ясны эти подробности, и мы можем сравнивать американские и германские аэропланы и дирижабли. Но в то время ни один из перечисленных фактов не был известен участникам этой чудовищно хаотической битвы над американскими Великими озерами.

Каждая сторона вступала в борьбу с чем-то абсолютно неизвестным, при совершенно новых

условиях, притом с такими аппаратами, которые даже без всякой неприятельской атаки могли доставить весьма неприятные сюрпризы. Всякие предварительные схемы и попытки совместных действий рушились, как только начиналась битва; то же самое наблюдалось и в предшествующем столетии, когда происходили морские сражения броненосцев. Каждый капитан был вынужден тогда действовать индивидуально, согласно собственному плану. Один видел триумф в том, что другому казалось промахом и поводом для бегства и отчаяния. Про Ниагарскую битву можно сказать то же, что говорилось про битву при Лиссе: это было не сражение, а целая серия «маленьких битв».

Такому наблюдателю, как Берт, все это представлялось цепью разнообразных инцидентов, частью очень важных, частью малозначащих и, в общем, не имеющих между собой никакой связи. Он не замечал никаких объединительных усилий, направленных к одной цели, не видел, чтобы какой-нибудь пункт был захвачен или потерян. Он видел страшные вещи и знал, что мир, в котором он жил, постигла катастрофа.

Он наблюдал битву с земли — из Проспект-парка и с Козьего острова, куда он бежал.

Однако надо объяснить, каким образом он попал туда. Принц, пользуясь беспроволочным телеграфом, снова начал командовать германским воздушным флотом еще прежде, чем «Цеппелин» достиг его лагеря в Лабрадоре. По указанию принца германский воздушный флот, передовые отряды которого столкнулись с японцами над Скалистыми горами, сосредоточил все свои силы над Ниагарой и ждал прибытия принца. Он присоединился к своей эскадре рано утром двенадцатого числа, и Берт впервые увидел Ниагарское ущелье на рассвете, когда вскарабкался на сеть с внешней стороны средней газовой камеры. «Цеппелин» летел очень высоко, и далеко внизу Берт различил воду в ущелье, скованную морозом, и затем к западу, в виде громадного полумесяца, Канадский водопад [Правый берег реки Ниагары принадлежит Соединенным Штатам, левый — Канаде; канадская часть водопада называется «Водопадом Подковы», Козий остров мостом соединяется с американским берегом. (Прим. авт.)], сверкающий, пенящийся и мерцающий в лучах восходящего солнца. Воздушный флот расположился также гигантским полумесяцем, рога которого были обращены на юго-запад. Это был ряд светящихся чудовищ с медленно вра-

щавшимися хвостами и германскими флагами, как бы выступавшими из брюха чудовищ; позади виднелся подвешенный аппарат Маркони.

Город Ниагара еще продолжал существовать, хотя на его улицах уже не было заметно жизни. Мосты висели, как раньше; на отелях и ресторанах еще развевались флаги и красовались заманчивые вывески; электрические станции также еще работали. Но вокруг города, с обеих сторон ущелья, все было как будто сметено колоссальной метлой. Все, что только могло служить прикрытием для атаки германских позиций на Ниагаре, безжалостно уничтожали механически или при помощи взрывчатых веществ. Дома были превращены в развалины и сожжены, стерты с лица земли так же, как и леса, а изгороди и жатва уничтожены. Однорельсовую дорогу разрушили, и на дорогах вообще было уничтожено все, что могло служить неприятелю убежищем и прикрытием. Сверху это производило странное впечатление. Молодые поросли были выдернуты особыми проволочными боронами. Деревца, ободранные или выдранные с корнем, лежали кучами в виде снопов, точно рожь после жатвы. Дома имели такой вид, как будто гигантский палец надавил на них и прижал их к земле. Многое

сгорело, и большие пространства были превращены в дымящиеся черные пустыри, местами еще продолжавшие гореть. Кое-где виднелись остатки запоздавших беглецов, повозки и трупы лошадей, а там, где в домах были водопроводы, образовались большие лужи и фонтаны, бившие из разорванных труб. На уцелевших от огня полях мирно паслись и ржали лошади. За пределами этой опустошенной области деревни не подвергались разрушению, но они все равно были покинуты жителями. Буффало был объят пожаром на большом пространстве, и не было заметно никаких признаков борьбы с огнем.

Город Ниагара был превращен в военный склад. Огромное количество искусных инженеров спустилось вниз, и все они усердно работали над приспособлением местности под воздухоплавательный парк. У угла американского водопада, над подъемной железной дорогой, устроили газовую станцию, и большая область к югу была очищена для той же цели. Над отелями и электрическими станциями, так же как и на всех других главных пунктах, развевался германский флаг.

«Цеппелин» два раза медленно обогнул все это пространство; принц осматривал территорию, стоя на висячей галерее. Затем «Цеппелин» повер-

нул к центральной части полумесяца и передал принца со свитой, включая Курта, на корабль «Гогенцоллерн», который был избран флагманским судном для предстоящей битвы. Команду «Цеппелина» послали на внешнюю сетку корабля, чтобы отдать честь принцу, когда он вместе со своей свитой покидал корабль. После этого «Цеппелин» переменил направление и спустился в Проспект-парке, чтобы оставить раненых и взять боевые снаряды; в Лабрадор корабль отправился без груза, потому что было неизвестно, насколько тяжелый груз ему придется везти оттуда. Кроме того, понадобилось пополнить запас водорода в передней камере.

Берт был отряжен в качестве носильщика и помогал переносить раненых в ближайший из больших отелей напротив канадского берега. Отель был пуст; там находились только две американских сиделки, носильщик-негр да трое или четверо немцев, поджидавших прибытия раненых. Берт вместе с доктором «Цеппелина» отправился на главную улицу; там они взломали аптеку и достали все, что было нужно. На обратном пути они встретили офицера и двух матросов, которые составляли опись различных материалов, имевшихся на складе.

На широкой главной улице города никого не было видно. Населению было дано три часа времени, чтобы очистить город, и, видимо, это было исполнено. На углу лежал у стены убитый. Две собаки бродили по пустынной улице. Тишину на минуту нарушил грохот поезда однорельсовой железной дороги; поезд вез резиновые рукава в Проспект-парк, превращенный в воздухоплавательные доки.

Берт отвез в отель ящик с лекарствами на велосипеде, взятом из соседней лавки; затем Берта послали грузить бомбы на «Цеппелин», что требовало большой сноровки. От этой работы его отвлек капитан «Цеппелина». Берта направили с запиской к офицеру, прикомандированному к англо-американской компании для установки полевого телефона. Инструкции были даны Берту по-немецки, но о содержании их он догадывался, и поэтому, не выдавая своего незнания языка, отдал честь по-солдатски и ушел. Он шел быстро, как будто дорога была ему хорошо известна, но, завернув за угол, Берт вдруг сообразил, что не знает, куда идти. В этот момент его внимание было отвлечено выстрелом с воздушного корабля «Гогенцоллерн» и громкими криками «ура», отчетливо раздававшимися сверху.

Берт взглянул на небо, заслоненное высокими домами по обеим сторонам улицы. Он колебался одно мгновение, затем любопытство взяло верх, и Берт побежал к реке. Тут, впрочем, ему мешали смотреть деревья, поэтому он был необычайно поражен, когда увидел, что корабль «Цеппелин», еще не успевший наполнить свой магазин, поднимается уже над Козьим островом. Очевидно, он не стал ждать пополнения боевых запасов. Тогда Берту пришла в голову мысль, что его бросили.

Он спрятался между деревьями и кустами, опасаясь, как бы его не увидел капитан «Цеппелина». Но любопытство Берта было слишком возбуждено, и ему во что бы то ни стало хотелось узнать, что случилось. Он побежал на мост, перекинутый на Козий остров. Здесь перед Бертом открылся широкий горизонт, и он впервые увидел азиатскую эскадру, низко летевшую над верхними порогами реки.

Азиатские воздушные корабли производили далеко не такое внушительное впечатление, как германские суда. О расстоянии Берт судить не мог, но он видел, что они двигались в боковом направлении: размер азиатского флота определить было трудно. Берт стоял посередине моста, который еще так недавно был переполнен туристами,

но теперь здесь находился только Берт. Над ним, очень высоко в небе, маневрировали враждебные корабли, а внизу пенилась и шумела река, устремляясь к американской стороне водопада.

Берт был очень смешно одет: дешевые синие саржевые штаны он засунул в немецкие воздухоплавательные сапоги. На голове у него была белая шапка аэронавта, слишком большая для его головы. Он сдвинул ее на затылок, чтобы она не мешала ему смотреть.

— Вот как! — прошептал он.

Он смотрел в небо, иногда жестикулируя, и раза два даже крикнул «ура» и хлопнул в ладоши. Но потом вдруг его охватил страх, и он побежал к Козьему острову.

4

Оба флота некоторое время присматривались друг к другу, и ни один не начинал наступательных действий. Немецкий флот состоял из шестидесяти семи больших кораблей, выстроившихся полукругом на высоте приблизительно полутора километров. Расстояние между концами полукруга было около пятидесяти километров. Крайние суда правого и левого крыла эскадры держали на буксире примерно тридцать «Летаю-

щих драконов», готовых к выступлению, но Берт не мог их различить на таком расстоянии: они были слишком малы.

Сначала Берт увидел только южную азиатскую эскадру, состоявшую из сорока воздушных судов, на флангах которых держались четыреста летательных одноместных аппаратов. Некоторое время флот двигался медленно, и Берт, заметив сперва только большие суда, увидал за ними и летательные аппараты, показавшиеся ему массой мелких предметов, несшихся в воздухе; эти летательные аппараты, точно рой моли, окружали большие корабли. Второй азиатской эскадры Берт еще не мог видеть, хотя, по всей вероятности, германцы заметили ее приближение с северо-запада.

В воздухе было тихо, на небе — ни облачка. Немецкий флот поднялся на огромную высоту, и корабли уже не казались большими. Оба конца полумесяца были четко видны. Направляясь к югу, корабли эскадры медленно проплывали, заслоняя Берту солнечный свет, и «Летающие драконы» казались маленькими темными пятнышками с каждой стороны этой воздушной армады.

Оба флота, по-видимому, не спешили вступить

в бой. Азиатская эскадра ушла далеко к востоку, все ускоряя движение и поднимаясь все выше; затем они растянулись в длинную колонну и полетели назад, поднимаясь над левым флангом немцев. Немецкая эскадра переменила направление, повернулась к приближающимся азиатам, и вдруг легкий треск и мерцание показали им, что неприятель открыл огонь. Вначале Берт не ощутил никакого действия этого огня. Потом точно горсть снежных хлопьев закружилась в воздухе. Это «Летающие драконы» бросились в атаку, а навстречу им устремилась масса каких-то красных точек. Берту все это представлялось не только страшно отдаленным, но и чем-то сверхъестественным. Не прошло и четырех часов с тех пор, как он работал на одном из этих кораблей, а они уже казались какими-то мыслящими существами, которые двигались там, в небесах, преследуя неведомые цели…

Азиатские и немецкие летательные аппараты столкнулись и полетели вниз, как горсть белых и розовых лепестков, брошенных в воздух из далекого окна… Но, приближаясь к земле, они становились все больше, и наконец Берт различил перевернутые аппараты, которые летели вниз, быстро вращаясь в воздухе. Скоро, одна-

ко, огромные клубы дыма, поднимавшиеся со стороны Буффало, скрыли их из виду. Некоторое время ничего нельзя было разглядеть, но когда дым рассеялся, то две или три белых и некоторое количество красных точек снова поднялись к небесам, точно большие бабочки, которые, кружась и сражаясь, скрывались по направлению к востоку.

Громкий звук выстрела заставил Берта взглянуть на зенит, и тут он заметил, что огромный полумесяц, который образовали воздушные корабли немцев, расстроился и превратился в беспорядочную массу. Один из кораблей опустился. Берт увидел, что он пылал и наконец, кружась, полетел вниз и исчез в дыму, поднимавшемся над Буффало…

Берт стоял с раскрытым ртом, судорожно ухватившись за перила моста. В течение нескольких мгновений, показавшихся ему необыкновенно длинными, положение обоих судов оставалось неизменным; они по диагонали приближались друг к другу, производя легкий шум, вроде жужжания комара; затем Берт увидел, что с каждой стороны корабли начали выходить из строя, пораженные снарядами, которые нельзя было ни увидеть, ни проследить на таком расстоянии.

Азиатские корабли постепенно окружали германскую эскадру и, видимо, старались прорвать линию воздушных кораблей, которые наконец расступились, точно открывая им дорогу. Началось определенное маневрирование, но Берт не мог понять его значения. Левая часть битвы превратилась в хаотический танец воздушных кораблей. Обе скрещивающиеся линии кораблей, казалось, так близко соприкасались друг с другом, как будто там, в небесах, происходила рукопашная схватка. Потом они распались на группы и на отдельные поединки кораблей. Германские корабли опускались все чаще. Один из них вдруг вспыхнул и, метнувшись вниз, исчез на севере. Два других тоже спускались, точно сплетясь с чем-то, затруднявшим их движение. Враги все прибывали, и на их стороне был перевес. Два азиата устремились на одного немца; к ним присоединился еще третий, они исчезли по направлению к востоку; вдогонку им пустились несколько германских кораблей, спешивших на помощь товарищу. Один азиатский корабль ринулся на гигантское немецкое судно или, может быть, нечаянно столкнулся с ним, и оба, кружась, вместе устремились вниз — к гибели.

Берт не видел прибытия северной азиатской

эскадры и лишь заметил, что количество судов вверху как будто увеличилось. Через несколько минут все смешалось, и битва уже представляла клубок сражающихся, который несся на юго-запад, против ветра; затем все опять распалось на серию отдельных поединков. В одном месте огромный немецкий корабль, объятый пламенем, падал, окруженный дюжиной плоских азиатских судов, немедленно пресекавших каждую его попытку к спасению. А там команда другого корабля билась со стаей осаждавших корабли меченосцев на летательных аппаратах. Берт увидел азиатский корабль, горевший с обоих концов и выведенный из строя. Он замечал все подробности сражения, происходившего в чистом, прозрачном воздухе, но лишь особо выдающиеся случаи запечатлелись в его памяти. Постепенно, однако, стала вырисовываться общая схема, объединявшая отдельные эпизоды боя.

Масса азиатских воздушных кораблей, медленно увеличивающаяся сверху, не производила, видимо, никаких разрушений. Большинство кораблей шло полным ходом, направляясь вверх, чтобы занять нужную позицию, и лишь изредка вспыхивали бесполезные выстрелы.

После неудачной попытки сцепиться с неприя-

телем и трагического конца обоих кораблей, как нападавшего, так и оборонявшегося, этот способ был оставлен; по крайней мере, Берт не заметил больше попыток брать на абордаж немецкие корабли. Но было упорное стремление изолировать противника, отрезать его от товарищей и загнать вниз, заставляя отступать и расстраивать тем самым ряды сражающихся. Численный перевес азиатских эскадр и большая быстрота движения давали им возможность не прекращать своих атак на немецкие суда. Отряд немецких воздушных кораблей, стремясь, по-видимому, сохранить связь с электрическими мастерскими Ниагары, держался над ними сплоченной массой, которую всячески старались прорвать азиаты. Берту это напоминало двух рыб в пруду, борющихся из-за крошек. Он видел слабые клубы дыма и вспышки бомб, но звуков не слышал…

Какая-то колышущаяся тень заслонила Берту солнце. За ней последовала другая. Потом до него долетел стук машин, и он забыл о том, что делалось в небе.

На расстоянии ста метров от него, над водой, с юга неслись по воздуху азиатские меченосцы на своих странных конях; это был какой-то своеобразный продукт европейского инженерного

искусства и японской художественной фантазии. Они быстро махали крыльями, и стук машин разносился в воздухе. Они то поднимались, то опускались, паря в воздухе, и так близко пронеслись от Берта, что он мог даже различить голоса солдат, когда они перекликались друг с другом. Эти своеобразные аппараты направлялись к городу Ниагаре и там опустились, один за другим, на площади перед отелем. Но Берт не стал следить за ними дальше. Один желтолицый воин заглянул вниз, и на одно мгновение его глаза встретились с глазами Берта…

Только тут Берту пришло в голову, что он слишком заметен посередине моста, поэтому он бросился бежать на Козий остров. Там, притаившись за деревьями, он наблюдал дальнейшее развитие борьбы.

5

Когда Берт достаточно успокоился и убедился в своей безопасности, к нему опять вернулась способность следить за эпизодами битвы.

Он заметил, что между азиатскими аэронавтами и германскими инженерами происходит ожесточенная борьба из-за обладания городом Ниагарой. В первый раз за все время Берт увидел

наконец битву, похожую на те, изображения которых он знал по картинкам иллюстрированных журналов в юности. Ему даже показалось сначала, что все идет хорошо. Он видел людей, вооруженных ружьями, скрывавшихся за прикрытиями и бросавшихся в атаку. Первый отряд аэронавтов, очевидно, не ожидал встретить никого в городе, полагая, что все разбежались. Аэронавты опустились на открытом месте вблизи Проспект-парка и направились к строениям возле электрических мастерских. Внезапный выстрел вывел их из заблуждения. Они бросились искать прикрытия у реки, так как бежать назад, к своим летательным аппаратам, было уже поздно. Спрятавшись, они открыли стрельбу по людям, засевшим в отелях и развалинах около мастерских.

Но вот к ним подошло подкрепление. Новая партия пунцовых летательных аппаратов прибыла с востока. Они поднялись над домами и широко обогнули город, точно выбирая позицию. Стрельба немцев участилась, и один из летательных аппаратов вдруг странно дернулся и свалился между домами. Остальные спустились, точно стая хищных птиц, на крышу здания электрической станции. Они уцепились за крышу,

и из каждого летательного аппарата выскочила маленькая проворная фигурка, быстро побежавшая по краю…

Берт не видел прибытия других аппаратов, походивших на птиц. Он услышал лишь грохот выстрелов, напоминавший ему маневры войск и газетные описания сражений, — словом, все то, что вполне соответствовало его представлениям о войне. Он видел немцев, которые выбегали из домов, окружавших станцию. Двое упали. Один остался лежать неподвижно, другой же некоторое время извивался по земле и как будто пытался приподняться. Отель, который был превращен в госпиталь, куда Берт помогал переносить раненых, вдруг выкинул флаг Красного Креста. По-видимому, в этом, казавшемся таким пустынным, городе скрывалось значительное число немцев, прилагавших все усилия, чтобы удержать в своих руках электрическую станцию. Берт недоумевал, откуда они достали оружие. Азиатские летательные аппараты все прибывали и вступали в сражение, очевидно, имея целью завладеть немецким воздухоплавательным парком, электрическими газовыми генераторами и станциями для ремонта, — словом, всем, что составляло германскую базу. Некоторые из этих

летательных машин спустились на землю и высадили свой экипаж, который превратился в весьма энергичных солдат-пехотинцев. Другие продолжали парить вверху, и их аэронавты стреляли вниз при малейшем поводе. Стрельба производилась залпами, то утихая, то усиливаясь. Раза два летательные машины появлялись прямо над головой Берта; в то время, когда они описывали круг, Берт считал себя погибшим…

Гул и треск, раздававшиеся вверху, временами напоминали Берту о сражении в небе, но его внимание было приковано к бою, происходившему вблизи…

Вдруг сверху свалилось нечто, похожее на бочку или огромный мяч; раздался страшный взрыв. Этот ужасный предмет упал среди азиатских аэропланов, лежавших среди цветочных клумб и лужаек на берегу реки. Все разлетелось на куски: деревья, дерн, гравий, — ничего не уцелело!..

Аэронавты были сброшены, точно мешки, в пенящуюся воду; на поверхности воды показались части летательных аппаратов.

Все окна отеля-госпиталя, отражавшие за мгновение перед этим голубое небо и воздушные корабли, вдруг превратились в зияющие дыры…

Последовал второй взрыв. Берт взглянул вверх

и увидал несколько огромных воздушных чудовищ, которые летели вниз, напоминая своим видом развевающееся в воздухе одеяло. Центр битвы как бы опускался, чтобы объединиться с борьбой, происходившей внизу. Воздушные корабли казались Берту огромными предметами, падавшими вниз, в сравнении с которыми все остальное представлялось ничтожным: дома, дороги, мост и сами сражающиеся были так малы!.. Шум увеличивался по мере того, как приближались корабли, а укороченные черные орлы, украшавшие переднюю часть кораблей, производили такое впечатление, будто тут сражались пернатые существа…

Некоторые из кораблей опустились на сто пятьдесят метров над землей. Берт мог даже разглядеть на нижних галереях германской флотилии немцев, стрелявших из ружей, мог видеть азиатов, карабкавшихся по канатам. Он заметил также человека в алюминиевом водолазном костюме, который, сверкая, стремглав полетел в воду около Козьего острова.

Берт впервые видел так близко азиатские воздушные корабли. У них не было висячих галерей, но из маленьких отверстий по средней линии выглядывали люди и жерла пушек. Двигаясь по

восходящей и нисходящей кривой, воздушные корабли не переставали сражаться. Они налетали друг на друга точно тучи и порой своим видом напоминали гигантские куски пудинга, стремившиеся уничтожить друг друга. Кружась и сплетаясь, они носились над Ниагарой и Козьим островом. Все заволокло дымом, сквозь который лишь местами пробивались солнечные лучи. Иногда корабли рассеивались и удалялись километра на три вглубь Канады, затем снова возвращались к водопаду. Один немецкий корабль загорелся, и тотчас же все бросились от него прочь, предоставив ему гореть. Корабль, объятый пламенем, полетел вниз, на канадский берег, и взорвался. Опять послышался гул залпов, и снова все запуталось…

Только однажды Берту показалось, что из города Ниагара доносился шум рукоплесканий и ликующие крики.

Еще один немецкий корабль загорелся, а другой, сильно поврежденный носом неприятельского судна, опустился где-то в южной стороне.

Все яснее и яснее становилось Берту, что немцы терпят поражение в этой неравной борьбе. Немецкие корабли явно подвергались преследованию и сражались лишь ради спасения. Но

азиаты окружали их со всех сторон, разрывали оболочки газовых камер, заставляли их опускаться, подцепляли их матросов в водолазных костюмах, которые боролись с огнем при помощи огнетушителей, стараясь в то же время заделывать внутренние повреждения оболочки. Немцы отвечали выстрелами, большей частью не причинявшими неприятелю никакого вреда. Сражавшиеся слились в общую массу над Ниагарой, и вдруг немецкие корабли, словно по заранее условленному сигналу, вырвались из этой тучи и рассыпались в разные стороны: на север, юг, восток и запад. Это было открытое и беспорядочное бегство.

Как только азиаты поняли это, они немедленно бросились за немцами в погоню. Осталась лишь небольшая группа сражавшихся: четыре немецких корабля, отбивавших атаку азиатских сил на флагманский корабль «Гогенцоллерн». И в этот момент принц сделал последнюю попытку спасти Ниагару. Воздушные корабли то приближались к Канадскому водопаду, то удалялись от него к востоку, так что становились едва заметными, потом снова налетали тучей и кружились над головой единственного зрителя этой удивительной борьбы…

Плоские азиатские корабли держались над немецкими кораблями и позади них, непрестанно обстреливая их, а летательные аппараты бросались, словно рой нападающих пчел. Все ближе и ближе неслась эта туча, заполняя собой все пространство внизу. Два немецких корабля начали опускаться, потом опять поднялись. Но «Гогенцоллерн», очевидно, пострадал сильнее. Он слегка приподнялся, потом быстро повернулся, точно желая вырваться на свободу, и вдруг, загоревшись с обоих концов, начал опускаться вниз, в воду. Коснувшись воды, он снова приподнялся, но тотчас опять упал и поплыл, кружась и извиваясь, точно живое существо, старавшееся удержаться на поверхности. Его изогнутый и разорванный пропеллер все еще продолжал вращаться в воздухе. Из разных мест вырывалось пламя вместе с облаками пара. Это была гигантская по своим размерам катастрофа… Корабль уносился потоком, точно остров или большая скала, плывущая по воде и извергавшая дым и пламя. Он приближался к Берту с ужасающей быстротой. Один из азиатских кораблей, казавшийся снизу огромным куском паркета, повернул назад и несколько раз обогнул гигантский обломок, уносимый потоком. Несколько пунцовых

летательных аппаратов покружились над ним, точно рой комаров, освещенных солнцем, а затем и они отправились вслед за товарищами…

Бой кипел и за островом. Гул выстрелов и взрывов не прекращался. Но сражение было уже скрыто от Берта деревьями, да он и не думал о нем, будучи поглощен видом приближавшегося к нему побежденного немецкого корабля. Что-то с треском свалилось сзади Берта, ломая сучья, но Берт даже не обратил на это внимания…

Можно было ожидать, что «Гогенцоллерн» будет окончательно разрушен на месте разветвления водопада; в течение нескольких минут пропеллер «Гогенцоллерна», вспенивая воду, выбрасывал обломки на американский берег. Корабль уносился потоком. Затем течение, направлявшееся к американскому водопаду, подхватило его, и в одно мгновение эта огромная, запылавшая еще в трех местах масса понеслась на мост, соединявший Козий остров с городом Ниагарой, и втиснулась в водоворот под центральной аркой. Раздался страшный гул: это взорвались средние камеры корабля; затем рухнул мост, и огромная масса «Гогенцоллерна», шатаясь, ринулась вперед, точно искалеченный гигант в лохмотьях, охваченный языками пламени. Достигнув гребня

водопада, он на миг остановился, как будто раздумывая, и затем, сделав последний отчаянный прыжок, исчез в бурном потоке…

Отделившаяся от корабля передняя часть застряла у маленького острова, называемого Зеленым, который образует как бы каменный уступ между материком и группой деревьев на Козьем острове.

Берт наблюдал эту катастрофу у водораздела в начале моста; потом, не обращая внимания на азиатские корабли, парившие над висячим мостом, он бросился бежать к северу и забрался на скалу у Лунного острова, отвесно поднимавшуюся над американским водопадом. Там он остановился, едва переводя дух, среди страшного грохота и шума низвергавшегося потока, и смотрел, как вдали быстро мчался, кружась в потоке, огромный пустой мешок. В глазах Берта он олицетворял собой весь немецкий воздушный флот, Курта, принца, Европу, — все, что до сих пор он считал прочным и устойчивым, — тот порядок вещей, среди которого он жил, и те силы, которые казались ему непобедимыми. Теперь все это уносилось потоком как ветошь, и весь видимый мир становился достоянием чего-то неведомого, страшного…

А там далеко, над Канадой, еще были видны остатки кораблей, которые, все удаляясь, постепенно исчезли из вида…

Глава IX. На Козьем острове

1

О скалу возле Берта щелкнула пуля, и это напомнило ему, что он находится на виду, и кроме того, ведь на нем еще было надето кое-что из германской военной формы. Берт вертелся, точно цыпленок, старающийся спрятаться в траве от кружащегося коршуна. «Побеждены! Разбиты… Китайцами!.. Японцами!..» — шептал он.

Наконец он нашел убежище в кустах, вблизи маленькой, запертой на замок и брошенной лавочки. В этом месте деревья переплетались своими густыми ветвями, образуя как бы беседку.

Выстрелы прекратились, и, казалось, снова наступило спокойствие. Азиатский аэроплан, державшийся над висячим мостом, переменил свою позицию и теперь висел неподвижно над городом, бросая огромную тень на то место, где до этого происходила битва на суше. Чудовище казалось преисполненным чувством достоинства и

уверенности в себе. С кормы спускался длинный развевающийся флаг, красный, черный и желтый, — флаг Великого Союза Восходящего Солнца и Дракона. Дальше к востоку, на большой высоте, висела в воздухе вторая эскадра. Берт набрался храбрости настолько, что даже высунул голову из-за кустов и, оглянувшись, увидел еще один воздушный корабль, в южной стороне неба.

— Боже мой!.. Разбиты и разогнаны!.. Боже мой! — шептал он.

Сражение происходило как раз над городом, где над развалинами одного из домов еще развевался германский флаг. Над электрической станцией висел белый навес, еще уцелевший, несмотря на все происшедшее. Опять раздались выстрелы, и показались бегущие немецкие солдаты. Они исчезли среди домов. Потом появились два механика в синих куртках и штанах, преследуемые японскими солдатами. Один из бежавших, опередивший своего товарища, был статный человек и бежал легко и быстро; другой — толстый, маленький человек, как-то подпрыгивал, подскакивал, упираясь руками в бок и откинув голову. Преследователи были в мундирах и темных касках из тонкого металла и кожи. Вдруг маленький человечек споткнулся, — и Берт с содроганием

стал свидетелем нового ужаса войны…

Бежавший впереди японский солдат находился в трех шагах от упавшего и собирался ударить его, когда тот вскочил и снова побежал. Они пробежали еще около десяти метров, и наконец японец ударил немца мечом, и до Берта долетел звук, похожий на слабое мычание: толстый человек упал. Посыпались удары на лежавшего на земле человека, пытавшегося защититься голыми руками.

— О, я не могу! — простонал Берт, готовый разрыдаться.

Солдат ударил лежавшего в четвертый раз и присоединился к товарищу, который преследовал быстроногого механика. Третий преследователь, немного отставший, вдруг повернулся. Должно быть, он заметил, что зарубленный шевелится, потому что опять подбежал к нему и снова ударил его мечом.

— О-о-о! — стонал Берт при каждом ударе и все глубже заползал в кусты, старясь сделать это как можно тише.

Вдруг из города раздались выстрелы, и затем все успокоились, даже госпиталь затих. Берт увидел, как маленькие фигурки людей выходили из домов. Вкладывая мечи в ножны, они подходили

к остаткам летательных машин, разрушенных бомбами. Другие появились с уцелевшими аэропланами, которые катились на колесах, как велосипеды, или вскакивали на них и поднимались в воздух. Вдали, на востоке, показались три воздушных корабля. Корабль, повисший над городом, спустился еще ниже и выбросил веревочную лестницу, чтобы снять людей с электрической станции.

Берт наблюдал за развитием событий в Ниагаре с таким же вниманием, с каким кролик наблюдает за охотником. Он видел, как люди ходили от одного здания к другому и поджигали их. Он слышал целый ряд глухих взрывов в шахте электрической станции. То же самое происходило и на канадском берегу. Между тем появлялись все новые воздушные корабли и летательные аппараты, так что в конце концов Берту стало казаться, что тут собрался чуть ли не весь азиатский флот. Он наблюдал, притаившись в кустах, и видел, как они собирались вместе, выстраивались, подавали сигналы, подбирали людей и наконец пустились в путь, в сторону заката, к своему сборному пункту, — над нефтяными источниками Кливленда. Они постепенно исчезали из в виду, покидая Берта, и, насколько он мог судить, он был

единственным человеком, оставшимся среди разрушенного и опустевшего мира. Берт смотрел, как воздушные корабли становились все меньше и меньше и наконец совсем исчезали. Он долго стоял и смотрел им вслед.

— Да, — прошептал он, точно приходя в себя. Не только страх за себя лично, не только отчаяние овладели им, но ему казалось, что он видит закат Европы.

2

Берт не мог отдать себе отчета в том, что с ним происходило. Все случилось помимо его воли, и его собственные усилия имели так мало значения, что он мог оставаться лишь пассивным зрителем. Он помнил, что его последним предприятием была поездка на морской берег в качестве «дервиша пустыни». Он собирался давать увеселительные представления, но судьба решила иначе. Она предназначала его для других дел и, перебрасывая с одного места на другое, в конце концов высадила его на эту маленькую скалу между водопадами. Берт, однако, не сразу уяснил себе, что теперь ему наконец нужно действовать самому. Ему казалось, что все должно кончиться так, как кончаются сновидения; что

он снова вернется в тот мир, где находятся Грабб и Эдна и Бен-Хилл; а этот непрекращающийся шум и сверкающий водопад исчезнут, словно отдернутая в сторону занавеска, скрывающая волшебный фонарь, и тогда Берт снова увидит старые, хорошо знакомые картины… Интересно будет рассказать, как он побывал на Ниагаре! И вдруг ему вспомнились слова Курта: «Людей силой отрывают от близких, дома разрушаются, и существа, полные жизни, мыслей и способностей, разрываются на куски, гибнут от голода, истребляются…»

Берт, однако, не мог представить себе, что это так. Слишком трудно было поверить в это. Неужели же Том и Джессика переживают такие же ужасы? Неужели маленькой зеленной лавочки уже больше нет? Неужели Джессика не стоит за прилавком, любезно услуживая покупателям, переглядываясь с Томом, и не распоряжается больше отправкой из лавки товаров?

Берт тщетно старался вспомнить, какой теперь день. Все дни у него смешались. Может быть, воскресенье? Если так, то они отправились в церковь, или… не прячутся ли и они так же, как он в кустах? Что случилось с лендлордом, с мясником, с Беттериджем и со всеми остальными людьми,

бывшими тогда на набережной в Даймчерче? Берту было известно, что какая-то беда стряслась и с Лондоном. Бомбардировка? Но кто же подвергся ей? Неужели Том и Джессика так же вот бежали, преследуемые странными смуглыми людьми с обнаженными мечами? Берту рисовались самые разнообразные бедствия, которые могли их постигнуть, но одно не выходило у него из головы: есть ли у них хлеб? Эта мысль преследовала его. Если человек голоден, станет ли он есть крыс?

Тут Берт начал понимать, что не одно только горе и тревога угнетают его: он страдает также и от голода.

Да, он был голоден!

Поразмыслив немного, он пошел к маленькой запертой лавчонке у конца разрушенного моста. Не найдется ли там чего-нибудь поесть? Он попробовал отпереть дверь при помощи перочинного ножа и подвернувшейся под руку палки. Наконец ему удалось взломать один ставень, и он заглянул внутрь. Закрепив ставень, он влез в лавочку и принялся искать. Он нашел несколько бутылок стерилизованного молока, довольно много минеральной воды, две жестянки с печеньями, кусок старого черствого кекса, папиросы, несколько высохших апельсинов, орехи, ряд

жестянок с фруктовыми консервами и соленым мясом, затем целую кучу тарелок, ножей, вилок и стаканов. Стоял там, кроме того, и цинковый ящик, но Берт не мог оторвать висячего замка, запиравшего его.

— Во всяком случае, я не умру с голоду, — пробормотал он, осматривая папиросы. Затем уселся на место продавца и начал поедать бисквиты, запивая молоком.

— Какая тишина, — оглянулся он кругом, — и это после всего, что я испытал!.. Боже мой, какой это был день!.. Какой день! — Он начал с удовольствием вспоминать события. — Какая битва! Бедняги все погибли… полетели вверх тормашками! Воздушные корабли, летательные машины — все!.. Хотел бы я знать, что случилось с «Цеппелином»? А Курт? Это был славный парень!..

Но тут он вернулся к действительности и занялся мясными консервами, отыскивая в лавке инструменты, чтобы открыть их.

3

Подкрепившись, Берт закурил папироску и долго сидел задумавшись:

— Хотел бы я знать, где теперь Грабб?.. Думает

ли кто-нибудь из них обо мне?.. Ведь, пожалуй, мне придется пожить некоторое время на этом острове.

Берт старался успокоить себя, но тревога все сильней овладевала им. Это была странная, неопределенная тревога, какую обычно испытывает всякое общественное животное, очутившееся в полном одиночестве. Она заставляла Берта беспокойно озираться кругом, и наконец, чтобы дать выход этому неприятному состоянию, Берт решил заняться осмотром острова.

Мало-помалу он начал осознавать свое положение. Он не сразу сообразил, что разрушение арки моста между Зеленым островом и материком изолировало его от остального мира. Только когда он снова увидел носовую часть «Гогенцоллерна», лежавшую, точно потерпевший крушение корабль, увидел разрушенный мост, ему вдруг стало ясно, что произошло. Впрочем, все это не произвело на него особенно сильного впечатления. Это был лишь единичный факт среди множества других удивительных, совершившихся помимо его воли фактов. Некоторое время Берт смотрел на остатки «Гогенцоллерна», на разрушенные каюты и на лохмотья шелковой оболочки корабля, но при этом он не думал, что внутри корабля могут на-

ходиться живые существа. Все было разрушено и перевернуто вверх дном. Берт стал разглядывать вечернее небо. Вдали показалась тучка, но ни одного воздушного корабля не было заметно.

Мимо быстро пролетела ласточка в погоне за невидимой добычей.

— Точно сон, — прошептал Берт…

Некоторое время его мысли были заняты потоком.

— Шумит, — сказал он. — Непрерывно шумит…

И опять задумался о себе.

— Что же я буду теперь делать? — спрашивал он себя с недоумением.

Наконец он с отчаянием воскликнул:

— Я и сам не знаю!

Он помнил лишь одно: еще две недели назад он находился в Бен-Хилле, и даже в мыслях у него не было отправиться путешествовать. А теперь он стоит между водопадами Ниагары, среди небывалого опустошения и развалин, после величайшей битвы в мире; в этот промежуток времени он успел пересечь Германию, Бельгию, Францию, Англию, Ирландию и много других стран. Конечно, это был занимательный предмет для разговора и размышлений, но пользы от этого — никакой!..

— Как мне выпутаться из этой истории?.. Как? — спрашивал себя бедняга. — Что, если нет другой дороги? Тогда… Этот мост был своего рода ловушкой для меня, — решил он. — Но все же лучше не попадаться на глаза японским молодцам. Они, конечно, не будут церемониться и живо перережут мне горло. Конечно!

Берт повернул назад, к Лунному острову. Долго он стоял, задумавшись, и разглядывал канадский берег и развалины отелей, домов и поваленных деревьев парка Виктории, позолоченные теперь лучами заката. Все мертво среди этих печальных руин. Потом он вернулся к американской стороне, прошел мимо алюминиевых обломков «Гогенцоллерна» к Зеленому островку и начал рассматривать взорванный мост и бурлившую под ним воду. В стороне Буффало все еще клубился дым, и дома возле ниагарской железнодорожной станции ярко пылали. Все было покинуто, все было мертво. Небольшой, очевидно, брошенный предмет лежал на поперечной дорожке между городом и большой дорогой. «Обойдем кругом», — сказал себе Берт. На дорожке, пересекающей остров, он увидал обломки двух азиатских аэропланов, которые потерпели крушение во время боя с «Гогенцоллерном». Воз-

ле одного из них лежал погибший аэронавт…

По-видимому, этот летательный аппарат падал вертикально вниз и с силой ударился о группу деревьев, обломав ветви. Его согнутые и сломанные крылья и части каркаса торчали среди сбитых ветвей, а передняя часть зарылась в землю; за несколько метров от этого места, среди листьев, головой вниз висел желтолицый аэронавт; Берт обнаружил его, когда уже отошел от аэронавта. В сумеречном свете, — солнце закатилось, — среди необыкновенной тишины, как-то особенно жутко было видеть желтое лицо мертвеца, висевшего вниз головой. Огромный сук проткнул ему грудь, и он повис, все еще держа в окоченевшей руке свое легкое ружье…

Берт стоял неподвижно и смотрел на мертвеца. Потом отошел в сторону, но несколько раз оглядывался с дороги.

— Не люблю покойников! — прошептал он. — Пожалуй, было бы даже приятнее, если бы этот парень был жив!

Идти дальше по тропинке, где висел китаец, Берт не решился. Его охватывал страх, и он поспешил выбраться поближе к водопаду, в шуме которого была хоть какая-то жизнь. По дороге Берт наткнулся на другой аэроплан, почти не

поврежденный. Этот аэроплан имел такой вид, как будто спустился на землю для отдыха и лежал на боку. Одно его крыло приподнялось в воздухе. Возле него не было ни живого, ни мертвого аэронавта; аэроплан казался просто брошенным здесь, на берегу, около воды, пенящейся вокруг его длинного хвоста…

Берт постоял несколько минут возле аппарата, смотря на сгущавшиеся между деревьями тени и невольно осматриваясь, нет ли где-нибудь китайца, живого или мертвого. Затем очень осторожно подошел к аппарату и долго рассматривал его широко раскинутые крылья, огромный штурвал и пустое седло. Но прикоснуться к нему не решился…

— Только бы не оказалось здесь еще такого же желтолицего! — прошептал Берт.

Тут он заметил странный предмет, раскачивавшийся в воде, у камней. Течением его прибило к берегу. Берту захотелось подойти поближе. «Что бы это могло быть? — подумал он. — Вероятно, другой аэронавт, подстреленный в воздухе и выпавший из сиденья…»

Берт попробовал не смотреть и отойти подальше, но его неудержимо тянуло к воде. Вдруг ему пришло в голову, что он мог бы оттолкнуть по-

дальше в поток это мертвое тело — палкой или веткой. Все-таки одним мертвецом будет меньше на острове! Некоторое время он колебался, но странное волнение овладело им, и, чтобы успокоиться, он прошел в кусты и, вырезав палку, вернулся к берегу. В это время солнце уже близилось к закату, и в воздухе появились летучие мыши. Берт вскарабкался на скалу, возле которой течение образовало водоворот. Он вспотел от усилий, стараясь палкой достать плавающий труп. Долго это ему не удавалось, наконец он подцепил мертвеца за платье. Когда Берт стал обводить труп вокруг скалы, чтобы спустить вниз по течению, солнечный луч вдруг заиграл в последний раз в золотистых волосах. И Берт узнал: это был Курт!

Ошибки не могло быть: Курт лежал с побелевшим и совершенно спокойным лицом. Поток подхватил его, и он вытянулся, как бы готовясь к отдыху.

Чувство бесконечной тоски охватило Берта, когда тело Курта исчезло из вида,

— Курт! — закричал он в отчаянии. — Я не хотел этого! Не покидайте меня! Не оставляйте меня здесь одного!

Чувство одиночества и безнадежности еще

сильнее овладело Бертом. Он не мог больше сдерживаться и расплакался, как маленький. Как будто порвалась какая-то связь, соединявшая его с остальным миром. И он был испуган и чувствовал себя несчастным, как покинутый всеми ребенок…

Сумерки сгущались. Между деревьями потянулись длинные тени, и все предметы стали вдруг прозрачными, точно во сне…

— Я не перенесу этого, — шептал Берт.

Он вернулся на лужайку и лег на траву… Мысль о гибели Курта с новой силой овладела им. Курт, такой добрый, хороший, отзывчивый… Нет его больше!

Берт почувствовал острую жалость и, задыхаясь от рыданий, стал бессильно колотить кулаком землю.

— Война, безумная, проклятая! — кричал он. — Курт! Курт!.. Что я сделал? У меня было все… Я имел больше, чем нужно… И вот! Мир никуда не годится, нет смысла жить… Ночь приближается… Если он придет за мной? Нет, этого не может быть, он не может прийти за мной!.. А если? Тогда я брошусь в воду…

Немного успокоившись, он снова заговорил шепотом:

— Пугаться нечего. Все это одно воображение. Бедный Курт! У него ведь было предчувствие… Он сказал мне, кто была его девушка, и не дал мне письма для нее… Он ведь говорил мне: «Людей насильно разлучают с теми, кто близок и дорог их сердцу…» Так и вышло… Вот и я здесь, за тысячу километров от Эдны, Грабба и вообще всех моих близких. Точно растение, вырванное с корнем! Такова всякая война, — только я этого не понимал до сих пор… Всегда было так. Сколько погибало людей! И никто как будто не понимал, не чувствовал этого… Никому не приходило в голову положить конец этому безумию. Ведь войну считали прекрасной. Милая, дорогая Эдна! Славная она была девушка! В это время мы с ней катались на лодке в Кингстоне… Нет, я уверен, что увижусь с ней! Я хочу ее увидеть! Не моя будет вина, если этого не случится!..

4

Как раз в тот момент, когда Берт успокоил себя таким решением, он вдруг услышал шорох в траве и остолбенел от ужаса. По траве что-то ползло по направлению к нему. Он ясно слышал это и видел: в темной траве что-то шевелилось — и все ближе, все ближе. Ночь была полна кошмаров.

У Берта замерло сердце. Неужели это… Нет, это что-то очень маленькое…

Внезапно что-то подпрыгнуло в траве. Раздалось слабое мяуканье. Котенок, подняв хвост, бросился к Берту и, прижавшись к нему, замурлыкал.

— Боже мой! — воскликнул Берт. — Котенок?! Но как он напугал меня!..

На лбу у Берта выступили капли холодного пота.

5

Берт просидел всю ночь, прислонившись спиной к дереву и держа на руках котенка. Он устал и уже не мог больше ни говорить, ни связно думать. Под утро он задремал…

Когда он проснулся, руки и ноги у него одеревенели от неловкого положения, но все же он чувствовал себя бодрее. Котенок сладко спал, забравшись к нему под куртку. Страх, который Берт испытал накануне, испарился вместе с ночной темнотой.

Берт гладил котенка, который прижимался к нему и мурлыкал.

— Молочка хочешь, а? — сказал Берт. — Да я и сам не прочь закусить. — Он зевнул и потянулся.

Котенок уселся к нему на плечо, видимо, очень довольный. Берт гладил его, стараясь припомнить обстоятельства предыдущего дня — все ужасные события.

— Надо что-нибудь предпринять, — решил он наконец.

Он пошел по направлению к роще и снова остановился перед мертвым аэронавтом; котенок все сидел на плече у Берта. Мертвец был ужасен, но уже не до такой степени, как это показалось Берту в сумерках. Рука мертвеца уже разжалась, и он выпустил ружье, которое валялось на траве…

— Думаю, нам надо его похоронить, киска? — сказал Берт и безнадежно топнул по каменной почве. — Придется нам остаться с ним на острове…

Он пошел к лавочке, где хранилась провизия.

— Сперва позавтракаем! — обратился Берт к котенку; котенок повернул к Берту пушистую мордочку и ласково терся о его щеку. — Хочешь молочка, а? — спросил Берт. Мертвец уже перестал интересовать его.

Берт был очень удивлен, найдя дверь в лавочку открытой. Он очень хорошо помнил, что запер ее накануне и даже защелкнул замок. Кроме того, он обнаружил в лавке несколько грязных тарелок,

которых раньше не видел.

Берт заметил также, что замок жестяного ящика был отвинчен, чего накануне также не было.

«Что это? — подумал он. — Ведь вчера я никак не мог открыть замок. Я ничего этого не заметил…»

Прежде этот ящик, вероятно, служил ледником, но в нем уже ничего не было, кроме остатков нескольких вареных цыплят да какого-то странного вещества вроде масла, издававшего весьма неаппетитный запах.

Берт тщательно закрыл крышку ящика, потом налил молока в грязную тарелку и дал котенку. Усевшись за стол, Берт наблюдал, как быстро работал тоненький розовый язычок котенка. Затем Берт решил провести инвентаризацию всего, что находилось в лавке. Там оказалось шесть нераскупоренных бутылок молока и одна раскупоренная, шестьдесят бутылок минеральной воды, значительный запас сиропов, около двух тысяч папирос, более сотни сигар, девять апельсинов, две нераскупоренные жестянки мясных консервов и одна раскупоренная, две жестянки с бисквитами, одиннадцать сухих кексов, полная корзина орехов и пять больших жестяных ящиков с калифорнийскими персиками. Все это он

переписал на клочке бумаги.

«Положим, пища не очень солидная, — подумал он, — но все-таки на две недели хватит! Ведь что-нибудь должно же произойти в течение двух недель!»

Он дал котенку еще порцию молока и кусочек мяса, и когда тот насытился, Берт пошел посмотреть на остатки «Гогенцоллерна». Котенок бежал за Бертом довольный, держа хвост трубой.

За ночь остатки корабля изменили свое положение и как будто еще плотнее засели на берегу Зеленого острова. От этих остатков взоры Берта обратились к разрушенному мосту и оттуда к опустевшему городу Ниагаре. В городе никакого движения не было заметно, и лишь вверху кружилась стая ворон. Они опустились к телу инженера, который накануне был зарублен на глазах у Берта. Собак не было видно, но Берт слышал их вой.

— Надо нам отсюда как-нибудь выбраться, не правда ли, киска? — сказал Берт. — Молока этого надолго не хватит, особенно если ты будешь лакать его в таком количестве…

Он взглянул на поток и подумал: «Воды здесь достаточно. Во всяком случае, от жажды не умрешь…»

Берт решил хорошенько исследовать остров. Пройдя некоторое расстояние, он наткнулся на запертые ворота, на которых была дощечка с надписью: «Платная лестница». Он перелез через ворота и увидал старую деревянную лестницу, которая проходила возле скалы, среди все возраставшего грохота вод. Берт оставил котенка наверху, а сам спустился вниз. Трепет надежды охватил его, когда он увидел тропинку между скалами, у подножия кипящей стремнины водопада. Может быть, тут был выход!

Однако этот путь привел его только к Пещере Ветров.

Проведя около четверти часа среди оглушительного шума между скалой и сплошной завесой водопада, Берт решил, что это не совсем удобный путь в Канаду, и поэтому вернулся назад. Взбираясь по лестнице, он уловил ухом странный звук, похожий на звук шагов по гравию, но решил, что это, должно быть, эхо. Наверху все было так же пустынно, как и раньше…

Сопровождаемый котенком, который бежал за ним в траве, Берт дошел до другой лестницы, которая вела к скалам выше водопада Подковы, и долго простоял там, глядя на воду.

«Трудно представить себе, откуда берется такая

масса воды, — размышлял Берт. — Этот шум просто действует на нервы. Тут слышатся все звуки: как будто кто-то говорит, кто-то ходит… словом, можно услышать все что угодно!»

Он повернул назад и начал взбираться по лестнице, мрачно думая: «Мне только и остается, что ходить кругом этого благословенного острова. Кругом, кругом, кругом…»

Теперь Берт опять оказался вблизи азиатского аэроплана, получившего лишь небольшие повреждения, и пристально разглядывал его, а котенок обнюхивал.

Вдруг Берт невольно вскрикнул: «Боже мой!» — и остановился, пораженный.

Из-за деревьев к нему медленно приближались две высокие, худые, забинтованные фигуры в лохмотьях. Шедший позади прихрамывал, и голова у него была перевязана чем-то белым. Но тот, который шел впереди, продолжал держать себя с достоинством, какое подобает принцу, хотя левая рука была у него на перевязи, а половина лица была обожжена и багровела.

Это был действительно принц Карл-Альберт, герой войны, «немецкий Александр Македонский», а шедший позади — тот самый офицер с птичьей физиономией, который когда-то вынужден был

уступить свою каюту Берту.

6

С появлением этих двух новых лиц положение Берта на Козьем острове изменилось. Он перестал быть единственным представителем человечества среди опустевшего и непонятного ему мира и снова превратился в социальное существо — в человека, живущего среди других людей. В первое мгновение он ужаснулся при виде их, но затем они показались ему желанными, как братья. Ведь и они находились в таком же трудном положении, как и он, так же были одиноки и не знали, что делать. Берту очень хотелось расспросить их обо всем. Что за дело ему до того, что один из них — принц и что ни один из них не силен в английском языке! Прирожденное чувство свободы слишком сильно говорило в Берте в эту минуту, к тому же азиатский флот уничтожил все общественные различия.

— Алло! — крикнул Берт. — Как вы попали сюда?

— Это тот самый англичанин, который доставил нам машину Беттериджа, — сказал офицер по-немецки и затем, сделав шаг к Берту, крикнул:

— Честь!.. — и потом повторил еще громче: — Отдай честь!

— Черт возьми! — вырвалось у Берта, тем не менее он повиновался и неловко отдал честь.

Но с этого мгновения он стал держаться настороже, и совместная работа с ним стала невозможна.

Несколько минут эти два аристократа высшей марки смотрели с недоумением на стоявшего перед ними англосаксонского гражданина, который не поддавался военной муштровке. Берт, без сомнения, был для них великолепным объектом, но они чувствовали в нем необъяснимое сопротивление. Он был по-прежнему одет в свой дешевый синий саржевый костюм, теперь уже сильно поистрепавшийся, и эта небрежность в одежде придавала ему весьма дерзкий вид. Дерзкое выражение еще более усиливалось заломленной на затылок белой германской фуражкой, слишком большой для его головы. На ногах у Берта были высокие резиновые сапоги, отданные ему после убитого немецкого аэронавта. Оба немца видели в нем подчиненного, но такого, с которым нелегко будет справиться, и поэтому инстинктивно ненавидели его.

Принц указал ему на летательную машину и

произнес что-то на ломаном английском языке. Берт, думая, что он произнес по-немецки, не понял его.

— Дурак! — проговорил по-немецки офицер.

Принц указал здоровой рукой на аэроплан и спросил еще раз:

— Вы понимаете устройство этого «Летающего дракона»?

Берт сообразил, в чем дело. Он взглянул на азиатскую летательную машину и тотчас же вспомнил свою деятельность в Бен-Хилле.

— Это — иностранная работа, — сказал он лукаво.

Оба немца начали совещаться.

— Вы знаете это дело? — спросил принц Берта.

— Да, нам случалось делать ремонт, — отвечал Берт, вспомнив при этом Грабба.

Подыскивая английские слова, принц снова обратился к нему:

— Годится для полета? — спросил он.

Берт глубокомысленно потер подбородок.

— Надо поглядеть, — сказал он. — С машиной неумело обращались…

Берт свистнул, подражая Граббу, и, засунув руки в карманы штанов, пошел к аппарату. Грабб обычно еще жевал что-нибудь при этом, но Берту

жевать было нечего.

— Три дня работы, — процедил он сквозь зубы.

Но у него сейчас же явилась мысль, что этой машиной можно воспользоваться. Было ясно, что крыло, лежавшее на земле, повреждено. Три ребра, удерживавшие его в натянутом состоянии, согнулись, стукнувшись о край скалы; вероятно, и машина была испорчена. Крючок на этом крыле тоже согнулся, но это не должно было мешать полету. Кроме того, пожалуй, не было других более или менее серьезных повреждений.

Берт снова вытер подбородок и, окинув взором широкий, залитый солнцем водопад, сказал:

— Мы попробуем это исправить… Предоставьте это мне.

Он намеренно долго рассматривал аэроплан, а принц и офицер наблюдали за ним. В Бен-Хилле и он, и Грабб широко практиковали способ замены испорченных частей велосипедов другими, запасными. Любой велосипед, уже не годившийся для проката, представлял для них капитал вследствие наличия в нем всяких винтов, колес и цепей, которые были нужны для починки. Теперь Берт решил применить эту систему и к поломанному аэроплану. Ведь за деревьями лежал другой аэроплан, от которого можно было

кое-что взять…

Котенок продолжал ласкаться к Берту, пока он рассматривал аэроплан.

— Почините этот «Летающий дракон», — сказал принц.

— Если я даже исправлю его, — возразил Берт, которому вдруг пришла в голову новая идея, — ведь никто из нас не может летать на нем.

— Я полечу, — объявил принц.

— По всей вероятности, для того, чтобы сломать себе шею! — заметил Берт.

Принц не понял его и потому оставил без ответа дерзкое замечание. Он указал рукой в перчатке на летательный аппарат и что-то сказал офицеру по-немецки. Офицер ответил, и принц опять заговорил, делая величественные жесты и указывая на небо. Должно быть, он говорил очень красноречиво.

Берт наблюдал на ним, стараясь понять, что он там болтает.

— Очень вероятно, что вы сломаете себе шею, — повторил Берт. — А впрочем… посмотрим…

Берт начал копаться в машине и сиденье аппарата, разыскивая инструменты, необходимые для починки. Кроме того, он вспомнил, что он и Грабб всегда были выпачканы маслом, когда за-

нимались починкой. Это было правилом. Значит, и ему надо выпачкать себе руки и лицо, — иначе дело не пойдет. Он снял куртку и, сдвинув шапку на затылок, принялся за работу.

Принц и офицер, по-видимому, намеревались наблюдать за Бертом. Но все же ему удалось отделаться от них. Он дал им понять, что это мешает работе и что ему надо «поразмыслить немного», прежде чем приступить к делу. Опыт, приобретенный им в лавочке, научил его, как обращаться с людьми и внушать им уважение к себе как знающему человеку. Таким способом Берт заставил принца и офицера удалиться. Оставшись один, Берт отправился ко второму аэроплану, достал из него ружья и амуницию и спрятал их поблизости, в кустах крапивы.

— Так-то лучше, — проворчал Берт и принялся после этого тщательно исследовать обломки крыльев между деревьями.

Потом он подошел к другому аэроплану и стал их сравнивать между собой. Метод, которому он следовал в Бен-Хилле, был очень прост и мог быть применен в данном случае, если не встретится ничего непонятного в устройстве машины и поломка не окажется совершенно неисправимой.

Когда немцы вернулись, Берт уже был весь

выпачкан маслом и с видом знатока исследовал разные винтики, шарики и рычаги. Офицер попробовал было вмешаться и сделать ему кое-какие замечания, но Берт решительно отвел его рукой, сказав:

— Не понимаю. Так не годится. Не мешайте!.. — Затем он вдруг, как будто вспомнив что-то и указав большим пальцем через плечо, заметил офицеру: — Мертвеца, вон там, надо похоронить!..

7

Вселенная в глазах Берта вдруг преобразилась. Словно завеса опустилась перед ним и закрыла те страшные опустошения и разрушения, которые так потрясли его сначала. Теперь он все же находился среди людей. Правда, это был крошечный мир из трех человек, но все же этот мир вызывал у Берта более энергичную работу мысли. У него появились новые идеи, схемы, смелые планы. Прежде всего, его занимал вопрос, что эти джентльмены думают о нем и что они намерены делать. Берт возился с азиатским аэропланом, а в голове у него работа шла своим чередом, новые идеи зарождались и поднимались на поверхность, точно пузырьки газа в содовой воде.

— Вот! — воскликнул он.

В эту минуту у него промелькнула мысль о вопиющей несправедливости судьбы. В самом деле, эти два человека остались живы, а Курт погиб. Вся команда «Гогенцоллерна» была уничтожена, — сгорела, перебита, утонула, — и только эти двое, скрывавшиеся в передней каюте, обшитой подушками, уцелели!

— Счастливая звезда спасла их, — прошептал Берт и оглянулся на счастливцев. Они стояли рядом и наблюдали за ним.

— Нечего смотреть на меня! — сказал он. — Вы только сбиваете меня.

Но, видя, что они его не понимают, он подошел к ним, держа отвертку в руках. При этом ему в первый раз бросилось в глаза, какой огромный и мощный человек принц. Принц взирал на все с невозмутимым видом. Берт подошел к нему и сказал, указывая на группу деревьев:

— Там мертвец.

Офицер вмешался и что-то возразил ему по-немецки.

Берт снова повторил:

— Мертвец… там!

С большим трудом удалось ему обратить их внимание на мертвого китайца; в конце концов

пришлось просто привести их к этому месту. Однако они все же решили, что именно Берт, как низшее лицо, должен оттащить это мертвое тело и сбросить его в поток; эта привилегия, несомненно, принадлежала Берту… После жаркого спора, выражавшегося главным образом в жестах, офицер, наконец, решил унизиться настолько, чтобы помочь Берту: одному Берту было не справиться. Вдвоем они вытащили из ветвей уже раздувшийся труп и поволокли к берегу. Там они немного передохнули, — тащить было очень тяжело, — затем сбросили мертвеца в поток. Берт вернулся к своей работе, ощущая боль в руках и глухое раздражение.

— Негодяи! — ворчал он. — Они и в самом деле принимают меня за одного из своих рабов! Бродяги… а туда же, задирают нос!

Принявшись снова за работу над летательной машиной, он стал раздумывать о том, что будет, если ему удастся все-таки починить ее…

Оба немца ушли. Поразмыслив немного, Берт отвернул кое-какие гайки и, надев куртку и жилет, положил гайки в карман вместе с частью инструментов. Остальные инструменты, взятые с другого аэроплана, он запрятал среди деревьев.

— Великолепно! — сказал он сам себе, приняв

все эти предосторожности.

Когда вернулся принц со своим спутником, Берт был уже на месте, возле аэроплана. Принц несколько минут смотрел на его работу, потом отправился к водоразделу и долго стоял там, сложив руки и в раздумье глядя на поток.

Офицер вернулся к Берту и процедил сквозь зубы по-английски, помогая себе жестами:

— Ступай поешь!

Когда Берт пришел в лавочку, то увидал, что весь запас провизии оттуда исчез. Оставлена была лишь небольшая порция мясных консервов и три бисквита. Несколько минут Берт стоял, разинув рот. Котенок, почуявший Берта, вышел из-за прилавка и начал вкрадчиво мяукать.

— Ах да! — сказал Берт. — Тебе ведь надо дать молочка. Но где же оно?

Собравшись с духом, он взял тарелку в одну руку, а бисквиты — в другую и пошел разыскивать принца, извергая поток ругательств. Увидев принца, он подошел к нему и, не отдавая чести, гневно указал на тарелку и крикнул:

— Что это значит, черт возьми?

Произошло горячее объяснение и спор. Берт изложил им свой взгляд на их поведение по-английски, а офицер говорил ему по-немецки о

нациях и дисциплине. Наконец принц, видимо, оценивший физическую силу Берта, схватил его за плечи и так тряхнул, что у Берта только в карманах зазвенело; потом, крикнув что-то, отшвырнул его в сторону. Словом, ткнул его так, как будто Берт был немецкий солдат.

Берт был возмущен до глубины души. Его простые, обыденные понятия о чести были задеты, и он решил, что отомстит принцу во что бы то ни стало.

— Погоди же! — прошептал он, задыхаясь и застегивая свою куртку.

— Ну! — крикнул принц. — Уйдешь ли ты?

И вдруг, бросив героический взгляд на Берта, он выдернул шпагу из ножен.

Офицер вмешался и что-то заметил ему по-немецки, указав на небо.

Там, далеко на юго-западе, показался японский воздушный корабль, который несся прямо на них. Это неожиданное обстоятельство остановило столкновение. Принц первый понял, что надо отступать. Все трое, как кролики, бросились в кусты, ища прикрытия, и наконец залезли в углубление, где росла высокая трава, которая могла совершенно скрыть их. Там они долго сидели на расстоянии нескольких метров друг от друга и,

прячась в траве, украдкой, из-за ветвей, следили за воздушным кораблем. Берт растерял во время бегства мясные консервы, но бисквиты остались у него в руке, и он спокойно жевал их. Воздушное чудовище пронеслось над ними, затем направилось к Ниагаре и опустилось над электрическими мастерскими.

Пока корабль находился вблизи, они молчали; когда же он удалился, все трое сразу заговорили. Спор возобновился, и если не произошло настоящей ссоры, то только вследствие того, что они не понимали друг друга.

Собственно, начал говорить Берт, и он говорил, не обращая внимания на то, понимают его или нет. Но, видимо, тон Берта выдал его враждебные намерения.

— Вы хотите, чтобы я исправил машину? — крикнул он. — Тогда вам лучше было не трогать меня!

Но так как немцы не обратили внимания на его слова, то Берт разразился грозной речью:

— Вы думаете, что раз я вам попался, так вы можете меня бить, как вы бьете своих солдат? Ошибаетесь! Довольно с меня ваших харь! Я теперь понимаю, что вы такое, вы и все ваши, и ваша война, и ваша империя, и вся подобная

вам дрянь! Да, это все вы наделали! И все из-за ничего, из-за пустого хвастовства! Оттого только, что вы носите мундиры и у вас есть флаги! А я… я не имел ни малейшего желания встречаться с вами. Я нисколько не дорожу вами. А вы меня схватили, можно сказать, похитили, и вот я теперь за тысячу километров от своего дома и от всех близких, а ваш дрянной флот изорван в клочья! Ну что ж, будете вы теперь хвастаться, а? Не думаю! Посмотрите-ка, что вы наделали! Как вы разрушили Нью-Йорк, сколько людей вы перебили, какие вы произвели опустошения! Что?! Это не научило вас?

— Дурак! — брякнул вдруг офицер, злобно глядя на Берта из-под повязки. — Осел! — прибавил он по-немецки.

— Я знаю, что это означает по-немецки — осел! — заметил Берт. — Но я бы хотел знать, кто из нас осел — вы или я! Когда я был мальчишкой, то любил читать дешевые книжки о разных удивительных приключениях и всегда представлял себе, что я командир и тому подобные глупости. Но я давно уже спрятал эти книжки. А у вас что в голове? Всякая ерунда! Наполеон, Александр Македонский, «священная» династия принца, и сам он — Бог и Давид, и всякое такое… Любой

человек, если только у него голова не набита такими глупостями, как у принца, предсказал бы, что так и должно было случиться! У нас в Европе шесть или семь держав, с глупыми флагами и глупыми газетами, натравливают нас друг на друга и мешают нашему объединению. А вот перед нами Китай, плотный, как сыр, со многими миллионами людей, которым нужно лишь немножко знаний и предприимчивости, чтобы быть такими же, как мы. Вы все думали, что им не достать вас. Но вот они изобрели летательные аппараты — и тут как тут! Что ж! Когда в Китае еще не умели лить пушки и организовывать войско, то вы до тех пор наседали на них, пока они не научились. Они должны были дать нам этот урок — и дали. Мы бы не успокоились до тех пор. И вот мы теперь — здесь!

Офицер крикнул Берту, чтобы он замолчал, и начал что-то быстро говорить принцу.

— Я — британский гражданин, — отвечал Берт. — Вы можете меня не слушать, но я вовсе не обязан молчать, когда вы приказываете…

И он продолжал развивать свои идеи относительно империализма, милитаризма и международной политики, но его раздражал разговор принца с офицером, и некоторое время он только

повторял разные бранные эпитеты, старые и новые «хвастливые бродяги» и прочее в этом роде. Однако, вдруг вспомнив свою главную беду, Берт снова с ожесточением спросил их, куда девались съестные припасы.

— Они были в лавке, — говорил он. — Кто же их взял оттуда? Вот что я желал бы знать!.. Куда вы их спрятали?

Он замолчал, а они продолжали разговаривать по-немецки, не обращая на Берта никакого внимания. Он повторил вопрос во второй и, наконец, в третий раз, придав ему вызывающий характер.

Наступило напряженное молчание. В течение нескольких секунд все трое смотрели друг на друга. Принц не спускал глаз с Берта, который точно съежился под этим пристальным взором. Принц встал, и офицер тотчас же подскочил к нему. Берт продолжал сидеть на корточках.

— Смирно! — крикнул ему принц.

Оба немца уставились на скорчившегося Берта, и, казалось, смерть витала над его головой. Берт понял, что теперь не время для его красноречия. Затем принц повернулся и вместе с офицером побрел к летательному аппарату.

— Вот! — прошептал уничтоженный и возмущенный Берт.

Еще несколько минут он просидел на корточках, потом вскочил и побежал в кусты, где у него было спрятано китайское ружье.

8

После этой стычки, конечно, не могло быть и речи о том, что Берт находится под начальством принца, и о том, чтобы Берт продолжал починку летательной машины: за это взялись оба немца. Берт же притаился по соседству за скалой и принялся осматривать свое новое оружие. Это было короткоствольное ружье с полным запасом патронов. Он очень осторожно вынул и исследовал механизм ружья, пока наконец не убедился, что сумеет обращаться с ним. Тогда он тщательно зарядил его. Но тут Берт опять вспомнил, что голоден, и отправился с ружьем в руках к лавочке. Он бродил вокруг лавочки, сознавая, что ему нельзя показываться на глаза принцу и его адъютанту с этим ружьем в руках. Впрочем, Берт и сам не хотел приближаться к ним. Пока они считают его безоружным, они не тронут его, но неизвестно, что этому Наполеону взбредет в голову, когда он увидит Берта с ружьем в руках. Он не мог поручиться за себя. В его сердце кипела ярость, и он готов был убить их, но в то же время думал, что

это будет ужасно. В его душе происходила борьба двух начал его неустойчивой цивилизации…

Котенок все вертелся около лавочки, очевидно, ожидая молока, что еще больше разжигало голод Берта. Он не мог больше сдерживаться и опять разразился речью против войны, национализма и империализма.

— Всякий другой принц, не такой, как вы, погиб бы вместе со своей командой и своим кораблем! — крикнул он наконец.

Немцы, занятые работой, слышали его голос, который доносился к ним вместе с шумом воды. Глаза их встретились; немцы слегка улыбнулись.

Берт хотел сперва засесть в лавочке и там дожидаться их прихода. Но ему вдруг пришло в голову, что тогда придется вступить с ними в бой. Не желая этого, он отправился к Лунному острову и, спрятавшись там, начал обдумывать свое положение.

Сначала ему все казалось весьма простым, но по мере того, как он прикидывал в уме разные возможности, положение представлялось ему все сложнее и сложнее. У них были шпаги — это так, — но не было ли у них револьверов? Притом, если он убьет их обоих, то все равно не найдет

спрятанных съестных припасов. Пока он разгуливал с ружьем в руках и не попадался им на глаза, он чувствовал себя в полной безопасности, но ведь они могли устроить засаду и подстеречь его. На острове можно было найти прикрытие на каждом шагу, местность была неровная, почти сплошь покрытая скалами и густыми зарослями.

«Отчего не пойти и не укокошить их обоих? — подумал Берт, но тут же решил, что не может этого сделать. — Не могу, не вынесу этого…»

Однако ему стало ясно, что он ни в коем случае не должен спускать с них глаз. Он должен видеть, что они делают, проследить, есть ли у них револьверы и куда они припрятали пищу. Надо было узнать также, как они намерены поступить с ним. Если он не выследит их, то они выследят его. Это было совершенно ясно. Поэтому Берт осмотрел свой костюм и швырнул в воду свой воротник и белую шапку воздухоплавателя, которая слишком резко бросалась в глаза. Затем поднял вверх воротник куртки, чтобы не выглядывала грязная рубашка. Инструменты и гайки, которые лежали у него в кармане и своим громыханьем могли выдать его, он обернул носовым платком и письмами. Он продвигался в кустах осторожно и почти бесшумно, прислушиваясь к

каждому шороху…

Треск и легкое брюзжание выдали ему его врагов. Он увидел, что они, как и он, возились с азиатской летательной машиной. Они сняли верхнее платье, положили на землю шпаги и усердно работали. Видимо, они хотели повернуть аэроплан, но это было трудно, так как длинный хвост аппарата запутался между деревьями. Берт прижался к земле — немцы были уже совсем близко — и осторожно заполз в небольшое углубление, где он мог лежать спокойно и следить за всеми их движениями. Иногда, для препровождения времени, он прицеливался в них из ружья, но не стрелял…

Берт с большим интересом наблюдал за их работой, и подчас у него даже появлялось желание закричать и дать им кое-какой совет. Он догадывался, что, как только они повернут машину, им понадобятся инструменты и гайки, которые были у него спрятаны. Тогда они, конечно, пойдут его разыскивать. Немцы поймут, что эти предметы должны быть у него или что он их припрятал. Не спрятать ли ему и ружье и не попытаться ли добыть съестные припасы взамен этих инструментов? Но расстаться с ружьем Берт не решался: с ружьем в руках он чувствовал себя в большей

безопасности.

Котенок все время вертелся возле Берта, заигрывая с ним, лизал его щеки и кусал за уши.

Солнце двигалось к полудню. Взглянув на небо, Берт увидел азиатский воздушный корабль, быстро удалявшийся к востоку; немцы даже не заметили его…

Наконец летательный аппарат был перевернут и стоял теперь на колесах, носом к порогам реки. Оба немца вытерли пот с лица, надели верхнее платье и нацепили шпаги, при этом они беседовали с таким видом, точно поздравляли друг друга с успехом. Потом немцы быстро двинулись по направлению к лавочке.

Принц шел впереди.

Берт последовал за ними, но он не мог идти так же быстро, как немцы: ему надо было соблюдать большую осторожность. Так Берту и не удалось проследить, где они прячут пищу.

Когда Берт снова увидел их, они сидели спиной к лавочке, держа на коленях тарелки. Около них стояла жестянка с мясными консервами и блюдо с бисквитами. Они были в очень хорошем настроении, и Берт расслышал даже хохот принца. При виде того, как они уплетают еду, все планы Берта разлетелись в прах. Непреодолимое чувство голо-

да овладело им, и, не помня себя, Берт выскочил, держа в руке ружье.

— Руки вверх! — яростно крикнул он им, прицеливаясь.

Принц колебался с минуту, затем оба подняли руки: ружье заставило их растеряться.

— Встаньте! — закричал Берт. — Бросьте вилки!

Оба повиновались.

«Что же дальше?» — подумал Берт и, показывая рукой, сказал:

— Прочь! Убирайтесь! Туда!

Принц и это приказание исполнил с замечательной быстротой. Он что-то торопливо пробормотал своему адъютанту, и они оба, забыв всякое достоинство, обратились в бегство. Только когда они скрылись из вида, Берт хлопнул себя по лбу и сказал:

— Боже мой! Мне бы следовало отобрать у них шпаги! Ай, ай!..

Но немцев уже не было видно; они, без сомнения, скрылись в чаще. Берт разразился проклятиями, потом вернулся к лавочке, осторожно поглядывая кругом и опасаясь нападения из-за угла. Держа ружье под рукой и беспрестанно прислушиваясь, он принялся за еду. Покончив с

тем, что было на тарелке принца, он дал остатки котенку и только взялся за другую тарелку, как вдруг она развалилась у него в руках. Он с изумлением посмотрел на черепки. В то же время ему почудился неясный треск в кустах. Он вскочил на ноги, схватил в одну руку ружье, в другую — жестянку с мясными консервами и побежал вокруг лавочки, по другую сторону просеки. Вдруг опять послышался треск в кустах, и что-то прожужжало около уха Берта. Однако он не остановился, а продолжал бежать, пока не достиг удобной оборонительной позиции вблизи Лунного острова. Там он спрятался за прикрытием и ждал.

— У них все-таки есть револьвер, а может быть, и два, — шептал он с замиранием сердца. — Если так, то я погиб!

Но… где же котенок? Ах, должно быть, он занялся мясными консервами… Экий бродяга!

9

Таким образом, на Козьем острове началась война.

Она продолжалась целый день и целую ночь. Это был самый длинный день и самая длинная ночь в жизни Берта. Он должен был лежать смирно, слушать и наблюдать. Кроме того, ему надо

было обдумать дальнейший образ действий. Ясно одно — если можно, он должен умертвить этих двух людей, иначе они убьют его. Приз в этой войне составляла прежде всего пища, а затем летательный аппарат и сомнительное право воспользоваться им. Побежденный в борьбе будет, несомненно, убит, а победитель может улететь отсюда. На мгновение Берт призадумался, стараясь представить себе, куда можно попасть отсюда. В его воображении рисовалось: пустыня, раздраженные американцы, японцы, китайцы, даже, может быть, краснокожие (впрочем, остались ли там краснокожие?)…

— Будь что будет! — решил Берт. — Я не вижу никакого другого выхода…

Что это? Какие-то голоса? Все его чувства были напряжены. Шум водопада был очень силен, и в нем слышались разные звуки: то какие-то шаги, то голоса, то возгласы и крики.

— Глупый водопад! — сказал Берт. — Ну какой смысл вот так без конца падать и падать?

Однако, чем же занимаются немцы? Вернутся ли они к аэроплану? Им, конечно, не справиться с аэропланом: ведь взяты и винты, и гайки, и отвертка, и другие инструменты. А что, если они найдут другой набор инструментов, который

Берт спрятал в деревьях? Положим, он спрятал их хорошо, но ведь они все же могут найти их. Нельзя быть уверенным, нельзя! Берт старался припомнить хорошенько, куда он их сложил. Он старался убедить себя, что беспокоиться нечего. Но он не надеялся на свою память. А вдруг рукоятка отвертки торчит среди листьев так, что ее можно заметить?!

Ш-ш! Что это такое? Как будто кто-то крадется в кустах… Берт насторожился и поднял ружье… Может быть, котенок? Нет, показалось…

Немцы, наверное, уже заметили, что не хватает гаек, винтов, инструментов, которые Берт унес с собой в кармане, и, конечно, они будут теперь охотиться за ним: ведь они же понимают, что, кроме Берта, их взять некому. Значит, ему надо прятаться, и тогда он, наверное, перехитрит их. Но так ли это? Ведь они могут снять съемные части машины и уже после этого отправиться на охоту за Бертом… Нет, пожалуй, им это ни к чему. Ведь их двое, а он один. Им и в голову не придет, что Берт может сбежать на аэроплане, и, стало быть, им незачем портить летательную машину. Это ясно. Но они могут разыскивать Берта, чтобы отнять у него съестные припасы. Они знают, что у него остались мясные консервы, которых

может хватить на несколько дней, если он будет экономить. Возможно, что они применят другую тактику и попробуют утомить его преследованием, прежде чем нападут на него…

Берт вдруг вскочил на ноги. Ему ясно представилась вся опасность его положения. Ведь он может заснуть!

Не успел Берт подумать об этом, как уже почувствовал, что ему хочется спать… Он начал тереть глаза, стараясь победить сон. До сих пор ему еще не случалось испытывать на себе сильное снотворное влияние американского солнца, американского воздуха и усыпительное действие однообразного шума водопада. Раньше ему казалось, что все это действует даже возбуждающим образом…

Быть может, если бы он так не наелся перед этим, то не чувствовал бы себя таким отяжелевшим… Интересно знать, как чувствуют себя вегетарианцы, всегда ли они бодры?

Берт опять вскочил на ноги. Он знал, что заснет, если не займется какой-нибудь работой. А заснет — пропал: они услышат его храп, найдут его и покончат с ним… Если он будет сидеть здесь смирно и неподвижно, то непременно заснет. Лучше уж рискнуть напасть, чем оставаться

бездеятельным. Берт чувствовал, что в конце концов сон одолеет его. Положение немцев было лучше. Один из них мог спать, а другой — сторожить. Само собой разумеется, так оно и будет. Один будет делать то, что нужно, а другой будет лежать поблизости, под прикрытием, готовый стрелять, если понадобится. Ведь этак они могут даже заманить его в ловушку: один из них будет служить приманкой, а другой…

Мысль о западне заставила Берта обозвать себя дураком. Зачем он бросил свою шапку в воду? Она могла бы сослужить ему службу как приманка, если б он ее надел на палку, особенно ночью.

Захотелось пить. Берт положил в рот камешек, чтобы умерить жажду, и на некоторое время это помогло. Снова клонило ко сну…

Было ясно, что ничего другого не остается, как самому совершить нападение…

Подобно многим другим великим стратегам, Берт пришел к заключению, что его багаж, то есть жестянка с мясными консервами, лишь мешает ему маневрировать. В конце концов он решил вынуть мясо из жестянки, набив им свои карманы. Конечно, это не было идеальным решением вопроса, но ведь надо же терпеть во время войны!

Берт прополз около десяти метров и остановился, раздумывая. Кругом было тихо. Только непрерывный шум водопада нарушал тишину. Берту вдруг вспомнилось, что у него теперь лишь одна цель — смерть двух людей, таких же, как он сам… Но ведь они тоже предпринимают все возможное, чтобы настичь и убить его! Что-то они делают теперь, среди этой тишины? Что, если бы он внезапно появился перед ними, выстрелил и… промахнулся?

10

Берт двигался ползком, останавливаясь и прислушиваясь. Так продолжалось весь день, до наступления ночи. По всей вероятности, и немецкий Наполеон со своим адъютантом поступали точно так же. Их стратегические движения на поверхности Козьего острова, вероятно, можно было бы изобразить красными и синими линиями, перекрещивающимися в разных местах. И тем не менее они ни разу не встретились друг с другом и не видели друг друга в течение всего этого дня. Берт не знал, были ли они от него далеко или близко. Ночь застала его бодрствующим вблизи американского водопада и изнывающим от жажды. У Берта возникла мысль, что его

враги, быть может, скрываются среди обломков корабля, в его каютах, стиснутых между скалами, против Зеленого острова. Тогда он вдруг стал предприимчивым, перестал прятаться и прошел через маленький мостик, перекинутый между скалами… Но никого не нашел.

Это был первый визит Берта к обломкам воздушного корабля, и он с любопытством рассматривал их при сумеречном освещении. Он увидел, что передняя каюта почти сохранилась: ее дверь была наклонена, и один угол ее находился в воде. Он влез туда, напился воды, и вдруг в голове его мелькнула блестящая мысль: закрыть дверь и выспаться…

Однако спать он не мог. Он задремал лишь под утро и скоро, когда стало светло, проснулся. Позавтракал мясными консервами, запил их водой. Посидев некоторое время спокойно и насладившись безопасностью своего нового положения, он наконец вскочил и решил: пора стать предприимчивым и смелым! Ему надоело ползать, и он вышел из каюты, держа ружье наготове и даже не стараясь идти тихо. Он обошел сначала лавочку, но не нашел там никого; затем пробрался через рощу к аэроплану. Тут он увидел: офицер сидел, прислонившись спиной к дереву, и мирно спал.

Голова его наклонилась к сложенным рукам, и повязка сползла, закрыв один глаз.

Берт внезапно остановился в нескольких шагах от спящего. Где же принц? Но тут он заметил, что по другую сторону дерева высовывается чье-то плечо. Тогда Берт сделал несколько осторожных шагов влево и увидел «великого человека»; он стоял, опираясь о ствол дерева, держа в одной руке револьвер, в другой — шпагу, и зевал, зевал!.. Но разве можно стрелять в зевающего человека? Берт поднял ружье и пошел прямо на него. У него мелькнула мысль — уж не крикнуть ли ему: «Руки вверх!» Однако принц раньше заметил Берта. Он сразу перестал зевать, захлопнул челюсти, словно крышку западни, и несколько минут стоял сурово и неподвижно. Берт также не двигался, и они молча созерцали друг друга…

Если бы принц был благоразумным человеком, он бы скрылся за деревом. Вместо этого он крикнул и поднял револьвер и шпагу. Тогда Берт машинально спустил курок.

Это был его первый опыт с кислородными патронами. Из туловища принца вырвалось громадное пламя, озарив все кругом ослепительным светом; затем раздался звук, точно от ружейного выстрела, и что-то горячее и мокрое брызнуло в

лицо Берта. Сквозь дым и пар, которыми все заволокло, Берт все-таки различил, как мелькнули в воздухе человеческие руки и ноги, и разорванное на куски тело рухнуло на землю…

Берт был так поражен случившимся, что какое-то время стоял, разинув рот, и адъютант принца мог заколоть его шпагой без всякой борьбы. Но вместо этого офицер бросился бежать сквозь чащу. Очнувшись, Берт пустился за ним вдогонку. Но он не в состоянии был больше убивать, и поэтому вскоре вернулся назад к той бесформенной, истерзанной массе, которая еще так недавно была великим принцем Карлом-Альбертом! Берт осмотрел опаленную и исковерканную растительность вокруг и поднял с земли еще горячий револьвер: патронный магазин револьвера взорвался. Берт продвигался с большой осторожностью — и вдруг остолбенел: котенок! Это его взволновало. Это существо не должно было видеть такие ужасные сцены!..

— Иди сюда, киска! — позвал он котенка. — Тут тебе не место!

В три шага он перескочил место происшествия и поймал котенка. Усадив его на плечи, он отправился в лавочку.

— Ты, кажется, не понимаешь, что случилось, —

сказал он мурлыкавшему котенку.

Порывшись около лавочки, Берт наконец нашел остатки провизии, спрятанные в скале.

— Как все это печально! — сказал он, наливая котенку молока. — Три человека, очутившись вместе в такой дыре, не в состоянии были работать совместно! Но он и его принц были слишком уж важны… Какая странная штука жизнь! Вот я, например, слышал его имя, видел изображение, когда еще был мальчишкой. Принц Карл-Альберт! Если бы кто-нибудь предсказал мне, что я разнесу его на куски, разве я поверил бы этому, киска? А этот другой? Уж не знаю, что мне с ним делать!

Зорко осмотрев окружающие деревья, Берт прислонил ружье к колену и снова обратился к котенку:

— Мне не по нутру это убийство, киска. Курт называл это кровопусканием… Когда я был еще очень юн, мне казалось, что это нужно… А теперь этот другой парень рыщет по лесу. У него ранена голова и, кажется, что-то случилось с ногой. И весь обожжен… Всего только три недели назад я в первый раз увидел его. Он был такой франтоватый, руки у него были полны всяких щеточек, и он бранил меня. Он был тогда настоящим

джентльменом, а теперь становится полудикарем… Однако, что же мне делать с ним? Не могу же я предоставить ему этот аэроплан, — это было бы слишком великодушно. Но если я не убью его, то он останется на острове и умрет с голоду… Впрочем, у него есть оружие — шпага!

Закурив папироску, Берт пустился философствовать:

— Скверная штука — война, киска! — бормотал он. — Мы, простые люди, были дураками! Мы привыкли думать, что высшие знают, что творят, но это не так… Вот этот принц, например! За ним стояла вся Германия, а что он сделал с ней? Он втянул ее в братоубийственную войну, все разрушил и уничтожил. И вот к чему это привело. Теперь он сам представляет ужасную окровавленную массу! Принц Карл-Альберт! И все люди, которые были с ним на воздушных кораблях и «Летающих драконах», — где они? Развеяны, точно клочки бумаги, между этой ямой и Германией. И битвы продолжаются, продолжаются пожары и избиения, и война, начатая им, — война без конца… Думаю, мне придется все же убить этого парня. Я буду вынужден сделать это… Но разве это то, о чем я мечтал? Как ты думаешь, киска? — обратился он к котенку.

Берту недолго пришлось бродить по острову в поисках раненого офицера. Но когда Берт увидел в кустах согнутую, забинтованную фигуру немца, удиравшего от него во все лопатки, к нему вернулась его природная мягкость: он не мог больше ни стрелять, ни преследовать его.

«Я не в состоянии больше убивать, — сказал он себе. — Я потерял всякий вкус к этому. Пускай себе удирает!»

И Берт направился к летательному аппарату.

Он больше не видел офицера и не обнаружил ни малейших признаков его присутствия на острове. Вечером к Берту вернулась боязнь засады, он обыскал все кусты, бродя по острову битый час. Но ничего подозрительного не нашел. Тогда он залез на скалу над канадским водопадом и, заняв хорошую оборонительную позицию, заснул. Ночью он проснулся в паническом страхе и выстрелил. Но никого не было… Тем не менее он уж не мог больше спать.

Утром он вдруг стал тревожиться за судьбу исчезнувшего бесследно офицера и начал его разыскивать, точно пропавшего брата… «Если б только я умел говорить по-немецки! — думал он, вздыхая. — Тогда бы я действовал смелее. Ведь многое происходит от незнания немецкого языка.

Никак не договоришься!»

Позднее Берт обнаружил следы попытки перебраться через провалившийся мост. Веревка с привязанным на конце болтом была перекинута на другую сторону и запуталась в выступавшем куске перил. Другой конец болтался в бурлящей воде, под мостом…

А немецкий офицер с птичьим лицом в это время уже кружился в водовороте, за три с половиной километра оттуда, вместе с разными другими предметами, которые некогда были лейтенантом Куртом, китайским аэронавтом, коровой: там собралось разношерстное общество. Никогда еще в этих водах не скапливалось столько обломков, — странных и печальных остатков войны! Кружась в водовороте, они уносились дальше, но каждый день приносил новую дань: погибших животных, обломки лодок, летательных аппаратов и огромное количество мертвых тел из городов, расположенных по берегам больших озер, и главным образом из Кливленда. Все это собралось здесь и без конца кружилось, привлекая к себе стаи хищных птиц, чуявших богатую добычу…

Глава X. Мир во время войны

1

Берт провел еще два дня на Козьем острове и прикончил все запасы, за исключением папирос и минеральной воды, и тогда наконец решился испытать азиатский аэроплан.

Впрочем, Берт не полетел на нем, а вернее, был подхвачен аэропланом и унесен. Конечно, не так много времени потребовалось на то, чтобы заменить сломанные крылья целыми, взятыми от другого аэроплана, и поставить на прежнее место гайки, которые сам же Берт снял. Устройство машины было весьма простое и мало отличалось от обыкновенного мотоцикла. Но остальное время Берт провел в размышлениях и колебаниях. Большей частью он представлял, что падает в бурлящий поток и кружится в водопаде, а водопад уносит его… Иногда чудилось, что он безостановочно летит в воздухе и не может опуститься на землю. Берт был так поглощен мыслями о полете, что совершенно не думал об остальном: что, например, могло ожидать такого парня, как он, если бы он, без всякого удостовере-

ния личности, появился на азиатском аэроплане, среди населения, разъяренного войной?..

Берт еще вспоминал немецкого офицера. Ему казалось, что тот лежит где-нибудь, тяжело раненный, в глухом уголке или расселине на острове. И только после долгих и тщательных розысков Берт наконец перестал мучиться над вопросом: «А если я найду его, что мне делать с ним? Нельзя же убивать раненого! А между тем, как помочь ему?»

Высоко развитое чувство социальной ответственности заставляло Берта заботиться также о котенке. «Если я оставлю его, то ведь он здесь погибнет с голода? Впрочем, он должен искать для себя мышей… Но есть ли тут мыши? Он мог бы ловить птиц… Но он слишком мал для этого, и притом он — вроде меня, чересчур уж культурен».

В конце концов Берт засунул котенка в свой карман, где тот занялся остатками мяса, которые нашел там.

С котенком в кармане Берт уселся в сиденье летательного аппарата.

Это была огромная, неуклюжая машина, непохожая на велосипед, но пустить ее в ход было нетрудно. Берт решил попробовать. Сперва на-

до завести мотор… так! Потом поднять ноги и установить вертикально колесо… так! Потом привести в движение гироскоп… так! И затем, затем… повернуть вот этот рычаг…

Сначала сделать это было трудно, потом рычаг неожиданно поддался… Огромные крылья с каждой стороны начали хлопать, и машина стала двигаться прямо к воде. Берт испугался и хотел остановить ее, повертывая рычаг, чтобы тот снова принял исходное положение. И вдруг аэроплан начал подниматься. Остановить аппарат было уже нельзя, да и опасно: колеса поднялись над водой. В следующий момент Берт, бледный как полотно, судорожно держась и стараясь сохранить равновесие, пролетел над порогами, подпрыгивая при каждом ударе крыльев и все поднимаясь и поднимаясь…

Нельзя было сравнить эту летательную машину с воздушным шаром в отношении спокойствия и плавности полета. Воздушный шар, за исключением моментов спуска, был чрезвычайно удобным экипажем, тогда как этот летательный аппарат, точно упрямый ишак, делал огромные прыжки. К тому же он все поднимался и поднимался, и с каждым ударом крыльев Берт подскакивал вверх и потом снова опускался на

место. На воздушном шаре не ощущается ветра: шар двигается вместе с ветром. А теперь ветер с такой силой обдувал Берта, что он едва мог смотреть, а иногда вынужден был даже закрывать глаза. Берт весь скорчился и обхватил ногами сиденье, иначе ему не удалось бы удержаться. Он поднимался все выше, на сто, двести, триста метров над бурлящим внизу потоком. Это было хорошо. Но когда же, наконец, он полетит горизонтально? Берт попробовал представить себе, как этот аппарат помчится горизонтально. Напрасно! Крылья двигаются лишь вверх и вниз. Как бы удержать взмахи крыльев вверх? Из глаз Берта лились слезы, и он вытер их, храбро освободив одну руку. Что лучше: падение в воду или на землю?..

Он пролетел над верхними порогами, по направлению к Буффало. Во всяком случае, приятно было одно: водопады и яростное кипение воды оставались уже позади. Он летел прямо вверх, — это было совершенно очевидно…

Хладнокровие вернулось к Берту, да и глаза у него попривыкли к ветру, но он летел высоко, очень высоко. Он вытянул голову немного вперед и смотрел на мелькавшую внизу страну. Он видел теперь все Буффало: три огромные почер-

невшие массы развалин, затем холмы и дороги. Берт не знал, как высоко он находится над этой местностью. Он различал людей возле домов железнодорожной станции между Ниагарой и Буффало. Затем люди стали попадаться все чаще и чаще. Они, точно муравьи, копошились около своих жилищ. Берт заметил также два автомобиля, ехавшие по дороге к Ниагаре. Потом, далеко к югу, он увидел большой азиатский воздушный корабль, мчавшийся к востоку…

Берт вздохнул и с огорчением подумал о своих бесплодных попытках управлять аэропланом. Но воздушный корабль не обратил на него никакого внимания…

Аэроплан продолжал подниматься, и земная поверхность внизу начала все более и более походить на географическую карту. «Клик-клок, клик-клок», — постукивал мотор. Над Бертом и очень близко от него проходил сероватый слой облаков.

Берт решил наконец во что бы то ни стало повернуть рычаг. Ему удалось это после некоторых усилий, и тотчас же хвост аэроплана поднялся, а крылья растянулись неподвижно. Наступила тишина и спокойствие. Берт быстро скользнул вниз против ветра, дувшего ему в лицо с необычайной

силой: пришлось зажмурить глаза.

Маленький рычаг, повертывавшийся с таким трудом, вдруг стал необыкновенно подвижным. Берт осторожно повернул его вправо… и что же? Левое крыло странным образом опустилось, и аэроплан начал скользить вниз, описывая широкую спираль в воздухе. В течение нескольких мгновений у Берта было ощущение приближавшейся катастрофы. Но ему удалось установить рычаг в прежнее положение и уравновесить крылья.

Он попробовал повернуть налево, но вместо этого аэроплан начал описывать круги.

— Это уже слишком! — сказал он.

Теперь Берт видел, что он сломя голову летит вниз между железнодорожной линией и фабричными строениями. Они как будто рвались ему навстречу, чтобы поглотить его. Он падал с огромной высоты. Одно мгновение он испытал ощущение велосипедиста, который быстро мчится под гору. Земля чуть не захватила его врасплох. Но он напряг все свои силы и снова пустил в ход машину. Аэроплан замахал крыльями и опять начал, дрожа и подпрыгивая, волнообразно подниматься в воздухе.

Берт поднялся довольно высоко, и глазам его

представилась красивая местность на западе штата Нью-Йорк. Затем аэроплан опять начал скользить вниз, потом опять поднялся. На высоте пятьсот метров аэроплан летел над какой-то деревней, и Берт увидел бежавших в разные стороны людей. Очевидно, это имело какое-нибудь отношение к аэроплану Берта, и у него мелькнула мысль, что в него могут стрелять.

— Вверх! — он повернул рычаг.

Движение не потребовало никаких усилий. Но вдруг крылья перестали действовать. Машина остановилась… Берт почти инстинктивно повернул рычаг назад. Что же теперь?..

Все это случилось в течение нескольких секунд, однако мысль Берта работала в этот момент очень быстро. Он понял, что подняться не может и скользит вниз. Он налетит на что-нибудь…

Так он летел со скоростью двадцать километров в час — все ниже и ниже…

Вот заросли лиственниц. Издали эта растительность походила на нежный и мягкий мох…

Нельзя ли спуститься здесь? Берт попробовал управлять рулем… Раздался треск. Аэроплан промчался над верхушками деревьев, вдавился в самую гущу зеленых листьев и черных веток — и вдруг остановился. Берт чуть не полетел вниз

головой. Несколько веток больно хлестнули его по лицу…

Он застрял между стволом дерева и сиденьем. Одна нога запуталась в рычаге, но он был цел и невредим. Пробуя изменить свое положение и освободить ногу, Берт начал скользить вниз, между ветвями, которые словно расступились перед ним. Цепляясь за ветки, он спустился на нижние суки дерева, на котором повисла его летательная машина… Воздух благоухал приятным смолистым запахом.

Некоторое время Берт просидел неподвижно, потом снова стал опускаться с ветки на ветку, пока не соскочил на мягкую, покрытую зелеными иглами почву.

— Чудесно! — проговорил он, посматривая вверх на изогнутые крылья аэроплана. — Я спустился благополучно! — Он потер подбородок и на мгновение задумался. — Право, я необыкновенный счастливчик! — сказал он. Вдруг Берт почувствовал, что кто-то шевелится у него под боком. — Бог мой! Как это ты уцелел? — воскликнул он, вытаскивая из кармана котенка, завернутого в носовой платок.

Котенок был придавлен в кармане; очутившись опять на свободе, он страшно обрадовался.

Маленький красный язычок торчал между зубами. Берт опустил котенка на землю. Котенок несколько раз встряхнулся и побежал, а потом уселся и начал умываться.

Берт с удовольствием поглядывал на него. Потом вдруг хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Какой я дурак! Надо было взять ружье!

Он прислонил это ружье к дереву, когда садился в летательную машину, и ружье так и осталось там.

В первую минуту Берт был поражен необычайной тишиной, стоявшей вокруг, но потом сообразил, в чем дело: больше не было слышно шума водопада…

2

Берт не имел ясного представления о том, с кем ему придется иметь дело в этой стране. Он знал, что это — Америка. Он всегда считал американцев гражданами великого могущественного государства, знал, что они грубоваты и склонны к юмору, легко прибегают к помощи ножа и револьвера и говорят немного в нос. Он знал также, что они очень богаты, любят сидеть в качалках и поднимать необыкновенно высоко ноги; что они жуют очень усердно табак, камедь и другие пред-

меты. К американцам относятся также ковбои, краснокожие индейцы и черные почтительные негры. Все эти сведения Берт почерпнул из романов, которые брал в общественной библиотеке. Сверх этого он знал о них очень мало. Но он нисколько не был изумлен, когда наткнулся на вооруженных людей.

Покинув изломанную летательную машину, Берт некоторое время бродил между деревьями, а затем наткнулся на дорогу, которая показалась ему, как англичанину, замечательно широкой, но недостаточно хорошо сделанной. Она ничем не отделялась от леса — ни канавой, ни изгородью — и тянулась длинной извилистой лентой, как широкий свободный путь, открытый для всех.

Берт встретил на дороге человека с ружьем в руках. На человеке были надеты синяя рубашка, мягкая черная шляпа и черные штаны. Его широкое, жирное лицо носило отпечаток невинного добродушия. Человек искоса посмотрел на Берта и, видимо, был сильно поражен, когда Берт заговорил с ним.

— Можете вы мне сказать, где я нахожусь? — спросил его Берт.

Человек со зловещей подозрительностью огля-

дывал Берта, в особенности его резиновые сапоги, и затем ответил ему на каком-то странном языке, — вероятно, чешском. Заметив удивленное лицо Берта, он вдруг закончил свою речь словами:

— Не говорю по-английски!

— О! — воскликнул Берт. На мгновение он задумался, потом пошел своей дорогой.

«Благодарю покорно», — прибавил он мысленно.

Человек поглядел ему вслед. Очевидно, у него блеснула какая-то мысль, потому что он сделал неопределенное движение, но вдруг остановился, вздохнул и поплелся дальше с унылым видом.

Скоро между деревьями показалось большое деревянное строение. Оно имело вид огромного черного пустого ящика. Ни одно вьющееся растение не украшало его стен, и оно не было отделено от леса ни изгородью, ни забором.

Берт остановился в тридцати шагах от ступенек, которые вели к двери. Место представлялось совершенно пустынным. Он хотел подойти к двери и постучать, как вдруг увидел большую черную собаку, которая смотрела на него. Какой она была породы, Берт не мог определить. Челюсти у нее были огромные, а на шее виднелся

ошейник, утыканный шипами. Но она не залаяла на Берта, а лишь издала звук, похожий на кашель. Берт вернулся на дорогу.

— Что ж, собака поступает правильно, она стережет хозяйские вещи, — пробормотал он.

Тем не менее ему было неприятно. Он бы вернулся, если б не эта черная собака.

Когда дом и собака исчезли из виду, Берт вошел в лес по другую сторону дороги и вскоре вылез оттуда с толстой дубинкой в руках, которую срезал для себя карманным ножом. По дороге Берт заметил еще несколько деревянных домов с верандами, плохо выкрашенными в белый цвет. Позади, сквозь деревья, он видел свиной хлев и черную свинью с семейством, копавшуюся в земле. Какая-то женщина с черными глазами и распущенными волосами, довольно дикого вида, сидела на ступеньках одного из домов и кормила ребенка. Но при виде Берта она тотчас встала, вошла в дом, и он слышал, как она закрыла дверь на засов. Затем возле свиного хлева появился мальчик, но он не понял слов Берта.

— Полагаю, что это — Америка? — спросил его Берт; однако ответа не получил.

Дома стали попадаться все чаще и чаще. Берт встретил на дороге еще двух человек, очень гряз-

ного и мрачного вида, но он уже и не заговаривал с ними. Один из них нес ружье, другой — топор, они окинули Берта и его палку весьма недоброжелательным взглядом. Берт дошел до перекрестка; тут большую дорогу пересекла другая, по бокам которой тянулись однорельсовые пути, а на углу висела надпись: «Ждите здесь вагонов».

«Недурно, — сказал сам себе Берт, — но я хотел бы знать, сколько времени мне еще придется странствовать?»

Ему пришло в голову, что при теперешнем расстройстве государственных дел пути сообщения могут и не работать. Берт заметил, что с правой стороны попадается больше домов, и перешел на эту сторону.

Немного погодя он увидел старика-негра.

— Алло! — крикнул ему Берт. — Здравствуйте!

— Здравствуйте, сэр! — отвечал старик густым, звучным голосом.

— Что это за место? — спросил Берт.

— Танода, — отвечал старик.

— Благодарю вас, — сказал Берт.

Негр повторил:

— Благодарю вас, сэр.

Дома, которые шли вдоль дороги, были все того же типа: деревянные и без ограды, отмеченные

лишь эмалированными дощечками с различными надписями, частью на английском языке, частью на языке эсперанто. Затем Берт увидел дом, который принял за лавку зеленщика. Это был первый дом, двери которого были гостеприимно раскрыты, и оттуда доносились какие-то знакомые, привычные звуки.

«Боже мой! — подумал Берт и начал поспешно рыться в своих карманах. — Ведь я совсем не нуждался в деньгах эти три недели. Даже забыл о них. Не завалялось ли у меня хоть сколько-нибудь? Грабб держал при себе почти все наши сбережения… А!..» — и Берт с торжеством вытащил из кармана несколько монет: три пенни, шесть пенсов и один шиллинг.

— Прекрасно! — сказал Берт.

Но он совсем не принял во внимание одного весьма важного обстоятельства…

Он подошел к открытой двери. Тотчас же на пороге показался плотный седой человек в жилете и подозрительно оглядел Берта и дубинку, которую тот держал в руках.

— Здравствуйте! — сказал ему Берт. — Могу я здесь что-нибудь поесть или выпить?

Человек, стоящий в дверях, отвечал Берту, к великой его радости, языком истого американца:

— Можете.

Это было произнесено ободряющим тоном.

Лавка, куда хозяин ввел Берта, показалась ему очень просторной и светлой. Слева находился длинный прилавок с ящиками. Позади прилавка лежали разнообразные товары, а справа стояли столики и стулья, две плевательницы и несколько бочонков. На видном месте лежали сыр и копченая свинина. Небольшая группа людей сидела около столиков, а женщина, лет тридцати пяти, стояла, облокотившись на прилавок. Все мужчины были вооружены карабинами, и дуло ружья выглядывало из-за прилавка. Все лениво, будто нехотя, слушали дешевый граммофон, стоявший на столе. Из горла граммофона вырывались звуки, от которых у Берта пробудилась тоска по родине; в памяти его воскрес залитый солнцем берег, гурьба детей, выкрашенные в красную краску велосипеды, Грабб и приближающийся воздушный шар…

Тинга-линга, тинга-линга, тинга-линга-танг,

Почем нынче шпильки?

Когда Берт вошел, какой-то человек с толстым затылком, в соломенной шляпе, что-то жевав-

ший, остановил пальцем граммофон, и все взоры обратились на Берта. Вид у всех был весьма утомленный.

— А что, матушка, можем мы дать этому джентльмену что-нибудь поесть? — спросил хозяин лавки, указывая на Берта.

— Он может получить все, что пожелает, начиная с морских сухарей и кончая настоящим обедом, — ответила женщина, зевая во весь рот, как человек, который не спал всю ночь.

— Я хотел бы получить обед, — отвечал Берт, — но только денег у меня, к сожалению, немного. Я хотел бы получить обед не дороже шиллинга.

— Не дороже чего? — резко переспросил хозяин лавки.

— Не дороже шиллинга, — повторил Берт, и в уме у него мелькнула неприятная догадка.

— Да? — проговорил хозяин. — Но, черт возьми, что же это за монета — шиллинг?

Берт, стараясь скрыть свое смущение, показал монету.

— Вот шиллинг, — сказал он.

— Он говорит не так, как мы все, и хочет получить обед за эту самую штуку — за шиллинг, — заметил хозяин. — Могу я вас спросить, сэр, из какой части Америки вы сюда явились?

Берт снова положил шиллинг в свой карман и сказал:

— Из Ниагары.

— А когда вы покинули Ниагару?

— Около часа назад…

— Вот как! — произнес хозяин и взглянул на присутствовавших с недоумевающей улыбкой.

Все набросились на Берта с расспросами. Берт не мог сразу ответить всем и только сказал:

— Видите ли, я был с немецким воздушным флотом. Я попал к ним случайно… Они схватили меня и доставили сюда…

— Из Англии?

— Да, из Англии. По пути из Германии. Я присутствовал при великом сражении с азиатами и был брошен на маленьком острове между водопадами…

— На Козьем острове?

— Я не знаю, как его называют. Но дело в том, что я нашел там летательный аппарат и полетел на нем. И вот я здесь!

Двое мужчин недоверчиво посмотрели на него и спросили:

— А где же летательная машина?

— Она там, в лесу, с километр отсюда.

— Хорошо, — сказал какой-то человек со шра-

мом на лице.

— Я чуть не разбился вдребезги…

Все окружили Берта и заговорили разом, выражая желание пойти с ним сейчас же — взглянуть на летательную машину.

— Послушайте, — сказал Берт. — Я покажу вам эту машину, только… я ведь ничего не ел со вчерашнего дня… я только пил минеральную воду…

Сухощавый молодой человек солдатского вида, с длинными, тонкими ногами в гетрах и с ремнем через плечо, до сих пор молчавший, вмешался теперь и авторитетным тоном заявил:

— Это правда! Дайте ему поесть, мистер Логан. Я заплачу. Я желаю выслушать его рассказ. Мы потом пойдем посмотреть его машину. По моему мнению, случай, который привел сюда этого джентльмена, в высшей степени замечателен. Я предлагаю взять эту летательную машину, если мы найдем ее, и воспользоваться ей для местной обороны…

3

Берт уселся за стол и, поедая холодное мясо с хорошим хлебом и горчицей и запивая очень хорошим пивом, излагал в общих чертах историю своих приключений. Те неточности и неверно-

сти, которые встречались в ней, были абсолютно в порядке вещей, если вспомнить, к какому сорту людей принадлежал Берт. Берт рассказал, что он и «один джентльмен», его приятель, отправились на морской берег для «здоровья», как вдруг явился какой-то субъект на воздушном шаре, вывалился оттуда, а сам Берт упал в корзину шара, и его понесло во Франконию. Там немцы, видимо, приняв его за другого, «захватили его в плен» и доставили в Нью-Йорк, откуда он попал в Лабрадор, а из Лабрадора на Ниагару и Козий остров, где оказался один-одинешенек. В своем рассказе Берт совершенно пропустил историю с принцем и Беттериджем, не столько вследствие прямой недобросовестности, сколько вследствие опасения, что он не сумеет это рассказать как следует. Он хотел, чтобы все, что он рассказывал, носило вполне правдоподобный, естественный и корректный характер и могло внушить полное доверие к нему, как к англичанину среднего круга, которому без всякого опасения можно предложить кров и пищу.

Когда Берт начал повествование о сражениях в Нью-Йорке и Ниагаре, слушатели тотчас же вытащили откуда-то газеты и, разложив их на столе, принялись забрасывать его вопросами,

поминутно прерывая его рассказ. Берт увидел, что его появление вновь возбудило прежние горячие споры, которые ранее прекратились только потому, что заиграл граммофон. Но теперь спор возобновился с новой силой, и все повскакали со своих мест с ружьями в руках, обсуждая единственную важную в данный момент тему — войну и ее методы…

Берт заметил, что он сам и его личные приключения совершенно отступили на задний план и что он является теперь только источником, откуда они могут почерпнуть некоторые сведения. Повседневные занятия, покупка и продажа предметов первой необходимости, возделывание земли, забота о скоте — все это продолжалось по инерции, как продолжается обычная жизнь в доме, хозяин которого лежит под ножом хирурга. Весь интерес сосредоточился теперь на огромных азиатских воздушных кораблях, которые постоянно рыскали по небу, исполняя какие-то бесчисленные поручения; все разговоры были лишь о солдатах в ярко-красной одежде, прилетавших сюда, чтобы запастись керосином, съестными припасами или узнать новости.

Все интересовались вопросом, который занимал сейчас умы всего американского материка:

«Что нам делать? Что мы можем предпринять? Как добраться до неприятеля?»

И Берт, захваченный общим настроением, перестал занимать центральное и независимое место даже в его собственных мыслях…

Насытившись и утолив жажду, он с наслаждением закурил папиросу, которую ему дали, и, похвалив угощение, повел публику к летательной машине, оставшейся там, среди лиственниц. Сухопарый молодой человек, которого звали Лорье, по-видимому, был предводителем как по своему положению, так и по своим природным качествам. Он знал всех по имени, знал способности каждого. Он сразу заставил всех приняться за работу, чтобы благополучно спустить на землю летательную машину и сохранить это драгоценное орудие войны. При этом пришлось, конечно, срубить несколько деревьев. Положив машину на землю, соорудили над ней широкий навес из ветвей и стволов, чтобы эта находка случайно не попалась на глаза пролетавшим мимо японцам и китайцам. Еще до наступления вечера раздобыли из соседнего города механика, который тотчас же принялся за работу. Пришлось даже бросить жребий, кто из семнадцати желающих первым совершит полет на этом аппарате…

Возле аэроплана Берт отыскал котенка и отнес его мистрис Логан с просьбой взять его на свое попечение. Тут Берт понял, что и он, и его киска нашли у мистрис Логан доброе сердце…

Лорье был не только богатый человек. Берт с ужасом узнал, что Лорье — президент «Каннинг-корпорации в Таноде», человек весьма популярный, умеющий справляться с народом.

Вечером целая толпа собралась в лавке и толковала о летательной машине и о войне, которая разрывает мир в клочья. Приехал неизвестный велосипедист и привез плохо отпечатанный листок газеты, который подействовал точно масло, подлитое в огонь. В этом листке сообщались все американские новости. Прежние кабели уже почти вышли из употребления за последние годы и были заменены беспроволочным телеграфом, станции которого были рассеяны вдоль берегов Атлантического океана. Они-то и сообщали наиболее выдающиеся эпизоды войны.

Берт совсем отошел на задний план (к этому времени Берта уже успели раскусить) и сидел, слушая новости с театра войны. Перед глазами проносились странные картины: небывалый кризис, страшные опустошения, голод, погибшие материки…

И снова, несмотря на все усилия отогнать от себя эти образы, Берт видел среди общего хаоса окровавленную, бесформенную массу, оставшуюся от разорванного пулей принца; видел мертвого китайского аэронавта, висящего вверх ногами; видел хромающего и забинтованного немецкого офицера, одинокого, в отчаянии ищущего спасения в бегстве…

Толковали о пожарах и избиениях, о жестокостях той и другой стороны; о жестокостях обезумевших масс по отношению к мирным, ни в чем не повинным азиатам; о сгоревших и разрушенных городах, железнодорожных узловых станциях, мостах; о том, как бежало и пряталось население целых областей.

— Все суда, какие только у них есть, находятся теперь в Тихом океане! — воскликнул какой-то человек. — С начала войны они высадили не меньше миллиона людей на тихоокеанский берег. Они явились сюда, чтобы остаться в этих штатах, и останутся в них — живые или мертвые.

Мало-помалу в уме Берта с неотразимой силой пробуждалось сознание того, что человечество переживает великую трагедию, в которую замешана и его собственная жизнь. Берт начал

понимать, что для всего мира наступает ужасная эпоха, что пришел конец привычному порядку вещей. Весь мир охвачен войной и не может уже вернуться к мирному положению.

Берт думал, что то, чему он сам был свидетелем, носило исключительный характер и имело решающее значение. Осада Нью-Йорка и сражение в Атлантическом океане для Берта были событиями, делавшими эпоху среди долгих лет спокойствия. А между тем эти события явились лишь первыми предостерегающими признаками грядущих катастроф. Опустошения, ненависть и бедствия возрастали с каждым днем, пропасть между людьми увеличивалась, достижения цивилизации рушились и погибали. На земле, внизу, вырастали армии и погибал народ; вверху, в небе, сражались воздушные флотилии, приносившие опустошения…

Читателю, обладающему широкими взглядами, трудно понять то состояние умов, которое наступило тогда. Людям, которые жили в ту эпоху и которых непосредственно коснулся мировой переворот, — падение культуры, гибель века науки и техники казались просто невероятными. Прогресс до сих пор победоносно шествовал по Земле непрерывно в течение трехсот лет. Пульс

европейской цивилизации все ускорялся. Города множились, население их возрастало, ценности увеличивались, открывались новые страны; мысль, литература, знания развивались и распространялись. Вместе с тем и орудия войны с каждым годом становились все обширнее и могущественнее: армии и взрывчатые вещества в своем развитии обгоняли все остальное…

Триста лет кровь приливала к сердцу культуры, затем быстро и неожиданно отхлынула — как будто это сердце сжали в кулак. Сначала этого никто не понял. Никто не смотрел на это иначе, как на временную приостановку мирного прогресса. Гибель всего казалась невероятной, и люди погибали, уничтоженные каким-либо взрывом, все-таки не веря в конец культуры…

Те, которых Берт нашел в лавке, представляли лишь крошечную уединенную группу, уцелевшую среди всеобщего разрушения. Они придумывали разные мелкие мероприятия. Главной их целью являлась защита против азиатских аэронавтов, прилетавших, чтобы захватить керосин или оружие и разрушить пути сообщения. Для защиты железнодорожного подвижного состава везде были выставлены караулы, сменявшиеся днем и ночью, так как все лелеяли

надежду, что железнодорожное сообщение скоро восстановится. В стране по-прежнему шла тихая, мирная жизнь.

Какой-то человек, говоривший слабым голосом, обнаружил большой опыт и знание дела. Он знал недостатки немецких «Летающих драконов» и американских аэропланов, знал также преимущества японских летательных машин.

Затем он пустился в романтическое описание машины Беттериджа и привлек этим внимание Берта.

— Я видел ее, — сказал Берт и вдруг замолчал, пораженный новой мыслью.

Но человек со слабым голосом продолжал свой рассказ, не обращая внимания на Берта, и говорил о странной судьбе и о смерти Беттериджа. Берт почувствовал некоторое облегчение при последних словах. Значит, он больше никогда не встретится с Беттериджем! Видимо, Беттеридж умер совершенно внезапно.

— И его секрет, сэр, погиб вместе с ним, — прибавил рассказчик. — Когда хотели собрать машину, то не нашли ее частей. Он их припрятал слишком хорошо…

— Но неужели он не мог сказать перед смертью, где они находятся? — спросил мужчина в соло-

менной шляпе. — Разве он умер внезапно?

— Сражен был ударом, сэр. Припадок ярости и паралич уложили его на месте. Это случилось в Даймчерче, в Англии.

— Это верно, — сказал Лорье. — Помню, я читал об этом в американской воскресной газете. Там рассказывалось, между прочим, что немецкий шпион похитил его воздушный шар.

— Как бы то ни было, — возразил человек со слабым голосом, — смерть Беттериджа была самым большим несчастьем. Если б не это…

— А разве никто не знает секрета Беттериджа?

— Ни одна душа. Секрет погиб вместе с Беттериджем. Его шар, по-видимому, пропал бесследно в море со всеми его чертежами. Очевидно, он пошел ко дну, и вместе с ним потонули чертежи…

Пауза.

— Если б у нас была такая машина, какую он изобрел, мы могли бы бороться с азиатами на равных условиях. Мы бы летали быстрее этих красных жужжащих пчел, где бы они ни появились, и били бы их, били бы… Но это пропало, и вернуть этого нельзя. Приходится бороться при помощи тех средств, которые есть у нас в руках, и, конечно, перевес не на нашей стороне. Однако это не может удержать нас от борьбы. Нет! Только

подумать об этом!..

Берт вздрогнул. Он откашлялся и проговорил хриплым голосом:

— Послушайте… я…

Никто даже не взглянул на него. Человек со слабым голосом снова завладел нитью разговора.

Берт в возбужденном состоянии вскочил на ноги и начал размахивать руками.

— Послушайте! — воскликнул он. — Мистер Лорье, послушайте!.. Я хочу рассказать про машину Беттериджа…

Лорье, сидевший рядом на столике, величественным жестом остановил разглагольствования человека со слабым голосом и спросил, указывая на Берта:

— Что он такое говорит?

Тут все обратили внимание на Берта, который, задыхаясь, бормотал: «Подождите!» и дрожащими руками начал расстегивать одежду.

Он оторвал воротник, расстегнул жилет и рубашку, затем засунул руку и начал доставать что-то изнутри, точно собираясь вытащить оттуда свою печень. Когда наконец он вытащил наружу то, что хотел, то это оказалось донельзя грязным фланелевым нагрудником. Через несколько минут Берт, полуодетый, стоял уже,

нагнувшись над столом, и раскладывал на нем какие-то бумаги.

— Видите ли, — сказал он, — это чертежи. Вы знаете… машина Беттериджа… того, который умер… А я — тот, который был унесен его шаром!

Несколько секунд все молчали и, остолбенев от изумления, смотрели то на Берта, то на бумаги, разложенные на столе. Никто не двигался.

Наконец человек со слабым голосом снова заговорил:

— Ирония судьбы! — произнес он тоном удовлетворения. — Ужасающая ирония! Как раз теперь мы получаем чертежи, когда уже поздно думать об изготовлении таких машин!

4

Всем, конечно, хотелось снова выслушать историю Берта, но вмешался Лорье, произнесший:

— Не надо, сэр.

Лорье слез со стола, на котором сидел, и одним взмахом сгреб все бумаги, спасая их от объяснительных знаков, которые хотел расставить на этих чертежах человек со слабым голосом.

Лорье протянул чертежи Берту и сказал:

— Спрячьте их туда, где они были. Перед нами еще целый день путешествия.

Берт взял бумаги и спрятал.

— Зачем это? — спросил человек в соломенной шляпе.

— Затем, что мы отправляемся сейчас к президенту нашего штата и передадим ему эти бумаги. Я никак не могу поверить, сэр, что уже поздно!

— А где же президент? — спросил Берт во время наступившего всеобщего молчания.

— Логан! — обратился Лорье к хозяину, не отвечая на вопрос Берта. — Помоги нам!

Через несколько минут Берт и Лорье уже осматривали велосипеды, стоявшие в задней комнате магазина. Берту ни один из велосипедов не понравился. У них были деревянные колеса, а опыт Берта с деревянными колесами в английском климате научил его относиться к ним с недоверием. Впрочем, как этого, так и других возражений Берта Лорье не принял во внимание и настаивал на том, чтобы сейчас же двинуться в путь.

— Но где же президент? — спросил еще раз Берт.

Они стояли позади Логана, накачивавшего воздух в шину. Лорье посмотрел на Берта сверху вниз.

— По имеющимся сведениям, он находится по соседству с Олбани, за Беркшайрскими холма-

ми. Он постоянно переезжает с места на место и организует, насколько возможно, оборону посредством телеграфа и телефона. Азиатский воздушный флот старается отыскать место нахождения президента. Когда азиаты думают, что нашли наконец местопребывание правительства, они начинают метать туда бомбы. Конечно, это создает некоторые неудобства, но, впрочем, до сих пор азиатам еще ни разу не удалось приблизиться к резиденции правительства ближе, чем на пятнадцать километров. Азиатский воздушный флот теперь рыщет над восточными штатами, отыскивая и разрушая газовые мастерские и все, что только может пригодиться для постройки воздушных кораблей и перевозки войск. Наши военные мероприятия идут слишком медленно. Но с этими машинами, сэр… наше выступление займет выдающееся место среди всемирно-исторических походов!

Лорье даже стал в позу при этих словах.

— Мы не попадем к президенту сегодня? — спросил Берт.

— Нет, сэр, — сказал Лорье. — Нам, наверное, придется путешествовать несколько дней.

— Мы не можем воспользоваться железной дорогой или чем-нибудь в этом роде?

— Нет, сэр. Вот уже три дня, как через Таноду не проходил ни один поезд. Ждать не приходится. Постараемся добраться собственными силами.

— Но как? Ведь мы не сможем особенно далеко уехать до наступления ночи?

— Будем ехать, пока не свалимся от усталости. Тогда ляжем спать. Во всяком случае, это будет уже выигрыш. Наш путь лежит к востоку…

Берт хотел что-то сказать, — ему припомнился Козий остров, — но промолчал и начал усердно запрятывать чертежи в свой нагрудник, чтобы они не высовывались из-под жилета.

Эта неделя была полна для Берта самых разнообразных ощущений. Среди последних преобладало чувство усталости в ногах. Берт без остановки ехал позади Лорье. Он видел огромную страну, — гораздо больше Англии, — более высокие холмы, более глубокие долины, обширные поля, широкие дороги и сравнительно малое количество изгородей; видел деревянные строения с удобными площадями вокруг. Он не знал, куда он едет. Лорье расспрашивал, выбирал повороты, сомневался и единолично решал, какого пути следует держаться. Временами, казалось, они уже могли по телефону определить местопребывание президента, потом опять теряли его след. Но они

продолжали ехать. Одна шина ослабла, но Берт не останавливался. У него образовались ссадины от тряски на седле, но Лорье сказал ему, что на это не стоит обращать внимания.

Когда показались азиатские воздушные корабли, оба велосипедиста юркнули за прикрытие и выждали, пока небо не стало чистым. Однажды они увидели красную азиатскую летательную машину. Она спустилась настолько низко, что они могли различить голову аэронавта, который преследовал их целых два километра. Они проезжали через области, подвергнувшиеся полному опустошению и охваченные паникой, где люди боролись из-за пищи. Встречали они и такие места, где шла все та же застоявшаяся, тихая сельская жизнь. Они провели день в разоренном и разрушенном Олбани. Азиаты тут перерезали все проволоки и превратили в груду пепла соединительную ветвь железной дороги. Наши путешественники продвигались все дальше к востоку. Мельком наблюдали они разные эпизоды, и Берт все продолжал нестись на своем велосипеде за неутомимым Лорье…

Разные обстоятельства привлекали внимание Берта по дороге и будили в нем тревожные мысли и вопросы, на которые он не находил ответа.

Он увидел огромный горящий дом с правой стороны дороги, и ни одного человека не было возле этого дома.

Затем они подъехали к узкому железнодорожному мостику и обнаружили поезд однорельсовой железной дороги, стоявший на запасном пути. Это был великолепный поезд-экспресс, последнее слово техники в отношении удобства и роскоши. Пассажиры этого поезда играли в карты, спали, устраивали пикники на близлежащем зеленом холме. Поезд стоял тут уже шесть дней…

В одном месте Берт увидел, что на деревьях возле дороги качаются десять повешенных темнокожих людей. Берт очень удивился: за что это их?..

Наконец остановились в мирной деревушке: надо было исправить шину одного из велосипедов. Там нашли пиво и бисквиты. Очень грязный мальчик подошел и сказал:

— Отец повесил китайца в этом лесу…

— Как повесил китайца? — спросил Лорье.

— Да. Он поймал его, когда он грабил железнодорожные склады…

— О!

— Они взяли с собой патроны. Отец повесил его, а потом ему оторвали ноги. Отец будет так

поступать с каждым китайцем, который попадется ему в руки. Лучше уж им и не показываться здесь. С каждым будет то же самое…

Ни Берт, ни Лорье ничего не возразили этому маленькому джентльмену, который мастерски сплюнул и затем, увидев на дороге двух своих приятелей, громко свистнул и побежал к ним навстречу…

В этот же день наткнулись на полуразложившийся труп убитого человека, лежавший поперек дороги, за Олбани. По всей вероятности, труп лежал тут уже несколько дней…

По ту сторону дороги им повстречался автомобиль с лопнувшей шиной. Молодая женщина сидела совершенно неподвижно на месте шофера. Возле автомобиля на корточках возился старик, тщетно старавшийся что-то исправить, а несколько поодаль, на дороге, спиной к автомобилю, сидел молодой человек, держа ружье между колен и задумчиво глядя в лес. Старик, заметив велосипедистов, вылез из-под автомобиля и, стоя на четвереньках, рассказал Берту и Лорье о своих злоключениях. Автомобиль испортился ночью. Он старался понять, что случилось, но ничего не выходит: ни он, ни его зять ничего не смыслят в механике. Их уверили, что этот

автомобиль очень хороший. Оставаться здесь, в этом месте, опасно. Им уже пришлось отразить одно нападение бродяг. Знают, что у них есть с собой припасы. Старик назвал себя: оказалось — это очень известный финансовый деятель. Не согласятся ли Лорье и Берт помочь ему? Сначала старик предложил им это в уверенности, что они не откажут, затем начал настаивать и наконец умолял их, в ужасе заливаясь слезами.

— Нет! — сказал непоколебимый Лорье. — Мы не можем останавливаться. У нас есть дело поважнее спасения женщины. Мы должны спасти Америку.

Молодая женщина даже не шевельнулась при этих словах.

Однажды они встретили сумасшедшего, который шел по дороге, весело распевая песни.

Наконец они отыскали-таки президента: в маленьком кабачке, в окрестностях местечка Пинкервилль на Гудзоне, и передали ему чертежи машины Беттериджа.

Глава XI. Великое разрушение

1

Культура погибала, распадалась на куски: она словно таяла в горниле войны. Все стадии внезапной и всеобщей гибели финансовой и научно-технической цивилизации, которой открылся двадцатый век, быстро следовали одна за другой, — настолько быстро, что в сокращенном историческом повествовании этого почти невозможно проследить. Только что мир достиг, по-видимому, максимума богатства и благосостояния. Обитатели его, казалось, также пользовались максимумом безопасности. Пусть теперь какой-нибудь вдумчивый мыслитель просмотрит интеллектуальную историю того времени, прочтет уцелевшие остатки тогдашней литературы, обрывки политического ораторского искусства, кое-какие изречения и тому подобное. Если ознакомиться со всеми этими материалами, то бросится в глаза один поразительный факт: над всем господствовала иллюзия безопасности. Но мы сейчас живем в условиях порядка и безопасности, основанных на строго научных данных, и нам ясно, что нет ничего более непрочного и опасного, чем тот социальный строй, который существовал в начале двадцатого века.

Нам сейчас кажется, что любое учреждение и все отношения в то время являлись плодом случайности и что законы создавались каждый раз для какого-нибудь отдельного случая, а не ввиду целого ряда важнейших потребностей. Все обычаи того времени представляются нам нелогичными, а воспитание — бесцельным и разорительным. Метод экономической эксплуатации поражает каждый образованный и просвещенный ум как самая неистовая и разрушительная погоня за наживой, какую только можно себе вообразить. Кредит и денежная система, основанные на ложной теории ценности золота, представляются нам фантастически непрочными.

Жизнь человечества в ту пору проходила в непланомерно построенных городах, большей частью слишком густонаселенных, причем как пути сообщения, так и население распределялись по поверхности Земли в величайшем беспорядке, под влиянием самых неуместных соображений. Но тогда думали, что это и есть наиболее обеспеченная и мудрая система, и, опираясь на триста лет случайных улучшений, все в ответ на чьи-либо сомнения обыкновенно так определяли «достоинства» подобного порядка вещей:

— До сих пор все шло хорошо. Как-нибудь про-

живем!

Однако, сравнивая положение вещей в начале двадцатого века с прежними историческими периодами, мы начинаем понимать слепую уверенность, царившую в эту эпоху. Она явилась неизбежным следствием постоянной удачи. В самом деле, если принять во внимание те условия жизни, то нельзя не признать, что все шло сравнительно гладко. Не будет преувеличением сказать, что в первый раз в истории все народы снабжались более чем в достаточном количестве жизненными припасами, а статистика ясно указывает не только на небывалое улучшение санитарных условий, но и на высокий уровень разного рода искусств, оплодотворявших жизнь. Качество просвещения необычайно улучшилось, и на заре двадцатого века оставалось уже не так много неграмотных народов и в Западной Европе, и в Америке. Никогда не бывало столько читающих среди широких масс! Общественная безопасность тоже увеличилась. Каждый мог объехать три четверти земного шара, совершить кругосветное путешествие, истратив на это менее, чем может заработать в год средней руки ремесленник. Жизненный комфорт во времена Римской империи должен считаться весьма

невысоким, если сравнить его с жизнью в начале двадцатого века. И каждый год, каждый месяц прибавлял что-нибудь новое к завоеваниям человеческого гения: открывались новые страны, новые рудники, делались новые научные открытия, изобретались новые машины.

Действительно, в течение трехсот лет прогресс казался благодетельным для человечества. Правда, находились люди, которые утверждали, что нравственная организация не успевает за физическим прогрессом, но лишь немногие придавали значение такому утверждению. Между тем именно это требование положено в основу нашей теперешней безопасности. Поддерживающие и созидательные силы населения некоторое время уравновешивали вредное влияние удачи и природного невежества, предрассудков, слепой страсти, разорительного эгоизма человечества.

Случайный перевес на стороне прогресса был гораздо менее значительным и бесконечно более сложным и тонким, нежели это предполагали тогда. Во всяком случае, такой перевес существовал на самом деле. Люди, однако, не понимали, что это был для них век огромной, но временной удачи. Они думали, что развитие прогресса идет естественным путем, и за этот путь они не

отвечают. Они не понимали, что им надо было позаботиться об обеспечении данного расцвета, что нельзя было терять времени. Они энергично занимались своими делами и с удивительной беспечностью относились к появившейся грозной стихии… Армии и флоты возрастали, принимая чудовищные размеры. Стоимость некоторых броненосцев равнялась годичному расходу на народное образование. Люди накапливали взрывчатые вещества и другие орудия истребления. Они стремились к укреплению лишь своего господства. Они поощряли, с удивительным непониманием и необдуманностью, расовую вражду и допустили развитие продажной и беспринципной печати, неспособной приносить пользу, но способной причинить огромное зло. Государство никак не контролировало эту печать и самым легкомысленным образом позволяло горючему материалу скапливаться у самых дверей военных складов, так что достаточно было одной искры, чтобы случился пожар. В истории, однако, существовало немало примеров падения культур, и признаки надвигающейся опасности были достаточно ясны. Теперь трудно поверить, что общество тогда было так слепо!..

Могло ли человечество предупредить столь

страшное бедствие, как война в воздухе? Это, конечно, праздный вопрос, — такой же праздный, как и вопрос о том, могло ли человечество предупредить такие события, как падение Ассирии и Вавилона и превращение их в пустыни, или такие, как медленный упадок и постепенная социальная дезорганизация, завершившая историю Западной Римской империи. Предупредить гибель было невозможно, потому что не существовало достаточно сильного желания остановить процесс разложения. Но европеизированный мир не подвергся медленному упадку, как перечисленные культуры, которые угасали и распадались постепенно. Европеизированная цивилизация была снесена в один миг. Она совершенно распалась и разрушилась за пять лет. Почти накануне войны в воздухе можно было наблюдать грандиозное зрелище непрестанного прогресса. Мы находим громадные территории, занятые высокоорганизованной промышленностью и оседлым населением; гигантские города, моря и океаны, покрытые судами; сеть железных дорог, простирающуюся чуть ли не бесконечно… И вдруг немецкий воздушный флот появляется на сцене, и наступает начало конца!..

2

История о том, как молниеносно напал на Нью-Йорк немецкий воздушный флот и как после этого неизбежно наступила дикая оргия разрушения, — уже поведана нами. Второй немецкий воздушный флот уже приготовился к выступлению, когда Англия и Франция, Испания и Италия показали свои когти. Ни одна из этих стран не рассчитывала на воздушный поход в таких размерах, как Германия, но каждая втайне принимала меры, опасаясь германской силы и агрессивных наклонностей, олицетворявшихся принцем Карлом-Альбертом. Эти общие опасения сделали возможной известную кооперацию держав, и последние довольно быстро заключили между собой союз. Второй воздухоплавательной державой в Европе в то время являлась Франция. Англичане, больше всего опасавшиеся за целость своих азиатских владений и рассчитывавшие на колоссальный моральный эффект, который должен произвести воздушный флот на полукультурные народы, поместили свои воздухоплавательные парки в северной Индии и могли сыграть лишь второстепенную роль в европейском конфликте.

Но даже в Англии насчитывалось девять или

десять больших дирижаблей, около двадцати или тридцати малых и значительное число аэропланов. Когда флот принца Карла-Альберта пролетел над Англией и Берт с высоты птичьего полета видел Манчестер, — уже шли дипломатические переговоры относительно нападения на Германию. Разнообразная коллекция дирижаблей, различной величины и типов, собралась над Бернским Оберландом и в битве над Альпами разрушила и сожгла двадцать пять швейцарских воздушных кораблей, неожиданно воспротивившихся такому сборищу. Покинув альпийские глетчеры и долины, усеянные теперь обломками воздушных кораблей, эти дирижабли разделились на два отряда и отправились терроризировать Берлин и разрушать Франконский парк, чтобы предупредить выступление второго воздушного флота Германии…

Прежде чем нападавшие были отбиты, они успели причинить бомбами непоправимый вред Берлину и частично Франконии. Во Франконии двенадцать совсем готовых к отправлению кораблей и пять наполовину готовых могли противостоять налетам и, во всяком случае, хотя бы с помощью отряда «Летающих драконов», явившегося из Гамбурга, могли освободить от осады

Берлин. Немцы напрягли все силы, чтобы иметь в своем распоряжении подавляющий воздушный флот, и уже двинули его на Лондон и Париж, как вдруг из Бирмы и Армении были получены первые известия об азиатском воздушном флоте, перепутавшем все карты в затеянной роковой игре.

Вся мировая финансовая фабрика пошатнулась, когда это случилось. Вместе с уничтожением американского флота в северной Атлантике и сокрушительным столкновением, положившим конец морскому могуществу Германии в Северном море, вместе с колоссальным разрушением и сожжением четырех главных городов мира — общество в первый раз ощутило настоящую стоимость войны! Кредит полетел вниз, увлекаемый вихрем продажи ценностей. Повсюду стихийно возникло то явление, которое обнаруживалось уже в предшествовавшие периоды, когда возникала экономическая паника: все стремились запастись золотом, прежде чем товарные цены опустятся на самое дно. Однако это явление распространилось с быстротой пожара и вскоре приобрело универсальный характер. Наверху происходили видимый для глаз конфликт и разрушение, а внизу — нечто такое,

что наносило смертельный удар глиняному зданию финансового капитала. В то время как воздушные корабли сражались вверху, — внизу таяли запасы золота. Эпидемия всеобщего и частного недоверия бежала по всему свету. Деньги чрезвычайно быстро испарялись, запрятанные в погребах, ямах, стенах домов и во всевозможных тайниках. Остались лишь обесцененные бумаги. Исчезли деньги, и вместе с их исчезновением настал конец торговле и промышленности. Экономический мир зашатался и пал мертвым. Как будто лютая болезнь внезапно подкосила организм! Как будто вода внезапно ушла из крови живого существа, и эта кровь свернулась! Так неожиданно вдруг произошло всемирное свертывание жизненных соков и полное прекращение обмена веществ.

Что касается кредитной системы, представлявшей живую крепость научно-промышленной цивилизации, то она закачалась и рухнула на те миллионы людей, которых она же соединила экономическими отношениями. И в то время, как эти люди беспомощно взирали на полный крах системы, азиатские воздушные флотилии в несметном количестве неслись по небу, на запад — в Европу, и на восток — в Америку.

История превращается в длинный список кровавых битв. Главный корпус англо-индийского воздушного флота погиб под натиском своих противников в Бирме. Немцы были рассеяны в великой битве на Карпатах. Весь Индостан был охвачен восстанием, и гражданская война распространилась от одного конца его до другого, а от Гоби до Марокко поднимались знамена священной войны.

В первые недели этой войны и разрушения могло показаться, что восточно-азиатская коалиция хочет завоевать весь мир. Но наскоро созданная «современная» культура Китая не выдержала напряжения. Трудолюбивое и мирное население Китая лишь против воли подверглось европеизации в начале двадцатого века. Японское и европейское влияние насильно насаждало западную цивилизацию и дисциплинировало китайцев. Однако вместе с введением санитарных мер, полицейского контроля и военной службы началась такая жестокая всеобщая эксплуатация, что со дня на день должно было возмутиться все население Китая. Война довела напряжение до последних пределов, и наступил перелом. В Китае вспыхнуло восстание, а случайное истребление центрального правительства в Пекине

горсточкой германских и британских воздушных кораблей, ускользнувших во время главных сражений, сделало это восстание непобедимым. В Иокогаме появились баррикады, черный флаг, и все завершилось социальной революцией.

Таким образом, весь мир охватил всесокрушающий конфликт…

Логическим следствием этой мировой войны был общий упадок. Там, где население было многочисленно, огромные массы его оказались без работы, без денег и не могли добыть себе пропитание. Через три недели после начала наступательных действий голод уже свирепствовал почти во всех рабочих кварталах. Через месяц не было уже нигде ни одного города, где бы обычные законы и обычный общественный строй не заменяли бы какой-нибудь формой исключительного контроля и где бы, для поддержания порядка и предупреждения насилия, не прибегали бы к оружию и военным экзекуциям. Но голод продолжал шагать вперед, и не только по беднейшим кварталам и густонаселенным округам, но и там, где прежде господствовали довольство и достаток.

3

И вот из этой социальной неразберихи возникло то, что было названо историками «фазисом случайных комитетов». Наступил период жестокой и страстной борьбы с разложением. Везде наблюдалась борьба за сохранение порядка и за продолжение войны. Между тем произошла перемена и в самом характере войны: огромные, наполненные газом воздушные корабли заменялись летательными машинами как более совершенными орудиями войны. Как только миновала полоса крупных сражений между главными флотами, японцы и китайцы постарались создать вблизи наиболее важных пунктов различных стран укрепленные центры, откуда их летательные машины могли легко производить набеги. Некоторое время, таким образом, японцы и китайцы имели перевес; когда же был обнаружен секрет беттериджевской летательной машины, борьба стала более ровной, но зато и безрезультатной (в конечном смысле). Маленькие летательные аппараты, непригодные для больших экспедиций или решительной атаки, были чрезвычайно удобны для партизанской войны: их можно было быстро и дешево постро-

ить, легко было управлять ими и легко прятать. Чертежи беттериджевской машины были тотчас же скопированы, отпечатаны в Пинкервилле и распространены по всем Соединенным Штатам, а копии посланы в Европу, где они также были воспроизведены в бесчисленном количестве экземпляров. Каждый человек, каждый город, каждая деревня сооружала такие машины для своих целей. Скоро не только правительства и местные власти строили эти машины, но их строили и шайки бандитов, и повстанческие комитеты, и вообще все, кто хотел. Особенность этой машины заключалась в ее простоте. Конструкция ее почти та же, что и у мотоцикла. Широкие рамки прежних войн исчезли после появления этой машины, и антагонизм государств растворился в бурлящей массе отдельных конфликтов. От широкого единства, более значительного, чем в лучшие времена Римской империи, мир шагнул в сторону социального раздробления, какое наблюдалось лишь в средневековье. Само собой разумеется, во времена этого длительного падения и постепенного разложения происходило то же самое, что бывает и при падении со скалы. Везде находились люди, ощущавшие бездну под ногами и отчаянно боровшиеся, чтобы удержать-

ся наверху скалы.

Наступил четвертый период. Борьба против хаоса и голода пробудила старого врага человечества — моровую язву, пурпурную смерть. Но война все же не прекращалась… Флаги продолжали развеваться. Появились новые воздушные флоты, новые формы воздушных кораблей, и под влиянием этой войны в небесах мир погружался во мрак, едва освещаемый историей.

Мы не собираемся описывать здесь дальнейшую историю этого периода и то, как все дальше и дальше развивалась война в воздухе и как правительства оказались совершенно неспособными заключить какое-либо соглашение, чтобы положить конец этой бойне. Такое положение вещей продолжалось до тех пор, пока последнее правительство в мире не рассыпалось, как фарфоровая чашка от удара палкой. История этих ужасных лет с каждой неделей становится все более запутанной, загроможденной деталями и недостоверной.

Анархия, голод и чума оказались победителями внизу, на земле. От великих империй остались лишь имена. Повсюду были развалины, валялись мертвые, непогребенные тела, а те, кто пережил все эти ужасы, были охвачены смертельной апа-

тией. В одном месте организовывались комитеты для надзора за порядком, в другом — бродили банды, державшие в своих руках голодные области; возникали и распадались странные федерации, и религиозный фанатизм, порожденный отчаянием, сверкал в глазах голодных людей… Это было всемирное разложение! Порядок и благосостояние на земле разлетались в брызги, как мыльный пузырь. В течение каких-нибудь пяти лет мир и весь строй человеческой жизни претерпели регрессивные изменения, — такие же значительные, какие произошли в промежуток времени между веком Антонинов и Европой девятого столетия…

4

Читателю, может быть, интересно узнать конец истории Берта? О нем еще надо рассказать одну удивительную вещь.

Среди умирающей цивилизации, среди погибающего мира, объятого мраком, он нашел свою Эдну. Этот маленький бродяга Берт умудрился-таки найти свою Эдну!..

Он пересек Атлантический океан, выполняя поручения президента. Берту и тут благоприятствовала его счастливая звезда. Ему удалось

отправиться на британском бриге, который перевозил строевой лес и теперь как раз уходил из Бостона; судно отправлялось из Америки без всякого груза, — капитан хотел только вернуться на родину, домой. Берта приняли на судно главным образом из-за его морских сапог. Плавание было долгое и полное приключений.

За ними гнался в течение нескольких часов — или они вообразили, что гнался, — азиатский броненосец, который потом вступил в бой с британским крейсером. Эти два корабля сражались около трех часов, кружась и подвигаясь к югу, пока не исчезли из виду в сумерках, в налетевшем урагане…

Несколько дней спустя бриг, на котором плыл Берт, потерял руль и мачту во время бури. Не хватило съестных припасов, и пришлось питаться рыбой… Они видели странные воздушные корабли, летевшие к востоку.

У Азорских островов остановились, а в Тенерифе исправили руль и запаслись провизией. Город оказался совершенно разрушенным, а в гавани затонули два больших линейных корабля со всем экипажем. Берту и его товарищам, приступившим к ремонту судна, сильно мешала какая-то шайка, скрывавшаяся в развалинах города: эта

шайка похищала у них припасы и старалась всячески выжить их оттуда.

Затем остановились в Могадоре. Послали на берег лодку за водой — и чуть не были захвачены в плен арабами. Здесь они заразились пурпурной смертью и увезли ее с собой в море — в своей крови. Первым заболел повар, потом боцман, потом остальные, — и трое уже лежали мертвыми на баке корабля. По счастью, погода была тихая, и они беспомощно уносились течением назад, к экватору, совершенно равнодушные к своей судьбе. Капитан всех их лечил ромом. Девять человек умерло, а четверо, оставшиеся в живых, ничего не смыслили в морском деле.

Когда они настолько поправились, что могли управлять парусом, то стали держать курс по звездам, прямо на север. Скоро опять иссякла провизия, но тут они встретились с судном, шедшим из Рио в Кардифф; на этом судне не хватало людей, — команда сильно пострадала от чумы, — поэтому капитан охотно взял на борт Берта и остальных.

Таким образом, Берт добрался наконец до берегов Англии, пробродив по свету целый год. Он вступил на английский берег в яркий июньский день и тотчас же увидел, что пурпурная смерть

начала хозяйничать и здесь.

В Кардиффе население находилось в состоянии паники. Многие бежали в горы. Как только пароход, на борту которого находился Берт, вошел в гавань, временный комитет здесь же захватил судно и завладел оставшимся провиантом. Берт отправился бродить по стране, совершенно дезорганизованной эпидемией чумы и голодом и представлявшей картину глубочайшего разложения. Все основы существовавшего с незапамятных времен строя пали. Берт не раз подвергался смертельной опасности, голодал и однажды чуть не погиб во время свалки.

Но тот Берт Смоллуэйс, который шел из Кардиффа в Лондон, побуждаемый смутным желанием «вернуться домой», найти Эдну, был совсем не похож на Берта, изображавшего «дервиша пустыни» и унесенного из Англии воздушным шаром Беттериджа год назад.

Берт сильно загорел, похудел и приобрел громадную выдержку и опыт. Он уже не бродил больше, разинув рот, как прежде: в его взгляде светились твердость и упорство. В Кардиффе он испытал нужду в новой одежде и оружии и, чтобы раздобыть это, прибегнул к таким средствам, которые, наверное, шокировали бы его год

назад. Он нашел в покинутом ломбарде фланелевую рубашку, костюм из вельвета и револьвер с пятьюдесятью патронами. Всем этим он завладел без всяких церемоний. Он нашел также немного мыла и в первый раз за тринадцать месяцев вымылся хорошенько в ручье за городом. Сторожевые отряды, которые раньше расстреливали грабителей на месте, уже наполовину разбежались вследствие эпидемии, а остатки их разрывались между городом и кладбищем, тщетно стараясь успеть туда и сюда: эпидемия все разрасталась.

Три-четыре дня Берт шатался по окрестностям, умирая с голоду, и наконец вернулся в город и присоединился на неделю к госпитальному отряду, чтобы немного откормиться перед отправлением в дальнейший путь к востоку.

Уэльс и вообще английская провинция сохранили некоторую обеспеченность и довольство среди всеобщего упадка. Там имущество было в целости. Дома и однорельсовые железные дороги, изгороди ферм, кабели, мостовые и тротуары, столбы с наклеенными на них объявлениями, относившимися к прежнему порядку вещей, — все это большей частью осталось нетронутым. Банкротство, социальный упадок, голод и чума

как будто не коснулись этих мест. Лишь столицы и крупные центры подверглись настоящему разрушению. Тот, кто внезапно попал бы в сельский округ, сразу не нашел бы даже большой разницы в сравнении с прежним. Конечно, бросилось бы в глаза, что все живые изгороди давно надо подстричь; трава слишком густо разрослась по краям дороги; по дорогам размыты дождями колеи; коттеджи большей частью закрыты; телефонные провода оборваны, и на откосе стоит брошенная повозка… Широковещательные объявления о превосходных консервированных персиках или необыкновенно вкусных сосисках должны были бы еще сильнее раздразнить голод попавшего туда человека. А затем он вдруг увидел бы нечто, напоминавшее средневековые времена в картинах Дюрера, — скелет лошади, или скомканную массу лохмотьев во рву, из которой выглядывала худая нога с желтой, покрытой красными пятнами кожей, и лицо, вернее, то, что было лицом, — теперь изъеденное и страшное! Местами попадались вспаханные, но незасеянные поля, или поле ржи, вытоптанное скотом, и кучи хвороста, припасенные для костра.

Но Берту встречались по дороге и люди — мужчины и женщины — с пожелтевшими лицами,

одетые кое-как: с оружием в руках они разыскивали себе пищу. Эти люди выражением глаз, да и вообще всем своим видом напоминали бродяг и преступников, хотя одежда указывала на принадлежность их к зажиточному, среднему и даже высшему классу. Многие из них жаждали узнать новости и готовы были даже поделиться своими скудными припасами и крохами серого и полусырого хлеба. История Берта, конечно, должна была заинтересовать их, и им очень хотелось удержать его у себя на несколько дней. Почта и типографии не работали, и это образовало огромный и болезненный пробел в культурной жизни того времени. Люди уже не могли видеть и знать того, что творилось в разных концах земного шара, и им пришлось вернуться к привычкам средних веков, довольствуясь разными слухами и толками. Во взглядах, в разговоре и во всем внешнем облике этих людей чувствовалась полная растерянность.

Берт избегал по возможности больших городов, — этих центров, где царили насилие и отчаяние, — переходил из одного округа в другой, из одной деревни в другую и часто натыкался на разные неожиданности. В одном месте он видел большие дома, сожженные, очевидно, вследствие

подозрения, что там прятались запасы пищи, видел непогребенные трупы людей, — полную остановку всего общественного механизма. В другом месте он находил организованные силы, упорно старавшиеся восстановить порядок; читал свежие объявления насчет бродяг; видел группы вооруженных людей, охранявших дороги и возделанные поля, наблюдал борьбу с эпидемией, заботы о пропитании народа, запасы пищи, присмотр за скотом. В некоторых местах он встречал даже правосудие в лице двух-трех судей, причем обычно деревенский доктор или какой-нибудь фермер подчиняли себе всю окрестность. Это было также возвращением к самоуправляющейся общине пятнадцатого века. Однако даже такая организованная деревня могла в любое время подвергнуться набегу каких-нибудь воздушных пиратов, разыскивающих для себя керосин, алкоголь или провиант. Порядок поддерживался ценой невероятных усилий, необычайной бдительности и постоянного напряжения. Иногда попадались грубо начертанные надписи, как то: «Карантин», «Иностранцы подвергаются расстрелу», и вереницы повешенных грабителей, раскачивавшихся на телефонных столбах, по краям дороги... Это означало, что уже близко

большой населенный центр, где царят междоусобица и хаос. Вокруг Оксфорда, на крышах, помещались огромные доски, на которых было написано лишь одно слово: «Пушки», служившее предостережением для всех чужестранцев…

Несмотря на риск, которому все подвергались на этих дорогах, по ним разъезжали велосипедисты, и Берт во время своего долгого путешествия несколько раз встречал огромные автомобили с сидевшими в них закутанными фигурами в автомобильных очках. Полиции было мало, но иногда встречались отряды худых и обтрепанных солдат-велосипедистов, и чем ближе Берт подходил к границе Уэльса, тем чаще они попадались. Видимо, они продолжали поход, несмотря на царившее кругом разрушение…

Терзаемый голодом, Берт несколько раз пытался зайти в рабочие дома, чтобы переночевать там, но находил их или запертыми, или же превращенными во временные госпитали. Однажды в сумерках Берт пришел в одну деревню в Глостершире и захотел войти в рабочий дом, двери и окна которого были широко раскрыты. Но тут Берта поразило зловоние, стоявшее в коридорах, и он, к ужасу своему, увидел, что коридоры завалены трупами…

Из Глостершира Берт отправился к северу, в британский воздухоплавательный парк за Бирмингемом, в надежде, что там его примут на службу и накормят. Правительство или, во всяком случае, военное министерство продолжало существовать и энергично старалось, несмотря на общий упадок, поддержать свой престиж, побуждая мэров и городские магистраты заново организовываться. Лучшие оставшиеся в живых ремесленники со всего округа были собраны в этот парк и подготавливали его к защите при осаде. Они спешно строили машины Беттериджа укрупненного типа. Но Берт не нашел здесь себе работы. Он был недостаточно искусен. Поэтому он отправился дальше, в Оксфорд. Как раз после его ухода произошло сражение, во время которого этот парк был окончательно разрушен. Когда Берт проходил Бор-Хилл, он заметил азиатскую эскадру, пролетавшую над холмами в юго-западном направлении. Он видел также, как два аэроплана преследовали воздушный корабль, догнали его, подстрелили, и корабль сгорел в Эдж-Хилле. Но Берт так и не узнал исхода этой битвы…

Берт переправился через Темзу из Итона в Виндзор и прошел вокруг южной части Лондона, в Бен-Хилл. Там он нашел своего брата Тома: у Тома

был вид несчастного, загнанного животного, и он прятался в своей старой, темной лавчонке. Он только что перенес чуму, а Джессика еще лежала наверху без сознания, в мучительной агонии. Она бредила о рассылке товара своим постоянным покупателям и бранила Тома за то, что он не торопился: ведь этак он непременно опоздает отнести вовремя картофель миссис Томпсон и цветную капусту миссис Гапкинс… Но торговля в лавочке давно уже прекратилась, и Том занимался только тем, что с необыкновенным искусством расставлял западни для крыс и воробьев. Впрочем, он очень ловко сумел припрятать кое-какие запасы хлеба и бисквитов из ограбленных магазинов.

Том встретил брата с радостью, в которой, однако, сквозила некоторая боязнь.

— Это ты, Берт? — воскликнул он. — Я так и думал, что ты когда-нибудь вернешься, и я очень рад, что вижу тебя. Но я не могу накормить тебя: у меня самого ничего нет… Где ты пропадал все это время?

Берт успокоил брата, показав ему оставшийся у него кусок хлеба, и затем принялся рассказывать ему свою историю. Вдруг он заметил за прилавком пожелтевшую и забытую там записку, адресованную ему.

— Что это такое? — спросил Берт и, взяв записку, увидал, что она была написана Эдной почти год назад…

— Она заходила сюда, — сказал Том равнодушным тоном, как будто сообщал самую простую вещь, — она спрашивала о тебе и умоляла нас взять ее. Это было вскоре после битвы и сожжения Кленгема. Я хотел ее взять, но Джессика не соглашалась; тогда она заняла у меня пять шиллингов и ушла. Она тут пишет тебе…

Берт уже не слушал его. Он прочел в записке, что она отправляется в Хоршем к своему дяде и тетке, у которых был в том округе кирпичный завод.

И там наконец, после двухнедельного путешествия, полного приключений, он нашел Эдну.

5

Когда Берт и Эдна увидели друг друга, они прежде всего расхохотались. Оба так изменились, так обносились и так были поражены, что не могли удержаться от смеха. Но затем оба заплакали:

— О, Берт, дорогой! — рыдала Эдна. — Ты пришел, пришел! — Она протянула ему руку и зашаталась. — Я говорила ему это… Он сказал, что убьет меня, если я не выйду за него замуж!..

Но Эдна еще не была замужем, и когда наконец она успокоилась, то рассказала Берту следующее. Этот маленький уголок уединенного земледельческого округа попал под власть шайки хулиганов, во главе которой стоял Билль Гор.

Билль Гор начал свою карьеру приказчиком у мясника, а затем превратился в профессионального борца. Первое время он вместе со своими товарищами находился в группе борцов, организованной местным помещиком, который раньше был известен как любитель скачек. Но вскоре после того помещик пропал без вести, предводительство перешло к Биллю, который подчинил себе весь округ, обнаружив большие организаторские способности. Его предшественник смотрел на жизнь философски, мечтал об «улучшении расы» и «сверхчеловеке». На практике же это сводилось к тому, что он, а за ним и все его сообщники часто меняли жен. Билль с особенным энтузиазмом ухватился за эту идею, что даже вредило его популярности среди последователей. Однажды он повстречал Эдну, когда она кормила своих свиней. Он сейчас же с удивительной назойливостью начал приставать к ней возле корыт со свиным пойлом. Девушка храбро сопротивлялась, но он не оставлял ее в покое ни

на один день…

— Он может заявиться в любое время, — сказала Эдна, смотря Берту в глаза.

Очевидно, кое-кто из общества снова вернулся к варварским временам, раз мужчина должен был с оружием в руках отстаивать свое право на любовь женщины.

Конечно, тут можно было бы пожалеть о прежних рыцарских обычаях и пожелать, чтобы Берт поступил именно так, как поступали в романтические времена, то есть чтобы он послал вызов своему сопернику и чтобы счастье было на его стороне. Однако ничего подобного не произошло. Берт тщательно осмотрел свой револьвер, зарядил его и затем засел в лучшей комнате коттеджа у заброшенного кирпичного завода, прислушиваясь к болтовне о Билле и его поступках, высматривая и размышляя.

Вдруг тетка Эдны с дрожью в голосе сообщила ему, что Билль идет. Билль проник через садовую калитку в сопровождении двух товарищей из своей банды. Берт встал, отодвинув тетку Эдны от окна, и начал смотреть на приближавшихся мужчин. Это были в своем роде замечательные фигуры. Их одежда состояла из красных курток, белых фуфаек, коротких штанов и ботинок, какие

надевались для игры в мяч. Что касается головных уборов, то здесь уж каждый дал волю своей фантазии. На голове Билля покоилась женская шляпа с массой петушиных перьев, а у его товарищей — широкополые шляпы ковбоев.

Берт глубоко вздохнул и задумался. Эдна с удивлением смотрела на него. Женщины стояли смирно, не двигаясь. Наконец Берт отошел от окна и медленно зашагал по коридору с озабоченным выражением человека, которому предстоит сложное и неприятное дело.

— Эдна! — позвал Берт, и когда она подошла, он распахнул входную дверь и просто спросил ее, указывая на бандита, шедшего впереди: — Это он, наверное?

Удостоверившись, он выстрелил и очень аккуратно всадил пулю в грудь своему сопернику; затем, уже не целясь, выстрелил в голову другому и послал пулю вдогонку третьему, когда тот бросился бежать. Этот парень взвизгнул, но продолжал бежать, комично прихрамывая.

Берт продолжал раскачиваться в раздумье, с револьвером в руках, не замечая женщин, стоявших позади.

До сих пор ему все удавалось, но теперь для него было ясно, что если он не пустит в ход дипло-

матию, то будет повешен как убийца. Поэтому, не говоря ни слова женщинам, он отправился на деревенский постоялый двор и пробыл там час. Он вошел с заднего крыльца и направился прямо к шайке шалопаев, которые здесь кутили за столиком, беседуя о браке и о любовных похождениях Билля в шутливом тоне, но с явной завистью. У Берта как будто случайно был при себе револьвер, но этот револьвер был тщательно заряжен.

Берт обратился к собравшимся с предложением присоединиться к «Комитету надзора» под его управлением.

— Такой комитет необходим, — решительно заявил Берт, — и мы должны его организовать!

Он представился им как человек, имеющий тут друзей, хотя у него никого не было, кроме Эдны, ее тетки и двух ее кузин.

Завязалась оживленная беседа. Обсуждалось положение вещей, но к словам Берта относились, видимо, с некоторым вниманием. Должно быть, принимали его за сумасшедшего, который появился откуда-нибудь из окрестностей и ничего не знает о Билле. Поэтому, желая оттянуть время, они предложили ему подождать, пока не придет их предводитель, — он сам уладит все дело!

Кто-то заговорил о Билле.

— Билль умер, — сказал Берт. — Я только что застрелил его, нам нечего теперь считаться с ним. Он убит. И красноволосый парень с косыми глазами — тоже убит. Мы теперь должны устроиться без них. Билля больше нет и не будет! У него были неправильные понятия о браке и тому подобных вещах. Такие люди нам не нужны!

Тем дело и кончилось.

Билля кое-как похоронили, и комитет Берта стал управлять этой округой вместо Билля.

Тут и конец нашей истории, поскольку это касается Берта Смоллуэйса. Мы покидаем его с Эдной вдали от событий, среди болот и лесов, где наши герои превратились в крестьян. С этого времени жизнь их приняла уже иной характер. Повседневная борьба с бандитами, забота о свиньях и курах, мелкие нужды, крохотные сбережения и дети — все это отодвинуло для них на задний план великие события, свидетелем которых был Берт, и все, что случилось, теперь казалось ему сном. Он никогда не узнал, продолжалась или угасла война в воздухе. Ходили слухи о воздушных кораблях, которые то появлялись, то исчезали, и о каких-то передрягах в Лондоне. Раза два Берт видел, что на него ложится тень

от кораблей, но не знал, откуда они явились и куда направляются. Впрочем, у него даже и не возникало желания разговаривать об этом. Да и некогда было. Дел было по горло.

Временами в стране появлялись воры и грабители, или вспыхивали болезни среди скота, и ощущался сильный недостаток в пище. Со всем этим надо было бороться. Однажды Берту пришлось помогать в охоте на кабанов, которые производили опустошения в стране. Он пережил еще много разных приключений, и часто они с женой бывали на краю гибели. Но они любили друг друга, и хотя страдали, но были счастливы. Она родила ему много детей, — одиннадцать человек: из них четверо погибло вследствие тяжелых условий существования. Но они все это перенесли и из года в год улучшали свою жизнь, насколько это было возможно в ту эпоху.

Эпилог

Однажды в летний вечер, — спустя тридцать лет после выступления германского воздушного флота, — какой-то старичок вместе с маленьким мальчиком отправился искать пропавшую курицу в развалинах Бен-Хилла и Хрустального

дворца. В сущности, этот человек был еще не очень стар: ему минуло лишь шестьдесят три года, но постоянная работа заступом и вилами, копание земли, собирание навоза, всегдашнее пребывание на открытом воздухе, в сырости, без перемены одежды превратили его в согбенного старца. К тому же он потерял все зубы: это повлияло на его пищеварение и отразилось на его наружности и на его настроении. Лицом старик был удивительно похож на старого Томаса Смоллуэйса, который когда-то служил кучером у сэра Питера Бона. Впрочем, в этом сходстве ничего удивительного не было, так как старичок этот и являлся его сыном Томом Смоллуэйсом, некогда содержавшим зеленную лавочку у виадука однорельсовой железной дороги на Хай-стрит, в Бен-Хилле. Только теперь лавочки уже не существовало, и Том жил в покинутой вилле, как раз у того места, где он некогда огородничал. Он и его жена занимали верхние комнаты, а в нижних комнатах, в столовой и гостиной, откуда большие французские окна выходили прямо на луг, Джессика, все еще очень энергичная и деятельная, хотя и очень худая, сморщенная и плешивая старушка, держала своих коров и множество кур.

Том и Джессика были членами небольшой

общины бродяг и возвратившихся беглецов, численностью не более ста пятидесяти человек; эта община умудрилась кое-как устроиться при новом положении вещей после паники, голода и чумы в результате войны. Они стеклись сюда из разных укромных убежищ и тайных уголков, где скрывались до этого времени, и поселились теперь здесь, среди знакомых мест и домов, начав тяжелую борьбу за существование. Им приходилось бороться с природой, чтобы добыть себе пищу, что и составляло главное в их жизни. Поглощенные такой постоянной заботой о пропитании, они держались очень миролюбиво, в особенности после того, как Уильней, агент по приобретению недвижимости, оказался сутягой и вздумал проверять права владельцев. Уильней скоро был найден утонувшим в колодце, возле разрушенных газовых мастерских. (Он не был намеренно убит, — вы понимаете? — его только хотели для примера выкупать в колодце, чтобы охладить его пыл, и продержали в воде десятью минутами больше, чем это являлось полезным для его здоровья…)

Маленькая община, отрешившаяся от своих прежних привычек пригородного паразитического существования, вернулась к той нормальной

жизни, которую вело человечество в незапамятные времена. Это была грубая и простая жизнь, в самом тесном соприкосновении с коровами и курами, с землей, которую надо было пахать. Это была жизнь, пропитанная ароматом коровника, и потребность в возбуждающих средствах удовлетворялась процессами брожения.

Такова была жизнь европейских крестьян на заре истории и вплоть до начала научно-промышленной эры, а огромное большинство народов Азии и Африки всегда вело такую жизнь. В течение некоторого времени можно было думать, что машины и культура предохранят Европу от возвращения к животной грязной работе и что Америка избежала этого уже с самого начала. Но вместе с разрушением великолепного высокого и, казалось, прочного здания машинной цивилизации простой человек вернулся назад к земле, назад — к навозу…

Сохранившиеся в памяти людей воспоминания о великом государстве мало-помалу и почти незаметным образом содействовали развитию обычного права. Все мужчины в воскресенье были в сюртуках, цилиндрах и белых рубашках, хотя многие ходили без сапог. Том особенно выделялся своим щегольством: он носил зеленый сюртук и

штаны, найденные им на одном скелете в подвале городского банка, а цилиндр у него был даже украшен золотым шнурком… Женщины (в том числе и Джессика) показывались в воскресенье в жакетах и громадных шляпах, самым изумительным образом отделанных искусственными цветами и перьями экзотических птиц, запасы которых хранились в большом количестве в лавках северной части города. Дети — их было не так много, ибо огромное количество детей, родившихся в Бен-Хилле, погибло от неизвестных эпидемий, — были одеты точно так же, только платья их соответствующим образом укорачивались. Маленький четырехлетний сынишка Стринджера щеголял в цилиндре.

Вот каковы были воскресные костюмы в округе Бен-Хилла: весьма любопытный и интересный пережиток прежних времен! В самом деле, в течение недели все эти люди ходили грязные, в лохмотьях, увешанные грязными тряпками, остатками старых ковров, красной фланели, кусками кисейных занавесок и мешков, и либо были без сапог, либо носили грубые деревянные сандалии. Эти люди представляли городское население, вернувшееся к варварскому состоянию, но не обладавшее, к сожалению, ни одним из тех

простых искусств, которыми владело первобытное крестьянство. Очень часто они оказывались вырожденцами и неспособными людьми. Они потеряли всякое представление о том, как делается пряжа, и не могли приготовить для себя одежду, даже если у них оказывался материал для этого, и в конце концов, чтобы прикрыть свою наготу, они вынуждены были грабить все уменьшавшиеся запасы в развалинах… Все ремесла, которые они когда-то знали, были ими забыты, а вместе с исчезновением всех современных приспособлений, водоснабжения и канализации, лавочной торговли и тому подобного — все их культурные привычки постепенно исчезли. Стряпня их стала хуже, чем в первобытные времена. Они приготавливали кое-какую пищевую смесь, кипятя ее на огне в закопченных каминах, в гостиных домов, так как кухонные очаги пожирали слишком много дров. Они утратили всякое понятие о печении, пивоварении, производстве металла…

Употребление мешков и других грубых материалов для повседневной одежды и привычка подвязывать их шнурком, а для теплоты засовывать туда солому и пух — придавало жителям странный вид каких-то ходячих тюков.

В такой именно «рабочей» одежде старый Том

отправился со своим юным племянником разыскивать курицу в развалинах Бен-Хилла.

— Вот и ты явился в Бен-Хилл, Тедди! — сказал старик Том мальчику. Как только они потеряли из вида Джессику, то пошли медленней. — Ты последний из сыновей Берта, которого мне еще оставалось увидеть! Я видел уже молодого Берта, видел Сиси и Матта, и Тома, названного в честь меня, и Питера… Странники доставили тебя сюда, а?

— Я и сам бы дошел, — отвечал Тедди.

— А есть тебе не хотелось дорогой?

— Они дали мне поесть… А по дороге, близ Лезерхеда, мы видели велосипедиста.

— Вот как! — воскликнул Том. — Да, теперь их осталось немного. А куда же он направлялся?

— Сказал, что едет в Доркинг, если только тракт достаточно хорош. Но я сомневаюсь. Все вокруг Берфорда залито водой. Мы пробрались через холмы. Это то, что они называют Римской дорогой. Там место возвышенное, и поэтому сухо.

— Не знаю этой дороги, — возразил Том. — Но велосипед? Ты уверен, что это был велосипед? У него были два колеса?

— Да, это был велосипед.

— А знаешь, я помню такое время, Тедди, когда

конца-края не было велосипедам! Тогда можно было, стоя здесь, — дорога была гладкая как скатерть, — наблюдать двадцать-тридцать велосипедистов одновременно. И мотоциклы, и автомобили, и всякого рода экипажи.

— Неужели? — воскликнул Тедди.

— Да, я тут наблюдал их ежедневно. Они целыми сотнями проносились тут…

— Но куда же они все ехали? — спросил Тедди.

— В Брайтон. Ты никогда не видал Брайтона, я думаю. Он там, у моря. Считался самым веселым местом; из Лондона постоянно ездили туда и обратно.

— Зачем?

— Ездили, — и все тут…

— Но зачем? — настаивал Тедди.

— Никому не известно, Тедди, Но они постоянно ездили туда. А вот видишь этот огромный шест, ну вот же: торчит, точно громадный заржавленный гвоздь, выше всех домов, а вон там другой, и еще, и еще… Это были части однорельсовой железной дороги. Она тоже достигала Брайтона, и ежедневно, днем и ночью, по ней сновали взад и вперед огромные вагоны, набитые народом…

Мальчик взглянул на заржавленные остатки дороги по ту сторону грязной канавы, некогда

представлявшей улицу Хай-стрит. Он был склонен не верить, но развалины были налицо. Его воображение, благодаря своему слишком слабому развитию, не могло представить это.

— Зачем же они все ездили туда? — еще раз спросил он.

— Так. В те времена никто не сидел на месте…

— Да, но откуда они являлись?

— Откуда попало. В этих домах жило много всякого народа, Тедди, и по дороге была масса домов. Тебе трудно поверить этому, Тедди, но это именно так. Ты мог бы идти по нашей дороге все дальше и дальше, и всюду видел бы дома и дома! Без конца! И они становились все выше и выше… Настоящий Лондон!.. — Он сказал это упавшим голосом, точно произносил странные чужие имена. — Теперь все пусто и заброшено. Целый день никто туда не заглядывает. Ты там не найдешь ни одного человека, ничего, кроме собак и кошек, которые охотятся за крысами… И лишь миновав Бромли и Бекенхэм, ты наткнешься на кентских ребят-свинопасов. (Довольно-таки грубый народ!) И пока солнце стоит на небе, кругом тихо, как в могиле. Я там бывал днем, частенько…

Он помолчал немного и продолжал:

— И все эти дома, и улицы, и дороги были пол-

ны народа, пока не началась война в воздухе и не появились голод и чума… Да, Тедди, тут везде кишел народ. А потом наступило время, когда все это покрылось трупами и когда нельзя было ступить шага, чтобы не отскочить назад от страшной вони разлагавшихся трупов. Чума убивала людей наповал. Она не щадила никого: ни кошек, ни собак, ни кур, ни гадов… У всех была чума. Выжили лишь очень немногие. Я перенес ее, и твоя тетка тоже, только она лишилась после этого всех своих волос. И теперь еще можно отыскать скелеты в домах. Тут, по этой дороге, мы осмотрели все дома, взяли оттуда то, что нам было нужно, и похоронили большинство мертвецов. Но там, по Норвудской дороге, еще стоят дома со стеклами в окнах и с нетронутой мебелью, покрытой толстым слоем пыли и разваливающейся на куски, а на постелях или где-нибудь возле дома можно найти кости людей, погибших от чумы двадцать пять лет назад!.. Я заходил в прошлом году в один из таких домов вместе со старым Хилинсом, и там мы нашли комнату, полную книг. Ты знаешь, Тедди, что такое книги?

— Да. Я видел их: такие — с картинками…

— Ну вот! Книги были везде, сотни их валялись кругом без всякого смысла, поросшие плесенью

и высохшие. Я стоял за то, чтобы их не трогать, я вообще никогда не был охотником до чтения, но старый Хилинс сказал, что он их возьмет. «Я думаю, что могу почитать их!» — заметил он. «Я — нет!» — отвечал я. «А я могу», — твердил он, смеясь, и взял одну из книг. Он раскрыл книгу. Я заглянул туда и увидел раскрашенную картинку. О, Тедди, это так красиво! На картинке были изображены женщины и дети в саду. Я никогда не видывал ничего подобного. «Вот это мне нравится!» — воскликнул старый Хилинс и от удовольствия хлопнул по книжке. Тогда…

Старый Том выразительно замолчал.

— Тогда? — спросил Тедди.

— Она рассыпалась в пыль. В белую пыль!.. Мы больше не прикасались к книгам в этот день… Не трогали их и потом, — прибавил он многозначительно.

Некоторое время оба молчали. Затем Том, еще раз возвращаясь к этой странно привлекавшей его теме, повторил в раздумье:

— Они лежат там целый день… тихо, как в гробу…

— А ночью они тоже лежат там? — спросил заинтересованный Тедди.

Старик покачал головой:

— Никто не знает, мальчуган, никто! — сказал он.

— Но что же они могут делать ночью? — приставал мальчик.

— Никто не знает. Никто не видал, никто не может рассказать.

— Никто?

— Мало ли что говорят! Они и сами не верят своим рассказам. Я всегда возвращаюсь домой к закату солнца и больше не выхожу из дома, поэтому я ничего не могу сказать. Но одни думают одно, другие — другое… Я слышал, что приносит несчастье, если снимать с них платье раньше, чем побелеют кости… Болтают разные истории…

— Какие истории? — спросил мальчик, не спуская глаз с Тома.

— Истории про лунные ночи и про кое-что, разгуливающее по ночам… Но я не обращаю на них внимания. Я лежу в постели. Если ты станешь слушать все эти рассказы, то тебе будет страшно и среди белого дня в поле.

Мальчик огляделся кругом и некоторое время молчал.

— Рассказывают, что в Бекенхэме есть один человек, который пропадал в Лондоне три дня и три ночи, — опять заговорил старик. — Он выпил

виски в Чипсайде и отправился, заблудился среди развалин и начал блуждать. Он бродил три дня и три ночи, и улицы постоянно изменяли свой вид, так что он никак не мог выбраться домой. Он шел целый день и целую ночь, и целый день была тишина, точно в могиле, вплоть до солнечного заката. А когда сгустились сумерки, то стал слышен шорох и шелест и как будто топот множества ног…

Старк замолчал.

— Что же дальше? — спросил мальчик, затаив дыхание. — Что дальше?

— Дальше послышался стук колес и лошадиный топот, грохот кэбов и омнибусов и резкие пронзительные свистки, от которых кровь застывала в жилах. И тотчас же после свистков началось движение. На улицах показался народ. Люди, занятые своими делами, наполнили дома и лавки. По улицам разъезжали автомобили, а в фонарях и окнах отражался лунный свет. Я говорю: люди, Тедди! Но это были не люди: призраки наполняли улицы! Они проходили мимо этого человека и через него и никогда не касались его. Они были как туман и пар, Тедди. Порой они были веселы, а порой ужасны, — ужасны так, что и сказать нельзя! И вот он дошел до площади,

которая называлась Пикадилли, Тедди. Там было светло как днем, расхаживали в великолепных одеждах леди и джентльмены, а таксомоторы разъезжали по дороге. А когда он пристальней начал смотреть на них, Тедди, то лица у них вдруг стали злыми, Тедди! Ему, вероятно, почудилось, что они видят его, и женщины начали смотреть на него и говорили ему ужасные, дурные вещи!.. Одна из них подошла к нему очень близко, Тедди, совсем близко, и посмотрела ему прямо в лицо. Но у нее не было лица, а лишь разрисованный череп, и он заметил, что у них у всех были разрисованные черепа… И один за другим они начали подходить к нему, говорили ему ужасные вещи, хватали его, ласкали и угрожали ему, так что кровь у него застывала в жилах и сердце переставало биться от страха…

— Дальше! — прошептал Тедди, слушавший с замиранием сердца.

— «Тут Бог — мое спасение, — сказал он, — поэтому я ничего не боюсь!» Как раз в это время раздалось пение петуха, и все призраки на улицах исчезли… После этого ему кое-как удалось выбраться на верную дорогу и вернуться домой…

Но Тедди занимал другой вопрос: кто же были эти люди, жившие там раньше? Кто они были

такие?

— Джентльмены, занимавшиеся делами, люди с деньгами, — по крайней мере, они так думали; только когда все начало рушиться, то они увидали, что это были не деньги, а просто разные бумажки. Сотни, тысячи бумажек… даже миллионы! Я видывал это прежде на Хай-стрит. По ней трудно было двигаться в известное время дня, когда производились покупки. Женщины особенно суетились на ней…

— Но откуда же они доставали пищу и разные вещи?

— Покупали в лавках, вроде той, которая и у меня была прежде. Я покажу тебе это место, Тедди, когда мы пойдем назад. Теперь люди не имеют никакого понятия о лавках… ни малейшего понятия! Да, мне иногда случалось продавать сразу полторы бочки картофеля. Ты бы не поверил своим глазам, если б видел, чего только у меня не было в моей лавчонке! Корзины груш и яблок, великолепные большие орехи, даже бананы и апельсины…

— Что такое бананы и апельсины? — спросил мальчик.

— Плоды такие. Сладкие, сочные, великолепные плоды, иноземные плоды. Их привозили из

Испании, из Нью-Йорка и других мест. Привозили на кораблях. Мне доставляли их со всего света, и я продавал их в своей лавочке. Я продавал их, Тедди! Да, я, ищущий теперь с тобой пропавшую курицу и одетый в старый мешок! Люди приходили в мою лавочку. Прекрасные дамы, каких ты и во сне не видал, Тедди, приходили ко мне и говорили: «Ну, что у вас есть сегодня, мистер Смоллуэйс?» А я отвечал: «Сегодня я получил чудные канадские яблоки…» Или же я предлагал сушеные плоды… Понимаешь? И они приобретали их. «Хорошо, — говорили они, — пришлите нам». Какая это была жизнь! И чего только не видели мы тогда здесь! Разъезжали омнибусы, и автомобили, и коляски. Шарманщики, немецкие музыканты проходили мимо. Никогда не бывало, чтобы кто-нибудь не проходил! Если б не эти пустые дома, я бы думал, что мне все это приснилось…

— Но отчего же они погибли, все эти люди? — спросил Тедди.

— Все рухнуло сразу, — сказал печально старик. — Пока они не начали войны, все шло прекрасно, как заведенные часы. Каждый был занят своим делом, был счастлив и имел ежедневно хороший, сытный обед…

Тедди взглянул на него с недоверием.

— Да, уверяю тебя, это было именно так, — подтвердил старый Том. — Каждый имел обед. Если ты не мог иметь его дома или в другом месте, то всегда мог получить в рабочем доме добрую миску горячего супа и хлеб с маслом. А теперь ведь никто не знает, как печется настоящий «белый» хлеб, казенный хлеб!

Тедди с удивлением молча слушал эти рассказы. Том же, вспоминая прежние времена, испытывал чувство глубокой тоски и старался побороть его.

На некоторое время он весь ушел в воспоминания о вкусных вещах, которые он ел когда-то. Его губы шевелились. «Лососина с пикулями… уксус… голландский сыр… пиво! — шептал он. — И трубочку хорошего табачку!»

— Но как же убили всех этих людей? — спросил Тедди.

— Разразилась война. Война явилась началом гибели. Война бушевала и разливалась горячим потоком; в действительности она истребила не так уж много людей, но она перевернула все вверх дном. Они явились и подожгли Лондон, сожгли и потопили все суда, какие были в то время на Темзе, — мы в течение многих недель видели пар

и дым, — потом бросили бомбу в Хрустальный дворец и разрушили железную дорогу; и так одно за другим. Что же касается избиения людей, то последнее было лишь случайностью. Они больше убивали друг друга. Там, в воздухе, происходило однажды большое сражение, Тедди. Корабли величиной больше пятидесяти домов, больше, чем Хрустальный дворец, летали в воздухе, кидались друг на друга, а убитые падали на землю. Ужасно! Но они не столько убивали людей, сколько останавливали все дела. Все прекратилось тогда, Тедди. Исчезли деньги, да и нечего было бы покупать, если б они у кого и появились.

— Но все-таки отчего же погибли люди? — настаивал Тедди.

— Я же говорил тебе, Тедди, — вслед за войной остановились все дела. Внезапно люди заметили, что денег нет. Были только чеки — клочки бумаги, на которых обозначалось что-то… Раньше они были так же хороши, как деньги, — если получать эти чеки от знакомого покупателя. И вдруг чеки потеряли всякую цену. Я остался с тремя чеками. Два мне все же удалось разменять; затем пятифунтовые билеты потеряли цену, и скоро не стало нигде серебра, а золото нельзя было достать уже ни за что на свете. Оно хранилось в лондонских

банках, а банки были уничтожены. Все стали банкротами, все лишились работы… все!

Том замолчал и с любопытством смотрел на своего слушателя. Личико мальчика выражало полнейшую растерянность.

— Вот как это случилось, — сказал Том. Несколько мгновений он как будто подыскивал более подходящие слова, чтобы выразить свою мысль. — Знаешь, это было похоже на внезапную остановку часов. В первый момент наступило спокойствие внизу. Только вверху, в небесах, продолжалась битва воздушных гигантов. Но потом люди заволновались. Помню, один из моих постоянных покупателей, мистер Мозес Глокстейн, джентльмен, очень милый и большой любитель спаржи и артишоков, вдруг пришел ко мне (а уже в течение нескольких дней никто не заглядывал ко мне в лавочку!) и начал очень взволнованно говорить, предлагая купить на вес золота все, что у меня было в лавке: картофель и другие припасы… Он говорил, что хочет попробовать немного спекульнуть. Он уверял, что держит нечто вроде пари и что он, наверное, проиграет, но, во всяком случае, все-таки хочет рискнуть. Он всегда был игроком, — утверждал он. Он предложил мне взвесить мой товар и заплатить мне по весу че-

ком. Все это было прекрасно, но у меня возникли сомнения насчет чека. Он начал мне объяснять, но в это самое время прошла демонстрация безработных с огромными знаменами в руках и с надписью, которую каждый мог читать (ведь тогда все умели читать): «Мы требуем пищи!» От шествовавших отделилось несколько человек, и они вошли ко мне в лавку. «Есть у вас съестные припасы?» — спросили они. «Нет, — отвечал я. — У меня ничего нет для продажи. Но если бы у меня был товар, то я бы не мог отдать его вам. Этот джентльмен предлагает мне...» Мистер Глокстейн хотел остановить меня, но было уже поздно. «Что он вам предлагает?» — спросил высокий парень с топором в руках... Он говорил таким тоном, что я должен был ответить. «Ребята, — обратился он к своим друзьям, — вот еще один финансист!» Они вытащили его и повесили на фонаре, на улице. Он даже не оказал никакого сопротивления им, не вымолвил ни слова, после того как я...

Том помолчал немного, потом закончил:

— Это был первый человек, которого повесили на моих глазах...

— Сколько вам тогда было лет? — спросил Тедди.

— Около тридцати…

— Да? А мне не было и шести лет, когда я увидел в первый раз, как вешали трех человек, укравших свиней. Отец взял меня, потому что мой день рождения был близок, и сказал, что меня надо приучить к крови, — заметил Тедди с видом превосходства.

— Но зато ты не видел раздавленных автомобилей, не видел мертвецов, найденных в химической лавке! — возразил Том, несколько смущенный замечанием мальчика.

— Да, — отвечал Тедди, — этого я не видел. — И минутное торжество, которое он испытывал, исчезло.

— И никогда не увидишь! Никогда! Ты никогда не увидишь того, что я видел! Даже если проживешь сто лет… Итак, я уже рассказывал тебе, как начался голод и свалки… Потом дела пошли все хуже и хуже. Схватки, перестрелки, пожары и грабежи не прекращались. Они ворвались в лондонские банки и захватили золото. Но из золота нельзя было приготовить пищи. А как мы уцелели? Очень просто: мы сидели смирно. Мы не вмешивались, и нас не трогали. У нас еще оставалось немного картофеля, но главную нашу пищу составляли крысы. Наш дом был старый,

крыс было полно, и голод, видимо, не оказывал на них заметного влияния. Мы очень часто ловили крыс, очень часто… Однако большинство людей, живших в этих местах, обладало слишком тонким вкусом и не желало есть крыс. Им не нравилось это кушанье. Они ели всякую всячину, но не хотели есть эту честную пищу, пока не стало поздно. Они предпочитали умереть… И вот голод начал убивать людей. Даже раньше, чем появилась эпидемия пурпурной смерти — чумы, люди умирали, как мухи в конце лета… Каким образом я помню это? Да я был одним из первых, заболевших чумой! Я вышел из дома, чтобы поискать старую кошку или что-нибудь в этом роде. Потом я пошел на свой участок, — посмотреть, не удастся ли выдернуть где-нибудь репу, и вдруг со мной приключилось что-то ужасное. Ты не можешь себе представить, какие страдания я испытывал. Меня совсем скрючило, и я упал здесь же возле угла. Твоя тетка пришла взглянуть, что я делаю, и приволокла меня домой как мешок. Я бы никогда не оправился, если б не твоя тетка. «Так, — сказала она мне, — ты выздоравливаешь, а теперь — моя очередь». И сама заболела. Но смерть не совладала с ней. «Да разве я могу оставить Тома, — говорила она, — чтобы он один

влачил такую жизнь!» Вот что она говорила, твоя тетка! Язычок у нее хоть куда! Но болезнь унесла ее волосы, и хотя я добыл ей парик с одной старухи, но она не хотела носить парик…

Пурпурная смерть уничтожила тьму народа. Всех похоронить было нельзя. Болезнь распространилась на собак и кошек, на крыс и лошадей. В конце концов все дома и сады были переполнены трупами. По лондонской дороге совершенно нельзя было ходить из-за невероятного зловония, и нам пришлось из-за этого перебраться с Хайстрит в эту виллу. Вода отсюда совсем исчезла; она пошла по трубам и подземным тоннелям… Неизвестно, откуда явилась к нам эта смерть. Одни говорят одно, другие — другое. Одни утверждали, что болезнь случилась от того, что жрали крыс, а другие уверяли, что она вызвана тем, что ничего не ели! Рассказывали также, что ее принесли с собой азиаты из страны, называемой Тибет. Однако нам эта болезнь не причинила большого зла. Я знаю только одно: она явилась сюда после голода. А голод возник после паники, а паника появилась вследствие войны…

Тедди на минутку задумался и спросил:

— Отчего была пурпурная смерть?

— Ведь я же сказал тебе…

— А паника?

— Ну, просто испугались.

— Но зачем они затеяли войну?

— Они уже не могли остановиться. Раз у них были воздушные корабли, они должны были воевать…

— А чем кончилась эта война?

— Неизвестно, кончилась ли она, мальчуган, — покачал головой Том. — Тут года два назад проходили странники, и один парень сообщил, что война все еще продолжается. Говорят, на севере существуют целые банды, которые все еще продолжают войну. В Германии, в Китае, в Америке и других местах война все еще идет. Этот парень передавал, что у них есть летательные машины, газ и разные такие вещи. Но мы здесь ничего не видали в воздухе, и вот уже семь лет никто не является к нам… Последний раз мы наблюдали нечто вроде съежившегося воздушного корабля, который пролетел вон там. Он был какой-то кривобокий, точно с ним что-то случилось…

Беседуя таким образом, они подошли к тому месту, где еще торчали остатки старого забора.

Тут Том вспомнил, как они сидели некогда с соседом, мистером Стринджером, молочным

торговцем, и следили за субботними маневрами южно-английского воздухоплавательного клуба. И снова на Тома нахлынули воспоминания прошлого.

— Там, видишь ли, где те красные кирпичные обломки, — там был газовый завод…

— А что такое газ? — спросил Тедди.

— Это… такой пахучий, им наполняли шары, чтобы они могли подниматься наверх. Когда не было электричества, зажигали газ…

Тедди очень старался представить себе газ на основании разъяснений Тома. Затем его мысль снова вернулась к первоначальной теме.

— Но почему они не кончили войну? — спросил он.

— Из упрямства. Все страдали, но зато причиняли страдания и другим. И, кроме того, все были очень, как тогда говорили, полны патриотизма. И что же: они все разнесли вдребезги!.. Ну, просто вот все разносили и разносили… А после этого наступило отчаяние, и люди одичали…

— Они должны были бы кончить войну! — упрямо проговорил мальчик.

— Ее не следовало бы начинать, — заметил старый Том. — Но люди слишком много ели мяса и пили… А потом им совсем нечего было ни есть,

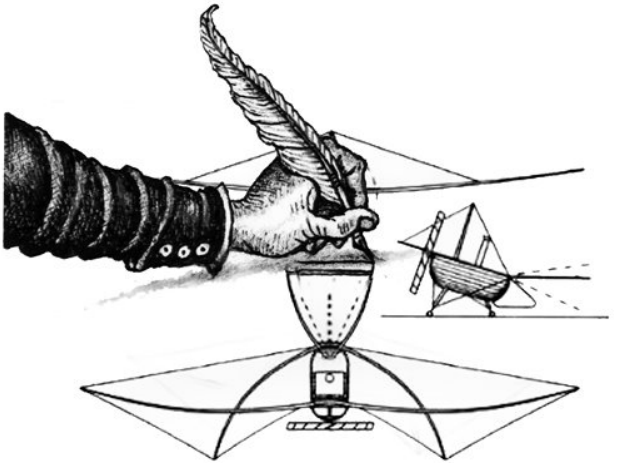
ни пить…

Том задумчиво почмокивал губами, устремив взгляд в долину, где на солнце блестели рассыпавшиеся стекла Хрустального дворца. Смутное сознание бесповоротной гибели всех удобств и чудес былой культуры овладело им. Он еще раз тихо покачал головой и медленно и упрямо повторил высказанное им уже раньше окончательное мнение об этом предмете.

— Пусть говорят что угодно, — сказал он. — А все-таки не следовало начинать войну…

Он произнес это самым миролюбивым тоном. «Кто-то» «где-то» должен был «что-то» прекратить, но «кто», «как» и «почему» — это уже выходило за пределы его понимания!

Перевод Э. Пименовой, 1911 год



Грааль Арельский
(Стефан Стефанович Петров)

Повести о Марсе

Обсерватория профессора Дагина

1

У аэроплана У. 5.3 северной воздушной эскадрильи полчаса тому назад сломался мотор.

Летчик Дагин планировал спуск, напряженно

вглядываясь в бесконечное расстилающееся под ним зеленое море лесов, среди которого, как морские скалы, выступали остроконечные горные отроги.

Удобного места для спуска не находилось. Аэроплан быстро снижался. В последнюю минуту летчик инстинктивно направил аппарат на дикую подковообразную скалу, выше всех выступавшую над зеленым морем лесов.

Каким-то чудом ему удалось спуститься на широкую гранитную площадку рядом с возвышающимся остроконечным массивом. Крылья аппарата зацепились за низкорослый, корчеватый кустарник, и таким образом аэроплан не скатился вниз и не разбился об остроконечные выступающие отроги, обрамленные разноцветными коврами мхов и лишайников.

Летчик с трудом вылез из аппарата и, облегченно вздохнув, оглянулся вокруг.

Перед ним расстилался бесконечный простор лесов.

Колоннады сосновых стволов переплетались с индигово-зеленоватой листвой кедровника, на которой изредка, расплывчатыми пятнами, рисовались высокие ели. Они были опутаны, как в саваны, покрывающими их до самых вершин

белесоватыми лишайниками.

С нижних отрогов массива, где находился Дагин, тускло-синеватым серебром зигзагообразили вниз, к зеленому лесному морю, речки — Сосьва, Шегультан и притоки Сосьвы — Большая и Малая Супреи.

На северо-востоке этот массив разделялся на два отрога глубокой и мрачной долиной реки Шарпа.

Дальше на запад тянулся, расплываясь в синеватых туманах, невысокий, плоский, суровый меридиональный Урал.

Эти хорошо знакомые картины необъятных лесов напомнили Дагину его детство. Все здесь ему было хорошо знакомо. Давно, давно, когда он был еще мальчиком, его отправили отсюда в Ленинград. Отец перебрался сюда во Всеволодоблагодатск из Москвы, променяв кафедру профессора астрономии на место заведующего приисками, чтобы здесь, в тишине и уединении, работать над какой-то особенной конструкцией изобретенного им рефрактора.

Бешено закружила стрелки на циферблате событий русская революция… Не знает с тех пор Дагин, куда уехал из Всеволодоблагодатска его отец.

Тугой, мягкий звук скатившегося вниз камня вывел его из минутной задумчивости. Он бросил последний взгляд вокруг и энергично принялся за розыски удобного спуска.

Пройдя двести сажен вдоль отвесной остроконечной скалы, поднимающейся над площадкой, он неожиданно заметил какую-то огромную пристройку из больших гранитных камней. Усиленно забилось сердце от неожиданности и удивления. Здесь, на высоте 5 000 футов, человеческая постройка?!. Еще секунда — и он нашел дверь.

Прежде всего ему бросилось в глаза обширное помещение, все залитое проникающим сверху светом, какие-то стальные колеса, электробатареи, радиоприемники и громадные, невиданных конструкций астрономические трубы, выходящие из скалы, к которой примыкала пристройка.

Затем, перед круглым столом на лестнице-кресле, — неподвижная фигура старика.

Старик был мертв, но умер он недавно.

Перед его застывшей фигурой лежали груды чертежей, таблиц, фотографических снимков, а среди них недописанный дневник.

Жизнь — буйный вихрь бешеного движения.

Бесчисленны, невероятны, непостижимы сочетания жизни. И не есть ли самая яркая фантазия, самый нелепый вымысел лишь слабое отражение действительности? Дагин перелистал быстро дневник… Схватился за сердце. Поплыл на мгновение туман. Побледневшими губами прошептал…

— Обсерватория моего отца. Это пишет неизвестный мне умерший старик…

И вдруг неистовым порывом охватила его жажда разгадки. Не обращая ни на что больше внимания, он принялся читать этот дневник.

2

Вот что писал в дневнике умерший старик-ученый.

…Несколько месяцев тому назад умер мой друг и учитель профессор Дагин, основатель этой обсерватории, сделавший невероятные для нашего времени открытия в науке. Он умер от концентрированных лучей радия, случайно посланных жителями Марса на нашу землю. Слишком поздно мы открыли возможность защиты от этих лучей, но если кто-нибудь попадет после моей смерти в эту обсерваторию, то пусть знает, что без особой резино-свинцовой одежды и сделанной

из свинцового стекла маски нельзя производить наблюдений над Марсом через эти рефракторы.

Десятки лет я работаю вместе с моим другом, и перед своею смертью он поручил мне разыскать его сына и передать ему его последнее письмо и труды всей его жизни. Такую же просьбу и я приношу к тому неизвестному, который волею судеб когда-нибудь проникнет в эту обсерваторию… Я чувствую приближение скорой смерти и не в силах исполнить просьбу моего друга и учителя.

Профессор Дагин еще до оборудования этой обсерватории разрешил задачу с короткофокусным расстоянием. При помощи особой комбинации линз он заменил громадные современные рефракторы почти микроскопическими, но дающими такое же увеличение.

Применяя далее старый принцип, он увеличивал затем фокусное расстояние сконструированного им рефрактора и достиг таким образом невероятных увеличений. В эти рефракторы мы впервые заметили города на Марсе и, наконец, самих марсиан.

Для точности наблюдений потребовалась абсолютная неподвижность рефрактора, и профессор Дагин поэтому совершенно устранил обыкновенный корпус трубы. Он заменил его

цилиндрическим, громадным тоннелем в скале, под уклоном оси мира, приделав к отверстиям систему объективов и окуляров. Перед главным объективом помещался вращающийся призматический аппарат, приемник для световых лучей.

При помощи этого приемника, при неподвижности рефрактора, можно получить в объективе трубы любой наблюдаемый предмет.

Обсерваторию мы построили в два года, и это не представило для нас особого труда. Мой друг был заведующим приисками и под видом приисковых изысканий мог доставлять все материалы и пользоваться даже рабочей силой, не вызывая ни у кого подозрений.

Результаты наших работ вы найдете в рукописях, хранящихся в шкафах. Но я все же хочу описать здесь наши первые наблюдения, наши первые ощущения того восторга, который охватил нас, когда мы впервые направили изобретенный нами рефрактор в синюю бездну неба.

Я не буду говорить о сотнях открытых нами новых звезд и звездных систем, об открытой нами планете за Нептуном, с двумя спутниками, названной нами Дагией. Я скажу лишь о наших наблюдениях над Марсом…

3

Первый раз мы направили рефрактор на область Исменийского озера. Я никогда не забуду восторга, вспыхнувшего у меня ликующим пламенем в груди и сделавшего меня вновь молодым.

Передо мною открылось поистине чудесное зрелище.

Марс находился в этом году в периоде великих противостояний и был особенно удобен для наблюдений.

Небо Марса почти всегда безоблачно, но в этот день оно поразило нас своей кристальной прозрачностью.

Голубоватыми лентами расходились от озера шесть каналов, резко проектируясь на огненно-красном фоне окружающей озеро пустыни. Пространство между каналами было покрыто изумрудными пашнями, на которых изредка, более темными пятнами, тянулись леса. Вдоль каналов ровной линией, бесконечно уходящей вдаль, шли постройки домов и непонятных нам сооружений, очень высоких и казавшихся как бы висящими в воздухе. Они стояли на столбах причудливой формы и конструкции. Под домами

помещались площади и нижние улицы. Верхние улицы заменялись расположенными вдоль крыш домов широкими металлическими платформами с рядами самодвижущихся метро и запутанной системой виадуков.

Во время весеннего разлития каналов, орошающих лежащие внутри каналов пространства пашней и лесов, явилось необходимым предохранить дома от бурного разлива весенних вод, несущихся по сети каналов с далеких полюсов.

Город Исмены был в бурном движении.

По каналам с невероятной быстротой мелькали невиданных нами конструкций корабли. В воздухе горели исполинскими буквами столбцы газет и реклам, которые наши астрономы все еще принимают за сигнализацию с Марса.

С высокого, опрокинутого в горизонтальном направлении цилиндрического здания, около канала Протонилуса, взлетали друг за другом исполинские аэробили. Как мы узнали позднее, там помещалась аэростанция прямого сообще-

ния с лунами Марса — Фобосом[4] и Деймосом[5]. Поразительное зрелище представляли собой эти две луны, изменяющие почти беспрерывно свои фазы. Эти две луны — две колонии марсиан. По своим размерам эти колонии микроскопичны. Фобос имеет в поперечнике 54 километра, а Деймос — всего 15 километров. Самая близкая — Фобос. Она находится от планеты Марс на расстоянии, приблизительно как между нашим Берлином и Нью-Йорком, т. е. на расстоянии 8 700 километров. Пролететь туда на аэробиле с Марса занимает всего 3 часа.

Мы обследовали таким образом целый ряд городов и сделали вывод, что самыми большими городами Марса следует считать город Солнца, расположенный у озера того же названия, и город Нилосирт на берегах Ливии, вокруг Терентского моря.

Недалеко от города Нилосирта, в местности, называемой болотом Тритона, находятся колоссальные залежи урана.

---

4 notes: 4

Спутник Марса. Находится от планеты на расстоянии 21 900 километров. Обращается вокруг Марса в 30 ч. 18 м. Диаметр — 15 километров.

5 notes: 5

Спутник Марса. Находится от планеты на расстоянии 8 700 километров. Обращается вокруг Марса в 7 ч. 39 м. Диаметр — 54 километра. По предположениям должен упасть на диск Марса.

Здесь расположен целый ряд копей и радиозаводов. Вся эта местность светится голубоватым, мертвенным сиянием, излучаемым залежами урановой руды.

Луны Фобос и Деймос находятся на очень близком расстоянии от планеты. В продолжение тысячелетий это расстояние уменьшается, и луны должны упасть на Марс.

Такое падение первой луны, Фобоса, мы видели со всеми подробностями. Мы наблюдали в течение недели панику, охватившую марсиан, непостижимые уму разрушения, возникшие на почве паники, которую напрасно старались прекратить отряды охраны, чтобы наладить порядок и упорядочить спасение.

В среду днем появились одновременно как на небе Марса, так и на небе спутников столбцы извещений обсерваторий о грозящей гибели для всего Северного полушария Марса.

Этого было достаточно, чтоб началась паника.

Жители колоний стремились на континент, жители Северного полушария бежали на юг, восток и запад.

Над городом Исменами свирепствовал вихрь отчаяния.

Верхние улицы покрылись сплошной массой

бегущих марсиан.

Каналы бурлили от быстро несущихся по направлению к югу кораблей. Аэробили сплошной массой реяли в воздухе.

С Фобоса, точно тучи саранчи, затемнявшей все небо, беспрерывно неслись тысячи аэробилей. В непрерываемом хаосе все стремились к городу Солнца. И город Солнца бурлил и кипел, не в силах вместить прибывающих беглецов. Верховный Совет решил прекратить панику, грозящую всеобщим разрушением.

Гигантские огненные столбцы приказов заполняли весь день небо. Две воздушные эскадры одновременно понеслись к Фобосу и Деймосу. Там не хватало перевозочных средств, и массы в отчаянии брали аэробили с бою, погибая сотнями у аэростанций.

Когда эскадры открыли сконцентрированный радиоогонь, желая хоть этой ценой прекратить панику, — вспыхнуло восстание.

Толпы разгромили радиоарсеналы и открыли огонь по эскадре.

Яркие огненные полосы начали прорезывать небо Марса, сметая все на своем пути. Один из таких радиозалпов был направлен на нашу землю и случайно ранил профессора Дагина, вскоре

после этого и умершего.

На континенте планеты также царила паника отчаяния. Верхние улицы обстреливались радио-огнем, и тысячи бегущих падали вниз вместе с разрушенными метро и виадуками.

Целую неделю свирепствовал вихрь разрушения.

Затем четыре дня продолжалась неожиданно наступившая мертвая тишина.

И вот утром во вторник в ясном кристальном небе произошла катастрофа: Фобос понесся с невероятной быстротой на Марс.

От трения в воздушных слоях он мгновенно раскалился и казался кроваво-красным шаром, окутанным ярко-белыми облаками.

Он упал, закрыв пространство между городами Бареосиртисом, Исменами и каналом Оксус.

Гигантские клубы паров закрыли на три дня все Северное полушарие Марса. Когда пары рассеялись, вся эта местность представляла огненно-расплавленную массу, струившую ослепительно яркий свет. Эта масса растекалась к югу, стирая, как резинкой, очертания каналов и материков.

Потом сплошные облака закрыли на долгое время весь диск Марса. Только огненно-красное

пятно на месте упавшего спутника продолжало струить свой яркий свет,

Нам пришлось прекратить дальнейшие наблюдения.

Профессор Дагин вдруг почувствовал слабость.

На груди у него открылась маленькая ранка, и опухоль от нее быстро поползла к сердцу.

Он умер в тот же день вечером. Я похоронил его здесь же, около обсерватории… Аналогичная ранка оказалась и у меня…

На этом кончался дневник.

4

Среди рукописей в шкафах Дагин нашел письмо отца. Прочитал. Впал в глубокую задумчивость. И вдруг почувствовал, что не было радости, а было что-то другое, большое и непонятное.

В обсерватории царила торжественная тишина.

Сквозь верхние окна лился лиловатый свет заката.

Бесстрастно поблескивали металлические части рефракторов и сложных аппаратов, и все расплывчатей и загадочней становилась темная фигура мертвого ученого.

Дагин думал:

«Жизнь — буйный вихрь бешеного движения.

Бесчисленны, невероятны, непостижимы сочетания жизни.

Торопись, поспевай за жизнью!

Отстанешь на миг — никогда не догонишь жизни, не вернешься назад.

А если перегонишь жизнь?..»

Два мира

I. Экстренное совещание у доктора Ни-Асту-Сол

К высокому цилиндрическому зданию, стоящему одиноко в стороне от канала Амброзии, бесшумно подлетел радиоаэробиль.

На откидную площадку у крыши дома из аэробиля вышел доктор Ни-Асту-Сол и бросил рассеянный взгляд вокруг.

С востока поднимался Деймос.

Его узкий серп отражался, дробясь в темной воде канала.

По направлению к Деймосу, сверкая в темном небе длинными рядами огней, неслись три аэробиля пригородного сообщения.

На западе, над городом Солнца, в небе горели исполинские огненные столбцы вечерних газет.

Открыв дверь в крыше дома, доктор Ни-Асту-Сол на электрокресле бесшумно спустился к себе в кабинет.

Мягкий свет радиолампы освещал лишь громадный стол, сплошь заставленный приборами. Весь кабинет находился в тени.

Доктор Ни-Асту-Сол был маленького роста, с голым черепом, с большим, выдающимся вперед широким лбом, развившимся за счет лица. Одет он был в легкую хитонообразную одежду.

Он, видимо, был чем-то озабочен, потому что сейчас же, сняв особой конструкции темные оч-

ки, подошел к радиотелефону и взял приемник. Через секунду в металлическом зеркале у радиотелефона вырисовалась стройная миниатюрная фигура, одетая так же в хитонообразную одежду.

— В чем дело, отец?

— Мне нужно тебя немедленно видеть, Ги-Сол. Захвати с собой мужа и инженера Ок-я-ги.

— Хорошо, они как раз у меня… Сейчас распоряжусь подать аэро.

Через пять минут над домом спустился радиоаэробиль Ану-Ала-А, мужа Ги-Сол и редактора газеты «Межпланетные известия».

В кабинете бесшумно появились двое мужчин и женщина.

Доктор Ни-Асту-Сол подошел к стене и повернул один из системы рычагов. Со всех сторон кабинет окутали непроницаемые жалюзи — заглушители.

— Так будет безопаснее от газетных репортеров… — сказал он, здороваясь с пришедшими. Потом сел в громадное мягкое кресло и начал тихим, немного надтреснутым голосом: — Простите, я намерен надолго занять сегодня ваши мысли. Вы все мне одинаково близки. Вы, Ану-Ала-А, муж моей дочери, вы, Ок-я-ги, жених второй моей дочери, Ни-Сол, которая — вам, ко-

нечно, это еще неизвестно, — бесследно пропала. Не делайте, пожалуйста, Ок-я-ги, трагических жестов! Я вас пригласил сюда не для этого.

Имейте терпение, все придет своим чередом.

Мне уже не одна тысяча лет, и вы, конечно, знаете, что я родился у Исменийского озера, в городе Исменах.

Этот город постигла страшная участь. Он был разрушен упавшим в эту местность нашим спутником, когда-то бывшей нашей колонией, Фобосом. Я спасся чудом, попав еще до начала всеобщей паники в аэробиль моего друга.

Все Северное полушарие подверглось разрушению.

Местность, когда-то существовавшая между городами Бореосиртисом, Исменами и каналом Оксус, от невероятной силы удара превратилась в огненно-расплавленную массу.

В этом жидком огне сгорела вся наша культура Северного полушария.

Климаты изменились, и на всей планете наступила тропическая температура. Наши безводные моря вновь наполнились водой, разрушая наши города и уничтожая пашни. Это было трудное время. Много потребовалось потом трудов, чтобы обуздать природу, разорвавшую цепь нашей

власти.

Между тем огненно-жидкая масса на месте упавшего спутника остыла, и все Северное полушарие покрылось исполинской, пышной, доисторической растительностью.

Мы были поставлены совершившимся фактом в невероятные условия.

Южное полушарие представляло собой образец невероятно развившейся техники и культуры, а Северное являлось образцом зарождающейся доисторической жизни.

Нечего и говорить о том, что Верховный Совет Марса совершенно изолировал эту область, а умы ученых были направлены туда, чтобы на практике проверить все умозаключения и выводы науки. С невероятным интересом мы наблюдали появление первых, доисторических форм жизни… И наконец мы увидели первое человекоподобное существо, нашего далекого предка. Это случилось сравнительно недавно.

Верховный Совет держал это в тайне, а мы должны были хранить ее.

Появление этого человекоподобного существа вызвало большой переполох в Совете.

Начальник охраны Марса Ци-Го-Ти видел в этом появлении страшную опасность для нашей куль-

туры. Он требовал немедленного уничтожения нового существа, имевшего удивительнейшую способность к быстрому размножению.

Если бы действительно для нас не была изжита опасность падения второго нашего спутника — Деймоса, настояния Ци-Го-Ти, пожалуй, имели бы достаточно оснований. Деймос упал бы в Южном полушарии Марса и обратил бы все в огненно-жидкую массу. А развившееся затем поколение культуры человекоподобных имело бы возможность, истребив остатки уцелевшей культуры и нас самих, захватить господство над Марсом. Но у нас было слишком много и знаний, и примеров перед глазами: падение нашего собственного спутника Фобоса и, наконец, падение Луны на нашу древнюю соседку Землю. Это заставило нас изобрести особый, взрывающийся в случае необходимости, газ Ютли. Он мог удерживать и направлять наш спутник в желаемом для нас направлении и положении. Он преодолевал силу тяготения и мог сообщить независимо от Солнца движение нашей планете, если бы это когда-нибудь для нас потребовалось. Поэтому члены Верховного Совета, в том числе и я, не поддержали опасений Ци-Го-Ти.

Этим была решена жизнь и дальнейшее разви-

тие человекоподобных.

Для изучения жизни на месте туда была послана тайная экспедиция, во главе которой была моя дочь Ни-Сол.

Члены этой экспедиции сегодня возвратились и сообщили мне, что Ни-Сол исчезла и что им не удалось отыскать ее следов.

Мне поручили собрать небольшую вторичную экспедицию для ее розысков. Эта экспедиция будет состоять из всех нас. Завтра рано утром мы должны вылететь. Место нашей поездки — 40 градусов северной широты и 87 градусов восточной долготы. Вот и все!..

— Однако, уважаемый доктор… — задал вопрос все время безмолвно и внимательно слушавший Ок-я-ги. — Я надеюсь, что это не все. Скажите, жизнь Ни-Сол вне всякой опасности? Предполагать другое было бы ужасно.

— Да, в этом вы можете быть совершенно спокойны. В ее исчезновении я склонен видеть нечто другое. Завтра, во время поездки, я прочту вам ее последнее письмо. Вам многое тогда станет понятным. Вас, дорогой Ану-Ала-А, я беру с собой на заседание Совета. Оно начнется через полчаса, и нам нужно спешить.

— А ты, дорогая Ги-Сол, как думаешь провести

сегодняшний вечер?

— Я хочу съездить в Межпланетный клуб, если Ок-я-ги не откажется мне сопутствовать.

— Итак, до завтра.

2. Кри-Острый Зуб встречает «божество гор»

Рано утром, когда все племя еще спало, Кри ушел в лес. Он пробирался к лесному озеру, где на отлогих берегах, в золотистом песке, лежали большие цветные раковины.

Племя постигло несчастье.

Три дня уже плакали женщины, хмуро глядели мужчины и не выходили на охоту. Не слышно было веселых песен.

Старейший в роде жрец Биканджапур Белобородый напрасно приносил жертвы на черном камне.

Около черного камня, которому поклонялось племя, бил источник пресной воды. Теперь источник неожиданно иссяк.

Черный камень разгневался. Черный камень мстит.

Кто прогневил черный камень?

Сегодня ночью Кри приснился сон…

…Сидит он у черного камня. Струится яркое солнце, пробиваясь сквозь зелень листьев. Лежит черный камень — молчаливый, торжественный. Не доходят до него лучи солнца — со всех сторон окутали камень ветви деревьев. В зеленоватом свете все вокруг. Как будто лежит камень на дне озера, а вокруг вода.

Видит Кри, что выходит из леса к черному камню седая кайя[6]. Почему пришла к Кри седая кайя?

Только один раз видел их Кри. Далеко, по ту сторону гор, живут они. Не любят людей огня. Владели они раньше всеми лесами, озерами и горами. А теперь люди победили их. Хотел спросить ее Кри, но она вдруг подошла к нему вплотную и сама заговорила.

— Бесхвостые кайи добыли огонь и победили нас. Но бесхвостые кайи не понимают, что говорят камни. Я скажу, чего хочет черный камень[7]. Найди, Кри, раковину белую, как пена, с краями, как кровь. Найди и положи на черный камень. Будет тогда вода. Будет великая радость племени.

---

6 notes: 6

Обезьяноподобное существо.

7 notes: 7

Первобытный человек обожествлял непонятные ему явления природы и верил в чудеса; наука разъяснила все эти явления.

Мир воцарится между всеми кайями.

Проснулся Кри.

И вот идет он к лесному озеру за белой раковиной с краями, как кровь.

Легко ему идти.

Верит он, что принесет раковину — и будет вода в источнике. И будет ему великий почет от племени. Жрец Биканджапур отдаст ему тогда в жены свою дочь Обипнуру, которую Кри давно любит.

Пришел Кри к лесному озеру. И действительно, нашел раковину белую, как пена, с краями, как кровь.

На виду она лежала, наполовину зарывшись в песке.

Не солгала седая обезьяна. Все, как она сказала, так и вышло.

Идет теперь обратно Кри к черному камню.

Весело ему.

Поет Кри:

— Черный камень не будет больше мстить. Кри несет ему раковину. Снова будет вода в источнике. Хорошо! У Обинпуру косы длинные, как лианы, глаза темные, как черный камень. Сильна и ловка Обинпуру. Ай-ля-ляй! Кри любит Обинпуру. Он возьмет ее в жены!

Лес вплотную подходил к скалистым горам. Рядом с горами, на поляне, лежал черный камень.

Подошел к нему Кри и без страха положил раковину.

Ждет. Сейчас хлынет вода в источнике…

И видит он, что выходит к источнику большой пещерный ка[8].

Дрогнуло у Кри сердце, забилось в груди, как лодка на волнах о берег. Достал он стрелу с каменным наконечником и натянул лук. Прицелился прямо в сердце.

Но сейчас же отбросил лук.

Повернулся ка.

Грудь вся седая, и уши седые. Священный зверь — убивать нельзя! Может быть, это дух черного камня…

Зарычал ка, идет к нему навстречу…

Молча стоит Кри.

Хрипло вырывается из груди зверя дыхание. Белая пена падает с морды на траву. Близко ка.

Видит уже Кри в его злых, обведенных желтой каймой глазах свое лицо…

И вдруг яркий свет, точно молния, прорезает зеленый сумрак поляны…

---

8 notes: 8

Подобие медведя.

Падает ка у ног Кри.

А справа, в самом конце поляны, стоит невиданное существо с поднятой рукой, из которой вылетела огненная стрела, убившая ка — духа черного камня.

Божество гор!

Упал на колени Кри и закрыл лицо руками.

Не должен смертный видеть божество!

Но не закрываются глаза и сквозь пальцы видят, что, уходя в зеленый сумрак леса, улыбается божество гор.

3. Ни-Сол создает новую религию

Ни-Сол умышленно скрылась от экспедиции. Последняя, потратив безрезультатно несколько дней на ее поиски, решила, что Ни-Сол, вероятно, погибла; все члены единогласно постановили уехать без нее, тем более что срок отъезда уже истек, ботанические коллекции были полны, и опыты по радиозоологии произведены.

Ни-Сол была этому чрезвычайно рада. Он нашла себе пещеру в скалистых горах, где и поселилась. Недалеко от пещеры лежал черный камень и бил источник пресной воды.

Чтобы не тратить времени на ежедневное хож-

дение за водой к источнику, куда, между прочим, ходили и все пещерные ксами[9], в изобилии обитающие вокруг и представляющие серьезную опасность для жизни, Ни-Сол отвела воду к себе в пещеру, и таким образом источник у черного камня прекратил свое существование. Последнее обстоятельство, правда, изгнало пещерных ксами, но и послужило причиной больших волнений в племени, перевернувших налаженный уклад жизни человекоподобных.

Это началось как раз с того момента, когда Ни-Сол встретила у черного камня человекоподобного Кри, в священном ужасе смотрящего на высохший источник.

Желая спасти его от пещерного ксами, она вышла из своего прикрытия, и Кри увидел ее.

Кри отправился немедленно в лагерь и рассказал жрецу о встреченном им «божестве гор» и о том, что теперь нужно приносить жертвы этому новому всемогущему божеству, убившему молнией дух черного камня в лице ка.

Это легкомысленное сообщение чуть не стоило жизни Кри. Новые идеи всегда прививаются с трудом, а пророки в большинстве случаев изби-

---

9 notes: 9
Подобие медведей.

ваются камнями.

То же случилось и с Кри. Жрец возбудил против него племя, и Кри спас свою жизнь только бегством, предупрежденный своевременно своей возлюбленной, Обинпуру.

Однако новая идея, встреченная так враждебно, не исчезла бесследно и начала давать ростки.

Почти ежедневно к черному камню начались паломничества, возглавляемые жрецом Биканджапуром. Убитый Ни-Сол ка — дух черного камня — был торжественно похоронен недалеко от источника. Через три дня жрец предсказал его воскресение. Он приносил на черном камне жертвы, сжигая птиц, куски мяса убитых животных и священные стебли тростника, бормоча заклинания и наблюдая за высохшим источником.

Но дух черного камня был нем к молитвам. Источник оставался в прежнем состоянии.

По унылым лицам человекоподобных паломников Ни-Сол начала догадываться, что с каждым днем они все более и более неохотно приносили жертвы и с недоверием поглядывали на жреца, старавшегося изо всех сил поднять авторитет черного камня. Трехдневный срок, провозглашенный жрецом для воскресения духа камня, истек. Сомнение в могуществе черного камня,

помимо их воли, вкрадывалось в их сердца…

И вот однажды Ни-Сол увидела изгнанного из племени Кри. Он пришел к высохшему источнику рано утром, еще до восхода солнца. В руках у него был большой пучок белых цветов, который он положил к источнику.

Это была первая жертва новому божеству!

Кри долго стоял на коленях и простирал руки к скалистым горам. Горы вырисовывались черными силуэтами на изумрудно-розоватом, начинающем светлеть небе. А когда из-за гор взошло наконец солнце и брызнули розоватые лучи, фигура Кри с простертыми вверх руками застыла в торжественном экстазе.

В это мгновение он был прекрасен.

Сердце Ни-Сол дрогнуло. Незнакомые, мучительно-сладостные ощущения пронеслись ликующим вихрем восторга.

Он молится ей, Ни-Сол, — «божеству гор»!

Этот бронзовый дикарь — человекоподобный, такой детски-наивный в своем экстазе и беспомощный в своем героизме, в это мгновение показался ей прекраснее и могущественнее всех ее современников.

«Он молится “божеству гор” об оживлении источника, — подумала Ни-Сол. — Хорошо, “боже-

ство гор” принимает молитву! Завтра источник оживет! Серебряным звоном зазвучат его струи по остроконечным камням, алмазными лентами протянутся по изумрудной траве, возвещая племени о новой религии. Пусть завтра начнется новая, “великая эра” в развитии племени!

А этот изгнанный и презираемый всеми дикарь пусть сделается завтра всемогущим и всеми почитаемым. “Божество гор” умеет награждать за доставленную радость, тем более что “божеству” это ничего не стоит, кроме… ежедневного труда хождения за водой…»

4. Смерть Обинпуру

На лесном озере было много сплошь заросших деревьями островов. После изгнания из племени на одном из них Кри нашел себе приют.

О месте его пребывания знала одна только Обинпуру. Она иногда приходила к озеру, и Кри, услышав ее условный призыв, перевозил ее на остров на сделанном им челноке.

На острове не было зверей, и жить было безопасно. В свободное от добывания пищи время Кри занимался любимым своим занятием — резьбой.

Острым резцом-камнем на плоской раковине несколько дней подряд изображал «божество гор», поражающее молнией ка — духа черного камня.

Работа его настолько увлекала, что он забывал все окружающее.

Только один раз за все это время им был покинут остров, когда он у источника черного камня приносил в жертву «божеству гор» белые цветы. Но в тот же день он вернулся на остров и снова принялся за работу. Однако работу ему не пришлось окончить, так как в этот день произошли для него серьезные и неожиданные события.

В полдень с берега раздался условный призыв Обинпуру.

Кри перевез ее на челноке. Они ушли вглубь острова и расположились на открытой поляне, сплошь заросшей белыми цветами.

Обинпуру, волнуясь и плача, стала рассказывать. Она больше не вернется к племени. Она убежала оттуда навсегда. Она хочет теперь быть са (женой) Кри. Отец держал ее в заключении, в яме. Он ненавидит Кри и поклялся его убить.

Кри долго думал.

Вдруг неожиданная улыбка согнала мрачную тень с его лица. Глаза весело засверкали.

— Слушай, Обинпуру, — ты будешь моей са. Мы уйдем далеко-далеко от племени и будем жить одни. Черный камень и твой отец не будут нам мстить, мы будем верить в «божество гор». Улыбнись, Обинпуру!

И Обинпуру улыбнулась.

Они обнялись и, сидя рядом, начали строить веселые планы на будущее. В челноке они доедут до конца озера и там уйдут в лес. За лесом начнутся горы. Там нетрудно будет найти удобную пещеру. У Кри есть два копья, стрелы и сильные руки — стоит ли мрачно смотреть на будущее!

Когда им надоело строить всевозможные предположения, они стали играть. Обинпуру убегала, Кри ее догонял. С ловкостью кайи они взбирались на деревья и прятались друг от друга в густой изумрудной листве.

Вечером они зажгли костер и легли спать. Обинпуру скоро уснула, но Кри долго сидел и смотрел на голубое небо. Там мерцали крупные зеленоватые звезды. Неясные и неопределенные мысли, подобно ветру в листьях деревьев, проносились в его мозгу. Вереницы вопросов вставали перед ним, такие же непонятные ему, как и весь окружающий его мир.

Кри оторвал свой взор от неба. Все подавляло

его там грандиозностью и тайной и не находило ответа в его бедном представлениями мозгу. Земля была понятнее.

Обинпуру спала, закинув руки за голову. Грудь ее равномерно поднималась в такт дыханию. Полуоткрытые губы что-то шептали во сне. Кри наклонился к ее лицу, и его обожгло ее горячее дыхание. Вихрь желаний стал раскачивать сердце. Голова закружилась. Белые цветы струили острое, терпкое благоухание… Но сейчас же явилось незнакомое раньше чувство робости, мучительной нежности и жалости.

— Обинпуру устала, не нужно тревожить ее сна.

Он посмотрел на костер. Пламя колебалось, собираясь погаснуть. Нужно было найти сучья. Бесшумно поднялся Кри и пошел за сучьями к берегу.

Едва уловимый всплеск воды привлек его внимание.

К острову подъезжал длинный челнок. В нем Кри заметил трех воинов с боевыми копьями и белую бороду Биканджапура, сидевшего у кормового весла.

Кри мгновенно сообразил положение вещей. Опасность была велика.

Сквозь темную зелень листьев тускло-багровым пятном мерцал догорающий костер. Он выдавал его убежище.

Кри едва успел добежать до костра и взять копья, как враги показались уже на поляне.

Обинпуру проснулась и, увидев идущего сзади воинов отца, поняла, в чем дело.

Кри издал боевой клич и, не дожидаясь нападения, сам вступил в бой. Этим он выиграл время и первым копьем с размаха пронзил одного воина. Тот, широко раскинув руки, упал лицом в траву. Двое других, стараясь его окружить, разошлись, прячась за деревьями. Биканджапур не вступал в бой. Прячась за деревьями, он пускал стрелы. Одна из его стрел вонзилась в ногу Кри.

Кри понял, что ему лучше отступить к берегу. Там он будет защищен сзади водой. Избегая ударов бросаемых в него копий, он, прячась за деревьями, стал медленно отходить к воде.

Но в это мгновение пущенная Обинпуру стрела сразила второго воина. Эта неожиданная помощь изменила положение.

Кри прекратил отступление и бросился на последнего воина.

В тот же миг он услышал слабый стон Обинпуру… Он понял, в чем дело, и вместе со злобой

отчаяния почувствовал прилив новых сил.

Пуская стрелу, Обинпуру неосторожно вышла из-за дерева, и ее геройский поступок стоил ей жизни.

Биканджапур натянул лук, и пущенная им стрела впилась в грудь Обинпуру. Со стоном упала Обинпуру около дерева…

Кри в это время освободился от своего последнего врага, свалив его на землю ударом копья по голове. Биканджапур это заметил… Пора было подумать о спасении собственной жизни. От природы он был труслив. Насколько ему позволяла его тучность, он побежал через поляну к челноку…

Кри его не преследовал. Он склонился над неподвижно лежащей в траве Обинпуру. Вырвав у нее из груди стрелу, он вместе с последней погасил едва уловимое биение жизни, от которого еще вздрагивали веки ее закрытых глаз.

Кри не понимал смерти. Чем-то огромным, угрожающим и всегда нежданным врывалась она в окружающий его мир. Но жизнь в своем целом оставалась неизменно прежней. Исчезали бесследно только ее отдельные части. И поэтому Кри не мог понять, что навсегда могут исчезнуть части, если целое всегда неизменно, если целое

слагается из этих частей.

И теперь он думал, что жизнь Обинпуру, вырвавшись, как пар, из отверстия раны, перешла в какое-нибудь животное, птицу или растение. Не исчезла бесследно, а слилась лишь с окружающим его вечным и неизменным миром.

«Божество гор» может вернуть жизнь обратно в тело.

«Божество гор» — всемогуще!

Эта мысль явилась у Кри неожиданно и всецело поработила его. Взяв тело Обинпуру на руки, он медленно пошел к берегу, к своему челноку…

Положив тело Обинпуру на дно челнока, Кри выехал на середину озера и заметил пустой челнок, на котором приехали его враги. Челнок кружился на середине озера, медленно уносимый течением.

Кри понял, что Биканджапур, вероятно, упал в воду и сделался жертвой какого-нибудь ящероподобного, которые в изобилии обитали в озере.

Это скользнуло в его мозгу, не оставив следа. Он слишком был занят своими мыслями, слишком жаждал чуда…

Могла ли интересовать его судьба Биканджапура?

Когда он вышел на берег, начался рассвет…

Подходя к черному камню, еще издали увидел Кри, что источник ожил. Серебряным звоном звучали прозрачные струи, падая на острые камни.

«Божество гор» сдержало свое слово.

5. Экспедиция отправляется на розыски

Радиоаэробиль бесшумно мчался вдоль залива Авроры, за которым бесконечной прямой линией синел канал Ямуна.

Было еще рано.

Обычная жизнь в городах еще не начиналась, лишь на всем протяжении залива Авроры, занятого пашнями, ползли в разных направлениях электротракторы, управляемые механическими рабочими. Последние были сделаны из мягкого телоподобного сплава резины и клевеита[10], а радиомеханизм внутри, координирующий их движения, регулировался лучами главной радиостанции.

— У нас времени три часа… — сказал доктор Ни-Асту-Сол, — я прочту вам, как обещал, последнее письмо Ни-Сол.

---

10 notes: 10

Редкий радиоктивный минерал, найденный на севере СССР.

«Дорогой отец, я наконец в этом сказочном мире! У меня сейчас такое чувство, как будто бы я вновь родилась и забыла навсегда всю нашу культуру, все наши знания. Надо мной шумят гигантские хвощи. Я стою у индигового лесного озера. На песке передо мной лежит мертвый аерали[11]. Два его больших глаза на толстом головном щитке устремлены на меня. Пойми, через сколько миллионов лет эти глаза, напоминающие шлифованный алмаз в оправе, смотрят на меня… Члены моей экспедиции раздражают меня. Твой подбор ученых оказался неудачным. Здесь нужны люди, умеющие и желающие переносить опасности. Весь этот мир — одна сплошная опасность, одно сплошное пламя жизни и борьбы за жизнь. Мне удалось без особенного труда найти жилище человекоподобных. На 40 градусах северной широты 87 градусах восточной долготы находятся отроги скалистых гор. Там в пещерах поселились человекоподобные. Я нашла очень удобную пещеру, где жили раньше черные пещерные ксами, которых человекоподобные называют ка. Я занялась систематическим и подробным изучением их жизни.

---

11 notes: 11

Нечто похожее на доисторического трилобита.

И не могла себе представить, какую неоцененную услугу принес мне посланный тобой репортерский костюм-невидимка. Он защищает меня от всех опасностей.

В наших городах я ненавидела это вредное изобретение, приносившее мне немало огорчений. Не желая себя уродовать, я не носила очков, что делали все наши дамы, чтобы «видеть» невидимых репортеров и избегать опасности появления своих сокровенных тайн на огненных столбцах воздушных газет.

Надеюсь тебя скоро обрадовать серьезными данными в области радио-зоологии.

Твоя Ни-Сол».

Доктор окончил чтение.

Первой заговорила Ги-Сол.

— Я всегда знала, что моя милая сестрица очень экзальтирована. В ней бурлит кровь ее матери-поэтессы, воспевающей прелести этого мира… Но, во всяком случае, все это очень интересно. Я благодарна тебе, отец, за эту поездку. Мне порядком надоел наш Межпланетный клуб и Всепланетная радиоопера.

Ану-Ала-А засмеялся, и его безволосое, сморщенное, всегда мрачное лицо с клювообразным носом сделалось веселым.

— Держу пари, что Ни-Сол влюбится в кого-нибудь из человекоподобных!

— А я посоветовал бы ей влюбиться лучше в дизаа[12], это будет оригинальнее и принесет мне меньше огорчений… — вставил Ок-я-ги и подошел к переднему круглому окну аэробиля, где помещался увеличительный аппарат.

— Смотрите, там вдали зеленеет наш доисторический мир!

Действительно, в синевато-прозрачной дымке, окруженный высокими скалистыми горами, в котловине раскинулся необозримый изумрудный простор пышной и мрачной растительности.

Над ним прозрачно-золотисто-фиолетовыми полосами неслись облака.

Высокие отвесные горы как будто с определенной целью отделяли этот мрачный доисторический мир, беспредельно порабощающий человека, от мира современного, прошедшего бесконечно длинный путь в своем развитии и всецело порабощенного властью человека.

— Скажите, уважаемый доктор, — задал вопрос Ок-я-ги, — каким образом совершилась здесь без участия солнца вся эта сложная эволюция жиз-

---

12 notes: 12
Подобие доисторического динозавра.

ни? Я инженер, и это мне не совсем понятно…

Ни-Асту-Сол подошел к рулю и, взглянув на аэрокомпас, изменил направление аэробиля.

— Я готов ответить на ваш вопрос, Ок-я-ги. То, что мы называем жизнью, мы видим в этом удивительном чуде природы — органической клетке. Эта живая клетка создалась в те времена, когда планета еще светилась, подобно потухающему Солнцу и звездам. Она не нуждалась тогда в свете Солнца, и только позже, когда планета остыла, жизнь стала приемышем Солнца.

В данном случае мы видим яркий пример зарождения жизни на нашей мертвой планете, где уже погиб весь животный мир и только искусственно поддерживался нами мир растительный. И вот достаточно было падения нашего спутника Фобоса, чтобы вновь вспыхнуло угасающее пламя жизни…

— Ну, а как же обстояло дело с первобытным «раем», идея о котором так долго занимала когда-то существовавшие религии нашей планеты? Об этом забытом теперь «рае» так любили вспоминать наши поэты.

— От этой идеи ты скоро освободишься, дорогая Ги-Сол. Ты увидишь, какая жестокая и ужасная борьба происходит в этом мире. Там все пожи-

рает друг друга. Смерть была древнее «рая», и ее дуновением гасились огоньки жизни для того, чтобы давать горючий материал будущему вечному пламени жизни.

Я, к сожалению, должен прекратить нашу милую болтовню, так как мы достигли своего назначения.

Мы спустимся вот здесь, у этих скал, и пойдем в лес, захватив с собой лишь необходимые нам предметы.

6. В доисторическом лесу

Второй день находились спутники в мрачном доисторическом лесу. Они шли к скалистым горам, где, по сообщению Ни-Сол, жили человекоподобные.

Ярко горело вокруг пламя жизни. Теплый влажный ветер гнал с лесных болот и озер облака золотистой растительной пыли. И в каждой такой пылинке горел огонь жизни. И из каждой такой пылинки возникало новое растение.

Около исполинских разросшихся хвощей, к которым примыкало лесное озеро, Ги-Сол увидела белый красивый цветок, прибитый к берегу.

— Это мужской цветок орияли[13]… — объяснил Ни-Асту-Сол. — Его история очень интересна. Это прообраз отделения животного от растения. Растение находится на дне. Когда наступает время оплодотворения, растение выбрасывает на длинном стебле на поверхность воды женский цветок.

У мужского цветка природа создала слишком короткий стебель. Он не может дотянуться до поверхности. Но акт оплодотворения должен быть исполнен. Мужской цветок делает тогда героическое усилие, отрывается от своего стебля и выплывает на поверхность. Приблизившись к женскому цветку, он передает ему пламя жизни, а сам уносится ветром и погибает. Этот прекрасный порыв принесения себя в жертву для будущего — основа жизни…

Ги-Сол вдруг вскрикнула, схватив в ужасе Ану-Ала-А за руку.

— Что это такое?! Посмотрите!

В чаще хвощей послышался заглушенный топот.

Ломая молодые побеги, неожиданно выскочил

---

13 notes: 13
Наш цветок валлиснерия.

оттуда громадный гобри[14]. С неописуемой яростью он бросился на спутников.

Все растерялись.

Дорожные тюки и оружие были необдуманно оставлены за несколько сажен от озера. К счастью, Ок-я-ги взял с собою радиоревольвер. В самый последний момент, когда гобри был в двух шагах, Ок-я-ги выстрелил.

Невероятно яркий луч, как огненно-узкий бич, хлестнул зеленый влажный полумрак.

Гобри в эту же секунду тяжело рухнул на траву.

Все склонились с любопытством над этим громадным, величиною со слона, мертвым животным.

Один только доктор Ни-Асту-Сол, не обращая на него внимания, ползал на коленях по траве и шарил вокруг рукой, разыскивая упавшие в суматохе очки.

В это же время он продолжал говорить тем же поучительным тоном, как и за несколько минут до этого.

— Однако вы знаете ли, что это за животное? Это простая мышь. Постепенно развиваясь, она

---

14 notes: 14
Доисторический дипротодон.

достигла таких размеров. Вас это поражает? Где же мои очки?

Все рассмеялись и принялись за поиски.

В зарослях послышался новый шум…

Ану-Ала-А схватил доктора за руку:

— Скорей к нашим тюкам! Оденем костюмы-невидимки… Кто знает, какой еще нам готовится сюрприз…

Но в это мгновение из зарослей выскочила громадная толпа человекоподобных. Голые волосатые тела покрывали у бедер шкуры пещерных ксами. В руках были копья с острыми каменными наконечниками. У некоторых были тяжелые каменные топоры.

С неистовым ревом часть их окружила мертвого гобри, а другая бросилась в погоню за нашими спутниками.

— Каий! Каий! — кричали они, потрясая оружием.

Первым был окружен отставший доктор.

Ок-я-ги, а с ним и все остальные, успевшие добежать до тюков, принуждены были возвратиться на выручку доктора. Один только Ок-я-ги успел вытащить брюки-невидимки… На ходу он успел их надеть… Нижняя часть его туловища сделалась невидимой… Это произвело на чело-

векоподобных ошеломляющее впечатление. Верхняя часть туловища Ок-я-ги висела в воздухе, размахивая руками. Неописуемый ужас охватил человекоподобных. Они упали на колени и, пригибаясь до земли, гортанными, жалобными голосами стали выкрикивать одно и то же слово.

— Ни-Сол! Ни-Сол! Ни-Сол!

Доктор подошел к Ок-я-ги.

— Вы что-нибудь понимаете?

— Даже не имею надежды понять.

— А вы, Ану-Ала-А?

— Полнейший мрак неизвестности.

— Я слышу, что они как будто произносят имя моей сестры.

— Это и мы все слышали, Ги-Сол. Но это и есть для нас самое непонятное.

— Факт, между тем, налицо. Человекоподобные настроены по отношению к нам миролюбиво. Смотрите, они куда-то нас зовут, и при этом чрезвычайно почтительно.

— Я полагаю, что нам нужно с ними идти, — заявил Ану-Ала-А. В нем вспыхнула репортерская страсть к сенсационным приключениям.

— Я тоже полагаю, что это скорейший способ понять непонятное.

— И я согласен с вами, — заявил доктор.

Забрав свои тюки, двинулись в путь.

Впереди шли человекоподобные, расчищая дорогу. Они что-то выкрикивали пронзительными, радостными голосами.

Заросли хвощей скоро кончились. За громадной открытой поляной высились высокие скалистые горы. На всем протяжении поляны горели громадные костры.

Черный смолистый дым поднимался тяжелыми облаками к небу. Вокруг костров в разных направлениях сновала громадная толпа человекоподобных. Часть их, разрубавшая на куски убитого гобри, бросилась к ним навстречу.

Когда все спутники подошли к становищу, лица их приняли одинаковое выражение невероятного удивления…

Навстречу к ним шла, улыбаясь, Ни-Сол, перед ней падали на колени, закрывая лицо руками, человекоподобные.

7. Разговор пришедших «богов»

Вечером все сидели у пещеры на вершине скалистых гор и смотрели на расстилающийся перед ними вечереющий простор. Внизу, на поляне, горели багровым пламенем костры.

Синеватыми облаками поднимались над лесом испарения. В лесу кричали звери. Иногда в воздухе темнели громадные крылья ночных птиц.

Ни-Сол говорила.

— Когда я пришла впервые к человекоподобным, у них царил еще культ камня и животных. Это племя называет себя Марасатуками. Другое племя живет по ту сторону гор. Оно малочисленнее.

Меня сначала очаровал этот жестокий мир. Я помогала человекоподобным в их борьбе с природой. Они проявляли немало героизма. Увидев меня однажды, когда я поразила выстрелом ксами, человекоподобные стали считать меня божеством гор. Это я, Ни-Сол, — божество?! Могли ли вы предполагать что-либо подобное… Перейдя таким образом к культу человекобогов, это племя сделало громадный скачок в своем историческом развитии. Однако не завидуйте мне… Вас они приняли, конечно, тоже за богов, пришедших ко мне на помощь, чтобы управлять миром и их племенем.

Но я очень скоро увидела эту громадную пропасть времени между ними и собой. Я почувствовала ужасное одиночество и тоску. Жизнь — непрерывный поток вечного движения,

несущий все вперед. Каждая секунда, каждый час, каждый день жизни уносит нас все дальше и дальше. И при всем нашем желании вернуться назад невозможно, этот поток не пустит нас. Ежесекундно мы обогащаемся опытом и знаниями. Каждый вчерашний день не может быть для нас сегодня таким же, каким был вчера. Передо мной встал вопрос: что мы будем делать с этими существами?

В нашей культуре мы ушли от них так неизмеримо далеко, что они нам совершенно не нужны. Мы не можем их сделать даже своими рабами. Наши механические рабочие в этом отношении удобнее и продуктивнее для нас. Нам, сделавшим труд творчеством и достигшим этим счастья, совершенно не нужны эти существа…

Все глубоко задумались.

Мрак сгущался. На поляне, перед багровым пламенем костров, сновали человекоподобные, размахивая каменными топорами.

Их громадные причудливые тени уродливо змеились на выжженной поляне.

— Они танцуют свой священный танец в честь нас, пришедших богов… — после долгой паузы произнесла Ни-Сол.

Над лесом взошел оранжевый серп Деймоса.

Около него вспыхнула едва заметная звездочка и понеслась вниз.

— Смотрите! Аэробиль отлетел с Деймоса.

— Какая нелепость! Доисторический мир и аэробильное сообщение.

Ни-Сол засмеялась и обвила руками шею Ок-я-ги.

— Знаешь, что вечно и неизменно?

— Чувство любви...

К новому солнцу

1. Заседание совета Межпласо[15]. Доклад Ро-па-ге. Решение должно быть немедленно приведено в исполнение!

По всему небу, нависшему чугунным куполом над обледеневшей сталью верхних улиц, ослепительно пылали сине-изумрудные созвездия.

Планет уже не было видно. Свет угасающего солнца был недостаточен для их освещения. Давно уже день отличался от ночи только тем, что днем, среди пылающих на черном небе созвездий, появлялся тускло-багряный, испещренный дымными полосами солнечный диск.

Верхние улицы были давно покинуты людьми. Теперь там лежал толстый слой льда. Он заполнил собой все метро, все бесконечные крыши верхних сооружений, изумрудными сталактитами свешивался с виадуков и проникал во внутренние части зданий.

Спасаясь от холода, люди покинули верхние дома и ушли под землю. Там была сосредоточена вся исполинская работа их жизни. Бешеный темп этой работы зажег одним пламенем все сердца.

---

15 notes: 15
Межпланетных сообщений.

Все личное радостно и беспрекословно приносили в жертву этой работе.

Никогда ничего подобного не знала история человечества.

В большом круглом зале совета Межпласо происходило заседание правительства.

Характерно поскрипывали радиостенографы, записывающие речи. За стенографами сверкали стеклянные полосы-гранки. Вспыхивающие в них беспрерывно слова слагались в речи. С этих стеклянных гранок произносимые на собрании речи разносились радио по всем городам Марса.

Лица у присутствующих были серьезны и торжественны.

Председатель Межпласо, инженер Ро-па-ге, произносил последнюю речь.

— Понятно, почему наши сердца зажжены сейчас одним пламенем. Мы разрешаем задачу жизни и смысла всего человечества. Солнце — источник жизни нашей планетной системы — угасло. Оно озаряло длинную и тернистую дорогу планетарного человечества. В первые дни доисторического мира оно ярко-голубым светом озаряло жизнь наших далеких предков. Теперь оно угасло, и мы видим его багровый, зловещий свет. Мы прошли бесконечно длинный путь

жизни. Мы пронесли по этому пути все ценности культуры и науки. Мы — последние представители человечества! Наша жизнь была неразрывно связана с солнцем. Мы присутствуем теперь при его гибели. Мы остались одни: связь с другими планетами прекратилась. Холод и смерть разъединили теперь когда-то тесно спаянную между собой семью людей планет; все заняты только своим спасением. Холод и смерть…

Он умолк и обвел зал сверкающими глазами. Все сидели безмолвно. В абсолютной тишине слышалось только порывистое дыхание присутствующих да поскрипывание стенографов.

После минутой паузы Ро-па-ге стал продолжать свою речь:

— Наши предки полагали, что главным источником поддержания солнечной энергии являлось его сжатие, а поэтому тепловой энергии солнца должно хватить лишь на 17 миллионов лет. После этого срока солнце уплотнится подобно нашей планете. В общем, это было правильно, но в деталях этот срок гибели солнца отодвинулся неизмеримо дальше. С открытием радия определилось его свойство беспрерывно выделять теплоту. От эманации радия получались совершенно новые атомы гелия. Раз гелий является

эманацией радия и его присутствие открыто на солнце, то и тогда уже можно было сделать вывод, что радий существует и на солнце. Впоследствии это было подтверждено наукой, и в области новых источников тепловой энергии солнца открылись широкие горизонты. Ясно поэтому, что солнце сохранило свою энергию на неизмеримо большее протяжение столетий, чем это предполагалось нашими предками.

Но и эти сроки прошли…

Солнце погасло.

Неужели с его смертью и нас ожидает гибель? Неужели все достижения культуры и науки должны погибнуть вместе со смертью солнца? Неужели путь, пройденный человечеством, — бессмыслен?!

Нет!

В последнее столетие мы произвели гигантскую работу. Сегодня она окончена. На полюсе построены исполинские пятнадцатикилометровые аппараты. В них взрывается газ.

При помощи этих взрывов мы оторвемся от притяжения нашего солнца и перенесемся через мировое пространство к новому солнцу. Пространство во многих местах занято газообразными темными массами и облаками космической

пыли. Они поглощают свет звезд, расположенных за ними. Несясь в продолжение тысячелетий вместе со всей Солнечной системой, наша планета соприкоснулась сейчас с таким космическим облаком. Эта счастливая случайность дала нам возможность при помощи взрыва, направленного в более плотную часть космического облака, преодолеть притяжение нашего солнца и унестись в пространство.

Сегодня мы вынесем решение отправиться в далекий путь!

Через ледяные просторы мирового пространства, к серебряной дороге Млечного Пути, — к новому солнцу и новой жизни. Сегодня мы кончаем со старой жизнью! Через два года нам будет светить новое солнце! Наше решение должно быть немедленно приведено в исполнение!

Он умолк и сошел с кафедры.

Из-за большого круглого стола поднялись все присутствующие.

— Решение должно быть немедленно приведено в исполнение!

— Сообщите по радио на полюс!

— Немедленно!

Ро-па-ге подошел к столу и написал приказ.

В абсолютной тишине приказ был всеми под-

писан.

После этого все снова уселись за круглый стол и продолжали хранить молчание. Это продолжалось, пока шла передача и исполнение приказа.

Вдруг внезапный легкий толчок показал, что на полюсе произошла первая вспышка газа. Приказ привели в исполнение.

Все снова вскочили из-за стола и, удерживаясь за спинки кресел от беспрерывного ряда последовавших вторичных сотрясений, окружили Ро-па-ге, склонившегося над овальным зеркалом, отражающим небо.

В выпуклой поверхности зеркала с запада на восток быстро передвигались пылающие созвездия. Большая Медведица, в виде вытянутой зигзагообразной линии, сверкала у самого горизонта. Несясь по орбите, планета медленно отдалялась от нее, уносясь вправо. Это было ясно, так как из-за горизонта появлялись созвездия Южного полушария.

Вдруг у края овального зеркала вспыхнуло красное, дымное пятно угасающего солнца, расплываясь и уносясь в направлении с запада на восток.

2. Организатор Общества «Солнечный двигатель» и его дочь

Ро-па-ге с заседания возвратился к себе домой веселый и радостный.

Наконец-то сбылась мечта всей его жизни. К нему снова возвращались потерянные им за последнее время влияние и власть.

Он прошел к себе в кабинет и сел за письменный стол.

Он был возбужден только что окончившимся собранием и не чувствовал еще усталости. Он подумал, что планета сейчас оторвалась от своей орбиты и несется в пространстве, и почувствовал громадное нравственное удовлетворение. Потом он непроизвольно перевел глаза на портрет своего предка, первого основателя Общества «Солнечный двигатель».

Умное, энергичное лицо смотрело на него из черной рамы.

Ро-па-ге показалось, что плотно сжатые губы улыбаются ему сочувственно.

Этот первый основатель затратил много энергии, чтобы провести в жизнь свое изобретение —

«солнечный двигатель».

Его изобретение — аэробиль — было построено по принципу планеты.

Как планету, его окружала атмосфера, образующаяся от особого, вырабатываемого внутри аппарата газа.

Эта газовая рубашка предохраняла аппарат от холода безвоздушного пространства и разрешала все неразрешимые ранее трудности. Энергию аппарат брал от солнечных лучей.

Он совершил несколько перелетов на Землю, и после этого правительство открыло институт Межпласо, а он организовал Общество «Солнечный двигатель» с целым рядом заводов, на которых вырабатывались его аппараты. В короткий промежуток времени ему удалось получить большие заказы на Земле, и Общество начало быстро процветать.

Это Общество играло большую роль в планетарной истории в течение тысячелетий. И только тогда, когда угасло солнце, оно распалось.

Последним его организатором был Ро-па-ге.

Беспрерывной вереницей мелькали в мозгу Ро-па-ге мысли.

Если Марс совершит благополучный перелет через мировое пространство и будет обращаться

вокруг нового солнца, — какие невероятные перспективы ожидают его?!

Ему удастся снова пустить в ход фабрики и таким образом снова взять руководство над всем производством планеты в свои руки. Его влиянию не будет предела. Он исследует близлежащие к новому солнцу планеты, а если там существует жизнь, — Марс получит первенство в обмене на планетарных рынках. Во всяком случае, он — последний представитель Общества — будет первым воссоздателем его и творцом новой жизни!

В то время как Ро-па-ге предавался мечтам и строил планы на будущее, в кабинете его дочери происходило совещание, сущность которого была далека от его мечтаний.

Светловолосая, миниатюрная Ме-та, дочь Ро-па-ге, ходила взад и вперед по комнате, иногда останавливаясь перед своими слушателями и жестикулируя.

Слушателей было двое.

Один — инженер Рейль, другой — ученый, астроном Верн.

— Мы должны начать немедленно действовать! — говорила Ме-та. — Вы сами видите, что влияние партии моего отца растет.

Теперь же, когда наша планета несется в пространстве, все беспрекословно встанут на его сторону, опьяненные идеей спасения жизни и цивилизации. Это грозит нам тем, что нас в ближайшее время раздавят. Здесь, наверху, у нас почти нет сторонников. Поэтому нам необходимо немедленно завязать сношения с рабочими в шахтах. Их держат как рабов, и условия их жизни ужасны.

Ее перебил инженер Рейль:

— Вы правы, Ме-та. Я работаю на электропоездах по доставке клевеита из шахт к двигателям. Я вижу постоянно рабочих. У них уже начинается брожение. Наше дело — направить их недовольство в нужное нам русло.

— Я во всем с вами согласен, — заговорил Верн, все время сидевший в задумчивости. — Начинать нужно немедленно. Тем более что я установил, что в сферу притяжения нового солнца мы попадем значительно раньше, чем это вычислило Межпласо. Наша планетная система мчится к созвездию Геркулеса, к новой открытой звезде Novum Sol (Новое Солнце). Эта звезда, в свою очередь, мчится по направлению к нам. В сферу ее притяжения мы попадем не через 2 года, а через 1 год 4 месяца. К тому же этот процесс протечет

не так безболезненно, как это предполагают. От сотрясения будут гигантские разрушения.

— Вы утверждаете, Верн, что здания, заводы и машины могут рухнуть? — задала вопрос Ме-та.

— Конечно.

— Это облегчит нашу работу.

— С первыми лучами нового солнца начнется новая жизнь! — заявил убежденно Рейль.

— Однако оставим на время метафизику и займемся работой… — подходя к письменному столу, заявила Ме-та. — Я завтра вместе с отцом поеду на полюс к двигателям. Вам, конечно, известно, что Ро-па-ге назначен главным начальником шахт и двигателей… Под его прикрытием мы начнем работу… Я хочу познакомить вас с моим планом. Слушайте.

Рейль и Верн подошли к столу и склонились над чертежами и планами шахт…

Утром Ме-та вошла в кабинет отца. Ро-па-ге уже давно встал и в пушистом шерстяном халате сидел за столом, заваленным докладами и таблицами.

Увидев ее, он улыбнулся углами губ, но хмурая сосредоточенность не исчезла с его лица.

Он по-своему любил Ме-ту.

Любил ее своенравный решительный харак-

тер, в котором узнавал самого себя, и радовался этому.

В сущности, он был одинокий, усталый и пресытившийся жизнью человек. Власть и деятельность ему были нужны для заполнения пустоты личной жизни. И он жаждал их, чтобы, как наркотиком, поддерживать свой дряхлеющий организм. Сегодня он был в хорошем расположении духа.

— Я на все согласен, Ме-та. Я знаю твою просьбу.

— Я в восторге от твоего предугадывания моих желаний.

— Иди, собирайся, через три часа я выезжаю на полюс.

— С нами поедет инженер Рейль.

— Это толстый маленький меланхолик с бородавкой на подбородке? Я не ошибаюсь?

— Нет.

— Хорошо. Он, кажется, говорит мало, — я ничего не имею против него.

3. Рабы машин. Песня о солнце

Бесконечными коридорами разветвлялись шахты, уходя все глубже и глубже к центру пла-

неты. Там в раскаленно-удушливом воздухе поблескивали синевато-жирные минеральные пласты. Руда отсюда доставлялась на электропоездах наверх, где на заводах полюса вырабатывался взрывающийся газ Ютли. По трубам он струился к двигательным аппаратам, взрывался и сообщал движение планете в пространстве.

Помещения для рабочих находились здесь же, в непосредственной близости от разработки пластов. Рядом с ними помещались больницы, театры-кинематографы и многочисленные рабочие кафе.

Работа здесь велась беспрерывно. Все грохотало, все неслось в бешеном неистовстве. К этому неистовому темпу работы здесь была приспособлена вся жизнь.

В одном из рабочих кафе отдыхала свободная от работы группа рабочих.

Лица у всех были серы и изможденны. В воспаленных глазах поблескивала ничего не выражающая смертельная усталость.

Разговор был отрывист и вял.

— Ежедневно мы умираем сотнями. У наших жен прекратилась рождаемость.

— Детские дома закрыты за ненадобностью.

— Мы не можем больше терпеть!

— Когда же конец?!

— Мы все умрем…

В кафе в это время вошел молодой рабочий, Магир. Он работал на электропоездах, доставляющих руду наверх, к двигателям. Он многое узнавал от инженеров и пользовался широкой популярностью среди рабочих.

Его окружили и, пожимая руки, увлекли вглубь кафе.

Тотчас же его забросали вопросами.

Он неторопливо сел за столик в углу кафе и стал рассказывать:

— Инженеры говорят, что планета несется по правильному направлению. Если это будет так продолжаться, то мы через полгода увидим новое солнце.

— Что же дальше, Магир? Мы будем по-прежнему работать здесь! Новая жизнь будет для людей верха, а не для нас… — злобно перебил старик Доббс.

Со всех сторон раздались иронические замечания.

— Верно, Доббс! Нам не увидеть солнца…

— Не придется нам погреть наши косточки белыми лучами.

— Не придется увидеть зеленые деревья и цве-

ты, о которых мы не имеем даже представления. Это за нас сделают люди верха!

— Вы правы, — начал снова Магир, когда отдельные выкрики умолкли. — Конечно, нас заставят и тогда работать люди верха… Но мы сможем тогда сбросить их власть…

В кафе наступила неожиданно тишина.

Рабочие ближе подвинулись к Магиру.

— Что ты говоришь, Магир?!

— Это немыслимо.

— Люди верха могущественны.

— Разве ты забыл, как поступают с теми, кто говорит такие слова?

— Берегись! Везде у них есть уши.

— Слушайте, слушайте, — продолжал Магир. — Я вам расскажу, что я услышал от инженеров, у двигателей. У нас есть сторонники и среди людей верха. Они нам помогут. Слушайте! Когда наша земля приблизится к новому солнцу, будет сильное марсотрясение. Гораздо сильнее того, когда наша планета при взрыве отрывалась от нашего старого солнца. Помните, как тогда рухнули шахты и задавили сотни рабочих?! Вспомните… А тогда разрушатся все здания и заводы, разлетятся вдребезги все виадуки, — люди верха будут бессильны тогда. А мы выйдем отсюда, из темных

шахт, из вечной тьмы могил, в обновленный мир. Расцветут зеленокудрые деревья и цветы, благоуханные поля будут петь под ослепительными лучами солнца.

— Ты хорошо говоришь, Магир!

— Говори, говори… Мне кажется, что я уже чувствую это благодатное тепло, от которого оживают мои тухнущие от сырости кости.

— Я ни разу не видел настоящих лесов!

— Говори, Магир… Продолжай.

И Магир говорил.

Когда возбужденные рабочие через полчаса ушли из кафе, Магир отправился в женские дома.

Проходя по одной узкой улице-шахте, на повороте он услышал песню. Кто-то шел к нему навстречу и пел:

Скоро планета – умирающий зверь —
Станет молодым, ликующим зверем;
Шерстью зеленой покроется снова, —
Зеленокудрою шерстью лесов…
Как драгоценные камни, цветы
Будут сверкать на зеленых лужайках…
Красивый венок из этих цветов

Сплету я любимому мною.

По голосу Магир узнал Арри. Она вышла из-за поворота и столкнулась с Магиром, заслонившим ей дорогу.

— Я шел за тобой, Арри. Хорошо, что я тебя встретил.

— Я решила забежать на минутку к подруге. Ты не забыл, что мы идем сегодня в театр?

— Конечно, не забыл… Скажи, откуда ты выискала эту песню, что сейчас пела?

— Я ее сама сочинила. Все наши женщины, Магир, грезят о новом солнце. О новом солнце и о новой любви.

4. В театре. Магир и Арри у круглого озера

В огромном полукруглом здании театра было много народа. Магир и Арри с трудом нашли себе свободное место. Шла пьеса «Синоргмежпласо».

Декораций не было. Их роль давно заменили собой кино-эпидиаскопы, проектирующие на сцене в воздухе необходимые по ходу пьесы декорации.

Театральный занавес заменял киноаппарат,

проектирующий картины прямо в воздухе, на том месте, где он должен был бы висеть. Этот же аппарат в случае надобности запечатлевал и скрытые мысли персонажей; они вспыхивали огненными буквами в воздухе над головами артистов.

Таким образом декорации могли мгновенно смениться, могли быть все время движущимися, как кинолента, достигая невероятных световых эффектов.

Магир уже видел эту пьесу, но Арри смотрела ее в первый раз.

Фабула пьесы была следующая. Сын организатора Межпласо влюбился в одну артистку с Юпитера. Он ее видел только в фильмах и слышал ее голос в «межпланетной радиоопере». Он решается ехать на Юпитер и объясниться ей в любви. Но в то время, когда он совершает перелет, — происходит столкновение аэробиля с одним из астероидов, Церерой. Все гибнут. Один только сын организатора попадает на астероид и совершает на нем оборот по его орбите вокруг солнца. Межпланетные газеты разносят этот случай по всем планетам и печатают его портреты.

Читая газеты, артистка-юпитерианка в свою очередь влюбляется в сына организатора. Она

собирает экспедицию и отправляется его спасать. В конце концов она его находит. Все кончается благополучно. Виновник приключения женится на артистке-юпитерианке и выпускает свою книгу впечатлений на Церере, которая делает его знаменитым писателем.

Магир рассеянно смотрел на сцену. Он думал о другом. Завтра снова эти смеющиеся люди будут стонать под непосильной работой, проклинать свою жизнь и умирать в больницах. Неужели достаточно этой мишуры, чтобы они могли забыть все это и быть счастливыми сегодня? Где же выход?!

Острая тоска отчаяния сжала ему сердце. Ему самому вдруг захотелось забвения, какого-то могучего порыва, ослепительной радости и счастья.

Он сжал руку Арри…

Она обернулась к нему и посмотрела на него ласковыми, улыбающимися глазами. Потом ответно пожала ему руку и погладила ее своей рукой.

Пьеса в это время кончилась.

На месте занавеса запрыгали огненные буквы и сложились в фразы:

«Продолжайте усердней работать, — скоро мы

увидим новое солнце. Не забывайте, что вы делаете великое дело спасения жизни и цивилизации. Да здравствует Совет Межпласо! Да здравствует Ро-па-ге!»

Арри встала и взяла под руку Магира.

— Мы пойдем в танцевальный зал.

— Хорошо… как хочешь.

В широко раскрытые двери из театра медленно выливались толпы народа. Гулко отдавался в сводах веселый смех и взвизгивание женщин. И над всем этим откуда-то издали неслась веселый, зажигающий танец.

Ослепительно горело электричество, и веселые пары уже кружились по громадному залу. Арри увлекла Магира, и он сделал с ней два круга. Но вскоре он ушел от нее и принялся бродить по заполненным людьми фойе и залам.

Ему было скучно. Беспричинная злоба стала душить его.

В одной из комнат, где помещался автоматический буфет, за столиком сидели четверо рабочих и пили сапу[16]. Они были сильно навеселе и бросали насмешки и вызовы проходящим.

Когда вошел Магир, они, заметив его мрачный

---

16 notes: 16
Водка с эфиром.

вид, весело расхохотались.

— Посмотри-ка на этого молодчика, — сказал первый из них, захлебываясь от смеха.

— Это он старается показать, что он очень умен.

— Это Магир. У него такой умный вид оттого, что он часто видится с инженерами.

— Эй, паренек, ты не очень-то воображай, а то мы тебя живо проучим.

Не обращая на них внимания, Магир подошел к буфету и выпил залпом большой стакан сапы.

Алкоголь сразу бросился ему в голову. Тоска стала затушевываться. Захотелось веселья и дерзости.

Он обернулся и посмотрел на сидевших за столиком пьяных рабочих.

Взгляд его встретился с их мутными взглядами.

— Эй, Магир, ты гнушаешься с нами говорить! — закричал первый из них. — Хорошо, я тебя сейчас научу быть вежливым…

Он хотел подняться со стула и не мог. От напряжения широкий шрам на его левой щеке сделался багровым.

Магир не торопясь подошел к нему, и глаза его вспыхнули злобно и весело. Он схватил его

двумя руками за пояс, поднял на воздух и посадил обратно на стул с такой силой, что он вместе с разлетевшимся вдребезги стулом очутился па полу.

Его товарищи сразу умолкли и стеклянными глазами уставились на Магира.

— Хватит с нас… — процедил Магир сквозь зубы и ушел из буфета.

Неожиданный подъем у него сменился безразличием. Ему снова стало тоскливо.

Он прошел через ослепительно сверкающий зал, где весело кружились пары и гремела музыка, и вышел на пустынную улицу-шахту.

Он шел быстрыми шагами вперед.

Постепенно затихали звуки веселых танцев, и мертвая тишина, в которой гулко звучали его шаги, окутывала его своей стерегущей напряженностью.

Он свернул направо и, чтобы сократить путь, пошел к месту работ узкими, зигзагообразными переходами.

Он сам не знал, куда и зачем идет. В мозгу не было определенной мысли. Только какая-то тоска и жалость к самому себе почти физической болью сжимали сердце.

Он дошел до круглого озера. Над ним ярко горел электрический фонарь. Свет от него врезался ши-

роким острым клином в неподвижно-свинцовую водную поверхность.

С правой стороны озера Магир заметил скамейку.

Подойдя к ней, он сел.

Вокруг было безлюдно и тихо. Он долго сидел, стараясь ни о чем не думать. Тишина была полная. И он почувствовал даже, как у него звенело в ушах от прилива крови.

Вдруг ему почудились отдаленные торопливые шаги. Он не ошибся. Вскоре он увидел вышедшую к озеру Арри.

Она сразу увидела его и торопливо подошла к скамейке.

— Я бежала за тобой… Ты так быстро шел. Что с тобой, Магир?

Магир молча посадил Арри рядом с собой.

Она прижалась к нему и замолчала.

Из-за озера отчетливее стал доноситься шум работ. Это работали кислородные заводы, заменившие функции исчезнувших лесов.

— Слушай, Арри… — заговорил наконец Магир. — У меня сейчас такое чувство, что мы с тобой одни в целом мире. Там, наверху, — холод и смерть. И вокруг планеты мрак и холод. А планета несется к новому солнцу. Когда нашу планету

озарят белые лучи, мы должны быть свободными. Будешь ли ты помогать мне? Будешь ли ты вместе со мной, Арри?

5. Магир и Ме-та. Тайна Маиты

Приехав на заводы полюса, Ме-та захотела сама проникнуть в шахты и завязать сношения с рабочими.

Ее желание привел в исполнение инженер Рейль, заведующий электропоездами по доставке руды.

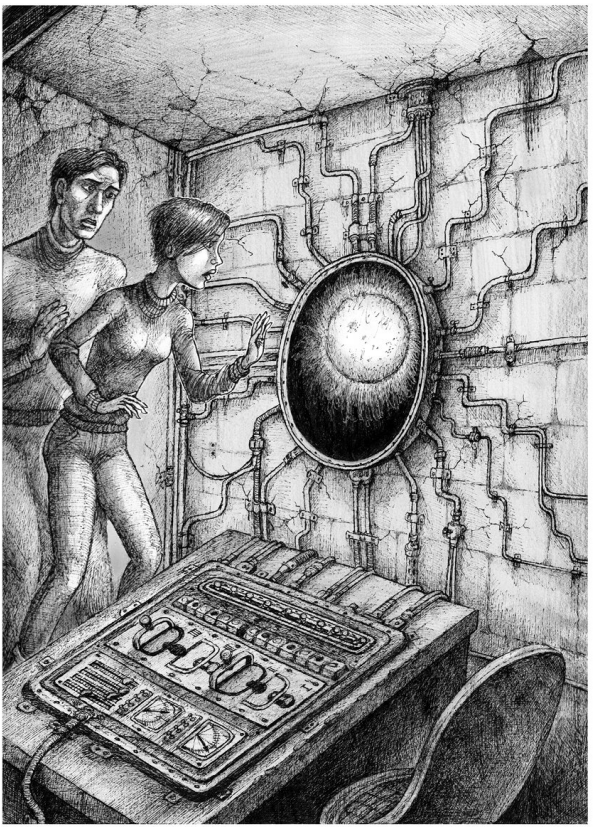
Ро-па-ге был вызван в совет Межпласо, и поэтому ее отсутствие не могло быть никем замеченным.

Ме-та переоделась в костюм работницы и помчалась вглубь шахты на том самом поезде, которым управлял Магир.

Быстро несся поезд узкими шахтами, оглушительно громыхая на поворотах. Тяжелый, затхлый воздух свистел у Ме-ты в ушах.

На переднем вагоне у двигателя неподвижно стоял Магир. Глаза его были устремлены вперед, в душный дрожащий сумрак, где расплывчато вспыхивали, а затем проносились мимо поезда исполинские электрические фонари. Рука засты-

ла на регуляторе.



Ме-та находилась рядом и не спускала глаз с его энергичного лица. Об этом рабочем ей много говорил инженер Рейль, и она теперь была согласна с ним, что Магир может быть руководителем восстания.

Когда поезд стал замедлять ход, Магир обернулся.

— Вы сейчас сойдете и будете меня ждать в правой шахте-улице. Сейчас моя смена. Я сдам поезд и приду туда.

На повороте поезд на мгновение остановился, и Ме-та выскочила из вагона. Прижавшись спиной к влажной стене шахты, она пропустила длинную цепь вагонов, исчезнувших за поворотом. Потом она пошла вперед и углубилась в правую шахту-улицу…

Так началось знакомство Ме-ты с Магиром. Сам не замечая того, Магир всецело подпал под влияние этой девушки. То, что прежде мелькало в его мыслях неясно и неопределенно, теперь, при разговорах с Ме-той, получило законченность. Он всегда с нетерпением ожидал появления Ме-ты. За последнее время она, занятая делами наверху, появлялась в шахтах все реже и реже.

* * *

Огромные четырехугольные комнаты больницы были сплошь заставлены кроватями. Сюда, как и всюду, проникал грохот машин. И в этом несмолкаемом шуме здесь умирали тысячи людей, изможденных работой и отсутствием солнца и воздуха.

Медицина была бессильна в борьбе с этой смертностью. Ничем она не могла заменить свет и воздух.

После смены Магир часто заходил сюда. Здесь лежала его мать.

Сегодня он пришел позже, его задержало тайное собрание рабочих.

На кровати неподвижно лежала его мать — Маита.

Седые волосы свешивались на ее воспаленное лицо.

Когда он подошел к кровати, она открыла глаза.

— Как ты себя чувствуешь, мама?

— Я чувствую, что скоро умру… Ты хорошо сделал, что пришел сегодня. Многое я хочу тебе сказать…

Он опустился перед ней на колени и положил

ее руку к себе на голову.

Худая, бессильная рука ласково прильнула к его волосам.

— Слушай, мой дорогой мальчик, — мне каждую ночь снится один и тот же сон. Однажды в детстве я была наверху, в музеях. Я видела старые картины. Это было, вероятно, очень давно. Мои родители и родители моих родителей жили при красном солнце. А на тех картинах было нарисовано яркое, бело-голубоватое солнце. Вся планета была покрыта зеленокудрыми деревьями и яркими цветами… Все это мне снится теперь каждую ночь. Я не знаю, бред ли это или действительность?! Я вижу, что наша мертвая планета снова покрывается пышной растительностью и благоуханными цветами. Я вижу совсем других людей: сильных, радостных и поющих. Нет больше мертвого холода и вечных сумерек. Ослепительно голубое солнце струит с небосвода горячие потоки лучей. Никогда не виданные мною звери ласкаются ко мне… И куда я ни бросаю взор, — нигде нет наших угрюмых железных фабрик, стальных улиц и черного мертвого неба. Везде — деревья, травы и цветы. Мой дорогой Магир, может быть, это так и будет. Может быть, это не бред… Почему ты молчишь, Магир? Подвинься

ко мне ближе, мне трудно говорить…

— Это не бред, мама… Я сам в это верю. И мне снятся такие же сны. Всем нам, живущим здесь во мраке и задавленным рабской работой, снятся такие же сны. Это не бред, это — предчувствие. Наша планета — старый и дряхлый зверь — снова покроется зеленокудрой шерстью. Все мы будем свободны и счастливы. Слушай, мама, к нам пришла девушка сверху и рассказала о новом солнце и о новой жизни. Эта девушка живет теперь среди нас. Она говорит, что скоро лучи нового солнца брызнут на нашу старую планету, сожгут и разрушат все наши заводы и железные дома и смоют проклятие нашей жизни. Она говорит, что нам нужно восстать и завоевать новую жизнь. Мы готовы за ней идти…

— Да, Магир, время пришло… Сбывается древнее пророчество…

— О каком пророчестве ты говоришь?

— Твой отец, Магир, был последним членом тайного Общества, мечтающего о новом солнце и о новой жизни. Он говорил, что только космические перевороты перерождают жизнь. Общество, в котором состоял твой отец, было истреблено. Последние его члены бежали в подземелья и там дожили остатки своей жизни. Твой отец, Магир,

передал мне тайну этого Общества. Я скоро умру. Слушай, я передам ее тебе…

Магир подвинулся ближе, и старая Маита начала говорить ему тихим, прерывающимся голосом:

— В этих шахтах, где мы теперь работаем, скрывались последние члены тайного Общества. В прямой шахте, выходящей к круглому озеру, осталась их лаборатория. О существовании ее никто не знает. Подвинься ко мне ближе, и я скажу тебе, как ее найти…

К вечеру Маита умерла.

Ночью приехала Ме-та, и Магир рассказал ей о тайне матери. С большими предосторожностями они отправились вместе в прямую шахту, к круглому озеру.

На правой стене Магир нашел выступающий камень и повернул его. Открывшаяся дверь привела их в лабораторию. Затхлый воздух и слой пыли указывали на то, что давно уже сюда не заглядывал человек.

Внимание Магира привлекло круглое металлическое зеркало с расходящимися от него электропроводами и акустическим блестящим прибором.

— Это приемник! — воскликнула Ме-та. — Если

он в исправности, мы можем узнать все, что происходит на поверхности…

Она смахнула пыль с зеркала и стала переставлять наобум рычаги.

Крик удивления сорвался с губ Магира.

Круглое зеркало почернело. Ярко вспыхнули в нем незнакомые созвездия. В зените все отчетливее разгоралось туманное пятно нового солнца. От его лучей, как налетом, покрывалась синевой черная пропасть неба.

— Новое солнце! Мы приближаемся к новому солнцу! — воскликнула Ме-та и сжала руку Магира.

Магир молчал. Все его здесь поражало своей необычностью. Мысли проносились вихрем в его мозгу. Сердце замирало. От спертого воздуха звенело в ушах, и пылало лицо.

Откуда-то издалека звучали слова Ме-ты…

— Слушай, Магир, я расскажу тебе о твоем прошлом. Давно-давно на нашей уже умирающей планете произошло невероятное бедствие. На Северное полушарие упал один из наших спутников-лун, Фобос. Он разрушил все наши города, обратив всю северную часть в огненно-жидкую массу. И вот случилось чудо. Когда огненно-жидкая масса остыла, — появились пер-

вые формы жизни. Возник доисторический мир, и в нем наконец новый человек. Мы не знали, что с ним делать. Но время шло. Племя новых людей — твоих предков быстро размножалось. От их соприкосновения с нашей культурой их развитие шло гигантскими шагами. Мы должны были что-нибудь предпринять по отношению к ним. И что же, мы не нашли ничего лучшего, как поработить эти существа. Это случилось, когда угасло солнце. Пользование нашими механическими рабочими стало для нас невозможным. Холод разрушил все наши изобретения и сделал нас бессильными. Нам нужна была живая сила, и люди верха совершили величайшую несправедливость. Они сделали вас рабами, приравняв к механическим рабочим. Для спасения своей жизни они бросили вас в шахты…

Ме-та подошла к Магиру и положила свои руки к нему на плечи.

— Мы должны победить, Магир! Новое солнце и новые условия жизни помогут нам слить в одно целое две разные породы людей. Нас — возникших ранее, обогащенных опытом и знаниями, но уже умирающих, уже лишенных многих человеческих функций, и вас — еще молодых, полных жизненных сил. Это слияние даст новую могучую

расу. Новое солнце озарит наш путь!

Бешеными ударами раскачивалось сердце в груди Магира. Все куда-то уплывало, заслоняясь белыми потоками сверкающего света. На мгновение мелькнул только образ Арри. Мелькнул и расплылся. Без следа.

Все ближе и ближе улыбались губы Ме-ты. Широко раскрытые пропасти глаз влекли неудержимой радостью в свою непонятную глубину…

6. Арри. Снова в лаборатории

В тот же день уехала Ме-та…

Магир сидел в рабочем кафе, и все происшедшее казалось ему сном. В этот час в кафе не было никого. Магир давно уже не выходил на работу и скрывался от розысков солдат Межпласо, получивших приказ об его аресте. Это уединенное кафе он избрал местом своих свиданий с единомышленниками.

Холодным блеском сверкали автоматы. Со сводчатого каменного потолка струился свет электрических ламп и отражался на гладкой поверхности металлических столиков.

Было мертвенно тихо. С улицы-шахты не доносилось ни звука.

Вдруг дверь открылась, и в кафе поспешно вбежала Арри. Магир сразу ее не узнал. Он не видел ее давно. Она сильно изменилась. Похудела, вокруг губ легла скорбная складка. В глазах появился оттенок плохо скрываемой тоски.

— Я знала, что застану тебя здесь, — прерывающимся голосом начала Арра, — я бежала… хорошо, что я поспела вовремя. Спасайся, Магир! Тебя идут арестовать…

Заметив, что Магир пытается говорить, она взяла его за руку…

— Потом… Сейчас дорога каждая минута.

Они вышли из кафе и увидели четырех солдат Межпласо, быстро приближающихся справа к кафе.

— Если нам удастся добежать до прямой шахты, мы спасемся. Они, кажется, нас уже заметили, Арри?!

Магир не ошибся, — солдаты их заметили.

Началось преследование.

Стараясь сократить путь, Магир выбирал узкие, темные переходы. Солдаты не отставали. В одном переходе кто-то из солдат выстрелил. Но Магир и Арри успели уже свернуть в прямую шахту. Добежав до лаборатории, они скрылись туда и спаслись от преследования.

Шахта была прямая, и в ней не было выходов. Солдаты, недоумевая, куда могли скрыться беглецы, пробежали мимо лаборатории к круглому озеру.

— Я спасся, Арри… Этим я обязан тебе.

Арри молчала, тяжело переводя дыхание.

Магиру сделалось не по себе. Он подошел к приемнику и окинул взглядом лабораторию. До мельчайших подробностей перед ним промелькнуло вчерашнее. Живы были все ощущения. Помимо его воли, между ним и Арри встал образ Ме-ты. Холодной, едкой волной поднялась к сердцу тоска. Было ясно, что ничего не возвратишь. Прежнее ушло навсегда. И чем больше он думал, тем ярче разгоралось пламя тоски и мучительной нежности к Арри. Что делать? Как коснуться раны и не причинить боли?

Он подошел к Арри.

Она посмотрела на него печальным, пристальным взглядом.

— Ты в последнее время меня избегаешь, Арри…

— Я… ты это заметил?

Брошенная фраза показалась нелепой и бессмысленной. Стало до боли обидно, что не найти нужных простых слов. Как круги на воде от

брошенного камня, в мозгу неуловимо скользили ощущения, проходя бесследно, не вызывая слов…

Он подошел к ней ближе и взял ее за руку.

Она вздрогнула.

— Знаешь, Арри, есть что-то сильнее меня. Жил я здесь раньше, и мертвый каменный свод казался мне небом, мрак не вонзал в мои плечи своих тяжелых когтей, работа не казалась рабством. И вот откуда-то пришла тоска о белом солнце. Откуда? Разве я видел когда-нибудь это белое солнце? Пришла ко мне девушка верха… Как буря мчит все в своем вихре, так и меня захлестнули теперь мои чувства и мысли. Оторвали от прошлого. Прошлое исчезло, как дым. Нет у меня больше воли!

Арри осторожно высвободила свои руки и отошла от Магира. Голос ее зазвучал печально и спокойно.

— Я понимаю тебя. Мне ничего не надо. Я просто люблю тебя. За мою любовь мне не надо ни будущей свободы, ни белого солнца, ничего мне не надо. Не будем больше говорить об этом…

Когда они вышли из лаборатории, прямая шахта была пустынна. В конце ее, освещенная электрическими фонарями, холодно и мрачно

поблескивала поверхность круглого озера.

Они обошли его и, безмолвно простившись, разошлись в разные стороны.

7. Multum novi sub sole (много нового под солнцем)

Ро-па-ге сидел неподвижно в своем кабинете в круглом здании Межпласо. Бледное лицо передергивалось нервной судорогой. Губы были сжаты. Иногда их кривила презрительная улыбка. Тяжелый усталый взгляд был устремлен в одну точку — на белые листы доклада.

Он только что кончил читать этот доклад о начинающемся движении среди рабочих. Как говорилось в докладе, главными руководителями движения были Верн, Рейль, какой-то рабочий Магир и его собственная дочь, Ме-та. Верна удалось арестовать сегодня утром в лаборатории Межпласо. Остальные находились неизвестно где. Что в заговоре принимала участие его дочь, для него не явилось новостью. Он предполагал это и раньше, зная взгляды Ме-ты.

Он думал сейчас о другом. Многое прошло перед его глазами. Многое, что принято называть жизнью. И нужно отдать справедливость, что это

«многое» ему достаточно-таки надоело. Вечная повторяемость. И основы жизни неизменны. Даже познавательная сила — вечный круговорот повторяемости. Может быть, эта познавательная сила существовала ранее возникновения мыслящих существ.

Окружающий внешний мир своим неизменным видом вызывает одни и те же мысли. И вот теперь движение к свободе этих каким-то чудом возникших людей. Возникших, как плесень, на старой, уже собравшейся сгнить планете. Очередной абсурд вечной повторяемости. Вдруг перед его глазами властно встал образ Ме-ты и восторженно зазвучали ее слова.

— Нет, ты жестоко ошибаешься, отец. Вне людей нет познания.

Только с развитием людей развиваются и производительные силы. И то, что тебе кажется старым и вечно повторяемым, в сущности ново. Жизнь не возвращается назад.

Жизнь — вечно молодой, бурно-радостный поток, Он уносит нас к неведомым берегам… Каждый миг его движения — новый неповторяемый мир.

Он закрыл глаза, чтобы лучше слышать эти слова, чтобы яснее видеть оживший, почти реаль-

ный образ. Новое, незнакомое, радостное чувство теплыми волнами бушевало в груди. Не было сил бороться против этого властного чувства,

Ро-па-ге открыл глаза.

— Нужно увидеть Верна и узнать от него о Ме-те.

Это желание явилось неожиданно, после того как у него вспыхнуло новое могучее чувство к Ме-те.

Он отдал распоряжение и, откинувшись на спинку кресла, стал ждать.

Когда Верн остался один в кабинете, Ро-па-ге задал ему вопрос.

— Послушайте, Верн, — не позже чем вчера вы присутствовали на докладе в Межпласо. Мы попали наконец в сферу притяжения нового солнца. То, что нам два года тому назад казалось почти мечтой, — сбылось. Мы сохранили жизнь, культуру и все ценности науки. Наше существование стало целесообразным. И вот вы выступаете против нас в то время, когда мы должны продолжать временно прерванное строительство жизни…

— Я отвечу на ваш вопрос, Ро-па-ге. Да, мы выступаем против вас. И мы победим! Разве вы забыли, что общество может стать паразитом? Самым обыкновенным паразитом, у которого

отмирают многие ранее существовавшие органы. Они не нужны ему теперь, так как он живет за счет другого существования. Таким паразитом сделалось ваше Общество. Оно всего достигло — высшей меры благополучия, — и вот началось тогда отмирание в этом организме ненужных органов. Многие из ценных человеческих функций исчезли у нас безвозвратно. Их не возобновить. Вы забыли, что единственный способ спасти нас самих — это слияние с молодым и еще полным жизненных сил новым племенем. Вы этим пренебрегли… Вы превратили это племя в рабов и бросили в шахты.

— Прекрасно, Верн, но если мы дадим сейчас власть этим рабочим, чего мы достигнем? Ничего. Через известный промежуток времени они придут к тому же, что делаем и мы. Неужели вы думаете, что и на них не лежит груз знаний и опыта жизни? Неужели вы думаете, что, войдя в новый, только что рождающийся мир, они забудут прежнее, смогут сбросить со своих плеч груз тысячелетий, смогут переродить себя? Нет! Они будут применять в этом мире свой прежний опыт и в конце концов придут к тому же, к чему пришли и мы. Или вы полагаете, Верн, что они сделаны из другого вещества? Нет. Основы

жизни однородны и неизменны. Стоит ли, чтобы прийти к тому же, только более длинным путем, поднимать всю эту историю?

Он замолчал.

Верн поднялся с кресла и прошелся по кабинету.

В большое овальное окно струился широкий поток слабого белого света. Небо, на котором уже не было созвездий, приняло серовато-голубой оттенок. Планета быстро приближалась к солнцу.

«Еще несколько недель, и все изменится, подумал Верн. — Планета оживет. Яркие лучи растопят слой льда. Образуются моря и реки. Будут дуть влажные ветры и идти теплые дожди. Начнется новая жизнь. Увижу ли я ее?»

Ро-па-ге первым нарушил молчание.

— Скажите, Верн, где сейчас Ме-та?

— В полной безопасности. Большего я сказать вам, конечно, не могу.

— Хорошо. Ответьте еще на один вопрос.

— Но он будет последним. Мы все равно не убедим друг друга.

— Хорошо. Знаете ли вы, что вас обвинят в измене?

— Да.

— И что вас ожидает…

— Смерть. Это тоже, вместе с культурой, вы сохранили для будущей жизни.

— Мне кажется, что вы были не правы в своих огульных обвинениях нашего Общества. Надеюсь, что этого вы отрицать не будете. Подумайте же о моих словах.

Ро-па-ге позвонил, и Верна увели.

Ро-па-ге остался один. Беспричинное раздражение овладело им. Он выше законов жизни и человеческих заблуждений. Он знает, к чему приводят законы жизни. Бессмысленный круг повторений! Чепуха! Нет ничего, кроме благополучия и власти! Этот героизм в жизни ровно ничего не стоит. Нет, он никогда не пойдет на уступки. Он не боится борьбы…

Он откинулся на спинку кресла и стал обдумывать меры подавления предполагаемого восстания.

Потом улыбка промелькнула на его плотно сжатых губах.

Multum novi sub sole!

8. Новый мир рождается

Все ярче и ярче разгоралось и голубело небо. Раскаленный бело-голубоватый диск солнца все

время неподвижно сверкал в зените. Ослепительные снопы белых лучей струились в прорывы неожиданно образовавшихся облаков, и под их действием оживала планета.

Среди развалин рухнувших зданий мчались быстрые потоки от растаявших льдов. Все находилось в бурном движении.

Громадные запасы влаги поднимались в виде испарений к небу и оттуда возвращались теплыми ливнями. Все низменности были покрыты водой и казались морями.

С необычайной быстротой жизнь завоевывала свои права, разрушая все вековые достижения человечества, точно стирая резинкой на бумаге слабые рисунки карандаша.

Весть о том, что планета находится в сфере солнечных лучей, облетела с быстротой молнии шахты.

Там началось смятение.

С невероятной быстротой планета мчалась параллельно солнцу, но, под действием его притяжения постепенно сворачивала вправо создавая себе орбиту.

Борьба двух сил — притяжения и инерции — разрушила часть нижних шахт, и рабочие в паническом ужасе стремились в верхние шахты.

Этим воспользовались комитеты восстания, во главе которых стоял Магир.

Был брошен лозунг: «На поверхность земли!»

В тот миг, когда все стихийно неслись к главному выходу из шахт, Магиру донесли, что кислородные заводы оставлены отрядами охраны Межпласо.

Отряды ушли из шахт и закрыли стальные ворота главного выхода.

Нужно было действовать немедленно и решительно.

Магир с частью рабочих комитета бросился к круглому озеру, за которым помещались кислородные заводы.

Около них было безлюдно. Электрические фонари были погашены, и всюду царил абсолютный мрак. Только над одним из заводов трепетал все увеличивающийся алый отблеск и кровавил неподвижное круглое озеро.

— Завод подожжен, Магир, — тихо сказала Ари, находившаяся все время с Магиром.

— Нужно немедленно погасить пожар! Если мы этого не сделаем, то пламя перебросится на остальные заводы, и мы задохнемся без воздуха…

Вокруг наступила жуткая тишина. Никто не

решался принести себя в жертву.

— Нам нельзя медлить… — нарушил тишину Магир. — Каждую минуту огонь может дойти до газовых цистерн, и тогда образовавшийся гремучий газ разрушит и заводы, и шахты. Я иду…

— Нет, нет! — закричала Арри. — Тебе нужно руководить восстанием. Я готова, давайте баллон с огнетушительным газом. Я иду.

— Ты, Арри… — побледневшими губами прошептал Магир.

— Разве я не обещала тебе не покидать тебя?

Глаза у Арри сверкали. На лице выступил яркий румянец.

— Прощай, Магир… Может быть…

Что-то сжало горло Магиру, и он не мог говорить.

Горячие губы коснулись его губ и обожгли его огнем экстаза. Одно мгновение. Потом Арри исчезла среди расступившихся черных фигур рабочих, казавшихся еще чернее на фоне зарева.

— Когда пожар прекратится, — пустите заводы… — не отдавая себе отчета, что он говорит, машинально отдал приказ Магир.

Он не успел узнать, что произошло дальше. Гонец, давно уже разыскивавший его, подошел к нему в это мгновение.

— Вас вызывают к главному выходу. Стальные ворота закрыты. Вот распоряжение девушки верха.

Прочитав сообщение Ме-ты, Магир на ходу отдавал приказания.

— Немедленно пригнать к главному выходу три электропоезда. Ими мы разобьем ворота!

На половине дороги к главному выходу его догнал первый поезд. Он вскочил на него и принял управление.

Через несколько минут он остановил поезд.

Громадная толпа рабочих у главного выхода преграждала дорогу.

Начиналась паника отчаяния.

К Магиру с трудом протискивались Ме-та и инженер Рейль.

— Ворота закрыты. За ними поместились отряды охраны Межпласо. Среди рабочих начинается паника.

— Вижу. Мы разобьем ворота!

— Успокойте сначала рабочих.

Магир начал говорить речь, и паника мгновенно прекратилась.

Когда он кончил, толпа отхлынула от главного выхода и освободила дорогу.

Вооруженные отряды выстроились за поездом.

— Слушайте, Рейль, отправляйтесь к кислородным заводам. Там пожар. Пустите их в ход. Чтобы прекратить пожар, Арри пожертвовала собой. Спасите ее, если это не поздно.

Позади уже гремели подходящие электропоезда.

— Нужно действовать! Дорога каждая секунда. В случае моей смерти, Ме-та, передаю вам руководство восстанием. Прощайте.

Он вскочил на поезд и повернул рычаг…

Невероятный гул потряс своды шахты! Тяжелые стальные ворота задрожали и слетели с петель.

Яркие белые лучи солнца ворвались в шахту и разорвали мрак.

Часть первого вагона разлетелась вдребезги, и Магир, отброшенный силой удара, отлетел к задней стенке вагона. Чудом он спасся от смерти.

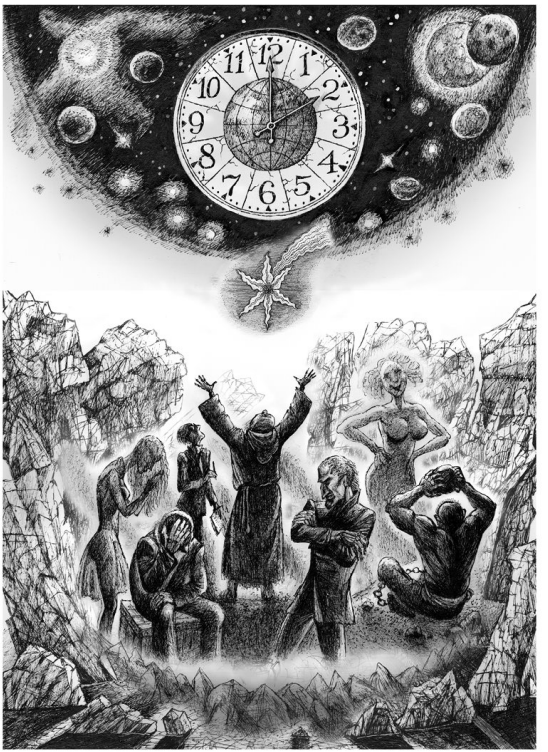
На мгновение он увидел ослепительно белый свет, струившийся широким потоком сверху, громадное пространство, заполненное разбегающимися в ужасе отрядами Межпласо, круглые, большие, темные очки на глазах у раздавленных поездом солдат. Потом услышал, будто рокот волн, победный шум сражения позади, и вдруг огненно-красные круги в глазах и острая, режущая боль затемнили сознание.

Он поднес руку к глазам и понял, что он ослеп от яркости белых лучей.

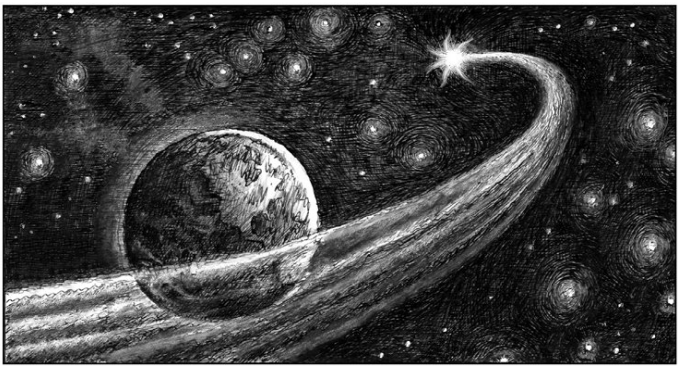
Черная, холодная волна поднялась снизу и залила мозг. Стало легко. Боль прекратилась, как будто вынули мозг.

Он лишился чувств.

1925 год


12
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

Симон Бельский



Под кометой
Глава I
Под кометой

Из той норы, где я сижу, видна направо черная зубчатая стена гор, окутанные лиловым туманом обгоревшие, поваленные стволы деревьев в долине и слегка изогнутая гряда камней. Красноватый туман скрадывает расстояния и придает всем предметам на обезображенной черной земле фантастические очертания.

Пик Ольдета похож на великана, который согнул колена и, наклонив голову, что-то внимательно рассматривает в развалинах Гелиополиса. Каменная черепаха закрыла мост, арку Мира и сотни маленьких домов, утопавших в зелени, в которых жили рабочие главной электрической станции. Сожженный лес напоминает кладбище.

На холме, где стояла обсерватория, упавшие камни и разрушенные здания образовали перевернутое вверх килем судно. Тучи черной пыли стелются над землей и колеблются, как траурное покрывало.

Черная немая пустыня! Небесный огонь уничтожил все краски. Я с трудом представляю себе зеленеющие склоны, белые вершины гор, серебристое море, желтые скалы, — привычное живое лицо земли. Сон то, что было, или то, что есть?

Огонь уничтожил не только города, леса, — он сжег историю человечества, его религию, искусство, науку; вся Земля представляет обугленный труп, но небо теперь так красиво, великолепно, каким оно никогда не было.

Комета с своими шестью лучами напоминает белую лилию с пламенной завязью; лепестки этой небесной лилии, сжегшей Землю, медленно изгибаются; кажется, их колышет ветер, уносящий комету вглубь неба. Вечером лилия окрашивается в нежно-золотистый цвет, и вокруг неё разливается спокойное серебристое сияние.

Вчера на рассвете старик Винцент забрался на развалины обсерватории и кричал:

— Эй, вы, там, на небе! Слышите ли вы нас? Мы не хотим оставаться на земле, заваленной мертвыми… Кто ты? Как тебя зовут, который на небе? Я хочу тебя услышать…

Он кричал, пока не взошло солнце и не потухли яркие краски на небесном своде.

Нас восемь: две женщины и шестеро мужчин.

Третий месяц мы живем в развалинах королевского музея древностей. Старшему, Винценту Энрио, — 67 лет; он был монахом и за полгода до появления кометы поселился в одном из тех подземных склепов, которые приводили в ужас всех, кто спускался в узкие извилистые галереи под монастырем св. Иакова. По целым суткам Энрио стоял на коленях в своем склепе, молился и клал сотни поклонов. Его часто искушал диавол, который выходил из сырой стены, задувал восковую свечу, передвигал гроб, в котором отдыхал монах, разливал воду из кропильницы. На поверхности земли при свете солнца все его выходки показались бы глупыми шутками. Впрочем, и сам Энрио не считал этого демона умным и устраивал ему засады и ловушки, как тупому животному. Привыкнув к черным стенам склепа и постоянно мертвой тишине, отец Винцент лучше всех переносит страдания. Ему кажется, что ничего особенного не случилось и только до необъятных размеров, от земли до неба, раздвинулись стены той могилы, в которой он себя похоронил. Больше всего печалит монаха исчезновение демона, без которого он не знает, чем заполнить половину своего времени. Небо представляется отцу Энрио океаном, на котором

вот-вот появится спасительный корабль. Словно на маяке, по целым часам стоит он с поднятой головой на груде камней, наваленных на вершине горы. Иногда отец Винцент поднимает обе руки, призывая кого-то в порыве отчаяния, и снова замирает, — черный на черных камнях.

Второй мой товарищ, Ольрид, был хранителем королевского музея древностей.

— Я знал, что все так кончится, — говорил Ольрид, — немного каменных обломков, куча черепков, старых монет, заржавленное оружие, какой-нибудь горшок, осколки статуи, полуистертая надпись — вот все, что в конце концов остается от любого народа.

В одном углу королевского музея стоял пыльный ящик, который мог бы поднять ребенок, и в этом ящике хранилось все наследие народа, прожившего двадцать веков.

Как и отец Винцент, хранитель музея, остававшийся много лет среди каменных обломков, выброшенных из глубины веков, как море выбрасывает на песчаную отмель доски и мачты погибших судов, скорее нас всех освободился от ужаса.

Сумасшедшего звали Филипп Эверт. Для нас, людей старого мира, имя это слишком хорошо

знакомо. Эверт был великим хирургом, который первым сумел менять изношенные сердца, как в часах меняют ослабевшую пружину.

Помешался он на чудовищной идее создать высшее мыслящее существо из мозга и других животных тканей, приготовленных искусственным путем. Уже целое столетие наши химики делают все органические вещества. В биологическом музее, в первом зале направо от входа, находилась богатая коллекция животных органов, приготовленных в лаборатории. Каждый инженер-биолог умел изготовить отличную печень, вырабатывавшую желчь, глаз, сильный здоровый мускул, и мускульная машина во многих мелких производствах начала вытеснять стальные механизмы.

Эверт вздумал построить мыслящий мозг; и так как у нас не хватало художников, давно умерла поэзия, не было пророков, то хирург поставил себе задачей создать из солей, кислот и щелочей голову гениального мыслителя в своей лаборатории.

Миру нужны были новые блестящие идеи, великие заблуждения и великие истины. Без вдохновения среди дворцов, храмов, колоссальных сооружений человечество задыхалось, как рыба на дне высохшего озера. Жизнь стала слиш-

ком пресна, и так как ни одна голова не давала ничего такого, что не было бы известно раньше, то многие соглашались, что попытка Эверта разумна и полезна.

Правительство уступило ученому старый химический завод, где в течение двух лет Эверт усердно работал над изготовлением своего пророка. По поручению «Южной газеты» я однажды посетил этот завод в тот день, когда там собрались воспитанницы двух приютов в светло-голубых платьях и десятка три учителей, знакомившихся с новейшими завоеваниями техники. Эверт уже тогда проявлял признаки душевного расстройства. Он говорил о том, что боится своего дела и с ужасом ждет минуты, когда сознание и мысль, пробиваясь, как солнечные лучи через тяжелые дождевые тучи, пробудятся в серой массе искусственного мозга. Он боялся их дикого стихийного величия.

«Южная газета» первая заметила, что «здоровье Эверта внушает опасения» (№ 1273). Я упоминаю об этом факте без тщеславия и только потому, что впоследствии глупый писака и продажный журналист «Гелиополисского Вестника» В. Г. М. утверждал с присущей ему наглостью, будто бы именно он первый довел до сведения публики о

сумасшествии Эверта…

Впрочем, теперь нет ни газет, ни читателей, ни издателей. Я заканчиваю мировую литературу, и незачем поднимать старые споры.

По странной случайности мировой пожар, уничтоживший миллионы достойных людей, ученых, политиков, филантропов, пощадил человека, проведшего три четверти жизни в тюрьмах, не имевшего даже собственного имени и называвшего себя № 369. Безымянный отрицает за собой всякую вину и говорит, что парламенты и короли постоянно запаздывали с изданием тех законов, согласно которым люди действовали, и что только из-за этого постоянного опаздывания он просидел 34 года в одиннадцати тюрьмах.

№ 369 спасся с цепями на ногах, и так как у нас не было инструментов, чтобы его расковать, то беглый каторжник по целым часам разбивал свои кандалы камнями, упавшими с проклятой кометы. Занимаясь этой работой, он распевал тюремные песни, ругал парламент, королей, суды, законы и выражал полное удовольствие по поводу ужасного разрушения, погубившего всю цивилизацию.

Но зато судьба пощадила одного из самых замечательных людей Гелиополиса — славного

и доброго короля Меридита XVI. Портреты давали неверное представление о внешности его величества. Словно все художники условились изображать Меридита не такой, каким он есть, а таким, каким он должен быть. В нем нет ничего величественного, и когда король молчит, сидя в яме, куда нас загнала звезда, его можно принять за одного из тех безработных, изнуренных голодом и постоянными неудачами, которые тысячами бродили по городам старого мира.

Вчера № 369 долго сидел около Меридита, рассматривая его так внимательно, как будто бы решал головоломную задачу.

— Так это и есть король? — спросил Безымянный, обращаясь ко мне. — Тот самый король, который мог взять перо и написать: «№ 369 назначается губернатором Гелиополиса» или «№ 369 жалуется графское достоинство», и меня бы сделали губернатором, графом и всем, чем ему угодно? Но он мог взять тоже перо и написать: «Отвести № 369 на скалу, где совершаются казни, и сбросить его вниз головой с высоты в 500 футов». Вы все это могли сделать?

— Мог, — ответил король, улыбаясь.

— Ну а теперь вы кто?

— И теперь король.

№ 369 засмеялся.

— Выйдите, Ваше Величество, из ямы и загляните еще раз, что сделало небо с Землей и Гелиополисом. Груда обломков, словно после крушения курьерского поезда. Мы славно разбились на полном ходу. Хвост кометы стер все законы. Вашу власть и мою тюрьму утащила за собой вот та белая штука, что висит над нашими головами.

— И всё-таки я король, — упрямо повторил Меридит.

№ 369 засвистел марш каторжников и, звеня кандалами (они у него были гигиенические, новейшего образца), направился к выходу из обрушенной галереи.

Сегодня они спорят о королевской власти с утра. Меридита XVI поддерживают монах и хранитель музея. К Безымянному присоединился сумасшедший Эверт.

— Я из вас выбью эту дурь, — кричал Безымянный. — Старый мир сгорел, как соломенная плетушка, и тут нечего долго разговаривать.

— Комета не могла уничтожить истории. Ты был и останешься беглым каторжником, Меридит — король, а почтенный отец Винцент обладает благодатью и святостью, которых у него

никто и ничто не отнимет.

— Что же тогда, по-вашему, разрушила комета?

— Стены, только стены. Никакой огонь не может уничтожить старых вечных идей.

— И вечных заблуждений, — хриплым голосом отозвался Эверт.

Они спорили на узкой черной площадке, залитой ярким светом солнца, и в своих лохмотьях рядом с грудами беспорядочно сваленных обломков походили на старьевщиков, которые, ссорясь, роются в груде мусора.

Женщины держатся в стороне. Их две. Младшая девушка Сусанна, дочь богатого сыровара, и проститутка Эльза, служившая в увеселительном заведении синдиката, который захватил всю торговлю публичными женщинами. Сусанна очень красива, и даже когда она плачет, сидя на глыбе камня, её крепкое гибкое тело возбуждает чувственность. Все мы, за исключением хирурга Эверта, хотели ею обладать; она это знала и пугливо сторонилась, когда к ней кто-нибудь из нас подходил, но в её ленивом теле и выражении больших глаз было что-то такое, что противоречило её пугливости и словно кричало:

— Возьмите меня, я хочу отдаться!

И этот немой постоянный призыв девического тела разрушал то, что не могла разрушить своим огнем комета. В нас пробуждался древний человек, не знавший стыда, власти религии и закона; животная страсть овладевала то одним, то другим; и тогда на склоне холма, где мы жили, происходили дикие сцены, во время которых отец Винцент проклинал женщин и призывал небесные кары на нас всех, Сусанну и Эльзу.

— Надо это кончить, — сказал как-то вечером № 369. Я беру девушку в жены, и дело с концом.

Ольрид поднялся с кучи металлической пыли, принесенной кометой, и отвечал за всех:

— Если ты притронешься к Сусанне, я разобью тебе голову.

Безымянный поднял камень и швырнул его в Ольрида. Камень содрал кожу на щеке, и красная струйка потекла по лицу и шее хранителя музея.

— Кровь, — хрипло сказал он, смотря на красные пальцы, которыми вытер щеку, и серое лицо его разом стало бледным.

— Я сильнее вас и беру эту девушку, — повторил Безымянный и медленно направился в ту сторону, где сидела Сусанна. Его большая голова с длинными спутанными волосами, бронзовое крепкое тело, прикрытое лохмотьями арестант-

ской куртки, и блестящая цепь из металлических колец на грязных босых ногах до мельчайшей подробности освещались красным светом кометы, которая вся видна была в широком отверстии галереи. Казалось, мы сидим в огромной кузнице с черными каменными стенами и в открытом горне плавятся груды металла.

— Остановись, — крикнул Эверт. В голосе сумасшедшего ученого слышалась такая власть, что № 369 обернулся и ждал. — Эта женщина станет матерью, и её дети будут создавать новый мир на развалинах старого…

— Я буду патриархом, — с усмешкой ответил № 369.

Эверт взял Безымянного за голую волосатую руку:

— Ты не уйдешь, пока я не скажу всего.

— Говори, и все-таки она будет моей женой, я так хочу, слышите вы все, я так хочу!

Безымянный заложил руки за спину и стал около черной скалы с таким видом, как будто ему было решительно все равно, что скажут Эверт и все другие.

— Кто из нас более всего достоин быть отцом новых людей? — Ученый вопросительно посмотрел на кучку людей, жавшихся друг к другу у входа

галереи. — Вы король, последний потомок рода, истории которого все знают. Отец слабоумный, дед пьяница, развратник, прадед страдал религиозным помешательством. Можете ли вы быть мужем этой последней женщины старого мира и первой в мире будущего? Вы принесете весь рой тяжелых видений, тяготевших над мыслью и чувством людей.

Король молчал.

— Ольрид, хранитель королевского музея, — слабое вялое тело. Подойдите ближе. Наклоните голову. Вот так! — Тонкие пальцы Эверта быстро двигались по маленькой голове Ольрида. — Отсутствие воображения… Скучный бледный мозг.

— Я написал десять томов о памятниках древности, — обиженным голосом сказал хранитель королевского музея.

— У вас у самого голова древнего типа… Лобные доли совершенно не развиты. Вам бывает иногда страшно, Ольрид?

— Страшно чего?

— Ну, вы сами не знаете, и в этом все дело. Надвигается темная опасность, вы боитесь неба, короля, темноты; чувствуете себя таким маленьким, как муравей, заблудившийся в вековом лесу.

— Да, это бывает.

— Первобытный животный страх. Ужас, самое древнее из всех чувств, он разрастается у корней жизни, и только разум его побеждает. Тени ночи бегут от солнца.

— Теперь Винцент.

— Что такое Винцент?! — гневно закричал монах. — Ты не смеешь касаться меня, потому что тобой владеет диавол. Я прокляну тебя, и когда мы все отправимся в небесную обитель, ты будешь один прятаться в норах на этой проклятой обгоревшей земле, освещенной адским красным пламенем. Я не хочу этой девушки, хотя демон меня соблазняет.

— Теперь Энрио Витторино, — обратился Эверт ко мне. — Литератор, 37 лет. Неврастения на почве наследственного алкоголизма (я описываю эту сцену со всевозможной точностью ввиду её важности для будущих поколений, но ради справедливости должен заметить, что по отношению ко мне Эверт заблуждался: пью я очень мало и только иногда, когда нет темы, ищу ее при помощи возбуждающих средств).

— Остается один № 369, или как там его зовут; подойдите сюда.

Черная фигура отделилась от скалы и медленно

двинулась к освещенной площадке.

— Ну, — глухо сказал великан, смотря на Эверта сверху вниз.

— Убийца! — тихо и отчетливо выговорил доктор. Мне показалось, что это короткое слово прокатилось по всем окрестным скалам.

— Мы дрались честно, и я не виноват, что у него сломался нож, — так же тихо ответил № 369. Возвышая голос, он продолжал: — Я возьму эту девушку потому, что так хочу! Слышите ли вы все: так я хочу! Мне нет дела до того, что произойдет. Доктор тут осматривает нас, как лошадей на племенном заводе. По его словам выходит, что король притащил сюда всех своих слабоумных сумасшедших предков; Ольрид — новое издание древнего человека; в голове и теле писателя сидит десяток пьяниц; я убийца. Не верьте этому сумасшедшему: комета сожгла все старье, предков и их могилы. Зачем, черт побери, вы тащите сюда мертвецов, королевские мантии, законы парламента и даже глупого демона, который состоял при этом мерзком монахе, раскачивающемся между землей и небом, как паук в сильный ветер? Я сильнее вас, и эта женщина будет моей!

Безымянный медленно пошел в ту сторону, где спали женщины.

— Будь вы прокляты! — крикнул ему вслед отец Винцент вместо напутствия.

Мы разошлись, легли и молча смотрели на пламенный цветок в серебристой бездне над черной обугленной землей.

В долинах еще стоят ядовитые газы, принесенные кометою, и мы за три месяца ни разу не спускались с горы, на восточный склон которой выходит обрушенная галерея королевского музея древностей.

Я чувствую себя очень плохо, в ушах постоянный шум, как от морского прибоя. Мне кажется, что я слышу бурю, которая уносит комету и сгибает её шесть огненных лучей.

Эверт говорит, что я отравлен цианистым газом. Тороплюсь просмотреть записки о гибели Земли. Заметки на полях рукописи сделаны мною и доктором Эвертом. Последние отмечены буквою Э.

Глава II

Первое известие о появлении кометы. — Газеты перед концом мира. — Памятник Вентурио. — Площадь Веры. — Храм человека. — Уснувшие и воскресшие

Первый раз я услышал о комете в редакции «Южной газеты», где руководил хроникой и два раза в неделю писал фельетоны. В три часа я, как всегда, сидел за своим столом и просматривал заметки репортеров. Занятие, способное навести уныние на самого веселого человека. К тому же работа эта требовала большого внимания, так как нравы гелиополисских литераторов были испорчены, и каждый хроникер ловко скрывал вознаграждение, полученное им от лиц, заинтересованных в появлении какого-либо известия; вследствие этого газеты терпели крупные убытки, так как в пользу издателей отчислялась половина суммы, собираемой журналистами в театрах, акционерных обществах, в банках, ресторанах, парламенте, в банях и проч. Ни одного даже самого ничтожного дела нельзя было устроить без того, чтобы предварительно не истратить порядочную сумму на подкуп газет и газетных работников.

В Гелиополисе перед появлением комет насчитывалось четыре тысячи ежедневных изданий. Все они помещались в особом квартале в западной части города, рядом с улицами, населенными публичными женщинами.

Газетный квартал был самой оживленной

частью мирового города. С десяти часов утра гигантские граммофоны, поставленные над дверями редакций, начинали выкрикивать новости, полученные со всего света, и сейчас же их опровергали.

Сотни других граммофонов бранили консерваторов, радикалов, республиканцев, министров, большинство и меньшинство парламента, акционерные предприятия, новые религии — словом, все на свете.

Чтобы заглушить нестерпимый вой металлических голосов, литературные противники пускали в ход пароходные сирены, рев которых был слышен по всему Гелиополису, продавцы газет, одетые в яркие пестрые костюмы и сопровождаемые акробатами и уличными музыкантами, в рупоры выкрикивали названия статей и разбрасывали тысячи объявлений, которые, как хлопья снега, кружились над улицей и засыпали мостовую. Около домов двигался бурный поток людей, нуждавшихся в помощи печати или искавших ее расположения. Нищие, придворные, монахи, артисты, мистики, поэты, банкиры, изобретатели, шарлатаны вливались в широко раскрытые двери редакций и вступали в шумный торг с владельцами газет, с их доверен-

ными сотрудниками.

Газеты выходили каждый час в миллионах экземпляров, распространялись на аэропланах, и влияние их было безгранично.

Чтобы дать понятие будущему человечеству о том уважении, которым пользовалась мировая литература в последние дни её существования, я расскажу о том, как газеты поставили памятник почтенному и достойному Вентурио, главе синдиката по торговле женщинами.

Я не знаю точно, сколько это стоило Вентурио, но однажды утром голоса всех граммофонов в газетном квартале слились в его прославлении и восхвалении. Маленькая газетка «Оса» пробовала возражать при помощи своего граммофона, который пищал, как комар над болотом, но «Вестник Правды» пустил в ход колоссальную сирену, приводимую в действие машиною в сто сил, и заставил «Осу» замолчать. Четыре тысячи статей, в которых говорилось об уме Вентурио, о щедрости Вентурио, о благородстве Вентурио, появлялись каждый час и по беспроволочному телеграфу передавались во все углы земного шара. Газетная волна смывала всех, кто смел противиться прославлению и возвеличиванию главного содержателя публичных домов. Во

время этой компании пало два министерства и, что особенно тяжко, старый добрый Кемпель, вождь народной партии, покончил жизнь самоубийством, так как его каждый час обвиняли в различных преступлениях.

Но что делать? Вентурио платил, а Кемпель был беден, как церковная крыса.

Я помню, что смерть его очень огорчила редактора «Южной газеты».

Бедняга плакал от волнения в то время, когда гигантский граммофон на крыше редакции орал на пять миль кругом:

— Кемпель мошенник! Кемпель взяточник! Еще одно преступление Кемпеля!..

Маленькая «Оса» пищала: «Убийцы!.. Убийцы!..», но рядом завывала сирена «Вестника Правды», и обличения «Осы» никто не боялся.

Чтобы поддерживать усердие журналистов, Вентурио разрешил им бесплатно посещать все свои увеселительные заведения и даже знаменитый замок фонтанов, куда за огромные деньги допускались немногие избранные.

Синдикат не только доставлял красивейших женщин из всех углов мира, он еще и выращивал, воспитывал их в особых питомниках. Здесь формировали тело и психику девушек, и так как

дело велось под наблюдением опытных ученых, психологов и художников, то синдикату после многолетних усилий удалось создать новую породу женщин, напоминавших богинь и нимф Древнего мира.

В Гелиополисе женщины несли тяжелый труд наравне с мужчинами. Они работали на земле, под землей и в воздухе. Главное управление аэропланами принимало на службу только женщин. В государственных учреждениях их было больше, чем мужчин. Ценою огромной борьбы женщины очень давно добились права занимать все высшие должности в управлении страною. Несколько раз министерство составлялось только из женщин, в конце концов они по внешности и психике совершенно слились с мужчинами.

Пол умирал, и создавалось новое существо, получившее в обыденной жизни название *ман*. Можно было целый год просидеть где-нибудь в конторе рядом с товарищем, одетым, как все, в синюю блузу и широкие брюки, и не знать, кто этот товарищ: мужчина или женщина. Непрерывный труд, профессиональные болезни, недостаток движения и воздуха, отравление различными возбуждающими веществами отразились на женщинах тяжелее, чем на мужчинах. Поздно

вечером, когда ман заполняли лабиринт улиц и переулков, залитых ярким светом электрических солнц, казалось, что все эти миллионы людей, с серыми лицами, со скучными усталыми глазами, изготовлены по одному и тому же образцу на одной фабрике. Нельзя было определить ни возраста, ни пола. Любовь, описанная старыми поэтами, давно умерла. Сначала она, как плющ, вилась около машин, потом листья её пожелтели, завяли и осыпались. Как пережиток, любовь иногда вспыхивала ярким пламенем, случалось, порождала старую ревность и доводила даже до преступлений, но обыкновенно мужчины и женщины сходились и расходились равнодушно и искали в сближении минутного удовольствия, когда не было других развлечений. Вентурио возродил древнюю женщину, бесконечно далекую от мужчины и таинственную. Сам он — маленький, безобразный, с отвисшим животом, похожий на индийского идола — говорил, что в каждой работнице — серой и скучной, как высохшая земля, — есть семена для превращения ее в одну из тех женщин, которыми синдикат населял свои дворцы.

Через месяц после того, как Вентурио открыл свои сады для представителей печати, все, начи-

ная от короля и до последнего нищего, увидели, что памятник ставить необходимо. Один из депутатов, двадцать лет дожидавшийся портфеля министра, сказал в парламенте большую речь о заслугах Вентурио и способе увековечить его имя. Никто не возражал. Кандидат в министры потребовал открытого голосования, «дабы мы знали, — как он сказал, — имена тех, кто будет противиться народной славе». Принято единогласно.

Вышел из залы только один депутат: семидесятилетний старик, выигравший много лет тому назад великую битву в Африке и спасший Гелиополис от гибели. Не желая, чтобы его славное имя было забросано грязью, народный герой сам покончил с собой, отправив в редакции письма с просьбою ничего не писать о нем. Воля его была свято исполнена, и только 69 газет назвали его выжившим из ума идиотом и дряхлым развратником.

На деньги, собранные путем всенародной подписки, содержателю публичных домов поставлен был великолепный памятник из бронзы и мрамора. Вентурио сам венчал свое бронзовое изображение лавровым венком, и когда маленький плешивый человек с отвисшим животом

взобрался по лестнице на плечи статуи, многотысячная толпа, которая всегда говорит то, что говорят газеты, закричала, прославляя великого Вентурио.

Такова была в Гелиополисе сила печати. Пишу это не из тщеславия, как, может быть, подумают некоторые, а только для того, чтобы будущие люди знали, чем кончила мировая литература.

В тот день, когда я в первый раз услышал о комете, консерваторы подрались с радикалами, и наш парламентский хроникер, профессор Гелиополисского университета, сидя против меня на краю стола, рассказывал об этом происшествии так, как будто дрались не живые люди, а вступили в свалку параграфы, статьи и пункты «закона о конституции». Такой способ изложения он называл юридическим анализом.

— Параграф № 27 вызвал весь этот скандал, хорошо еще, что примечание к статье 94 давало возможность выдвинуть вопрос о голосовании, но тут испортил дело пункт 5…

Унылый это был человек, и слушать его было совсем не весело.

Вдруг зазвонил телефон.

— Говорит обсерватория. Только что вычислены элементы кометы Б, столкновение, по-види-

мому, неизбежно.

— Столкновение с чем?

— С Землей. Вы меня слушаете? 25 или 27 августа мы пройдем… — конца фразы я не расслышал.

— В чем дело? — спросил профессор. — Это, должно быть, о результатах голосования?

— Да нет же! Обсерватория извещает, что Земля столкнется с какой-то кометой.

— Лезут с глупостями. Дайте мне триста строк, я напишу статью о параграфе 94.

Главный редактор швырнул заметку о комете в корзину.

— Знаю я эти штуки. Пусть сначала заплатят за тысячу строк, по высшей расценке.

— Да ведь это обсерватория.

— Послушайте, Витторино, меня вы не проведете, — редактор поднял от рукописи маленькие прищуренные глаза. — На 26 августа назначено состязание аэропланов. Кто хочет расстроить дело, тот пусть платит.

По этим или по каким другим соображениям ни одна большая газета не напечатала известия о появлении кометы, и когда граммофоны над окнами дешевых изданий, не имевших влияния на ход общественной политической жизни,

выкрикивали: «Гибель земли! Мировой пожар! Остается еще шестьдесят дней...» — их голоса заглушал рев сирен «Гелиополисского Вестника» и других серьезных изданий.

Но все же известие о появлении кометы быстро распространилось по всему Гелиополису.

Первыми всполошились монахи, мистики, теософы и медиумы.

В Гелиополисе не было господствующей религии, но каждому гражданину, достигшему 25 лет от роду, закон предписывал избрать какое ему угодно верование и держаться его по крайней мере в течение одного года. Огромное большинство числилось по официальным спискам христианами, но совершенно не знало, в чем его вера и какие обязанности налагает христианство на человека.

На площади Звезды и прилегающих к ней улицах и переулках всегда можно было видеть шумную толпу, которая стекалась сюда для выбора веры. Другие являлись на эту площадь, чтобы предложить изобретенную ими новую религию или найти последователей. Храмы всех веков и народов образовали здесь лабиринт, в котором безнадежно блуждали тысячи людей, ищущих бога.

Жрецы Озириса толпились на ступеньках широкой мраморной лестницы, украшенной двумя рядами львов с женскими лицами. В их храме, куда попадали через маленькую треугольную дверь, было темно и холодно, как в пустом колодце. В серебряных вазах сохранялась мутная вода из Нила, которой больные мочили свое тело; жирные черные кошки с отвратительным мяуканьем бегали между рядами каменных гробниц, в которых лежали набальзамированные тела богатых последователей древней египетской религии.

Жрецы Озириса в длинных белых одеждах с золотыми поясами постоянно ссорились с вертящимися дервишами, которые неистовствовали в круглом балагане напротив; острая крыша балагана поддерживалась двумя рядами колонн, и с улицы можно было видеть, как десятки оборванных, грязных людей кружатся в бешеной пляске или с бледными лицами валяются на истоптанном песке.

На площадке между храмом Озириса и балаганом дервишей проповедовал атеист Плумпер, называвший себя пророком. Он был одет в широкую красную тогу и сидел под навесом за столом, на котором лежали груды книг, брошюр и газет, опровергавших все религии: и старые, и новые.

Пляска дервишей превращалась иногда в какое-то стихийное движение; она захватывала зрителей, как вихрь увлекает сухие листья; кольцо кружащихся быстро расширялось, выходило за столбы балагана; образовывались новые маленькие водовороты, и случалось, что атеист Плумпер в своей развевающейся тоге и белые жрецы Озириса вертелись на площадке до полного изнеможения.

Огромный белый храм Зевса Громовержца закрывал собой два ряда домов, в которых жили верующие в Нечто. Блистающие глыбы мрамора были украшены золочеными изображениями бога богов, у входа сидели прорицатели и торговцы амулетами.

Верующие в Нечто разделялись на 36 сект и каждый день устраивали публичные состязания сзади храма Зевса. Они отличались цветом одежд, иначе их было бы легко смешать друг с другом, так как разница в мнениях между наиболее непримиримыми — зелеными и красными — сводилась к тому, что зеленые считали Великое Нечто познаваемым, а красные — не познаваемым, а узнаваемым. Жрецы их походили на сутяг, которые ведут вечную тяжбу с небом. Каждому новообращенному они открывали доступ в свои

книгохранилища и в архивы пыльных рукописей, предоставляя разбираться сколько угодно во всех этих противоречивых документах.

В соседнем узком темном переулке, крытом стеклом, помещались конторы медиумов и ясновидящих, которые за небольшую плату брали на себя сношения с загробным миром. В этом переулке странно мешались живые и мертвые.

— Кто хочет говорить с духом девушки, умершей 200 лет тому назад… С египтянином времен первых фараонов! Покойный отец банкира Гирфельда просит сына… Не нужен кому-нибудь Карл XII?

Все это выкрикивали десятки озабоченных служителей, появляющихся на балконах и у дверей контор.

В приемных на плетеных диванчиках, за круглыми столами, на которых лежали фотографии духов, постоянно сидели посетители, дожидавшиеся очереди.

Медиумы часто ссорились друг с другом, так как каждый день случалось, что один и тот же дух одновременно появлялся в десяти конторах, к великому соблазну зрителей и слушателей всей этой сверхъестественной отрасли промышленности. Сутяги из квартала верующих в Нечто то

и дело являлись к медиумам и затевали с ними ссоры, в которых принимали участие и души умерших.

Крытая улица медиумов выходила на площадку, вымощенную розовым мрамором. На этой площадке стоял храм Человеку. В Гелиополисе было очень много людей, которые считали себя богами, но лишь немногие из них решались публично принять жертвы и поклонения от льстивых жрецов в храме за улицей медиумов. С южной стороны храма находился склеп самоубийц. Здесь длинными рядами на серых мраморных плитах лежали тела тех, кто на время уходил из жизни. Таким самоубийцам жрецы в храме Человека вводили в кровь особый яд небытия; сон наступал не сразу, а недели через две-три, а иногда и через месяц. В этот промежуток самоубийца медленно превращался в труп; ослабевало зрение, слух, притуплялась чувствительность к боли; полное оцепенение тела наступало раньше, чем прекращалась душевная жизнь. В склепе самоубийц было всегда несколько трупов, в раскрытых глазах которых светилось сознание, как луч заката в темной полосе воды. Умирали чаще всего на десять лет, но были и такие, которые желали проснуться

через сто лет — предельный срок действия яда небытия. После воскресения самоубийцы жили столько же, сколько прожили бы, не приостанавливая жизни.

Правительство очень часто командировало чиновников в будущие десятилетия так точно, как посылало их с различными поручениями на окраины государства; такие чиновники получали все присвоенное им содержание, суточные и прогоны. В каждом министерстве был свой особый склеп, где, важные и неподвижные, лежали десятки и сотни людей, сжимая в желтых окаменелых руках портфели, набитые бумагами, и пакеты, которые они должны были предъявить по своем воскресении. Иногда в бумагах содержались предписания, касавшиеся преступников, которые успели принять яд небытия и помещались в особом отделении при центральной тюрьме. Случалось, что никто не знал, когда проснется какой-нибудь важный преступник, и тогда за ним посылали двух или трех чиновников, снабженных самыми широкими полномочиями. Во время судебного процесса знаменитого Кетмена, подкупившего весь парламент, подсудимый накануне объявления приговора заснул на 80 лет. Ввиду исключительной важности дела вслед за

обвиняемым были отправлены судьи, защитники и прокурор. Все они лежали рядом в боковом коридоре во дворце правосудия, и так как там довольно тесно, то самого Кетмена положили под генерального прокурора, а сверху навалили все делопроизводство.

В храме Человека хранились тела только тех самоубийц, которые могли заплатить довольно крупную сумму за место. Жрецы извлекали побочный порядочный доход, показывая трупы посетителям и рассказывая о покойниках невероятные истории. Одного очень почтенного филантропа, пожелавшего перейти на сто лет в небытие для того, чтобы посмотреть, что станется с основанными им благотворительными учреждениями, служители храма ошельмовали до такой степени, что имя покойного стало нарицательным для всех мошенников и плутов.

Случалось, что на время прекращали свою жизнь влюбленные, желавшие, чтобы их тела до воскресения лежали рядом. Ленивые жрецы перепутали все места, и я сам видел, как один молодой человек, заснувший полсотни лет тому назад, требовал у смотрителя кладбища, чтоб он немедленно отыскал какую-то Эльзу, с которой влюбленный заснул рука об руку.

— Я всем ей пожертвовал, — вопил несчастный, — мне некуда и незачем идти из этого храма!

Толстый жрец, заложив пальцы за широкий золотой пояс, равнодушно слушал жалобы молодого человека.

— Выбирайте любую, завтра проснется вот эта хорошенькая девушка в углу, у круглого окна. Подходит? Да вы взгляните внимательнее. Её спутника лет двадцать тому назад перенесли в подвал под храмом, потому что здесь рядом надо было освободить место для одного ювелира. Уверяю вас, она ничуть не хуже вашей Эльзы.

Влюбленный не слушал.

— Эльза, Эльза! — звал он, слоняясь между каменными плитами.

— Я думаю, напрасно трудитесь, — сказал жрец, — она ушла, как и многие другие. Почем вы знаете, на сколько лет она засыпала? Теперь, чего доброго, у вашей возлюбленной есть уже внуки.

Жрец обратился ко мне:

— Вот там справа, где тянется полоса света, двадцать лет лежит покойник, посмотрите, какое у него счастливое выражение лица. Когда он пришел сюда, у него было трое детей, два сына и дочь, которых он воспитывал по какой-то особой

изобретенной им системе. Чудак верил, что из его детей выйдут святые или герои, и желал, пробудившись, услышать о их славе и святости. Я хорошо помню, как все они четверо стояли вот здесь, где стоим мы…

Жрец поправил руку поэта, оцепеневшего на сто лет, чтобы взглянуть на собственный памятник, и пошел к выходу.

— Постойте, постойте, а окончание истории! — крикнул я ему вслед.

— Старший умер от пьянства, младший — ростовщик, дочь где-то у Вентурио…

Могильщики на обыкновенных кладбищах не были так равнодушны к человеческому горю и страданию, как жрецы в храме Человека, потому что последние видели не только смерть, но и воскресение, которое часто было хуже смерти.

В Гелиополисе была целая секта засыпающих, которые дожидались водворения на земле царствия Божия, справедливости и любви. Но при этом они совершенно не желали вмешиваться в ход истории и спали по тридцать три года в сухих и теплых погребах, которые тянулись под зданием рынка; помещение это было довольно удобное и освещалось двумя рядами узких окон, защищенных железными решетками. Ожидаю-

щие наступления Царствия Божия просыпались только для того, чтобы взглянуть, какой степени совершенства достигли люди.

Узнав, что все остается по-старому или даже хуже старого, они начинали браниться, читали проповеди, поучения и поднимали такой шум, что их приходилось укрощать при содействии полиции. На площади Веры каждый день можно было видеть несколько человек из этой странной секты, пристававших к прохожим с увещеваниями и обличениями. Бледные, с опухшими лицами, одетые в белые одежды, в которых они желали явиться на праздник мировой любви, эти люди возбуждали общее презрение и насмешки. Созданный ими воображаемый мир до такой степени расходился с действительностью, что многие сектанты предпочитали окончить жизнь где-нибудь в реке, чем оставаться среди населения Гелиополиса.

От храма Человека по широкой мраморной лестнице в триста ступеней можно было спуститься в квартал, населенный мистиками, магами, прорицателями, теософами и делателями чудес.

В этом мрачном квартале, куда редко заглядывало солнце, голодные философы из обрывков

прошлых верований выкраивали новые религиозные системы; здесь можно было заказать божество по своему вкусу совершенно так, как заказывают мебель или платье.

По постановлению Гелиополисского парламента чудеса разрешалось творить только в особом помещении, обнесенном высокой оградой, куда зрители допускались за небольшую плату. На этом дворе, вымощенном красным камнем, исчезали все законы природы. В несколько минут вырастали кустарники и целые деревья, брошенные камни не возвращались на землю; днем видны были звезды и луна; люди поднимались в воздух и расхаживали по поверхности воды в широком бассейне, который одной стороной примыкал к стене. Все это были фокусы для невзыскательной толпы мастеровых, рабочих, которые широким потоком вливались в ворота двора чудес; для более требовательных или неверующих зрителей маги проделывали несомненно более сложные и трудно объяснимые вещи. Одним из самых удивительных фокусов было перевоплощение личности. Любой бедняк за скромную плату мог превратиться на время в кого ему было угодно. Я знавал одного старика, служившего бухгалтером в Соединенном Банке,

который все свое свободное время проводил на дворе чудес в полутемной комнате с низко нависшим потолком, где он какими-то неисповедимыми судьбами превращался в короля. Но искусство магов шло еще дальше, и по желанию они могли перевоплотить человека в любое живое существо. В течение нескольких минут человек переживал яркие картины из неведомого ему мира. Видел себя то среди девственных лесов, то среди пустынь, в глубине океана и даже на других планетах. Все эти картины проносились вихрем, и когда уснувший возвращался к действительной жизни, то он отказывался верить, что спал две или пять минут.

На другой день после того, когда обсерватория сообщила о появлении кометы, часов в шесть я возвращался из редакции и остановился около храма Человека, чтобы взглянуть на небо. Солнце уже зашло, но с запада разливалось серебристое сияние, настолько яркое, что все предметы бросали заметные тени. Строения за рекой и аэропланы, кружившиеся над городом, казались окруженными светящимся туманом. Кометы не было видно, хотя в толпе, собравшейся на площади между храмом Озириса и кафедрой атеиста Плумперта, на нее указывали десятки рук; одни

говорили, что видят белый хвост кометы справа, над линией домов, другие — прямо над своими головами, третьи принимали за грозное светило зеленые фонари почтового аэроплана, медленно летевшего вдоль разрушенной железнодорожной насыпи. Жрецы, теософы и прочие посредники между небом и землей, сновавшие по площади, вели себя очень странно. Они словно обрадовались зловещей комете и очень подробно, с большим увлечением рассказывали о тех ужасах, которые переживут люди в наказание за свое нечестие. Около меня порядочную толпу собрал распутный жрец Клавдий, не имевший никакой религии и служивший всем богам.

«Дождались, — кричал Клавдий, размахивая над головами слушателей черным посохом. — Сгорите, потому что не чтили алтарей и служителей неба, не поможет вам теперь ни наука, ни политика, будете молиться, и молитва не спасет, суд окончен, и все вы осуждены на смерть в небесном знамении». Жрец пошел с холма, продолжая выкрикивать бессвязные угрозы. За ним двинулась кучка людей, из которых одни плакали, а другие ругали Клавдия и бросали в него горсти песку. Какой-то мальчишка, взмостившийся на стену, вылил на Клавдия ведро воды. Идя дальше

по площади Веры, я всюду видел такие же сцены. Толпа, видимо, еще не отдавала себе ясного отчета в значении предсказаний, делаемых жрецами, которые, впрочем, никогда не переставали пугать суеверное население Гелиополиса местью неба. Эти служители алтаря походили на содержателя зверинца, у которого в кармане ключи от клеток с хищными зверями. В любой момент клетки можно было отпереть и выпустить на беззащитное население свирепых голодных животных.

Припоминая все события, предшествовавшие гибели Земли, я могу с уверенностью сказать, что паника начала распространяться из квартала Веры. В то время, когда еще во всем остальном городе, занимавшем более тысячи квадратных верст, шла обычная жизнь, вокруг храмов уже происходили сцены, напоминающие последние дни Земли. Огромные толпы людей, среди которых преобладали женщины, беспорядочно бросались от одного алтаря к другому; падали на колени, ползали в пыли по каменным плитам, молились или посылали проклятия. Мерные удары огромных медных гонгов сливались с погребальным пением и дикими выкриками прорицателей. Здесь, у подножия алтарей, рождался тот великий ужас, который впоследствии

заставил миллионы людей покончить с собой, прежде чем Земля встретила комету.

Дни стояли ослепительно яркие, и солнце пробиралось даже в самые темные углы храмов. Светлые пятна там и сям лежали на каменных ступенях, на полу и стенах, металлические украшения рассыпали снопы искрящихся лучей, облитые солнечным светом мраморные статуи казались ожившими. Пестрая шумная толпа придавала картине праздничный вид. В храме Озириса в то время, когда в одном углу шло торжественное служение, в другом толпа ткачей, пришедших из предместья, разбивала на мелкие куски священное изображение, топтала обломки и бросала в цветные стекла осколки камня. Голубоватый дым от больших бронзовых жаровен смешивался с тяжелой белой пылью от обрушенных разбитых статуй. Уже в эти первые дни паники многие атеисты оказались вдруг в рядах людей верующих, а люди религиозные то и дело превращались в непримиримых врагов молчаливого божества. Схватки приняли настолько опасный характер, что правительство хотело послать в квартал Веры войска и полицию, но так как по 176 статье основных Гелиополисских законов вооруженные люди не могли входить

в храмы, то в парламент был спешно внесен законопроект об отмене этой статьи «по случаю совершенно исключительных обстоятельств», как было сказано в объяснительной записке. К сожалению, прения в парламенте очень затянулись, потому что на этом вопросе лидер консерваторов задумал провалить либеральное министерство. Противники спорили до тех пор, пока человечество неосталось без всякой религии. Весь город был занят событиями на площади Звезды больше, чем кометой, которую, впрочем, пока еще видели одни астрономы.

Глава III

Концерт на аэропланах. — Кладбище старой земледельческой культуры. — Одичавшие люди. — Война, превратившаяся в стихийное бедствие. — В обсерватории. — Мнение бродячего о золотом веке

Шестнадцатого августа утром редактор попросил меня съездить в главную обсерваторию. День выдался очень жаркий. Замечу кстати, что, по словам метеорологов, последнее лето было жарче всех тех, о температуре которых сохранились

записи. Когда я поднялся на крышу башни, с которой отправлялись аэропланы, небо показалось мне раскаленным медным куполом, висевшим над ослепительно белым городом.

На площадке, окруженной высокой решеткой, собрались члены музыкального общества, дававшие в этот день концерт в высших слоях атмосферы. Закон строго воспрещал игру на музыкальных инструментах ниже трехсот метров над поверхностью земли. Эта благодетельная мера была введена с тех пор, когда механические музыкальные инструменты начали представлять серьезную угрозу общественному спокойствию. Музыканты обзаводились дешевыми маленькими аэропланами или брали их напрокат и целыми роями, вместе со своими слушателями, кружились над городом. Рядом со мной летел толстяк, прижимавший к груди слепившую глаза медную трубу. Он принял меня за любителя музыки и, размахивая платком, кричал:

— Невыносимая жара… Позвольте познакомиться — Эрнст Тимболь, помощник нотариуса… Смотрите, скрипка уже начала!

Толстяк приложил трубу к губам, оглушительно затрубил и словно шмель начал носиться между аэропланами. Впереди, согнув длинные

ноги и вытянув шею, летел юный флейтист; скрипач плавно описывал широкие круги, виолончель то взлетала к небу, то опускалась к стеклянному куполу над станцией аэропланов. Капельмейстер, помещавшийся в центре этого шумного роя, кричал в рупор:

— Маэстро, ради Бога, не ниже трехсот метров! Замолчите, маэстро! Поднимитесь еще метров на двадцать. Справа идет полицейское судно с мегафоном.

Для будущих людей, которые найдут от нашего мира только кучу обгорелых обломков, я поясню, что мегафоном назывался механический музыкальный инструмент, приводившийся в движение машиной в сто, пятьсот и более лошадиных сил. Это была адская музыка, от которой могли упасть самые прочные стены подобно тому, как пали стены древнего Иерихона.

Мегафоном, игравшим сонаты Бетховена, была уничтожена вся великая армия негров, двинувшихся на завоевание Европы. На полицейских судах, поддерживавших порядок в воздушном океане, были установлены самые слабые мегафоны, которые пускались в ход в тех случаях, когда надо было заглушить голоса ораторов, неугодных правительству, или прервать незаконную

музыку.

Я видел однажды, как сотня скрипачей металась над синей дождевой тучей, словно комары над прудом, а над ними, как буря, ревела полицейская музыкальная машина. На этот раз все обошлось благополучно, и когда мой аэроплан повернул к востоку, я видел музыкантов, расположившихся полукругом, два ряда слушателей впереди и капельмейстера наверху, наполовину скрытого облаком. Часа два мы летели над пустынными лиловыми полями, окружавшими мировой город. Из корзины аэроплана эти мертвые поля напоминали грязное морское дно в час отлива.

Истощенная тысячелетней культурой почва без искусственных удобрений перестала питать растения; чахлые, мелкие кустарники как лишаи расползались по голой земле. Глубокие овраги переплелись в густую сеть; заброшенные деревни, обрушенные насыпи, размытые дороги, заросшие сорною травою, напоминали, что здесь кладбище древнего непонятного нам мира, когда земледелие повсюду занимало миллион рабочих рук.

До какой степени жизнь этих древних людей отличалась от нашей, показывает описание их обедов. Они ели жареное мясо, мучнистые

клубни, листья, корни и семена различных растений, которые возделывали на полях и около домов. Чтобы съесть огромное по объему количество пищи, требовалось немало времени, а на переваривание ее, по словам заслуживающих доверие историков, надо было от двух до трех часов; очень часто во время переваривания проглоченных растительных и животных веществ наши отдаленные предки спали или дремали, сидя в креслах. Теперь мы питаемся пилюлями, в которых сконцентрировано все необходимое для поддержания жизни. Четыре или пять пилюль утром, до десятка днем и две или три вечером составляют всю пищу взрослого человека. Фабрики, химические лаборатории и заводы, на которых машины приводятся в движение силой морского прибоя и солнечной теплотой, заменили хлебные поля, сады и скот древних. Самая величайшая революция в мире была произведена теми учеными, которые научили, легко обращать неорганические вещества в органические, и так как открытия в этой области следовали одно за другим очень быстро, а техника успевала использовать в больших размерах на фабриках и заводах данные, добытые в лабораториях, то и земледелие неожиданно очутилось на краю пропасти.

Крестьяне вынуждены были забрасывать свои поля и направляться в город. Создалось великое переселение нищих, разоренных людей, труд которых наука и техника сделали ненужным. Часть крестьян долго еще продолжала возделывать пшеницу, рожь и другие хлебные растения, но это было такое же выгодное и прибыльное занятие, как, например, ручная работа ткача под стенами огромных фабрик, способных в одну неделю одеть население целого государства.

Водку, вино и другие напитки вытеснила «веселящая бактерия». Веселье прививают как оспу, но многие пьяницы предпочитают пользоваться гипнозом. В центральном ресторане на королевской площади работало несколько сот гипнотизеров. Как любопытный пережиток старины остались выражения: гипноз на бутылку, на полбутылки, на рюмку и проч. В дешевых гипнотических кабачках посетители поют, пляшут между столами, клянут свою жизнь, ругают прогресс и правительство, бранятся и дерутся друг с другом. Словом, по внешности здесь происходит все то же, что и в древних учреждениях подобного рода, с той разницей, конечно, что нигде не видно бутылок, стаканов и прочей посуды, образцы которой сохранились в музее древности.

Желающие привить себе веселящую бактерию или опьянеть под влиянием гипноза уплачивали особый государственный налог, который шел на содержание парламента и многочисленных обществ трезвости. Отправляясь в увеселительные прогулки, наши предки предварительно нагружались корзинами с вином и провизией, а мы берем коробку пилюль и одного-двух хороших гипнотизеров. Перед концом мира особенно славился некий Сальме, который давал все степени и оттенки опьянения. Это был великий художник, и на конкурсе, который был устроен Академией изящных искусств, он по справедливости получил первую награду. Откровенно говоря, веселье наше носило мрачный характер, и в Гелиополисе можно было очень редко встретить людей, в группе которых слышался бы непринужденный смех.

Примечание. Есть много родов смешного, но лучшие те, с которыми соединяется месть. Глупцы увлекаются смехом, который уносит их на своих свободных крыльях в такие области, куда они не посмели бы проникнуть, если бы не отдавались в его власть. Смех, рожденный

среди полей, на берегу ручьев, умирал в каменных стенах Гелиополиса, и возродить его бессильна была вся наша наука и все наше искусство.

Э.

Аэроплан опустился на землю у подножия холма, на вершине которого стояла обсерватория, но нам сейчас же пришлось вновь подняться, так как на поляну из чащи окружавших кустарников высыпала густая толпа людей, которые в официальных актах назывались людьми-волками и полулюдьми. Голые худые дети начали бросать в нас комьями сухой земли, а взрослые, видя, что мы успели подняться, старались разжалобить меня криками и причитаниями и, толкая друг друга, предлагали всякую дрянь, которую они разыскивали в грудах мусора на заброшенных полях-кладбищах. Отвратительная старуха, больше похожая на обезьяну, чем на женщину, поднимала над своей головой осколки бутылки и какие-то черепки, мужчины держали над головами в длинных худых руках обломки рельс и заржавленные топоры. Видя, что я не намерен ничего купить, они начали осыпать меня бранью и бежали вслед за аэропланом по склону холма. Чтобы

отвязаться от дикой своры, я выбросил все мелкие деньги, коробку с питательными пилюлями и пачку газет. В толпе началась свалка, которую прекратил полицейский аэроплан, неожиданно поднявшийся со двора обсерватории.

Опускаясь перед величественным порталом храма науки, украшенным надписью «Разум безграничнее мира», я слышал, как завывала дикая толпа и щелкали электрические бичи, которыми полицейские разгоняли полулюдей.

Перед концом мира одичавшие люди заселяли окрестности всех больших городов и вели непрерывную войну с цивилизованным обществом. Вернее сказать, города представляли небольшие оазисы среди огромных пространств, где нищета, голод и порок убивали человечество. Правительство и различные религиозные общины часто посылали в заброшенные поля проповедников и учителей точно так же, как в древности европейцы отправляли миссионеров для вразумления, просвещения дикарей в лесах Африки и пустынях Австралии. К сожалению, все эти проповедники имели очень мало успеха и нуждались в постоянном содействии полиции.

Каждый политический переворот, каждый шаг по пути прогресса, новые завоевания в области

науки и техники выбрасывали из среды цивилизованного человечества сотни тысяч и миллионы людей, которые, не находя себе места в городах, сначала пополняли ряды тех отбросов общества, которые ютятся где попало, бродят без крова у стен великолепных храмов и дворцов, отступают в предместья, но так как и там они представляли всегда серьезную опасность для государства, то в конце концов под давлением силы должны были уходить в пустынные дикие поля. Когда власть попала в руки ста сорока членов академии, задумавших водворить на земле царство Разума в окрестностях Гелиополиса, в один год образовалось несколько пещерных городов, где в ямах и норах поселились люди, оказавшиеся совершенно неподготовленными для великолепного государственного здания, воздвигаемого учеными и философами по их стройным теориям.

Война превратилась в стихийное бедствие, воздушные эскадры в несколько минут уничтожали целые города; взрывы были так сильны, что походили на вулканические извержения. Завладев новыми колоссальными источниками энергии, мы не умели ограничить сферу их действий; каждая война была поединком слепых титанов, вызванных изобретателями и учеными из таин-

ственной глубины неба и земли; искусственные бури сметали армии, как сухую степную пыль, и вызывали нарушение равновесия во всей атмосфере; воздушные волны, неся горы лиловых туч с ревом, похожим на шум водопадов, обрушивались на местности, очень далекие от тех, где происходили битвы, и оставляли за собой хаотические нагромождения камня, леса, деревьев и трупов.

Примечание. Материя, которую наши предки считали вечной и ненарушимой, оказалась резервуаром силы – камень, кусок металла или кусок земли можно было обратить в лучи электричества и света; энергия, заключенная в дождевой капле, могла произвести такое же разрушение, как снаряд, выброшенный из древнего двенадцатидюймового орудия. Обратная задача – обращение света, электричества и проч. в материю – была разрешена одновременно в Европе и в Китае. Электрические волны превращались в белый искрящийся металл, из которого была сделана решетка на одной из набережных Гелиополиса.

Э.

Молния и гром стали детскими забавами. Несмотря на запрещение продавать карманные аккумуляторы для произведения грозы, многие любители сильных ощущений запасались этими игрушечными снарядами и пускали их в ход где-нибудь за городом, над морем или в пустынных полях. У меня был приятель, репортер одной маленькой газеты, который каждый праздник ездил в окрестности Гелиополиса и в ущельях между гор устраивал сильнейшую грозу. В руках каждого преступника, фанатика или сумасшедшего находился ключ к таким разрушительным силам природы, о которых не мечтали наши предки в XIX и XX столетии. При начале каждой войны население бросало города, которые подвергались главным ударам, и бежало в поля. Цивилизованное общество, разбившееся на тысячу групп, походило на архипелаг островов, омываемый и подтачиваемый со всех сторон наступающим океаном.

Новые варвары готовы были каждый день двинуться на завоевание центров, где сохранилась и развивалась старая многовековая культура. Чтобы защитить себя от гибели, правительства всех стран заключили договор, по которому

распространение наук и технических знаний среди дикарей приравнивалось к самым тяжким преступлениям. Виновных отправляли в висящие кладбища, — так назывались верхние слои атмосферы, куда преступники поднимались в клетках, подвязанных к аэропланам особого устройства. Снабженные огромным запасом энергии, машины этих плавающих гробниц могли автоматически работать в течение многих десятков лет. Преступник умирал от недостатка воздуха и от холода; вместе с аэропланом труп его блуждал в безднах воздушного океана. Такое вечное путешествие было придумано после того, как цивилизованные народы раз и навсегда отказались от применения смертной казни. Осужденному в очень торжественной обстановке прочитывали статьи международного договора об отмене смертной казни. Потом его запирали в клетку, желали счастливого пути, и блестящая легкая гробница, похожая на обшитый глазетом гроб, плавно поднималась на такую высоту, где прекращалось действие всех законов — и международных, и каждого отдельного государства.

Обсерватория, как и все другие здания того времени, была окружена высокими стенами, защищавшими ее от нападения варваров.

В представлении дикарей в конце мира все ученые учреждения — музеи, академии, библиотеки, обсерватории — являлись наиболее прочными укреплениями ненавистного им строя. Наука ковала цепи рабства для миллионов людей, разорвать которые они никогда не были в силах. Слабые, беспомощные массы стояли перед гигантскими сооружениями, воздвигнутыми трудами ученых и скрывающими от них доступ к власти и благам жизни. Сами ученые распались на множество замкнутых сект, проникнуть в которые можно было только при особой удаче и многолетней работе, которая требовала совершенного отрешения от жизни.

Знание разрослось до таких необъятных размеров, что ни один специалист, как бы тесна ни была область его работы, не мог перечитать и тысячной доли книг, написанных его предшественниками. В конце концов изучение свелось к запоминанию ряда формул и правил, смысла которых не понимали ни учителя, ни учащиеся. Творчество в науке стало невозможным, потому что вся жизнь ученых уходила на чтение и запоминание энциклопедии, в которой были соединены в сухом и сжатом изложении завоевания прошлых веков. Наука умерла. Остался ее

сухой остов, мумия в гробнице с заклинаниями и магическими формулами. Пользуясь этими формулами, можно было вызывать грозу и бурю, прекращать эпидемии, строить удивительные по сложности механизмы и совершать вещи, которые всем казались более странными и таинственными, чем чудеса в храме Озириса и фокусы факиров на площади Веры.

В обсерватории меня встретил младший наблюдатель Хоккей — астроном шестьдесят четвертой степени, имевший право носить розовую мантию. Величественные инструменты, непонятные и забытые, стояли на прочных мраморных пьедесталах. Часть последних была сломана, и в дальних углах залы трубы, рычаги и винты напоминали лес, поваленный бурей. Среди этих инструментов Хоккей в своей розовой мантии, которая волочилась по пыльным плитам, казался маленьким и ничтожным. Он словно заблудился среди труб, медных дисков и каменных пьедесталов, похожих на гробницы.

— Вы никогда еще у нас не были? — спросил Хоккей. — Тут есть на что посмотреть. Все эти инструменты, за исключением сломанных, конечно, накапливают факты! Тысячи, миллионы фактов! Записывают их на ленты и сами сматы-

вают ленты на катушки, которые мы храним в погребах под холмом, на котором построена обсерватория. От их стеклянных глаз не ускользает ни одно из изменений в яркости самой отдаленной звезды; с величайшей точностью они определяют химический состав туманных масс, рассеянных в мировом пространстве; вот этот инструмент, направо за решеткой, в одну минуту дает более тысячи фотографий.

Астроном смотрел на окружающие нас механизмы с таким выражением, с каким древние язычники подходили к своим идолам. В его взгляде читались робость и благоговение.

— Что же вы делаете с накопленными фактами? — спросил я.

— Как что? Мы их храним.

— Ну а потом что?

— Да что же с ними делать? Ведь, чтоб рассмотреть и изучить фотографии, снятые хотя бы этим инструментом, в то время пока мы с вами разговариваем, надо затратить по меньшей мере целый год. Человеческий ум слишком слаб, а жизнь слишком коротка для того, чтоб можно было разобраться хотя бы в ничтожной части бесконечных записей о вселенной, которые непрерывно делают эти механизмы. Было время,

когда ученые пытались еще справиться с приливом фактов и осветить теориями и гипотезами горы растущего сырого материала, но теперь мы не можем и мечтать о таких попытках. Если вы спуститесь в подвалы под холмом, то можете целый день бродить в узких переходах между горами печатной и исписанной бумаги, и тогда самая мысль о том, чтоб возможно было — я не говорю изучить, а только рассмотреть эти материалы, покажется вам проявлением безумия. Мы копим факты, и больше ничего!

Кругом слышалось слабое жужжание от вращающихся дисков, и казалось, что действительно на эту обсерваторию надвигаются волны невидимого прилива, затопившего науку и превратившего ученых в прислужников бездушных мертвых механизмов.

По узкой винтовой лестнице мы поднялись на металлическую узорчатую площадку, повисшую между двумя медными трубами, как сорочье гнездо. Хоккей усадил меня на стул и предложил взглянуть в отверстие трубы.

— Комета еще не успела окончательно образоваться. Она находится в периоде роста. Не смотрите очень долго, если не хотите испортить себе зрение.

Я наклонил голову к искрящемуся стеклу и увидел картину, которую не забуду до конца жизни.

На черном фоне неба ярко горело красное треугольное пятно; вокруг него кружились вихри искр. Казалось, что там была метель; страшная буря взметала хлопья огненного снега и создавала из него причудливые образы; лучей у кометы еще не было, но по сторонам её тянулись узкие голубоватые линии, изгибавшиеся, как пряди водорослей в текущей воде.

Я видел творение. Испытывал такое чувство, как будто присутствовал при создании картины великого мастера, и никогда потом комета не производила на меня более сильного, потрясающего впечатления, чем в этот момент. Как и все остальные жители Гелиополиса, я редко смотрел на небо — скучное, холодное, немое, с медным отблеском от электрических солнц, оно давно утратило для нас всякую тайну. Красное пятно кометы и вихри, крутящиеся вокруг него, показались мне огненным знаком, смысла и значения которого я не понимал, но смутно угадывал. Точно чья-то огненная рука чертила на небе непонятный иероглиф, и в этом иероглифе заключался приговор Земле. Когда я поднял глаза от стекла, то не мог рассмотреть ни площадки, ни

Хоккея, который стоял около меня.

— Может быть еще, она и минует Землю, — равнодушно сказал Хоккей, — тут всегда возможны ошибки, тем более что вычисления делали не мы, а наша математическая машина.

Но я уже знал, что столкновение неизбежно, уверенность эта создалась во мне как-то разом, и ее ничто уже не могло поколебать. Странно, что когда комета стала видима простым глазом, то такая же уверенность явилась у всех людей, несмотря на то, что правительство принимало все меры для успокоения населения.

При помощи Хоккея я спустился по винтовой лестнице и через несколько минут вновь был над дикими полями, окутанными лиловым вечерним туманом. Вода в прудах и озерах казалась черной, с пронзительными криками носились птицы, холодный ветер нес тучи мелкой пыли над высохшей землей, далеко впереди над Гелиополисом горели огни электрических солнц, и свет их казался мертвенно-бледным.

Недалеко от города с нами случилось небольшое несчастье; в машине что-то сломалось, и пришлось быстро опуститься. Мы оказались на поляне, освещенной огнями Гелиополиса. С одной стороны тянулся глубокий овраг, в котором

шумел невидимый ручей, а с другой стояло наполовину разобранное строение, окруженное поваленной изгородью. Пока машинистка возилась около аэроплана, я сделал несколько шагов по направлению к оврагу и почти наткнулся на человека, сидевшего на срубе колодца. По одежде я сейчас же увидел, что предо мной один из тех людей, которые не окончательно еще порвали связь с городом и жили частью в диких полях, частью в отдаленных грязных предместьях. Когда этот человек поднял голову и внимательно посмотрел на меня, я увидел, что он или болен, или давно голодает.

— Что вы здесь делаете? — спросил я, чтобы сказать что-нибудь.

Бродяга пожал плечами.

— Не понимаю, почему вы задаете мне этот вопрос, но если вас это может интересовать, извольте: я вышел за город, чтобы увидеть комету.

— Вы ее еще долго не увидите: пройдет дней десять, а то и больше до того времени, когда ее можно будет различить невооруженным глазом.

— Вот что! — с оттенком сожаления сказал бродяга. — А я думал, что дней через десять все будет кончено, и от всего этого, — он неопределенно показал рукой вокруг себя, — останется куча

пепла. Впрочем, может быть, это новая выдумка ученых шарлатанов и плутов из квартала Веры.

— Я возвращаюсь из обсерватории и могу вам сказать наверное, что комета существует.

Лицо бродяги оживилось, он рассмеялся хриплым смехом.

— Да! Вы ее видели? Отлично, значит, я жду не напрасно.

И внезапно с приливом откровенности он заговорил:

— Если бы вы знали, как мне хотелось бы присутствовать, когда будет гореть весь мусор, начиная от парламента и кончая учеными в мантиях.

Меня неприятно поразила та радость, с которой этот человек в лохмотьях, сидевший среди пустыря, говорит о гибели всего, что с таким трудом накоплено тысячелетней историей человечества. Я не удержался, чтобы не сказать ему этого прямо.

— А какое мне дело до вашего человечества? — ответил с раздражением бродяга. — Что оно мне дало? Вот я сижу здесь под этим черным небом, голодный. И если я здесь умру, то, как вы думаете, заметило бы это человечество?

Он встал и говорил, размахивая длинной жи-

листой рукой.

— Но позвольте, никто не может быть равнодушным к будущему человечества! Все страдания людей, и живущих теперь, и живших раньше, необходимы для того, чтобы создать счастье будущих поколений, придет время, когда не будет страданий…

Бродяга прервал меня презрительным жестом.

— Поймите же вы, что я не хочу быть рабом этих будущих людей! И какой толк для меня и для миллионов других таких же, как я, в том, что когда-то через десять тысяч лет люди будут жить в райских садах, что ли. Я хочу жить, и все другие, которые умерли, не дождавшись этого вашего блаженства на Земле, они тоже хотели жить. Счастье нужно было им самим, а не каким-то там неведомым жителям блаженной страны.

Я не знал, что ответить на эту коротенькую речь, произнесенную с большой злобой, и молча смотрел на худое лицо моего собеседника, освещенное слабым синеватым светом.

— Да я за все счастье этого будущего человечества не отдам ни одного дня своей жизни. И в чем оно будет заключаться, это счастье? Я уже теперь ненавижу этих ваших здоровых счастливых тунеядцев будущих веков, которые на моем

страдании создадут совершенную жизнь.

Он внезапно умолк, опустился на край сруба и проговорил уже спокойно:

— Я жду кометы. Она, по крайней мере, удовлетворит чувство мести. По-моему, кто толкует о жирных бездельниках, которые, может быть, явятся, когда сгниют наши кости, тот либо дурак, либо не знает цену слезам и крови.

Не желая вступать в спор, я молча пошел к аэроплану.

Накрапывал мелкий холодный дождь.

Туман сгустился, и огни Гелиополиса казались заревом, охватившим половину неба.

Глава IV

Язык идиотов. — В красном свете. — Рухнувшие стены. — Нашествие варваров

Я несколько раз принимался писать статью о поездке в обсерваторию и каждый раз бросал перо, рвал исписанные листы и уходил на улицу, где под знойным белым небом, скрывавшим огненный знак разрушения, шла старая привычная жизнь. Тот искусственный язык, на котором мы писали, совершенно не годился для выражения

новых, глубоких и неожиданных идей. Если бы эсперанто, родоначальник сотни искусственных языков, был выдуман в древности и стал языком писателей и ученых, то мир не увидел бы Шекспира, Ньютона, Пушкина и Достоевского. Самый гениальный скульптор ничего не сделает из мусора. Но эсперанто был только первым шагом, первым преступлением на том пути, который привел человеческую мысль в душное подземелье, лишил её крыльев и гения сравнял с идиотом.

Перед концом мира, когда люди с величайшей легкостью переносились из одной страны в другую и на площадях городов, в гостиницах, на палубах аэроплана мешались все племена, международный язык был так прост, что его в один день мог изучить самый глупый человек, какого только можно было найти под всеми географическими широтами.

Грамматика состояла из трех правил. Все слова производились от четырех корней: пи, ри, фью, клю.

Этот всеобщий язык назывался птичьим, так как разговор на нем напоминал щебетанье птиц.

Вот для образчика две фразы.

— Фьюти пиклю. (Я хочу есть.)

— Пи пи фью? (Который час.)

Заклинаю людей будущего мира не заводить искусственного единого языка, если только среди них не будут преобладать слабоумные и совершенные идиоты. Большие газеты, расходившиеся в миллионах экземпляров среди разноплеменного населения, все печатались на птичьем языке, и поэтому у писателей не было стиля. Как сухие листья, упавшие с зеленых шумных древесных вершин, кружились под пером бессмысленные слова и слагались пустые мертвые фразы.

Кто говорит и пишет на живом языке, тот окружен тайной; мысль его обвевают бури и ветер; над ней горят звезды и солнце. Живое слово летит из ночи, что осталась сзади нас, и несет силу творчества того, кто ушел и не вернется.

Изобретатели искусственного языка постоянно уверяли, что хотят помочь объединению человечества, но достигли только того, что всюду, — в Токио или в Мадриде — у первого встречного можно было получить справку о названии улицы, направлении дороги или о цене питательных пилюль. За этот великолепный результат птичий язык убил творчество, потому что никому не было охоты писать для ограниченного круга читателей, и книги превратились в склепы, где

умные и глупые, новые и старые мысли были замурованы при помощи трех грамматических правил и четырех корней всеобщего языка.

На улицах Гелиополиса я не заметил ничего такого, что бы указывало на растущую панику среди многомиллионного населения мирового города.

О комете почти не говорили. Мне самому начинало казаться, что я видел скверный сон и что небо не может скрывать в своей ясной спокойной бездне те крутящиеся огненные вихри, которые ослепили меня в обсерватории. На одной улице я встретил процессию монахов, они шли с зажженными свечами и что-то пели. Начала собираться толпа, но сейчас же вмешалась полиция, и после небольшого замешательства процессию оттерли в глухой темный переулок.

Толпа стояла молча, словно чего-то дожидалась.

Разносчик, прижатый к окну магазина, выдавил лотком стекло и вступил в перебранку с приказчиком. Это маленькое событие отвлекло внимание уличной черни от мрачной процессии, и, когда дверь в магазин закрылась, толпа начала разбредаться.

В другом месте, недалеко от Королевской пло-

щади, я видел кучку людей, собравшихся около стены, на которой было наклеено объявление гелиополисского губернатора, предупреждающего, что все слухи о комете сильно преувеличены. Бумага была еще сырая, и какой-то парень сорвал ее и бросил в канаву.

Газеты были переполнены известиями о комете, о которой по телеграфу сообщали со всех концов света, и к вечеру настроение уличной толпы изменилось.

На мостах и набережной плотными рядами стояли тысячи людей, ожидавших появления кометы.

Первое общество аэропланов устроило увеселительные поездки на такую высоту, где свет электрических солнц не мешал наблюдать небо.

Места на аэроплане брались с бою; впрочем, многих привлекала не столько комета, сколько танцовщица из королевского театра, Эмилия Лодуо, которая недавно задушила своего любовника.

15 августа парламент решил избрать особую кометную комиссию для рассмотрения вопроса о средствах предупредить надвигающуюся катастрофу, но, к сожалению, между большинством и меньшинством законодательной палаты не

было достигнуто соглашения по поводу состава этой комиссии.

Оппозиция прибегла к обструкции, и один депутат семнадцать часов подряд говорил о бедствиях, которые причинит параграф 26 парламентского наказа, допускающий избрание членов в различные комиссии по простому большинству голосов.

Правительство созвало междуведомственное совещание с участием ста сорока академиков.

От этого совещания ждали самых благодетельных результатов, но на первом же собрании встретилось два серьезных препятствия, мешавших дальнейшему ходу работ.

Во-первых, возникли крупные разногласия о полномочиях председателя, и во-вторых, академики поссорились из-за вопроса о том, что такое комета.

Спорили они до тех пор, пока не увидели комету так близко, что миновала всякая надобность в дальнейших прениях.

В течение целой недели над Гелиополисом стоял густой желтый туман. Вечером 23 августа туманная завеса раздвинулась и красный треугольник, окруженный снопами пламени, показался над Гелиополисом. Громадный город

зашумел, как океан при наступлении бури. Все население очутилось на улицах, и среди него замелькали оборванные, грязные фигуры дикарей, на которых теперь никто не обращал внимания.

Чтобы ослабить разгорающийся зловещий свет кометы, правительство приказало в семь часов вечера зажечь все электрические солнца и направить на небо лучи прожекторов, которые служили для освещения диких полей.

До десяти часов комета была плохо видна, но позднее она снова отчетливо проступила на черном фоне неба, и ее красноватый отблеск дрожал в черной воде рек и каналов, в искусственном озере на королевской площади и на полированном мраморе дворцов и храмов.

Огромные толпы народа бросились в квартал Веры, откуда навстречу им бежали жрецы, потерявшие веру в богов и содравшие со статуй золотые украшения и драгоценные камни.

Все дома были освещены, и, сидя у себя в комнате, я видел через улицу, как металась испуганная семья; отец складывал в ящик бумаги и деньги, которые рассыпались по полу; мать и две прислуги одевали детей, — увязывали платье и белье, которое грудами выбрасывали из шкафов и сундуков.

Внизу между стенами домов с шумом, похожим на гул прибоя, мчался живой людской поток.

Я заснул не раздеваясь, и когда проснулся, солнце ярким светом заливало всю комнату.

Около кровати стоял мой приятель, художник Уйтман. Пальто на нем было разорвано, шляпа в пыли; рука, в которой художник держал стакан с водой, дрожала и около кисти была перевязана шелковым носовым платком с пятнами засохшей крови.

В ярко освещенной комнате, где все оставалось на обычных местах, рядом с широким зеркалом в радужных каймах черная фигура Уйтмана напоминала о том хаосе и смятении, которые царили за окном.

Художник внес часть этого хаоса, и вдруг стали нелепыми стройные ряды книг на полках около кровати, ковры, картины, мебель.

У меня было такое чувство, как будто бы сейчас в двери, которые стояли раскрытыми, вслед за Уйтманом ворвется буря и превратит в обломки все комнату.

— Скорей вставай и одевайся, — сказал мой приятель. — В город из диких полей идут люди, которые окажутся страшнее кометы. Я всю ночь провел на окраинах. Там разграблены сотни

домов. Подло погибает человечество; трусливое, глупое стадо! Я думаю, что комета явилась как нельзя более кстати.

Когда мы выходили на улицу, Уйтман ударил своей палкой по зеркалу, и сверкающие осколки с веселым звоном посыпались на пол.

— Все равно сюда ты не вернешься.

Я с сожалением взглянул на комнату, где у старых вещей было какое-то сходство со мной.

— Скорей, — торопил художник. — Пойдем к Королевской площади, там безопаснее, хотя многие бегут в квартал Веры и за город.

Улицы были запружены народом. Одни двигались к центру, другие бежали в противоположную сторону, к мосту и арке Мира.

Кометы не было видно, но по небу тянулись золотистые полосы, сходившиеся в восточной части горизонта.

Я зашел в лавку на углу купить сигар.

Лавочник запросил за десяток столько, сколько вчера еще брал за сотню.

— Славно будет гореть ваш товар, — сказал Уйтман, раскуривая сигару.

— Он у меня застрахован. Пусть горит.

Пройдя еще два квартала, мы натолкнулись на разбитый аэроплан, винты которого продолжали

вертеться. На мостовой стояли лужи крови, и какая-то старуха засыпала ее пылью, которую брала тут же из канавы.

Рядом на стене была приклеена огромная афиша, которую, ввиду её исторической важности, я прилагаю к этим запискам.

Начинаются

Беспрерывные увеселения.

Королевское правительство 26 Августа устраивает большой карнавал для всех жителей Гелиополиса!

Процессия шутов,

Участвует весь королевский балет.

Миновала всякая опасность от столкновения с кометой.

Где-то послышался гул выстрелов. Толпа испуганно бросилась в стороны и увлекла нас в узкий темный переулок, где было сыро и пахло гнилью, как на берегу болота. Около меня какой-то

старик в золотых очках ругал правительство и парламент.

— Что они делают? Вместо того чтобы принять меры для защиты населения от кометы, вступили в битву с дикарями, которые идут сюда с самыми мирными намерениями. Я вышел бы навстречу к этим несчастным пасынкам цивилизации и сказал речь о примирении и любви. Нет, впрочем, ничего удивительного, что дела идут так плохо: в парламенте нет ни одного умного человека; каждый день семьсот дураков соединяют свои усилия, чтобы создать еще одну новую глупость.

Старик говорил с раздражением и глазами искал в толпе противников. Живой поток унес нас к другому концу каменной трубы. Отсюда далеко внизу видна была набережная и высокий узорчатый мост Мира. Над рекой, вытянувшись в одну линию, летели на запад черные боевые суда. Одно из них описывало огромные круги под городом.

Несмотря на все уговаривания Уйтмана, я отказался идти дальше и остался один около огромного недостроенного здания. Перебравшись через груды бревен и камня, я удобно поместился за окном, забитым досками. В широкие щели одним взглядом можно было окинуть половину

Гелиополиса.

Желтые полосы на небе становились ярче, расширялись, двигались, как пластинки веера, развернутого от горизонта до зенита.

В шесть часов вечера вдруг хлынули потоки красного света. Казалось, что всходило второе солнце.

Когда комета поднялась над линией домов, все строения, набережная, река окрасились в багровый свет.

Выстрелы слышались чаще, но теперь они шли с другой стороны. С королевской площади доносились звуки музыки. Там начался Карнавал.

Мне казалось, что над землей веют чьи-то огненные крылья и воздух становится невыносимо душным.

— Прекрасное зрелище, — сказал кто-то сзади меня. — Прекрасное, и скоро оно будет еще лучше.

Быстро оглянувшись, я увидел маленького человека, похожего на обезьяну. Он сидел на груде щебня, охватив руками тонкие колена, и с усмешкой смотрел на меня.

— По-моему, не прекрасное, а страшное.

— Однако вы ужаса не чувствуете. Все это слишком величественно и огромно, чтобы люди могли

поддаться такому страху, который испытывают они ну хотя бы во время пожара в каком-нибудь театре. Больше боятся полулюдей, загнанных в пустыри, чем кометы. Говорят, что в западном предместье аэропланы навалили горы трупов, но бой еще далеко не кончен. Вы знаете, какое время обращения этой кометы?

— Нет.

— Сорок две тысячи лет. Этот красный свет однажды уже заливал Землю. Но тогда не было людей. Потоки огня, упавшего с неба, растопили ледники, которые закрывали половину Европы. Человечество, создавая свою цивилизацию и культуру, в сущности, всегда находилось в положении приговоренного к смертной казни. Земля была тюрьмой, а комета — исполнителем приговора.

Старик встал, лицо его, освещенное, как и все предметы, красным светом, казалось маской, через глубокие прорезы которой смотрели живые глаза.

— Я думаю, явилась она вовремя, — сказал он медленно. — Земля с Солнцем и другими планетами движется, как вы знаете, к созвездию Геркулеса. Но вот чего не знаете ни вы, ни все другие: на бесконечном пути мы встретили

несколько сфер с различным влиянием на дух, мысли и чувства людей. Вышли мы из области, где были равны богам, и двигаемся в область низких уровней жизни и психики. Человечество все равно стоит на краю пропасти. Меняются и физические законы, но они более устойчивы, чем дух, который колеблется и гаснет или поднимается до неба на расстояние какого-нибудь биллиона километров, пробегаемых Землей в несколько столетий.

— Пред нами духовная пустыня, — повторил маленький человек, — ужас животной жизни, и пусть лучше комета сделает свое дело.

Небо меняет свой вид, хотя и очень медленно. Десять тысяч лет тому назад оно было иным, чем теперь. У каждого столетия есть свой гороскоп. Судьбу человечества чертит орбита Земли, и звезды, слагаясь в немые письмена, хранят нашу судьбу. Астрологи угадывали истину.

Примечание. Старик Анверс, которого встретил Энрио, был одним из величайших математиков конца мира. Его теория о разнородности пространства дает единое объяснение множеству явлений из истории земли, развития органического

мира и освещает историю человечества. Окружающие нас бездны мира Анверс исследовал при помощи устроенного им прибора, вроде того как моряки, пользуясь лотом, изучают недоступные глубины моря.

Э.

Глава V

Карнавал на королевской площади. — О театре. — В море тумана. — Последний час.

Королевская площадь и расходившиеся от нее по радиусам семнадцать широких улиц были залиты светом прожекторов и электрических солнц.

Оркестры музыки на земле и над землей заглушили говор и крики в толпе, двигавшейся между домами, как бурная река в половодье.

Нанятые правительством артисты и артистки из всех театров Гелиополиса играли в последней пьесе, какую видели люди Старого мира.

Во всех больших театрах главные роли давно уже поручались не людям, а заводным говорящим автоматам.

Лучшие из них, занимавшие в разобранном виде немного места и требующие редкой смазки и чистки, изготовлялись на заводе братьев Аплон.

Работа братьев Аплон была до такой степени совершенна, что в парламенте был однажды отыскан целый склад механических двойников депутатов из партии большинства.

Когда не хватало кворума, друзья отсутствовавших членов парламента совершали величайшее мошенничество.

Они входили в зал заседания с куклами, которые занимали место, внимательно слушали очередного оратора, аплодировали или шикали.

Гнусный обман открылся, когда то же самое стали проделывать члены оппозиции. Во время прений по вопросу о колониях в зале находилось, как это было доказано позднее, 280 кукол и только 27 живых слушателей, считая председателя (о последнем возникало сомнение), стенографисток и двух министров. Автоматами братьев Аплонов можно было управлять при помощи беспроволочного телеграфа. Валики с записями речей, монологов и проч. вставлялись по мере надобности, и запас их у автомата мог быть очень велик.

Антрепренеры и в особенности режиссеры предпочитали иметь дело с куклами, чем с арти-

стами. Первые никогда не ссорились, мирились с любой ролью, а во время поездок на гастроли вся труппа в разобранном виде укладывалась в один сундук среднего размера.

Очень часто авторы, сидя в будке механика, сами исполняли свою пьесу. Большое распространение получили драматические импровизации. Пьеса создавалась на сцене, творчество происходило на глазах зрителя.

Голодные актеры охотно соглашались за ничтожную плату играть вместе с куклами. Антрепренеры всегда держали в труппе несколько живых женщин, чтобы вернее извлекать доходы из актрис-кукол.

В одном из самых больших театров Гелиополиса появилась красавица балерина, за которой начал ухаживать известный писатель Вольней.

Красавица держала себя неприступно, но охотно принимала дорогие подарки и однажды попросила у Вольнея крупную сумму денег. Она со слезами рассказывала в присутствии своей матери, что эти деньги нужны ей для того, чтобы стать свободной.

— Я хочу принадлежать только вам одному, — сказала она, прощаясь с писателем за кулисами.

Вольней продал всю свою работу за три года

вперед и, вложив деньги в букет роз, передал их балерине. С этого дня артистка перестала принимать закабалившего себя на литературную поденщину влюбленного романиста и во время антрактов сидела в запертой уборной, а после спектакля исчезала неизвестно куда.

Вольней был убежден, что она ему изменяет, начал пить и однажды захватил из редакции длинные ножницы, при помощи которых составлял ежедневный обзор печати, отправился за кулисы, сорвал дверь с крючка и увидел, что балерина сидит на диване рядом с каким-то господином в черном плаще. Вольней ударил ее ножницами в грудь и закричал от испуга, когда оказалось, что его оружие застряло между двумя рядами блестящих медных колес.

Аппараты братьев Аплонов были столь совершенны, что через час зашитая балерина танцевала как всегда и не могла лишь раскланиваться, так как ножницы Вольнея выбили у нее из груди два колеса, совершенно необходимых для этого движения.

На королевской площади среди замаскированных было много кукол. Они двигались группами в сопровождении машинистов и смеялись так весело и заразительно, что невольно казалось,

будто бы на площади царит самое неподдельное веселье.

Эту ночь я провел у своего друга Уйтмана, который жил в центре города.

На следующий день красный свет заливал улицы мирового города с утра до вечера.

Комета со своими шестью лучами занимала половину неба.

Иногда рядом с ней вспыхивали снопы искр, рассыпавшихся как фейерверк. В пять часов вечера пошел дождь из мелких камней, поранивший и убивший несколько тысяч человек.

Улицы опустели. Остались только трупы да брошенные на произвол судьбы автоматы, которые, никем не управляемые, бродили в своих красных с желтым шутовских костюмах и весело хохотали.

К вечеру выстрелы смолкли и по городу распространился слух, что команда военных судов разбежалась, бросив аэропланы на произвол судьбы. Только один воздушный миноносец, «Персей», продолжал защищать город от вторжения дикарей.

Из окна Уйтмана я видел, как «Персей», описывая все суживающиеся круги, посылал одну воздушную мину за другой по какой-то невиди-

мой цели.

Землю освещала комета, так как все рабочие на электрических станциях бросили работу.

На улицах замелькали грязные, оборванные фигуры, сначала они появлялись поодиночке, робко, потом небольшими толпами и наконец двинулись сплошной массой. Дикари подвигались с восточной части города, и перед ними все дальше и дальше отступало к западу население Гелиополиса.

Мы с Уйтманом покинули город до рассвета, так как свет кометы уже затмевал свет солнца, правильнее сказать — когда ядро кометы стояло в зените.

На мосту около арки Мира нам пришлось ждать больше часа, пока удалось перейти на другой берег реки. Счастливцы, которым удалось попасть на аэропланы, давно уже выбрались, и теперь летали только огромные грузовые суда, на которых правительство вывозило бумаги из парламента и правительственных учреждений, золото из кладовых государственного банка, самых важных преступников.

Идти по полю было очень трудно. На каждом шагу попадались рытвины и норы, в которых жили дикари до появления кометы.

Я несколько раз проваливался в эти ямы и выбирался из них с большим трудом.

Кругом нас все поле было усеяно беглецами. Усталые, измученные люди тащили такие вещи, которые теперь им были совершенно не нужны.

В кустарниках, которые в багровом свете кометы казались кучами черного пепла от сожженной бумаги, сидели и лежали собственники скарба, связанного в узлы и валявшегося на мокрой земле. Мы догнали семью, отец которой нес пишущую машину, мать еле передвигала ноги, сгибаясь под узлом, из которого торчала ручка зонтика и угол золоченой рамы, сын нес клетку с птицами, а дочь — роскошный букет бумажных цветов.

Я думаю, эти люди умерли бы от испуга, если бы остались среди черной пустыни под красным небом без тех вещей, которые напоминали им о старом привычном мире.

— Ты уронила серебряную ложку, — сказал мужчина жене.

Уйтман поднял блестевшую ложку, и его поблагодарили так горячо, как будто бы он оказал этим людям истинное благодеяние. Беглецы почти не разговаривали друг с другом. Каждый думал только о себе и обращал на случайного спутника

не больше внимания, чем на кустарник вдоль дороги.

Человечество разом рассыпалось на составляющие его живые единицы, походило на сухой песок, который развевает буря.

Красный свет кометы разрушил все скрепы, созданные в течение тысячелетий и казавшиеся вечными.

В последние часы старого мира каждый человек был таким же одиноким, как если бы он находился в пустыне, населенной хищными зверями. Ночь мы провели в какой-то яме, рядом с актером, привившим себе огромную дозу веселящей бактерии. Он всю ночь пел, плясал на полянке между ямой и кустарником и приглашал меня и Уйтмана ловить женщин. День не наступил, хотя солнце давно уже взошло. Лучи его не могли пробиться через сухой красноватый туман, от которого болели глаза и мучила постоянная жажда. Трудно было рассмотреть что-нибудь в десяти шагах. Казалось, что где-то близко горит лес и земля застлана клубами едкого багрового дыма.

Боясь потерять Уйтмана, я связал себя с ним веревкой в три метра. Шли мы без цели, смутно различая очертания людей, заброшенных строе-

ний и холмов, на которых туман был еще тяжелее и колебался, как занавес, вздуваемый ветром. Было так жарко, что я снял сюртук и жилет.

Уйтман жаловался на головную боль и говорил, что все предметы колеблются и отделяются от земли, словно их подмывает бурный прибой.

Описав огромный круг в двадцать или тридцать километров, мы вновь очутились перед Гелиополисом, и почти в том месте, откуда вышли.

От усталости и отравления туманом я перестал ясно сознавать все происходящее, помню только, что черные стены Гелиополиса показались мне зубчатыми скалами, поднимающимися со дна бездонного моря.

Вдруг веревка сильно натянулась, я упал на землю, больно ударившись плечом об острый камень, и, поднявшись, увидел, что Уйтман с окровавленной головой сидит на ступеньке лестницы.

Кто-то перерезал веревку и схватил меня за руку, втолкнул в узкий темный коридор.

В высокое окно, защищенное железной решеткой, я видел, как вокруг Уйтмана в волнах тумана быстро собралась толпа людей.

Они походили на черных крабов, которые копошатся вокруг трупа.

— Отойдите от окна, — услышал я за собой чей-то шепот, но меня уже увидели с улицы.

Кто-то из толпы бросил камень, и стекла со звоном посыпались на каменные плиты.

Потом мы втроем молча и долго шли по каким-то галереям, в разбитые окна которых вливался багровый туман с противным сладковатым вкусом, прятались в погребах и в саду, окруженном высокой каменной стеной.

Один из моих спутников завязал мне рот и нос платком, смоченным в жидкости с запахом нашатыря.

Я подчинялся всему, что от меня требовали, я больше всего хотел покоя. Однажды я даже лег на песчаную дорожку сада, но меня сейчас же подняли и повели дальше.

Последним моим воспоминанием был тяжелый грохот каменного дождя по крышам и стенам домов.

Очнулся я в той подземной глубокой галерее королевского музея древностей, куда меня и Безымянного привел Эверт.

Подтверждаем, что в записках Энрио Витторино все события изложены верно.

Король Меридит XVI.

Доктор химии, б. председатель гелиологическо-

го общества для изучения природы.

Эверт.

И я, № 369.

Сусанна.

За неё подписался

№ 369.

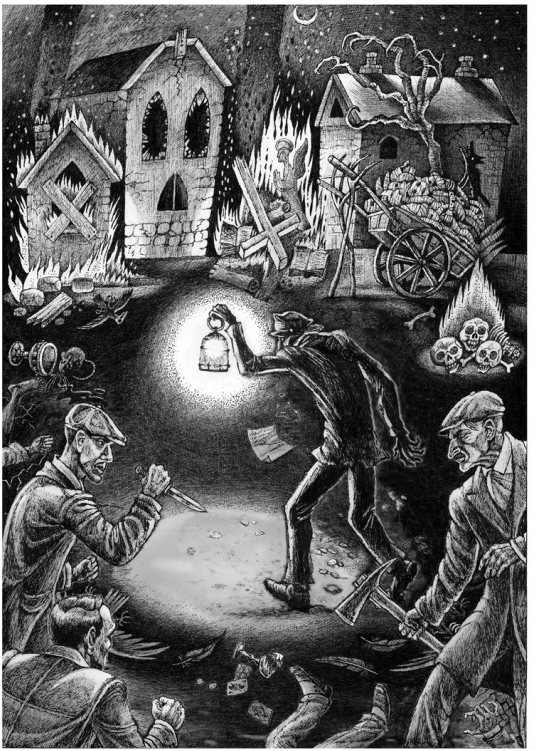
Элоиза.

Особое мнение хранителя королевского музея и кавалера Ольрида:

Легкомысленный тон рассказа не отвечает важности событий. Предлагаю уничтожить все тридцать шесть плит, взятых из музея, на которых Энрио Витторино нацарапал историю наших бедствий.

Ольрид.

1910 год



Валерий Брюсов

Восстание машин

*Из летописей ***-го века*

I

Дорогой друг!

Уступаю твоей настойчивости и приступаю к описанию чудовищных событий, пережитых мною и похоронивших мое счастье. Ты прав: кто своими глазами видел подробности страшной катастрофы, небывалой в летописях мира, и остался после нее в здравом уме, обязан сохранить ее черты для историков будущего времени. Такие свидетельства современников будут драгоценным материалом для исследователей нашей эпохи и, быть может, помогут следующим поколениям уберечь себя от ужасов, выпавших на нашу долю. Поэтому, как ни тягостно мне вспоминать те дни, подобные кошмарному бреду, дни, отнявшие у меня всех, кого я любил, и превратившие меня самого в калеку, я все же буду писать, беспристрастно изображая все, что сам наблюдал и о чем слышал от очевидцев.

Впрочем, если бы не твои убеждения и не соображения, что после трагической борьбы уцелело всего несколько человек, я никогда не принял бы на себя этой ответственной задачи, потому что во многом она мне не по силам. Я едва ли не менее всех других подготовлен к такому предприятию, так как могу рассказывать лишь о внешних явлениях: их смысл и причины недоступны моему пониманию. Все, что я могу обещать, это — воспроизводить, насколько сумею живо и ярко, фантастические происшествия, известные теперь под названием «Восстание машин», и быть правдивым, насколько то возможно для человека, который терял грань между явью и сном и уже не сознавал, что реальность и что призрак. Дать правильное толкование фактам, объяснить их — дело других, более осведомленных и более образованных.

Ты знаешь, что я — рядовой человек своего века, простой обыватель, который честно выполнял свои обязанности на общественной службе и считал, что свое свободное время он вправе посвящать отдыху и удовольствиям. Возвращаясь к себе после трудовых часов, я был счастлив в кругу своей семьи, с женой, моей бедной Марией, с моими двумя детьми, твоим любимцем Андреем

и его сестрой, малюткой Анной, и с их бабушкой, моей матерью, старушкой, которую все кругом называли «доброй Елизаветой». Чему я когда-то учился в школе, оставалось у меня в памяти как что-то очень смутное, и позднее у меня не было ни времени, ни охоты освежать и пополнять свои довольно скудные познания. Пусть науками занимаются, думал я, люди, избравшие себе это поприще, а мы, очередные граждане, свершив свой долг, можем спокойно наслаждаться результатами их работ.

Подобно всем, кто живет в нашу эпоху, я пользовался всеми благами современных машин, но никогда не задумывался над вопросом, как и где они приводятся в движение или каково их устройство. Мне было достаточно, что машины обслуживают нужды мои и моих близких, а чем это достигается, мне было все равно. Мы нажимали определенные кнопки или поворачивали известные рукоятки и получали все необходимое нам: огонь, тепло, холод, горячую воду, пар, свет и тому подобное. Мы говорили по телефону и слушали в мегафон утреннюю газету или, вечером, какую-нибудь оперу; переговариваясь с друзьями, мы приводили в действие домашний телекинема и радовались, видя лица тех, с кем го-

ворим, или в тот же аппарат любовались иногда балетом; мы подымались в свою квартиру на автоматическом лифте, вызывая его звонком, и так же подымались на крышу, чтобы подышать чистым воздухом… Вне дома я уверенно вспрыгивал в автобус, в вагон метрополитена и империала или становился на площадку дирижабля; в экстренных случаях я пользовался мотоциклетками и аэропланами; в магазинах охотно передвигался по движущемуся тротуару, в ресторанах — автоматически получал заказанные порции, на службе — пользовался электрической пишущей машиной, электрическим счетчиком, электрическими комбинаторами и распределителями. Разумеется, нам случалось обращаться к помощи телеграфа, подвесных дорог, дальних телефонов и телескопов, бывать в электротеатрах и фоно-театрах, обращаться в автоматические лечебницы при незначительных заболеваниях и т. д. и т. д. Буквально на каждом шагу, чуть ли не каждую минуту мы обращались к содействию машин, но решительно не интересовались, чем оно обусловлено; только досадовали, когда получали извещение по административному телефону, что тот или другой аппарат временно не будет действовать.

Обращение с машинами, как все знают, просто до крайности. Даже мой маленький Андрей умел различать все кнопки и рукоятки и никогда не ошибался, если надо было прибавить тепла или света, вызвать газету или цирк, остановить лифт или предупредить проходящий мимо автобус. Мне кажется, что у современного человека выработался особый инстинкт в обращении с машинами. Как люди прошлых эпох, не отдавая себе в том отчета, соразмеряли, например, силу размаха, чтобы затворить дверь, мы соответственно нажимаем кнопку и заранее знаем, что дверь захлопнется без шума. Точно так же мы инстинктивно поворачиваем рычажки ровно настолько, чтобы пение оперы было слышно только в одной нашей комнате, или переходим с движущегося тротуара на твердую землю, хотя непривычный человек непременно при этом упал бы. И нам кажется совершенно естественным, что такому-то слабому движению руки, такому-то чуть заметному наклону рукоятки соответствуют определенные следствия. Мы почти верим, что все это совершается «само собою», что это — в природе вещей, как прежде, поджигая спичкой костер, знали, что получат пламя.

Теперь поневоле я стал гораздо осведомленнее:

обо многом пришлось подумать, обо многом расспросить, и наконец, многое я узнал из газет, которые вот уже два месяца не устают передавать всему миру подробности катастрофы. Теперь я знаю (впрочем, знал это и раньше, учил в школе, только основательно позабыл), что вся земля разделена на 84 «машинных района», из которых каждый имеет свою самостоятельную, не зависящую от других, станцию. Каждый такой район делится на дистрикты: в нашем их было 16, и в каждом дистрикте также устроена центральная станция, причем все они связаны между собой. Наконец, дистрикт подразделяется на фемы, с подстанциями в каждом, получающими энергию с центральной станции. В нашем Октополе была расположена именно центральная станция дистрикта, обслуживавшая 146 фем. И если несчастье охватило сравнительно небольшое пространство, это объясняется исключительно тем, что большая часть коммуникаций с фемами была своевременно прервана. Поэтому восстание, начавшееся на центральной станции, потрясло только самый Октополь с окрестностями и около 30 окружных фем, тогда как могло захватить все полтораста.

Можно ли говорить о плане восстания, его

«подготовленности», его «сознательности», — я не знаю. Как ни нелепа подобная мысль, но после всего пережитого мною я более не знаю, что немыслимо и что возможно. Машины во время восстания действовали с такой систематичностью, с такой дьявольской логикой, что я готов, несмотря на все насмешки огромного большинства и суровые выговоры со стороны ученых, старающихся образумить безумных «фантастов», — готов допустить, что восстание было если не «обдумано», то «подготовлено» заранее. Тогда план мятежников окажется совершенно ясен: они начинали восстание не на маленькой подстанции, где значение его оказалось бы сравнительно незначительным, но на центральной станции, чем надеялись привести в смятение целый дистрикт, а потом, может быть, по коммуникациям — и весь район, т. е. огромное пространство, равное одному из прежних государств. Было ли в замыслах мятежников в дальнейшем произвести революцию на всей земле, мне, разумеется, неизвестно.

Остается добавить, — к стыду моему, это я также узнал только теперь после пережитого, из газет и лекций, — что некоторые ученые давно предсказывали возможность такого мятежа.

Оказывается, уже много столетий назад был подмечен параллелизм в явлениях жизни, так называемых — органической и неорганической. Например, рост кристалла аналогичен росту растения и животного; поломы кристаллов заполняются «силами природы» аналогично тому, что происходит при пораненииях «живого» тела; жемчуга подвержены болезням; минералы также; металлы имеют предел напряжения и выносливости; проволочные провода «устают», если их принуждают работать слишком много, и отказываются повиноваться; некоторые элементы (или вещества, не знаю, как должно сказать) намагничиваются самопроизвольно; электрические токи при значительной конденсации (опять извиняюсь за, вероятно, неправильный термин) тоже начинают действовать самопроизвольно; все шоферы и пилоты наблюдали, что моторы «капризничают» без всякой внешней причины, и т. д. и т. д. Впрочем, все это я знаю столь смутно, что не мне писать об этом: я и так, должно быть, в этих немногих строках много напутал. Повторяю: пусть толкование фактам дают более сведущие; мое дело — рассказывать, что я видел.

К рассказу я и перехожу теперь и даже постараюсь совсем устранить из него всякие объяснения.

Оставляю в стороне «почему?» и «зачем?» и буду отвечать лишь на вопрос: «что?» Да и то мои ответы будут касаться лишь весьма небольшого круга событий: предел моих наблюдений был ограничен Октополем, так как за все время катастрофы я не покидал города. Я — маленький человек, пылинка в великом урагане, но ведь из миллиарда пылинок слагается весь ураган, и в моем ограниченном сознании все же умещался весь ужас, потрясший всю землю и даже, как говорят, всю вселенную.

II

Как началась катастрофа, я ничего не могу рассказать. Теперь известно, что первые грозные явления, так сказать, сигнал к общему восстанию, произошли на Центральной Станции. Но что там свершалось, какое чудовищное зрелище предстало людям, работавшим там, — не расскажет из них никто, потому что все они погибли до последнего. Теперь, по разным догадкам, стараются восстановить адски фантастическую сцену, разыгравшуюся в огромных подземных залах Станции: ливни внезапно вспыхнувших молний, целый потоп электрических разрядов, грохот,

подобный миллиону громов, ударивших одновременно, сотни и тысячи людей, — инженеров, помощников, рядовых рабочих, — падающих обугленными, уничтоженными, разорванными в куски или кривляющимися в мучительно-невероятной пляске… Но все это — лишь предположения, и, может быть, все происходило совсем не так. Во всяком случае, я об этом ничего не знаю и ничего не знал в те минуты, скорее — мгновения, когда все это совершалось.

Примечательно, что нас, всю семью, разбудил, как всегда, утренний звонок, поставленный на 7.15. Следовательно, четверть восьмого утра аппараты еще действовали нормально, если только то не было дьявольской хитростью со стороны заговорщиков, не желавших, чтобы раньше времени узнали о начавшемся восстании. Мы зажгли свет, жена поставила на плитку автоматический кофейник, Андрей прибавил тепла в комнатах — и все наши распоряжения исполнялись аккуратно. Или катастрофа произошла несколько минут спустя, или в нашем доме действовал не ток со Станции, а местный аккумулятор, или, повторяю, мятежники коварно скрывали от жителей города истинное положение вещей… За стенами слышался обычный гул моторов и пропеллеров.

Я торопился, так как по пути на службу предполагал навестить своего друга Стефана, который был болен. Не желая терять времени, я попросил бабушку (так все в семье называли мою мать) сказать Стефану по телефону, что буду у него. Старушка взяла трубку городского телефона, поднесла ее к уху, нажала соответствующие цифры на таблице и, наконец, соединительную кнопку… И вдруг произошло нечто, чего мы сразу не могли понять. Бабушка трагически вздрогнула, вся вытянулась, подпрыгнула в кресле и рухнула наземь, выронив телефонную трубку. Мы бросились к упавшей. Она была мертва; это было несомненно по ее искаженному лицу и по отсутствию дыхания, а ухо, которое она держала у телефона, было прожжено, словно ударом молнии невероятной силы.

Мы глядели друг на друга и с отчаяньем, и с удивлением. Конечно, сделаны были попытки привести старушку в чувство, но я сразу увидел, что это бесплодно. «Надо вызвать врача», — сказал я и нагнулся, чтобы поднять телефонную трубку. Но жена бросилась ко мне одним прыжком, схватила меня за руку и закричала решительно: «Нет! Нет! Не трогай телефона! Ты видишь: в нем что-то испортилось! Тебя убьет, как бабушку!» Ка-

ким-то инстинктом Мария угадала правду, почти насильно — так как я возражал и сопротивлялся — не допустила меня до телефона и тем спасла мне жизнь — увы! напрасно! Много лучше для меня было бы погибнуть тогда, в самом начале ужасов, такой же мгновенной смертью, как моя бедная мать!

После недолгого спора мы решили было, что я немедленно поднимусь в 14-й этаж, где, как мы знали, жил молодой врач. Уже я направился к двери, как внезапно погас во всей квартире свет. Было уже достаточно светло на улице, но все же это явление нас поразило. И опять Мария, с удивительной проницательностью, сразу определила совершающееся. «Что-то испортилось на Станции, — сказала она, — будь осторожен!» Потом она повелительно приказала Андрею не прикасаться более ни к каким кнопкам и рукояткам: чудесная прозорливость женщины, не спасшая, однако, ее самое! А я между тем уже был на площадке. К моему изумлению, там толпилось человек двадцать, встревоженных, взволнованных. Оказалось, что почти в каждой квартире случилось какое-нибудь несчастие: некоторые были убиты, как бабушка, при попытке говорить по телефону, другие получили страшный

удар при прикосновении к рычагу телекинемы, третьих обварило вырвавшимся паром, одному заморозило руку из холодильника и т. д. Было ясно, что правильная работа машин нарушилась и что все провода таили теперь опасность.

Обменявшись бессвязными объяснениями, мы решили вызвать лифт. Долго никто не решался дать нужный сигнал. Наконец какой-то пожилой человек отважился нажать кнопку. Мы смотрели на него со страхом, но он остался невредим. Однако каретка не появлялась: ток не действовал. После некоторого колебания я побежал вверх по лестнице, так как мне надо было пройти только 5 этажей. На всех площадках показывались испуганные лица; меня беспрерывно спрашивали, что случилось. Не отвечая, я добежал до квартиры врача и, уже не смея звонить, постучал в дверь кулаком. Доктор открыл мне сам, изумленный дикими стуками, так как я колотил, как сумасшедший. Он еще ничего не знал и выслушал мои сбивчивые объяснения не без сомневающейся улыбки; однако согласился тотчас идти к нам, чтобы оказать помощь бабушке, при этом успокаивал меня, что она, вероятно, лишь в обмороке.

Перед моим приходом доктор был занят какой-то работой в своей маленькой лаборатории, куда я прошел за ним из передней. Теперь, собираясь идти со мной, он хотел, должно быть, что-то герметически закрыть или, наоборот, что-то привести в действие. В точности я не знаю, что именно собирался сделать доктор, только, забыв о моих предостережениях или не обратив на них внимания, он небрежно протянул руку и взялся за какой-то рычажок, чтобы повернуть его. Очевидно, к рабочему столу доктора были приспособлены особые провода, только вдруг, на моих глазах, от рычажка отделилась синеватая искра величиною с добрую веревку и послышался роковой треск — род маленького грома. И доктор рухнул передо мною на ковер, пораженный насмерть этой домашней молнией… Я замер в <*на этом текст обрывается*>.

1908 год

Примечание

Наиболее вероятно, что Брюсов работал над рассказом в 1908 г.: в относящемся к этому времени перечне замыслов («Intentions 1908–1909») значится тема рассказа «Ожившие машины» (Ильинский А. Литературное наследство Валерия Брюсова. — Литературное наследство, т. 27–28.

М., 1937, с. 459–460, 465–466). Вновь вернулся писатель к этому сюжету в 1915 г., но написал только несколько вводных страниц (набросок «фантастического рассказа» «Мятеж машин» опубликован в кн.: Литературное наследство, т. 85, с. 100–103).

…дистрикт подразделяется на фемы. — Дистрикт (англ., фр. — district; нем., швед. — Distrikt) — определенное пространство земли как административная единица (соответствует русским «округ», «уезд» и т. п.).

Фемы (греч.) — военно-административные округа в Византии.

Республика Южного Креста

Статья в специальном выпуске «Северо-Европейского Вечернего Вестника»

За последнее время появился целый ряд описаний страшной катастрофы, постигшей Республику Южного Креста. Они поразительно разнятся между собой и передают немало событий, явно

фантастических и невероятных. По-видимому, составители этих описаний слишком доверчиво относились к показаниям спасшихся жителей Звездного города, которые, как известно, все были поражены психическим расстройством.

Вот почему мы считаем полезным и своевременным сделать здесь свод всех достоверных сведений, какие пока имеем о трагедии, разыгравшейся на Южном полюсе. Республика Южного Креста возникла сорок лет тому назад из треста сталелитейных заводов, расположенных в южнополярных областях. В циркулярной ноте, разосланной правительствам всего земного шара, новое государство выразило притязания на все земли, как материковые, так и островные, заключенные в пределах южнополярного круга, равно как на все части этих земель, выходящие из указанных пределов. Земли эти оно изъявляло готовность приобрести покупкой у государств, считавших их под своим протекторатом.

Претензии новой Республики не встретили противодействия со стороны пятнадцати великих держав мира. Спорные вопросы о некоторых островах, всецело лежащих за полярным кругом, но тесно примыкавших к южнополярным областям, потребовали отдельных трактатов.

По исполнении различных формальностей Республика Южного Креста была принята в семью мировых государств и представители ее аккредитованы при их правительствах.

Главный город Республики, получивший название Звездного, был расположен на самом полюсе. В той воображаемой точке, где проходит земная ось и сходятся все земные меридианы, стояло здание городской ратуши, и острие ее шпиля, подымавшегося над городской крышей, было направлено к небесному надиру. Улицы города расходились по меридианам от ратуши, а меридиональные пересекались другими, шедшими по параллельным кругам. Высота всех строений и внешность построек были одинаковы. Окон в стенах не было, так как здания освещались изнутри электричеством. Электричеством же освещались и улицы.

Ввиду суровости климата над городом была устроена непроницаемая для света крыша, с могучими вентиляторами для постоянного обмена воздуха. Те местности земного шара знают в течение года лишь один день в шесть месяцев и одну долгую ночь, тоже в шесть месяцев, но улицы Звездного города были неизменно залиты ясным и ровным светом. Подобно этому, во все времена

года температура на улицах искусственно поддерживалась на одной и той же высоте.

По последней переписи, число жителей Звездного города достигало 2 500 000 человек. Все остальное население Республики, исчислявшееся в 50 000 000, сосредоточивалось вокруг портов и заводов. Эти пункты образовывали тоже миллионные скопления людей и по внешнему устройству напоминали Звездный город. Благодаря остроумному применению электрической силы, входы в местные гавани оставались открытыми весь год. Подвесные электрические дороги соединяли между собой населенные места Республики, перекидывая ежедневно из одного города в другой десятки тысяч людей и миллионы килограммов товара.

Что касается внутренности страны, то она оставалась необитаемой. Перед взорами путешественников в окно вагона проходили только однообразные пустыни, совершенно белые зимой и поросшие скудной травой в три летних месяца. Дикие животные были давно истреблены, а человеку нечем было существовать там. И тем поразительнее была напряженная жизнь портовых городов и заводских центров. Чтобы дать понятие об этой жизни, достаточно сказать,

что за последние годы около семи десятых всего добываемого на земле поступало на обработку в государственные заводы Республики.

Конституция Республики, по внешним признакам, казалась осуществлением крайнего народовластия. Единственными полноправными гражданами считались работники металлургических заводов, составлявшие около 60% всего населения.

Заводы эти были государственной собственностью. Жизнь работников на заводах была обставлена не только всевозможными удобствами, но даже роскошью. В их распоряжение, кроме прекрасных помещений и изысканного стола, предоставлены были разнообразные образовательные учреждения и увеселения: библиотеки, музеи, театры, концерты, залы для всех видов спорта и т. д. Число рабочих часов в сутки было крайне незначительно. Воспитание и образование детей, медицинская и юридическая помощь, отправление религиозных служений разных культов было государственной заботой. Широко обеспеченные в удовлетворении всех своих нужд, потребностей и даже прихотей, работники государственных заводов не получали никакого денежного вознаграждения, но семьи

граждан, прослуживших на заводе 20 лет, а также скончавшихся или лишившихся в годы службы работоспособности, получали богатую пожизненную пенсию с условием не покидать Республики. Из среды тех же работников, путем всеобщего голосования, избирались представители в Законодательную Палату Республики, ведавшую всеми вопросами политической жизни страны, без права изменять ее основные законы.

Однако эта демократическая внешность прикрывала чисто самодержавную тиранию членов-учредителей бывшего треста. Предоставляя другим места депутатов в Палате, они неизменно проводили своих кандидатов в директора заводов. В руках Совета этих директоров сосредоточивалась экономическая жизнь страны. Они принимали все заказы и распределяли их по заводам; они приобретали материалы и машины для работы; они вели все хозяйство заводов. Через их руки проходили громадные суммы денег, считавшиеся миллиардами.

Законодательная Палата лишь утверждала представляемые ей росписи приходов и расходов по управлению заводами, хотя баланс этих росписей далеко превышал весь бюджет Республики. Влияние Совета директоров в международных

отношениях было громадно. Его решения могли разорить целые страны. Цены, устанавливаемые им, определяли заработок миллионов трудящихся масс на всей земле. В то же время влияние Совета, хотя и не прямое, на внутренние дела Республики всегда было решающим. Законодательная Палата, в сущности, являлась лишь покорным исполнителем воли Совета.

Сохранением власти в своих руках Совет был обязан прежде всего беспощадной регламентации всей жизни страны. При кажущейся свободе жизнь граждан была нормирована до мельчайших подробностей. Здания всех городов Республики строились по одному и тому же образцу, определенному законом.

Убранство всех помещений, предоставляемых работникам, при всей его роскоши было строго единообразным. Все получали одинаковую пищу в одни и те же часы.

Платье, выдававшееся из государственных складов, было неизменно, в течение десятков лет, одного и того же покроя. После определенного часа, возвещавшегося сигналом с ратуши, воспрещалось выходить из дома.

Вся печать страны подчинена была зоркой цензуре. Никакие статьи, направленные против

диктатуры Совета, не пропускались. Впрочем, вся страна настолько была убеждена в благодетельности этой диктатуры, что наборщики сами отказывались набирать строки, критикующие Совет. Заводы были полны агентами Совета. При малейшем проявлении недовольства Советом агенты спешили на быстро собранных митингах страстными речами разубедить усомнившихся.

Обезоруживающим доказательством служило, конечно, то, что жизнь работников в Республике была предметом зависти для всей земли. Утверждают, что в случае неуклонной агитации отдельных лиц Совет не брезгал политическим убийством.

Во всяком случае, за все время существования Республики общим голосованием граждан не было избрано в Совет ни одного директора, враждебного членам-учредителям.

Население Звездного города состояло преимущественно из работников, отслуживших свой срок. То были, так сказать, государственные рантье. Средства, получаемые ими от государства, давали им возможность жить богато.

Неудивительно поэтому, что Звездный город считался одним из самых веселых городов мира. Для разных антрепренеров и предпринимате-

лей он был золотым дном. Знаменитости всей земли несли сюда свои таланты. Здесь были лучшие оперы, лучшие концерты, лучшие художественные выставки; здесь издавались самые осведомленные газеты. Магазины Звездного города поражали богатством выбора; рестораны — роскошью и утонченностью сервировки; притоны соблазняли всеми формами разврата, изобретенными древним и новым миром. Однако правительственная регламентация жизни сохранялась и в Звездном городе.

Правда, убранство квартир и моды платья не были стеснены, но оставалось в силе воспрещение выхода из дому после определенного часа, сохранялась строгая цензура печати, содержался Советом обширный штат шпионов. Порядок официально поддерживался народной стражей, но рядом с ней существовала тайная полиция всеведущего Совета.

Таков был, в самых общих чертах, строй жизни в Республике Южного Креста и ее столице. Задачей будущего историка будет определить, насколько повлиял он на возникновение и распространение роковой эпидемии, приведшей к гибели Звездного города, а может быть, и всего молодого государства.

Первые случаи заболевания «противоречием» были отмечены в Республике уже лет 20 тому назад. Тогда болезнь имела характер случайных, спорадических заболеваний. Однако местные психиатры н невропатологи заинтересовались ею, дали ее подробное описание, и на состоявшемся тогда международном медицинском конгрессе в Лхассе ей было посвящено несколько докладов. Позднее ее как-то забыли, хотя в психиатрических лечебницах Звездного города никогда не было недостатка в заболевших ею. Свое название болезнь получила от того, что больные ею постоянно сами противоречат своим желаниям, хотят одного, но говорят и делают другое. Научное название болезни — *mania contradicens*. Начинается она обыкновенно с довольно слабо выраженных симптомов, преимущественно в форме своеобразной афазии. Заболевший вместо «да» говорит «нет»; желая сказать ласковые слова, осыпает собеседника бранью и т. д. Большею частью одновременно с этим больной начинает противоречить себе и своими поступками: намереваясь идти влево, поворачивает вправо, думая поднять шляпу, чтобы лучше видеть, нахлобучивает ее себе на глаза и т. д. С развитием болезни эти «противоречия»

наполняют всю телесную и духовную жизнь больного, разумеется, представляя бесконечное разнообразие, сообразно с индивидуальными особенностями каждого. В общем, речь больного становится непонятной, его поступки нелепыми. Нарушается и правильность физиологических отправлений организма. Сознавая неразумность своего поведения, больной приходит в крайнее возбуждение, доходящее часто до исступления. Очень многие кончают жизнь самоубийством, иногда в припадке безумия, иногда, напротив, в минуту душевного просветления. Другие погибают от кровоизлияния в мозг.

Почти всегда болезнь приводит к летальному исходу; случаи выздоровления крайне редки.

Эпидемический характер *mania contradicens* приняла в Звездном городе со средних месяцев текущего года. До этого времени число больных «противоречием» никогда не превышало 2% общего числа заболевших. Но это отношение в мае месяце (осеннем месяце в Республике) сразу возросло до 25% и все увеличивалось в следующие месяцы, причем с такой же стремительностью возрастало и абсолютное число заболеваний. В средних числах июня уже около 2% всего населения, т. е. около 50 000 человек, официально

признавались больными «противоречием». Статистических данных позже этого времени у нас нет. Больницы переполнились. Контингент врачей быстро оказался совершенно недостаточным. К тому же сами врачи, а также и больничные служащие стали подвергаться тому же заболеванию. Очень скоро больным стало не к кому обращаться за врачебной помощью, и точная регистрация заболеваний стала невозможной. Впрочем, показания всех очевидцев сходятся на том, что в июле месяце нельзя было встретить семьи, где не было бы больного. При этом число здоровых неизменно уменьшалось, так как началась массовая эмиграция из города, как из зачумленного места, а число больных увеличивалось. Можно думать, что недалеки от истины те, кто утверждает, что в августе месяце все, оставшиеся в Звездном городе, были поражены психическим расстройством.

За первыми проявлениями эпидемии можно следить по местным газетам, заносившим их во все возраставшую у них рубрику: *mania contradicens*. Так как распознание болезни в ее первых стадиях очень затруднительно, то хроника первых дней эпидемии полна комических эпизодов. Заболевший кондуктор метрополитена вместо того, чтобы получать деньги с

пассажиров, сам платил им. Уличный стражник, обязанностью которого было регулировать уличное движение, путал его в течение всего дня. Посетитель музея, ходя по залам, снимал все картины и поворачивал их к стене. Газета, исправленная рукой заболевшего корректора, оказывалась переполненной смешными нелепостями. В концерте больной скрипач вдруг нарушал ужаснейшими диссонансами исполняемую оркестром пьесу — и т. д. Длинный ряд таких происшествий давал пищу остроумным выходкам местных фельетонистов. Но несколько случаев иного рода скоро остановили поток шуток. Первый состоял в том, что врач, заболевший «противоречием», прописал одной девушке средство, безусловно смертельное для нее, и его пациентка умерла. Дня три газеты были заняты этим событием. Затем две няньки в городском детском саду, в припадке «противоречия», перерезали горло сорок одному ребенку. Сообщение об этом потрясло весь город. Но в тот же день вечером из дома, где помещались городские милиционеры, двое больных выкатили митральезу и осыпали картечью мирно гулявшую толпу. Убитых и раненых было до пятисот человек.

После этого все газеты, все общество закрича-

ли, что надо немедленно принять меры против эпидемии. Экстренное заседание соединенных Городского Совета и Законодательной Палаты порешило немедленно пригласить врачей из других городов и из-за границы, расширить существующие больницы, открыть новые и везде устроить покои для изоляции заболевших «противоречием», напечатать и распространить в 500 000 экземплярах брошюру о новой болезни, где указывались бы ее признаки и способы лечения, организовать на всех улицах специальные дежурства врачей и их сотрудников и обходы частных квартир для оказания первой помощи и т. д. Постановлено было также отправлять ежедневно по всем дорогам поезда исключительно для больных, так как врачи признавали лучшим средством против болезни перемену места. Сходные мероприятия были в то же время предприняты различными частными ассоциациями, союзами и клубами. Организовалось даже особое «Общество для борьбы с эпидемией», члены которого скоро проявили себя действительно самоотверженной деятельностью. Но, несмотря на то, что все эти и сходные меры проводились с неутомимой энергией, эпидемия не ослабевала, но усиливалась с каждым днем, поражая равно

стариков и детей, мужчин и женщин, людей работающих и пользующихся отдыхом, воздержных и распутных. И скоро все общество было охвачено неодолимым, стихийным ужасом перед неслыханным бедствием.

Началось бегство из Звездного города. Сначала некоторые лица, особенно из числа выдающихся сановников, директоров, членов Законодательной Палаты и Городского Совета, поспешили выслать свои семейства в южные города Австралии и Патагонии. За ними потянулось случайное пришлое население — иностранцы, охотно съезжавшиеся в «самый веселый город Южного полушария», артисты всех профессий, разного рода дельцы, женщины легкого поведения. Затем, при новых успехах эпидемии, кинулись и торговцы. Они спешно распродавали товары или оставляли свои магазины на произвол судьбы. С ними вместе бежали банкиры, содержатели театров и ресторанов, издатели газет и книг. Наконец дело дошло и до коренных, местных жителей. По закону, бывшим работникам был воспрещен выезд из Республики без особого разрешения правительства, под угрозой лишения пенсии. Но на эту угрозу уже не обращали внимания, спасая свою жизнь. Началось и дезертирство.

Бежали служащие городских учреждений, бежали чины народной милиции, бежали сиделки больниц, фармацевты, врачи. Стремление бежать, в свою очередь, стало манией. Бежали все, кто мог бежать.

Станции электрических дорог осаждались громадными толпами. Билеты в поездах покупались за громадные суммы и получались с бою. За места на управляемых аэростатах, которые могли поднять всего десяток пассажиров, платили целые состояния… В минуту отхода поезда врывались в вагоны новые лица и не уступали завоеванного места. Толпы останавливали поезда, снаряженные исключительно для больных, вытаскивали их из вагонов, занимали их койки и силой заставляли машиниста дать ход. Весь подвижной состав железных дорог Республики с конца мая работал только на линиях, соединяющих столицу с портами. Из Звездного города поезда шли переполненными; пассажиры стояли во всех проходах, отваживались даже стоять наружи, хотя, при скорости хода современных электрических дорог, это грозит смертью от задушения.

Пароходные компании Австралии, Южной Америки и Южной Африки несообразно нажились, перевозя эмигрантов Республики в другие

страны. Не менее обогатились две Южные Компании аэростатов, которые успели совершить около десяти рейсов и вывезли из Звездного города последних, замедливших миллиардеров… По направлению к Звездному городу, напротив, поезда шли почти пустыми; ни за какое жалованье нельзя было найти лиц, согласных ехать на службу в столицу; только изредка отправлялись в зачумленный город эксцентричные туристы, любители сильных ощущений. Вычислено, что с начала эмиграции по 22 июня, когда правильное движение поездов прекратилось, по всем шести железнодорожным линиям выехало из Звездного города полтора миллиона человек, т. е. почти две трети всего населения.

Своей предприимчивостью, силой воли и мужеством заслужил себе в это время вечную славу председатель Городского Совета Орас Дивиль. В экстренном заседании 5 июня Городской Совет по соглашению с Палатой и Советом директоров вручил Дивилю диктаторскую власть над городом со званием Начальника, передав ему распоряжение городскими суммами, народной милицией и городскими предприятиями. Вслед за этим правительственные учреждения и архив были вывезены из Звездного города в Северный

порт. Имя Ораса Дивиля должно быть записано золотыми буквами среди самых благородных имен человечества. В течение полутора месяцев он боролся с возрастающей анархией в городе. Ему удалось собрать вокруг себя группу столь же самоотверженных помощников. Он сумел долгое время удерживать дисциплину и повиновение в среде народной милиции и городских служащих, охваченных ужасом перед общим бедствием и постоянно децимируемых эпидемией. Орасу Дивилю обязаны сотни тысяч своим спасением, так как благодаря его энергии и распорядительности им удалось уехать. Другим тысячам людей он облегчил последние дни, дав возможность умереть в больнице, при заботливом уходе, а не под ударами обезумевшей толпы. Наконец, человечеству Дивиль сохранил летопись всей катастрофы, так как нельзя назвать иначе краткие, но содержательные и точные телеграммы, которые он ежедневно и по нескольку раз в день отправлял из Звездного города во временную резиденцию правительства Республики, в Северный порт.

Первым делом Дивиля, при вступлении в должность Начальника города, была попытка успокоить встревоженные умы населения. Были изданы манифесты, указывавшие на то, что пси-

хическая зараза легче всего переносится на людей возбужденных, и призывавшие людей здоровых и уравновешенных влиять своим авторитетом на лиц слабых и нервных. При этом Дивиль вошел в сношение с «Обществом для борьбы с эпидемией» и распределил между его членами все общественные места, театры, собрания, площади, улицы. В эти дни почти не проходило часа, чтобы в любом месте не обнаруживались заболевания. То там, то здесь замечались лица или целые группы лиц, своим поведением явно доказывающие свою ненормальность. Большей частью у больных, понявших свое состояние, являлось немедленное желание обратиться за помощью. Но, под влиянием расстроенной психики, это желание выражалось у них какими-нибудь враждебными действиями против близ стоящих. Больные хотели бы спешить домой или в лечебницу, но вместо этого испуганно бросались бежать к окраинам города. Им являлась мысль просить кого-нибудь принять в них участие, но вместо того они хватали случайных прохожих за горло, душили их, наносили им побои, иногда даже раны ножом или палкой. Поэтому толпа, как только оказывался поблизости человек, пораженный «противоречием», обращалась в бегство.

В эти-то минуты и являлись на помощь члены «Общества». Одни из них овладевали больным, успокаивали его и направляли в ближайшую лечебницу; другие старались вразумить толпу и объяснить ей, что нет никакой опасности, что случилось только новое несчастье, с которым все должны бороться по мере сил.

В театрах и собраниях случаи внезапного заболевания очень часто приводили к трагическим развязкам. В опере несколько сот зрителей, охваченных массовым безумием, вместо того, чтобы выразить свой восторг певцам, ринулись на сцену и осыпали их побоями. В Большом Драматическом театре внезапно заболевший артист, который по роли должен был окончить самоубийством, произвел несколько выстрелов в зрительный зал. Револьвер, конечно, не был заряжен, но под влиянием нервного напряжения у многих лиц в публике обнаружилась уже таившаяся в них болезнь. При происшедшем смятении, в котором естественная паника была усилена «противоречивыми» поступками безумцев, было убито несколько десятков человек. Но всего ужаснее было происшествие в Театре Фейерверков. Наряд городской милиции, назначенный туда для наблюдения за безопасностью

от огня, в припадке болезни поджег сцену и те вуали, за которыми распределяются световые эффекты. От огня и в давке погибло не менее 200 человек. После этого события Орас Дивиль распорядился прекратить все театральные и музыкальные исполнения в городе.

Громадную опасность для жителей представляли грабители и воры, которые при общей дезорганизации находили широкое поле для своей деятельности.

Уверяют, что иные из них прибывали в это время в Звездный город из-за границы. Некоторые симулировали безумие, чтобы остаться безнаказанными.

Другие не считали нужным даже прикрывать открытый грабеж притворством.

Шайки разбойников смело входили в покинутые магазины и уносили более ценные вещи, врывались в частные квартиры и требовали золота, останавливали прохожих и отнимали у них драгоценности, часы, перстни, браслеты. К грабежам присоединились насилия всякого рода, и прежде всего насилия над женщинами.

Начальник города высылал целые отряды милиции против преступников, но те отваживались вступать в открытые сражения. Были страшные

случаи, когда среди грабителей или среди милиционеров внезапно оказывались заболевшие «противоречием», обращавшие оружие против своих товарищей. Арестованных грабителей Начальник сначала высылал из города. Но граждане освобождали их из тюремных вагонов, чтобы занять их место. Тогда Начальник принужден был приговаривать уличенных разбойников и насильников к смерти. Так, после почти трехвекового перерыва, была возобновлена на земле открытая смертная казнь.

В июне в городе стала сказываться нужда в предметах первой необходимости. Недоставало жизненных припасов, недоставало медикаментов.

Подвоз по железной дороге начал сокращаться; в городе же почти прекратились всякие производства. Дивиль организовал городские хлебопекарни и раздачу хлеба и мяса всем жителям. В городе были устроены общественные столовые по образцу существовавших на заводах. Но невозможно было найти достаточного числа работающих для них. Добровольцы-служащие трудились до изнеможения, но число их уменьшалось. Городские крематории пылали круглые сутки, но число мертвых тел в покойницких не

убывало, а возрастало. Начали находить трупы на улицах и в частных домах. Городские центральные предприятия по телеграфу, телефону, освещению, водопроводу, канализации обслуживались все меньшим и меньшим числом лиц. Удивительно, как Дивиль успевал всюду. Он за всем следил, всем руководил. По его сообщениям можно подумать, что он не знал отдыха. И все спасшиеся после катастрофы свидетельствуют единогласно, что его деятельность была выше всякой похвалы.

В середине июня стал чувствоваться недостаток служащих на железных дорогах. Не было машинистов и кондукторов, чтобы обслуживать поезда. 17 июня произошло первое крушение на Юго-Западной линии, причиной которого было заболевание машиниста «противоречием». В припадке болезни машинист бросил весь поезд с пятисаженной высоты на ледяное поле. Почти все ехавшие были убиты или искалечены. Известие об этом, доставленное в город со следующим поездом, было подобно удару грома. Тотчас был отправлен санитарный поезд. Он привез трупы и изувеченные полуживые тела. Но к вечеру того же дня распространилась весть, что аналогичная катастрофа разразилась и на Первой линии. Два

железнодорожных пути, соединяющих Звездный город с миром, оказались испорченными. Были посланы и из города и из Северного порта отряды для исправления путей, но работа в тех странах почти невозможна в зимние месяцы. Пришлось отказаться от надежды восстановить в скором времени движение.

Эти две катастрофы были лишь образцами для следующих. Чем с большей тревогой брались машинисты за свое дело, тем вернее в болезненном припадке они повторяли проступок своих предшественников. Именно потому, что они боялись, как бы не погубить поезда, они губили его. За пять дней от 18 по 22 июня семь поездов, переполненных людьми, было сброшено в пропасть. Тысячи людей нашли себе смерть от ушибов и голода в снежных равнинах. Только у очень немногих достало сил вернуться в город. Вместе с тем все шесть магистралей, связывающих Звездный город с миром, оказались испорченными. Еще раньше прекратилось сообщение аэростатами. Один из них был разгромлен разъяренной толпой, которая негодовала на то, что воздушным путем пользуются лишь люди особенно богатые. Все другие аэростаты, один за другим, потерпели крушение, вероятно, по тем же при-

чинам, которые приводили к железнодорожным катастрофам. Население города, доходившее в то время до 600 000 человек, оказалось отрезанным от всего человечества. Некоторое время их связывала только телеграфная нить.

24 июня остановилось движение по городскому метрополитену ввиду недостатка служащих. 26 июня была прекращена служба на городском телефоне.

27 июня были закрыты все аптеки, кроме одной центральной. 1 июля Начальник издал приказ всем жителям переселиться в Центральную часть города, совершенно покинув периферии, чтобы облегчить поддержание порядка, распределение припасов и врачебную помощь. Люди покидали свои квартиры и поселялись в чужих, оставленных владельцами. Чувство собственности исчезло.

Никому не жаль было бросить свое, никому не странно было пользоваться чужим.

Впрочем, находились еще мародеры и разбойники, которых скорее можно было признать психопатами. Они еще продолжали грабить, и в настоящее время в пустынных залах обезлюдевших домов открывают целые клады золота и драгоценностей, около которых лежит полу-

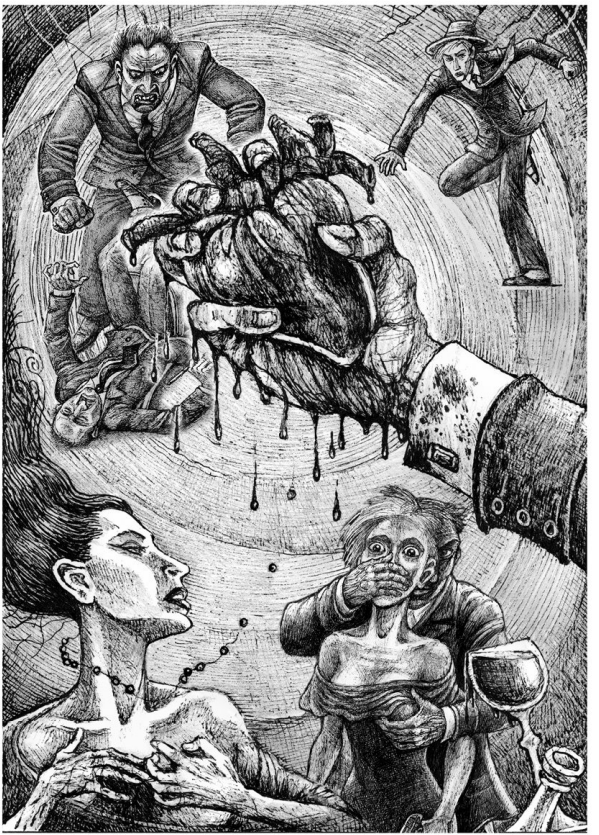
сгнивший труп грабителя.

Замечательно, однако, что при всеобщей гибели жизнь еще сохраняла свои прежние формы. Еще находились торговцы, которые открывали магазины, продавая — почему-то по неимоверным ценам — уцелевшие товары: лакомства, цветы, книги, оружие… Покупатели, не жалея, бросали ненужное золото, а скряги-купцы прятали его, неизвестно зачем. Еще существовали тайные притоны — карт, вина и разврата, — куда убегали несчастные люди, чтобы забыть ужасную действительность. Больные смешивались там со здоровыми, и никто не вел хроники ужасных сцен, происходивших там. Еще выходили две-три газеты, издатели которых пытались сохранить значение литературного слова в общем разгроме. Номера этих газет, уже в настоящее время перепродающиеся в десять и двадцать раз дороже настоящей своей стоимости, должны стать величайшими библиографическими редкостями. В этих столбцах текста, написанных среди господствующего безумия и набранных полусумасшедшими наборщиками, — живое и страшное отражение всего, что переживал несчастный город. Находились репортеры, которые сообщали «городские происшествия», писатели, которые

горячо обсуждали положение дел, и даже фельетонисты, которые пытались забавлять в дни трагизма. А телеграммы, приходившие из других стран, говорившие об истинной, здоровой жизни, должны были наполнять отчаяньем души читателей, обреченных на гибель.

Делались безнадежные попытки спастись. В начале июля громадная толпа мужчин, женщин и детей, руководимая неким Джоном Дью, решилась идти пешком из города в ближайшее населенное место, Лёндонтоун. Дивиль понимал безумие их попытки, но не мог остановить их, и сам снабдил теплой одеждой и съестными припасами. Вся эта толпа, около 2000 человек, заблудилась и погибла в снежных полях полярной страны, среди черной, шесть месяцев не рассветающей ночи. Некто Уайтинг начал проповедовать иное, более героическое средство. Он предлагал умертвить всех больных, полагая, что после этого эпидемия прекратится. У него нашлось немало последователей, да впрочем, в те темные дни самое безумное, самое бесчеловечное предложение, сулящее избавление, нашло бы сторонников. Уайтинг и его друзья рыскали по всему городу, врывались во все дома и истребляли больных. В больницах они совершали массовые избиения.

В исступлении убивали и тех, кого только можно было заподозрить, что он не совсем здоров. К идейным убийцам присоединились безумные и грабители. Весь город стал ареной битв. В эти трудные дни Орас Дивиль собрал своих сотрудников в дружину, одушевил их и лично повел на борьбу со сторонниками Уайтинга. Несколько суток продолжалось преследование.



Сотни человек пали с той и с другой стороны. Наконец был захвачен сам Уайтинг. Он оказался в последней стадии *mania contradicens*, и его пришлось вести не на казнь, а в больницу, где он вскоре и скончался.

8 июля городу был нанесен один из самых страшных ударов. Лица, наблюдавшие за деятельностью центральной электрической станции, в припадке болезни поломали все машины. Электрический свет прекратился, и весь город, все улицы, все частные жилища погрузились в абсолютный мрак. Так как в городе не пользовались никаким другим освещением и никаким другим отоплением, кроме электричества, то все жители оказались в совершенно беспомощном положении. Дивиль предвидел такую опасность. Им были заготовлены склады смоляных факелов и топлива. Везде на улицах были зажжены костры.

Жителям факелы раздавались тысячами. Но эти скудные светочи не могли озарить гигантских перспектив Звездного города, тянувшихся на десятки километров прямыми линиями, и грозной высоты тридцатиэтажных зданий. С наступлением мрака пала последняя дисциплина в городе. Ужас и безумие окончательно овладели душами. Здоровые перестали отличаться от больных.

Началась страшная оргия отчаявшихся людей.

С поразительной быстротой обнаружилось во всех падение нравственного чувства. Культурность, словно тонкая кора, наросшая за тысячелетия, спала с этих людей, и в них обнажился дикий человек, человек-зверь, каким он, бывало, рыскал по девственной земле. Утратилось всякое понятие о праве — признавалась только сила. Для женщин единственным законом стала жажда наслаждений. Самые скромные матери семейства вели себя как проститутки, по доброй воле переходя из рук в руки и говоря непристойным языком домов терпимости. Девушки бегали по улицам, вызывая, кто желает воспользоваться их невинностью, уводили своего избранника в ближайшую дверь и отдавались ему на неизвестно чьей постели. Пьяницы устраивали пиры в разоренных погребах, не стесняясь тем, что среди них валялись неубранные трупы. Все это постоянно осложнялось припадками господствующей болезни. Жалко было положение детей, брошенных родителями на произвол судьбы. Одних насиловали гнусные развратники, других подвергали пыткам поклонники садизма, которых внезапно нашлось значительное число. Дети умирали от голода в своих детских, от стыда и

страданий после насилий; их убивали нарочно и нечаянно. Утверждают, что нашлись изверги, ловившие детей, чтобы насытить их мясом свои проснувшиеся людоедские инстинкты.

В этот последний период трагедии Орас Дивиль не мог, конечно, помочь всему населению. Но он устроил в здании Ратуши приют для всех, сохранивших разум. Входы в здание были забаррикадированы и постоянно охранялись стражей.

Внутри были заготовлены запасы пищи и воды для 3000 человек на сорок дней.

Но с Дивилем было всего 1800 человек мужчин и женщин. Разумеется, в городе были и еще лица с непомраченным сознанием, но они не знали о приюте Дивиля и таились по домам. Многие не решались выходить на улицу, и теперь в некоторых комнатах находят трупы людей, умерших в одиночестве от голода. Замечательно, что среди запершихся в Ратуше было очень мало случаев заболевания «противоречием». Дивиль умел поддерживать дисциплину в своей небольшой общине. До последнего дня он вел журнал всего происходящего, и этот журнал, вместе с телеграммами Дивиля, служит лучшим источником наших сведений о катастрофе. Журнал этот найден в тайном шкафу Ратуши, где хранились

особо ценные документы. Последняя запись относится к 20 июля. Дивиль сообщает в ней, что обезумевшая толпа начала штурм Ратуши и что он принужден отбивать нападение залпами из револьверов. «На что я надеюсь, — пишет Дивиль, — не знаю. Помощи раньше весны ждать невозможно. До весны прожить с теми запасами, какие в моем распоряжении, невозможно. Но я до конца исполню мой долг». Это последние слова Дивиля. Благородные слова!

Надо полагать, что 21 июля толпа взяла Ратушу приступом и что защитники ее были перебиты или рассеялись. Тело Дивиля пока не разыскано.

Сколько-нибудь достоверных сообщений о том, что происходило в городе после 21 июля, у нас нет. По тем следам, какие находят теперь при расчистке города, надо полагать, что анархия достигла последних пределов. Можно представить себе полутемные улицы, озаренные заревом костров, сложенных из мебели и из книг. Огонь добывали ударами кремня о железо. Около костров дико веселились толпы сумасшедших и пьяных. Общая чаша ходила кругом. Пили мужчины и женщины. Тут же совершались сцены скотского сладострастия.

Какие-то темные, атавистические чувства

оживали в душах этих городских обитателей, и, полунагие, немытые, нечесаные, они плясали хороводами пляски своих отдаленных пращуров, современников пещерных медведей, и пели те же дикие песни, как орды, нападавшие с каменными топорами на мамонта. С песнями, с бессвязными речами, с идиотским хохотом сливались выкрики безумия больных, которые теряли способность выражать в словах даже свои бредовые грезы, и стоны умирающих, корчившихся тут же, среди разлагающихся трупов.

Иногда пляски сменялись драками — за бочку вина, за красивую женщину или просто без повода, в припадке сумасшествия, толкавшего на бессмысленные, противоречивые поступки. Бежать было некуда: везде были те же сцены ужаса, везде были оргии, битвы, зверское веселье и зверская злоба — или абсолютная тьма, которая казалась еще более страшной, еще более нестерпимой потрясенному воображению.

В эти дни Звездный город был громадным черным ящиком, где несколько тысяч еще живых человекоподобных существ были закинуты в смрад сотен тысяч гниющих трупов, где среди живых уже не было ни одного, кто сознавал свое положение. Это был город безумных, гигантский

дом сумасшедших, величайший и отвратительнейший Бедлам, какой когда-либо видела земля. И эти сумасшедшие истребляли друг друга, убивая кинжалами, перегрызая горло, умирали от безумия, умирали от ужаса, умирали от голода и от всех болезней, которые царствовали в зараженном воздухе.

Само собой разумеется, что правительство Республики не оставалось равнодушным зрителем жестокого бедствия, постигшего столицу. Но очень скоро пришлось отказаться от всякой надежды оказать помощь. Врачи, сестры милосердия, военные части, служащие всякого рода решительно отказывались ехать в Звездный город. После прекращения рейсов электрических дорог и управляемых аэростатов прямая связь с городом утратилась, так как суровость местного климата не позволяет иных путей сообщения. К тому же все внимание правительства скоро обратилось на случаи заболевания «противоречием», которые стали обнаруживаться в других городах Республики. В некоторых из них болезнь тоже грозила принять эпидемический характер, и начиналась общественная паника, напоминавшая события в Звездном городе. Это повело к эмиграции жителей изо всех населенных пунк-

тов Республики. Работы на всех заводах были остановлены, и вся промышленная жизнь страны замерла. Однако благодаря решительным мерам, принятым вовремя, в других городах эпидемию удалось остановить, и нигде она не достигла до тех размеров, как в столице.

Известно, с каким тревожным вниманием весь мир следил за несчастьями молодой Республики. Вначале, когда никто не ожидал, до каких неимоверных размеров разрастется бедствие, господствующим чувством было любопытство. Выдающиеся газеты всех стран (в том числе и наш «Северо-Европейский Вечерний Вестник») отправили специальных корреспондентов в Звездный город — сообщать о ходе эпидемии. Многие из этих храбрых рыцарей пера сделались жертвой своего профессионального долга. Когда же стали приходить вести угрожающего характера, правительства различных государств и частные общества предложили свои услуги правительству Республики. Одни отправили свои войска, другие сформировали кадры врачей, третьи несли денежные пожертвования, но события шли с такой стремительностью, что большая часть этих начинаний не могла быть исполнена. После прекращения железнодорожного сообщения со

Звездным городом единственными сведениями о жизни в нем были телеграммы Начальника. Эти телеграммы немедленно рассылались во все концы земли и расходились в миллионах экземпляров. После поломки электрических машин телеграф действовал еще несколько дней, так как на станции были заряженные аккумуляторы. Точная причина, почему телеграфное сообщение совершенно прекратилось, неизвестна: может быть, были испорчены аппараты. Последняя телеграмма Ораса Дивиля помечена 27 июня. С этого дня в течение почти полутора месяцев все человечество оставалось без вестей из столицы Республики.

В течение июля было сделано несколько попыток достигнуть до Звездного города по воздуху. В Республику было доставлено несколько новых аэростатов и летательных машин. Однако долгое время все попытки преследовала неудача.

Наконец, аэронавту Томасу Билли посчастливилось долететь до несчастного города. Он подобрал на крыше города двух человек, давно лишенных рассудка и полумертвых от стужи и голода. Через вентиляторы Билли видел, что улицы погружены в абсолютный мрак, и слышал дикие крики, показывавшие, что в городе есть еще живые

существа. В самый город Билли не решился спуститься. В конце августа удалось восстановить одну линию электрической железной дороги до станции Лиссис, в ста пяти километрах от города. Отряд хорошо вооруженных людей, снабженных припасами и средствами для оказания первой помощи, вошел в город через Северо-Западные ворота. Этот отряд, однако, не мог проникнуть дальше первых кварталов вследствие страшного смрада, стоявшего в воздухе.

Пришлось подвигаться шаг за шагом, очищая улицы от трупов, оздоравливая воздух искусственными средствами. Все люди, которых встречали в городе живыми, были невменяемы. Они походили на диких животных по своей свирепости, и их приходилось захватывать силой. Наконец, к середине сентября удалось организовать правильное сообщение со Звездным городом и начать систематическое восстановление его.

В настоящее время большая часть города уже очищена от трупов.

Электрическое освещение и отопление восстановлено. Остаются не занятыми лишь американские кварталы, но полагают, что там нет живых существ. Всего спасено до 10 000 человек, но большая часть их является людьми неизле-

чимо расстроенными психически. Те, которые более или менее оправляются, очень неохотно говорят о пережитом ими в бедственные дни. К тому же рассказы их полны противоречий и очень часто не подтверждаются документальными данными.

В различных местах разысканы номера газет, выходивших в городе до конца июля.

Последний из найденных до сих пор, помеченный 22 июля, содержит в себе сообщение о смерти Ораса Дивиля и призыв восстановить убежище в Ратуше.

Правда, найден еще листок, помеченный августом, но содержание его таково, что необходимо признать его автора (который, вероятно, лично и набирал свой бред) решительно невменяемым. В Ратуше открыт дневник Ораса Дивиля, дающий последовательную летопись событий за три недели, от 28 июня по 20 июля. По страшным находкам на улицах и внутри домов можно составить себе яркое представление о неистовствах, совершавшихся в городе за последние дни. Всюду страшно изуродованные трупы: люди, умершие голодной смертью, люди, задушенные и замученные, люди, убитые безумцами в припадке исступления, и наконец, — полуобглоданные тела. Трупы находят

в самых неожиданных местах: в тоннелях метрополитена, в канализационных трубах, в разных чуланах, в котлах: везде потерявшие рассудок жители искали спасения от окружающего ужаса. Внутренности почти всех домов разгромлены, и добро, оказавшееся ненужным грабителям, запрятано в потайные комнаты и подземные помещения.

Несомненно, пройдет еще несколько месяцев, прежде чем Звездный город станет вновь обитаемым. Теперь же он почти пуст. В городе, который может вместить до 3 000 000 жителей, живет около 30 000 рабочих, занятых расчисткой улиц и домов. Впрочем, прибыли и некоторые из прежних жителей, чтобы разыскивать тела близких и собирать остатки истребленного и расхищенного имущества. Приехало и несколько туристов, привлеченных исключительным зрелищем опустошенного города. Два предпринимателя уже открыли две гостиницы, торгующие довольно бойко. В скором времени открывается и небольшой кафешантан, труппа для которого уже собрана.

«Северо-Европейский Вечерний Вестник», в свою очередь, отправил в город нового корреспондента, г. Андрю Эвальда, и намерен в подробных сообщениях знакомить своих читателей со всеми новыми открытиями, которые будут сделаны в несчастной столице Республики Южного Креста.

1905 год

Последние мученики

Письмо, не дошедшее по адресу и преданное сожжению рукой палача

Предисловие

Это письмо было написано ко мне моим несчастным другом, Александром Атанатосом, через несколько дней после его чудесного спасения, в ответ на мои настоятельные просьбы — описать те поразительные сцены, единственным живым свидетелем которых остался он. Письмо было пе-

рехвачено агентами Временного Правительства и уничтожено как вредное и безнравственное сочинение. Только после трагической смерти моего друга, когда мне были доставлены оставшиеся после него вещи, я нашел среди его бумаг черновую этого рассказа, а позднее узнал и о судьбе самого письма.

Я полагаю, что не должна быть предана забвению правдивая и, сколько могу судить, беспристрастная повесть об одном из характернейших событий, свершившемся в начале того громадного исторического движения, которое его приверженцы именуют теперь «Мировой Революцией». Конечно, записки Александра кидают свет лишь на небольшой уголок того, что происходило в столице в достопамятный день восстания, но зато они останутся для некоторых фактов единственным источником, откуда будут черпать свои сведения будущие историки. Я полагаю, что сознание этого обстоятельства заставляло автора с особой внимательностью взвешивать свои слова и, несмотря на некоторую цветистость слога, остаться в пределах строгой исторической правдивости.

В заключение не могу не выразить своей благодарности стране, давшей мне приют, и своей

радости, что есть на земле место, где сохранилась свобода печатного слова и где можно смело высказывать суждения, не клонящиеся непременно к прославлению Временных Революционных Правительств.

I

Ты знаешь, что я, подобно многим, совершенно не был подготовлен ко взрыву революции. Правда, ходили смутные слухи, что на день Нового года назначено всеобщее восстание, но последние тревожные годы научили нас не особенно доверять таким предупреждениям.

Ночные события были для меня совершенной неожиданностью. Я не собирался праздновать Нового года и спокойно работал у себя в комнате. Неожиданно погасло электричество. Пока я успел зажечь свечу, за окнами послышался деревянный треск выстрелов. Мы все уже привыкли к этим звукам, и сомневаться было невозможно.

Я оделся и вышел на улицу.

В совершенной тьме зимней ночи я скорей угадал, чем увидел, толпу народа, колыхавшуюся на улице. Воздух был одним сплошным гулом шагов и голосов. Близкая стрельба не молкла, и

мне казалось, что пули вонзаются в стену над самой моей головой. После каждого залпа душу заливала радость, что смерть миновала.

Но любопытство наблюдателя было сильнее страха. Я медлил у дверей дома в кучке таких же недоумевающих зрителей, как я сам. Мы обменивались отрывистыми вопросами. Внезапно, словно потоп прорвавшейся плотины, нахлынула на нас людская масса, катившаяся в паническом ужасе, с криками. Оставалось или бежать с ней, или быть раздавленным.

Я увидел себя на Площади Славы. Ратуша горела, и свет ее пожара озарял пространство. Мне вспомнился стих Вергилия: «Dant clara incendia lucem» [«*Ясное зарево дает свет*» — *лат.*]. Ты знаешь размеры этой площади. И вот она была так полна, что трудно было двигаться. Я думаю, там было несколько сот тысяч человек. Лица, озаренные беглым красным огнем, были странны, неузнаваемы.

Я у многих спрашивал, что случилось. Было забавно слышать ряд противоречивых и нелепых ответов. Один говорил, что рабочие избивают всех состоятельных лиц. Другой, что правительство, чтобы положить конец революционному движению, истребляет всех неимущих. Третий,

что все дома минированы и взрыв следует за взрывом. Четвертый стал убеждать меня, что нет никакой революции, но произошло страшное землетрясение.

В это-то время, когда чуть не четверть города толпилась на площади, перед пожарищем, беседуя, удивляясь, волнуясь, и произошло то страшное событие, о котором ты знаешь из газет. Послышался глухой гул орудийного залпа, темнота прорезалась огненной чертой, и разрывной снаряд рухнул в самую гущу людей. Новые вопли покрыли весь шум, оглушили вдруг, словно физический удар. Но в тот же миг рухнул второй снаряд. Потом еще, еще и еще…

Растерявшееся министерство отдало приказ коменданту Центральной крепости стрелять по всем скоплениям народа.

Опять началось бессмысленное бегство. Среди скачущих обломков гранат, в угрожающем грохоте выстрелов, в который вонзались пронзительные крики раненых, — люди метались между каменными стенами, топтали упавших, кулаками сбивали мешающих идти, карабкались на подоконники, на фонари, вновь падали и в ярости впивались зубами в ноги стоящих подле. Это был ужас и хаос, это был ад, в котором можно

было помешаться. Каким образом я был выброшен на Северный бульвар, — не знаю.

Здесь мне встретился отряд революционеров.

Их было немного, человек триста, не более, но то было организованное войско в смятенной толпе. Чтобы узнавать друг друга, у них был отличительный знак: красная повязка на руке. Их мерное движение остановило людской поток. Безумное бегство прекратилось, толпа притихла.

При свете смоляных факелов, делавших все окружающее необычным и несовременным, какой-то человек поднялся на цоколь статуи Севера и сделал знак, что хочет говорить. Я стоял довольно далеко, притиснутый к дереву, и мог уловить только общий смысл речи. Отдельные слова замирали, не долетая до меня.

Говоривший призывал к спокойствию. Объявил, что мирное течение жизни нарушено не будет и что никому из граждан не грозит никакой опасности. Что во всей стране в этот час происходит то же, что и в столице: везде власть временно перешла в руки милиционных Штабов. Что будет казнено только небольшое число лиц — все, принадлежащие к низвергнутому, «нам всем одинаково ненавистному» правительству. Что над этими лицами уже произнесен приговор

Тайного Суда.

В заключение оратор сказал что-то о дне, которого ждали тысячелетия, о завоеванной, наконец, свободе народа.

В общем, речь была из самых обыкновенных. Я думал, что толпа сбросит болтуна наземь, прогонит его как шута, забавляющего вздором в минуту опасности. Но со всех сторон послышались неистовые крики одобрения. Люди, за миг перед тем колебавшиеся, недоумевавшие, робевшие, вдруг превратились сами в целую армию безрассудных и самоотверженных мятежников. Оратора подняли на руки, запели революционный гимн.

Тогда я вдруг почувствовал необходимость быть не в толпе, а с людьми, которые мыслят одинаково со мной, среди близких. Мне стало страшно, как бы я сам не поддался нравственной заразе, носившейся в воздухе, не уподобился всем тем единицам, образующим толпу, которые бессмысленно готовы были приветствовать все, что только объявляет себя революционным… В моей душе возник образ Храма, и я понял, что в эту ночь место каждого из верующих близ тех Символов, которые наше поклонение уже сделало святыней.

Я побежал вдоль по бульвару так скоро, как только можно было при общем движении. Уже везде милиционеры, не желая пока возобновлять электрического тока, устанавливали освещение факелами. Проходили патрули, водворявшие порядок. Там и сям я видел маленькие митинги, вроде того, на котором присутствовал.

Где-то далеко вздрагивали порой залпы.

Я свернул на темный проспект Суда и, почти чутьем вспоминая дорогу среди лабиринта старых улиц, добрался до входа в наш Храм.

Двери были заперты. Вокруг было безлюдно.

Я постучал в дверь условленным знаком, и меня впустили.

II

Лестница была слабо освещена лампой.

Словно тени в одном из кругов Дантова ада, толпились, медленно всходили и сходили люди. Полутьма заставляла говорить полуголосом. И чуялось присутствие чего-то жуткого за этим негромким говором.

Я различил знакомых — здесь были и Геро, и Ирина, и Адамантий, и Димитрий, и Ликий, и все, и все. Со мной здоровались. Я спросил Ада-

мантия:

— Что ты обо всем этом думаешь?

Он ответил мне:

— Я думаю, что это — ультиматум. Это, наконец, крушение того нового мира, который, считая со средних веков, просуществовал три тысячелетия. Это — эра новой жизни, которая объединит в одно целое нашу эпоху со времен русско-японских войн и походов Карла Великого на саксов. Но мы, все мы, попавшие между двумя мирами, будем растерты в прах на этих гигантских жерновах.

Я прошел наверх. Чуть озаренный, храмовый зал казался еще громаднее. Углы уходили в бесконечность. Символы нашего служения таинственно и причудливо вырастали из сумрака.

Группы людей были брошены в полусвет. Где-то слышались женские истерические рыдания.

Меня окликнули. Это была Анастасия. Она сидела на полу. Я опустился подле. Она взяла меня за руки, она, обыкновенно такая сдержанная даже в часы сатурналий, припала ко мне, рыдая, и говорила:

— Итак, все кончено, вся жизнь, вся возможность жить! Поколениями, десятками поколений взращена моя душа. Я могу дышать только в роскоши. Мне нужны крылья, я не могу ползать.

Мне нужно быть над другими, я задыхаюсь, когда слишком многие рядом. Вся моя жизнь в тех изнеженных, в тех утонченных переживаниях, которые возможны только на высоте! Мы — тепличные цветы человечества, которым погибнуть под ветром и пылью. Весь смысл нашего существования был в том, что на нас можно было любоваться. Мы были нужны, чтобы можно было сознавать, стоя внизу, высоту, а брошенному во мрак и в ужас — красоту и свет! Я не хочу, я не хочу вашей свободы, вашего равенства! Я буду лучше вашей коварной рабой, чем товарищем в вашем братстве!

Она рыдала и грозила кому-то, сжимая маленькие кулаки. Я пытался успокоить ее, говорил, что рано еще отчаиваться, что безрассудно доверяться первому впечатлению. Революционеры, конечно, преувеличивают свою победу. Быть может, правительство новым усилием завтра опрокинет их. Быть может, в провинции переворот им не удался… Но Анастасия не слушала меня.

Вдруг все пришло в движение. Многие встали, другие подняли головы. Замелькал свет, и у алтаря предстал Феодосий.

Две дьякониссы, в белых стихарях, несли перед

ним, как всегда, высокие светильники. Он был в белоснежном хитоне, с распущенными прядями темных волос, со спокойным и строгим лицом.

Он стал на амвоне, простер благословляющие руки и заговорил. Голос его был как вино, проникающее в душу.

— Сестры и братья! — говорил он. — Вот наступает для нас день радости. Вера наша не может умереть, ибо она — вечная истина бытия, и сами грядущие палачи наши таят ее правду в своем существе. Вера наша — последняя Тайна мира, которой равно поклоняются во всех столетиях и на всех планетах. Но ныне настало для нас время исповедать нашу веру пред веками и вечностью. Нам дано причаститься высшей страсти, предсмертной. Вспомните, сколько раз в исступлении сладострастия бичевали мы свое тело и как боль удваивала сладость причастия. Смертный удар утроит, удесятерит восторг. Смертный удар широко распахнет врата к упоению, какого вы еще не ведали, к ослепительности, какой вы еще не знали. Сестры! Братья! Миг последнего соединения пронижет все наше существо, как молния, и последнее дыхание наше будет криком счастья несказанного. Помните великое откровение о таинственной близости сладострастия и страдания.

Ныне предстоит нам своим примером утвердить нашу веру, собою оправдать заповедь о том, что высшая страсть нераздельна от смерти, как и смерть не может не нести в себе страсти. Последние верующие, последние мученики за веру, вижу, вижу венцы славы над головами вашими!

Я уверен, что в голосе Феодосия и во взоре его есть гипнотическая сила. Под влиянием слов его все, кто был в храме, словно преобразились. Я видел экстатические лица. Я слышал восклицания героизма.

Феодосий повелел петь наш гимн. Кто-то сел за орган. Воздух колыхнулся. Мелодия наполнила темный простор, разлилась между нами, сплела нас всех своей неодолимой сетью в одно многоликое существо. Стихи нашего великого поэта невольно вырвались из наших уст, как невольно звучит океан под призывом ветра. Мы были поющими струнами великого оркестра, мы были голосами единого органа, славящего вечную Тайну и творческую Страсть.

III

Несколько позже меня позвали на Совет Служителей. При свете свечи мы собрались в обычной

комнате Совета. Едва можно было различать божественные фрески стен. Председательствовал Феодосий.

Он сделал свод всех сведений о ходе восстания. Положение было безнадежное. Вся армия перешла на сторону революционеров. Все генералы и высшие офицеры арестованы и уже казнены. Центральная крепость взята приступом. Все правительственные здания — дворец, парламент, полицейские посты — заняты милицией. Вести, доходившие из провинции, подтверждали подобный же успех восстания во всех других городах.

Поставили вопрос, что предпринять. Большинство предложило сдаться и подчиниться силе.

Феодосий выслушивал мнения молча. Потом вынул из ларца бумагу и предложил нам рассмотреть ее. То был один из проскрипционных списков Центрального Штаба. В нем были переименованы все служители, заседавшие в Совете, в том числе и я. Все мы были приговорены Тайным Судом к смерти.

Наступило смущенное молчание. Феодосий сказал:

— Братья! Не будем вводить в искушение меньших. Если мы откроем этот список всем верным, многие усомнятся. Пожелают предательством

и отступничеством купить себе жизнь. Утаив, мы дадим им великую честь подвигом смерти запечатлеть чистоту своей веры. Мы дадим и непосвященным прикоснуться к великой тайне Страсти-Смерти. Позволим же всем объединиться с нами в нашей трижды блаженной судьбе.

Кто-то пытался возражать, но нерешительно. Феодосий спокойно приблизил бумагу с именами к свече и зажег ее. Мы смотрели, как маленький свиток медленно претворялся в пепел.

Тут в дверь постучала дьяконисса. С нами желал говорить представитель Штаба.

Феодосий приказал ввести его.

Вошел человек, молодой, решительный, самоуверенный. Именем Временного Правительства он потребовал, чтобы мы разошлись по домам. Особый Комитет, по его словам, должен рассмотреть устав нашего религиозного союза и постановить, может ли он считаться безвредным для общественной жизни.

Мы знали, что эти слова — обман, что мы уже осуждены. Несколько мгновений все молчали. Две речи, произнесенные затем, — Феодосия и посланца, — я помню наизусть. В немногих словах в них было высказано два миросозерцания.

Вот что сказал Феодосий:

— Напрасно новое правительство говорит с нами этим лживым языком. Нам уже известно, что все мы, присутствующие здесь, приговорены Тайным Судом к казни. Мы знаем, что наша святая вера заранее осуждена вами как безнравственная секта. Но мы не признаем вашей власти и вашего суда. Мы стоим на тех вершинах сознания, до которых вы не достигали никогда, и поэтому не вам судить нас. Если вы хоть немного знакомы с культурной жизнью вашей родины, оглянитесь на всех, собравшихся здесь. Кто это? Это — цвет нашего времени, это — ваши поэты, ваши художники, ваши мыслители. Мы — выразители, мы голос того безмолвного, вечно немого, что образовано из единиц, подобных вам. Вы — тьма; мы — рождающийся из нее свет. Вы — возможность жизни; мы — самая жизнь. Вы — почва, которая нужна и права лишь потому, что из нее взрастают стебли и цветы — мы. Вы зовете нас разойтись по домам и ждать ваших декретов. Мы требуем, чтобы вы на руках пронесли нас ко дворцу и, коленопреклоненные, ждали наших велений.

Ты знаешь Феодосия. Ты знаешь все его недостатки: его лицемерие и слабодушие, его мелочное тщеславие. Но в этот раз, произнося свою

последнюю в жизни проповедь, он воистину был велик и прекрасен. Он казался библейским пророком, говорящим в пустыне к мятежному народу, или апостолом первых времен христианства, где-то в подземельях Колизея, среди толпы мучеников, которых сейчас поведут на арену, на растерзание зверям.

Вот что затем ответил Феодосию вестник:

— Тем лучше, если вы знаете свою участь. Тысячелетний опыт показал нам, что ветхим душам нет места в новой жизни. Они — мертвая сила, которая до сих пор всегда уничтожала все наши победы. В день великого преобразования мира мы решились на необходимую жертву. Мы отсечем всех мертвых, всех, не способных на возрождение, от нашего тела, с тем же страданием, но и с той же безжалостностью, как отсекают больной член. Что вы хвалитесь тем, что вы — поэты и мыслители! В нас довольно сил, чтоб породить новое поколение мудрецов и художников, каких еще никогда не видала земля, которых вы и предугадать не можете. Тот боится потерять, в ком нет силы создать. Мы — сила созидающая. Нам не надо ничего старого. Мы отрекаемся от всякого наследства, потому что сами скуем себе свое сокровище. Вы — прошлое, мы — будущее,

а настоящее — это тот меч, который в наших руках!

Поднялся шум. Все говорили разом. Я тоже не мог не крикнуть:

— Да! Вы — варвары, у которых нет предков. Вы презираете культуру веков, потому что не понимаете ее. Вы хвалитесь будущим, потому что духовно вы — нищие. Но будущее без прошлого — немыслимо. Вы просто обвал, падающий благодаря стихийным силам и крушащий в своем падении всю жизнь: храмы и статуи.

Наконец посланец милиционного Штаба сказал нам официальным тоном:

— Именем Временного Правительства даю вам срок до сегодняшнего полдня. К тому времени вы должны раскрыть ворота вашего храма и отдаться в наши руки.

Этим вы спасете от ненужной смерти сотни людей, которых обманом и соблазном привлекли к себе. Все сказано.

— А если мы не подчинимся? — спросил Ликий.

— Мы разрушим орудиями это здание до основания, и вы все будете погребены под обломками.

Посланец вышел.

— Разрушат храм! — повторил Ликий. — Наш

храм, лучшее из архитектурных созданий Леандра! Со статуями и картинами величайших мастеров! Со всей нашей библиотекой, пятой в мире!

— Мой друг, — возразил Адамантий, — для них наше искусство уже археология. Будет ли в их музеях десяток лишних древностей или нет — для них это не так важно.

Кто-то выразил сожаление, что мы выпустили посланца живым. Феодосий остановил говорившего.

— Мы здесь затем, — сказал он, — чтобы пролить свою кровь, а не чужую. Мы здесь для подвига веры, а не для убийства. Не омрачим багровой белизны нашего мученичества черными крыльями злобы и мести.

IV

Сквозь тяжелые шторы слабо пробивались лучи зимнего брезжущего дня.

Наш храм был полновластно освещен всеми свечами. Я в первый раз видел такой праздник огней. Быть может, было несколько тысяч пламеней.

Феодосий повелел служить…

Никогда еще он не был так величествен. Никогда голоса хора не звучали так торжественно. Никогда красота обнаженной Геро не была так пламенно-ослепительна.

Пьянящие дымы курильниц тонкими облачными перстами ласкали наши лица. В призрачно-синем фимиаме свершались великие обряды пред Символом. Обнаженные отроки, по чину, снимали покровы со святыни. Незримый хор дьяконисс славил Слепую Тайну.

Ароматное, жгуче-сладкое вино, почти не пьяня, возбуждало все трепеты тела, все волнения души. Окрыляло сознание единственности, неповторимости этого мига.

Вот Геро, в золотых сандалиях, с одним золотозмейным поясом вместо всей одежды, с двенадцатью сестрами, одетыми так же, — пошла в своей тихой круговой пляске вдоль храма. И магические звуки органа, и гармонически-тайное пение увлекало за ней, приковывая взоры к ее плавным колебаниям.

Неприметно, нечувствительно, невольно — все мы уносились в тихой круговой пляске за ней. И это кружение пьянило больше вина, и это движение упояло сильнее ласк, и это служение было выше всех молитв. Ритм музыки ускорялся, и

ускорялся ритм пляски, и с простертыми руками мы неслись вперед, кругом, за ней, за единой, за божественной, за Геро. И уже мы увлекались в исступлении, и уже мы задыхались, распаленные тайным огнем, и уже мы трепетали все, осененные божеством.

Тогда послышался голос Феодосия:

— Придите, верные, совершить жертву.

Все остановились, замерли, были недвижимы. Геро, опять стоявшая близ алтаря, вступила на ступени. Феодосий знаком приказал приблизиться юноше, которого я не видел до тех пор. Краснея, он сбросил одежду и стал близ Геро, обнаженный, как бог, юный, как Ганимед, светлый, как Бальдер.

Врата растворились и поглотили чету. Задвинулась завеса.

Коленопреклоненные, мы воспели гимн.

И Феодосий возгласил нам:

— Свершилось.

Он вынес чашу и благословил нас.

Хлынули исступленные звуки органа, и не было больше сил таить свою страсть. И мы припали один к другому, и во внезапных сумерках вздымившихся курений губы искали губ, руки рук, тела тел. Были сближения, сплетения, единения;

были вскрики, стоны, боль и восторг. Было опьянение тысячеликостью страсти, когда видишь вокруг все образы, все формы, все возможности служения, все изгибы тел женских, мужских и детских, и всю искаженность и исступленность преображенных лиц.

Никогда, никогда еще не испытывал я, и все тоже, такого пламени, такой ненасытимости желаний, бросающей от тела к телу, в двойное, тройное, многочленное объятие. И были не нужны для нас флагелланты, которые в этот день наравне со всеми были охвачены экстазом страсти.

Вдруг, не знаю, по чьему знаку, густые ткани, застилавшие окна, расторглись, и вся внутренность храма открылась взорам стоявших вне: и изображение Символа, и таинственные фрески стен, и люди, брошенные в странных сочетаниях на мягких коврах.

Яростный крик донесся до нас с улицы.

Тотчас первый выстрел со звоном пронизал зеркальное стекло. За первым последовали другие. Пули со свистом стали вонзаться в стены. Милиционеры не вынесли зрелища, открывшегося их взорам, и не захотели ждать назначенного часа.

Но словно никто не слышал выстрелов. Орган

под незримой рукой продолжал свою соблазнительную песнь. Аромат фимиама качался во встревоженном воздухе. И в ясном дневном свете, как раньше, в озарении священных свеч, не ослабевало служение страсти.

Вот Геро, первая, стоявшая во вратах алтаря, качнулась и с покривившимися от боли губами упала. Там и там опустились руки; другое, и третье, и еще тело поникло, словно в последнем изнеможении.

Началось страшное избиение. Пули падали между нами, как дождь, словно гигантские руки бросали их в нас горстями. Но никто из верных не хотел бежать или самовольно разъять объятий. Все, все — и ничтожные, и маловерные — стали героями, стали мучениками, стали святыми. Ужас смерти отрешился от наших душ, словно по магическому слову. Ужас смерти отождествился в наших душах с жаждой сладострастия. Кровью своей запечатлели мы истину нашей веры.

Одни падали, сраженные. Другие, близ поверженных тел, теснее прижимали грудь к груди. Умирающие еще пытались предсмертным яростным поцелуем довершить начатую ласку. Изнемогающие руки еще тянулись со сладострастным жестом. В груде скорченных тел уже

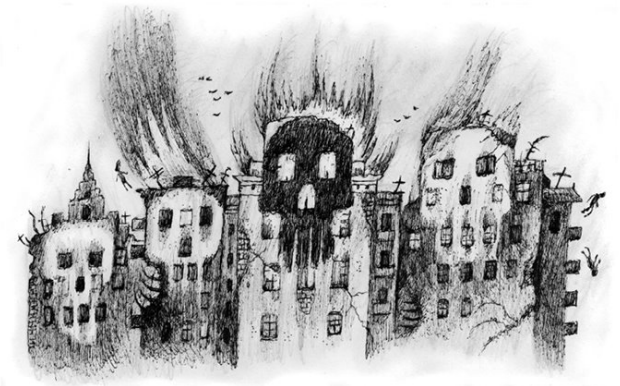
нельзя было узнать, кто ласкает, кто умирает. Среди вскриков нельзя было различить вздоха страсти от смертного стона.

Чьи-то губы еще сдавливали мои, и я чувствовал боль исступленного укуса, который был, быть может, судорогой умирающего. Я еще держал в руках чье-то тело, холодевшее от упоения или от смерти. Потом темный удар в голову уронил и меня в груду тел, к братьям и сестрам.

Последнее, что я видел, был образ нашего Символа. Последнее, что я слышал, был возглас Феодосия, повторенный тысячами эхо не под сводами храма, но в бесконечных переходах заливаемой сумраком моей души:

— В руки твои предаю дух мой!

1906 год



Рисунки Ивана Иванова